ЕГО ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ

Господину Военному Министру

ГЕНЕРАЛЪ-АДЪЮТАНТУ

Петру Семеновичу

Ванновскому

съ глубочайшимъ почтеніемъ посвящаютъ

издатели

Ив. Кушнеревъ, А. Пироговъ.

Москва, 1891 года.

РУССКАЯ

ВОЕННАЯ СИЛА.

Исторія развитія военнаго дѣла отъ начала Руси до нашего времени. Съ рисунками одеждъ и вооруженія, картами, планами сраженій и укрѣпленій.

Съ портретомъ Г-на Военнаго Министра.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

Его Высокопревосходительству, Господину Военному Министру, Генералъ-Адъютанту, Генералу отъ Инфантеріи

Петру Семеновичу Ванновскому.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

И. Н. Кушнерева и А. Е. Пирогова,

справленное и дополненное подъ редакціей Члена Военно-ученаго комитета Главнаго Штаба Генеральнаго Штаба Генералъ-Маіора

А. Н. Петрова.

ТОМЪ I.

МОСКВА.

Типо-литографія Высочайше утвержденнаго Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°,
Пименовская ул., собств. домъ.

1892.

Изданіе „Русская Военная Сила", имѣетъ одобренія и рекомендаціи ученыхъ комитетовъ:

1) при Св. Синодѣ. (Увѣдомленіе комитета отъ 12 мая 1889 г., за № 413).

2) при Главномъ Управленіи военно-учебныхъ заведеній. (Циркуляръ 20 октября 1888 г., № 53).

3) при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія. (Журналъ Министерства № 1 января 1889 г.).

4) при Морскомъ Министерствѣ. (Указатель Правительственныхъ распоряженій по Морскому вѣдомству декабрь 1888 г. № 49).

5) при Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи. (Журналъ Ученаго Комитета, состоящаго при Канцеляріи (5 апрѣля 1889 г. № 5780).

Оглавленіе I-го тома.

Русь Великокняжеская и Царская.

I.

Великокняжеская Русь.

1. Стремленіе къ основанію Руси, отъ ея начала до смерти Ярослава I, съ 862 по 1054 г.

Стр.

ГЛАВА I. **Происхожденіе русскихъ.** Историческое начало появленія славянъ въ Европѣ.—Восточные славяне.—Ихъ образъ жизни, гражданскій и военный бытъ: управленіе родовое и значеніе вѣча.—Составленіе ополченій, характеръ боя и его особенности.—Вооруженіе.—Внѣшній видъ воина.—Выносливость и мужество на войнѣ.—Сосѣднія славянамъ племена—финны, ливы, пруссы и пришельцы изъ Азіи: гунны, авары, казары (хазары), печенѣги, половцы.—Принадлежность болгаръ къ славянскому племени . . . 1

ГЛАВА II. Призваніе варяговъ.—Рюрикъ.—Походы Аскольда и Дира въ Византію въ 865 г. и Олега въ 907 году.—Игорь и его войны.—Походы руссовъ въ Средиземное и Каспійское моря.—Святославъ I и его войны съ болгарами и греками.—Владиміръ I и его войны.—Войны Ярослава I и его кончина 13

2. Распаденіе и порабощеніе Руси: удѣлы и Татарское иго, съ 1054 по 1241 г.

ГЛАВА III. Значеніе этого періода въ Военной исторіи Россіи.—Владиміръ Мономахъ. 39

ГЛАВА IV. **Военное дѣло на Руси съ половины IX столѣтія до нашествія монголовъ въ первой четверти XIII вѣка.** Порядки образованія вооруженныхъ силъ Руси. . 45

Роды войскъ, ихъ одежда, вооруженіе, знамена, музыка и знаки отличія. 51

Боевые порядки и образъ дѣйствій въ бою. 57

Города, крѣпости, атака и оборона ихъ 66

ГЛАВА V. **Состояніе Руси передъ ея покореніемъ монголами.** Паденіе Кіева и возрастающее значеніе Суздаля.—Общіе великокняжескіе съѣзды.—*Первое нашествіе* монголовъ въ 1222 году.—Монголы.—Чингизъ-ханъ и его завоеванія.—Появленіе монголовъ въ предѣлахъ нынѣшней Россіи, въ 1222 г.—Кіевскій съѣздъ князей и походъ противъ монголовъ.—Бой на Днѣпрѣ при Хортицѣ въ 1222 г. и р. Калкѣ въ 1223 г.—Военная организація монгольскихъ полчищъ, ихъ дисциплина и снаряженіе въ походъ.—Огромные обозы.—Довольствіе.—Вооруженіе.—Монгольская конница, какъ единственный родъ войскъ.—Военное искусство.—Боевые порядки.—Веденіе боя при осадѣ и въ полѣ . 73

Стр.

ГЛАВА VI. **Второе нашествіе монголовъ.** Батый и покореніе имъ Руси.—Современное междуусобіе между русскими князьями.—Физическія бѣдствія.—Взятіе Батыемъ Рязани и Коломны въ 1237 г.—Паденіе Москвы.—Осада Владиміра.—Паденіе его и Суздаля.—Пораженіе русскихъ на р. Сити 4 марта 1237 г.—Движеніе Батыя къ Новгороду и неожиданное направленіе въ обратный путь.—Утвержденіе монголовъ на югѣ Россіи и на Кавказѣ.—Взятіе г. Кіева 6 декабря 1240 г.—Батый проникаетъ на западъ, до предѣловъ Венгріи, въ 1241 г.—Полное порабощеніе Руси и ея упадокъ.—Пораженіе шведовъ Александромъ Невскимъ на р. Ижорѣ 15 апрѣля 1240 г.—Побѣда Александра Невскаго надъ нѣмцами, въ 1242 г., при Ледовомъ побоищѣ и надъ литовцами въ 1245 г.—Раздѣленіе Руси на юго-западную и сѣверо-восточную . . . . . .

3. Собираніе Руси: уничтоженіе удѣловъ и ослабленіе татарскаго ига, съ 1241 г. до смерти Василія III въ 1533 г.

ГЛАВА VII. **Княженіе Дмитрія Донского.** Составленный имъ союзъ изъ сѣверо-восточныхъ русскихъ князей.—Походы ихъ противъ казанскихъ и нижегородскихъ татаръ.—Пораженіе ихъ 2 августа 1377 г. Арапшею.—Побѣда надъ татарами на р. Вожѣ 11 августа 1378 г.—Приготовленіе татаръ къ новому, въ 1380 году, сильному нашествію на Русь.—Полчища Мамая направляются къ Воронежу и Москвѣ.—Дмитрій Донской, съ союзными князьями, выступаетъ къ Коломнѣ, на встрѣчу къ Мамаю.—Раздѣленіе русской арміи на четыре полка.—Движеніе ея отъ Коломны къ Дону и переправа черезъ эту рѣку.—Куликовская битва 8 сентября 1380 г.—Полное пораженіе полчищъ Мамая; его бѣгство въ Крымъ и гибель.—Тохтамышъ и требуемая имъ дань отъ русскихъ.—Неожиданное наступленіе Тохтамыша и отступленіе арміи Дмитрія Донского отъ Коломны къ Костромѣ.—Бой подъ Москвою и вступленіе въ нее Тохтамыша 27 августа 1381 года.—Разореніе Москвы 9

ГЛАВА VIII. **Собиратели Руси: Василій I, Василій II Темный, Іоаннъ III, Василій III.** Татарское нашествіе Эдигея на Москву въ 1408 году.—Прекращеніе междоусобія русскихъ князей.—Походы Іоанна III противъ Великаго Новгорода.—Битва на р. Шелони 13 іюля 1471 года.—Новгородъ подчиняется Іоанну III въ 1479, а княжество Тверское въ 1486 г.—Рязанцы и вятчане также подчиняются Іоанну III въ 1489 г.—Неудачный походъ къ Москвѣ хана Ахмеда въ 1480 г.—Пораженіе литовцевъ на р. Ведрошѣ въ 1500 г. іюня 14.—Возрастаніе могущества Россіи при Іоаннѣ III.—Покореніе Василіемъ III Смоленска въ 1514 г.—Бой у Орши 8 сентября того же года и пораженіе русскихъ литовцами.—Нашествіе на Россію въ 1521 г. крымскихъ и казанскихъ татаръ.—Крымцы вынуждаютъ Москву платить имъ дань.—Походы противъ Казанскаго царства въ 1524 и 1530 г. и ихъ безплодность.—Вступленіе на престолъ Іоанна IV, Грознаго 110

ГЛАВА IX. **Военное дѣло на Руси отъ перваго нашествія монголовъ въ 1224 г. до смерти Іоанна III въ 1533 году.** 1) Обзоръ главнѣйшихъ измѣненій въ порядкѣ военной администраціи.—Десятинные списки и городскіе полки.—Сельскіе и посошные (отъ сохи) люди.—Рубленная рать и казаки.—Засѣчная стража.—Иноплеменныя и татарскія войска въ составѣ русской военной силы.—Поручная кабала (ручательство за другого).—Прекращеніе права переходить на службу изъ одной дружины въ другую.—Раздача помѣстій, съ обязательствами по отношенію къ военной службѣ.—Вліяніе этой системы на боевыя качества арміи 120

2) Роды войскъ.—Ихъ одежда и вооруженіе.—Знамена, музыка и знаки отличія 124

Стр.

3) Боевые порядки и образъ дѣйствій въ бою.—Походныя движенія.—Мѣры къ охраненію.—Ертаулъ.—Военно-административное раздѣленіе войскъ и командованіе ими.—Продовольствіе войскъ. 130

4) Города, крѣпости, атака и оборона ихъ.—Укрѣпленныя линіи на границахъ.—Взглядъ на общее значеніе Монгольскаго періода по отношенію къ военнымъ силамъ Россіи. 137

II.

Царская Русь.

Отъ вступленія на престолъ Іоанна IV (перваго царя) до самодержавія Петра I (перваго императора), съ 1533 по 1689 года.

ГЛАВА X. **Уничтоженіе татарскаго ига.** Вступленіе на престолъ Іоанна IV и дѣла съ Крымомъ.—Война съ Литвою съ 1534—1537 гг.—Разбитіе литовцевъ подъ Стародубомъ и Черниговымъ.—Неудача ихъ подъ Смоленскомъ въ 1534 г.—Потеря русскими Гомеля и Стародуба въ 1535 г.—Пораженіе литовцевъ подъ Себежемъ въ 1536 г. и вторженіе русскихъ въ предѣлы Литвы.—Отношенія къ Крыму и Казани.—Неудачные набѣги хановъ казанскаго и крымскаго.—Походъ противъ нихъ и неудача крымцевъ у Коломны и Пронска.—Совершеннолѣтіе Іоанна IV.—Его неудачный первый и второй походы противъ Казани; построеніе Свіяжска 149

ГЛАВА XI. Третій походъ Іоанна IV противъ Казани въ 1552 году.—Приготовленія къ походу.—Движеніе крымскаго хана къ Тулѣ.—Іоаннъ IV направляетъ туда большую часть войскъ, назначенныхъ въ походъ противъ Казани.—Отступленіе крымцевъ.—Продолженіе движенія на Казань.—Осада и взятіе Казани.—Покореніе Астрахани.—Дѣйствія противъ Крыма 159

ГЛАВА XII. **Война съ Ливоніей съ 1558 по 1582 годъ.** Причина войны и вторженіе русскихъ войскъ въ Ливонію въ 1558 году. Пораженіе литовцевъ у Дерпта и Везенберга.—Взятіе Нарвы 11 мая.—Паденіе Нейшлота и Везенберга.—Осада Нейгаузена и овладѣніе имъ.—Осада и сдача Дерпта 18 іюля.—Ливонцы овладѣваютъ Рингеномъ и вторгаются въ псковскія земли.—Вторичное вторженіе русскихъ войскъ въ Лифляндію въ 1559 г. и опустошеніе ея.—Обратное возвращеніе русскихъ.—Шестимѣсячное перемиріе.—Ливонцы вступаютъ въ союзъ съ Польшей и Германіей.—Нарушеніе ими перемирія и неудачная попытка овладѣть Дерптомъ и Лаисомъ.—Третье вступленіе русскихъ войскъ въ Ливонію въ 1560 году и покореніе Маріенбурга.—Пораженіе литовцевъ подъ Вейсенштейномъ и Феллиномъ.—Побѣда русскихъ подъ Гермесомъ.—Сдача Феллина 21 августа.—Снятіе осады Вейсенштейна и конецъ войны 1560 года.—Ливонія принимаетъ покровительство Польши и подчиняется ей.—Война съ Польшею и Швеціей.—Овладѣніе Полоцкомъ въ 1563 г.—Неудавшіеся переговоры о перемиріи и война 1564 г.—Пораженіе отряда Шуйскаго подъ Оршею.—Переговоры о мирѣ.—Земскій соборъ 1565 г.—Возобновленіе войны и ея нерѣшительность.—Безуспѣшная осада Ревеля въ 1570 г.—Война осложняется нашествіемъ крымскаго хана въ 1571 г.—Сожженіе Девлетъ-Гиреемъ Москвы 24 мая 1571 года.—Вторичное нашествіе крымцевъ на Москву въ 1572 г.—Пораженіе ихъ 1 августа Воротынскимъ.—Продолженіе войны съ Ливоніей.—Взятіе Виттенштейна въ 1572 г. и испытанныя русскими неудачи.—Взятіе Пернова въ 1576 году.—Неудача подъ Ревелемъ въ 1577 г.—Неудачная осада русскими Вендена въ 1578 г. и пораженіе ихъ.—Стефанъ Баторій составляетъ противъ Россіи коалицію—изъ Польши, Швеціи, Турціи, крымскаго хана и папы римскаго.—Стефанъ Баторій вноситъ войну въ предѣлы Россіи въ 1579 году.—Осада Полоцка поляками и его паде-

Стр.

ніе.—Опустошеніе Сѣверской и Смоленской областей.—Взятіе Баторіемъ Великихъ Лукъ въ 1580 г.—Осада Пскова въ 1582 г. и геройская защита его И. П. Шуйскимъ.—Отбитіе штурмовъ 8 сентября и 2 ноября.—Неудачный приступъ непріятеля къ Псково-Печерскому монастырю.—Успѣхи шведовъ въ Ливоніи и паденіе нѣсколькихъ русскихъ городовъ.—Миръ съ Баторіемъ въ 1582 году и съ шведами въ 1583 году 179

ГЛАВА XIII. **Покореніе Сибири при Іоаннѣ IV.** Вступленіе Ермака въ предѣлы Сибирскаго царства въ 1581 году.—Пораженіе имъ царевича Маметкула при урочищѣ Бабасанъ и князя Карача близъ Иртыша.—Побѣда Ермака надъ Маметкуломъ подъ Чувашевымъ 23 октября 1582 г.—Занятіе столицы Сибирскаго царства 26 октября.—Бѣгство царя Кучума.—Взятіе въ плѣнъ Маметкула.—Присоединеніе Сибирскаго царства къ владѣніямъ Россіи.—Окончательное присоединеніе Сибири въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича.—Нападеніе татаръ Карача на Искеръ и отраженіе его остатками дружины Ермака.—Смерть Ермака въ 1584 г.—Нашествіе крымскихъ татаръ при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ въ 1591 г. Подступленіе къ Москвѣ и обратное бѣгство татаръ въ 1592 г.—Повтореніе нашествія на Рязанскія и Каширскія земли въ 1593 г.—Кахетія принимаетъ подданство Россіи въ 1586 г.—Война съ Швеціей съ 1590—1593 г. Взятіе русскими Ямы и Нарвы.—Перемиріе.—Возобновленіе дѣйствій и миръ въ 1595 году 203

ГЛАВА XIV. **Состояніе военнаго дѣла на Руси при царяхъ Іоаннѣ IV Васильевичѣ и Ѳеодорѣ Іоанновичѣ.** 1. Развитіе помѣстной системы при Іоаннѣ IV; ея основаніе и значеніе.—Порядокъ военной организаціи и формированіе войскъ.—Дворянскіе дѣти и даточные люди.—Посошные люди.—Учрежденіе стрѣльцовъ, какъ постояннаго войска.—Служилые люди по спеціальностямъ.—Вспомогательныя войска и казаки.—Усиленіе пограничной (засѣчной) стражи и иноземныя, наемныя войска.—2. Составъ войскъ. — *Конница.*—Царскій полкъ, московскіе и городовые дворяне и *жильцы.*—Рынды (тѣлохранители).—Боярскія дѣти.—Холопы.—Прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ.—Мурзы и князья татарскіе.—Городовые казаки.—Конные даточные люди.—Казаки стремянные.—*Пѣхота.*—Учрежденіе постояннаго стрѣлецкаго войска въ 1550 году (пѣшаго и коннаго).—Пѣшіе городовые казаки и пѣшіе даточные люди.—Наемные и иноземные люди въ пѣхотѣ.—Войска на постянномъ жалованьѣ.—*Одежда* и *вооруженіе* конницы и пѣхоты.—*Ручное огнестрѣльное оружіе.*—*Артилерія* и литейное и пороховое дѣло на Руси въ разсматриваемый періодъ.—Управленіе артилеріей.—3. Сторожевая пограничная служба. — Сторожевой уставъ 1571 года.—4. Внутреннее устройство войскъ въ мирное и военное время.—Содержаніе войска.—Жалованье и продовольствіе.—Награды за службу.—Приказы—разрядный, стрѣлецкій и пушечный.—Воеводы, головы.—Сотники, пятидесятники и десятники.—Назначеніе постояннаго жалованья войскамъ.—5. Состояніе военно-инженернаго искусства въ Россіи въ XVI столѣтіи.—Система обороны государства при посредствѣ укрѣпленныхъ городовъ.—Распредѣленіе послѣднихъ по границамъ и внутри государства.—Оборонительныя ограды укрѣпленныхъ городовъ.—Военные строители.—Полевое военное искусство.—Система укрѣпленія Москвы.—Устройство разнаго вида оградъ и башенъ.—Гуляй-городъ.—6. Сборъ войскъ (конницы).—Походныя движенія.—Боевой порядокъ и образъ дѣйствій войскъ въ бою.—Атака и оборона укрѣпленныхъ городовъ.—Характеръ веденія войнъ въ разсматриваемый періодъ. 217

Смутное время на Руси съ 1606 по 1612 годъ.

ГЛАВА XV. **Военныя дѣйствія въ царствованіе Бориса Годунова.** Внѣшняя политика Годунова.—Вѣсть о набѣгѣ крымскаго хана Казы-Гирея въ 1598 г.—Со-

Стр.

сродоточеніе русской арміи у Серпухова и распущеніе ея по домамъ.—Неудачи на Кавказѣ.—Пораженіе сибирскаго царя Кучума и взятіе въ плѣнъ его семейства въ 1598 г.—Окончательное покореніе Сибири.—Внутренняя политика Годунова.—Голодъ и пожары.—Казни и пытки.—Народный ропотъ.—Появленіе въ 1604 г. Лжедимитрія на Литвѣ.—Лжедимитрій съ своими сторонниками вступаетъ изъ Кіева въ предѣлы Россіи.—На встрѣчу ему Годуновъ высылаетъ Скопина-Шуйскаго къ Бресту.—Моравскъ и Черниговъ сдаются Самозванцу.—Отраженіе его приступа у Новгорода-Сѣверскаго.—Вся южная Россія признаетъ Самозванца и сдаетъ ему, безъ боя, города.—Рѣшительныя мѣры противъ Самозванца и ихъ запоздалость: народъ и войско не охотно идутъ противъ него.—Мстиславскій спѣшитъ на помощь осажденному Новгороду-Сѣверскому, проигрываетъ бой и отступаетъ отъ него.—Снятіе осады Новгорода-Сѣверскаго и движеніе Самозванца къ Сѣвску.—Движеніе къ Сѣвску русской арміи.—Самозванецъ идетъ ей навстрѣчу.—Бой 21 января 1605 г. у села Добрынича и пораженіе Лжедимитрія, бѣжавшаго въ Рыльскъ и Путивль.—Нерѣшительность дѣйствій русскихъ воеводъ.—Лжедимитрій усиливается въ Путивлѣ новыми сторонниками.—Русскіе снимаютъ осаду Рыльска и снова бездѣйствуютъ.—Осада русскими Кромъ.—Въ войскѣ обнаруживается измѣна царю и нерасположеніе дѣйствовать противъ Самозванца.—Скоропостижная смерть Бориса Годунова 13 апрѣля 1605 г.—Назначеніе новаго главнокомандующаго арміею—Катырева и помощникомъ ему Басмановa.—Присяга царю Ѳеодору Борисовичу.—Басмановъ и другіе объявляютъ царемъ Лжедимитрія, и армія присягаетъ ему въ Кромахъ.—Окончаніе войны противъ Самозванца.—20 іюня онъ торжественно въѣзжаетъ въ Москву.—Гибель Самозванца 17 мая 1606 года. 269

ГЛАВА XVI. Войны при Василіи Шуйскомъ (1606—1610 гг.).—Новыя внутреннія смуты, съ начала царствованія Шуйскаго.—Военныя дѣйствія въ 1606—1609 годахъ: борьба съ Болотниковымъ и вторымъ Лжедимитріемъ.—Оборона Троицко-Сергіевской лавры въ 1608—10 гг. 285

ГЛАВА XVII. **Внутреннее состояніе Московскаго государства послѣ боя подъ Рахмановымъ.** Народныя возстанія.—Полный упадокъ законности и дисциплины.—Пробужденіе патріотизма въ народѣ.—Сборъ ополченія княземъ Скопинымъ-Шуйскимъ въ Новгородѣ и движеніе русско-шведскаго ополченія отъ Новгорода къ Твери.—Занятіе Москвы княземъ Скопинымъ-Шуйскимъ.—Оборона Смоленска въ 1609 - 1610 гг.—Бой при селѣ Клушинѣ.—Низложеніе Василія Шуйскаго.—Междуцарствіе. 307

ГЛАВА XVIII. **Война во время междуцарствія въ 1610—1612 годахъ.** Движеніе къ Москвѣ тушинскаго вора.—Избраніе королевича Владислава на Московскій престолъ и занятіе Москвы гетманомъ Жолкѣвскимъ.—Сборъ перваго народнаго ополченія для освобожденія Москвы и государства.—Сожженіе Москвы.—Неудача перваго ополченія.—Взятіе Смоленска королемъ Сигизмундомъ.—Сборъ второго ополченія.—Походъ князя Пожарскаго и Минина къ Москвѣ и освобожденіе ея отъ поляковъ 324

ГЛАВА XIX. Состояніе военнаго дѣла на Руси при царяхъ Борисѣ Ѳеодоровичѣ Годуновѣ, Василіи Іоанновичѣ Шуйскомъ и, вообще, въ началѣ XVII ст.—Составъ войскъ, ихъ одежда и вооруженіе.—Пограничная служба.—Иноземныя войска.—Внутреннее устройство русскихъ войскъ.—Характеръ веденія войнъ.—Первыя сочиненія по военному искусству: Воинская книга и Уставъ ратныхъ, пушечныхъ и другихъ дѣлъ. 341

ГЛАВА XX. Войны въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича.—Возстановленіе порядка внутри государства.—Преслѣдованіе шайки Лисовскаго.—Дѣло у Орла.—Бѣгство Лисовскаго.—Уничтоженіе шаекъ Заруцкаго и Баловня.—Война со Швеціей въ 1613 г.—Отраженіе шведовъ отъ Тихвина.—Неудача русскихъ близъ Новгорода и отступленіе къ Торжку.—Движеніе Густава-Адольфа къ

Пскову въ 1614 г.—Отбитіе приступа и осада Пскова.—Новый приступъ 9 октября и блистательное отраженіе его.—Снятіе осады Пскова и неудачи шведовъ въ 1614 г.—Столбовскій миръ въ 1617 г.—Первая Польская война 1613—1618 гг.—Поляки овладѣваютъ Дорогобужемъ въ 1617 г. и Вязьмой.—Ихъ неудача у Можайска.—Движеніе ихъ къ Москвѣ въ 1618 г., вмѣстѣ съ гетманомъ Сагайдачнымъ.—Приступъ 1 сентября и отраженіе его.—Деулинскій миръ 1618 г.—Вторая война съ Польшей 1632—1634 гг.—Русскія войска вступаютъ въ предѣлы Польши въ 1632 г.—Главныя силы русскихъ подступаютъ къ Смоленску.—Бой подъ Смоленскомъ 9 сентября 1633 г.—Капитуляція отряда Шеина 19 февраля 1634 г.—Владиславъ осаждаетъ кр. Бѣлую, но безуспѣшно.—Поляновскій миръ 1634 г.—Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ отказывается присоединить къ Россіи Азовъ, завоеванный казаками, и распространяетъ владѣнія въ Сибири до Камчатки 355

ГЛАВА XXI. Войны въ царствованіе Алексѣя Михайловича.—Борьба его съ Польшею за Малороссію.—Побѣды Богдана Хмельницкаго надъ Поляками при Желтыхъ Водахъ и Корсунѣ въ 1648 и при Зборовѣ въ 1649 г.—Пораженіе его при Берестечкѣ.—Хмельницкій проситъ Алексѣя Михайловича принять Малороссію подъ покровительство Россіи.—Въ 1653 г. Малороссія присоединяется къ Россіи, которая объявляетъ Польшѣ войну.—Подступленіе арміи царя къ Смоленску.—Сдача многихъ городовъ русскимъ.—Побѣда Трубецкого при Борисовѣ въ августѣ 1654 г.—Неудачный штурмъ Смоленска 16 августа.—Сдача Смоленска въ сентябрѣ.—Взятіе Витебска въ ноябрѣ.—Бѣдствія моровой язвы.—Взятіе Минска и Вильны въ 1655 году и затѣмъ Ковно и Гродно.—Пораженіе Сапѣги Урусовымъ при Верховичѣ.—Пораженіе поляковъ у Градска въ Галиціи; Хмельницкій беретъ со Львова контрибуцію.—Шведы овладѣваютъ Краковымъ и Варшавой.—Полное истощеніе Польши.—Шведскій король Карлъ X принимаетъ покровительство надъ Литвою, съ условіемъ возвратить Литвѣ занятыя русскими владѣнія Литвы.—Война со Швеціей съ 1656 по 1661 г.—Взятіе Динабурга и осада Риги.—Удачная вылазка шведовъ изъ Риги 2 октября 1656 г.—Снятіе осады.—Перемиріе со шведами въ 1658 г. на три года и миръ 1661 г. въ Кардисѣ. 367

ГЛАВА XXII. Продолженіе войнъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича.—Вторая Польская война 1658—1667 гг. Пораженіе Гонсѣвскаго у Кейданъ 22-го сентября 1658 г.—Гетманъ Малороссіи Выговскій съ татарами подступаетъ къ Кіеву.—Разбитіе его Шереметевымъ въ томъ же году.—Въ 1659 г. 150.000 армія Трубецкого вступаетъ въ Малороссію.—Осада Конотопа.—Полное пораженіе Пожарскаго подъ Конотопомъ.—Татары оставляютъ Выговскаго.—Бѣгство послѣдняго.—Успѣхи русскихъ въ Литвѣ въ 1660 г.—Пораженіе Потоцкаго, Огинскаго и другихъ.—Колебаніе военнаго успѣха съ обѣихъ сторонъ на театрѣ войны въ Литвѣ и въ Малороссіи.—Бой у Любара и Чуднова.—Измѣна Юрія Хмельницкаго.—Сдача отряда Шереметева на капитуляцію.—Прибытіе главной польской арміи къ Вильнѣ въ 1661 г. и ея неудачи.—Сдача Вильны иностранными офицерами.—Неопредѣленность дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій съ обѣихъ сторонъ.—Андрусовскій миръ 1667 г.—Бунтъ Стеньки Разина 374

ГЛАВА XXIII. Войны въ періодъ со смерти Алексѣя Михайловича до единодержавія Петра I.—Чигиринскіе походы.—Сдача Чигирина гетманомъ Дорошенко русскимъ войскамъ въ 1676 г.—Турецкія войска и крымскіе татары подступаютъ къ Чигирину въ 1677 г. и требуютъ сдачи Юрію Хмельницкому, назначенному султаномъ въ гетманы.—Упорная защита Чигирина и отступленіе непріятеля.—Вторичная осада Чигирина турками и татарами въ 1678 г. и безуспѣшность ея.—Пожаръ въ городѣ и очищеніе его русскими.—Бахчисарайскій миръ 1681 года.—Крымскій походъ кн. Голицына въ 1681 г.—Татары зажгли степь.—Голицынъ возвратился изъ Крыма.—

Стр.

Новый походъ, его же, въ 1689 году.—Бой у Черной долины 16 мая, а 20 мая у Перекопа.—Вторичное отступленіе Голицына въ предѣлы Россіи . . 384

ГЛАВА XXIV. **Состояніе военнаго дѣла на Руси въ періодъ отъ воцаренія Михаила Ѳеодоровича до Петра Великаго.** 1. Порядки образованія вооруженныхъ силъ; ихъ составъ и числительная сила.—*Конница иноземнаго строя*: рейтары и драгуны.—*Пѣхота*.—Стрѣльцы.—Пѣшіе городовые казаки.—Даточные люди.—Вооруженные жители городовъ.—Малороссійскіе казаки.—Пѣхота иноземнаго строя.—Мушкетеры и пикинеры.—Пограничныя солдатскія поселенія.—*Артилерія*.—2. *Вооруженіе, одежда, знамена* и *музыка*.—Мушкетъ, копье и сабля.—Артилерійскія орудія и техника артилерійскаго и ружейнаго дѣла.—Музыкальные инструменты—барабанъ, тулумбасы и проч. 3. *Управленіе* войсками въ мирное и военное время.—Сборъ войска для войны.—Права главнокомандующаго и его помощника.—Составленіе плана войны и способъ ея веденія.—Начальники отдѣльныхъ ратей и полковъ.—Прочіе воинскіе чины.—Хозяйственная часть.—Награды за службу.—Мѣры карательныя. 4. *Подготовка, дисциплина* и духъ войска.—Способъ веденія войны.—Походныя движенія, расположеніе на отдыхъ и образъ дѣйствія въ бою.—Военно инженерное дѣло и оборона границъ 391

Въ 1889 году, И. Н. Кушнеревъ, предпринялъ изданіе, подъ названіемъ „Русская военная сила“ съ цѣлью изобразить послѣдовательное и систематическое, хотя и краткое, изложеніе наиболѣе замѣчательныхъ событій русской военной исторіи и ходъ постепеннаго развитія организаціи, вооруженія, одежды и образа дѣйствій русскихъ войскъ, за весь періодъ существованія русскаго государства, съ 862 года до нашихъ дней.

До настоящаго времени подобнаго изданія у насъ не существовало и всякому, кто пожелалъ бы познакомиться съ русскою военною исторіею, въ полномъ ея объемѣ, пришлось бы прочитать множество отдѣльныхъ сочиненій, въ которыхъ разбросаны очерки и описанія различныхъ эпизодовъ этой исторіи. Насколько многочисленны эти сочиненія, можно судить по перечню источниковъ, послужившихъ матеріалами для настоящаго труда. Все это читатель найдетъ въ „Русской военной силѣ“ сведеннымъ въ одно цѣлое.

Понятно, что подобный трудъ, прежде всего, долженъ интересовать всякаго военнаго человѣка, такъ какъ ни въ одномъ военно-учебномъ заведеніи русская военная исторія не преподается въ полномъ объемѣ. Съ другой стороны, со введеніемъ общеобязательной воинской повинности, связавшей войско со всѣми прочими сословіями государства болѣе тѣсно, чѣмъ когда-либо, такое сочиненіе должно представлять интересъ для всякаго образованнаго, или даже просто грамотнаго человѣка. Въ наше время каждому почти гражданину приходится проводить болѣе или менѣе продолжительное время подъ знаменами; кто не несетъ воин-

ской повинности лично, имѣетъ по крайней мѣрѣ въ рядахъ нашей доблестной арміи кого-нибудь близкаго: отца, брата, сына и т. п., а потому, очевидно, военная семья не можетъ ни для кого оставаться чужою.

Независимо отъ интереса представляемаго изученіемъ общаго хода развитія русской военной силы, такое изученіе прошлаго—полезно и даже необходимо, для надлежащаго пониманія настоящаго и выводовъ для будущаго.

Безъ такого изученія, не будетъ напримѣръ понятно, почему оказалось необходимымъ перейти отъ древнихъ дружинъ и ополченій, къ такъ называемой *помѣстной* системѣ, съ бо́льшими чѣмъ прежде требованіями относительно вооруженія и обученія ратниковъ; и почему признана была затѣмъ необходимость отказаться отъ помѣстной системы и перейти къ учрежденію постоянныхъ армій въ Россіи, не нанимая болѣе иностранныхъ войскъ, служившихъ, за плату, русскому военному дѣлу.

Сверхъ того, настоящее устройство русской арміи, имѣетъ самую тѣсную связь съ прошедшимъ, и беретъ свое происхожденіе изъ прежнихъ формъ ея организаціи.

Такъ *напримѣръ* нынѣшній Главный Штабъ соотвѣтствуетъ, по своему назначенію, прежнему *Разряду*, а постъ его начальника—должности прежняго *большого окольничьяго*. Равнымъ образомъ, отдѣльныя учрежденія—артилерійское и инженерное, образовались изъ прежняго *Пушкарскаго приказа* и т. п.

Теорія и техника военнаго дѣла, также имѣетъ тѣсную связь съ прошедшимъ. Оказывается напр., что еще въ концѣ XVI и началѣ XVII ст., у насъ были уже попытки выдѣлки ружей и пушекъ, заряжающихся съ казенной части, и имѣвшихъ даже значеніе нынѣшней револьверной системы, чисто *русскаго изобрѣтенія*. Слѣдовательно, въ этомъ отношеніи, мы—задолго обогнали европейскую военную технику и, при надлежащей поддержкѣ этого дѣла, быть можетъ, пришлось-бы, не намъ учиться у иностранцевъ, а учить своихъ бывшихъ учителей. Равнымъ образомъ мы, съ Іоанна III, опередили Западную Европу—введеніемъ въ войскахъ легкой полевой артилеріи; а съ Петра Великаго — учрежденіемъ конной артилеріи, устройствомъ от-

дѣльныхъ полевыхъ укрѣпленій въ полевыхъ сраженіяхъ и введеніемъ всесословной воинской повинности.

Наконецъ, изученіе отдаленнаго прошлаго, важно еще и въ другомъ отношеніи: оно исторически свидѣтельствуетъ о незыблемой стойкости русскаго военнаго духа, и его способности возвышаться до героизма. Исторія прошлаго представляетъ намъ примѣры такой высокой военной доблести, которые мы видимъ въ лицѣ—Святослава, Дмитрія Донского, Александра Невскаго, Скопина-Шуйскаго и друг.; примѣры гражданской доблести въ лицѣ—Минина, Пожарскаго, Ивана Сусанина, архимандрита Іоасафа — во время осады Сергіевской Лавры и проч.

Такіе примѣры не умираютъ въ потомствѣ; они должны жить вѣчно въ народѣ и составлять его гордость; они служатъ завѣтомъ прошлаго, для настоящаго и будущаго.

Къ составленію перваго изданія — „Русской военной силы“ были приглашены г. Кушнеревымъ нѣсколько офицеровъ Генеральнаго Штаба, состоящихъ при штабѣ Московскаго Военнаго Округа, такъ какъ самое изданіе предпринятаго обширнаго труда, производилось въ Москвѣ *). Трудъ былъ составленъ по частямъ, каждымъ отдѣльно. По этому, неизбѣжно, должны были оказаться въ общемъ изданіи—мѣстами, повторенія уже сказаннаго; мѣстами-же, недостаточное развитіе тѣхъ сторонъ изслѣдованія, которыя надлежало выдвинуть на видный планъ. Самая система изслѣдованія, не всегда была проникнута идеей общаго единства въ изложеніи предмета, при возможныхъ простотѣ и ясности изложенія.

Для устраненія, по возможности, указанныхъ недостатковъ, предпринято новое изданіе—„Русской военной силы“ — пересмотрѣнное и значительно дополненное картами и планами. Въ текстъ также введены нѣкоторыя дополненія, напечатанныя другимъ шрифтомъ, для желающихъ нѣсколько подробнѣе ознакомиться съ предметомъ.

Въ заключеніе, однако, считаемъ долгомъ оговориться, что исправить написанное другими—дѣло нелегкое: это далеко не то, что составить самому весь трудъ отъ начала до кон-

*) Въ составленіи „Рус. военной силы“ принимали участіе гг.: Краевскій Холщевниковъ, Дебешъ, Марковъ и Николаевъ.

ца. Насколько намъ удалось выполнить принятую на себя задачу, предоставляемъ судить читателямъ. Мы-же, съ своей стороны, имѣли только постоянно въ виду извѣстное изреченіе Мор. Миля, что „Въ наше время лучше всѣхъ думаетъ тотъ, кто лучше другихъ знаетъ мысли своихъ предшественниковъ".

Редакторъ.

I.

Великокняжеская Русь.

Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Земли родной минувшую судьбу.
А. Пушкинъ.

1. Стремленіе къ основанію Руси, отъ ея начала до смерти Ярослава I, съ 862—1054 г.

ГЛАВА I.

Происхожденіе русскихъ.

Историческое начало появленія славянъ въ Европѣ.— Восточные славяне.— Ихъ образъ жизни, гражданскій и военный бытъ: управленіе родовое и значеніе вѣча.— Составленіе ополченій, характеръ боя и его особенности.— Вооруженіе. — Внѣшній видъ воина. — Выносливость и мужество на войнѣ.—Сосѣднія славянамъ племена—финны, ливы, пруссы и пришельцы изъ Азіи: гунны, авары, казары (хазары), печенѣги, половцы.— Принадлежность болгаръ къ славянскому племени.

Прежде чѣмъ приступить къ обзору военныхъ событій отъ начала Руси до нашего времени, необходимо, хотя въ краткомъ очеркѣ, сказать нѣсколько словъ о происхожденіи самихъ русскихъ и для того разсмотрѣть историческую судьбу восточныхъ славянъ, въ ихъ многовѣковой борьбѣ за свое политическое существованіе.

Основаніемъ русской народности и Русскаго государства служили нѣкоторыя изъ славянскихъ племенъ, издревле заселявшихъ среднюю и восточную Европу.

Когда пришли славяне въ Европу, съ достовѣрностью неизвѣстно,— вѣроятно, во времена еще доисторическія, — и, какъ полагаетъ большинство историковъ, ранѣе всего славяне заселили при-Дунайскія и при-Карпатскія земли, а также берега Адріатическаго моря. Римляне,

не оставлявшіе въ покоѣ ни одного самостоятельнаго народа, уже съ 3-го столѣтія до Р. Х. начали борьбу со славянами, населявшими Иллирію и Македонію. Римскимъ писателямъ перваго вѣка нашего лѣтосчисленія были уже извѣстны и болѣе отдаленныя племена славянъ подъ именемъ венедовъ. Венедами назывались славяне, жившіе преимущественно по рѣкѣ Вислѣ и на берегахъ Балтійскаго моря, откуда римляне получали янтарь.

Изъ даваемыхъ римскими писателями свѣдѣній о извѣстныхъ имъ славянахъ видно, что они отличались суровостью нравовъ и воинственностью. Жили, однако, славяне осѣдло, строили дома, занимались земледѣліемъ, носили щиты и сражались исключительно пѣшими,— слѣдовательно, рѣзко отличались отъ скиѳовъ и сарматовъ, кочевыхъ народовъ, послѣдовательно занимавшихъ южные предѣлы нынѣшней Россіи.

Вѣроятно, и славяне были также не менѣе древними обитателями средней и сѣверо-западной частей Россіи, такъ какъ уже въ V вѣкѣ до Р. Х. между племенами, населявшими наше отечество и платящими дань скиѳамъ, были несомнѣнно славянскія. Во времена великаго переселенія народовъ славяне были, разумѣется, въ значительной мѣрѣ увлечены всеобщимъ движеніемъ и въ теченіе IV, V, VI и т. д. вѣковъ они послѣдовательно распространяются отъ Дуная и Адріатическаго моря на югѣ, до Балтійскаго моря—на сѣверѣ, рѣки Лабы (Эльбы)—на западѣ и Днѣпра—на востокѣ.

Въ IX вѣкѣ на мѣстахъ сложившагося затѣмъ государства Руси поселены были, отдѣльными группами, племена восточныхъ славянъ, т.-е. обитающихъ къ востоку отъ рѣки Вислы. Эти племена были: *славяне*—у озера Ильменя и по р. Волхову *); *кривичи, дряговичи, родимичи, сѣверяне, древляне, поляне, волыняне* (бужане, дулѣбы), *уличи* и *тиверцы*; въ Карпатскихъ горахъ—*хорваты* и, наконецъ, на крайнемъ сѣверо-востокѣ — на Окѣ—*вятичи*. Есть, однако, много вѣроятія, что въ это же время славянами было заселено и верхнее Поволжье, т.-е. Суздальскія земли. Общей связи между всѣми этими однородными племенами не существовало никакой.

Бытъ перечисленныхъ племенъ восточныхъ славянъ, въ общихъ чертахъ, какъ нельзя лучше опредѣляется словами нашей лѣтописи: „каждый жилъ съ своимъ родомъ отдѣльно, на своихъ мѣстахъ, каждый владѣлъ своимъ родомъ“. Родъ означалъ всѣхъ находящихся отъ самыхъ близкихъ до самыхъ отдаленныхъ степеней родства между собою, и внѣ родовой связи наши предки не понимали никакой общественной связи, такъ что слово „родъ“ употреблялось и для обозначенія понятія о народѣ или соотечественникахъ. Во главѣ родовъ или цѣлыхъ родовыхъ линій, т.-е. племенъ, находились родоначальники, носившіе самыя разнообразныя имена, какъ-то: старцевъ, владыкъ, жупановъ, князей и

*) См. карту № 1.

т. д. Названіе „князь“ у восточныхъ славянъ было часто употребляемо и до прихода варяговъ.

Власть родоначальника, принадлежащая отцу семейства, по существу своему неограниченная, у славянъ, какъ народа сравнительно миролюбиваго и притомъ земледѣльческаго, значительно смягчалась и не носила того суроваго характера, какъ у ихъ сосѣдей, напримѣръ германцевъ. Такъ, у славянъ никогда не было обычая убиванія отцами слабыхъ или увѣчныхъ новорожденныхъ и обратно—дѣтьми не убивались престарѣлые, утерявшіе силы родители.

Единство рода, за смертью родоначальника, поддерживалось занятіемъ отцовскаго мѣста однимъ изъ старшихъ родичей, обыкновенно путемъ избранія его собраніемъ всѣхъ сородичей. Избранный сажался при этомъ на первое мѣсто, откуда произошли и обрядъ и выраженіе— „посадить князя“. Глава рода управлялъ всѣми работами, хранилъ общественную казну, вносилъ подати и т. д.,—вообще долженъ былъ всюду блюсти выгоды рода. Распоряженія его имѣли, однако, силу только при общемъ согласіи, пока всѣ видѣли, что старшій поступаетъ справедливо, какъ отецъ. Въ противномъ случаѣ родственныя или, вѣрнѣе, родовыя отношенія рушились со всѣми правами и обязанностями, которыя вообще отличались крайнею неопредѣленностью. Отсюда — возникновеніе безпрерывныхъ усобицъ, частые случаи распаденія рода и выселенія недовольныхъ на новыя мѣста; а такъ какъ постоянною причиной выселеній была вражда, то, очевидно, эти вновь возникавшіе роды не могли жить въ дружественныхъ отношеніяхъ съ своими прежними родичами.

Не всегда, однако, выселенія были удобны, какъ, напримѣръ, изъ городовъ, т.-е. пунктовъ избиравшихся какъ особенно удобныхъ для жизни, огороженныхъ и укрѣпленныхъ общими силами и средствами цѣлыхъ поколѣній. Здѣсь, поневолѣ, приходилось уживаться нерѣдко нѣсколькимъ родамъ, а потому въ городахъ усобицы представляются явленіемъ еще болѣе, такъ сказать, заурядnымъ. Но за то городская жизнь, какъ общая, приводящая къ болѣе частымъ столкновеніямъ, скорѣе выясняла необходимость какого-либо правительственнаго начала, подчиненіе которому было бы для всѣхъ одинаково обязательно. Первымъ проявленіемъ такого начала были сходки, соты, вѣча, но вначалѣ только однихъ старцевъ (старшинъ), т.-е. представителей тѣхъ же родовъ.

Естественно городъ былъ, обыкновенно, первымъ возникающимъ въ странѣ населеннымъ пунктомъ. Родъ, занимая новую страну, селился, понятно, въ наиболѣе удобномъ мѣстѣ, для своей безопасности огораживался и затѣмъ уже, вслѣдствіе размноженія, разселялся и занималъ окрестную страну. Выселялись въ этомъ случаѣ, разумѣется, младшіе члены родовъ, а отсюда и та связь и нѣкоторая даже подчиненность, которыя замѣчаются въ отношеніяхъ новыхъ поселеній къ старымъ, т.-е.

деревни, села или пригорода—къ городу. Означенныя связь и подчиненность сельскаго населенія городскому, помимо родовыхъ отношеній, обусловливались еще и тѣмъ, что въ случаѣ опасности сельское населеніе могло искать защиты только въ городѣ,—слѣдовательно, не могло быть между ними отношеній равнаго къ равному.

Городовъ у славянъ было очень много, но, разумѣется, это были не болѣе какъ селенія или вообще незначительные поселки, обнесенные укрѣпленіями, достаточными для обезпеченія отъ захвата открытою силой. Городовъ же въ смыслѣ крупныхъ центровъ, сколько-нибудь напоминающихъ городъ по теперешнему понятію, было весьма немного. Во времена Олега, напримѣръ, таковыми были только Новгородъ, Смоленскъ и Кіевъ.

По свидѣтельству иностранныхъ писателей, славяне древнѣйшихъ временъ, любя просторъ, жили въ отдаленныхъ другъ отъ друга плохихъ избахъ, бросаемыхъ ими при первой же опасности. Опасности же были безпрерывны, какъ вслѣдствіе родовыхъ междоусобій, такъ и отъ воинственныхъ, сосѣднихъ, иноземныхъ племенъ. Поэтому у славянъ жилища ютились преимущественно въ лѣсахъ и болотахъ, въ домахъ имѣлось на всякій случай много выходовъ, а изъ вещей все сколько-нибудь цѣнное хранилось обыкновенно зарытымъ въ землю. Въ указанныхъ условіяхъ жизни, славяне оставались весьма продолжительное время, даже и при князьяхъ Рюрикова дома, такъ какъ родовыя усобицы смѣнялись таковыми же усобицами князей, а набѣги сосѣдей стали, пожалуй, еще болѣе частымъ явленіемъ. Привычка безпрерывно перемѣнять мѣста, даже разбрестися ровно, съ цѣлью избѣжать насилія, жизнь въ суровыхъ условіяхъ тогдашней Россіи, покрытой сплошными лѣсами и непроходимыми болотами,—все это пріучило славянъ дорожить свободой и довольствоваться весьма малымъ.

Всѣ славяне были свободны и равноправны. Рабства у нихъ не было и чужеземцы въ славянскихъ земляхъ пользовались также полною свободой. Даже военноплѣнные обязаны были работой на взявшаго ихъ только въ продолженіе извѣстнаго срока, послѣ чего становились совершенно свободны.

Военный бытъ славянъ совершенно согласовался съ общественнымъ. Всѣ они были воинами, всѣ имѣли право носить оружіе и укрѣплять свои жилища. Вопросы о войнѣ или мирѣ рѣшало вѣче, и оно же опредѣляло въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ большую или меньшую числительность призываемыхъ къ оружію. Въ нѣкоторыхъ, исключительныхъ, случаяхъ назначалось поголовное ополченіе, причемъ въ походъ шли отцы со старшими сыновьями, а дома для охраненія семейства оставался одинъ младшій сынъ. Ополченія составлялись посемейно, пообщинно и, наконецъ, племенами, а начальствованіе принадлежало тѣмъ же семейнымъ, родовымъ и т. д. старѣйшинамъ.

Вообще говоря, славяне были скорѣе миролюбивы, чѣмъ воинственны; занимались земледѣліемъ и промыслами они, въ большинствѣ случаевъ, вели войны не съ цѣлью завоеваній, а для защиты своей свободы и независимости. Исключенія въ этомъ случаѣ составляли сѣверные поморяне, предпринимавшіе частые морскіе набѣги, и южные славяне, стремившіеся къ Дунаю и южнымъ морямъ. Эти славяне нерѣдко даже нападали на Византійскую имперію. Изъ древнѣйшихъ набѣговъ славянъ на предѣлы Византіи, свѣдѣнія о которыхъ сохранила исторія, укажемъ на слѣдующіе:

Въ 551 году славяне вторглись въ имперію въ числѣ 3.000 человѣкъ и произвели страшный погромъ. Раздѣлившись на двѣ части, одна въ 1.800 человѣкъ, а другая въ 1.200, разбивая на пути греческія войска, грабя города и забирая множество плѣнныхъ, они дошли съ одной стороны на югъ до Егейскаго моря, а съ другой—на западъ до Иллиріи.

Въ 623 году славяне появились даже въ Средиземномъ морѣ и произвели нападенія на о-въ Критъ и другіе острова.

Въ 626 году славянскія дружины, на однодеревкахъ, сдѣлали нападеніе на Константинополь, по приказанію, впрочемъ, хазарскаго кагана, которому славяне въ это время были подчинены.

Въ 676 году македонскіе и ѳессалійскіе славяне окружили Солунь (Салоники) съ суши и съ моря, на однодеревкахъ. Приступъ, однако, не удался, они были отбиты съ большимъ урономъ и убитъ былъ ихъ воевода Хотунъ.

Въ 769 году императору Константину Копрониму пришлось выкупать захваченныхъ славянскими разбойниками христіанъ, причемъ это обошлось ему въ 2.500 шелковыхъ одеждъ.

Указанныя уже выше разъединеніе и вражда родовъ и племенъ и, какъ слѣдствіе этого, слабость славянъ, обусловливали и самые способы ихъ борьбы съ внѣшними и внутренними врагами. Отъ правильныхъ сраженій, въ особенности на мѣстахъ ровныхъ и открытыхъ, славяне вообще уклонялись. Они выбирали для боя мѣста узкія, непроходимыя и одинаково искусно сражались въ горахъ, въ ущельяхъ, въ лѣсахъ и болотахъ. Нападали они преимущественно внезапно, набѣгомъ, стараясь взять хитростью. Нерѣдко заманивали врага ложнымъ бѣгствомъ, бросая даже имущество, чтобы напасть на противника тогда, когда онъ займется грабежомъ. Сражались славяне пѣшими; будучи окружены противникомъ, укрывались за своими повозками, изъ-за которыхъ оборонялись чрезвычайно упорно. Въ бою—въ ряды и шеренги или даже толпу они не соединялись, а предпочитали одиночный бой, въ которомъ были искусны. Славяне отличались также умѣньемъ плавать, причемъ могли очень долго оставаться подъ водой, для чего лежа на спинѣ дышали черезъ выдолбленный тростникъ, конецъ котораго

высовывался изъ воды. Они славились также быстротой и неутомимостью бѣга: Велизарій, напримѣръ, пожелавъ въ 540 году въ Италіи поймать живаго Гота, поручилъ это сдѣлать славянину, такъ какъ славяне (говоритъ Прокопій) отличались искусствомъ ловить непріятелей.

Вооруженіе славянъ состояло: изъ двухъ маленькихъ копій (дротиковъ), мечей, сѣкиръ или топоровъ и деревянныхъ луковъ съ маленькими стрѣлами, намазанными чрезвычайно сильнымъ ядомъ. Нѣкоторые изъ нихъ имѣли огромные твердые и очень тяжелые щиты. Латъ въ древнѣйшія времена (до IX вѣка) славяне не носили, вступая иногда въ бой даже безъ верхней одежды, въ однихъ портахъ.

Понятно, что различныя племена славянъ, вообще отличавшихся переимчивостью, должны были многое перенять у сосѣдей, какъ въ образѣ веденія войны, такъ и въ вооруженіи. Южные славяне, напримѣръ, постоянно воюя съ римлянами и грабя ихъ города, получали въ добычу массу оружія, а потому у полянъ въ древнѣйшія уже времена встрѣчается прямой короткій мечъ, составлявшій обыкновенное оружіе римлянъ.

О наружности древнихъ славянъ современники говорятъ, что всѣ они похожи другъ на друга: всѣ высоки ростомъ, статны и сильны; имѣли не совсѣмъ бѣлую кожу и лицо красноватое. Волосы, большею частью темнорусые, носили длинными, или же брили голову, оставляя на верху кружокъ волосъ, а иногда носили на одной только сторонѣ головы длинный локонъ, означавшій знатность рода; бороду большею частью брили. По свидѣтельству Прокопія, славяне легко переносили зной, холодъ и непогоду; недостатокъ въ пищѣ или въ одеждѣ для нихъ не имѣлъ особеннаго значенія и, кромѣ того, они отличались крайнею нечистоплотностью.

Было уже сказано, что земли занимаемыя восточными славянами окружались другими племенами, съ которыми были неизбѣжны и мирныя сношенія и враждебныя столкновенія, что́ не могло не отразиться, взаимно, на ихъ исторической судьбѣ.

Всѣ финскія племена, подъ общимъ у славянъ названіемъ *чуди*, вскорѣ были покорены славянами и, по словамъ Нестора, платили имъ дань, а впослѣдствіи, слились съ ними.

Болѣе важное значеніе въ нашей исторіи имѣли *литовскія* племена, населявшія нижнія теченія рр. Вислы и Нѣмана. Къ нимъ принадлежали: *пруссы*, *голяды*, *судены*, *корсь* или *куроны*, *жмудь*, *зимигола*, *летгола* (латыши). Жили они въ лѣсахъ и болотахъ небольшими, разрозненными племенами, подъ управленіемъ своихъ князьковъ.

Столкновенія Руси съ Литвою начались уже при Владимірѣ I. Въ древнѣйшія времена литовцы совершали свои набѣги преимущественно на коняхъ, которые у нихъ были маленькіе, но сильные и выносливые. Нападенія старались производить внезапно. Черезъ рѣки они переправлялись въ легкихъ лодкахъ изъ зубровой кожи, которыя возили съ со-

бою, а ежели лодокъ не было, то переплывали рѣки, держась за хвосты лошадей.

Литовцы, вначалѣ довольно миролюбивый народъ, уже впослѣдствіи, подъ напоромъ своихъ сосѣдей, становятся все болѣе и болѣе воинственны, такъ что война стала уже считаться у нихъ наиболѣе почетнымъ дѣломъ. Для нея воины сзывались звономъ колоколовъ и звукомъ трубъ. Войско раздѣлялось на пѣшее и конное и по хоругвямъ (знамена); пѣхота постепенно стала преобладающимъ родомъ оружія. Отличаясь смѣлостью и хладнокровіемъ, литовцы сражались храбро, стойко выдерживали нападенія и съ трудомъ обращались въ бѣгство. Они предпочитали, однако, сражаться на трудно доступныхъ мѣстностяхъ, дѣйствуя часто изъ засады. Города и замки строили на возвышенныхъ, трудно доступныхъ мѣстахъ; укрѣпляли ихъ земляными или деревянными валами и стѣнами со рвами и тайными выходами.

Вооруженіе литовцевъ состояло изъ длинныхъ палицъ, дубинъ, налитыхъ свинцомъ, отравленныхъ стрѣлъ съ костяными наконечниками, пращей и каменныхъ сѣкиръ. Предохранительнымъ вооруженіемъ ихъ были: щиты, шишаки изъ звѣриныхъ шкуръ, носимые шерстью вверхъ, и латы изъ конскихъ копытъ въ видѣ чешуи. Въ XIII вѣкѣ, однако, литовцы имѣли уже кованое металлическое вооруженіе.

Кромѣ литовцевъ, на сѣверо-западѣ же Руси, приходилось, съ самаго начала, вести упорную борьбу съ *ятвягами* (въ нынѣшнейГродненской губерніи), происхожденіе которыхъ точно не установлено: по инымъ—это литовцы, по другимъ—остатки сарматовъ. Это было племя дикое, разбойническое; вели они жизнь полукочевую и, вѣря въ переселеніе душъ, въ битвахъ не сдавались въ плѣнъ и не обращались въ бѣгство, а погибали вмѣстѣ съ женами и дѣтьми. Эти характерныя особенности, въ извѣстной мѣрѣ, отразились и на военномъ характерѣ славянъ, какъ увидимъ въ слѣдующихъ главахъ.

На югѣ и юго-востокѣ славянамъ пришлось выдержать послѣдовательныя нашествія цѣлаго ряда кочевыхъ народовъ, какъ-то: гунновъ, аваровъ (обры), болгаръ, козаръ (хазары), печенѣговъ, торковъ и половцевъ. Послѣднихъ четырехъ большинство писателей причисляетъ къ тюркскому племени.

Гунны вышли съ береговъ Азовскаго моря въ послѣдней четверти IV вѣка и водворились на низовьяхъ Волги. Вытѣсненные, въ свою очередь, другими пришельцами изъ Азіи, гунны, а потомъ и ихъ завоеватели (авары и другіе), подвигались все болѣе и болѣе на западъ, до самой Венгріи *). По сказаніямъ, гунны имѣли такую чудовищную наружность, что нельзя было выносить ихъ вида. Жили они какъ дикіе звѣ-

*) Объ этомъ будетъ сказано подробнѣе при описаніи болгаръ.

ри: питались кореньями и мясомъ звѣрей, согрѣвая послѣднее подъ сѣдломъ. Безобразная обувь мѣшала имъ ходить,—они вѣчно были на коняхъ,—домовъ не хотѣли знать, легко переносили голодъ и жажду.

На смѣну гунновъ пришли авары (обры), въ 565 году перешедшіе Донъ. Угнетенія славянъ аварами отличались жестокостью и обращеніе ихъ, какъ нельзя лучше, обрисовывается тѣмъ, что когда обрину (аварцу) надо было куда - нибудь ѣхать, то въ телѣгу его впрягали не лошадей или быковъ, а по три, по четыре или по пяти славянскихъ женщинъ. По описанію, обры были тѣломъ велики и умомъ горды и византійцы считали ихъ народомъ очень разумнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ лживымъ и коварнымъ. Въ концѣ, вѣроятно, VIII вѣка могущество аваровъ падаетъ, а вслѣдъ затѣмъ они окончательно слились съ болгарами, которые, однако, были покорены новыми пришельцами изъ Азіи, хазарами, и уже въ половинѣ IX вѣка платили имъ дань, прежде даваемую аварамъ.

О причинахъ паденія аварскаго царства, сохранился отрывокъ рукописи VIII ст., написанной на болгарскомъ языкѣ Сюндосомъ или Корміесомъ. Въ отвѣтъ на вопросъ его къ плѣннымъ аварцамъ, о причинѣ ослабленія ихъ силы, они отвѣтили ему, что причиною того было то,—„что взаимныя обвиненія другъ друга у нихъ были очень часты, отъ чего гибли, преимущественно, и болѣе умные и болѣе честные между ними люди, такъ какъ судьи были участниками воровъ и мошенниковъ. Затѣмъ, причиною паденія было пьянство, сопровождаемое насиліемъ и буйствомъ. Всякаго рода развратъ, искупается подарками и взятками.—Мы всѣ сдѣлались торговцами,—прибавили плѣнные,—и ни о чемъ другомъ не думали, какъ только о томъ чтобы лучше обмануть другъ друга, отчего и погибли".

Выслушавъ это признаніе, Сюндосъ, котораго также называютъ *Кремль*, стоявшій во главѣ болгарскаго народа, изъ опасенія чтобы и болгаръ не постигла участь аваръ, установилъ для болгаръ слѣдующій законъ: „Кто будетъ обвинять въ чемъ - либо другого, то его сперва заковать въ желѣзо (цѣпи), и тогда уже выслушивать. Если обвиненіе окажется клеветою, то клеветникъ предается смертной казни.

Никто не долженъ давать вору пищи; и если кто это сдѣлаетъ, то о томъ, немедленно, объявляется. Ворамъ разбивать колѣна. Всѣ виноградныя лозы у нихъ вырывать.

Если бѣдный обратится къ богатому съ просьбою чего необходимаго, то слѣдуетъ исполнить его просьбу и, притомъ, въ изобиліи, чтобы не имѣлъ недостатка впредь. Кто-же этого не сдѣлаетъ, о томъ объявляется народу" *).

Такими мѣрами Сюндосъ надѣялся уничтожить въ народѣ причины къ розни, охранить собственность, и установить взаимную помощь.

Козары (хазары) извѣстны въ исторіи со II вѣка по Р. Х., когда они обитали въ нынѣшнемъ Кавказѣ. Покоренные гуннами, они, послѣ паденія царства послѣднихъ, сами становятся завоевателями и покоряютъ всѣ земли по сѣверному берегу Азовскаго и Чернаго морей. Это былъ полукочевой народъ, зиму жившій въ городахъ и селеніяхъ, а лѣтомъ кочевавшій. При устьѣ Волги находился ихъ главный городъ Итиль, въ которомъ жилъ ихъ повелитель, носившій титулъ кагана. Кромѣ того они имѣли еще два замѣчательные города—Семендеръ и

*) Библ. Гл. Штаба. Рукопись Липранди.

Саркеллъ (Сергилъ); въ особенности интересенъ первый, имѣвшій до 40.000 виноградниковъ.

Хазарскій каганъ имѣлъ верховную власть, преимущественно религіозную, управленіе же находилось въ рукахъ его намѣстника, носившаго титулъ *пехъ* или *бегъ*. Онъ же предводительствовалъ войсками, которыя состояли изъ наемниковъ магометанъ—*ларсіи*—и своихъ народныхъ ополченій.

Нашествіе печенѣговъ и удачные походы все болѣе усиливающихся русскихъ князей разрушили царство козаръ и ихъ мѣста заняли печенѣги. Города Семендеръ и Итиль были взяты великимъ княземъ Святославомъ въ ноябрѣ 968 года и окончательно разрушены. Четыре года спустя арабскій путешественникъ и историкъ Ибнъ-Хаукалъ видѣлъ уже однѣ развалины Итиля.

Смѣнившіе хазаръ печенѣги вышли изъ-за Уральскаго хребта на низовья Яика и Волги и разселились затѣмъ по сѣверному берегу Азовскаго и Чернаго морей, занявъ всю страну отъ Дона до Дуная, верховьевъ Прута и рѣкъ Сулы и Роси. Печенѣги дѣлились на восемь ордъ, подъ управленіемъ отдѣльныхъ князей. Четыре ихъ орды поселились на западъ отъ Днѣпра и четыре—на востокъ.

Народъ полукочевой, полуосѣдлый, они были очень безпокойны и хищны и по развитію стояли гораздо ниже хазаръ. Будучи отличными наѣздниками и дѣйствуя исключительно на конѣ, они составляли превосходную легкую конницу. Предохранительное вооруженіе ихъ состояло изъ кольчуги и шлема, а главнымъ оружіемъ былъ колчанъ, наполненный стрѣлами, и кривой лукъ въ налучьѣ; и то и другое привѣшивалось съ боковъ на поясѣ. Кромѣ того, они носили обоюдоострый трехгранный мечъ и копья—длинныя или короткія—для метанія. На длинныхъ копьяхъ они имѣли значки—*прапорцы*.

Бой печенѣги начинали съ того, что, осыпавъ противника тучею стрѣлъ, бросались на него съ копьями, а вслѣдъ затѣмъ немедленно обращались въ бѣгство, стараясь заманить за собою и непріятеля. Выждавъ удобную минуту, они снова бросались въ атаку и т. д., пока не утомятъ противника, послѣ чего завершали дѣло рукопашнымъ боемъ—мечами. Ихъ стремительныя конныя атаки наводили совершенный ужасъ на людей. Станъ печенѣговъ, защищать который имъ нерѣдко приходилось, составлялся изъ связанныхъ и поставленныхъ въ кругъ повозокъ. Внутри этого круга, изъ повозокъ же, устраивались кривые проходы, такъ что это была въ полномъ смыслѣ слова крѣпость, въ оборонѣ которой принимали участіе и женщины и взять которую было очень трудно

Для переправы черезъ рѣки печенѣги употребляли небольшіе кожаные мѣшки, набитые соломою или тростникомъ, сидя на которыхъ держались за хвосты плывущихъ лошадей.

Сношенія печенѣговъ съ сосѣдними русскими княжествами начались въ 915 году и отличались крайнимъ непостоянствомъ: то они были дружественны, то враждебны. Нерѣдко они служили наемниками у нашихъ князей, а вслѣдъ затѣмъ производили опустошительные набѣги на русскія земли. Русскіе отвѣчали имъ тѣмъ же, и борьба велась съ перемѣннымъ успѣхомъ.

Вскорѣ однако, т.-е. уже въ половинѣ XI столѣтія (около 1055 года), мѣста сѣверныхъ печенѣговъ заняты были сроднымъ имъ племенемъ тюркскаго же происхожденія, *торками*, владычество которыхъ было весьма тоже непродолжительно,—ихъ смѣнили *половцы* (куманы). Остатки печенѣговъ и торковъ, смѣшавшись на югѣ Россіи и образуя бродячія шайки, извѣстны были впослѣдствіи подъ различными именами, какъ-то *берендѣевъ*, *черныхъ клобуковъ* и *ковуевъ*. Нѣкоторые изъ нихъ получали отъ русскихъ князей земли для заселенія на нашихъ южныхъ границахъ, съ условіемъ ихъ обороны.

Самостоятельное существованіе половцевъ также продолжалось недолго. Появившись въ концѣ XI столѣтія, уже въ началѣ XIII они первые были покорены монголами и, послѣ неудачнаго возстанія хана ихъ Котяна (1239 г.), удалились въ числѣ 40 тысячъ въ Венгрію. Съ половины XIII столѣтія имя половцевъ исчезаетъ въ исторіи.

Несмотря на кратковременность пребыванія половцевъ въ нашихъ предѣлахъ, они имѣли большое значеніе въ исторіи Россіи. Значеніе это было слѣдствіемъ какъ ихъ постояннаго участія въ княжескихъ усобицахъ, причемъ они являлись или союзниками или, еще чаще, наемниками, такъ и безпрерывныхъ набѣговъ ихъ на русскія волости. Наши лѣтописи перечисляютъ 37 однихъ важнѣйшихъ набѣговъ, изъ которыхъ наиболѣе жестокими были набѣги свирѣпыхъ хановъ Бонякa и Копчака—въ концѣ XI и XII вѣковъ.

Въ военномъ отношеніи половцы не представляли почти никакого различія съ одноплеменными имъ хазарами и печенѣгами. Мы остановились нѣсколько подробнѣе на разсмотрѣніи характерныхъ особенностей, присущихъ выходцамъ изъ Азіи, такъ какъ народы эти, хотя и потерявшіе уже свое историческое бытіе, имѣли огромное вліяніе на судьбы восточно-славянскаго міра. Въ военномъ отношеніи, славяне, по необходимости, переняли у нихъ употребленіе кавалеріи, окапываніе рвомъ и обнесеніе стана обозомъ. Но объ этомъ будетъ сказано, въ своемъ мѣстѣ, подробнѣе.

Теперь же считаемъ, необходимымъ, сдѣлать краткій историческій очеркъ *Болгаръ*, какъ народа и теперь призваннаго судьбою къ новой политической жизни;—народа, противъ котораго такъ много воевали наши предки, и за который пролито много русской крови во времена къ намъ приближенныя, и даже въ наши дни.

Болгары жили на восточной границѣ славянскаго міра, въ бассейнѣ Волги, между этою рѣкою, Камою и Яикомъ.

Многочисленные народы Средней Азіи, чуждые осѣдлости, вели кочевую жизнь, пользуясь лишь тѣми дарами природы, которые доставались имъ безъ труда и усилій.

Обширныя равнины давали имъ обиліе корма и возможность содержать огромные табуны коней, которые употреблялись ими въ пищу и облегчали перекочевки.

Народы эти оставались на занятомъ мѣстѣ лишь до тѣхъ поръ, пока не уничтожался подножный кормъ для прокормленія табуновъ. Какъ только это замѣчалось, народъ перекочевывалъ въ другое мѣсто, гдѣ и оставался до новой перекочевки.

Западная часть Ср. Азіи представляла для кочевниковъ больше удобства, какъ въ климатическомъ, такъ и въ растительномъ отношеніяхъ, чѣмъ восточная; поэтому кочующіе народы Средней Азіи подавались все болѣе и болѣе на западъ.

Народы эти, сперва проникали въ предѣлы нынѣшней Россіи черезъ—Кавказскій хребетъ. Позднѣе же азіатскіе выходцы, *гунны*, проникли въ 375 году въ пространство между низовьями Волги и Дона, направляясь туда отъ сѣверныхъ береговъ Каспійскаго и Аральскаго морей.

Гунны подчинили себѣ жившія между Волгой и Дономъ мѣстныя народности, принадлежавшія къ славянскому племени и говорившія славянскимъ языкомъ.

Племена эти, жившія по бассейну Волги, въ нижнихъ частяхъ этой рѣки, назывались *Волгарами*, получивъ, какъ полагаютъ многіе писатели, названіе отъ этой громадной рѣки.

Извѣстно было также и другое имя, придававшееся обитателямъ Волги. По свидѣтельству Анны Комненъ, ихъ называли *Волохами* или *Вологами*, когда они подвинулись къ Дунаю и основались въ нынѣшней Молдавіи и Валахіи.

Итакъ, нужно полагать, что волгары или вологи были родоначальниками болгаръ, и происходятъ отъ славянскаго корня, такъ какъ и понынѣ языкъ ихъ — древне-славянскаго корня.

Но какимъ образомъ Болгары, обитатели низовьевъ Волги, утвердились за Дунаемъ, въ нынѣшней Болгаріи?

Было уже сказано, что въ IV вѣкѣ, гунны заняли земли, обитаемыя болгарами, съ ихъ главными городами — Саркалъ и Болгаръ *). Болгары принуждены были платить дань пришельцамъ, которые, сверхъ того, забирали у нихъ всѣ произведенія земледѣльческаго и промышленнаго труда.

При такихъ условіяхъ, часть волжскихъ болгаръ, оставивъ свои земли, переселилась въ бассейнъ Камы; а другая ушла на р. Терекъ и основала тамъ новое поселеніе. Еще и въ наше время, одинъ изъ притоковъ Терека носитъ названіе рѣки Болгарки.

Отсюда произошли и три названія, подъ которыми древніе писатели знали болгаръ: живших на Волгѣ называли *воложскими* (вологскими), по р. Кумѣ (Камѣ) — *куманскими*, а переселившихся на Терекъ наз. *турецкими* (терекскими) **).

Но такое раздѣленіе болгаръ не упрочило за ними благосостоянія. Особенно не посчастливилось волжскимъ болгарамъ. Они должны были оставить Волгу, перешли на правый ея берегъ и уже въ 428 году поселились въ пространствѣ между Дономъ, Азовскимъ моремъ и р. Бугомъ, образовавъ здѣсь т.-наз. *Новую* или *Вторую Болгарію*.

---

*) Первый, на правомъ берегу Дона, а второй на лѣвомъ берегу Волги, ниже устья р. Камы.

**) Хотя у римскихъ историковъ р. Волга извѣстна подъ названіемъ *Ра* (наприм. у Аміенъ Марцелина); но Эрбелахъ говоритъ, что арабскіе историки называли Волгу—Болгаромъ. Впрочемъ, на древнихъ писателей трудно ссылаться: они имѣли очень сбивчивыя географическія свѣдѣнія о славянскомъ мірѣ. Такъ наприм. восточные лѣтописцы, называли Волгу, не только *Ра* и *Болгаромъ*, но также Ателемъ, Етелемъ и Итала. Послѣднимъ именемъ назывался и городъ, лежавшій при устьѣ Волги, на правомъ ея берегу, и бывшій столицею хазаръ. Между тѣмъ венгерскій историкъ—Тврочъ, въ своемъ описаніи Скиѳіи, называетъ Етелемъ или Етевлемъ р. Донъ, подробно описывалъ его теченіе и народы на немъ жившіе; слѣдовательно не смѣшиваетъ его, ошибочно, съ Волгою. Ред.

Въ это время болгары имѣютъ уже своего повелителя или царя, зависимаго, впрочемъ, отъ гунновъ и платившаго имъ дань. Во внутреннее же управленіе болгаръ, гунны не вмѣшивались.

Въ 485 г., въ царствованіе греческаго имп. Зенона, болгары подвинулись уже къ берегамъ Дуная, подъ предводительствомъ своего повелителя Владина.

Въ 490 г. болгары переходятъ Дунай и проникаютъ въ Мизію, Иллирію и Ѳракію, предводимые своимъ царемъ Либертомъ или Ливертіемъ. Но, вслѣдъ за симъ, греки, подъ предводительствомъ Теодорика (впослѣдствіи короля Италіи), наносятъ болгарамъ рѣшительное пораженіе и принуждаютъ ихъ обратно уйти на лѣвый берегъ Дуная, и утвердиться въ нынѣшней Валахіи и Молдавіи.

Однако болгары не долго остаются въ покоѣ. Съ 499 по 502 г., они постоянно снова переходятъ Дунай и вторгаются въ греческіе предѣлы, опустошая и грабя все встрѣчаемое на пути.

Греческое войско, подъ предводительствомъ Ариста, выступило противъ болгаръ. Обѣ стороны встрѣтились на р. Цитры или Цутры. Греки были разбиты на голову, и потеряли весь свой обозъ, взятый болгарами.

Описывая эту битву, Зенонъ говоритъ, что болгары одержали побѣду, благодаря своему искусству въ *чародѣйствѣ*. Проще было бы объяснить эту побѣду тѣми свойствами, о которыхъ свидѣтельствуютъ другіе лѣтописцы того времени, изображая болгаръ народомъ «воинственнымъ, мужественнымъ, привыкшимъ къ военнымъ трудамъ, и всегда готовымъ предпочесть смерть невольничеству» *).

Въ 517 году болгары опять вторгаются въ предѣлы Греціи. Разоривъ Иллирію, Македонію и Ѳессалію, проникаютъ до Ѳермопилъ и, послѣ упорнаго боя, овладѣваютъ Адріанополемъ. Взявъ богатую добычу, они снова возвратились на лѣвый берегъ Дуная.

Мы не станемъ слѣдить здѣсь за дальнѣйшею судьбою болгаръ, которые, послѣ безпрерывныхъ набѣговъ, утверждаются, наконецъ, на правомъ берегу Дуная, управляются своими царями и составляютъ грозу Византійской имперіи; а потомъ, теряютъ свою политическую самостоятельность и покоряются мусульманами.

Мы имѣли только въ виду показать, что Болгары принадлежатъ къ славянскому племени, а не происходятъ, какъ утверждали нѣкоторые древніе писатели, отъ гунновъ, изъ отрасли онгрокутригуровъ, и что коренной языкъ ихъ былъ онгрскій (венгерскій). Что съ приходомъ гунновъ, обитатели Волги, большею частью, говорили онгрскимъ языкомъ, въ томъ нѣтъ ничего удивительнаго. Но Болгары сохранили свой языкъ, который, какъ болѣе развитой, мало-помалу, сдѣлался общимъ, и гунны усвоили его себѣ, подобно тому какъ франки, покоривъ галловъ, утратили свою народность и стали говорить языкомъ галльскимъ. Только та часть гунновъ, которая не слилась съ болгарами, а проникла до предѣловъ Венгріи, сохранила свой онгрскій языкъ. Болгары же и въ настоящее время говорятъ своимъ славянскимъ языкомъ, что несомнѣнно доказываетъ ихъ славянское происхожденіе: Иначе, какъ могли бы они усвоить и сохранить себѣ этотъ языкъ, когда они были въ постоянныхъ столкновеніяхъ—то съ выходцами изъ Азіи, то съ греками и римлянами, не имѣющими ничего общаго съ славянами. Наконецъ, Діоклеатъ, Ѳеофилатъ и другіе писатели, прямо называютъ болгаръ народомъ *славянскимъ*. Болгарамъ были всегда свойственны всѣ недостатки и хорошія стороны славянъ.

Современные лѣтописцы свидѣтельствуютъ объ ихъ храбрости, выносливости и физической силѣ; но, въ то же время, упрекаютъ ихъ въ нечистоплотности, пьянствѣ и суевѣріи: черты, которыя приписывались и руссамъ.

---

*) Рукопись Липранди. Библіотека Гл. Штаба. Помѣщеніе 36—5—9.

ГЛАВА II.

Призваніе варяговъ.—Рюрикъ.—Походы Аскольда и Дира въ Византію въ 865 г. и Олега въ 907 году.—Игорь и его войны.—Походы руссовъ въ Средиземное и Каспійское моря.—Святославъ I и его войны съ болгарами и греками.—Владиміръ I и его войны.—Войны Ярослава I и его кончина.

Въ то время, когда южныя племена славянъ платили дань народамъ, населявшимъ югъ Россіи, сѣверныя—платили дань варягамъ. Кто такіе были варяги, еще не рѣшено изслѣдователями нашей исторіи; несомнѣнно, однако, то, что варяги не только предпринимали походы въ сѣверные предѣлы Руси и собирали дань съ жившихъ тутъ славянскихъ племенъ, но и владѣли даже частью Руси.

Впослѣдствіи варяги были однако изгнаны населеніемъ, выведеннымъ изъ терпѣнія ихъ притѣсненіями, и племена славянъ сами стали у себя владѣть. Дѣло отъ этого не пошло лучше, всталъ родъ на родъ, не было правды и не въ состояніи были племена установить у себя внутренній порядокъ. Такъ какъ главною причиной непорядковъ было родовое устройство и враждебность родовыхъ отношеній, то совершенно было понятно стремленіе племенъ найти правительство чуждое всякимъ родовымъ связямъ. Таковымъ могъ быть только князь чужаго племени, а потому въ половинѣ IX вѣка, въ 862 г., нѣкоторыя изъ сѣверныхъ славянскихъ племенъ призываютъ трехъ варяжскихъ князей: Рюрика, Синеуса и Трувора. Прибывъ со своими сильными дружинами, эти князья размѣстились слѣдующимъ образомъ: Рюрикъ—въ Ладогѣ, Синеусъ—на Бѣлоозерѣ и Труворъ—въ Изборскѣ.

Черезъ два года по смерти Синеуса и Трувора Рюрикъ соединилъ въ своихъ рукахъ власть надъ всѣми пятью призвавшими князей племенами. Онъ покоряетъ потомъ западно-двинскихъ кривичей-полочанъ, а также мерь и мурому, а затѣмъ переходитъ въ Новгородъ, на озеро Ильмень. На подчиненныя племена была наложена дань, а города были

розданы мужамъ княжеской дружины. Устанавливается такимъ образомъ связь между разрозненными родами и племенами черезъ посредство мужей, подчиненныхъ одному князю; начинаетъ зарождаться русское государственное устройство.

Тѣмъ не менѣе смуты продолжаются и при Рюрикѣ, отъ котораго многіе спасались на югъ—по великому днѣпровскому водному пути. Туда же направились съ своими родами Аскольдъ и Диръ, не получившіе отъ Рюрика городовъ и надѣявшіеся утвердиться въ Греціи. На пути, въ землѣ полянъ, они овладѣли Кіевомъ, гдѣ и остановились. Сюда сталъ стекаться къ нимъ всякій сбродъ, всѣ недовольные и всѣ искатели приключеній. Въ скоромъ времени у нихъ образовалась многочисленная дружина, съ которой они и предпринимаютъ въ 865 году походъ къ Царьграду на 200 ладьяхъ (8 тысячъ человѣкъ).

Въ это время Константинополь былъ окруженъ стѣною, со многими башнями. Особенно сильно была укрѣплена сухопутная сторона. Здѣсь стѣны были двойныя и упирались, съ одной стороны въ Мраморное море, а съ другой—въ заливъ Золотаго Рога.

Вышло это случайно или по разсчету, но Аскольдъ и Диръ прибыли къ Византіи въ самое удобное для себя время. Императоръ былъ въ это время въ походѣ противъ сарацинъ. Въ столицѣ войскъ было мало. Жители предавались роскоши и беззаботному веселью. Въ это время, всѣ были, какъ громомъ, поражены вѣстью, что появились подъ стѣнами столицы варвары,—„врагъ грозный и не милуетъ, а голосъ его—какъ шумъ моря“, говоритъ о немъ очевидецъ, патріархъ Фотій.—„Походъ этихъ варваровъ,—замѣчаетъ онъ,—былъ такъ схитренъ, что и молва не успѣла оповѣстить, и мы услыхали о нихъ уже тогда, когда увидѣли ихъ“.

Ужасъ, охватившій всю столицу, былъ неописанный. „Было что посмотрѣть тогда!“ говоритъ Фотій. Не потерялъ присутствія духа только самъ Фотій. Съ пламенною, ободряющею рѣчью, обратился онъ къ жителямъ столицы: „Не вопите и не шумите,—говорилъ онъ имъ.—Перестаньте плакать, будьте мужественны.—„О градъ, царь едва не всей вселенной!—обращался онъ къ столицѣ Греціи:—какое воинство ругается надъ тобою, какъ надъ рабою, необученное, и набранное изъ рабовъ! Что за народъ вздумалъ взять тебя въ добычу?—слабый и ничтожный!“

Рѣчи эти подѣйствовали ободряюще. Недавнее отчаяніе замѣнилось возбужденной энергіей. Немедленно, къ императору былъ отправленъ гонецъ, съ мольбою, скорѣе возвратиться съ похода и спасти столицу. Со всѣхъ концовъ сюда стали стекаться, разбросанныя по городамъ войска.

Между тѣмъ Царьградъ былъ уже обложенъ руссами, которые, по свидѣтельству очевидца патріарха Фотія, стали присыпать къ стѣнѣ города земляные всходы, съ цѣлью облегчить приступъ. Всѣ окрестности были разграблены и опустошены, жители звѣрски перебиты, какъ вдругъ, безъ всякой видимой причины, руссы сняли осаду и, захвативъ громадную добычу, ушли на своихъ ладьяхъ. По всѣмъ вѣроятіямъ, они получили извѣстіе о приближеніи императора Михаила III съ греческими легіонами и флотомъ, съ которыми онъ пошелъ было противъ сарацинъ, но, получивъ извѣстіе о нападеніи руссовъ, поспѣшилъ вернуться для выручки столицы.

По смерти Рюрика, Олегъ, правившій за малолѣтствомъ сына Рюрика, Игоря, самъ со своею дружиной направился изъ Новгорода на югъ, оставивъ въ сѣверныхъ городахъ и земляхъ своихъ мужей. На пути Олегъ овладѣлъ страною кривичей и ихъ городомъ Смоленскомъ, Сѣверскою областью съ главнымъ городомъ Любечемъ и наконецъ Кіевомъ (въ 882 году).

Со времени похода Аскольда и Дира по 907 годъ, т.-е. въ продолженіе 42 лѣтъ, отношенія Руси къ Византіи были повидимому мирнаго свойства. Руссы находились даже на греческой службѣ: такъ, въ 902 году, при Львѣ Премудромъ, у него во флотѣ служили 700 человѣкъ руссовъ, принимавшихъ участіе въ походѣ на островъ Критъ. На ихъ содержаніе выходило 100 литровъ (фунтовъ) золота.

Вѣроятно со стороны грековъ послѣдовало какое-либо крупное нарушеніе договоровъ съ Русью, такъ какъ въ 907 уже году, т.-е. на 29 годъ своего управленія, Олегъ также предпринялъ походъ противъ грековъ. Въ походѣ, помимо княжеской дружины, приняли участіе: славяне (новгородцы), чудь, кривичи, мерь, поляне, сѣверяне, древляне, радимичи, хорваты, дулебы и тиверцы. Слѣдовательно, это былъ уже не набѣгъ шайки варяговъ, а предпріятіе соединенныхъ силъ всѣхъ славянскихъ и частью финскихъ племенъ, населявшихъ тогдашнюю Русь. По свидѣтельству лѣтописей, походъ былъ предпринятъ на коняхъ и ладьяхъ и послѣднихъ было 2.000, причемъ на каждой по 40 человѣкъ. Конница была отправлена сухимъ путемъ. Силы были, очевидно, весьма значительныя,—одной пѣхоты, на ладьяхъ, 80.000. Необходимо, однако, замѣтить, что это показываемое у Олега число вовсе не велико, ежели только сравнить его съ тѣми силами, которыя неоднократно собирались въ этихъ же странахъ въ еще болѣе древнія времена. Митридатъ, напримѣръ, для войны противъ римлянъ, собралъ въ Великой Скиѳіи, т.-е. той же южной Россіи, 190.000 пѣхоты и 16.000 конницы. Историкъ Зосимъ говоритъ, что въ III вѣкѣ скиѳы собрали у Днѣстра 6.000 судовъ и посадили на нихъ 320 тысячъ войска для набѣга на Византію, тогда еще римскую провинцію. Поэтому нѣтъ основанія предполагать невозможнымъ и для Олега выполнить свои вооруженія въ приведенномъ размѣрѣ, тѣмъ болѣе, что и силы-то его далеко не такъ баснословны, какъ только-что приведенныя.

Походъ Олега увѣнчался полнымъ успѣхомъ, такъ какъ греки, въ виду угрожавшей Царьграду осады, согласились на потребованныя Олегомъ условія мира, уплатили по 12 гривенъ на ладью и заключили предварительный, а впослѣдствіи окончательный мирный договоръ, по которому руссы пріобрѣли существенныя права въ греческихъ областяхъ.

Изъ преданій объ Олегѣ видно, что онъ представлялся не столько храбрымъ воиномъ и предводителемъ, сколько мудрымъ, искуснымъ и

хитрымъ. Онъ же является первымъ собирателемъ племенъ; онъ строитъ города и подъ его общимъ знаменемъ племена впервые познаютъ свое единство и соединенными силами участвуютъ въ походѣ.

Игорь и его войны. — Походы руссовъ въ Средиземное и Каспійское моря.

При Игорѣ, княжившемъ послѣ Олега (912—945 г.), по свѣдѣніямъ восточныхъ лѣтописей, руссы предприняли походъ въ Хазарское (Каспійское) море. Впрочемъ, еще и ранѣе русы совершали набѣги въ Каспійское море; первый изъ нихъ относится къ 880 году, когда руссы произвели нападеніе на Абезгунъ, но всѣ при этомъ погибли. Второй—въ 909 году: руссы на 16 ладьяхъ появились въ Табаристанѣ и опустошили его; а въ 935 г., вмѣстѣ съ греками, дѣлали набѣгъ въ Италію *). Теперь же, въ 913 году, уже 500 русскихъ судовъ, имѣя по 100 человѣкъ на каждомъ, т.-е. 50.000, вошли въ Донъ и съ разрѣшенія хазарскаго кагана поднялись вверхъ, переволокли свои суда въ Волгу и по ней уже вошли въ Каспійское море. Здѣсь они принялись грабить западный берегъ вплоть до Нефтяной земли и области Адербайджанской и главнаго ея города Ардебиля, а на югъ до города Сари. Послѣ каждаго набѣга руссы скрывались на островахъ, и попытка хана Адербайджанскаго выбить ихъ съ острововъ кончилась полною неудачей.

Награбивъ достаточныя богатства, руссы двинулись обратно и, согласно уговору, послали Хазарскому кагану половину своей добычи. Мусульманская гвардія кагана потребовала, однако, разрѣшенія напасть на руссовъ, чему каганъ не могъ воспрепятствовать, и только предупредилъ руссовъ объ угрожавшей имъ опасности. Мусульмане и христіанскіе жители Итиля, въ числѣ 15.000 человѣкъ, двинулись противъ руссовъ, которые встрѣтили ихъ выйдя изъ своихъ лодокъ. Бой продолжался три дня сряду и кончился полнымъ пораженіемъ руссовъ, изъ которыхъ едва 5.000 успѣли уйти вверхъ по Волгѣ, но и эти остатки были истреблены болгарами.

Самъ Игорь предпринималъ два похода въ Византію,—первый въ 941 году, окончившійся неудачею. Князь пошелъ моремъ къ берегамъ Византійской имперіи, съ силами, простиравшимися, вѣроятно, до 10.000, или нѣсколько болѣе. Греки, унавшіе объ этомъ черезъ болгаръ, находились въ крайне затруднительномъ положеніи: флотъ ихъ и большая часть войскъ были въ то время направлены противъ сарацинъ, а руссы между тѣмъ успѣли уже высадиться 11-го іюня у Босфора и опустошали окрестности греческой столицы.

*) Карамзинъ. Ист. гос. Рос. I, 147.

Въ гавани Царьграда нашлось всего десятка полтора старыхъ кораблей (хеландій), и императоръ Романъ, самъ бывшій морякъ, приказалъ ихъ исправить и снабдить огнеметательными снарядами. Снаряды эти (аргументы), т.-е. трубы, изъ которыхъ пускали на врага знаменитый греческій огонь, были установлены не только на кормѣ, но и на носу и на обоихъ бортахъ хеландій, такъ что бросать огонь было удобно во всѣ стороны. Вѣроятно, главною составною частью греческаго огня была нефть, какъ извѣстно, горящая и на водѣ. Сами греки называли его „влажнымъ огнемъ“.

Снаряженный такимъ образомъ, флотъ стоявшій готовымъ къ бою, у сѣвернаго, т.-е. Европейскаго берега Босфора, и находившійся подъ начальствомъ протовестіарія Ѳеофана *), встрѣтилъ русскихъ у Фара или Искреста, т.-е. манка при выходѣ изъ пролива въ Черное море. На этомъ флотѣ находились всѣ, наскоро собранныя изъ разныхъ мѣстъ войска. Погода была совершенно тихая, что было очень выгодно для грековъ, такъ какъ только въ тихую погоду можно было удачно дѣйствовать греческимъ огнемъ; при вѣтрѣ же и при волненіи онъ большею частью не достигалъ цѣли. Когда суда противниковъ сблизились и греческій огонь былъ пущенъ во всѣ стороны, то поражаемыя имъ русскія ладьи и все на нихъ находящееся немедленно загорались. Горящіе руссы бросались понятно въ воду, спасаясь отъ огня, но и здѣсь продолжали горѣть. Чтобы спасти отъ гибели оставшуюся часть судовъ, Игорь перевелъ ихъ къ Азіатскому берегу, высадился въ Виѳиніи и опустошилъ, какъ этотъ городъ, такъ и его окрестности.

Здѣсь, на Мало-Азіатскомъ берегу руссы продолжали держаться и грабить страну до сентября мѣсяца. Отряды ихъ не разъ терпѣли пораженія отъ византійскихъ войскъ, находившихся подъ начальствомъ патрикія Варды Фоки и доместика **) Іоанна Куркуя. Тѣмъ не менѣе, Игорь принялъ рѣшеніе возвратиться домой только тогда, когда довольствовать войска въ совершенно разоренномъ краѣ стало очень трудно. На обратномъ пути его флотъ былъ снова атакованъ сторожившимъ его Ѳеофаномъ и снова разбитъ. Говорятъ, что послѣ этого Игорь всего только съ десятью ладьями успѣлъ дойти до Босфора Киммерійскаго (теперь Керченскій проливъ).

Возвратившіеся съ похода, описывали страшное дѣйствіе, до тѣхъ поръ неизвѣстнаго греческаго огня, называя его „небесною молніею“ и говоря: „ако же молонья, иже на небесехъ, греци у собе имутъ. Сего ради не одолѣхомъ ихъ“ ***)

---

*) Протовестіаріемъ назывался хранитель императорскаго платья.

**) Доместикъ—начальникъ полковъ, стоящихъ въ Царьградѣ.

***) Несторъ, 18.—Первая Софійская лѣтопись, стр. 97.—Георгій Амертоло, 245—246.—Карамзинъ. I, стр. 147—149.

По возвращеніи въ Россію, Игорь посвятилъ три года на приготовленія къ новому походу на Царьградъ и въ 944 году предпринялъ его уже съ гораздо болѣе значительными силами. Наняты были печенѣги и направились войска Игоря моремъ на ладьяхъ и сухимъ путемъ. Корсуняне, обитатели Крыма, дали знать въ Царьградъ, что „Русскіе корабли, безъ счета, покрыли собою море". Съ другой стороны, болгары также увѣдомили грековъ, что „идутъ Руссы и наняли себѣ печенѣговъ". Испуганные греки послали на встрѣчу Игорю посольство, предлагая большой выкупъ. „Не ходи, но возьми дань, какую взялъ Олегъ,— говорили посланные,—а мы еще прибавимъ къ той дани". Вслѣдствіе чего Игорь, уже дошедшій до Дуная, созвалъ дружину, чтобы обсудить предложеніе императора. Дружина рѣшила не бившись взять выкупъ въ золотѣ, серебрѣ и паволокахъ (шелковыя матеріи). „Какъ знать,— говорила дружина,—кто одолѣетъ: мы или они? Да съ моремъ нельзя заранѣе уговориться". Предпочитая вѣрное невѣрному, Игорь взялъ съ грековъ дань и возвратился *во-свояси*, оставивъ печенѣговъ воевать съ болгарами, такъ какъ греки дали и печенѣгамъ богатый выкупъ, чтобы отклонить ихъ вторженіе *). Въ слѣдующемъ же году былъ заключенъ мирный договоръ, менѣе однако выгодный для русскихъ, чѣмъ Олеговъ.

Къ этому же времени, т.-е. къ 943 году, относится четвертый походъ руссовъ въ Каспійское море, откуда они поднялись вверхъ по рѣкѣ Курѣ до г. Берда взяли городъ Берда, столицу Аррана, и разбили еще потомъ тридцатитысячный мусульманскій отрядъ Муссафира. Развивавшаяся однако среди русскихъ заразная болѣзнь отъ неумѣреннаго употребленія плодовъ, настолько ослабила ихъ силы, что, разбитые правителемъ Адербайджана Муссафиромъ, они, послѣ продолжительной обороны крѣпости Берда, вынуждены были сѣсть на свои суда и возвратиться домой. Муссафиръ не препятствовалъ имъ удалиться, довольный тѣмъ, что избавился отъ нихъ.

Сказанія объ Игорѣ вообще рисуютъ его вождемъ не смѣлымъ, новыхъ племенъ онъ не покоряетъ, дружина его бѣдна и робка. Съ большими силами, какъ мы видѣли, Игорь возвращается безъ боя изъ похода на грековъ, потому что ни онъ, ни дружина не увѣрены въ себѣ. Къ тому же онъ былъ корыстолюбивъ и жаденъ, не любилъ дѣлить добычу съ дружиной, почему, взявъ уже дань съ древлянъ, отсылаетъ дружину и остается почти одинъ, чтобы вторично взять дань, но ужъ себѣ одному, за что и былъ убитъ древлянами.

Святославъ I и его войны съ болгарами и греками.

Совершенную противоположность приведенному выше характеру Игоря представляетъ его сынъ Святославъ (957—972 г.). Это былъ во-

*) Несторъ, 19.—Арцыбашевъ, I, 26.—Первая Софійская лѣтопись, 99.

инъ въ душѣ, жившій одною войной и воевавшій для славы, а не для власти или добычи. Всѣ 15 лѣтъ своего княженія Святославъ велъ войны, совершенно пренебрегая всякими удобствами жизни. Идя въ походъ, обоза онъ не имѣлъ, мяса не варилъ, а пекъ на угольяхъ конину, звѣрину или говядину. Шатра у него не было, спалъ же онъ на потникѣ, положивъ подъ голову сѣдло вмѣсто подушки. Воюя не съ соединенными силами подвластныхъ ему племенъ, а съ отборною дружиной такихъ же, какъ онъ, удальцовъ, стекавшихся къ нему со всѣхъ сторонъ, Святославъ и дѣйствовалъ быстро. Не стѣсняемый обозомъ, онъ могъ дѣлать быстрые и большіе переходы, по словамъ преданія, „ходя легко какъ пардусъ (барсъ)“. Предпринимая противъ кого-либо походъ, Святославъ посылалъ обыкновенно къ своимъ противникамъ объявленіе:— „иду на васъ“.

Прежде всего Святославъ въ 966 году двинулся на хазаръ, разбилъ ихъ кагана и взялъ ихъ главный городъ на Дону—Саркелъ, или Бѣлую-Вежу. Послѣ этого онъ проникъ въ сѣверный Кавказъ и побѣдилъ ясовъ и касоговъ.

По свѣдѣніямъ восточныхъ писателей, въ 968 году *) Святославъ пошелъ противъ волжско-камскихъ болгаръ, разграбилъ ихъ главный городъ Болгаръ, откуда спустился внизъ по Волгѣ. На пути имъ были взяты и разрушены хазарскіе города: Козеронъ, Итиль и Семендеръ, послѣ чего, выйдя въ Каспійское море, онъ черезъ Кавказъ двинулся обратно въ Россію, покоривъ еще и Тмутаракань на берегу Босфора Киммерійскаго. Вслѣдъ затѣмъ Святославъ побѣдилъ и наложилъ дань на вятичей, единственное сохранившее до сихъ поръ самостоятельность славянское племя.

Наибольшій, однако, интересъ представляютъ войны, веденныя Святославомъ I въ Болгаріи, и его борьба съ Греціей, для ознакомленія съ которыми имѣются сравнительно богатые источники,

Возникновеніе предпріятія Святослава противъ дунайскихъ болгаръ нѣкоторыми изъ византійскихъ писателей объясняется слѣдующимъ образомъ. Въ 966 году между императоромъ Никифоромъ Фокою и царемъ болгаръ Петромъ возникли настолько серьезныя разногласія и неудовольствія, что очевидна была неизбѣжность войны. Между тѣмъ для Греціи, занятой серьезною борьбой съ сарацинами, эта новая война была совсѣмъ нежелательна и опасна.

Вслѣдствіе этого императоръ отправилъ патрикія Калокиру, сына херсонскаго намѣстника, съ порученіемъ склонить Святослава сдѣлать набѣгъ на Болгарію, какъ говорятъ, за громадную сумму 15 кентинарій золота. Это составляло 1.500 литровъ или 26 — 27 пудовъ золота,

*) См. карту № 1.

представлявшихъ цѣнность равняющуюся почти 400.000 серебряныхъ рублей.

Великій князь Святославъ Игоревичъ охотно согласился на сдѣланное предложеніе и въ 967 году *) весною отправился съ 10.000 воиновъ на ладьяхъ по Днѣпру и по Черному морю къ устьямъ Дуная и вступилъ въ эту рѣку чрезъ Сулинское гирло. По византійскимъ источникамъ, у Святослава было, будто бы, 60.000 человѣкъ.

Неожидавшій нападенія Петръ узналъ о немъ уже въ августѣ, когда руссы плыли вверхъ по Дунаю. Наскоро собравъ войска, онъ попытался было воспрепятствовать высадкѣ руссовъ, но былъ разбитъ и вынужденъ запереться въ Доростолѣ или Дристрѣ (Силистрія). Святославъ быстро овладѣлъ всею восточною частью Болгаріи, занялъ Переяславецъ (нынѣшніе Праводы) и даже проникъ во Ѳракію и Македонію. Успѣхамъ Святослава много способствовала смерть царя Петра, послѣдовавшая вскорѣ послѣ понесеннаго имъ пораженія. Святославъ, совершенно правильно оцѣнивая важность пріобрѣтенія для Руси такого богатаго края, какъ Болгарія, всю выгоду ея положенія въ торговомъ отношеніи и главное—значеніе Дуная, какъ первостепеннаго торговаго пути, рѣшился остаться въ Болгаріи и свою столицу перенести въ Переяславецъ.

Вопросъ о томъ, гдѣ находился Переяславецъ, не вполнѣ выясненъ. Многіе полагаютъ, что онъ былъ на мѣстѣ турецкаго Эски-Стамбула. Но Несторъ упоминаетъ, что Переяславецъ былъ *на Дунаѣ*, слѣдовательно не на мѣстѣ Эски-Стамбула **).

Дандевиль утверждаетъ, что Переяславецъ стоялъ на мѣстѣ нынѣшней Девно (въ 20 верстахъ къ сѣверу отъ Праводъ), гдѣ находятся и теперь еще слѣды обширныхъ крѣпостныхъ сооруженій. По новѣйшимъ изслѣдованіемъ Черткова и Буткова—то былъ Рущукъ, который болгары называютъ Руси, а румыны—Рушукулуй, называя русскихъ рушами.

Всего вѣроятнѣе, что были двѣ русскія столицы въ Болгаріи: одна въ Рущукѣ на Дунаѣ, а другая въ нынѣшней Праводѣ ***), лежащей „далеко отъ Дуная, при выходѣ изъ дефилей Балканскихъ горъ“.

Праводскій проходъ черезъ Балканы и теперь считается лучшимъ.

Императоръ Никифоръ только теперь понялъ, что призваніе Святослава не только не поправило дѣлъ имперіи, а скорѣе даже ухудшало ихъ, такъ какъ безпокойные руссы въ Болгаріи являлись еще болѣе опасными сосѣдями. Къ тому же онъ узналъ и о намѣреніи Калокира, находившагося при Святославѣ, воспользоваться содѣйствіемъ руссовъ, чтобы овладѣть императорскимъ престоломъ. Никифоръ Фока сталъ готовиться къ войнѣ, собирать и обучать войска, усиливать укрѣпленія Царьграда, на стѣнахъ котораго приказалъ установить множество метательныхъ машинъ, а входъ въ Суду (Царьградскій заливъ) преградить тяжелою цѣпью. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ старался возбудить болгаръ про-

*) По Голицыну: въ 968 году.

**) Нынѣшняя Джумма, верстахъ въ 20-ти къ западу отъ Шумлы.

***) Верстахъ въ 60-ти къ востоку отъ Шумлы и въ 50-ти западнѣе Варны. *Ред.*

тивъ руссовъ, и есть основанія предполагать, что онъ же подкупилъ печенѣговъ произвести нападеніе на Кіевъ. Въ 968 году печенѣги дѣйствительно осадили Кіевъ, въ которомъ находилась княгиня Ольга съ дѣтьми Святослава. Воеводѣ Претичу, собравшему кое-какія войска, удалось обманомъ спасти Кіевъ отъ разоренія; онъ увѣрилъ печенѣговъ въ томъ, что его отрядъ только авангардъ уже приближающагося Святослава. Печенѣги поспѣшили снять осаду и двинулись назадъ въ степи, но Святославъ, извѣщенный объ осадѣ, посадивъ дружину на коней, быстро прибылъ къ Кіеву. Не заставъ уже здѣсь печенѣговъ, онъ двинулся въ степи, настигъ и разбилъ ихъ и принудилъ заключить миръ.

Освободивъ Кіевъ отъ печенѣговъ, Святославъ сказалъ своей матери, княгинѣ Ольгѣ:—„не любо мнѣ оставаться въ Кіевѣ. Хочу жить въ Переяславцѣ *на Дунаи*, яко то есть среда въ земли моей“ *).

Въ 969 году скончалась великая княгиня Ольга, и Святославъ, отдавъ Русь своимъ тремъ сыновьямъ, въ 970 уже году вновь отправился въ Болгарію. Здѣсь онъ былъ встрѣченъ враждебно болгарами, и хотя высадился безпрепятственно, но ему снова пришлось брать съ боя Переяславецъ, Доростолъ и другіе болгарскіе города.

Между тѣмъ и въ Царьградѣ за это время произошелъ переворотъ. Никифоръ Фока былъ убитъ Іоанномъ Цимисхіемъ, вступившимъ на престолъ въ декабрѣ 969 года. Новый императоръ, желая оградить сѣверныя границы государства отъ руссовъ, но къ войнѣ еще неготовый, два раза отправлялъ къ Святославу посольства. Онъ обѣщалъ значительно увеличить сумму, которую, повидимому, Никифоръ Фока обязался уплатить, но съ тѣмъ однако, чтобы руссы очистили Болгарію, грозя въ противномъ случаѣ войною. Святославъ гордо отвѣчалъ посламъ, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Да не трудится императоръ путемъ въ нашу землю!... Мы сами скоро поставимъ шатры свои передъ вратами Византіи; обнесемъ городъ крѣпостнымъ валомъ и, если онъ рѣшится выступить на подвигъ,—мы храбро встрѣтимъ его“. При этомъ Святославъ совѣтовалъ Цимисхію удалиться въ Малую Азію.

Въ виду неизбѣжности войны и желая обезпечить свои приготовленія къ ней, Цимисхій выслалъ Варда Склира съ 10.000 отрядомъ на границы Болгаріи. Святославъ также собралъ до 30.000 человѣкъ болгаръ и наемныхъ венгровъ и печенѣговъ, перешелъ съ ними Гемскій хребетъ (Балканы), взялъ Филиппополь **) и заставилъ Варда Склира запереться въ Адріанополѣ. Святославъ обложилъ городъ, но войска его немедленно принялись за грабежъ страны, для чего разсѣялись въ окрестностяхъ Адріанополя и не принимали никакихъ мѣръ осторожности.

*) Несторъ, 28.

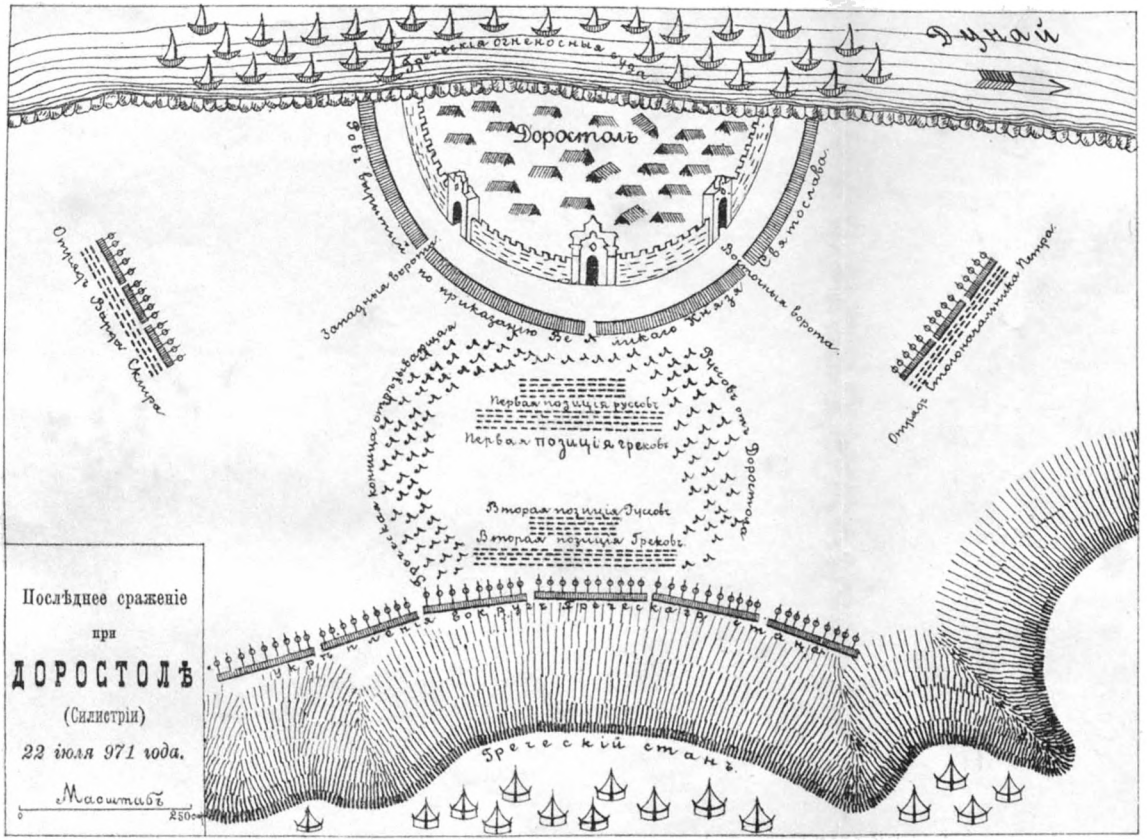
**) По словамъ византійцевъ, Святославъ приказалъ здѣсь посадить на колъ до двадцати тысячъ болгаръ.

Пользуясь этимъ, Варда Склиръ вышелъ изъ города, расположилъ часть своихъ войскъ въ засадѣ, а конницу выслалъ впередъ завязать дѣло и заманить непріятеля на засаду. Печенѣги, обманутые этимъ маневромъ, были опрокинуты; на помощь имъ двинулся Святославъ, имѣя впереди венгерскую конницу. Въ свою очередь, опрокинутые венгры разстроили сзади находившуюся пѣхоту, которую вслѣдъ затѣмъ Варда Склиръ окружилъ и атаковалъ со всѣхъ сторонъ. Понеся громадныя потери, Святославу удалось однако пробиться и отступить за Гемскій хребетъ, къ Дунаю. Интересно привести здѣсь цифровыя данныя, приводимыя византійскими историками при описаніи этой войны. Такъ, напримѣръ, силы Святослава во время его дѣйствій противъ Варда Склира показываются въ 300.000 человѣкъ. Эта 300.000 армія разбита, какъ мы видѣли, подъ Адріанополемъ всего 10.000 отрядомъ грековъ! Но лучше всего то, что руссовъ погибло будто бы въ этомъ сраженіи болѣе 20.000 человѣкъ, а греки потеряли 55 человѣкъ убитыми и много раненыхъ. Это показываетъ, съ какою осторожностью слѣдуетъ довѣрять греческимъ писателямъ, того времени.

Пораженіе подъ Адріанополемъ имѣло однако мало вліянія на положеніе руссовъ, продолжавшихъ и послѣ этого разорять Ѳракію и Македонію. Варда Склира пришлось отозвать изъ Адріанополя и отправить въ Малую Азію противъ возставшаго Варды Фоки, брата убитаго Никифора. Положеніе Цимисхія было крайне затруднительно, — надо было предпринять рѣшительныя дѣйствія для обузданія все увеличивающейся смѣлости руссовъ. Но для этого требовались значительныя приготовленія, окончить которыя нельзя было ранѣе весны слѣдующаго года; да къ тому же въ наступившее зимнее время переходъ черезъ Гемскій хребетъ считался невозможнымъ. Въ виду этого Цимисхій снова завелъ переговоры со Святославомъ, послалъ ему значительные подарки, обѣщая остальные прислать весною, и, по всѣмъ вѣроятіямъ, дѣло закончилось заключеніемъ предварительнаго договора о мирѣ. Существованіе договора доказывается уже тѣмъ, что весною въ станъ Цимисхія прибыло отъ Святослава посольство для предъявленія цѣлаго ряда жалобъ, которыя, разумѣется, могли имѣть мѣсто только при условіи мирныхъ отношеній, основанныхъ на какомъ-либо договорѣ. Этимъ же объясняется и оставленіе Святославомъ незанятыми горныхъ проходовъ (клиссуръ) черезъ Гемскій хребетъ.

Между тѣмъ весною 971 года Цимисхій, пользуясь разбросаннымъ положеніемъ силъ Святослава по Болгаріи и его увѣренностію въ мирѣ, неожиданно выслалъ изъ Суда свой флотъ, состоявшій изъ 300 судовъ, съ приказаніемъ войти въ Дунай, а самъ съ войсками двинулся къ Адріанополю. Здѣсь императоръ былъ чрезвычайно обрадованъ доставленнымъ ему извѣстіемъ, что горные проходы не заняты руссами, вслѣд-

Планъ № 1.


Дунай
Греческія огненосныя суда
Доростолъ
Ровъ вырытый по приказанію Великаго Князя Святослава.
Западныя ворота
Восточныя ворота
Отрядъ Варды Скира
Отрядъ Столоначальника Петра
Первая позиція русовъ
Первая позиція грековъ
Вторая позиція Русовъ
Вторая позиція Грековъ
Греческая конница отрѣзывающая Русовъ отъ Доростола
Укрѣпленія вокругъ Греческаго стана
Греческій станъ
Послѣднее сраженіе
при
ДОРОСТОЛѢ
(Силистріи)
22 іюля 971 года.
Масштабъ
0
250

ствіе чего Цимисхій во главѣ своихъ безсмертныхъ тѣлохранителей (конные латники числомъ до 2.000 человѣкъ) и имѣя сзади 15.000 пѣхоты и 13.000 конницы, всего 30.000, безпрепятственно прошелъ страшныя клиссуры и 12-го апрѣля совершенно неожиданно для руссовъ подошелъ къ Преславѣ, занятой воеводою Святослава Сфенкеломъ *). На другой день Цимисхій, построивъ свою армію въ густыя фаланги, двинулся къ городу, передъ которымъ его ожидали построившіеся на открытомъ мѣстѣ руссы. Завязался чрезвычайно упорный бой, но руссы, не имѣя конницы, не могли устоять противъ греческихъ всадниковъ и, когда безсмертные охватили ихъ лѣвое крыло, вынуждены были отступить въ городъ.

14-го числа прибыли къ Цимисхію остальныя его войска съ камнеметными и стѣнобитными машинами. Торопясь взять Преславу до прибытія на выручку Святослава, греки, безъ труда разбившіе деревянныя стѣны, пошли немедленно на приступъ и послѣ отчаяннаго боя овладѣли городомъ. Сфенкелъ отступилъ и заперся въ царскомъ дворцѣ, въ которомъ продолжалъ обороняться до тѣхъ поръ, пока Цимисхій не приказалъ зажечь его. Выгнанные пламенемъ изъ дворца, руссы вышли изъ него и отчаянно отбивались отъ окружившихъ ихъ грековъ. Почти всѣ были истреблены, только самому Сфенкелу, всего съ нѣсколькими воинами, удалось пробиться и уйти къ Святославу въ Доростолъ.

Въ Преславлѣ греками былъ взятъ въ плѣнъ болгарскій царь Борисъ, котораго Цимисхій отпустилъ на свободу и даже заключилъ съ нимъ союзъ.

Въ это время, какъ уже сказано, войска Святослава были разбросаны не только по всей Болгаріи, но и въ Македоніи, и войны онъ очевидно не ожидалъ. Болгары съ самаго начала военныхъ дѣйствій возстали противъ него, такъ что съ одною своею русскою дружиной и частью наемныхъ венгровъ и печенѣговъ, Святославу приходилось бороться съ Цимисхіемъ. Усилія Святослава собрать свои войска къ Доростолу не могли увѣнчаться особеннымъ успѣхомъ, ежели только принять во вниманіе съ одной стороны неожиданность для него войны, а съ другой—быстроту дѣйствій Цимисхія. Дѣйствительно, 13-го апрѣля произошло неожиданное для русскихъ (по словамъ византійскихъ лѣтописцевъ) первое сраженіе подъ Преславою, а 23-го апрѣля, т.-е. черезъ 10 дней, самъ Святославъ былъ уже атакованъ греками подъ Доростоломъ. Этими обстоятельствами объясняется, почему Святославъ, всегда первымъ нападавшій на врага, на этотъ разъ не выступилъ даже на встрѣчу Цимисхію. Съ его стороны это было даже весьма благоразумно, такъ какъ со своими слабыми силами **) и безъ конницы онъ легко могъ быть окруженъ и отрѣзанъ отъ

*) Это еще болѣе подтверждаетъ мысль, что одна изъ Преславъ была въ Правобѣ.—*Ред.*

**) Вѣрить показаніямъ византійцевъ, что у него было, по однимъ 330 т., а по другимъ 60 т., повидимому, невозможно.

Доростола превосходною многочисленною греческою конницей. Между тѣмъ въ Доростолѣ находились всѣ его ладьи, а Дунай былъ для него единственнымъ путемъ отступленія.

Принявъ мѣры къ оборонѣ, Святославъ желалъ выиграть необходимое для ихъ исполненія время и потому, чтобы задержать противника, выслалъ ему на встрѣчу, къ нынѣшнему Афіотару *), свой передовой отрядъ. 23 апрѣля, произошелъ бой при Афіотарѣ. Русскіе устроили грекамъ засаду и нанесли имъ сильный уронъ. Жестокій бой, съ обѣихъ сторонъ, длился цѣлый день. 12 разъ перевѣсъ склонялся то на ту, то на другую сторону. Наконецъ русскіе, опасаясь быть отрѣзанными отъ крѣпости приближающеюся главною арміею грековъ, отступили къ Доростолу.

Главныя силы грековъ, выйдя вслѣдъ затѣмъ на лежавшее передъ Доростоломъ поле, увидали руссовъ (тавроскиѳовъ) построенными въ боевой порядокъ, въ видѣ твердой стѣны, составленной изъ щитовъ и копій. Императоръ также построилъ свои войска, поставя въ первую линію конницу, а за нею пращниковъ и пѣхоту. Завязавшійся ожесточенный бой отличался чрезвычайнымъ упорствомъ и затянулся до заката солнца. Къ вечеру уже греки повели рѣшительную атаку на лѣвое крыло руссовъ, въ свою очередь также получившихъ подкрѣпленіе, а потому продолжавшихъ удерживаться. Цимисхій вынужденъ былъ собрать здѣсь всю массу своей конницы и, лично ставъ во главѣ ея, повелъ снова атаку. Не имѣющіе конницы, утомленные руссы уже не были въ состояніи отразить натискъ конныхъ латниковъ и съ огромными потерями отступили въ городъ и въ немъ заперлись. Греческая армія отступила, нѣсколько, отъ крѣпости и расположила свой станъ на высотахъ, окружающихъ городъ съ юга; а на другой день, по приказанію императора, укрѣпила его глубокимъ рвомъ съ валомъ **).

25-го апрѣля Цимисхій попытался, но неудачно, овладѣть городомъ приступомъ. Вечеромъ же руссы произвели сильную вылазку; причемъ, по сказаніямъ византійцевъ, они въ первый разъ попробовали дѣйствовать въ конномъ строю, но, имѣя дурныхъ коней, набранныхъ въ крѣпости и не привыкшихъ къ бою, были опрокинуты греческою конницею .Въ этотъ же день подошелъ греческій флотъ и расположился на Дунаѣ противъ города, вслѣдствіе чего руссы были окончательно обложены и не смѣли болѣе выходить на своихъ ладьяхъ, боясь греческаго огня. Для безопасности, Святославъ приказалъ вытащить лодки изъ воды и поставить ихъ на берегу.

26-го числа руссы снова сдѣлали вылазку, но уже со всѣми своими силами. Вооруженные длинными, до самыхъ ногъ, щитами и покрытые кольчугами и бронями, руссы, выйдя въ сумерки изъ крѣпости и, соблюдая полную тишину, подошли къ греческому стану и неожиданно атаковали грековъ. Завязавшійся ночной бой длился съ пере-

*) Къ юго-западу отъ Силистріи.

**) См. планъ № 1 послѣдняго сраженія при Доростолѣ.

мѣннымъ успѣхомъ до полудня 27-го числа, когда былъ убитъ Сфенкелъ, доблестный защитникъ Преславы, послѣ чего руссы отступили.

Въ ночь съ 27-го на 28-е Святославъ, ожидая, въ свою очередь, нападенія, приказалъ вырыть глубокій ровъ вокругъ городскихъ стѣнъ и рѣшился обороняться до послѣдней крайности. Цимисхій же ограничился однимъ обложеніемъ, надѣясь голодомъ заставить Святослава сдаться. Въ скоромъ времени руссы стали дѣйствительно ощущать недостатокъ въ продовольствіи, добывать которое въ окрестностяхъ было крайне трудно. Вслѣдствіе этого Святославъ, воспользовавшись одною изъ темныхъ и бурныхъ ночей съ сильнымъ дождемъ и грозою, выслалъ на ладьяхъ двухтысячный отрядъ для пріисканія продовольствія. Отряду этому удалось не только собрать большіе запасы, но на обратномъ пути разбить еще греческій отрядъ, также производившій фуражировку и отобрать у него все имъ собранное. Разсерженный Цимисхій принялъ тогда самыя строгія мѣры, дабы преградить русскимъ всякую возможность выходить изъ города. Всѣ дороги и тропинки были перекопаны рвами и заняты отдѣльными отрядами, а на Дунаѣ флотъ усилилъ свою бдительность. Вся конница греческая была выслана для наблюденія дорогъ, ведущихъ съ запада и съ востока въ крѣпость.

Положеніе осажденныхъ стало весьма затруднительнымъ: къ этому времени, т.-е. къ 28-му іюня, прошло уже 65 дней осады, сопровождавшейся притомъ почти ежедневными боями. Въ городѣ скопилось множество раненыхъ и наступалъ уже положительный голодъ. Между тѣмъ стѣнобитныя машины грековъ все время дѣйствовали и разрушали стѣны города, а каменометныя орудія причиняли большія потери въ людяхъ.

Съ 29 іюня послѣдовалъ трехнедѣльный перерывъ въ дѣйствіяхъ. Греки не производили болѣе атакъ, ожидая результатовъ тѣснаго обложенія и дѣйствія своихъ машинъ; осажденные же не выходили изъ города, желая усыпить грековъ, чтобы ударить на нихъ потомъ неожиданно и овладѣть метательными машинами, наносившими значительный вредъ осажденнымъ. Уже 19 іюля Святославъ, съ цѣлью избавиться отъ убійственнаго дѣйствія этихъ машинъ, выслалъ отрядъ, стремительно напавшій на грековъ, прикрывавшихъ машины и находившихся подъ начальствомъ магистра Іоанна Куркуаса, который былъ убитъ во время этой вылазки. По блестящему вооруженію и вызолоченному конскому убору онъ былъ принятъ за императора, что значительно ободрило осажденныхъ, на другой же день, 20-го, снова произведшихъ сильную вылазку. Встрѣченные греками, построенными въ клинообразный боевой порядокъ, руссы были опрокинуты, но отступили въ полномъ порядкѣ,—„положа щиты на спины“. Между оставленными на полѣ сраженія тѣлами греки нашли между руссами

много женщинъ въ мужскомъ одѣяніи. Въ войскѣ Святослава былъ также въ этомъ дѣлѣ убитъ, старшій по немъ, воевода Икморъ, извѣстный своею богатырскою силою. Гдѣ онъ появлялся—кругомъ его ложились грудами трупы враговъ. У грековъ, по словамъ лѣтописца, былъ также силачъ Анемасъ. Проложивъ себѣ мечемъ дорогу чрезъ ряды руссовъ, Анемасъ сразился съ Икморомъ и, будто бы, однимъ ударомъ меча отсѣкъ ему голову и правую руку. Въ свѣтлую, лунную ночь, наступившую вслѣдъ за боемъ, руссы совершили на полѣ сраженія тризну по павшимъ воинамъ. Тѣла убитыхъ были собраны и сожжены на кострахъ, причемъ умерщвлено было множество плѣнныхъ мущинъ, женщинъ и дѣтей, брошенныхъ въ Дунай.

Положеніе Святослава становилось однако безвыходнымъ. На помощь извнѣ невозможно было разсчитывать, а выходы всѣ заперты. Войско Святослава умирало съ голода и чрезвычайно быстро таяло, а у Цимисхія не было ни въ чемъ недостатка; даже во время сраженій за греческими войсками возили вино и другіе продукты. Къ тому же потери грековъ безпрепятственно пополнялись прибывавшими свѣжими войсками и силы ихъ даже возрастали, тогда какъ силы Святослава, уменьшались съ каждымъ днемъ. При такихъ обстоятельствахъ Святославъ, созвалъ 21-го іюля на совѣтъ свою дружину, по повидимому это было имъ сдѣлано не столько для совѣта, сколько для того, чтобы воодушевить дружину къ предстоящему и уже рѣшенному имъ послѣднему бою.

На этомъ совѣтѣ Святославъ указалъ на безвыходность своего положенія. Для избѣжанія катастрофы, одни совѣтовали выждать темной ночи, спустить въ Дунай бывшія на берегу лодки и, соблюдая возможную тишину, спуститься, незамѣтно, внизъ по Дунаю. Другіе же находили это предпріятіе рискованнымъ, и потому совѣтовали просить у грековъ замиренія. Но не такъ думалъ Святославъ. Тутъ-то были произнесены имъ тѣ безсмертныя слова, которыя стали гордостью русскаго народа и девизомъ русскаго воина во всѣхъ случаяхъ, гдѣ приходилось дѣлать выборъ—между доблестью и смертью. Святославъ сказалъ: „Выбирать намъ не изъ чего. Волей или неволей мы должны драться. Не посрамимъ же земли русскія, но ляжемъ костьми—мертвые бо срама не имамъ. Станемъ крѣпко. Я пойду впереди васъ, и если глава моя ляжетъ, то поступите какъ заблагоразсудите (то промыслите собою)“ *).

Наэлектризованные этою геройскою рѣчью, вожди, рѣшили побѣдить или умереть.

Наступило утро 22 іюля, долженствовавшее рѣшить участь отчаяннаго, генеральнаго боя.

Святославъ вывелъ въ поле всѣхъ способныхъ владѣть оружіемъ и приказалъ запереть всѣ городскія ворота, чтобы никто не могъ вернуться въ крѣпость.

Завидя выступленіе руссовъ, Цимисхій также вывелъ свою армію изъ укрѣпленій, и построился къ бою, а потомъ двинулся противъ русскихъ, стоявшихъ подъ крѣпостью. Начался жестокій бой.

Обѣ стороны дрались отчаянно. Святославъ былъ раненъ и сшибленъ съ лошади, все тѣмъ же силачомъ Анемасомъ, который, однако,

*) Карамзинъ, I, 185—186; Арцыбашевъ, I, 39. Чертковъ, 60—68, 68—70, 74—76, 229—232.

вслѣдъ затѣмъ самъ былъ убитъ разъяренными руссами. На сторону послѣднихъ снова стала склоняться побѣда.

Между тѣмъ, Цимисхій, послалъ приказаніе своей кавалеріи, наблюдавшей, какъ было уже сказано, дороги въ крѣпость—спѣшить на поле битвы. У него созрѣлъ цѣлый планъ дѣйствій, указывающій на его замѣчательныя военныя способности. Планъ этотъ состоялъ въ слѣдующемъ. Пока русскіе стоятъ подъ крѣпостью, то и самое разбитіе ихъ не приведетъ ихъ къ окончательной гибели: они уйдутъ въ крѣпость. Нужно отдалить ихъ отъ крѣпости и отрѣзать отъ нея всею массою своей кавалеріи, которой у русскихъ не было вовсе. Чтобы дать время своей кавалеріи прибыть на поле битвы, Цимисхій желалъ выиграть время; для чего послалъ Святославу вызовъ—вступить съ нимъ, лично, въ единоборство.

Но Святославъ, раненный въ битвѣ *), несмотря на свою геройскую храбрость, не могъ принять вызова, зная что Цимисхій былъ чрезвычайно ловокъ, силенъ и мастерски владѣетъ оружіемъ несмотря на то что носитъ прозвище Цимисхія т. е. малорослаго. По этому онъ велѣлъ передать посланнымъ Цимисхія:—„Я самъ знаю, что мнѣ слѣдуетъ дѣлать. Если же греческому императору надоѣла жизнь, то есть много другихъ средствъ покончить съ нею“. Получивъ этотъ отвѣтъ, Цимисхій отвелъ свои войска нѣсколько назадъ, къ югу, и сталъ передъ своею укрѣпленною позиціею. Онъ зналъ, что пылкій Святославъ будетъ его преслѣдовать. Дѣйствительно, Святославъ двинулся впередъ и отошелъ отъ крѣпости. Въ это время, греческая кавалерія прибыла на мѣсто боя. Двигаясь по горамъ, она была замѣчена русскими только тогда, когда спустилась уже въ равнину, и напала на тылъ русскихъ: отрядъ столопачальника Петра съ восточной, а отрядъ Варда Склира, съ западной стороны позиціи русскихъ. Въ тотъ же моментъ, Цимисхій, со всею своею арміею, повелъ центральную атаку съ юга, съ мечемъ въ рукѣ идя во главѣ своихъ тѣлохранителей.

Въ этотъ критическій моментъ русскихъ поразила еще другая неожиданность.

Внезапно налетѣвшая гроза **) съ вихремъ, неся тучи пыли, ослѣпила войска Святослава. Пораженные неожиданностью, они дрогнули, начали отступать и, пробиваясь чрезъ массы греческой кавалеріи, успѣли, хотя съ большими потерями, проложить себѣ путь къ крѣпости и укрыться въ ней. Потери Святослава въ этомъ послѣднемъ бою были очень велики: по словамъ византійцевъ, онѣ простирались даже до 15 тысячъ.

Потерпѣвъ столь рѣшительное пораженіе и не имѣя никакой возможности разсчитывать на успѣхъ впослѣдствіи, Святославъ вынужденъ былъ вступить въ переговоры съ Цимисхіемъ, для чего отправилъ уполномоченныхъ въ Деревестръ, гдѣ въ это время находился императоръ. Цимисхій ласково принялъ пословъ Святослава, радуясь возможности замиренія и окончанія войны, конца которой, въ виду энергіи Святослава, не предвидѣлъ. Договоръ состоялся. Въ силу этого договора Святославъ получилъ право возвратиться Дунаемъ въ Россію и войска его были снабжены довольствіемъ отъ грековъ, причемъ ихъ оказалось будто бы 22 тысячи. Послѣ личнаго свиданія съ Цимисхіемъ, Святославъ двинулся Дунаемъ и затѣмъ моремъ въ Днѣпръ. Но здѣсь, у пороговъ, печенѣги, предупрежденные болгарами, преградили ему путь.

*) Унего была сломана ключица.

**) Это показываютъ византійскіе лѣтописцы.

Не надѣясь одолѣть печенѣговъ со своими слабыми силами, великій князь рѣшился перезимовать въ Бѣлобережьѣ (въ устьяхъ Днѣпра) и выждать помощи изъ Россіи.

Эта зимовка въ Бѣлобережьи не помогла однако Святославу; не получивъ ожидаемой помощи, ему все же таки пришлось пробиваться весною 972 года, но съ еще болѣе слабою дружиною. Большая частьего дружины при этомъ погибла, самъ Святославъ былъ убитъ и только воеводѣ Свѣнельду, съ малымъ числомъ воиновъ, удалось вернуться въ Кіевъ.

По словамъ Нестора, князь печенѣговъ Куря приказалъ отдѣлать въ серебро черепъ Святослава и употреблялъ его затѣмъ вмѣсто чаши.

Считаемъ не лишнимъ привести здѣсь нѣкоторыя подробности, относящіяся къ этому знаменательному походу Святослава, и о самой личности этого русскаго Роланда — *рыцаря безъ страха и упрека*.

Полагаютъ, что Святославъ остановился на зимовку въ устьяхъ Днѣпра, въ виду ранняго въ этомъ году замерзанія Днѣпра, и что только весною 972 года, онъ двинулся вверхъ по этой рѣкѣ. Проходя порогами, онъ свелъ свои войска на берегъ, и въ то время, когда большая часть дружины перетаскивала лодки сухимъ путемъ, печенѣги, сдѣлавъ засаду, напали неожиданно на войска Святослава *).

Что касается до свиданія Святослава съ Цимисхіемъ, происшедшаго на Дунаѣ при Доростолѣ, то лѣтописецъ описываетъ его такимъ образомъ.

Цимисхій явился на свиданіе окруженный большою свитою, блестѣвшею серебромъ и золотомъ. Святославъ же приплылъ въ простой скиѳской лодкѣ, съ нѣсколькими гребцами, между которыми сидѣлъ и самъ, съ веесломъ въ рукахъ. Приблизясь къ греческому императору, онъ не всталъ, а говорилъ съ нимъ сидя. При этомъ лѣтописецъ даетъ интересное описаніе наружности Святослава, этого русскаго витязя—богатыря:

„Онъ былъ средняго роста. Имѣлъ плоскій носъ, голубые глаза съ густыми бровями, жидкую бороду и длинные, косматые усы. Волоса на головѣ выстрижены вглядь, кромѣ одного длиннаго локона, висѣвшаго по обѣимъ сторонамъ шеи, что означало знатность его рода. Шея у него была плотная, грудь широкая и все тѣлосложеніе очень стройное. Въ одномъ ухѣ висѣла золотая серьга, украшенная карбункуломъ, а по сторонамъ его двумя жемчужинами Его бѣлая одежда ничѣмъ другимъ не отличалась отъ другихъ кромѣ чистоты“ **).

Изъ этого описанія видно, что нашъ народный герой, не отличался особенною красотой, но все въ немъ говорило о силѣ, мужествѣ и отвагѣ.

Такимъ образомъ попытка Святослава основать царство руссовъ на берегахъ Дуная окончилась неудачею, которая ежели и повліяла на могущество и силу Руси, то не надолго, такъ какъ вскорѣ послѣ этого она была столь же грозна и опасна для Византіи, какъ и прежде. Даже для самой дружины Святослава эта война была далеко не безвыгодна, такъ какъ она возвращалась домой съ честью и съ именемъ храбрецовъ; и ежели бы не печенѣги, то, по понятіямъ того времени, дружина могла бы гордиться результатами похода.

По договору съ Цимисхіемъ, Святославъ обязался очистить Болгарію и впредь не вступать въ нее. Но что значили договоры того времени? Дружины Святослава вскорѣ

*) Несторъ I, 3. Карамзинъ I, 192—194; Арцыбашевъ I, 43—44; Чертковъ, 243—245. *Ред.*

**) Несторъ, I 30—31.

опять вѣроятно появились бы на Дунаѣ, такъ какъ въ Греціи не замедлили начаться новые раздоры. Кто знаетъ, чѣмъ бы закончились дальнѣйшія усилія Святослава утвердиться на Дунаѣ? Смерть героя не дала отвѣта на этотъ вопросъ.

Не касаясь здѣсь того громаднаго значенія въ политическомъ отношеніи, которое имѣла неудача Святослава,—значенія, выразившагося въ томъ, что Руси не удалось еще въ X вѣкѣ утвердиться на Дунаѣ и объединить славянскія народности, что, какъ многіе полагаютъ, и было его завѣтною цѣлью; нельзя, однако, не отмѣтить, что и въ военномъ отношеніи болгаро-греческая война Святослава представляетъ значительный интересъ. Тутъ впервые исторія даетъ достаточные матеріалы, чтобы судить о характерѣ дѣйствій и способахъ веденія войны и боя руссами при нашихъ первыхъ князьяхъ.

Вопросъ этотъ подробно разсматривается ниже, здѣсь же укажемъ только, что, по признанію византійскихъ писателей, руссы сражались храбро и отчаянно и давно уже пользовались славою побѣдителей надо всѣми сосѣдними народами. Продолжительность происходившихъ въ эту войну сраженій, изъ которыхъ нѣкоторыя, какъ напримѣръ 26 и 27 апрѣля, длились около сутокъ, выясняютъ всю стойкость нашихъ предковъ въ бою,—свойство, какъ извѣстно, и до сихъ поръ составляющее отличительную черту нашихъ войскъ. Къ тому же положеніе руссовъ было затруднительно еще и вслѣдствіе полнаго отсутствія у нихъ конницы,—слѣдовательно, условія борьбы съ превосходною тяжелою конницей Цимисхія были невыгодны.

По отношенію къ самому Святославу, представляющемуся суровымъ воиномъ, смѣлымъ и предпріимчивымъ предводителемъ, нельзя, какъ кажется, согласиться со строгимъ приговоромъ о немъ одного изъ нашихъ военныхъ писателей *). Онъ дѣйствительно представляетъ нѣкоторыя черты сходства съ Карломъ XII, но его предпріятіе въ Болгаріи не можетъ быть признано безразсуднымъ. Во всякомъ случаѣ Святославъ является тутъ отнюдь не искателемъ приключеній. Какъ уже указано выше, его походъ въ Болгарію, очевидно, имѣлъ основною цѣлью утвердиться на Дунаѣ, а уже поэтому нельзя отвергать серьезность и чрезвычайную важность преслѣдуемой имъ задачи какъ для военнаго, такъ и для политическаго и торговаго могущества Россіи. Не мѣшаетъ, казалось бы, при обсужденіи этого вопроса вспомнить столь сложную современную историческую задачу, въ которой тотъ же Балканскій полуостровъ и Константинополь являются конечною цѣлью. Не Святославъ ли первый стремился осуществить именно ту же задачу?

По отношенію же къ военнымъ дѣйствіямъ, ежели и можно обвинить Святослава, то развѣ въ недостаточной осторожности. Оставленіе незанятыми проходовъ въ Гемскихъ горахъ безспорно составляетъ круп-

*) Князь Голицинъ: „Русская военная исторія“. Ч. I, стр. 84.

ную ошибку, но, какъ видно было выше, есть много основаній предполагать, что она была слѣдствіемъ увѣренности Святослава въ томъ, что войны не будетъ и послѣдняя была для него неожиданною. За то трехмѣсячная оборона Доростола, и притомъ оборона въ высшей степени дѣятельная (активная), представляется въ полной мѣрѣ доблестною и несомнѣнно служитъ доказательствомъ далеко недюжинныхъ военныхъ способностей Святослава.

Нельзя также поставить ему въ упрекъ и то, что на обратномъ пути въ Россію онъ не послушалъ, будто бы, *благоразумнаго совѣта* Свѣнельда—обойти Днѣпровскіе пороги и печенѣговъ сухимъ путемъ. Совѣтъ этотъ въ сущности былъ не только неблагоразуменъ, но даже безразсуденъ, ежели только принять во вниманіе, что Святославъ располагалъ одною пѣхотой. Предположивъ даже, что ему удалось бы добыть въ безлюдныхъ тогда степяхъ нашего юга достаточное для всей дружины количество лошадей, что, разумѣется, мало вѣроятно, то и тогда уйти отъ печенѣговъ, составлявшихъ исключительно превосходную легкую конницу, ему врядъ ли удалось бы. Значитъ, не принимая этого совѣта и оставаясь въ Бѣлобережьи, въ ожиданіи потребованной изъ Россіи помощи, Святославъ былъ совершенно правъ.

Владиміръ I.

Со смертью Святослава на Руси возникаютъ уже междуусобія князей—его сыновей. Завязывается борьба между старшимъ Кіевскимъ княземъ, стремящимся къ единодержанію, и младшими князьями, встающими на защиту своихъ удѣльныхъ правъ. Первоначально борьба велась успѣшно для единодержавія, котораго отчасти достигаютъ младшій сынъ Святослава—Владиміръ I и сынъ послѣдняго Ярославъ I.

Гибель многочисленной русской рати вмѣстѣ со Святославомъ, а еще болѣе междуусобія его сыновей—сильно потрясли начавшее возрастать могущество Руси. Часть покоренныхъ племенъ успѣла уже отложиться; сосѣди спѣшили воспользоваться удобнымъ случаемъ пограбить Русь и на ея счетъ увеличить свои предѣлы. Надо было вновь покорять отложившіяся племена и усмирять сосѣдей. Это и выполняетъ Владиміръ, почти все княженіе котораго было занято войнами, и притомъ удачными. Но Владиміръ велъ войны не для добычи, а для возстановленія и утвержденія русскаго владычества въ восточной Европѣ и, по отношенію Руси, какъ государства, его войны имѣютъ безспорно большое значеніе, а потому заслуживаютъ вниманія. Въ военномъ же собственно отношеніи онѣ не представляютъ чего-либо рѣзко выдающагося, по сравненію съ предшествовавшею эпохою Святослава. Единственною, сколько-нибудь существенною, особенностью княженія Владиміра I-го въ военномъ отношеніи было то, что, въ первые по крайней

мѣрѣ годы, въ рядахъ его войскъ преобладающее значеніе имѣли наемные варяги.

Наемныя дружины варяговъ были необходимы Владиміру, такъ какъ только при ихъ содѣйствіи онъ былъ въ состояніи вести борьбу съ братомъ Ярополкомъ. Когда же Ярополкъ былъ побѣжденъ и Кіевскій престолъ перешелъ въ руки Владиміра, то онъ постарался поскорѣе избавиться отъ буйныхъ, своевольныхъ, чрезвычайно требовательныхъ и дорого стоющихъ варяговъ.

Княженіе Владиміра интересно еще и потому, что при немъ Русь принимала широкое участіе въ дѣлахъ Византіи, но не какъ врагъ, а какъ союзникъ, военная помощь котораго выручаетъ имперію изъ затруднительныхъ обстоятельствъ.

Въ краткомъ перечнѣ походы Владиміра представляютъ слѣдующее: въ 981, 982, 983 и 984 годахъ онъ послѣдовательно велъ войны противъ поляковъ, вятичей, ятвяговъ и радимичей, слѣдствіемъ чего было завоеваніе Галиціи и Червонной Руси и подчиненіе перечисленныхъ племенъ. Въ 985 году Владиміръ предпринялъ походъ противъ волжско-камскихъ болгаръ, а въ 988 году возникла его война съ греками. Но, въ этомъ случаѣ, Владиміръ не предпринялъ, подобно своимъ предшественникамъ, дальняго и рискованнаго похода на Царьградъ, а избралъ болѣе близкую цѣль — греческія колоніи на берегу Чернаго моря, въ Крыму. Войска его направились въ ладьяхъ къ Корсуню *) и, высадившись въ окрестностяхъ его, расположились сначала въ разстояніи полета стрѣлы. Это былъ, по счету, восьмой походъ русскихъ въ Черное море, въ теченіе 122 лѣтъ **). Получивъ на требованіе сдачи города рѣшительный отказъ, Владиміръ приказалъ приступить къ стѣнамъ и дѣлать примётъ. Осадныя работы подвигались однако весьма медленно, какъ говоритъ лѣтопись, потому будто бы, что граждане Корсуня подрыли ходъ подъ стѣною и уносили въ городъ землю, присыпаемую русскими къ стѣнамъ ***). Наконецъ измѣна помогла великому князю овладѣть городомъ. Ему было сообщено о возможности отнять у города воду, получавшуюся по водопроводу. Исполнивъ этотъ совѣтъ, Владиміръ дѣйствительно вскорѣ принудилъ городъ къ сдачѣ.

Осада и взятіе Корсуня, въ военномъ отношеніи не имѣющія существеннаго значенія, не лишены его по своимъ послѣдствіямъ.

Какъ извѣстно, Владиміръ по взятіи Корсуня принялъ, въ 988 г., крещеніе и женился на Аннѣ, сестрѣ императоровъ византійскихъ

---

*) Греческій Херсонесъ, близъ Севастополя. *Ред.*

**) Висковатовъ: „Обзоръ морскихъ походовъ русскихъ по 1725 г.“—*Ред.*

***) Разсказъ совершенно невѣроятный: какъ же это корсунцы могли уносить землю съ насыпей, на которыхъ стояли русскіе, будто бы не замѣчавшіе этого? Насыпи исчезали, а стоявшіе на нихъ этого не видѣли! *Ред.*

Василія II и Константина Багрянородныхъ. Въ это время положеніе Византіи было критичеекое,—возмущеніе Варды Фоки было въ полномъ разгарѣ и справиться съ нимъ было трудно. Война съ Русью и паденіе Корсуня, разумѣется, еще болѣе ухудшали положеніе имперіи. Надо было, во что бы то ни стало, не только избавиться отъ одного изъ враговъ, но еще и получить помощь для борьбы съ другимъ. Понятно, надо было прежде всего заключить миръ съ Владиміромъ и выговорить отъ него военную помощь. Необходимостью послѣдняго и объясняется рѣшеніе императоровъ выдать свою сестру за русскаго князя, чего безъ крайней нужды гордые византійцы никогда не сдѣлали бы. Дѣйствительно, Владиміръ, заключая миръ, не только возвратилъ Корсунь, но и выслалъ императорамъ, по словамъ Михаила Пселла *), значительный отрядъ. Къ этому времени одинъ изъ отрядовъ Варды, подъ начальствомъ Дельфина, расположился лагеремъ уже у Хрисополя (теперешній Скутари) **), слѣдовательно въ виду Константинополя. Тогда, по сказаніямъ византійскихъ лѣтописцевъ, „Василій II приготовилъ ночью корабли и посадилъ на нихъ русь, такъ какъ онъ, устроивъ родственный союзъ съ княземъ Владиміромъ черезъ сестру свою Анну, получилъ оттуда вспомогательный отрядъ. Переправившись съ ними, онъ неожиданно напалъ на враговъ и легко захватилъ ихъ въ свои руки". Съ тѣми же руссами Василій II разбилъ, вслѣдъ затѣмъ, и самого Варда Фоку при Абидосѣ.

Существованіе въ Византійской имперіи, какъ въ это время, такъ и позже, русскаго вспомогательнаго отряда подтверждается и армянскими историками ***). Говоря о походѣ того же Василія II (Болгаробойцы) въ 1000 году въ Арменію, они описываютъ торжественный пріемъ, устроенный императоромъ царямъ: абхазскому—Багарату и иверійскому (грузинскому)—Гургену. Тотчасъ послѣ этого пріема изъ-за совершенно пустой причины, а именно отнятой связки сѣна, произошла серьезнѣйшая схватка между грузинами и находившимися въ греческомъ лагерѣ рузами.—„Рузовъ, говоритъ историкъ, было 6.000 человѣкъ пѣшихъ, вооруженныхъ копьями и щитами. Ихъ просилъ Василій у царя рузовъ въ то время, когда онъ выдалъ сестру свою замужъ за послѣдняго. Въ это же время рузы увѣровали во Христа".

Приведенныя слова лѣтописца не оставляютъ понятно никакого сомнѣнія въ томъ, что его рузы были высланные Владиміромъ русскіе, составлявшіе дѣйствительно сильный отрядъ.

Въ послѣдующіе годы русскіе также упоминаются въ рядахъ греческой арміи и притомъ численность ихъ такова, что въ 1016 году, въ

*) Византійскій писатель первыхъ годовъ XI столѣтія.

**) На берегу М. Азіи, противъ Константинополя.

***) Патріархъ армянскій Степаносъ Торопскій Асохикъ. *Ред.*

походѣ на болгаръ, Василій II Болгаробойца, захвативъ значительную добычу, раздѣлилъ ее на три части и одну изъ нихъ, т.-е. цѣлую треть, отдалъ союзной Руси.

Съ принятіемъ христіанства и крещеніемъ Руси, т.-е. во второй половинѣ княженія Владиміра, прекратились войны съ западными державами, но далеко еще не прекратилась его военная, боевая дѣятельность *). Ему пришлось до послѣднихъ дней вести упорную и трудную борьбу съ печенѣгами, набѣги которыхъ не давали покоя всему югу Россіи. Владиміръ предпринималъ противъ печенѣговъ цѣлый рядъ походовъ, изъ числа которыхъ наши лѣтописи отмѣчаютъ нѣкоторые, обставляя ихъ прикрасами собственнаго, а можетъ-быть и народнаго воображенія. Такъ, описаніе встрѣчи Владиміра въ 992 году съ печенѣгами на Трубежѣ, около Переяславля, сопровождается разсказомъ о единоборствѣ печенѣжскаго великана съ русскимъ юношей Яномъ Усмошвецомъ (Усмовичемъ), побѣдившимъ своего противника. Въ другой разъ, подъ Васильевымъ, Владиміръ былъ разбитъ идолищемъ поганымъ, какъ тогда называли печенѣговъ, и скрылся подъ мостомъ, давъ обѣтъ, выстроить церковь, ежели ему удастся спастись.

Борьба съ печенѣгами имѣла однако и серьезныя въ военномъ отношеніи послѣдствія, именно: она вынудила Владиміра принять мѣры для прегражденія имъ доступовъ въ Россію устройствомъ ряда укрѣпленныхъ пунктовъ. Въ виду этого онъ строитъ новые города по рѣкамъ: Деснѣ, Остру, Трубежу, Сулѣ и Стугнѣ, а также поправляетъ и укрѣпляетъ старые. Въ эти города Владиміръ посадилъ *лучшихъ мужей*, собирая ихъ изъ славянъ, т.-е. новгородцевъ, кривичей и вятичей. Съ цѣлью наблюденія за кочевниками и своевременнаго извѣщенія о ихъ набѣгахъ, стали пользоваться также, какъ сторожевыми пунктами, безчисленными курганами, т.-е. искусственно насыпанными горками, которыя и теперь еще часто встрѣчаются въ нашихъ южныхъ степяхъ. Новые пограничные городки и сторожевые курганы были связаны между собою валомъ и частоколомъ. Такимъ образомъ впервые образуется непрерывная укрѣпленная линія, защищавшая, хотя далеко не въ достаточной мѣрѣ, предѣлы Руси отъ набѣговъ хищниковъ.

Ярославъ I.

Княженіе Ярослава I имѣетъ, вообще, характеръ постоянныхъ войнъ его съ братьями; для чего онъ нанимаетъ себѣ на службу варяговъ. Призваны были варяги Ярославомъ еще при жизни Владиміра, когда послѣдній, разсерженный отказомъ сына уплачивать дань, сталъ гото-

*) Для огражденія Кіева отъ набѣговъ, Владиміръ окружилъ его рядомъ укрѣпленныхъ мѣстъ, что имѣло видъ нынѣшнихъ отдѣльныхъ фортовъ, употребляемыхъ для обороны большихъ городовъ. *Ред.*

виться къ войнѣ. Призвано ихъ было, вѣроятно, значительное число, такъ какъ, несмотря на послѣдовавшее затѣмъ избіеніе варяговъ новгородцами, выведенными изъ терпѣнія ихъ своеволіемъ и безчинствами, Ярославъ сохраняетъ затѣмъ возможность вести войну со Святополкомъ, имѣя 1.000 человѣкъ варяговъ и до 40.000 новгородцевъ. Значеніе варяговъ при Ярославѣ объясняется къ тому же и тѣмъ, что онъ былъ женатъ на Ингигердѣ, дочери шведскаго короля Олафа Скётконунга. Женщина умная и гордая, она имѣла большое вліяніе на мужа и пріѣхала въ Россію въ сопровожденіи многихъ варяговъ, изъ которыхъ одному, родственнику своему, Ярлу Рагнвальду, отдала даже городъ Ладогу, полученный ею *въ вѣно* *) отъ Ярослава.

Причиною войны Ярослава противъ старшаго брата Святополка (окаяннаго) было измѣнническое убіеніе послѣднимъ трехъ своихъ и Владиміровыхъ братьевъ—Бориса, Глѣба и Святослава. Опасаясь подобной же участи, Ярославъ пошелъ противъ Святополка и его союзника короля польскаго Болеслава Храбраго. Трехлѣтняя борьба ихъ велась съ перемѣннымъ успѣхомъ: въ 1016 году Ярославъ разбилъ Святополка при Любечѣ, занялъ Кіевъ и великокняжескій столъ; въ 1018 году самъ былъ разбитъ на Бугѣ и, потерявъ Кіевъ, бѣжалъ въ Новгородъ; наконецъ, въ 1019 году онъ снова нанесъ Святополку страшное пораженіе при Альтѣ и послѣ вскорѣ послѣдовавшей смерти Святополка окончательно овладѣлъ великокняжескимъ столомъ.

Ярославу пришлось однако вслѣдъ затѣмъ вести трудную борьбу еще и съ другимъ своимъ братомъ—Мстиславомъ Чермнымъ, княземъ тмутараканскимъ, прозваннымъ Удалымъ. Мстиславъ былъ истиннымъ княземъ-богатыремъ, героемъ многихъ чудесныхъ онемъ разсказовъ и во многомъ напоминалъ своего дѣда Святослава I. Прославленный своими войнами противъ касоговъ и козаръ (кавказскіе и таврическіе народы), онъ послужилъ предметомъ записанной въ лѣтописяхъ легенды о его единоборствѣ съ касожскимъ княземъ Редедею, котораго ему удалось побѣдить.

Въ 1024 году войска Ярослава и Мстислава встрѣтились недалеко отъ Чернигова, у мѣстечка Листвена. Мстиславъ съ вечера еще построилъ свои войска въ боевой порядокъ, поставивъ сѣверянъ въ челѣ (серединѣ), а дружину свою по крыльямъ. Въ наступившую затѣмъ темную, бурную съ грозою ночь, Мстиславъ напалъ на Ярослава. Первую атаку повели сѣверяне противъ Ярославовыхъ варяговъ, а вслѣдъ затѣмъ и лично Мстиславъ вступилъ въ бой со своею дружиною. Ярославъ былъ разбитъ и бѣжалъ, но, по заключенному послѣ этого договору, сохранилъ за собою всѣ земли по правую сторону Днѣпра и великокняжескій престолъ, а Мстиславу отдалъ волости по лѣвому берегу.

---

*) Брачный подарокъ.

При Ярославѣ продолжалось увеличеніе предѣловъ Руси, главнымъ образомъ, въ сѣверномъ направленіи. Здѣсь были покорены финскія племена чудь и ямь и основанъ городъ Юрьевъ (теперь Дерптъ).

Въ 1026 году былъ послѣдній набѣгъ печенѣговъ, которые, пользуясь отсутствіемъ Ярослава, дошли до самаго Кіева, но здѣсь были разбиты на-голову подоспѣвшимъ Ярославомъ. Съ этихъ поръ въ исторіи уже нѣтъ болѣе свѣдѣній о печенѣгахъ, которые, какъ извѣстно, были покорены и большею частью уничтожены половцами.

Завязавшіяся при Владимірѣ I мирныя и даже союзныя отношенія съ Византіей были снова нарушены въ 1043 году, когда между Ярославомъ и императоромъ Константиномъ Мономахомъ возникли неудовольствія. Причиною ихъ была медленность, обнаруженная императоромъ въ исполненіи требованія Ярослава объ удовлетвореніи за убитаго въ Царьградѣ одного знатнаго русскаго.

Разсерженный Ярославъ собралъ многочисленную рать, по византійскимъ источникамъ до 100.000, посадилъ ее на ладьи однодеревки и отправилъ къ Царьграду, подъ начальствомъ своего старшаго сына Владиміра; главнымъ воеводою при немъ былъ назначенъ Вышата.

Узнавъ о походѣ руссовъ, Константинъ Мономахъ тотчасъ отправилъ пословъ, предлагая миръ и полное удовлетвореніе за обиды; но Ярославъ, какъ говорятъ византійцы, прогналъ пословъ съ безчестіемъ и далъ гордый и презрительный отвѣтъ. Императоръ сталъ готовиться къ войнѣ; вооружилъ флотъ и выдвинулъ его къ маяку Искресту или Фару *), куда берегомъ должно было двинуться и сухопутное войско.

Между тѣмъ, дойдя до Дуная, Владиміръ Ярославовичъ колебался принять какое-либо рѣшеніе относительно дальнѣйшихъ дѣйствій. Многіе предлагали ему высадиться тутъ и дѣйствовать далѣе уже сухимъ путемъ, но варяги убѣдили его продолжать движеніе моремъ къ Царьграду. У маяка встрѣтились флоты враждебныхъ сторонъ, но русскіе не начинали боя, удобно расположившись въ гавани, а греки тоже выжидали нападенія.

Здѣсь императоръ снова предложилъ Владиміру миръ, на что послѣдній отвѣчалъ, что не иначе прекратитъ войну, какъ получивъ по 3 литра (фунта) золота на каждаго русскаго воина, т.-е. 216 золотыхъ. По другимъ свѣдѣніямъ, онъ потребовалъ по 1.000 статировъ (золотыхъ) на каждую ладью. Не находя возможнымъ исполнить эти неимовѣрныя требованія, императоръ сталъ готовиться къ бою.

Михаилъ Пселлъ, современникъ описываемыхъ событій и очевидецъ происшедшаго боя, такъ какъ, будучи высокопоставленнымъ сановникомъ, онъ находился въ это время въ свитѣ императора, слѣдующимъ образомъ разсказываетъ ходъ сраженія: „императоръ приготовилъ нѣсколь-

*) Фаръ находился у самаго входа изъ Чернаго моря въ Босфоръ.

ко *тріиръ* (триремъ), посадилъ на нихъ боевыхъ людей, снабдилъ корабли большимъ количествомъ влажнаго огня, выстроилъ ихъ супротивъ варварскихъ лодокъ, стоявшихъ при гавани, на другой сторонѣ, и самъ, имѣя съ собою нѣкоторую избранную часть синклита, ночью остановился якоремъ въ той же самой гавани нѣсколько выше, и такимъ образомъ ясно предвозвѣстивъ варварамъ морскую войну, вмѣстѣ съ наступленіемъ утра построилъ корабли въ боевой порядокъ. Варвары съ своей стороны, снявшись, какъ будто изъ лагеря и окопа, отъ противоположныхъ намъ пристаней и выйдя на довольно значительное пространство въ открытое море, поставивъ потомъ всѣ свои корабли по одному въ рядъ и этою цѣпью перехвативъ все море отъ однѣхъ пристаней до другихъ, построились такъ, чтобы или самимъ напасть на насъ, или принять наше нападеніе. Не было человѣка, который, смотря на происходящее тогда, не смутился бы сильно душою; я самъ стоялъ тогда подлѣ императора,— а онъ сидѣлъ на одномъ холмѣ, слегка покатомъ къ морю,— и былъ зрителемъ совершающагося, не будучи самъ видимъ.

„Итакъ, расположеніе съ той и другой стороны имѣло вышеуказанный видъ; однако никто не двигался впередъ съ цѣлью битвы, но съ той и другой стороны оба (морскіе) лагеря, сплотившись, стояли неподвижно. Когда прошло много дня, тогда императоръ, подавъ знакъ двумъ изъ большихъ кораблей, приказалъ понемногу двигаться впередъ противъ варварскихъ ладей. Когда они ровно и стройно вышли впередъ, то сверху копьеносцы и камнеметатели подняли военный крикъ, метатели огня построились въ порядкѣ, удобномъ для бросанія его: тогда бо́льшая часть изъ непріятельскихъ лодокъ, высланныхъ (на встрѣчу), быстро гребя, устремилась на наши корабли, а потомъ, раздѣлившись, окруживъ и (какъ-бы) опоясавъ каждую изъ отдѣльныхъ тріиръ, старались пробить ихъ снизу балками, а другіе (т.-е. греки) бросали сверху каменьями и веслами. Когда же противъ нихъ (т.-е. русскихъ) огонь началъ быть метаемъ и въ глазахъ ихъ потемнѣло, то одни изъ нихъ стали кидаться въ море, какъ бы желая приплыть къ своимъ, а другіе совсѣмъ не знали что дѣлать и въ отчаяніи отказывались отъ всякаго средства (къ спасенію). Затѣмъ поданъ былъ второй сигналъ, и уже бо́льшее число тріиръ двинулось вверхъ, за ними корабли, или слѣдуя сзади, или плывя рядомъ; наша сторона ободрилась, а противная (неподвижно) стояла, пораженная страхомъ. Когда же, разрѣзая воду, тріиры очутились подлѣ самыхъ непріятельскихъ лодокъ, то связь ихъ (послѣднихъ) была разорвана, строй рушился, и однѣ изъ нихъ осмѣлились остаться на мѣстѣ, а бо́льшая часть повернули назадъ. Между тѣмъ солнце, уже высоко поднявшись надъ горизонтомъ, стянуло къ себѣ густое облако снизу и измѣнило погоду; сильный вѣтеръ двинулся съ востока на западъ; взмутивъ море вихремъ, онъ устремилъ волны на

варвара и потопилъ однѣ изъ его лодокъ тутъ же, такъ какъ море поднялось въ середину имъ, а другія, загнавъ далеко въ море, разбросалъ по скаламъ и утесистымъ берегамъ; однѣ изъ нихъ были настигнуты тріирами, которыя и предали ихъ пучинѣ со всѣмъ экипажемъ, а другія, будучи разсѣчены пополамъ военными людьми на нихъ, были вытянуты на ближайшіе берега. Произошло большое избіеніе варваровъ, и море было окрашено по-истинѣ убійственнымъ потокомъ, какъ бы идущимъ сверху изъ рѣкъ".

По дальнѣйшему разсказу, греки будто бы собрали на берегу до 15.000 выброшенныхъ бурею русскихъ труповъ. Ладья Владиміра была также разбита бурею, самъ онъ едва не погибъ и его спасъ воевода Иванъ Творимиричъ, принявшій его на свою ладью.

Съ разбитаго бурею флота на берегу собралось до 6.000 человѣкъ, положеніе которыхъ было, разумѣется, критическимъ. Многіе были совершенно наги, средствъ довольствія—никакихъ и начальства не было, такъ какъ изъ дружины Владиміра никто не хотѣлъ съ ними идти. Тогда воевода Вышата, сказавъ князю при прощаніи: „Не пойду къ Ярославу,—я пойду съ ними! Если живъ буду, то съ ними, если погибну, то съ дружиною",— высадился на берегъ и повелъ эту толпу сухимъ путемъ къ Дунаю. Другая часть русскихъ войскъ отступила изъ сраженія и двинулась назадъ въ Россію на уцѣлѣвшихъ ладьяхъ, тутъ же находился и Владиміръ. Для преслѣдованія этой части руссовъ императоръ выслалъ 24 корабля, которые были однако окружены русскими и всѣ уничтожены.

Двигавшаяся берегомъ рать Вышаты дошла только до Варны. Встрѣченная здѣсь превосходными силами грековъ, она была разбита и разсѣяна; 800 же человѣкъ и самъ Вышата были взяты въ плѣнъ и отведены въ Царьградъ, гдѣ большинство изъ нихъ было ослѣплено. Черезъ три года, уже по заключеніи мира, плѣнные были обоюдно возвращены и мирный договоръ былъ закрѣпленъ женитьбою любимаго сына Ярославова, Всеволода, на греческой царевнѣ.

Описаніе этого похода на Царьградъ приведено здѣсь въ такой подробности въ виду того, что имъ какъ нельзя лучше обрисовывается характеръ морского боя того времени, и къ тому же выясняется достигнутое Русью при Ярославѣ I-мъ военное и политическое могущество.

Изъ всего изложеннаго явствуетъ, насколько опаснымъ для Византіи является враждебное расположеніе къ ней русскаго великаго князя. Устранить опасность столкновенія греки стараются всякими уступками, не обращая вниманія на наносимыя имъ оскорбленія. Не успѣвъ отклонить надвигавшуюся грозу, грекамъ удалось въ концѣ концовъ выйти изъ критическаго положенія, только благодаря счастливому для нихъ вмѣшательству стихій. Изъ приведеннаго разсказа Михаила Пселла, ис-

ключивъ изъ него неизбѣжныя для византійца риторическія прикрасы, пораженіе русскаго флота объясняется преимущественно наступившею бурею, представлявшею для безпалубныхъ русскихъ ладей крайнюю опасность. Даже въ этихъ невыгодныхъ для Руси обстоятельствахъ пораженіе было въ сущности далеко не полное, такъ какъ помимо, собравшагося на берегу 6.000 отряда, Владиміръ и на морѣ сохранилъ силы, достаточныя для того, чтобы уничтожить преслѣдующій его флотъ изъ 24 кораблей.

На войны Владиміра I-го и въ особенности Ярослава I-го здѣсь обращено столько вниманія въ виду того, что въ нашей единственной отечественной военной исторіи князя Голицына имъ не только не отведено подобающаго мѣста, но даже ничего въ сущности не говорится. Между тѣмъ именно эти два княженія по многимъ причинамъ представляютъ наиболѣе интереса для изученія военнаго дѣла и искусства въ древней Руси. Въ это именно время Русь является государствомъ, достигшимъ наибольшаго могущества, силы и международнаго значенія за весь разсматриваемый до-Монгольскій періодъ ея исторіи. Въ ряду же причинъ, обусловливающихъ это могущество Руси, одно изъ первыхъ мѣстъ безспорно занимаетъ военная, боевая, дѣятельность какъ предшественниковъ Владиміра и Ярослава, такъ еще болѣе ихъ самихъ. Цѣлымъ рядомъ удачныхъ войнъ эти два славные князя достигаютъ объединенія Руси въ предѣлахъ столь обширныхъ границъ, которыхъ затѣмъ она не имѣла болѣе въ теченіе цѣлыхъ пяти столѣтій, т.-е. до Іоанна Грознаго. Сильная внутри Русь пользуется соотвѣтственно значительнымъ и внѣшнимъ, международнымъ значеніемъ, что лучше всего доказывается стараніями ея сосѣдей заручиться союзами съ нею. Свидѣтельствуется это значеніе также и тѣми многочисленными браками, которые были заключены между членами Ярославовой семьи и многими коронованными лицами тогдашней Европы. Ярославъ, какъ мы видѣли, былъ женатъ на Ингигердѣ, дочери шведскаго короля Олафа, сестра его Марія была за королемъ польскимъ Казиміромъ, а сестра послѣдняго—за сыномъ Ярослава Изяславомъ. Дочь Ярослава Елизавета была замужемъ за норвежскимъ королемъ Гаральдомъ Смѣлымъ (Гардрагомъ), другая дочь, Анна, за французскимъ королемъ Генрихомъ I-мъ и, наконецъ, третья, Анастасія, за венгерскимъ королемъ Андреемъ I-мъ. Сынъ же Ярослава, Всеволодъ, былъ женатъ на дочери византійскаго императора Константина Мономаха.

ГЛАВА III.

2. Распаденіе и порабощеніе Руси. (Удѣлы и татарское иго, съ 1054—1241 г.)

Значеніе этого періода въ военной исторіи Россіи. — Владиміръ Мономахъ.

О смертью Ярослава, дожившаго до глубокой старости,—онъ умеръ въ февралѣ 1054 года, 76 лѣтъ отъ роду,—кончается блестящій періодъ исторіи древней Россіи. Соединявшій въ своихъ рукахъ власть надъ всею Русью, Ярославъ, еще при жизни, роздалъ земли своимъ сыновьямъ въ удѣлы и тѣмъ надолго положилъ конецъ единодержавію, съ такимъ трудомъ установленному Владиміромъ и имъ самимъ. Послѣ Ярослава внутренній миръ продолжался на Руси весьма недолго,—начались безконечныя междоусобія его наслѣдниковъ и потомковъ. Насталъ печальный удѣльный періодъ, и въ военномъ отношеніи имѣющій существенное значеніе. Раздробленная, обезсиленная Русь перестаетъ уже быть грозною для сосѣдей военною державой и сама становится легкою добычей какъ южныхъ и восточныхъ кочевыхъ народовъ, такъ и западныхъ государствъ. И тѣ, и другіе являлись или дѣятельными участниками въ междоусобіяхъ князей, обыкновенно по призыву кого-либо изъ нихъ, или же пользовались выгодными обстоятельствами для опустошительныхъ набѣговъ на предѣлы Руси.

Почти въ 200-лѣтній періодъ разсмотрѣннаго выше первоначальнаго существованія Русскаго государства, можно ясно прослѣдить и отмѣтить значительность достигнутыхъ въ военномъ отношеніи успѣховъ. Отъ полудикаго состоянія общественнаго и государственнаго строя и полудикихъ же способовъ веденія войны славянами, какъ ихъ описывалъ императоръ Маврикій, Русь чрезвычайно быстро переходитъ къ сравнительно правильно-организованной системѣ вооруженныхъ силъ. Результаты таковы, что она получила уже возможность успѣшно бороться съ

могущественными сосѣдями, выдерживая при этомъ борьбу противъ регулярныхъ, хорошо обученныхъ и дисциплинированныхъ армій, которымъ приходится употреблять крайнія усилія, чтобъ одержать побѣду надъ русскою ратью, и уже не въ лѣсахъ и болотахъ, а въ полѣ, въ правильномъ сраженіи.

Но съ наступленіемъ удѣльнаго періода пріостанавливается въ Россіи развитіе военнаго дѣла и искусства, и ко времени нашествія монголовъ, то-есть почти черезъ два же вѣка, Россія въ военномъ отношеніи находилась въ совершенно томъ же положеніи, въ которомъ она была при Владимірѣ I и Ярославѣ I.

Въ виду, именно, указаннаго совершеннаго застоя, весь періодъ русской исторіи отъ Ярослава до нашествія монголовъ, хотя и представляетъ безпрерывную войну или лучше войны, возникавшія между удѣльными князьями, изъ-за мелочныхъ, личнаго свойства претензій, *наприм.*: изъ-за какого-нибудь ожерелья, доставшагося по наслѣдству не тому, кто его хотѣлъ получить; изъ-за обидъ личнаго самолюбія, тщеславія и т. п.,—но въ военномъ отношеніи, то-есть въ смыслѣ изслѣдованія военнаго дѣла и искусства, весь этотъ періодъ лишенъ всякаго интереса. Способы веденія войны, характеръ дѣйствій наступательныхъ и оборонительныхъ, формы строя и боевыхъ порядковъ, дѣйствія въ полѣ и въ бою, организація вооруженныхъ силъ—все это остается неизмѣннымъ или, по крайней мѣрѣ, не замѣчается сколько-нибудь существенныхъ перемѣнъ. Весь этотъ безконечный рядъ войнъ представляетъ интересъ въ сущности лишь настолько, насколько та или другая изъ нихъ вліяла на существованіе Руси, какъ самостоятельнаго государства. Слѣдовательно, эти войны имѣютъ преимущественно частный, отчасти же политическій интересъ и, въ этомъ отношеніи, нѣкоторыя изъ нихъ заслуживаютъ вниманія.

Въ это печальное время Руси приходилось упорно отстаивать свою независимость отъ покушеній сильныхъ и, притомъ, жадныхъ сосѣдей. Эта необходимость борьбы съ внѣшними врагами вынуждала иногда князей прекращать междоусобія и, изъ враговъ становясь союзниками, общими силами отражать угрожающую Руси опасность, или даже предпринимать вторженія въ непріятельскіе предѣлы. Тутъ уже проявляется цѣль *общая*, политическая. Въ этихъ случаяхъ нерѣдко снова сказывалась мощь и доблесть русскаго воинства временъ Святослава, Владиміра и Ярослава, особенно ежели во главѣ князей и ихъ союзныхъ силъ становилась выдающаяся по своимъ способностямъ личность. Таковою въ особенности былъ великій князь Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ, внукъ Ярослава, пятидесятилѣтняя громадная военная дѣятельность котораго, вся посвященная Руси, не можетъ, понятно, быть выпущена при ознакомленіи съ вопросомъ о развитіи военной силы и могущества нашего отечества.

Большая часть боевой дѣятельности Владиміра Мономаха проходитъ, однако, еще до занятія имъ старшаго, Кіевскаго, стола, т.-е. когда онъ еще не былъ великимъ княземъ. Несмотря на это, онъ почти безъ исключенія является главнымъ дѣйствующимъ лицомъ и ему обыкновенно были обязаны одерживаемыми успѣхами. Насколько же искуснымъ, опытнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ счастливымъ полководцемъ былъ Владиміръ Мономахъ, можно судить по тому, что за все время его военной дѣятельности онъ былъ всего одинъ разъ разбитъ въ бою. А насколько велика была его военная дѣятельность, свидѣтельствуетъ то, что, по его собственнымъ словамъ, „всѣхъ походовъ моихъ было 83, а другихъ маловажныхъ не упомню; съ половцами заключалъ миръ 19 разъ; до сотни князей ихъ отпустилъ на свободу, а болѣе двухсотъ изрубилъ и потопилъ".

Всего, съ 1076 по 1113 годъ, Владиміръ Мономахъ предпринималъ 10 походовъ, проникая въ Силезію, противъ чеховъ; большею же частью воевалъ съ половцами.

Святополкъ скончался въ 1113 г. *). По смерти Святополка II, Владиміръ Мономахъ занялъ великокняжескій престолъ, послѣ чего лично болѣе не ходилъ въ походы, а посылалъ своихъ сыновей.

Изъ всѣхъ походовъ Мономаха наиболѣе интересны походы противъ половцевъ въ 1111 и 1103 годахъ **), почему мы и скажемъ о нихъ подробнѣе.

Въ 1095 и 1096 годахъ половцами, занимавшими въ это время земли хазаръ и печенѣговъ, было произведено два опустошительныхъ набѣга на Русь, при чемъ въ послѣднемъ они дошли до Кіева, совершенно опустошили его окрестности, сожгли княжескій загородный дворецъ въ Берестовѣ и разграбили Печерскую лавру. Особенною жестокостью отличались при этомъ половецкіе ханы Бонякъ и Куря; въ набѣгахъ принималъ участіе даже тесть великаго князя ханъ Тугорканъ, на дочери котораго былъ женатъ Святополкъ II.

30-го августа 1100 года на съѣздѣ князей въ Витичевѣ рѣшено было прекратить старыя усобицы; вслѣдствіе чего въ слѣдующемъ 1101 году русскіе князья получили возможность не только обороняться отъ половцевъ, но и самимъ идти на нихъ.

Для обсужденія вопроса объ этомъ походѣ князья собрались на рѣкѣ Золотчѣ, но походъ не состоялся, такъ какъ половцы, провѣдавъ о собирающейся на нихъ грозѣ, поспѣшили заключить миръ.

Владиміръ не оставлялъ, однако, мысли о походѣ на поганыхъ и въ 1103 году настойчиво убѣждалъ Святополка идти на шелудивыхъ ***)

---

*) У Голицына годъ смерти Святополка показанъ невѣрно—въ 1112 году.

**) Этотъ походъ у Голицына также невѣрно отнесенъ на 1101 годъ.

***) Шелудь—накожная болѣзнь отвратительнаго вида.—*Ред.*

хищниковъ. Великокняжеская дружина была противъ похода, говоря „не хорошо нынѣ весною итти въ походъ, мы поморимъ лошадей, а смерды *) лишатся нами пашни". Рѣшено было съѣхаться князьямъ съ дружинами въ Долобскѣ и здѣсь обсудить дѣло.

Близъ Кіева, на лѣвомъ берегу Днѣпра, у озера Долобскаго, поставленъ былъ княжескій шатеръ, въ которомъ съѣхались князья для совѣщанія о предстоящемъ походѣ.

„— Братъ,—сказалъ Владиміръ Святополку,—ты старшій, скажи же, какъ намъ охранить Русскую землю.

„— Лучше ты начни"—отвѣчалъ Святополкъ.

„— Какъ же мнѣ говорить,—возразилъ Владиміръ:—противъ меня и моя и твоя дружина скажутъ, что я хочу погубить и поселянъ и ихъ пашни. Но вотъ что удивительно: какъ вы не подумаете о томъ, что станетъ поселянинъ пахать весною на своей лошади, когда пріѣдетъ половчанинъ, убьетъ стрѣлою поселянина и возьметъ себѣ его лошадь, жену и дѣтей, а гумно его сожжетъ?"

„— Я готовъ идти съ тобою, братъ,"—отвѣчалъ на это Святополкъ,

„—Великое, братъ, добро сдѣлаешь ты русской землѣ,"—сказалъ Владиміръ, и князья поцѣловались.

Согласившись съ Владиміромъ идти на половцевъ, союзныя силы князей подъ предводительствомъ Мономаха двинулись: пѣхота—на ладьяхъ по Днѣпру, а конница — берегомъ. Пройдя пороги у Хортицкаго острова, пѣхота вышла на берегъ и вся рать двинулась въ степи половецкія, кочевьевъ которыхъ, расположенныхъ въ бассейнѣ Днѣпра, достигла послѣ четырехдневнаго похода.

Половцы, не послушавшіеся благоразумнаго совѣта стараго хана Урусоба—просить мира у руссовъ, рѣшились защищаться. Впередъ, (въ сторожахъ) ими былъ высланъ Алтунопа, который, столкнувшись съ русскимъ передовымъ же отрядомъ, былъ совершенно разбитъ и самъ убитъ. Ободренные этимъ успѣхомъ, русскіе 4-го апрѣля атаковали и главныя силы половцевъ, не выдержавшихъ стремительнаго нападенія и обратившихся въ бѣгство. Пораженіе это было настоящимъ погромомъ: до 20 хановъ было убито, одинъ ханъ, Бельдюзъ, былъ взятъ въ плѣнъ. Онъ предлагалъ за себя большой выкупъ золотомъ, серебромъ, конями и прочимъ, но Владиміръ не взялъ выкупа. „Сколько разъ,—сказалъ онъ,—вы клялись не воевать Русской земли? Почему не удерживали своихъ сыновей и родичей, чтобы они не нарушали клятвы и не проливали христіанской крови?"—Намѣреваясь устрашить на будущее время половцевъ, Владиміръ приказалъ разрубить Бельдюза на части. Громадная добыча плѣнниками, конями и другимъ скотомъ попала въ руки русскихъ войскъ.

Этотъ погромъ все же таки не прекратилъ набѣговъ варваровъ. Въ 1106 и 1107 годахъ старый ханъ Шурачанъ, а главное—страшный Бонякъ снова разграбили наши пограничныя области. Но въ послѣднемъ случаѣ набѣгъ кончился для половцевъ полною неудачей. Бонякъ съ

*) Такъ называли поселянъ.—*Ред.*

награбленною добычей расположился на отдыхъ около Лубенъ, на рѣкѣ Сулѣ, но здѣсь былъ совершенно неожиданно атакованъ Владиміромъ съ другими князьями. Нападеніе было настолько внезапно, что половцы не успѣли даже поставить стяга, т.-е. построиться въ боевой порядокъ, и кто верхомъ, а кто и пѣшкомъ—бѣжали. Весь станъ непріятельскій былъ захваченъ русскими.

Въ 1111 году, опять-таки по уговору Владиміра Мономаха, князья предприняли общими силами большой походъ, но на этотъ разъ довели его до самаго Дона, т.-е. въ середину половецкихъ вежей (ставокъ).

Дабы избѣжать знойныхъ жаровъ лѣта нашихъ южныхъ степей, князья выступили очень рано, еще въ февралѣ мѣсяцѣ, и до Хороля шли зимнимъ путемъ. Бросивъ здѣсь сани, союзныя войска соединились къ 6 марта на р. Голтвѣ, откуда двинулись далѣе къ Псёллу, Ворсклѣ, Донцу и 19 марта прибыли къ Дону. Здѣсь находились важнѣйшія постоянныя становища (зимовники) половецкихъ хановъ. Надѣвши здѣсь брони, выстроивъ полки и имѣя во главѣ ихъ, по приказанію Владиміра, священниковъ, русскіе двинулись прежде всего на становище хана Шурагана. Оно не было, однако, разорено, такъ какъ жители встрѣтили русскихъ съ дарами и покорностью. Но слѣдующее становище хана Сугра было разграблено и все выжжено.

24-го марта собравшіяся массы половцевъ потерпѣли первое пораженіе въ полѣ, но черезъ два дня, 27-го, въ страстной понедѣльникъ произошло другое столкновеніе съ главными силами половцевъ, на берегахъ р. Сала. Несмотря на громадное превосходство въ силахъ половцевъ, окружившихъ русскихъ, послѣдніе одержали блистательную побѣду, и ею были обязаны, главнымъ образомъ, стремительной атакѣ, въ рѣшительную минуту, Владиміра Мономаха съ его дружиною.

Общимъ результатомъ означенной боевой дѣятельности Владиміра Мономаха было обезпеченіе предѣловъ Руси отъ всякихъ враговъ настолько, что, вступивъ въ 1113 году на великокняжескій престолъ, онъ болѣе не принимаетъ личнаго участія въ послѣдующихъ войнахъ.

Ко времени Владиміра Мономаха относится также и послѣднее столкновеніе Руси съ греками. Причиною его было желаніе Владиміра заступиться за право его внука, Василія Діогена, на византійскій престолъ. Для указанной цѣли Мономахъ дважды посылалъ свои войска на Дунай: первый разъ—подъ начальствомъ воеводы Ивана Вышаты, который овладѣлъ многими городами на Дунаѣ, но не смогъ взять Доростоля. Для овладѣнія послѣднимъ посланъ былъ сынъ Мономаха Вячеславъ съ воеводою Ѳомою Ратиборовичемъ, но и они не имѣли успѣха. По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, русскіе успѣли все же таки опустошить Ѳракію и императоръ Алексѣй Комненъ посылалъ къ Мономаху митрополита Ефесскаго Неофита съ богатыми дарами. Миръ, въ-

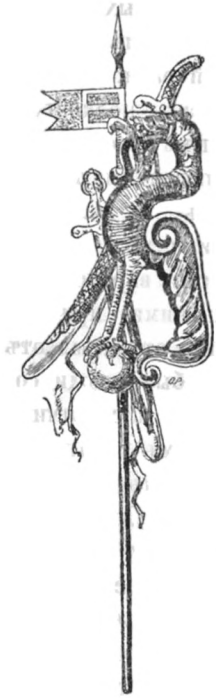
роятно, и былъ заключенъ, такъ какъ подъ конецъ своего княженія Владиміръ былъ снова въ дружественныхъ отношеніяхъ къ Византіи.

При Владимірѣ значительно были расширены укрѣпленія Новгорода; городъ Ладога былъ обнесенъ каменными стѣнами; въ Ростово-Суздальской землѣ былъ основанъ новый городъ—Владиміръ, и, наконецъ, въ военномъ также отношеніи не лишено значенія устройство имъ у Кіева постоянной переправы черезъ Днѣпръ въ видѣ моста, вѣроятно плавучаго.

Владиміръ Мономахъ умеръ въ 1125 году и послѣдовавшее затѣмъ цѣлое столѣтіе нашей исторіи, до перваго нашествія монголовъ (1224 годъ), было все занято междуусобіями князей. Русь все болѣе и болѣе дробилась, мельчали владѣнія все размножающихся князей; мельчали ихъ средства; мельчали, большею частью, и интересы, изъ-за которыхъ происходили ихъ распри. Важнѣйшимъ за все это время, въ политическомъ отношеніи, обстоятельствомъ было то, что Кіевъ и вообще югъ Россіи потеряли свое первенствующее значеніе, перешедшее къ Суздалю и его князю.

За все время борьбы Суздаля—сначала съ Кіевомъ, а потомъ съ Новгородомъ—можно было бы отмѣтить множество случаевъ проявленія выдающихся способностей или военнаго искусства предводителей той или другой стороны, но сколько-нибудь существеннаго значенія это не имѣло. Въ смыслѣ развитія или дальнѣйшаго движенія впередъ военнаго дѣла на Руси, можно только повторить уже сказанное выше, т.-е. „это было время полнѣйшаго застоя“.

Вслѣдствіе этого, не утомляя вниманія читателей, хотя бы даже краткимъ перечнемъ массы этихъ войнъ, можно, кажется, считать приведенный выше историческій матеріалъ совершенно достаточнымъ, чтобы имѣть право перейти къ главной части настоящаго очерка, т.-е. къ изслѣдованію вопроса „о состояніи вооруженныхъ силъ и военнаго искусства на Руси въ до-Монгольскій періодъ ея исторіи“.



ГЛАВА IV.

Военное дѣло на Руси съ половины IX столѣтія до нашествія монголовъ—въ первой четверти XIII вѣка.

Порядки образованія вооруженныхъ силъ Руси.

Выше было уже указано, что въ древнѣйшій періодъ существованія славянъ, войско и народъ составляли у нихъ одно и то же. Родовое устройство народа обусловливало такое же устройство и войска. Военная служба была одинаково обязательна для всѣхъ способныхъ носить оружіе членовъ рода, такъ что войско, во всей его массѣ, составляло въ сущности тотъ же народъ, естественно сохранявшій и въ рядахъ войска всѣ свои права. Въ силу этихъ правъ, войско, собираясь на вѣче, не рѣдко само распоряжалось своею дѣятельностью. Оно опредѣляло—вступать ли въ бой и гдѣ именно, продолжать ли походъ или нѣтъ, оно же судило провинившихся. Отсюда совершенно понятно замѣчаемое въ древне-славянскомъ войскѣ полнѣйшее отсутсвіе дисциплины.

Изъ сдѣланнаго же выше краткаго историческаго очерка развитія Русскаго государства явствуетъ, что съ измѣненіемъ политическихъ обстоятельствъ, съ образованіемъ обширныхъ княжествъ—долженъ былъ неизбѣжно измѣниться и существовавшій ранѣе военный распорядокъ. Съ прибытіемъ иноплеменныхъ, варяжскихъ князей и съ началомъ ихъ политической дѣятельности въ качествѣ объединителей разрозненныхъ родовъ и племенъ, немедленно сказывается необходимость имѣть какъ бы постоянный классъ военныхъ людей. Только при помощи этой постоянной вооруженной силы князья могли получить возможность защищать Русь отъ внѣшнихъ враговъ, удерживать въ повиновеніи подчиненныя имъ племена, покорять новыя, расширять свои владѣнія, собирать дани и т. п.

Этимъ постояннымъ военнымъ классомъ является княжеская дружина, вначалѣ пришлая, иноземная, впослѣдствіи же совершенно ту-

земная—славянская. Собственно говоря, словомъ дружина обозначались нерѣдко два совершенно отличныя понятія въ смыслѣ военной силы, а именно: оно употреблялось и вообще—означая все войско, собранное для извѣстной цѣли, и въ частности—собственно дружину, т.-е. небольшое обыкновенно число ратныхъ людей, постоянно содержимыхъ князьями и составляющихъ какъ бы ихъ тѣлохранителей. Въ этомъ именно смыслѣ дружина постоянно отличалась отъ остальной рати: такъ въ 1151 году Изяславъ II „повелѣлъ нарядити дружину изъ полковъ, а полковъ не нарушити“. Для обозначенія же остальныхъ составныхъ частей вооруженныхъ силъ, какъ-то: земскаго войска различныхъ областей, охотниковъ, наемниковъ и всей совокупности силъ—въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ служили названія: вои, рать, полки и т. п.

Прибывшія съ первыми нашими князьямъ дружины варяговъ въ скоромъ времени замѣнились чисто-туземными славянскими, причемъ отношенія князя къ дружинѣ установились совершенно отличныя отъ таковыхъ же на Западѣ. Члены дружины у насъ—это были люди совершенно свободные, боевые товарищи князя, подвижники и совѣтчики его не только въ дѣлѣ ратномъ, но и въ строѣ земскомъ и даже въ дѣлахъ вѣры. Святославъ, напримѣръ, не хотѣлъ принимать христіанства потому, что дружина станетъ смѣяться; Владиміръ I собиралъ бояръ (старшіе дружинники), чтобы посовѣтоваться о перемѣнѣ вѣры. Князь былъ неразлученъ съ дружиною: съ нею онъ думалъ или совѣщался, ходилъ на войну, на охоту, въ объѣздъ или полюдье, съ нею же пировалъ и бражничалъ, словомъ дружилъ.

Принимали князья въ свою дружину людей всякихъ племенъ и народовъ, что, однако, нисколько не нарушало ея чисто-русскаго характера. Князья соперничали въ привлеченіи въ свою дружину храбрѣйшихъ витязей, и чѣмъ храбрѣй и знаменитѣй былъ князь, тѣмъ лучше была обыкновенно и его дружина. Дружинники имѣли полную свободу переходить изъ службы одного князя къ другому, и это право ихъ подтверждалось обыкновенно въ княжескихъ договорахъ. Тѣмъ не менѣе, случаи пользованія этимъ правомъ были рѣдки, потому что вѣрность дружины своему князю считалась однимъ изъ высшихъ ея достоинствъ.

Вообще же можно отмѣтить, что каковъ былъ князь, такова была и его дружина: выше приведено было, напримѣръ, какъ дружина нерѣшительнаго Игоря рѣшастъ возвратиться изъ похода, не давъ даже боя, потому что „какъ знать, кто одолѣетъ, мы или они?“—а дружина Святослава говоритъ ему на совѣтѣ передъ послѣднимъ сраженіемъ при Доростолѣ: „гдѣ ляжетъ твоя голова, тамъ и всѣ мы головы свои положимъ“.

Позоромъ считалось для дружинника оставить поле сраженія потерявши князя и, обратно, хорошій вождь считалъ постыднымъ бросить

свое войско въ опасности, примѣромъ чего служитъ поступокъ тысяцкаго Вышаты въ походѣ Владиміра Ярославовича противъ грековъ.

Дружина находилась на полномъ содержаніи князя, т.-е. получала отъ него пищу, одежду, коней, оружіе и имѣла сверхъ того право на опредѣленную часть дани и военной добычи. Такъ какъ многочисленность и хорошія качества дружины составляли важнѣйшія условія силы и власти князя, то онъ естественно долженъ былъ не щадить средствъ на ея содержаніе. Обходились, однако, дружины такъ дорого, что большею частью онѣ были весьма немногочисленны: такъ, напримѣръ, у Ярослава I-го во время его борьбы со Святополкомъ было всего 1.000 дружинниковъ (при 40.000 новгородцевъ, т.-е. земской рати); у Святополка дружина состояла изъ 800 отроковъ, и онъ этимъ хвастался; въ 1146 году, въ борьбѣ Ольговичей съ Мономаховичами, дружины пяти союзныхъ князей составляли всего 3.000 человѣкъ, значитъ каждый имѣлъ около 600.

О размѣрѣ собственно денежнаго содержанія дружинника можно судить по тому, что въ эпоху до-татарскую, когда страсть къ роскоши была еще весьма мало развита, 200 гривенъ серебра *) было обычнымъ содержаніемъ старшаго дружинника.

Члены дружины обозначались словомъ *мужи*, хотя, въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, слово мужъ означало дружинника втораго, младшаго, разряда. Лучшіе же, старшіе люди въ дружинѣ были бояре: это и были совѣтники князя; младшіе же члены носили также названія *гридей* или *гридьбы*. Такимъ образомъ въ дружинѣ существовало раздѣленіе на „лучшую, старѣйшую“, которую составляли *передніе мужи* или *бояре*, и младшую, въ которую входили *молодь*, *молодые люди* или что то же—*гриди*. Кромѣ того, въ составъ дружины входила также собственная прислуга князя, подъ названіями: *отроки*, *дѣтскіе* или *пасынки*. Въ позднѣйшія уже времена дружины стали называться *дворомъ*, а члены ея — *дворянами*, *княжанцами* или *шестниками*. Сверхъ того, въ дружинѣ обыкновенно отличались двѣ ея составныя части: *боевая*, составлявшая непосредственную боевую силу, и *кошовая*, т.-е. принадлежащая къ обозу.

Дружина, само собою, являлась для князя и главнымъ органомъ для управленія подвластною ему страною. Изъ бояръ и даже отроковъ своей дружины князь назначалъ въ города и области посадниковъ, тысяцкихъ, тіуновъ, бирючей и т. п. Эти должностныя лица большею частью имѣли также свои собственныя дружины. Княжеская дружина, помимо стольнаго или главнаго города, занимала обыкновенно и другіе города, составляя ихъ гарнизонъ (засаду), причемъ его содержаніе воз-

*) Гривна или гривенка въ вѣсовомъ счетѣ равнялась фунту, а въ денежномъ—маркѣ или полуфунту. Гривны были серебряныя и кунныя; послѣднихъ заключалось въ серебряныхъ, большею частью, 7, а у смольнянъ—4. Кромѣ того въ гривнѣ кунъ считалось 20 нагатъ.

лагалось на самый городъ. Новгородъ, напримѣръ, платилъ особо при Олегѣ 300 гривенъ на содержаніе дружины, а впослѣдствіи эта сумма возросла до 1.000 гривенъ.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда силъ одной дружины оказывалось мало, князья обращались къ народу — жителямъ городовъ и селъ, изъ которыхъ и набирались полки, отличавшіеся отъ дружины и носившіе общее названіе—*вои*. Такимъ образомъ въ составѣ княжескаго войска всегда явственно различалась двойственность его образованія, т.-е. *дружина* и *вои*.

Вои набирались изъ городскаго и сельскаго населенія, но послѣднее призывалось только въ рѣдкихъ важнѣйшихъ случаяхъ. Вообще къ поголовному ополченію прибѣгали очень рѣдко и для сельскаго населенія личная служба, въ большинствѣ случаевъ, замѣнялась обязанностью поставлять лошадей. Вопросъ о сборѣ рати и ея выступленіи въ походъ обсуждался и рѣшался, по предложенію князя, на городскомъ народномъ вѣчѣ, по рѣшенію котораго выступало и сельское населеніе, ежели это требовалось. Участіе во всеобщемъ, поголовномъ ополченіи, въ тѣхъ случаяхъ, когда оно постановлялось на вѣчѣ, обозначалось выраженіемъ *идти и съ дѣтьми*. Выходили тогда и отцы, и большая часть сыновей, т.-е. какъ и въ древнѣйшія времена; дома же оставался одинъ младшій сынъ. Вообще считались обязанными военною службою всѣ способные носить оружіе, и уклоненія отъ службы преслѣдовались судомъ. Избавлялись отъ службы только одни духовныя лица, но и то только получившія уже посвященіе.

Первоначально воинская повинность находилась внѣ всякой зависимости отъ поземельной собственности, и единственнымъ опредѣленіемъ при этомъ въ имущественномъ отношеніи было то, что кто имѣлъ коня, тотъ шелъ въ конную рать, у кого его не было, тотъ садился въ ладью, т.-е. шелъ въ пѣхоту. Такъ бояре Изяслава II Мстиславовича, призывая кіевлянъ въ походъ, говорятъ народу: „собирайтесь всѣ отъ мала до велика,—у кого есть конь, тотъ на конѣ, а у кого нѣтъ коня, тотъ пусть идетъ въ ладьѣ“.

Въ позднѣйшія уже времена, съ водвореніемъ среди чрезвычайно подвижныхъ племенъ бо́льшей осѣдлости, за основаніе для несенія воинской повинности была принята земля. Нормою при этомъ служила *соха*, т.-е. пространство земли, которое могъ запахать ея владѣлецъ руками трехъ человѣкъ, при трехъ же лошадяхъ. Обыкновенно нѣсколько сохъ вмѣстѣ выставляли коннаго ратника; въ случаяхъ опасныхъ, онъ выставлялся отъ четырехъ сохъ, т.-е. двѣнадцати человѣкъ населенія, а въ обыкновенныхъ — съ десяти сохъ или тридцати человѣкъ. Несостоятельные люди въ городѣ и безземельные въ области, какъ-то: меньшіе люди, пѣшцы и бобыли входили въ составъ пѣшей рати.

Выше было уже указано, что въ древнѣйшіе періоды народъ, идя на войну, сохранялъ свое устройство. Собраніе войска составляло народное же вѣче и начальствованіе частями войска принадлежало родовымъ и племеннымъ начальникамъ. Съ теченіемъ времени означенныя условія существенно измѣнились: вѣче постепенно утеряло свое значеніе, а въ военноначальствованіи произошли еще бо́льшія измѣненія, въ смыслѣ исключенія при этомъ всякихъ родовыхъ отношеній.

Народное войско или *вои* собиралось обыкновенно для одного какого-либо опредѣленнаго военнаго предпріятія или похода, а потому ежели походу случалось затянуться, то въ войскѣ возникалъ ропотъ. Довольствіе воевъ лежало на нихъ самихъ, а потому количество забираемаго ими продовольствія при выступленіи должно было сообразовываться съ предполагаемою продолжительностью похода. Поэтому ежели послѣдній затягивался, то, за недостаткомъ продовольствія, все войско возвращалось иногда домой.

Кромѣ рати, составляемой на вышеизложенныхъ основаніяхъ, немаловажную часть древняго войска составляли охочіе люди и наемныя дружины или, лучше, полчища иноплеменныхъ народовъ.

Охочими людьми являлись не только бездѣтные, бродячіе подонки народа, но нерѣдко люди настолько состоятельные, что могли снаряжать себя для конной службы. Шли не только жители страны, въ которой происходила война, но и сосѣднихъ областей. Особенно широкое примѣненіе имѣли отряды охочихъ людей—въ Великомъ Новгородѣ, откуда они совершали походы преимущественно на судахъ. Суда ихъ носили различныя названія, какъ-то: *лодь*, *лодья*, *лойка*, *насадъ* и *ушкуй*. Послѣднее было любимымъ судномъ новгородцевъ, отъ него и самые отряды получили названіе *ушкуйниковъ*. Ушкуй вмѣщалъ въ себѣ около 12 человѣкъ.

Наемныя войска составляли также обыкновенное явленіе въ рядахъ вооруженныхъ силъ русскихъ князей. Первоначально нанимали преимущественно варяговъ, среди которыхъ князья всегда имѣли возможность набрать необходимое количество ратныхъ людей. Но варяги, въ большинствѣ случаевъ, отличались крайне безпокойнымъ и буйнымъ нравомъ, позволяли себѣ всевозможныя безчинства и были чрезвычайно требовательны въ вопросѣ о ихъ содержаніи. Поэтому впослѣдствіи, князья предпочитали нанимать дружины въ рядахъ кочевыхъ народовъ, занимавшихъ югъ Россіи, какъ-то: половцевъ, печенѣговъ, торковъ, берендѣевъ и черныхъ клобуковъ; а на западѣ — венгровъ, чеховъ и поляковъ. Въ древнѣйшія времена наемныя дружины этихъ народовъ составляли единственную конницу русской рати, такъ какъ славяне сражались исключительно пѣшкомъ и не умѣли ѣздить верхомъ. Любопытно отмѣтить также, что печенѣги ни разу не дали побѣды нанимавшимъ ихъ князьямъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ пограничныхъ княжествъ, тор-

камъ и берендѣямъ предоставлялись земли для заселенія, съ обязанностью взамѣнъ податей защищать границы, и, какъ кажется, въ нихъ слѣдуетъ признать зачатки нашего послѣдующаго казачества.

Свѣдѣнія о числительности вооруженныхъ силъ, которыми располагали русскіе князья, въ большинствѣ случаевъ чрезвычайно сбивчивы и противорѣчивы. Въ до-Монгольскій періодъ нашей исторіи наиболѣе значительныя силы были употреблены въ слѣдующихъ походахъ: Олега къ Царьграду съ 80.000, Ярослава — въ 1018 году противъ Болеслава Храбраго—отъ 50—60 тысячъ и Андрея Боголюбскаго при осадѣ Вышгорода въ 1173 году—тоже около 60 тысячъ. Вообще условія, въ которыхъ приходилось въ древности вести войны, мало способствовали дѣйствіямъ значительными силами. Этому препятствовали: отвратительное состояніе путей сообщенія и трудности добыванія продовольствія. Ежели не принимать во вниманіе распри князей и происходящую отъ этого разрозненность дѣйствій, то до-монгольская Русь могла безъ труда выставить довольно внушительную боевую силу. Въ XII, напримѣръ, столѣтіи Новгородъ могъ выставить до 20.000, а остальныя области сѣверной Руси, т.-е. Псковская, Муромская, Ростовская и Рязанская—до 50.000. Южная же Россія, болѣе густо населенная, располагала еще большимъ количествомъ войскъ,—такъ что общая числительность русской рати, безъ наемныхъ войскъ, могла простираться до 150.000 человѣкъ. Наемныя полчища нерѣдко бывали также весьма значительны: на помощь, напримѣръ, Изяславу Давыдовичу Черниговскому пришло до 20.000 половцевъ.

Удѣльный періодъ русской исторіи, конечно, не остался безъ вліянія и на устройство вооруженныхъ силъ, преимущественно въ смыслѣ все бо̀льшаго ихъ дробленія. Не только всякій удѣльный князь считалъ необходимымъ имѣть свою дружину, свою рать, но къ тому же стремились и бояре. Въ XII вѣкѣ мужамъ и отрокамъ княжескихъ дружинъ присвоено было названіе *дворянъ*, а отрокамъ боярскихъ дружинъ—*боярскихъ дѣтей*. Число дворянъ и боярскихъ дѣтей, составлявшихъ вначалѣ исключительно военное сословіе, возрастало весьма быстро. Раздача дружинникамъ земель, какъ средство привлечь ихъ и обязать службою, со временемъ примѣнялась все чаще и чаще. Вслѣдствіе этого возрастала въ рукахъ дружинниковъ, главнымъ образомъ бояръ, поземельная собственность и этимъ путемъ образовывалась наша земледѣльческая знать, вообще сословіе помѣщиковъ. Означенное обстоятельство, хотя и медленно, но, тѣмъ не менѣе, кореннымъ образомъ, измѣнило впослѣдствіи условія несенія военной службы. Изъ добровольной службы дружинника она обратилась въ обязательную для извѣстнаго класса населенія, за право владѣнія помѣстьемъ, что вылилось, впрочемъ, въ окончательную форму лишь въ значительно позднѣйшую эпоху.

Роды войскъ, ихъ одежда, вооруженіе, знамена, музыка и знаки отличія.

Главнымъ родомъ войска древнихъ славянъ была пѣхота; пѣшими же они преимущественно сражались и при первыхъ князьяхъ. Какъ указано выше, во время осады греками Доростола, Святославомъ была сдѣлана, но неудачно, попытка дѣйствовать въ бою въ конномъ строѣ. Впрочемъ извѣстіе о неумѣніи Святославовыхъ воиновъ, впервые будто бы сидящихъ верхомъ, справиться съ лошадьми принадлежитъ византійскимъ историкамъ и, какъ кажется, есть основанія усомниться въ справедливости его, такъ какъ еще ранѣе, въ 968 году, Святославъ же изъ Болгаріи двинулся на выручку Кіева—„посадивъ дружину на коней“. Вѣроятно, византійцы хотѣли посредствомъ употребленнаго ими выраженія сильнѣе выяснить все превосходство дѣйствительно прекрасной конницы Цимисхія *).

Во всякомъ случаѣ, даже въ древнѣйшія времена, русскіе князья, дружина, бояре, витязи и вообще знатные люди были обыкновенно на коняхъ. Конницу же въ рядахъ русской рати составляли также наемныя войска изъ половцевъ, печенѣговъ, торковъ, угровъ (венгры) и т. п., вообще изъ сосѣднихъ народовъ тюркскаго племени.

Со временемъ, необходимость постоянной борьбы съ народами, дѣйствовавшими не иначе какъ на коняхъ, вынудила и на Руси увеличивать количество конницы.

Есть свидѣтельства тому, что войска Ярополка Святославовича и Олега Древлянскаго сражались уже на коняхъ. Въ 1042 году Владиміръ Ярославовичъ ходилъ на Ямь на лошадяхъ и одержалъ побѣду, но падежъ истребилъ у него лошадей. Впослѣдствіи конники, кочевники и вообще конная рать, составляли уже главную часть русскихъ войскъ, а пѣхота стала второстепеннымъ, вспомогательнымъ родомъ войска.

Отвратительное состояніе путей сообщенія и изобиліе водъ приводили къ тому, что сухимъ путемъ въ походахъ двигалась обыкновенно одна только конница, пѣшая же рать, во избѣжаніе трудностей движенія, садилась на суда и называлась судовою. При встрѣчѣ съ непріятелемъ войско выходило изъ ладей и вступало въ бой на сухомъ пути, хотя бывали примѣры боя и на водѣ, т.-е. въ рѣкахъ, на морѣ же они даже бывали часто.

Военныя движенія древнихъ славянъ эпохи Игоря, и позже, подробно описаны императоромъ Константиномъ Багрянороднымъ, современникомъ Игоря.

Изъ этого любопытнаго описанія видно, что передъ предстоящимъ походомъ, ко всѣмъ славянскимъ племенамъ, жившимъ въ бассейнѣ Днѣпра, высылались изъ Кіева осо-

*) При этомъ нужно имѣть въ виду, что образованная въ Доростолѣ конница Святослава, состояла изъ лошадей, набранныхъ въ городѣ и не имѣвшихъ никакой подготовки для верховой ѣзды. Съ такими лошадьми, конечно трудно было справиться въ конномъ бою.

Ред.

бые люди съ объявленіемъ о потребности имѣть къ веснѣ суда, и чтобы сплавлять ихъ къ Кіеву. Зимою обитатели славянскихъ земель, рубили у себя лѣсъ и дѣлали изъ него суда, которыя весною сплавлялись по Днѣпру и его притокамъ къ Кіеву, и собирались всѣ къ апрѣлю мѣсяцу у Витишева (на правомъ берегу Днѣпра, въ 50 верстахъ ниже Кіева). Даже новгородцы доставляли сюда построенныя ими суда, подымая ихъ вверхъ по Волхову, а потомъ переволакивали сухимъ путемъ къ верховьямъ Днѣпра. За доставленныя суда уплачивалась условленная ихъ стоимость. Что касается до типа этихъ судовъ, то историки не упоминаютъ о немъ опредѣленно. Извѣстно только, что они были очень легки, такъ какъ иногда случалось ихъ переносить на рукахъ. Полагаютъ, что образцомъ этихъ судовъ служили легкія, устроенныя для морскихъ разбоевъ суда варяговъ, проходившихъ на нихъ даже опасныя шхеры. Размѣромъ онѣ были сперва человѣкъ на 12 и состояли изъ одного большого, выдолбленнаго дерева, почему назывались *однодеревыми*. Таковыми онѣ были, вѣроятно, во времена Олега. При Игорѣ, на каждомъ суднѣ помѣщалось уже 40 человѣкъ, а позднѣе—и по 100.

Буве де Крессе *) говоритъ, что русскимъ для того, чтобы приплыть на судахъ къ Константинополю, „предстояло преодолѣть труды, превосходящіе трудъ Геркулеса“. Дѣйствительно, собранныя на Днѣпрѣ суда легко плыли внизъ по теченію только до пороговъ, которыхъ въ древности извѣстно было 7. Дойдя до пороговъ, люди сходили съ лодокъ, выгружали кладь, которая неслась берегомъ на людяхъ въ обходъ порога. На судахъ оставалось только по нѣсколько человѣкъ, которые, упираясь въ дно рѣки шестами, направляли судно по направленію, указываемому идущимъ впереди человѣкомъ, входившимъ для того въ воду босыми ногами. Пройдя первый порогъ, суда снова нагружались и шли до слѣдующаго, повторяя то же самое. Особенно опасенъ былъ четвертый порогъ, называемый *Неясыть*. Въ народѣ онъ былъ извѣстенъ подъ именемъ *Ненасытнаго*, потому что поглощалъ безконечныя жертвы. Гдѣ нельзя было пройти на шестахъ берегомъ тамъ суда вытаскивались на берегъ и ихъ тащили или по землѣ, или несли на плечахъ, на разстояніи до 4 верстъ (до 6.000 шаговъ) въ обходъ порога.

Изъ этого видно, съ какими трудами было сопряжено плаваніе по Днѣпру, по которому славяне только и могли выйти въ Черное море. Кромѣ естественныхъ препятствій и опасностей, были еще и другія.

Печенѣги, жившіе по берегамъ Днѣпра ниже Кіева, всегда знали о походѣ русскихъ и сторожили ихъ у пороговъ, дѣлая засады, чтобы напасть на нихъ во время переволакиванія судовъ. Поэтому, порядокъ марша славянъ у пороговъ былъ слѣдующій. Часть войскъ оставалась въ гребцахъ на судахъ. Остальные, выйдя на берегъ, дѣлились на двѣ части: одна несла или волокла лодки, другая слѣдовала сбоку, прикрывая ихъ отъ нечаяннаго нападенія. Кладь неслась на плечахъ невольниками, которые везлись на продажу въ Царьградъ. Дойдя до устья Днѣпра, къ о. Березани, останавливались для починки судовъ, что всегда оказывалось необходимымъ. Затѣмъ, выждавъ попутнаго вѣтра, флотилія пускалась въ море на парусахъ или веслахъ, держась ближе къ берегу и направляясь къ устьямъ Дуная. Оттуда флотилія направлялась къ Мисеврѣ (Миссемврія) и далѣе къ Царьграду. Такъ какъ входъ въ Босфоръ греки преграждали желѣзною цѣпью, то вступленіе судовъ въ Босфоръ, говоритъ историкъ, „было невозможно ни для кого, но не для русскихъ. Они выходили на берегъ, вытаскивали на сушу суда, придѣлывали къ нимъ колеса и такимъ образомъ перевозили ихъ для новаго спуска въ требуемомъ мѣстѣ“. При попутномъ же вѣтрѣ, на судахъ распускались паруса, которые помогали движенію. „Все это мало вѣроятно,—говоритъ де Крессе,—но все это вѣрно“ **) и потомъ: „необходимость вызывала усилія неслыханныя въ мірѣ“. Такъ говоритъ исторія о походѣ Олега подъ Царьградъ.

Устройствомъ судовой рати особенно прославился великій князь Изяславъ II Мстиславовичъ, который устроилъ на Днѣпрѣ въ 1151 году для обороны Кіева крытыя лодки, такъ что гребцовъ не было видно.

---

*) Bouvet de Cressé: „Histoire de la marine“. Paris. 1824, p. 302—322.

**) p. 308.

Воины же въ броняхъ, стоя на палубѣ, перестрѣливались съ непріятелемъ, а кормщики—по одному на носу и кормѣ—направляли, ладью куда нужно, безъ поворота. Вообще же обыкновенныя ладьи, на которыхъ руссы совершали свои походы, были сравнительно небольшими и притомъ безпалубными лодками. Назывались онѣ *однодеревками*, хотя врядъ ли онѣ могли быть выдолблены изъ одного дерева. На каждой ладьѣ помѣщалось, кромѣ необходимаго груза, отъ 40 до 50 человѣкъ, а по арабскимъ источникамъ—даже 100 человѣкъ.

Одежда русскихъ войскъ съ древнѣйшихъ временъ находилась въ тѣснѣшей связи съ обыкновенною одеждой населенія. Хотя и нѣтъ достовѣрныхъ извѣстій объ одеждѣ руссовъ въ наиболѣе древнія времена, но уже въ VI вѣкѣ все одѣяніе ихъ состояло изъ рубахи и исподницы, а нерѣдко и изъ одной исподницы. Отъ ненастья и холода они защищали себя звѣриными шкурами. Первое достовѣрное свѣдѣніе объ одеждѣ руссовъ относится къ началу X вѣка, т.-е. 922 году, когда аравитянинъ, Ибнъ-Фосланъ, ѣздившій въ Волжскую Болгарію посломъ калифа багдадскаго Муктедира, видѣлъ руссовъ и оставилъ ихъ описаніе. По его словамъ, руссы никогда, даже въ мирномъ быту, не ходили безъ оружія, состоящаго изъ топора, меча и ножа. Вмѣсто рубахи они накидывали на плечи кусокъ грубой ткани, оставляя одну руку свободною для дѣйствія (рисунокъ № 1). Впрочемъ онъ же, описывая обрядъ погребенія одного изъ русскихъ старѣйшинъ, говоритъ, что на него надѣли: два исподнія платья—верхнее и нижнее, сапоги, куртку и кафтанъ изъ золотой парчи съ золотыми пуговицами и золотую же парчевую шапку, опушенную соболемъ. По свидѣтельству другого аравитянина, Ибнъ-Хаукала, одни изъ руссовъ вовсе не носили бороды, другіе же имѣли ее длинною, причемъ ее закручивали и окрашивали въ цвѣтъ шафрана. Левъ Діаконъ, описывая наружность Святослава при свиданіи его съ Іоанномъ Цимисхіемъ, разсказываетъ, что онъ имѣлъ бороду бритую и бритую же голову, на которой висѣлъ длинный локонъ волосъ (*).

О вооруженіи древнихъ руссовъ извѣстно, что они употребляли: топоры (рис. 10), обоюдоострые мечи (рис. 7); короткія копья, сулицы или дроты (рис. 8), деревянные луки съ намазанными ядомъ стрѣлами (рис. 9), и большіе, длинные, деревянные щиты, обшитые кожею и окованные желѣзомъ (рис. 4). Широкіе наверху и съуживающіеся книзу, окрашенные въ красный цвѣтъ (червленные), щиты составляли въ первыя времена единственное предохранительное оружіе славянъ. Согласно же лѣтописи Нестора, руссы уже въ IX столѣтіи имѣли брони, а по другимъ источникамъ—они носили также шлемы; и то и другое руссы

*) Это описаніе не совсѣмъ вѣрно. Вѣрнѣе у Нестора, о чемъ уже было говорено выше. *Ред.*

вѣроятно переняли отъ пришлыхъ къ нимъ князей съ ихъ варягами (рис. 4).

Брони или кольчуги у руссовъ имѣли покрой рубашки, длиною до колѣнъ и съ рукавами по локоть или до кистей рукъ, гдѣ стягивались металлическими обручами. Иногда, впрочемъ, употреблялись и досчатые латы—прапорцы. Ноги, обутыя или въ сапоги, или въ обувь схожую съ лаптями, также защищались кольчужными панталонами (рис. 2 и 4). Голова прикрывалась шеломомъ съ острымъ верхомъ и съ желѣзнымъ забраломъ или личиною, въ видѣ полумаски. Для защиты щекъ и затылка, къ шлему прикрѣплялась кольчужная желѣзная сѣтка, застегивавшаяся у шеи запоною (рис. 3).

Бросаясь въ атаку на противника, руссы закрывались обыкновенно щитами, выставляя копья въ промежутки между нихъ. При отступленіи же щиты закидывались за спину.

Интересно сопоставить съ приведенными свѣдѣніями таковыя же по отношенію къ балтійскимъ или сѣверо-западнымъ славянамъ.

Эти послѣдніе, участвуя какъ союзники въ войнѣ датскаго короля Гаральда противъ шведовъ и норвежцевъ въ концѣ VIII вѣка, принимали участіе въ сраженіи при Бравалле. Ихъ полкъ, кстати замѣтимъ, находившійся подъ начальствомъ дѣвы Висна, описывается вооруженнымъ маленькими щитами мѣднаго цвѣта и чрезвычайно длинными мечами. Въ рукопашномъ бою они перебрасывали свой щитъ за спину или передавали слугѣ и съ мечомъ въ рукѣ бросались на врага, съ открытою грудью, выставляя все тѣло наружу.

Оружіе конныхъ ратниковъ у руссовъ было одинаково съ пѣшими, съ тою лишь разницею, что у конныхъ были длинныя копья съ разноцвѣтными значками—*прапорцами* (рис. 14) и вмѣсто мечей они имѣли выпуклыя, кривыя сабли, заимствованныя у тюркскихъ народовъ (рис. 6).

Кромѣ того у руссовъ, почти постоянно, встрѣчалось особое оружіе въ видѣ ножей, носившихся за сапогомъ, а потому и называвшихся *засапожниками* (рис. 5). Повидимому, бой на засапожникахъ считался доказательствомъ мужества и доблести рати: такъ, въ „Словѣ о полку Игоревомъ“ приводится восклицаніе князя:—„ужъ не вижу я власти сильнаго, богатаго и многовои брата моего Ярослава съ черниговскими былями, могутами, тотронами, топчаками, ревугами и ольберами безъ щитовъ, съ засапожными ножами, кликами полки побѣждаютъ, гремя прежнею славою...“

Бывали примѣры и въ позднѣйшія времена, что русская рать сражалась совсѣмъ безъ доспѣховъ, т.-е. предохранительнаго оружія. Такъ, въ сраженіи при Колакчѣ, въ 1096 году, новгородцы князя Мстислава спѣшились для боя и сбросили съ себя даже платье и сапоги. Передъ

Липецкою битвой, 21 апрѣля 1216 года, Мстиславъ Мстиславовичъ Удалой далъ своимъ новгородцамъ на выборъ — сражаться на коняхъ, или пѣшкомъ. Новгородцы отвѣчали: что не хотятъ помирать на коняхъ, но хотятъ биться пѣши, какъ бились отцы ихъ на Колакчѣ, и, сбросивъ съ себя порты и сапоги, побѣжали босые на непріятеля.

Соотвѣтственно вооруженію, пѣшая рать подраздѣлялась на копейщиковъ, предначавшихся для рукопашнаго боя въ массахъ, копьемъ или мечомъ, и лучниковъ или стрѣльцовъ, для стрѣльбы изъ лука, большею частью въ разсыпную.

На воруженіи русскихъ войскъ, разумѣется, должно было сказаться вліяніе тѣхъ разнообразныхъ народовъ, съ которыми имъ приходилось по преимуществу вести борьбу. Такъ, на югѣ—отъ печенѣговъ и половцевъ заимствованы были сабли, а лукъ со стрѣлами сталъ главнымъ родомъ оружія въ борьбѣ съ кочевниками. На сѣверѣ же лукъ и стрѣлы встрѣчались сравнительно рѣже; за то отъ ливонцевъ и шведовъ перенималось преимущественно предохранительное оружіе, т.-е. всякаго рода доспѣхи. Понятно также, что не могло быть и никакого однообразія въ вооруженіи дружинъ и воевъ; всякій вооружался чѣмъ могъ и чѣмъ находилъ для себя удобнѣе.

Пріобрѣтеніе оружія, а въ особенности доспѣховъ, составляло задачу далеко не легкую. Выдѣлка оружія въ Россіи была крайне ограниченная, и приходилось пріобрѣтать его извнѣ или покупкою, или войною. Сравнительно съ другими мѣстностями, Новгородъ находился въ этомъ отношеніи въ лучшихъ условіяхъ, благодаря своимъ обширнымъ торговымъ сношеніямъ. У него впрочемъ и собственная выдѣлка оружія получила не только большее развитіе, но даже достигла нѣкотораго совершенства. Вообще же лучшее и дорогое оружіе получалось изъ сосѣднихъ странъ; особенно славились, напримѣръ: шеломы латинскіе и аварскіе, сулицы (копья)—ляцкіе, т.-е. польскіе, и мечи харалужные, т.-е. изъ восточной вороненой стали. У князей, бояръ и богатыхъ людей оружіе украшалось серебромъ и золотомъ, особенно шлемы.

Въ разсматриваемый длинный періодъ времени, съ IX по XIII столѣтіе, вооруженіе подвергалось, разумѣется, многочисленнымъ измѣненіямъ. Первоначально простое, легкое и несложное, оно современемъ становилось все тяжелѣе и сложнѣе, такъ что даже въ до-Монгольскій періодъ все болѣе и болѣе трудная задача снабженія войска оружіемъ, стала въ значительной долѣ ложиться на князей. Изъ ихъ складовъ выдавалось оружіе передъ выступленіемъ въ походъ, а по минованіи надобности отбиралось обратно. Для облегченія войскъ во время похода оружіе часто возилось на подводахъ, или сплавлялось по рѣкамъ до встрѣчи съ непріятелемъ, и уже передъ битвою ратники вооружались и надѣвали брони. Благодаря такого рода порядкамъ, русская рать

попадала иногда въ весьма неудобное положеніе, бывая застигнута противникомъ не только не готовою къ бою, но даже безоружною.

Необходимою принадлежностью русскихъ войскъ были также знамена или, какъ ихъ въ то время называли, *стяги*. Славяне уже въ древнѣйшія времена чрезвычайно высоко чтили свои знамена, считая ихъ въ военное время выше своихъ идоловъ, а въ мирное — сохраняли ихъ въ своихъ главныхъ храмахъ и воздавали имъ божескія почести. Знамя балтійскихъ, напримѣръ, вендовъ стояло обыкновенно въ Святовидовомъ храмѣ, въ городѣ Арконѣ, и считалось сильною богинею, дающею право идущимъ съ нею нарушать законы и даже оскорблять идоловъ. Языческіе стяги были огромной величины, пестрые, съ изображеніемъ языческихъ боговъ и чудовищъ.

Въ битвѣ, мѣста расположенія стяговъ служили сборными пунктами для войскъ, и кругомъ своихъ стяговъ, распускавшихся только передъ битвой, войска сражались. Вслѣдствіе этого выраженія: *поставить стягъ* или *наволочить стягъ*—означали приготовленіе войскъ къ бою, т.-е. построеніе боевого порядка. Прорубиться въ бою къ непріятельскому стягу считалось выдающимся подвигомъ, а *подрубить стягъ* у противника и на его мѣсто выставить свой—означало обыкновенно рѣшительную побѣду.

По введеніи христіанства стяги вполнѣ сохранили свое значеніе, и безъ нихъ не отправлялись въ походъ и не вступали въ сраженіе. Сколько можно судить по сохранившимся свѣдѣніямъ, каждая отдѣльная дружина и рать каждой области или города имѣла свой стягъ. Въ 1216 году, въ упомянутомъ уже выше Липецкомъ сраженіи, у князя Георгія Суздальскаго было, напримѣръ, 17 стяговъ, а у Ярослава съ его новгородцами—13.

Также какъ и знамена, военная музыка составляла всегдашнюю принадлежность русскаго войска. Славянскими народными музыкальными инструментами еще въ VI вѣкѣ были: волынка, гудокъ, дудка и гусли. Собственно же въ войскахъ музыку составляли *трубы*, *накры* и *бубны*. Въ томъ же Липецкомъ сраженіи у суздальцевъ и владимірцевъ было 40 трубъ и столько же бубновъ, а у новгородцевъ — 60 трубъ и бубновъ. Позже, въ 1220 году, въ походѣ противъ волжскихъ болгаръ, русское войско имѣло: трубы (рис. 11), бубны, сурны (рис. 12) и сопѣли (рис. 13). Эти четыре инструмента существовали въ военной музыкѣ Россіи до XVIII столѣтія.

Подвиги мужества и самоотверженія и вообще военныя заслуги не оставались и прежде безъ награжденія, причемъ и въ древнѣйшія времена имѣлись для этого особые знаки отличія. Наиболѣе древними знаками отличія были *золотыя гривны* и *цепи* (цѣпи). Народныя преданія о богатыряхъ Владиміра I-го говорятъ уже о нѣкоемъ Александрѣ съ

золотою гривной. Лѣтописцы наши, приводя извѣстіе о убіеніи Бориса братомъ его Святополкомъ въ 1015 году, говорятъ, что у любимаго Борисова отрока Георгія была на шеѣ гривна:—„съ Егорія же не могуще борзо сняти гривны съ шеи, отсѣкоша главу его и тако сняша гривну". Въ 1147 году возмутившійся народъ въ Кіевѣ сорвалъ съ рязанскаго боярина Михаила золотую гривну и цѣпи. Слѣдовательно, гривна была золотою медалью, носившеюся на шеѣ на цѣпи. Помимо этого, въ награду раздавались: оружіе, доспѣхи, деньги, прибавка къ денежному содержанію, помѣстья и возводили въ санъ бояръ, воеводъ, тысяцкихъ и другія дворовыя, военныя и гражданскія званія.

Боевые порядки и образъ дѣйствій въ бою.

Выше было уже приведено, что въ древнѣйшія времена славяне избѣгали правильныхъ сраженій, въ особенности на мѣстности ровной и открытой. Отдавая предпочтеніе борьбѣ на мѣстности трудно доступной въ лѣсахъ, болотахъ, горахъ и ущельяхъ, славяне сражались исключительно пѣшими и не принимали при этомъ никакого строя. Въ ряды, шеренги или даже толпу славяне не строились, а дѣйствовали, слѣдовательно, въ разсыпную, разсчитывая на свое искусство въ одиночномъ бою.

Съ прибытіемъ первыхъ русскихъ князей съ ихъ варяжскими дружинами и послѣдовавшимъ вскорѣ затѣмъ образованіемъ изъ среды самихъ славянъ постоянныхъ войсковыхъ частей, въ видѣ княжескихъ и боярскихъ дружинъ, очевидно должны были выработаться какіе-либо опредѣленные порядки для боя и способа дѣйствій, отвѣчающіе особенностямъ славянскаго племени, устройству, вооруженію ихъ дружинъ и земской рати.

Для временъ первыхъ русскихъ князей: Рюрика съ братьями, Олега и Игоря—сохранившіеся историческіе документы не даютъ никакихъ сколько-нибудь опредѣленныхъ указаній относительно строя и образа веденія боя. Но уже для времени Святослава I-го имѣются достаточно обстоятельныя свѣдѣнія по этому вопросу. Войска Святослава, оказывается, принимали въ бою сплошное глубокое построеніе, въ которомъ ратники, сомкнувъ свои длинные щиты, составляли какъ бы подвижную стѣну, отличавшуюся чрезвычайною силой удара при атакѣ и сопротивленія при оборонѣ.

Дальнѣйшее развитіе боевыхъ строевыхъ порядковъ и дѣйствій, понятно, не могло происходить внѣ всякаго вліянія цѣлаго ряда внѣшнихъ условій, изъ числа которыхъ важнѣйшимъ было, разумѣется, свойство противника.

Занимая страну, расположенную между западною Европой съ одной

стороны и Азіею—съ другой, русскому народу приходилось сталкиваться и вступать въ борьбу съ самыми разнообразными народностями, представляющими рѣзкія другъ отъ друга отличія въ формахъ образованія ихъ вооруженныхъ силъ и способахъ дѣйствій на войнѣ. Въ зависимости отъ этого, характеръ боевыхъ дѣйствій и строи войскъ вырабатывались въ различныхъ частяхъ Руси съ своими, болѣе или менѣе существенными особенностями.

Въ общемъ, означенныя особенности могутъ быть сведены къ двумъ главнѣйшимъ способамъ дѣйствій: въ одномъ—преобладалъ бой, вблизи рукопашный, а въ другомъ—бой издали, преимущественно метательнымъ оружіемъ. Принятіе того или другого характера боя обусловливалось необходимостью бороться или съ нестройными конными полками восточныхъ кочевыхъ народовъ, или же со стройными дисциплинированными массами нѣмцевъ, шведовъ и ливонцевъ. Первый, рукопашный способъ получилъ, слѣдовательно, развитіе и примѣненіе на сѣверѣ и западѣ Руси, а второй, метательный—на югѣ и востокѣ.

Древнѣйшіе восточные и южные сосѣди Руси, какъ-то: печенѣги, половцы, хазары и т. д., не имѣли какого-либо боевого строя, а дѣйствовали въ бою толпою или вразсыпную. Достиженіе успѣха они основывали прежде всего на бою издали: тучею бросаемыхъ стрѣлъ они старались привести противника въ замѣшательство и безпорядокъ, а затѣмъ и заставить его бѣжать съ поля сраженія. Не разстроеннаго, сохранившаго порядокъ непріятеля, эти народы рѣшались атаковать въ рукопашную въ крайне рѣдкихъ случаяхъ. Не успѣвъ же обратить противника въ бѣгство, они сами повертывали тылъ, не доведя дѣла до рѣшительнаго столкновенія, такъ что, въ сущности, тактика восточныхъ народовъ совершенно опредѣлялась словами: *„бѣги, или я самъ побѣгу“*.

Въ восточной Руси, гдѣ въ рядахъ ея рати нерѣдко служили значительныя даже массы печенѣговъ, половцевъ, торковъ, берендѣевъ, ковуевъ и другихъ восточныхъ народовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ составлявшихъ и главнаго врага нашего отечества, лукъ и стрѣлы стали, понятно, такимъ же важнымъ оружіемъ, какъ и у этихъ народовъ. Эти наемники въ рядахъ русскаго войска сохраняли, разумѣется, всѣ особенности своего способа дѣйствій въ бою, а потому образовывали особую часть боевого построенія нашей рати—лучниковъ или стрѣлковъ, впослѣдствіи формировавшихся и изъ среды самихъ русскихъ. Лучники, какъ передовая часть боевого порядка, завязывали бой и подготовляли своими стрѣлами ударъ холоднымъ оружіемъ сомкнутыхъ массъ главныхъ силъ.

Со временъ уже первыхъ русскихъ князей русскія войска располагались для битвы въ боевомъ порядкѣ, состоявшемъ изъ трехъ основныхъ частей: въ серединѣ большой полкъ или чело, а по бокамъ—пра-

вое и лѣвое крылья. Въ челѣ ставились обыкновенно варяги или другіе наемники, а также земскіе полки (вои), на крыльяхъ же располагались преимущественно княжескія дружины. Впослѣдствіи къ этимъ тремъ частямъ боевого порядка, составлявшимъ главныя силы—по тогдашнему *главный рядъ*, прибавились еще *передовой* и *сторожевой* полки, составлявшіе уже второй—*передній рядъ*. Съ конца же XII столѣтія можно уже съ достовѣрностью отмѣтить прибавленіе къ этимъ пяти отдѣламъ еще особаго, шестого—*стрѣлковъ*. Въ лѣтописяхъ, наприм. въ разсказахъ о походѣ Игоря Сѣверскаго противъ половцевъ въ 1185 году, ясно означены всѣ эти шесть частей боеваго порядка, описываемаго слѣдующимъ образомъ: „И изрядиша (русскіе) полковъ 6: Игоревъ полкъ середе, а по праву Всеволожъ, а по лѣву Святославль, на передъ сынъ Володимеръ и другой полкъ Ярославль, *а третій на передъ же стрѣльцы*, иже бяху отъ всѣхъ князей выведены..." Значитъ стрѣльцы или лучники составляли отдѣльную, сборную часть боевого порядка, и назначались въ нее ратники съ луками и стрѣлами изъ всѣхъ дружинъ или полковъ. Къ сожалѣнію, нельзя опредѣлить, какимъ образомъ располагались другъ относительно друга полки передняго ряда. Очевидно только, что стрѣльцы были всѣхъ впереди. Въ дальнѣйшемъ описаніи того же боя говорится „и выѣхаша изъ половецкихъ полковъ стрѣльцы и пустивши по стрѣлѣ и поскочиша... Русь же бяху не переѣхали еще рѣкы. Поскочиша же и тѣ половцы, которые далеко рѣки стояху. Святославъ же Ольговичъ и Володимеръ и Олестинъ, и стрѣльцы потекоша на нихъ, а Игорь и Всеволодъ по малу идясте не распустяця полка своего..." Въ этомъ же сраженіи на берегахъ рѣки Коялы, какъ свидѣтельствуетъ Карамзинъ: „половцы три дня дѣйствовали *стрѣлами* и не хотѣли сразиться *копьями*...", что вполнѣ подтверждаетъ вышеприведенное опредѣленіе тактики восточныхъ народовъ.

На сѣверѣ же и западѣ положеніе дѣла было совершенно иное: здѣсь русскимъ приходилось сталкиваться съ врагами совсѣмъ другого характера, т.-е. нѣмцами, литовцами и шведами, выработавшими свой строй и свои способы веденія боя. Въ противоположность восточному, здѣсь нашими противниками принимался строй сплошной, сомкнутый, обезпечивавшій возможность успѣшной борьбы—не издали, стрѣлами, а вблизи, въ-рукопашную. Этимъ условіямъ какъ нельзя болѣе удовлетворялъ строй нѣмецкой фаланги, носившей названіе *свиньи* или *великой свиньи*, которая имѣла фигуру треугольника или клина, обращеннаго впередъ острымъ угломъ. Составлялся онъ обыкновенно изъ тяжело вооруженныхъ ратниковъ, вслѣдствіе чего назывался на Руси желѣзнымъ полкомъ, ударъ котораго большею частью отличался чрезвычайною силой. Славяне умѣли также пользоваться этимъ строемъ, но въ лѣтописяхъ почти не встрѣчается сколько-нибудь ясныхъ указаній на его примѣне-

ніе ими въ бою. Славянамъ (т.-е. руссамъ) очевидно было необходимо не подражать въ этомъ случаѣ нѣмцамъ, а изыскивать лучшіе способы для борьбы съ ихъ свиньей. Этимъ способомъ, насколько можно судить по сохранившимся указаніямъ, было распредѣленіе трехъ или пяти полковъ, составлявшихъ боевой порядокъ русскихъ, въ видѣ римской цифры V, *пяткомъ* или *клещами*. Такая фигура боевого поряда, обращенная къ непріятелю широкимъ основаніемъ, составляла прямую противоположность свиньи, представляя весьма выгодную возможность охватывать послѣднюю, какъ это и было при Александрѣ Невскомъ въ Ледовомъ побоищѣ въ 1242 году.

Но, помимо формы боевого построенія, сѣверъ Руси, въ виду характера веденія боя его европейскими врагами, не имѣлъ возможности развивать, подобно югу, бой издали стрѣлками. Новгородцы, напримѣръ, не знали употребленія стрѣлковъ и не умѣли отъ нихъ защищаться, что составляло весьма важный недостатокъ новгородскихъ и вообще сѣверорусскихъ войскъ въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ приходилось имѣть дѣло съ юго-восточнымъ строемъ—со стрѣлками. При этомъ новгородская конница, поражаемая стрѣлами противника, не могла долго сохранять порядокъ, тѣмъ болѣе, что въ ея рядахъ находились также и *меньшіе люди*, никогда на лошадяхъ не сидѣвшіе и не умѣвшіе съ ними справляться. Пораженіе конныхъ массъ сѣвера было очевиднымъ слѣдствіемъ разницы въ способахъ дѣйствій, и горю пришлось помогать тѣмъ, что эта конница передъ боемъ спѣшивалась и пѣшкомъ пускалась въ атаку. Этимъ именно способомъ, какъ указано выше, новгородцы одержали свои двѣ важнѣйшія побѣды: на Колакчѣ (въ 1096 году) и липецкую (въ 1216 году). Этотъ именно способъ веденія боя, какъ кажется, и можетъ быть признанъ за тотъ *русскій бой*, о которомъ говорятъ лѣтописцы и который высоко цѣнился западными сосѣдями Руси.

Сраженіе или битва, называющіяся въ древности *ступомъ*, *ступленіемъ*, *соймомъ*, *снятіемъ*, *совкупомъ* и т. д., начинались обыкновенно не прямо по встрѣчѣ противниковъ. Враждебныя стороны иногда весьма даже долго оставались другъ противъ друга, не рѣшаясь завязать бой и стараясь бранью вывести своего противника изъ терпѣнія. Для брани избирались самые разнообразные предлоги, чаще же всего для этого служила личность непріятельскаго предводителя. Въ 1016 году, напримѣръ, кіевляне Святополка и Ярославовы новгородцы, сойдясь на противоположныхъ берегахъ Днѣпра, стояли праздно четыре дня: ни тѣ, ни другіе не смѣя перейти рѣку. Наконецъ, уже въ заморозы, Святополковъ воевода Волчій Хвостъ сталъ ѣздить вдоль рѣки и грозить новгородцамъ, всегда имѣвшимъ въ своихъ рядахъ много ремесленниковъ,—„приставить ихъ дома рубить“. Выведенные изъ терпѣнія, новгородцы переправились черезъ Днѣпръ и разбили не ожидавшаго напа-

денія и въ это время пьянствовавшаго Святополка. Въ 1018 году воевода Ярославъ Будый вызывалъ передъ Бужскимъ сраженіемъ поляковъ на бой, обѣщая—„проткнуть палкою толстое брюхо польскаго короля Болеслава Храбраго“. Нерѣдко брань производилась въ совершенно неприличной формѣ, или, какъ выражаются лѣтописи,—„лаялись какъ псы“.

Передъ боемъ войско вооружалось везущимся зачастую въ обозѣ оружіемъ, а затѣмъ ставило стяги, то-есть строило боевой порядокъ. Боевой порядокъ, какъ уже указано выше, состоялъ изъ нѣсколькихъ частей, называвшихся полками, въ центрѣ—большой, на флангахъ—правой и лѣвой руки, впереди—сторожевой полкъ и стрѣлки и, наконецъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ тылу—въ резервѣ—засадный полкъ.

Предварительный бой завязывался на югѣ—стрѣлками, а на сѣверѣ—сторожевымъ полкомъ, затѣмъ уже схватывались главныя силы. Стрѣлки или лучники дѣйствовали въ-разсыпную, остальные же—въ сомкнутыхъ массахъ. Борьба велась: кіями, топорами, ножами, сѣклись мечами, схватясь даже за руки. Князья съ конными полками и своими дружинами по нѣскольку иногда разъ ходили въ атаку и врубались въ ряды непріятеля. Дѣло выигрывалось, когда противникъ „вдавалъ плечи“, то-есть обращался въ бѣгство. Всякаго рода военныя хитрости, засады, ложное бѣгство и т. под. примѣнялись въ широкихъ размѣрахъ.

Вообще о порядкѣ веденія боя въ древней Руси имѣется очень мало указаній. Въ „Словѣ о полку Игоревомъ“ бой описывается преимущественно въ самихъ общихъ чертахъ, наприм.—„они смяли поганые полки половцевъ“; или: „земля дрожитъ, рѣки мутно текутъ, пыль по полямъ стелется“—и все въ этомъ родѣ.

Нѣсколько подробнѣе можно судить о подробностяхъ боя по чешской, т.-наз. *Краледворской* рукописи, открытой въ 1817 году В. Ганкою, и переведенной на русскій языкъ Бергомъ.

Здѣсь говорится о боѣ, соединенныхъ христіанскихъ дружинъ противъ татаръ, при Ольмюцѣ, въ 1241 году.

Имѣя въ виду, что древнее военное искусство, цѣлыми столѣтіями оставалось неизмѣннымъ, съ полнымъ основаніемъ можно предположить, что христіанскія, а слѣдовательно и русскія рати, задолго до Ольмюцкаго боя, употребляли тѣ же пріемы въ битвѣ, на которые указываетъ чешская рукопись. Вотъ что, между прочимъ, говорится въ этой рукописи при описаніи Ольмюцкаго боя *), гдѣ христіане были окружены:

Бьются день, другой, дерутся крѣпко;
Никуда не клонится побѣда.
Вотъ невѣрныхъ рати разрослись,
Будто тьма вечерняя подъ осень.
— Ну! за мною, братья!... Такъ воскликнулъ,
Въ щитъ мечомъ гремя Вячеславъ могучій... **),
И хоругвь надъ головами поднялъ.
Всѣ метнулись, какъ едино тѣло,
На татаръ ударили жестоко,
И, какъ пламень изъ земли, пробились

*) Н. Обручевъ: „Обзоръ памятниковъ до исторіи военнаго искусства въ Россіи, по 1725 г.“ Спб. 1853 г.

**) Венгерскій король Венцеславъ. Объ этомъ боѣ см. главу VI.

Вонъ изъ полчищъ нехристей поганыхъ,
И въ далинѣ стали вострымъ клиномъ.
Тутъ покрылись тяжкими щитами,
Справа, слѣва; и большія пики
Взбросили на могучіе плечи
Другъ ко другу: задніе—переднимъ.
Тучи стрѣлъ летѣли въ босурманство.

Бой длился до самой ночи, съ наступленіемъ которой христіане укрѣпили свою позицію.

— „Той порой, во мракѣ, христіане
Навалили подъ горою насыпь.
Какъ заря блеснула на востокѣ,
Зашумѣли орды супостатовъ,
И кругомъ ту гору обступили".

Нѣсколько приступовъ, сдѣланныхъ татарами на позицію христіанъ, были отбиты стрѣлами и мечами

„Разъярился народъ некрещеный;
Закипѣло сердце хана гнѣвомъ;
На три полчища разбился таборъ:
Съ трехъ сторонъ облавили ту гору.
Тутъ скатили христіане бревна,—
Двадцать бревенъ, сколько тамъ ихъ было,—
И за валомъ ихъ сложили въ кучу.
Побѣжали къ насыпи татары,—
Въ облака ударились ихъ вопли,
И хотѣли, вражьи дѣти, насыпь
Раскидать; но бревна покатились—
Какъ червей прихлопнуло тутъ погань,
И еще давило ихъ въ долинѣ".

Это описаніе значительно дополняетъ общую картину боя на древней Руси. Предводитель рати лично поднимаетъ знамя и, впереди всѣхъ, идетъ на врага при атакѣ. Ожидая нападенія, рать строится въ клинообразный боевой порядокъ, въ видѣ римской цифры V. Фронтъ обстанавливается, какъ стѣною, поставленными другъ къ другу, высокими щитами, между которыми передніе ряды просовываютъ копья. Задніе ряды кладутъ копья на *плечи переднимъ* и, такимъ образомъ, образуется прочная твердыня, способная удержать натискъ противника.

Когда позволяетъ время, возводятся *земляныя насыпи*, наверху которыхъ собираютъ большія бревна и каменья, которыя скатываютъ на атакующихъ и давятъ ихъ.

О качествахъ русскаго воина того времени въ бою, можно судить по ихъ описанію, даваемому уже упоминавшимся выше Михаиломъ Пселломъ. Будучи посланъ въ 1057 году императоромъ Михаиломъ Стратіотикомъ къ возставшему Исааку Комнену, онъ описалъ пріемъ, сдѣланный ему Комненомъ, и окружавшую послѣдняго свиту. Разсказавъ, что у трона стояли приближенные, составлявшіе три опоясывающіе другъ друга круга, онъ говоритъ, что послѣдній кругъ составляли союзническія силы: итальянцы и тавроскиѳы, то-есть русскіе: „они были страшны и видомъ своимъ и наружностью; тѣ и другіе имѣютъ свѣтло-голубые глаза, но одни поддѣлываютъ цвѣтъ (краску) и обнажаютъ поверхность своихъ щекъ (то-есть брились), другіе сохраняютъ это въ

природномъ видѣ; одни (итальянцы) ужасны въ натискѣ, легко подвижны и стремительны; другіе (русскіе) яростны, но медлительны; одни (опять итальянцы)—неудержимы въ первомъ порывѣ ихъ нападенія, но скоро они насыщаютъ свою страстность; другіе же (русскіе) не такъ стремительны, но за то не щадятъ своей крови и презираютъ свои раны (въ буквальномъ же переводѣ—не обращаютъ вниманія на куски мяса своего тѣла, теряемые ими въ сраженіи).

Изъ приведеннаго описанія и всего вышеизложеннаго явствуетъ, что атака руссовъ въ бою отличалась всегда чрезвычайною силой. Но, будучи отражены или опровинуты, перейти къ оборонѣ они не умѣли, и лагеремъ, какъ укрѣпленнымъ пунктомъ, на случай неудачи въ атакѣ, пользовались крайне рѣдко *). Обращаясь же въ бѣгство, старались укрыться и запереться въ ближайшемъ городѣ. Потери бѣгущаго, очевидно, должны были быть очень велики. Вообще, пораженіе въ то время равнялось, обыкновенно, почти поголовному истребленію.

Одержавъ побѣду, руссы, нерѣдко, вмѣсто настойчиваго преслѣдованія противника, бросались грабить его обозы, обирали мертвыхъ, а иногда даже начинали драться между собою изъ-за добычи. Этою слабостью руссовъ часто пользовались ихъ противники, особенно нѣмцы, которые, бросая свой обозъ на разграбленіе, иногда, благодаря этому, выходили изъ критическаго положенія. Склонностью къ грабежу, въ особенности, отличались смольняне, новгородцы же, сравнительно рѣдко уклонялись для этого отъ боя. Побѣдители, большею частью, оставались на полѣ сраженія, по тогдашнему — *на костяхъ*, и въ теченіе, иногда нѣсколькихъ дней, праздновали побѣду.

Мѣстныя условія, въ которыхъ приходилось въ древности вести войны, какъ уже не разъ указывалось выше, чрезвычайно затрудняли дѣйствія и движенія войскъ. Обширные, сплошные лѣса, покрывавшіе въ то время Россію; громадныя болотныя пространства и, вообще, изобиліе водъ, при отвратительномъ состояніи сухопутныхъ путей сообщенія, къ тому же очень рѣдкихъ, дѣлали походы сухимъ путемъ крайне трудными. Вслѣдствіе этого, каждому походу предшествовали часто весьма обширныя работы по исправленію путей, устройству мостовъ и переправъ черезъ рѣки и т. д.

Трудностями движенія сухимъ путемъ объясняется усвоеніе руссами привычки пользоваться, въ широкихъ размѣрахъ, рѣками, совершая походы въ ладьяхъ. Сухимъ путемъ двигалась обыкновенно одна конница; пѣхота же, оружіе, запасы довольствія и вообще всѣ тяжести перевозились водою. Въ случаѣ же необходимости движеній сухимъ путемъ, таковыя старались выполнять, преимущественно, зимою, когда за-

*) Однако, были и исключенія, какъ сказано о битвѣ при Ольмюцѣ. *Ред.*

мерзшія рѣки и болота не составляли препятствій, и кончить походъ торопились до таянія снѣга.

При сухопутныхъ движеніяхъ, войска охранялись *сторожами*, высылавшимися впередъ, какъ для охраны, такъ и для развѣдыванія о непріятелѣ и дорогахъ и для захватыванія плѣнныхъ (языковъ). На отдыхъ войска располагались *станами*, но укрѣпленныхъ лагерей почти никогда не строили. Въ нѣкоторыхъ только случаяхъ, и то рѣдкихъ, руссы окружали свой станъ тыномъ или повозками, т. е. устраивали, такъ называемый, *городъ въ кольхъ*.

Малая населенность Руси, разбросанность поселеній, большею частью мелкихъ, и малое въ то время еще развитіе земледѣлія, ставили въ затруднительное положеніе вопросъ о довольствіи и содержаніи войска. Приходилось все необходимое возить за войсками, вслѣдствіе чего они были всегда обременены громадными обозами, называвшимися *товарами*. Обозы эти достигали даже невѣроятныхъ размѣровъ при возвращеніи изъ удачнаго похода. Для довольствія же войскъ, все же таки приходилось часто обращаться къ средствамъ страны, собирая довольствіе отъ жителей, что называлось *ѣхать въ зажитіе*, а посылаемые для сбора люди—*зажитниками*.

По понятіямъ того времени, война, особенно вносимая въ предѣлы непріятельской страны, неизбѣжно сопровождалась ея опустошеніемъ и полнѣйшимъ разореніемъ. *Потравить*, *положить пусту*, выжечь землю, волости и села, погубить хлѣба, а скота не оставить ни „рога“, ни „куряти“—все это составляло славу похода. Въ случаѣ, когда не удавалось *погулять* въ непріятельской землѣ,—надъ войсками насмѣхались какъ свои, такъ и противники. Для болѣе полнаго опустошенія страны, войска пускались иногда въ *разгонъ*, т.-е. раздѣлялись на мелкіе отряды, исключительно занимавшіеся грабежомъ.

Разореніе страны выражалось не только въ захватѣ и уничтоженіи имущества, но также и въ избіеніи или плѣненіи жителей. Руссы забирали въ сосѣднихъ странахъ массы плѣнныхъ, въ особенности женщинъ и дѣтей; а во время междуусобій, населеніе даже русскихъ княжествъ подвергалось избіеніямъ: походъ, напримѣръ, Изяслава II Мстиславовича на Ростовскую землю въ 1149 году, стóилъ послѣдней болѣе 7.000 человѣкъ жителей.

Понятно, что сосѣди Руси, особенно восточные народы, платили русскимъ тѣмъ же во время своихъ набѣговъ, или даже участвуя, какъ союзники, въ распряхъ князей. Такъ, въ 1160 году половцы, приведенные Изяславомъ Давыдовичемъ на Смоленскую область, вывели оттуда болѣе 10.000 плѣнныхъ.

Участь военно-плѣнныхъ была вообще тяжела. Въ большинствѣ случаевъ они обращались въ рабство или продавались. Послѣ неудач-

ной, напримѣръ, попытки 25 февраля 1169 года взять Новгородъ, — разбитые суздальцы вынуждены были отступить и потеряли при этомъ такую массу плѣнными, что суздалецъ продавался затѣмъ за двѣ нагаты, т.-е. за гривну серебра отдавали 10 суздальцевъ. Бывали случаи, когда плѣнныхъ, своею массою затруднявшихъ движенія войска, или опасныхъ въ случаѣ новой встрѣчи съ врагомъ, безпощадно перебивали. Нерѣдко были уводимы въ плѣнъ, поголовно, всѣ жители взятыхъ городовъ, потомъ поселяемые на новыхъ мѣстахъ.

При заключеніи мира, употреблялась клятва. Во время язычества она произносилась передъ идоломъ надъ сложенными щитами, мечами и золотыми обручами; а по введеніи христіанства—съ крестнымъ цѣлованіемъ. Условія мира включались въ письменные договоры — грамоты, называвшіеся *крестными*. Объявленіе войны обыкновенно сопровождалось, или даже выражалось, отсылкою крестныхъ грамотъ.

Начальствованіе войскомъ принадлежало князю, который, обыкновенно, непосредственно предводительствовалъ дружиною, какъ мы видѣли, занимавшею въ боевомъ порядкѣ особое мѣсто. Великому князю, въ случаѣ его участія въ военномъ предпріятіи, принадлежало право верховнаго начальствованія войсками, какъ своими, такъ и другихъ князей, и народными ополченіями. Подъ его начальствомъ находились, слѣдовательно, младшіе, удѣльные князья, а также и соотвѣтствующіе тогдашнимъ подраздѣленіямъ войскъ военачальники, какъ-то: воеводы, тысяцкіе, головы, сотскіе и десятскіе.

Вообще, начальствованіе въ войскахъ, большею частью, находилось въ тѣсной связи съ занятіемъ гражданскихъ или дворовыхъ (при княжемъ дворѣ) должностей; а потому, хотя оно и не было сложно, отличалось крайнею неопредѣленностью. Высшими военно-должностными лицами, съ древнѣйшихъ временъ, были, какъ кажется, воеводы, которые упоминаются уже въ войскахъ Игоря и Святослава. Впослѣдствіи, однако, званіе воеводы нерѣдко смѣшивалось съ тысяцкимъ, который первоначально былъ, вѣроятно, воеводою собственно земскихъ полковъ. Вообще, въ позднѣйшія времена воеводъ было множество, такъ какъ каждый князь и каждый городъ имѣлъ своихъ воеводъ, и нѣтъ никакой возможности, сколько-нибудь, точно опредѣлить предѣлы власти воеводъ и силы, ввѣрявшіяся ихъ командованію.

Сравнительно болѣе опредѣленныя свѣдѣнія имѣются о порядкахъ чиноначалія въ нашихъ сѣверныхъ областяхъ—Новгородской и Псковской. Въ послѣдней, напримѣръ, соотвѣтственно существовавшему раздѣленію города на шесть концовъ и дѣтинецъ, назначалось и шесть воеводъ. Къ каждому *концу* было приписано по два пригорода, которыхъ въ области было 12, и каждый изъ нихъ выставлялъ особый полкъ, имѣвшій свой стягъ. Этими полками и предводительствовали

означенные шесть воеводъ, по два на каждаго; воеводы избирались изъ посадниковъ и носили названіе *большихъ воеводъ*. Всѣми же силами,— какъ пригородовъ, такъ и самого Пскова, — командовалъ особый, „что набольшій воевода", и, наконецъ, верховное предводительствованіе войсками принадлежало князю, имѣвшему всегда и свою дружину.

Города, крѣпости, атака и оборона ихъ.

Выше было уже выяснено, что города, какъ первоначальные въ данной мѣстности пункты заселенія, пункты огороженные или укрѣпленные, въ которыхъ искало защиты, въ случаѣ опасности, и сельское населеніе,—всегда имѣли въ древней Руси весьма важное значеніе и въ государственномъ ея быту, а тѣмъ болѣе въ военномъ.

Городовъ, какъ указывалось выше, было очень много. Наши лѣтописи насчитываютъ ихъ въ до-Монгольскій періодъ болѣе 300, но и это число вѣроятно значительно менѣе дѣйствительнаго.

Города эти были въ сущности не болѣе какъ селенія или городки, окопанные рвомъ и валомъ съ тыномъ или частоколомъ, а иногда имѣли и болѣе сильныя укрѣпленія. Мѣста для городовъ выбирались соотвѣтствующія условіямъ удобства обороны; большею частью они располагались на возвышенныхъ берегахъ рѣкъ или озеръ. Ихъ старались также располагать такъ, чтобы они примыкали одною стороною къ лѣсамъ или болотамъ, которыя не только обезпечивали ихъ отъ нападенія съ этой стороны, но и служили укрытіемъ для населенія и путемъ его спасенія, въ случаѣ взятія города непріятелемъ.

Обязанность рубить города (городоставленіе) считалась настолько важною, что призывъ къ ней избавлялъ призываемыхъ даже отъ обязанности являться на судъ.

Въ зависимости отъ степени важности каждаго пункта, срубаемые на нихъ городки имѣли или временное, или постоянное значеніе, а также бо́льшую или меньшую важность. Соотвѣтственно этому они и носили различныя названія, какъ-то: о̀сѣки, остроги, городки, на сѣверѣ—пригороды и, наконецъ, города.

Съ объединеніемъ власти въ рукахъ одного княжескаго рода и уменьшеніемъ опасности отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ, число городовъ должно было, разумѣется, увеличиваться болѣе медленно; сельское же населеніе все болѣе и болѣе размножалось.

Нѣкоторые городки срубались, исключительно, въ виду военныхъ требованій, обыкновенно по приказанію князей. Поставленныя въ нихъ части княжескихъ дружинъ должны были удерживать въ повиновеніи жителей, собирать дани и, наконецъ, защищать границы или вообще предѣлы страны, подвергавшіеся нападеніямъ враговъ.

На югѣ, напримѣръ, Владиміръ I построилъ и укрѣпилъ города по рѣкамъ: Деснѣ, Сулѣ, Остру, Стугнѣ и Трубежу—для защиты отъ набѣговъ печенѣговъ. На сѣверѣ, противъ нѣмцевъ, были воздвигнуты псковичами: Изборскъ, Гдовъ и Кобылій; противъ литвы—Опочка, Велье, Вороночь, Красный и Вышгородъ. Въ области Великаго Новгорода, за недостаточностью пограничныхъ пригородовъ, ихъ настроили еще и по наиболѣе вѣроятнымъ путямъ наступленія главнѣйшихъ враждебныхъ Новгороду сосѣдей. По шведскому пути были построены и укрѣплены: Тиверскій, Копорье, Орѣшекъ, Ладога; по нѣмецкому — Луга и Яма; по литовскому—Вышгородъ, Высокое и Порховъ.

Города обыкновенно состояли изъ двухъ главныхъ частей: внутренней—*днешняго града* и внѣшней — *окольнаго, кромнаго града*. Внутренняя часть города, или цитадель, носила названіе *дѣтинца*, а впослѣдствіи—*кремля*. Дѣтинецъ рѣдко, впрочемъ, находился дѣйствительно внутри города. Обыкновенно онъ занималъ высшій, командующій и трудно доступный пунктъ, и одна, или даже двѣ его стороны бывали наружными. Внутри дѣтинца помѣщались: соборный храмъ, княжескій дворъ или его посадника, а также дружина, составлявшая гарнизонъ города.

Внѣшній городъ, обыкновенно называемый *острогомъ*, примыкалъ къ дѣтинцу и также окружался валомъ со стѣнами и башнями, а съ наружной стороны еще и рвомъ, иногда водянымъ и называвшимся *гроблею*.

Стѣны и башни были деревянныя и стѣны или *заборолы* состояли большею частью изъ двойного ряда срубовъ, засыпаемыхъ землею и каменьями. Башни—*вежи* или *стрѣльницы*—были четырехъугольныя, съ бойницами, черезъ которыя стрѣляли изъ самострѣловъ и луковъ. Иногда стѣны и башни обкладывались дерномъ для предохраненія ихъ отъ огня.

Въ позднѣйшія времена окольный, внѣшній городъ или острогъ сталъ преимущественно называться *посадомъ* и въ немъ сосредоточивалась торговая часть населенія города.

Въ большихъ городахъ, помимо перечисленныхъ уже частей, съ увеличеніемъ населенія образовывались вокругъ новыя поселенія, вынесенныя за валъ окольнаго града и носившія названія: *предгородія*, *застѣнья* или *слободы*. Эти предгородія также опоясывались валомъ. Кромѣ того, около нѣкоторыхъ городовъ, преимущественно въ южной Россіи, насыпались еще валы въ болѣе или менѣе значительномъ разстояніи отъ города. Пространство между этими валами и предгородіями называлось *болонье* и служило для укрыванія, въ случаѣ опасности, сельскихъ жителей окрестной страны съ ихъ семьями, стадами и хлѣбными запасами.

Большинство городовъ и было укрѣплено согласно приведеннаго описанія, причемъ нѣкоторые имѣли слѣдовательно укрѣпленія въ чертѣ линіи. Бо́льшая или меньшая сила укрѣпленій города зависѣла, ра-

зумѣется, отъ степени опасности его положенія. Псковъ, напримѣръ, находясь среди небольшой, открытой области и имѣя по близости сильныхъ враговъ, имѣлъ четыре стѣны. Новгородъ же, лежащій среди болотъ, лѣсовъ, озеръ и рѣкъ, въ лѣтнее время дѣлавшихъ его почти недоступнымъ, имѣлъ до XIV столѣтія всего одну стѣну—его дѣтинца. Эта стѣна была также деревянная и замѣнена каменною, вѣроятно, еще Ярославомъ I, въ 1044 году. Въ 1116 году она была значительно расширена Мстиславомъ, и въ этомъ же году городъ Ладога былъ тоже обнесенъ каменною стѣною. Впослѣдствіи, т.-е. въ XIV уже вѣкѣ, и другіе важнѣйшіе города стали замѣнять свои деревянныя стѣны каменными.

Для овладѣнія городами служили слѣдующія средства: осада, приступъ, называвшійся *взять копьемъ* или *на копье*; обложеніе и блокада—*остой*, *стояніе*, *обложеніе*; внезапная атака—*изъѣздомъ* и, наконецъ, различныя хитрости. Изъ приводимыхъ лѣтописями болѣе ста случаевъ нападенія на города, за разсматриваемое время, о взятіи города приступомъ (копьемъ) говорится всего два раза; чаще всего, до сорока разъ, упоминается о занятіи городовъ безъ сопротивленія и изъ нихъ три раза внезапнымъ нападеніемъ (изъѣздомъ); двадцать пять разъ осады были неудачны; семь разъ города сдались послѣ болѣе или менѣе продолжительной осады; пять разъ осады закончились заключеніемъ мира и, наконецъ, двадцать девять разъ говорится о взятіи города *на щитъ*.

Выраженіе *взять городъ на щитъ* означало не способъ овладѣнія городомъ, а преданіе его уже по овладѣніи на сожженіе, разграбленіе, плѣнъ и истребленіе жителей.

Принимая во вниманіе, что въ перечисленныхъ выше случаяхъ занятія городовъ безъ осады или послѣ болѣе или менѣе продолжительной осады, всего 47 разъ, лѣтописи не упоминаютъ о взятіи городовъ на щитъ, можно съ большою вѣроятностью предположить, что послѣднее, т.-е. разграбленіе города, имѣло мѣсто только въ случаяхъ упорной обороны. Упорство обороны очевидно вызывало со стороны атакующаго примѣненіе къ дѣлу всѣхъ современныхъ той эпохѣ средствъ атаки до ея послѣдняго момента включительно, т.-е. съ приступомъ, за которымъ тогда, также какъ и во всѣ послѣдующія историческія эпохи, слѣдовали грабежи, убійства и пожары.

На основаніи изложеннаго, врядъ ли будетъ ошибкою считать, что въ большинствѣ случаевъ взятія городовъ на щитъ, имѣлъ мѣсто и приступъ, подготовленный соотвѣтствующими осадными работами.

Осада состояла въ выполненіи цѣлаго ряда, нерѣдко громадныхъ, работъ, преимущественно земляныхъ, имѣющихъ цѣлью облегчить приближеніе осаждающаго къ стѣнамъ и овладѣніе послѣдними. Прежде всего, кругомъ осажденнаго города возводился обыкновенно валъ (тепе-

решняя циркумвалаціонная линія), за которымъ располагались войска осаждающаго, устраивая иногда еще и *острогъ* или укрѣпленный лагерь. Отсюда уже старались, пользуясь всякаго рода мѣстными и искусственными закрытіями, подойти къ городскому рву, срубить на немъ тынъ и засыпать ровъ.

Для овладѣнія стѣнами и башнями къ нимъ присыпали землю, что называлось *приспомъ* или *спомъ*, или же устраивали *приметъ*, т.-е. складывали у стѣнъ массы бревенъ, вообще лѣса и соломы. Присыпанная къ стѣнамъ земля, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и приметъ служили какъ бы, примостомъ, чтобы взойти на стѣны; въ другихъ же случаяхъ при помощи примета старались зажечь городъ.

Осадныя работы прикрывались сильною стрѣльбой изъ луковъ и *проковъ* или *пороковъ*. Стрѣльбою изъ луковъ старались препятствовать осажденному поражать войска атакующаго, а пороками, т.-е. камнеметными машинами, дѣйствовали: маленькими — по войскамъ и крупными — противъ стѣнъ и башенъ. Впрочемъ, въ русскихъ лѣтописяхъ очень рѣдко встрѣчаются, за разсматриваемый періодъ, прямыя указанія на дѣйствія при осадѣ пороками или вообще машинами. Упоминаются они въ описаніи сраженія новгородцевъ съ Добрыней при Владимірѣ I и при осадѣ Пскова въ 1065 году Всеславомъ Полоцкимъ, который, по словамъ лѣтописи, „много трудился и пороками шибавъ". Объ употребленіи русскими камнеметныхъ машинъ говорятъ также и византійскіе историки *).

При оборонѣ городовъ осажденные старались, помимо стрѣльбы изъ луковъ, препятствовать работамъ атакующаго нападеніями на его рабочихъ, разрушеніемъ уже выполненныхъ осадныхъ работъ и, наконецъ, частыми вылазками старались заставить противника снять осаду и отступить. Примѣромъ чрезвычайно дѣятельной, активной обороны осажденнаго города, можетъ служить, приведенная выше, оборона Доростола Святославомъ.

Вообще, искусство укрѣплять города было высоко развито у руссовъ, а оборона ихъ отличалась упорствомъ. Этимъ, повидимому, объясняется преобладаніе, въ до-Монгольскомъ періодѣ, случаевъ овладѣнія городами—не осадами, а обложеніемъ. Взять городъ съ боя, хотя и не требовало особенно много времени, но стоило атакующему не дешево; а потому и стали отдавать предпочтеніе пассивной осадѣ, т.-е. блокадѣ, обложенію. Окруживъ городъ, выжегши и разоривъ его окрестности, старались голодомъ вынудить осажденныхъ явиться съ челобитьемъ. При этихъ условіяхъ осаждающему приходилось, зачастую, очень долго

*) Стѣнобитныя машины, рисунки которыхъ показаны подъ № 31 и 32, встрѣчаются на Руси чаще съ XIV ст., хотя нужно полагать, что конструкція ихъ была въ томъ же родѣ и прежде. *Ред.*

блокировать города. Ольга, напримѣръ, стояла подъ Коростенемъ цѣлый годъ.

Сдаваясь, осажденные старались, прежде всего, выговорить условіе, чтобы побѣдитель не бралъ городъ *на щитъ*, для чего нерѣдко уплачивался весьма значительный окупъ.

Изъ приведеннаго выше очерка, какъ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ военныхъ событій, такъ и состоянія военнаго искусства на Руси, съ 862 по 1224 годъ, можно придти къ тому заключенію, что первая половина этихъ, почти 400 лѣтъ, представляетъ время значительнаго и, притомъ, чрезвычайно быстраго развитія военнаго могущества Руси. Развитіе это не могло не отразиться на ея роли и значеніи въ ряду сосѣдей, между которыхъ она занимаетъ видное мѣсто, и въ дѣлахъ которыхъ принимаетъ дѣятельное участіе. Результатомъ военной дѣятельности нашего отечества, до смерти Ярослава, было не только объединеніе многихъ, прежде разрозненныхъ восточно-славянскихъ племенъ, но также подчиненіе и присоединеніе многихъ иноплеменныхъ народовъ съ ихъ землями.

Войны этого періода носятъ, преимущественно, характеръ наступательный, обнаруживающій во многихъ случаяхъ чрезвычайную смѣлость замысла и удаль, а иногда и значительное искусство въ исполненіи.

Означенное мнѣніе находитъ полнѣйшее подтвержденіе въ тѣхъ, въ высшей степени смѣлыхъ, предпріятіяхъ Руси на Царьградъ, въ Малую Азію, въ Каспійское море и на Кавказъ, которыя приведены выше. Походъ, напримѣръ, Святослава 1-го въ 968 году противъ болгаръ, т.-е. его движеніе изъ Кіева на Волгу—къ устью Камы, оттуда внизъ по Волгѣ въ Каспійское море, а затѣмъ обратно, чрезъ весь Кавказъ,—по своимъ размѣрамъ, встрѣчавшимся трудностямъ и достигнутымъ результатамъ, можетъ быть смѣло приравненъ къ любому походу любого изъ выдающихся, и нами излюбленныхъ иноземнымъ полководцевъ. Разгромъ двухъ царствъ—и притомъ сильныхъ—Болгарскаго и Хазарскаго, взятіе и разрушеніе ряда значительныхъ городовъ, какъ Великій Болгаръ, Козеронъ, Итиль и Семендеръ; завоеваніе Тмутаракани и борьба съ кавказскими народами—все это требовало для своего выполненія значительнаго напряженія силъ со стороны Святославовой Руси, а отъ полководца—большого военнаго таланта. Святославъ, очевидно, имъ и обладалъ и притомъ, вѣроятно, не въ меньшей степени, чѣмъ какой-нибудь современный ему Оттонъ Великій или даже Карлъ Великій.

Русь этого времени, т.-е. главнымъ образомъ въ княженіе Влади-

міра 1-го и Ярослава 1-го, гремѣла военною славой на всемъ громадномъ пространствѣ къ востоку отъ Эльбы. Руссовъ знали, ихъ боялись и о ихъ подвигахъ говорили и писали, какъ это указано въ очеркѣ, и греки, и арабы, и армяне, и западные сосѣди; причемъ отзывы всѣхъ ихъ отличаются замѣчательнымъ согласіемъ.

Во вторую половину разсматриваемаго періода, т.-е. по смерти Ярослава 1-го, политическія условія и особенности положенія внутреннихъ дѣлъ, пріостанавливаютъ, столь блестяще начатый ростъ Руси. Ея военное могущество и военное значеніе уже не имѣютъ прежняго блеска и силы. Раздробленная, обезсиленная безконечными междуусобіями, она, при всемъ громадномъ развитіи военной дѣятельности въ ея отдѣльныхъ частяхъ, теряетъ единство, и не въ состояніи удержать свои владѣнія отъ захватовъ сосѣдей.

Военное дѣло и искусство, за это послѣднее время, не представляютъ почти никакого отличія отъ первой половины. Войны, въ большинствѣ случаевъ, сохраняютъ тотъ же наступательный характеръ, но не замѣчается прежней смѣлости замысловъ; цѣли становятся все мельче и мельче. Несмотря, однако, на всю невыгодность положенія дѣлъ, и въ этомъ періодѣ нашей военной исторіи можно отмѣтить весьма нерѣдкіе случаи проявленія, въ высокой степени, военной доблести и войсками, и ихъ предводителями, примѣромъ чего служитъ Владиміръ Мономахъ.

Организація нашихъ вооруженныхъ силъ, въ теченіе всѣхъ этихъ 400 лѣтъ, носитъ преимущественно дружинный характеръ и не имѣетъ никакой связи съ поземельною, или какою-либо другою, собственностью. Княжескія и другія дружины составляли главную часть войскъ, и притомъ лучшую, такъ какъ состояли изъ свободныхъ людей, добровольно посвятившихъ себя военному дѣлу. Составлявшееся, иногда, изъ городскихъ, и еще рѣже сельскихъ жителей, земское войско, также несло военную повинность, внѣ зависимости отъ имущественнаго положенія, и только впослѣдствіи, владѣніе землею становится нормою, для опредѣленія порядка отправленія этой повинности.

О свойствахъ и достоинствахъ древне-русскихъ войскъ, даютъ совершенно ясное понятіе приведенныя выше свидѣтельства иностранныхъ писателей, единодушно признающихъ высокія боевыя качества руссовъ.

Способы дѣйствій руссовъ, разумѣется, не избѣжавшіе нѣкотораго вліянія пришлыхъ варяговъ и другихъ иноплеменныхъ народовъ, должны быть признаны, все же-таки, самобытно - выработавшимися, русскими способами. Мнѣніе, что это были способы варяжскіе, на томъ будто бы основаніи, что руссы совершали свои походы въ ладьяхъ и дрались пѣшкомъ, не выдерживаетъ критики, — славяне, какъ указано здѣсь,

гораздо ранѣе знакомства своего съ варягами, дрались пѣшкомъ и совершали походы на ладьяхъ.

Подводя же итоги всему приведенному, относительно вооруженныхъ силъ до-монгольской Руси, ихъ примѣненія къ дѣлу и службы, посвященной преуспѣянію нашего отечества, можно сказать, что наиболѣе для нихъ блестящимъ временемъ во всемъ этомъ почти 400-лѣтнемъ періодѣ были, княженія Владиміра 1-го, его сына Ярослава 1-го и внука послѣдняго—Владиміра Мономаха.

В. К.

ГЛАВА V.

Состояніе Руси передъ ея покореніемъ монголами.

Паденіе Кіева и возрастающее и значеніе Суздаля.—Общіе великокняжескіе съѣзды.—*Первое нашествіе* монголовъ въ 1222 году.—Монголы.—Чингизъ-ханъ и его завоеванія.—Появленіе монголовъ въ предѣлахъ нынѣшней Россіи, въ 1222г.—Кіевскій съѣздъ князей и походъ противъ монголовъ.—Бой на Днѣпрѣ при Хортицѣ въ 1222 г. и р. Калкѣ въ 1223 г.—Военная организація монгольскихъ полчищъ, ихъ дисциплина и снаряженіе въ походъ.—Огромные обозы.—Довольствіе.—Вооруженіе.—Монгольская конница, какъ единственный родъ войскъ.—Военное искусство.—Боевые порядки.—Веденіе боя, при осадѣ и въ полѣ.

Изъ предыдущихъ главъ видно то состояніе, въ которомъ находилась Русь, въ первой четверти XIII столѣтія. Положеніе ея было, во всѣхъ отношеніяхъ, плачевнымъ: внутри — раздоры и междуусобія удѣльныхъ князей, раздробившихъ великую при Ярославѣ I-мъ Русь на множество мельчайшихъ самостоятельныхъ княжествъ; извнѣ — все болѣе и болѣе серьезная опасность со стороны сильныхъ и воинственныхъ сосѣдей, какъ-то: шведовъ и ливонцевъ — на сѣверо-западѣ, литовцевъ, поляковъ и венгровъ—на западѣ и все тѣхъ же половцевъ—на югѣ и югѣ-востокѣ.

Внутренніе раздоры привели, какъ извѣстно, къ тому, что Кіевъ потерялъ свое первенствующее значеніе стольнаго великокняжескаго города. Центръ политической жизни Руси переносится на ея сѣверо-востокъ, гдѣ возникаетъ и быстро затѣмъ возрастаетъ могущество Суздальскихъ князей, добившихся при Юріи Долгорукомъ и Кіевскаго великаго княженія. При сынѣ Юрія—Андреѣ Боголюбскомъ—Кіевъ становится уже въ подчиненное Суздалю положеніе; а при Всеволодѣ Большомъ-Гнѣздѣ—вліянію Суздаля, какъ старшаго стола, подчиняются уже Рязанское княжество и Новгородъ, получавшій князей отъ Владимірскаго же великаго князя. Владѣнія Суздаля распространяются и на востокъ, гдѣ въ Мордовской землѣ построенъ былъ Юріемъ II, въ 1221 году, Ниж-

ній-Новгородъ, и борьба съ мордовскимъ княземъ Пургасомъ велась вполнѣ успѣшно.

Въ Ростово-же Суздальской землѣ, составившей ядро образовавшейся впослѣдствіи Великой Руси, находился, почти на южной ея границѣ, городъ Москва, основаніе котораго приписывается Юрію Долгорукому и о коемъ впервые упоминается подъ 1147 годомъ.

Занявшее первенствующее мѣсто, Владимірское или Суздальское великое княженіе, не избѣжало также внутреннихъ раздоровъ, достигшихъ при Юріи II полнаго разгара, и приведшихъ къ выдѣленію Рязанскаго княжества и образованію множества другихъ, болѣе мелкихъ княженій.

При всей своей раздробленности, Русь составляла, тѣмъ не менѣе, одно неразрывное цѣлое, говорившее однимъ русскимъ языкомъ, исповѣдывавшее одну православную вѣру и жившее въ одинаковыхъ семейныхъ и общественныхъ условіяхъ. Этой неразрывности Руси содѣйствовало и то, что ея дробныя части имѣли князей, принадлежавшихъ къ одному роду, не утерявшихъ и при своихъ распряхъ сознанія кровной связи. Сознаніе это, неоднократно выражалось въ княжескихъ съѣздахъ для обсужденія важнѣйшихъ, касавшихся всей Руси, вопросовъ.

Эта внутренняя, такъ сказать, связь Русскихъ земель и дала возможность Руси, въ теченіе почти двухсотъ лѣтъ со смерти Ярослава I-го, сохранить свою самостоятельность и успѣшно отражать нападенія сосѣднихъ народовъ. Но она оказалась далеко не достаточною для того, чтобы выдержать натискъ появившагося въ первой четверти XIII столѣтія новаго, сильнаго и могущественнаго врага—монголовъ.

Впервые объ этомъ новомъ врагѣ услышали на Руси въ 1222 году, когда къ князю галицкому Мстиславу Мстиславовичу Удалому прибѣжалъ его тесть—половецкій ханъ Котянъ, уцѣлѣвшій отъ разгрома, нанесеннаго половцамъ монголами.

Родиною монголовъ была степь Гоби, Забайкалье и верховья Амура и его притоковъ. Племя это дѣлилось на *юрты*, *улусы* или *орды*, управлявшіеся своими выборными *ханами*, власть которыхъ была однако ограничена собраніемъ знатныхъ, (*нойоновъ бековъ*), называвшимся *курилтаемъ* и производившимъ также избраніе хановъ.

Въ началѣ XIII столѣтія среди монголовъ началось усиленное движеніе вызванное стремленіемъ одного изъ хановъ, *Темуджина*, сосредоточить въ своихъ рукахъ власть надъ всѣми монгольскими племенами. Родившійся въ 1160 году и оставшійся младенцемъ по смерти отца своего Есукай-багадура, Темуджинъ, только въ 1203 году, т.-е. уже 43-хъ лѣтъ, добивается своей цѣли. Собранный имъ въ этомъ году, на берегахъ рѣки Керлона, большой курилтай, провозгласилъ его верховнымъ ханомъ девяти монгольскихъ племенъ; причемъ онъ принялъ имя Чингизъ-хана.

Объ этой знаменитой личности, оставившей по себѣ громкое имя въ исторіи, слѣдуетъ сказать подробнѣе.

Говорятъ, что онъ родился съ кускомъ запекшейся крови въ сжатомъ кулакѣ, и что, поэтому, ему предсказана была безсмертная слава и владычество надъ міромъ. При суевѣріи азіатскихъ народовъ, такое предсказаніе могло способствовать образованію въ Чингизъ-ханѣ той увѣренности въ свою блестящую судьбу, которая развила въ немъ сильную энергію и непреклонное преслѣдованіе задуманной цѣли.

Самая наружность отличала его отъ всѣхъ современниковъ его племени. Въ то время какъ монголы, по своимъ этнографическимъ особенностямъ, представлялись народомъ небольшого роста, съ неуклюжими движеніями, короткими ногами, скуластымъ лицомъ, приплюснутымъ носомъ и узкими, косыми глазами;—Чингизъ-ханъ отличался громаднымъ ростомъ, высокимъ лбомъ и длинною бородою, тогда какъ у его одноплеменниковъ лобъ былъ низкій и волосы на бородѣ жидкіе.

Если прибавить къ этой внушительной внѣшности ясный умъ, желѣзную волю,—щедрость и умѣнье, при случаѣ, ласковымъ обращеніемъ расположить къ себѣ всякаго, качества—приписываемыя Чингизъ-хану,—то не удивительно, что онъ достигъ такого величія среди своихъ современниковъ, какого не достигъ никто изъ его предшественниковъ.

Умѣя быть ласковымъ, Чингизъ умѣлъ быть и грознымъ. Едва онъ былъ избранъ на ханство, какъ тойджигуты, враждебное монголамъ племя, двинулись на нихъ съ огромнымъ войскомъ. Чингизъ успѣлъ собрать всѣ подвластные ему тринадцать родовъ и расположилъ ихъ—„одинъ возлѣ другого, въ видѣ кольца“—и въ такомъ порядкѣ, охвативъ враговъ со всѣхъ сторонъ, разбилъ ихъ на голову, причемъ взялъ въ плѣнъ 70 бековъ. Послѣ побѣды выставлено было 70 котловъ, и въ каждый изъ нихъ бросили по одному плѣнному беку, и сварили ихъ. За эту побѣду и было присвоено побѣдителю прозваніе—Чингизъ-хана, т.-е. *великаго* хана.

Вслѣдъ за одержанной побѣдой власть Чингизъ-хана и его владѣнія стали распространяться съ невѣроятною быстротою. Въ какія-нибудь 18-ть лѣтъ онъ овладѣлъ всею Среднею Азіей, разгромилъ Китайскую имперію и взялъ самый Пекинъ. На западъ его завоеванія простирались до халифата Багдадскаго и береговъ Каспійскаго и Аральскаго морей.

Не останавливаясь на длинномъ рядѣ войнъ, приведшихъ Чингизъ-хана на ту степень могущества, котораго онъ достигъ уже ко времени перваго нашествія монголовъ на Русь, укажемъ только, что это нашествіе было такъ-сказать совсѣмъ не преднамѣренное и, повидимому, не входило въ планы Чингизъ-хана, заканчивавшаго въ это время завоеваніе Ховарезмской имперіи (нынѣшніе Туркестанъ, Хива, Бухара, Афганистанъ и Восточная Персія).

Всюду разбиваемый монголами, султанъ Ховарезма, Магометъ, съ остатками своего войска и двора, вынужденъ былъ, въ концѣ концовъ, бѣжать въ Мазандеранскую область, на берега Каспійскаго моря. Для преслѣдованія Магомета, Чингизъ-ханъ, занятый осадою Самарканда, послалъ 30.000 человѣкъ конницы подъ начальствомъ темниковъ Джебе-нойона и Субудай-багадура. Неотступно преслѣдуемый монголами, Магометъ укрылся на одномъ изъ острововъ Каспійскаго моря, гдѣ и умеръ 10-го февраля 1221 года. Послѣ смерти Магомета, Джебе и Субудай, проникшіе уже въ Адербейджанъ, получили отъ Чингизъ-хана подкрѣпленія и разрѣшеніе двинуться на сѣверъ противъ половцевъ.

(кипчаки, куманы). Переправившись въ сентябрѣ 1222 года черезъ Араксъ, монголы двунулись въ Грузію, разбили при помощи засады 30.000-ную грузинскую армію, разграбили Шемаху, взяли Дербентъ и направились далѣе черезъ Кавказскія горы.

У владѣтеля Шемахи взято было десять проводниковъ, которые должны были указать монголамъ путь чрезъ проходы Кавказскихъ горъ. Чтобы устрашить этихъ проводниковъ, одному изъ нихъ, въ присутствіи прочихъ, отрубили голову, въ назиданіе другимъ проводникамъ, съ цѣлью указать, какая участь ожидаетъ каждаго изъ нихъ, если они не укажутъ дорогу.

Вступивъ въ тѣснины горныхъ проходовъ, всѣ девять проводниковъ, успѣли бѣжать и извѣстили ясовъ и косоговъ, о движеніи монголовъ. Оба эти кавказскія племени, въ виду угрожающей опасности, соединились съ половцами, быстро двинулись къ Кавказскому хребту и заняли всѣ его выходы на сѣверную сторону. Монголы оказались въ критическомъ положеніи и прибѣгли къ врожденному имъ коварству: они желали поссорить союзниковъ. Пославъ богатые дары половцамъ, татары объявили имъ, что вовсе не намѣрены воевать съ ними, какъ съ своими единовѣрцами. Наивные половцы разошлись по домамъ, бросивъ своихъ союзниковъ.

Джебе и Субудай, обманувъ половцевъ, разбили ясовъ и косоговъ и, несмотря на заключенный договоръ, стали грабить и разорять земли Половецкія. Разбитые въ цѣломъ рядѣ сраженій, потерявъ своихъ старѣйшихъ хановъ, половцы бѣжали къ Днѣпру и искали убѣжища на Руси.

На зиму монголы (или татары, какъ ихъ называли на Руси) расположились въ богатыхъ пастбищами Половецкихъ степяхъ, предпринявъ однако еще набѣгъ на Крымъ, гдѣ разграбили богатый торговый городъ Судакъ.

Между тѣмъ половецкіе ханы Котянъ, Бастый, принявшій при этомъ православіе, и другіе, умоляли русскихъ князей, въ особенности женатаго на дочери Котяна Мстислава Галицкаго, вооружиться противъ татаръ. По предложенію Мстислава Мстиславовича, прозваннаго Удалымъ, южно-русскіе князья собрались на съѣздъ въ Кіевѣ и здѣсь, уговариваемые половцами, не щадившими при этомъ даровъ въ видѣ коней, верблюдовъ, вообще скота, а также и невольницъ,—рѣшили предпринять общій походъ, и притомъ вести самимъ наступательныя дѣйствія, чтобы встрѣтить татаръ въ чужихъ предѣлахъ.

Душею этого движенія былъ Мстиславъ Удалой.

„—Если мы,—говорилъ онъ,—не поможемъ половцамъ, то они, пожалуй, передадутся на сторону татаръ, и у тѣхъ будетъ еще больше силы противъ насъ. Лучше встрѣтить враговъ въ чужой землѣ чѣмъ въ своей".

„—Если не поможете намъ,—говорили половцы,—то сегодня изобьютъ насъ, а завтра васъ".

Этими доводами были убѣждены южно-русскіе князья и, въ видахъ собственной безопасности, рѣшили помочь половцамъ.

Къ веснѣ 1223 года князья закончили, каждый въ своей области, свои приготовленія къ походу и двинули войска на сборный пунктъ—у Днѣпровскихъ пороговъ. Въ походѣ приняли участіе слѣдующіе князья: Мстиславъ Мстиславовичъ Удалой—князь Галицкій, Мстиславъ Рома-

новичъ Кіевскій, Мстиславъ Святославовичъ Козельскій, Владиміръ Рюриковичъ Смоленскій, Мстиславъ Ярославовичъ Нѣмой—князь Пересопницкій, Даніилъ Романовичъ Волынскій, Олегъ Курскій, Михаилъ Всеволодовичъ Черниговскій и многіе другіе. Владиміро-Суздальскій великій князь Юрій II-й не принялъ личнаго участія въ походѣ, но выслалъ Суздальскія войска подъ начальствомъ своего племянника, Василія Константиновича—князя Ростовскаго. Войскамъ этимъ не привелось однако принять участія въ военныхъ дѣйствіяхъ, такъ какъ они прибыли слишкомъ поздно. Не приняли участія въ походѣ также и князья Рязанскіе, хотя ихъ и звали.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ стали собираться на правомъ берегу Днѣпра, у городка Заруба и Варяжскаго острова *), войска князей Кіевскихъ, Смоленскихъ, Черниговскихъ и Тверскихъ. Конница шла сухимъ путемъ, а пѣхота — въ лодьяхъ. Здѣсь же, у Заруба, князья встрѣтили татарскихъ пословъ, присланныхъ съ цѣлью отклонить русскихъ отъ союза съ половцами.

„—Мы земли вашей не занимали,—говорили послы; городовъ и селъ вашихъ не трогали, и пришли не на васъ, а на половцевъ, нашихъ рабовъ. Заключимъ миръ—у насъ нѣтъ съ вами розни. Половцы же вамъ много зла творятъ. Мы будемъ бить ихъ отсюда, а если они побѣгутъ къ вамъ, то бейте ихъ отъ себя, и забирайте ихъ имущество".

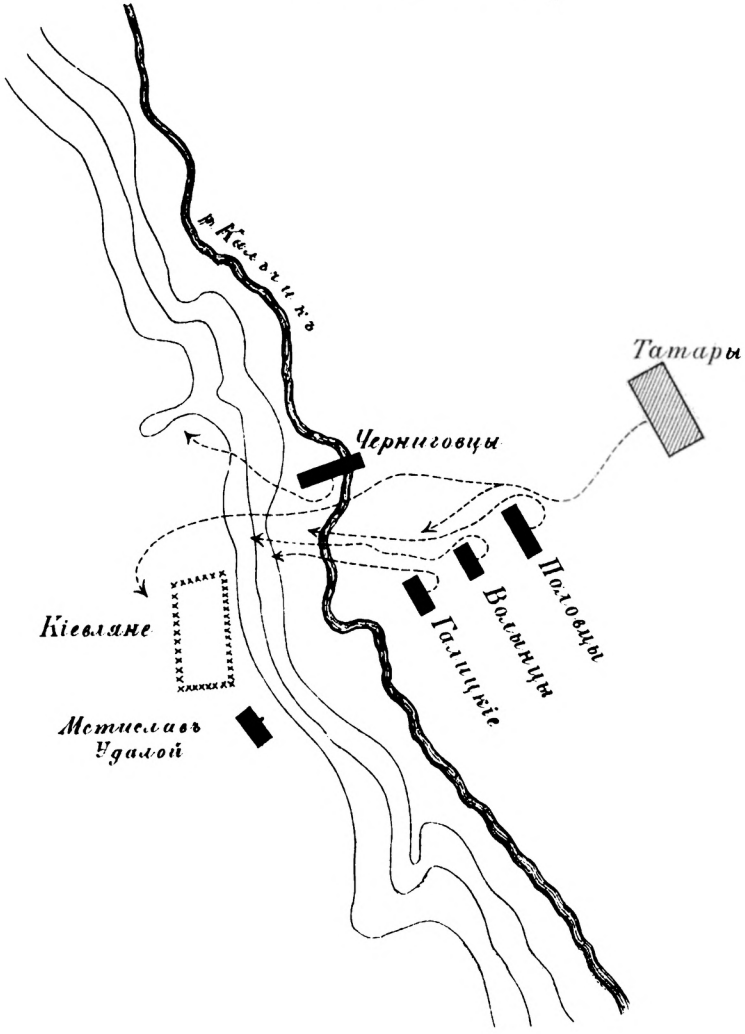
Князья не только не поддались увѣщаніямъ татаръ, но даже приказали убить всѣхъ пословъ и продолжали движеніе внизъ по правому берегу Днѣпра, на соединеніе съ галицкою пѣхотой. Послѣдняя, подъ начальствомъ Юрія Домамировича и Держикрая Володиславича, двигалась на тысячѣ лодьяхъ внизъ по Днѣстру въ Черное море, а оттуда по Днѣпру должна была подняться до пороговъ. Здѣсь, на Протолочьемъ броду, у устья рѣки Хортицы, произошло соединеніе всѣхъ русскихъ войскъ и сюда же прибыли и половецкія силы. Молодые русскіе князья, съ легкимъ конвоемъ, переправились на лѣвый берегъ Днѣпра, чтобы посмотрѣть на новаго, еще невиданнаго врага — татарина, и пришли къ заключенію, что татары—еще пуще (хуже) половцевъ. Это породило у нихъ презрѣніе къ врагу, боевыхъ качествъ котораго они еще не испытали. Количество собравшихся русскихъ войскъ, надо полагать, было никакъ не менѣе *ста тысячъ*, такъ какъ, принимая во вниманіе вмѣстимость обыкновенной русской лодьи отъ 40 до 60 человѣкъ, одного галицкаго и волынскаго ополченія должно было быть до 40 тысячъ.

У Хортицы вторично явились къ русскимъ князьямъ татарскіе послы, но снова не имѣли никакого успѣха въ переговорахъ. Между

*) Островъ этотъ лежитъ на Днѣпрѣ, по дорогѣ изъ Кіева въ Переяславль, находящійся на лѣвомъ берегу Днѣпра, ниже Кіева. *Ред.*

Планъ №2.

Схема для наглядного представленія
сраженія на р. Калькѣ.
21 мая, 1223 года.



тѣмъ приближались передовыя татарскія войска, вслѣдствіе чего со стороны русскихъ была предпринята развѣдка противника, подъ начальствомъ Даніила Романовича Волынскаго и воеводы Юрія Домамировича, который убѣдилъ князей предпринять наступленіе. Для переправы на лѣвый берегъ Днѣпра, навели мостъ изъ лодокъ, приставленныхъ одна къ другой, во всю ширину рѣки *). Первымъ переправился Мстиславъ Удалой съ 1.000 человѣкъ конницы, немедленно атаковалъ непріятельскій сторожевой полкъ, опрокинулъ его и далеко преслѣдовалъ, причемъ былъ взятъ въ плѣнъ начальникъ татаръ Гемя-бекъ.

Ободренные этимъ первымъ успѣхомъ, князья, закончивъ переправу, смѣло двинулись въ Половецкія степи по Залозному пути—къ Азовскому морю. Татары отступали, завлекая русскихъ въ глубь степей, и черезъ 9 дней дошли до рѣки Калки (притока впадающей въ Азовское море р. Калміуса).

Рѣчки Калки ни въ одномъ географическомъ указателѣ Россіи не встрѣчается. Нѣтъ ея даже на подробныхъ военно-топографическихъ съемкахъ, составленныхъ въ масштабѣ 1 верста въ дюймѣ, на которыхъ помѣщены даже отдѣльныя зданія. Нельзя также допустить, что эта рѣчка пересохла, потому что сохранилось бы названіе урочища или балки по которой она протекала. По всей вѣроятности, извѣстная въ исторіи подъ названіемъ р. Калки есть рѣчка Кальчикъ, Екатеринославской губ., правый притокъ р. Кальміуса. Поэтому, не мѣняя унаслѣдованнаго исторіей названія р. Калки, оговариваемся, что все относящееся до этой рѣки относится, собственно, къ р. Кальчику **).

За Калкою татары остановились и рѣшились принять сраженіе, руководясь при этомъ, повидимому, тѣмъ, что для Джебе и Субудая было извѣстно о произшедшихъ къ этому времени разногласіяхъ среди русскихъ князей. Дѣйствительно, общаго начальника надъ всѣми русскими силами не было, и уже на пути къ Калкѣ возникли несогласія между князьями, самостоятельно распоряжавшимися своими войскими.

На берегахъ Калки эти несогласія вполнѣ обнаружились, такъ какъ Мстиславъ Романовичъ Кіевскій не захотѣлъ переправиться черезъ рѣку, а остановился въ укрѣпленномъ станѣ на ея правомъ берегу, между тѣмъ какъ Мстиславъ Удалой не только переправился черезъ Калку, но боясь, чтобы кто-либо не отнялъ у него славы побѣды, предпринялъ нападеніе на татаръ, не предупредивъ даже объ этомъ Мстислава Кіевскаго и Мстислава Черниговскаго ***).

31 мая 1223 года, выславъ впередъ Яруна съ половцами и Даніила Романовича съ волынцами, Мстиславъ Удалой, составлял передовой отрядъ, двинулся противъ татаръ со своими галицкими полками. Отстрѣливаясь стрѣлами и слѣдуя своей обычной тактикѣ, татары от-

*) Карта № 2.

**) См. планъ № 2.

***) О раздѣленіи русскихъ силъ татары знали очень хорошо, что свидѣтельствуется исторіей Рашидъ-Эддина.

ступали; а русскіе, вдаваясь въ обманъ, очевидно растянулись, увлекаясь преслѣдованіемъ, и нарушили свой боевой порядокъ. Тогда, по словамъ Рашидъ-Эддина, „татарская рать внезапно обернулась и ударила на нихъ *и до соединенія ихъ избила у нихъ людей*“ *). Ударъ обрушился на половцевъ, бывшихъ впереди всѣхъ. Опрокинутые половцы смяли сзади двигавшіеся волынскіе, а потомъ и галицкіе полки. Несмотря на мужественную и упорную оборону, войска Мстислава Удалаго, потерпѣвъ полное пораженіе, были обращены въ бѣгство, а вслѣдъ затѣмъ опрокинуты были и другіе, находившіеся на лѣвомъ берегу Калки, русскіе отряды, даже не знавшіе о завязанномъ Удалымъ сраженіи, а потому не успѣвшіе даже построиться въ боевой порядокъ.

Мстиславъ Романовичъ Кіевскій, видя избіеніе татарами русскаго войска, не двинулся ему на помощь изъ своего стана, стоявшаго на возвышенномъ, правомъ берегу Калки и окруженнаго телѣгами и тыномъ. Подобно Мстиславу Удалому онъ не хотѣлъ ни съ кѣмъ дѣлить побѣды, говоря что самъ уничтожитъ всѣхъ, стоявшихъ при Калкѣ татаръ. Вслѣдствіе этого татары, направивъ часть силъ для преслѣдованія бѣгущихъ галичанъ, волынцевъ и другихъ, съ остальными силами осадили Мстислава, три дня успѣшно однако отбивавшаго бѣшеныя атаки татаръ **). Наконецъ татары, видя безуспѣшность своихъ атакъ, предложили великому князю, черезъ Плоскиню, воеводу бродниковъ, передавшагося татарамъ еще прежде, дать за себя выкупъ, обѣщая пропустить его затѣмъ. Но когда Мстиславъ, повѣрившій присягѣ Плоскини, цѣловавшаго крестъ, вывелъ кіевлянъ изъ стана, то былъ немедленно измѣнически атакованъ. Весь полкъ его былъ истребленъ; великій князь и другіе младшіе князья были задушены и брошены подъ доски, на которыхъ татары пировали, торжествуя побѣду.

Преслѣдованіе бѣгущихъ русскихъ татары довели только до Днѣпра, послѣ чего неожиданно повернули назадъ и черезъ Болгарію и Уральскія степи, обогнувъ Каспійское море, вернулись къ Чингизъ-хану. Страшное Калкское пораженіе дорого обошлось Руси; погибло при этомъ шесть князей и девять десятыхъ войска; одни кіевляне потеряли до десяти тысячъ.

Главный виновникъ всего несчастія, Мстиславъ Удалой, успѣлъ, вмѣстѣ съ Мстиславомъ Нѣмымъ и Даніиломъ Романовичемъ, уйти за Днѣпръ. Спаслись также Михаилъ Всеволодовичъ и Владиміръ Рюриковичъ Смоленскій, причемъ послѣдній, во главѣ отряда въ тысячу человѣкъ, отступилъ за Днѣпръ, успѣшно отбиваясь отъ насѣдавшихъ татаръ.

Никакихъ дальнѣйшихъ непосредственныхъ послѣдствій это пер-

*) См. Березина: „Первое нашествіе монголовъ на Россію“.

**) По словамъ Рашидъ-Эддина, все Калкское побоище длилось недѣлю: „*Недѣлю ратовали*, наконецъ кипчаки и русскіе обратились въ бѣгство“.

вое нашествіе монголовъ въ Россіи не имѣло. Татары скрылись и на Руси остались даже въ полномъ невѣдѣніи, что это былъ за народъ и откуда онъ пришелъ, и надѣялись, что гроза миновала; но не далѣе какъ черезъ 14 лѣтъ, Руси пришлось вновь испытать всѣ ужасы монгольскаго нашествія.

Злополучное пораженіе при Калкѣ наводитъ на слѣдующія заключенія. Южнорусскіе князья впервые проявляютъ готовность соединиться для общей защиты противъ врага, но, по непривычкѣ къ дѣлу, не могутъ отрѣшиться отъ прежнихъ традицій—не могутъ подчиниться волѣ одного, направленной къ одной общей цѣли. Мы не говоримъ уже о тѣхъ князьяхъ, которые отказались принять участіе въ походѣ. Но даже изъ тѣхъ князей, которые присоединились къ союзу, никто не признавалъ надъ собою власти другого. Это отсутствіе *единства* дѣйствій, вмѣстѣ съ *презрѣніемъ* къ врагу, и незнаніемъ его боевыхъ качествъ, а также личное тщеславіе, въ ущербъ общаго интереса—были причиною пораженія. Силы русскихъ превосходили силы татаръ (100.000 противъ 30.000); вооруженіе у насъ было лучше, чѣмъ у нихъ. Но татары были отличными стрѣлками изъ луковъ; движенія ихъ легки и быстры на неутомимыхъ коняхъ. Татары разсыпались по полю и тѣмъ вызывали раздѣленіе русскихъ, намѣревавшихся ихъ преслѣдовать; послѣ чего татары, быстро смыкались въ массы и нападали, отдѣльно, на разбросанныя части русскихъ войскъ и поражали ихъ.

Подготовка къ бою была также на ихъ сторонѣ. Чрезъ многочисленныхъ шпіоновъ и перебѣжчиковъ, которымъ платили щедро, татары всегда отлично знали и отношенія между собою русскихъ воеводъ, и объ ихъ несогласіяхъ и соперничествѣ между собою; знали и силу русскаго войска и гдѣ слабая сторона его. Знали и мѣстныя условія—глубину и быстроту рѣкъ, расположеніе и проходимость болотъ и проч. При движеніяхъ, впереди, по бокамъ и въ тылу главныхъ силъ, татары прикрываются мелкими наблюдательными отрядами, выставленными въ видѣ вѣера, т.-е. въ видѣ полукруглой *цѣпи*, съ резервами за нею. Къ этому нужно прибавить суровую дисциплину и безусловное подчиненіе всѣхъ своему хану.

По словамъ Карпини, оставившаго интересное описаніе монголовъ, ханъ Гаюкъ, при своемъ избраніи сказалъ: „Если вы хотите чтобы я владѣлъ вами, то готовъ ли каждый изъ васъ исполнить то, что я ему прикажу: приходить когда позову, идти куда пошлю, убивать кого велю?“ Громкими криками согласія отвѣтили татары на эти слова. И дѣйствительно, по словамъ того же путешественника, „что бы ханъ ни приказалъ, когда бы и гдѣ бы, ни назначалась война, какія бы трудности она ни представляла, даже приказаніе идти на явную смерть—всѣми исполнялось безусловно. Ослушникамъ—неизбѣжная смерть. При этихъ условіяхъ единство дѣйствій у татаръ было вполнѣ обезпечено. Не то было у насъ. Собравшіеся у Калки князья вовсе не знаютъ противника и его тактики. Князь Кіевскій стоитъ въ укрѣпленномъ лагерѣ на правомъ берегу Калки, слѣдовательно, ждетъ нападенія. Князь Галицкій, Удалой, переходитъ на лѣвый берегъ рѣки съ волынцами и половцами, высланными впередъ, и идетъ въ атаку на станъ непріятельскій, не увѣдомивъ даже о томъ князя Черниговскаго, также стоявшаго на лѣвомъ берегу Калки. Татары разбиваютъ, по частямъ, сперва половцевъ, потомъ волынцевъ и войска Удалого. Нѣтъ ни откуда поддержки. Князь Кіевскій стоитъ въ своемъ станѣ, намѣреваясь одинъ торжествовать побѣду. Кн. Черниговскій, даже не знавшій о начатомъ сраженіи, стоитъ въ полной безпечности, атакованъ и разбитъ, прежде чѣмъ успѣлъ выстроить свои войска къ бою. Затѣмъ, наступаетъ очередь гибнуть и князю Кіевскому въ его станѣ на правомъ берегу Калки.

Полное пораженіе южныхъ князей непріятелемъ въ нѣсколько разъ слабѣйшимъ—становится понятнымъ.

Важно это пораженіе еще въ томъ отношеніи, что южные князья, отъ презрѣнія къ врагу, перешли къ убѣжденію въ его непобѣдимости, почему надолго теряютъ охоту къ союзамъ между собою и становятся пассивными при слѣдующихъ нашествіяхъ, татаръ, которые не замедлили снова появиться на Русской землѣ.

Подъ предводительствомъ Чингизъ-хана, руководясь установленными послѣднимъ гражданскими и военными законами, монголы стали не только повелителями Азіи, но и грозой Европы. Военное устройство и военное искусство монголовъ этого времени заслуживаютъ поэтому особеннаго вниманія и имѣютъ громадное значеніе, въ особенности, для Россіи, 200 лѣтъ находившейся подъ тяжелымъ татарскимъ ярмомъ.

Всѣ гражданскія и военныя узаконенія и правила Чингизъ-хана были собраны въ особомъ сводѣ, носившемъ названіе *Яса;* причемъ законы, и въ особенности военные, отличались чрезвычайною строгостью.

Устройство Чингизъ-ханова войска совершенно соотвѣтствовало имъ же введенному устройству народа, основанному на десяточномъ дѣленіи кибитокъ монгольскихъ племенъ. Войска набирались, смотря по надобности, въ размѣрѣ одного, двухъ и т. д. человѣкъ съ десятка населенія. По отношенію къ приведенному порядку набора войскъ интересныя свѣдѣнія даетъ историкъ Ибнфадлаллахъ Эломари *), который говоритъ: „когда противъ хана Кипчакскаго и противъ великаго хана возсталъ Исенбога, султанъ Мавераннехра, то ханъ написалъ Токтѣ, чтобы онъ сразился съ нимъ. Онъ (Токта) отрядилъ противъ него изъ каждаго десятка (людей) по одному человѣку и число отряженныхъ дошло до 250.000. Это тѣ, которые вошли въ счетъ и въ смѣту сверхъ мелкихъ отрядовъ добровольцевъ". Приведенное свѣдѣніе интересно для насъ также и потому, что на основаніи его можно придти къ заключенію, что въ это время, т.-е. въ концѣ XIII столѣтія, численность мужскаго населенія Кипчака (Золотой орды) простиралась до $2^1/_2$ милліоновъ.

Войсковыми частями были, слѣдовательно, десятки, сотни, тысячи, съ соотвѣтствующими начальниками. Высшую войсковую единицу составляли десять тысячъ, называвшіяся *туманами,* которыми командовали *темники.*

Въ войскахъ была введена чрезвычайно строгая дисциплина,—причемъ, по отношенію къ важнѣйшимъ воинскимъ проступкамъ или преступленіямъ, законы Чингизъ-хана вводили взаимную отвѣтственность цѣлаго десятка: такъ, напримѣръ, ежели изъ десятка кто-либо бѣжитъ, то весь десятокъ немедленно казнятъ; ежели за храбрыми людьми десятка не послѣдуютъ другіе, то послѣднихъ убиваютъ; ежели нѣкоторые попадутъ въ плѣнъ, а остальные не выручатъ, то послѣднихъ убиваютъ, и т. д. Изъ другихъ наказаній, примѣнявшихся къ военнымъ, можно привести: наказаніе палками по спинѣ и животу; трусовъ наряжали въ женское платье, румянили и, привязавъ къ хвосту осла, водили въ такомъ видѣ на-показъ народу.

*) *Эломари*—секретарь египетскаго султана Эльмеликъ-Эннасыра.

Каждый воинъ снабжался продовольствіемъ и остальными, необходимыми въ походѣ, предметами отъ того десятка населенія, которое выставляло воина. Такимъ образомъ довольствіе войскъ лежало на нихъ самихъ, а потому они всегда сопровождались громадными стадами скота, табунами лошадей и огромными обозами. Упомянутый выше Эломари говоритъ, что въ войскахъ Токты, выступившихъ противъ султана Исенбога, „каждый всадникъ взялъ съ собою: двухъ слугъ, тридцать головъ овецъ, пять головъ коней, два мѣдныхъ котла и телѣгу для перевозки оружія“ (?). Кромѣ того брались въ походъ: палатки и по два кожаныхъ мѣшка (турсуки) на каждаго. Въ одномъ изъ этихъ турсуковъ возилась вода, а въ другомъ—такъ-называемая *крута* — сушеный кислый сыръ, составлявшій, вмѣстѣ съ сушенымъ или вяленымъ мясомъ, главную пищу монголовъ.

По свидѣтельству Карпини, монголы рѣдко когда ѣли свѣжую конину, сберегая лошадей. Обыкновенно они убивали на пищу только больныхъ коней и ѣли даже павшихъ. Ѣли волковъ, собакъ и пили кровь плѣнныхъ, а въ крайности пожирали и ихъ мясо. Когда было топливо, мясо жарили; когда не было, употребляли для топлива конскій навозъ, или клали мясо подъ сѣдло и разминали его тяжестью своего тѣла, поѣдая его въ такомъ видѣ.

При Чингизъ-ханѣ и его ближайшихъ преемникахъ, содержаніе войскъ ничего не стоило, такъ какъ воины не только не получали жалованья, но даже находящіеся на службѣ, не избавлялись отъ податей, которыя вносились ихъ семействами, въ размѣрѣ одной головы всякаго скота съ каждой сотни. Приводимыя свѣдѣнія *), повидимому, относятся до временъ только ближайшихъ наслѣдниковъ Чингизъ-хана, такъ какъ все тотъ же Эломари говоритъ: „у эмировъ свои земли, которыя приносятъ въ годъ отъ 200.000 динаровъ **) и не менѣе 100.000 динаровъ ходячихъ. Что касается ратниковъ, то ни одному изъ нихъ не платится иначе, какъ серебромъ высшей доброты. Всѣ они равны между собою и получаютъ въ годъ, каждый по 200 динаровъ ходячихъ“. Слѣдовательно, уже при Токтѣ, т.-е. гораздо ранѣе Тамерлана, въ монгольскихъ войскахъ имѣлся рядъ степеней эмировъ, и войска находились на постоянномъ, опредѣленномъ жалованьи.

Главное оружіе монголовъ составляли лукъ и стрѣлы, причемъ каждый воинъ долженъ былъ имѣть два или три лука, съ тремя же большими колчанами со стрѣлами. Стрѣлы ихъ были въ два фута длины; желѣзныя острія ихъ, чрезвычайно острыя, имѣли форму копья. Для отточки стрѣлъ каждый воинъ долженъ былъ имѣть пилку. Кромѣ того, въ вооруженіе входили: топоры, пики съ крючьями, для стаскиванія съ коней непріятельскихъ всадниковъ, и наконецъ сабли.

*) „Иванинъ: „О военномъ искусствѣ и завоеваніяхъ монголо-татаръ“.

**) Динаръ=6 дирхемамъ.

Предохранительное вооруженіе имѣли и люди и лошади; большею частію оно было кожаное, съ желѣзными полосками; у болѣе же богатыхъ оно было все желѣзное, а у бѣднѣйшихъ щиты были плетеные изъ хвороста, обтянутые кожей.

Населяя страны чрезвычайно богатыя лошадьми, съ малолѣтства выполняя всѣ движенія, сопряженныя съ кочевымъ образомъ жизни, не иначе какъ верхомъ, монголы составляли превосходную естественную конницу. Маленькія, крѣпкія, чрезвычайно выносливыя и малоприхотливыя степныя лошади монголовъ давали имъ возможность дѣлать длинные и быстрые переходы.

Татарскую конницу не останавливала переправа даже черезъ большія рѣки. Не умѣя строить мостовъ, татары переплывали рѣки вплавь. Для этого они употребляли большіе кожаные мѣшки, которые туго набивали разнымъ тряпьемъ, одеждой и прочими легкими вещами. Мѣшки эти потомъ крѣпко завязывали и прикрѣпляли къ корню лошадинаго хвоста, такъ что плывущій мѣшокъ, отчасти, служилъ лошади опорою.

Конница татарская, раздѣлявшаяся на легкую и тяжелую, была ихъ единственнымъ родомъ войскъ; пѣхоту же составляли иногда войска союзныя или же плѣнные, почти всегда употреблявшіеся и какъ рабочая сила при осадахъ городовъ. Всадники имѣли обыкновенно по нѣскольку запасныхъ, заводныхъ коней, число которыхъ иногда доходило до 18 штукъ на каждаго.

Замѣчательны также и выработавшіеся при Чингизъ-ханѣ стратегическіе и тактическіе пріемы монголовъ, или вообще ихъ военное искусство.

Ведя исключительно наступательныя войны, монголы, предварительно вторженія своего въ непріятельскую страну, собирали возможно обстоятельныя свѣдѣнія о своемъ противникѣ, объ его силахъ, средствахъ и свойствахъ страны. Для этой цѣли служили всевозможныя средства, какъ-то: посольства, торговыя сношенія, мелкіе предварительные набѣги, какъ бы рекогносцировки, и т. д.

Вторженія въ непріятельскую страну производились обыкновенно съ нѣсколькихъ сторонъ, отдѣльными массами, направляющимися къ одному общему, заранѣе назначенному, сборному пункту. Каждая колонна, или вѣрнѣе масса, двигалась, принимая обширныя мѣры охраненія и наблюденія. Съ этою цѣлью высылались: на одинъ или два перехода впередъ—авангарды, на фланги—боковые отряды и сзади прикрывались арріергардомъ. Совокупность всѣхъ этихъ, указаннымъ образомъ распредѣленныхъ, силъ составляла нѣчто вродѣ *облавы*, захватывавшей опредѣленную, нерѣдко весьма значительную часть непріятельской страны и постепенно съуживавшей свой кругъ. Рядомъ такихъ облавъ, слѣдовавшихъ одна за другою, монголы овладѣвали страною и предавали ее полнѣйшему разоренію, встрѣчая притомъ сравнительно

болѣе слабое сопротивленіе, такъ какъ противникъ вынуждался, ожидая нападенія съ нѣсколькихъ сторонъ, разбрасывать свои силы.

Въ сраженіяхъ монголы, при Чингизъ-ханѣ и его ближайшихъ преемникахъ, строили боевые порядки, составлявшіеся изъ нижеслѣдующихъ частей: впереди—сторожевой отрядъ—*караулъ*, за нимъ слѣдовалъ авангардъ—*мангдай*, причемъ эти двѣ части боевого порядка иногда сливались въ одну; затѣмъ уже ставились главныя силы, составляемыя изъ трехъ частей: правое крыло—*барунгаръ* или *барангаръ*, лѣвое крыло—*джунгаръ* или *джуангаръ* и, наконецъ, центръ—*кулъ*.

Бой монголы завязывали издали—стрѣлами, въ метаніи которыхъ были чрезвычайно искусны, и вообще употребляли всѣ усилія къ тому, чтобы выиграть дѣло помощью какой-либо хитрости. Окружая врага, осыпая его тучами стрѣлъ, они, въ случаѣ стойкаго сопротивленія, отступали, стараясь раздѣлить силы непріятеля и затѣмъ бить ихъ порознь,—при Калкѣ напримѣръ,—или же наводили противника на засаду.

Высшіе начальники, въ сраженіи личнаго участія не принимали, а наблюдали за ходомъ боя и управляли имъ, располагаясь для этого со своею свитой и даже женами гдѣ-либо сзади, на удобномъ для наблюденія пунктѣ.

Походы свои монголы предпринимали обыкновенно осенью, когда ихъ лошади и всякій другой скотъ находился въ хорошемъ тѣлѣ. Ежегодно же, преимущественно на время лѣтнихъ жаровъ, они прекращали дѣйствія и располагались на отдыхъ для поправленія лошадей и верблюдовъ.

Сопротивляться сплоченнымъ волею Чингизъ-хана и его энергичныхъ преемниковъ кочевымъ ордамъ монголовъ было не подъ силу осѣдлымъ, земледѣльческимъ народамъ, главныя массы которыхъ, привыкшія къ исключительно мирнымъ занятіямъ, могли составлять ополченія, въ военномъ отношеніи стоявшія далеко ниже монгольскихъ полчищъ. Послѣднія, дѣйствительно, являлись для сосѣдей настоящею грозою. Однимъ изъ персидскихъ историковъ XIII вѣка свойства и качества монголовъ описываются слѣдующимъ образомъ:—„Они имѣли мужество львиное, терпѣнье собачье, предусмотрительность журавлиную, хитрость лисицы, дальнозоркость ворона, хищность волчью, боевой жаръ пѣтуха, попечительность курицы о своихъ ближнихъ, чуткость кошки и буйность вепря при нападеніи“.

Въ открытомъ полѣ конница монголовъ имѣла на своей сторонѣ несомнѣнное превосходство надъ противникомъ; для нея болѣе серьезное препятствіе составляли хорошо укрѣпленные города. Но и въ этомъ отношеніи длинный рядъ войнъ съ Китаемъ и Ховарезмомъ, сопряженный съ необходимостью брать съ бою массу городовъ, научили монголовъ и этому искусству.

Свои дѣйствія при осадѣ городовъ они начинали съ разоренія окрестностей, дабы лишить городъ средствъ пропитанія. Затѣмъ они окружали городъ валомъ со рвами, а ежели былъ лѣсъ, то и тыномъ, и такимъ образомъ отрѣзывали городу всякія сообщенія съ окрестностями.

Собственно осадныя работы, прикрытіе ихъ и даже приступы, монголы производили не сами, а употребляли для этого окрестныхъ жителей и военноплѣнныхъ.

Съ цѣлью утомить гарнизонъ, монголы производили постоянные приступы днемъ и ночью, для чего употреблялось нѣсколько отрядовъ, по очереди ходившихъ, одинъ за другимъ, въ атаку, подобно тому, какъ въ наши дни, водилъ свои войска Сулейманъ-паша для атаки Шипкинской позиціи.

Стѣнобитныя и камнеметныя машины примѣнялись ими нерѣдко, даже въ весьма обширныхъ размѣрахъ. Греческій огонь и другія зажигательныя вещества, наводненія, подкопы, тучи бросаемыхъ стрѣлъ и т. под.—все это служило средствами для облегченія приступовъ, которые производились безпрерывно днемъ и ночью. Осады городовъ велись съ чрезвычайнымъ упорствомъ, и случаи снятія осады, не овладѣвъ городомъ, встрѣчаются весьма рѣдко.

ГЛАВА VI.

Второе нашествіе монголовъ.

Батый и покореніе имъ Руси.—Современное междуусобіе между русскими князьями.—Физическія бѣдствія.—Взятіе Батыемъ Рязани и Коломны въ 1237 г.—Паденіе Москвы.—Осада Владиміра.—Паденіе его и Суздаля.—Пораженіе русскихъ на р. Сити 4 марта 1237 г.—Движеніе Батыя къ Новгороду и неожиданное направленіе въ обратный путь.—Утвержденіе монголовъ на югѣ Россіи и на Кавказѣ.—Взятіе г. Кіева 6 декабря 1240 г.—Батый проникаетъ на западъ, до предѣловъ Венгріи, въ 1241 г.—Полное порабощеніе Руси и ея упадокъ.—Пораженіе шведовъ Александромъ Невскимъ на р. Ижорѣ 15 апрѣля 1240 г.—Побѣда Александра Невскаго надъ нѣмцами, въ 1242 г., при Ледовомъ побоищѣ и надъ литовцами въ 1245 г.—Раздѣленіе Руси на юго-западную и сѣверо-восточную.

Было уже сказано выше, что послѣ Калкскаго пораженія, преслѣдованіе разбитыхъ русскихъ силъ монголы довели только до Днѣпра, послѣ чего ушли назадъ въ средне-азіятскія степи.

На Руси все пошло попрежнему, то-есть снова начались распри и междуусобія князей. Впрочемъ, на сѣверѣ Руси было сравнительно тихо, благодаря согласію, царствовавшему въ семьѣ Всеволода Большое-Гнѣздо, т.-е. между Суздальскихъ князей.

Но за то въ южной Руси взаимная вражда князей находилась въ полномъ разгарѣ. Въ борьбѣ принимали самое дѣятельное участіе сосѣди, какъ-то: угры, поляки и половцы; и наибольшая военная дѣятельность сосредоточилась вокругъ Галича, составлявшаго главное яблоко раздора.

Не утихала также и борьба за обладаніе Кіевомъ, который за это время безпрерывно переходилъ изъ рукъ однихъ князей къ другимъ.

За это время, т.-е. между первымъ и вторымъ нашествіями монголовъ, на Русь обрушилось также не мало разныхъ другихъ бѣдствій, сопровождавшихся тревожными явленіями природы: такъ въ 1228 г.

въ Новгородской и въ 1229 г. въ Галицкихъ земляхъ, были сильныя наводненія, въ 1230 году, въ Новгородѣ Великомъ и другихъ мѣстахъ Руси—необыкновенная засуха, страшный отъ того голодъ и моръ людей; 3-го мая, того же 1230 года, большое землетрясеніе въ Кіевѣ и его окрестностяхъ, чувствовавшееся даже въ Новгородѣ и Владимірѣ; вслѣдъ затѣмъ, въ маѣ же мѣсяцѣ, послѣдовало солнечное затмѣніе, а въ 1233 году явленіе кометы. Все это сильно смущало народъ, предполагавшій, что насталъ конецъ міру. Между тѣмъ, и въ Чингизовой громадной Монгольской монархіи послѣдовали также весьма важныя обстоятельства.

Въ 1227 году умеръ Чингизъ-ханъ. Оставались въ живыхъ послѣ Чингиза три сына: Джагатай, Огодай, или Октай, и Тулуй. Своимъ преемникомъ, или великимъ ханомъ, онъ назначилъ второго сына, Огодая.

Огодай до 1234 года былъ занятъ покореніемъ Китайской имперіи ніучей, и только по окончательномъ разгромѣ послѣдней онъ сталъ готовиться къ походу на Европу и въ южный Китай.

Главное начальствованіе силами, назначенными для завоеванія Европы и доходившими до 300.000, было поручено Батыю. Въ походѣ приняли также участіе и многіе другіе члены рода Чингиза.

Въ помощь Батыю былъ назначенъ извѣстный Субудай-багадуръ, принимавшій уже участіе въ первомъ нашествіи и въ Калкскомъ сраженіи.

Весною 1236 года двинулись монгольскія орды на западъ отъ верховьевъ Иртыша. Движеніе было медленное; это была просто перекочевка орды съ конями, стадами и всѣмъ имуществомъ. Откармливая на пути свои стада и табуны, монголы присоединяли къ себѣ также и попутныя турецкія и другія кочевыя орды, такъ что въ предѣлы Европы, т.-е. за Яикъ (р. Уралъ), они вступили имѣя, не менѣе полумилліона воиновъ.

Приблизительно, въ іюнѣ мѣсяцѣ, монголы дошли до Волги; откуда Батый отрядилъ Субудай-багадура съ частью войскъ для завоеванія Волжской Болгаріи, а самъ продолжалъ движеніе въ Половецкія степи, и вскорѣ овладѣлъ всею страной, до предѣловъ тогдашней Руси, т.-е. до нижняго Днѣпра и южныхъ границъ Черниговскаго, Сѣверскаго и Рязанскаго княжествъ.

Субудай-багадуръ, осенью же 1236 года, взялъ и разграбилъ столицу Камской Болгаріи—городъ Великій Болгаръ; Батый же предпринялъ дальнѣйшій походъ не прежде, какъ окончательно утвердившись на Кавказѣ и на берегахъ Азовскаго и Чернаго морей.

Будучи, къ тому же, знакомъ со свойствами страны, составлявшей тогдашнюю Русь, Батый выбралъ для наступленія наиболѣе выгодное время года, т.-е. зиму, когда рѣки и болота не могли составлять пре-

дятствія для движеній и лѣса не могли служить хорошимъ укрытіемъ для противника.

По свидѣтельству историка Джувейни, „эта страна была покрыта такими лѣсами и дубравами, что нѣтъ въ нихъ прохода и змѣѣ, а монголы должны были прокладывать дороги такой ширины, что на ней рядомъ могли идти три или четыре телѣги".

Вслѣдствіе приведенныхъ соображеній, только въ началѣ зимы 1237 года татары подошли къ границамъ Рязанскаго княжества и остановились на р. Онузѣ. Отсюда Батый отправилъ пословъ сначала къ Рязанскимъ князьямъ, а затѣмъ и во Владиміръ, требуя десятой части ихъ имѣнія.

Получивъ отказъ, монголы вторглись въ предѣлы Россіи широкою облавой. Рязанскій князь просилъ помощи у князей Владимірскаго и Черниговскаго, а въ ожиданіи ихъ прибытія выступилъ съ своими рязанцами къ р. Воронежу, на встрѣчу врагу. Намѣреніе его было—задерживать татаръ до прибытія союзниковъ и избѣгать битвы до соединенія съ ними. Но татары наступали быстро, а союзники не являлись. Окруженные татарской облавой, рязанцы, противъ воли, должны были принять битву и были разбиты. Татары двинулись на Рязань, гоня передъ собою слабыя силы Рязанскихъ князей. 16 декабря татары обложили Рязань и 21 числа взяли ее приступомъ, разграбили и перебили жителей *).

Опять повторилась та же неурядица что и въ битвѣ при Калкѣ; Князь Черниговскій отказалъ въ своей помощи, а князь Владимірскій, по обыкновенію, опоздалъ.

По взятіи Рязани, татары, новой облавой, двинулись въ Суздальское княжество; главныя силы ихъ направились на Коломну и Москву. Подъ Коломной татаръ встрѣтили войска великаго князя Юрія Всеволодовича, шедшія на помощь Рязани, подъ начальствомъ сына его Всеволода и воеводы Еремѣя Глѣбовича. Въ происшедшемъ сраженіи Всеволодъ былъ разбитъ и самъ бѣжалъ съ незначительными остатками своихъ дружинъ. Коломна взята татарами и сожжена, причемъ, по свидѣтельству нѣкоторыхъ источниковъ **), былъ убитъ сынъ Чингизъ-хана—Куль-ханъ.

Вслѣдъ за Коломною была взята Москва, и уже отсюда двинулись татары на Владиміръ и Суздаль. Между тѣмъ великій князь, по непонятной причинѣ, не позаботившійся своевременно сосредоточить силы подчиненныхъ ему обширныхъ владѣній, только теперь, поручивъ оборону Владиміра своимъ сыновьямъ Всеволоду и Мстиславу, отправился на сѣверъ собирать войска, имѣя въ виду соединиться съ братьями. При-

*) См. карту № 2.

**) Исторія Рашидъ-Эддина.

соединивъ къ себѣ князей Ростовскихъ съ ихъ ратью и дождавшись прибытія одного изъ своихъ братьевъ—Святослава, Юрій Всеволодовичъ расположился со своими войсками на рѣкѣ Сити, недалеко отъ ея впаденія въ Мологу.

3 февраля татарскія главныя силы подошли къ Владиміру и обложили его.

Владимірцы встрѣтили врага стрѣлами. Желая взять городъ безъ большихъ потерь, татары выслали къ стѣнамъ города нѣсколько всадниковъ, сопровождавшихъ, плѣненнаго въ Москвѣ княжича Владиміра. „Не стрѣляйте,—закричали всадники.—Узнаете ли вы своего князя?“

Князья узнали своего несчастнаго брата, но для его спасенія не прекратили стрѣльбы, а хотѣли сдѣлать отчаянную вылазку на татаръ, что было бы опасно и безполезно. Опытный воевода Петръ Ослѣдюковичъ удержалъ ихъ отъ этого предпріятія.

Пользуясь близостью лѣсовъ, татары быстро окружили весь городъ тыномъ, установили свои стѣнобитныя и камнеметныя машины и, подъ прикрытіемъ ихъ неумолкаемаго дѣйствія, приступили къ заваливанію рва и устройству примета. Уже 8 февраля работы настолько подвинулись, что татары въ этотъ день повели приступъ и ворвались въ городъ у Золотыхъ воротъ, со стороны Лыбеди—у Мѣдныхъ и Иринискихъ воротъ, а отъ Клязьмы—черезъ Волжскія ворота.

Потерявъ внѣшній городъ, князья Всеволодъ и Мстиславъ попытались было обороняться въ кремлѣ, но и онъ вскорѣ былъ взятъ и весь городъ окончательно разграбленъ.

Укрывшіеся въ храмѣ, въ томъ числѣ и семейства князей, погибли жестокою смертью. Татары выбили двери храма, содрали ризы съ образовъ и совершенно разграбили его. Потомъ обложили храмъ хворостомъ и зажгли его, не выпустивъ никого изъ искавшихъ въ немъ спасенія, которые всѣ и погибли.

Еще ранѣе Владиміра, другою частью силъ Батыя былъ взятъ Суздаль, а затѣмъ, въ теченіе февраля, все княжество и всѣ его города были уже во власти татаръ, дѣйствовавшихъ до того быстро, что раздѣленныя ихъ силы, уже въ первыхъ числахъ марта, подходили или, лучше сказать, обходили расположеніе великаго князя на его позиціи за р. Ситью. Высланный Юріемъ для развѣдокъ 3.000 отрядъ обнаружилъ, что татары уже обошли русскихъ, и не успѣлъ еще Юрій Всеволодовичъ, 4 марта 1238 г., построить свои полки въ боевой порядокъ, какъ былъ атакованъ со всѣхъ сторонъ татарами.

Бой кончился полнымъ пораженіемъ и бѣгствомъ только-что набранной отъ сохи рати русской; самъ великій князь былъ убитъ.

Послѣ побѣды при Сити и взятія города Торжка, послѣдовавшаго 5 марта послѣ двухнедѣльной осады, татары двинулись на Новгородъ. Главныя силы ихъ направились на Осташковъ и Старую Руссу, то-есть такъ-называемымъ Селигерскимъ путемъ. Сдѣлавъ отъ Торжка около 15 переходовъ и дойдя до Игначъ-Крестца, т.-е. находясь отъ Новго-

рода всего, во ста верстахъ, татары вдругъ повернули назадъ. Причиной этого внезапнаго отступленія было, очевидно, опасеніе Батыя быть застигнутымъ весною, съ ея распутицею и разлитіемъ рѣкъ, въ лѣсистыхъ и болотистыхъ предѣлахъ Новгородскихъ владѣній.

Татары, привыкшіе къ холоду и всякимъ лишеніямъ на войнѣ, не переносили сырости, отъ которой сильно болѣли. Кони ихъ, также привыкшіе къ сухому, степному корму, падали отъ употребленія сырого корма. Эти обстоятельства, вмѣстѣ съ извѣстіемъ, что новгородцы готовятся къ отчаянной оборонѣ и что самый Новгородъ сильно укрѣпленъ, а потому на скорую сдачу его разсчитывать нельзя, тогда какъ наступала уже весна и таяніе снѣговъ,—были, какъ нужно полагать, главною причиною отступленія Батыя на югъ.

Кромѣ того, какъ свидѣтельствуетъ Рашидъ-Эддинъ, монгольскіе отряды, двигаясь къ Новгороду, сбились съ кругу, т.-е. облава спуталась, составлять же новую Батый вѣроятно счелъ уже несвоевременнымъ.

Разгромъ и разореніе пройденныхъ татарами Русскихъ земель были, въ полномъ смыслѣ слова, окончательные: города и селенія, не только разграблены, но въ большинствѣ просто стерты съ лица земли; неселеніе или перебито, или уведено въ плѣнъ. По приведенному, напримѣръ, въ исторіи Рашидъ-Эддина разсказу Джувейни, „было объявлено повелѣніе, чтобъ у убитыхъ отрѣзывали правое ухо; насчитали до двухсотъ семидесяти тысячъ ушей“.

Черезъ Смоленское княжество и городъ Козельскъ, по пути взятый имъ, Батый ушелъ въ Половецкія степи, къ низовьямъ Дона.

Здѣсь нельзя не упомянуть о геройской защитѣ г. Козельска, обороняемаго дружиною малолѣтняго князя Василія, одного изъ Черниговскихъ Ольговичей. Не поддавшись на ложныя предложенія Батыя, козельцы геройски защищались, задержавъ Батыя подъ своими стѣнами шесть недѣль. Татары прозвали Козельскъ *злымъ городомъ*,—прозвище, которымъ можетъ гордиться этотъ городъ.

Странно только, зачѣмъ понадобился Батыю этотъ городъ, взять который ему стоило труда и потерь и который онъ тотчасъ же оставилъ?

Въ теченіе 1239 и начала 1240 годовъ Батый закончилъ покореніе Кавказа и земель по берегамъ Азовскаго и Чернаго морей. Къ этому же, вѣроятно, времени относится также и завоеваніе имъ нашихъ южныхъ княжествъ—Черниговскаго, Сѣверскаго и Курскаго.

Уже зимой 1240 года предпринялъ Батый походъ, въ сохранившую еще свою независимость, южную часть Руси.

Переправясь черезъ Днѣпръ, татары обложили Кіевъ, огородили его тыномъ и повели энергичную осаду, направляя свои главныя усилія на наиболѣе слабую часть его укрѣпленій, т.-е. на западный фронтъ. Стѣнобитныя и камнеметательныя машины были сосредоточены у Ляцкихъ воротъ, противъ Десятинной церкви и Софійскаго собора.

Въ виду богатства и важнаго значенія Кіева, осаду его велъ самъ Батый, имѣя при себѣ лучшихъ военоначальниковъ Субудая и Бурундая. Словомъ, къ Кіеву подступила вся татарская сила, которую лѣтописцы называютъ *несчетною* и о размѣрахъ

которой можно судить по словамъ лѣтописца, что отъ скрипа ихъ телѣгъ, рева верблюдовъ и ржанія коней осажденные кіевляне не могли слышать другъ друга.

Великимъ княземъ Кіевскимъ въ это время былъ знаменитый Даніилъ Романовичъ Галицкій и Волынскій, который, не взявъ на себя оборону Кіева, поручилъ эту трудную задачу тысяцкому Дмитрію.

Стѣны Кіева не долго выдержали безпрерывное дѣйствіе пороковъ татарскихъ, вскорѣ сдѣлавшихъ въ нихъ проломъ у Лядскихъ воротъ. 6 декабря татары повели приступъ и послѣ чрезвычайно упорнаго боя овладѣли городомъ.

Когда непріятель овладѣлъ уже городомъ, защитники сгруппировались вокругъ Десятиннаго храма Богородицы, и почью обнеслись укрѣпленіями. Но и эта отчаянная оборона не спасла стольнаго города. Самъ доблестный защитникъ его, тысяцкій Дмитрій, раненый, былъ взятъ въ плѣнъ. „Ради его мужества“—Батый оставилъ ему жизнь.

Вслѣдъ затѣмъ Батый, опустошивъ Кіевское княжество, перешелъ далѣе въ Волынскую и Галицкую земли, которыя постигла та же участь. Вообще овладѣніе южною Русью стоило татарамъ еще меньшихъ усилій и жертвъ, чѣмъ завоеваніе Сѣвера. Не смогли взять татары всего два города: Кременецъ и Колодяженъ; но послѣднимъ они, все же таки, завладѣли обманомъ. Старшіе князья южной Руси, какъ-то: Даніилъ и Василько Романовичи и Михаилъ Всеволодовичъ—постыдно бѣжали отъ татаръ въ предѣлы Польши и Венгріи и, не принимая никакого участія въ защитѣ своихъ княжествъ и городовъ, предоставили ихъ собственнымъ своимъ силамъ.

Покончивъ съ юго-западною Русью, Батый, въ началѣ 1241 года, двинулся далѣе—въ Венгрію и Польшу, какъ говорятъ, по уговору плѣннаго тысяцкаго Дмитрія, пощаженнаго Батыемъ за славную оборону Кіева.

Не успѣвъ отстоять Кіева, тысяцкій Дмитрій, находясь въ плѣну у Батыя, пользовался его уваженіемъ. Желая удалить скорѣе татаръ изъ Русской земли, Дмитрій сказалъ Батыю:—„Не медли долго въ нашей землѣ, уже время тебѣ идти на угровъ. Если будешь медлить, то тамъ успѣютъ собрать силы и не пустятъ тебя въ свои земли“. Батый принялъ этотъ совѣтъ, и направился въ Польшу и Венгрію.

Батый имѣлъ хорошія свѣдѣнія о политическомъ состояніи западныхъ державъ. Въ Польшѣ царствовала та же неурядица и удѣльная система, погубившая Россію. Помочь ей было некому. Италія и Германія были заняты войною Гвельфовъ и Гибелиновъ. Оставался возможнымъ союзъ только между королями Чехіи и Венгріи, бывшими въ родствѣ, т.-е. Венцеславомъ I и Белою IV.

Мы не станемъ здѣсь подробно описывать дѣйствій Батыя, за предѣлами Россіи. Скажемъ только, что въ концѣ 1240 и началѣ 1241 г. онъ повелъ главныя свои силы прямо черезъ Карпатскія горы въ Венгрію и проникнулъ въ нее съ сѣверной стороны, въ то время какъ двѣ другія его арміи направились, туда же, одна слѣва черезъ Валахію, подъ предводительствомъ Субудай багадура и Кадана, а другая—справа, чтобы обойти венгровъ съ запада. Встрѣчавшіеся на пути польскіе города, какъ Краковъ Бреславль и другіе—разорены и преданы пламени. Польскія войска, въ соединеніи съ тевтонскими рыцарями, собрались у Лигница и были разбиты. Послѣ чего армія багадура двинулась черезъ Моравію на соеди-

неніе съ Батыемъ. Защита Моравіи была поручена чешскимъ королемъ Вячеславомъ воеводѣ Ярославу изъ Стернберка, который укрѣпился въ Ольмюцѣ, осажденномъ татарами, и ждалъ къ себѣ на помощь подкрѣпленія, которыя велъ самъ король. Но татары окружили подходившія на помощь Ольмюцу войска, ослабивъ при этомъ осаду этой крѣпости. Подходившее подкрѣпленіе пробилось силою и укрѣпилось на выгодной позиціи, которую татары взять не могли. Но силы обороняющихся стали уже ослабѣвать, какъ прибылъ отъ Ольмюца Ярославъ, и татары должны были отступить и снять осаду Ольмюца; а затѣмъ подступили къ Буда-Пешту, столицѣ Венгріи, которую осаждалъ Батый, но не успѣшно. Батый снялъ осаду и направился въ восточную Венгрію. Венгерская армія, доходившая до 100.000 челов., двинулась за Батыемъ, торжествуя побѣду. На берегахъ рѣчки Сайо армія эта расположилась съ полною беззаботностію. Батый неожиданно ударилъ на нее и разбилъ совершенно. Затѣмъ все лѣто 1241 г. онъ опустошалъ восточную Венгрію; а въ іюлѣ 1242 г., собралъ всѣ свои отряды и двинулся долиною Дуная, въ обратный путь, въ южно-русскія степи. Это отступленіе было вызвано полученнымъ извѣстіемъ о смерти Огодая и объ избраніи новаго хана Гаюка. Батый не хотѣлъ быть вдали отъ совершавшихся въ ордѣ важныхъ событій.

Такимъ образомъ къ 1241 году вся Русь, за исключеніемъ одного Новгорода Великаго, находилась во власти татаръ. Во всѣхъ главнѣйшихъ городахъ Руси были поставлены татарскіе намѣстники (баскаки) и установлены дани, уплачивавшіяся не только мѣхами и другими предметами, но и людьми.

Столь быстрое завоеваніе такого обширнаго и до сихъ поръ могущественнаго государства, какъ Русь, привлекаетъ, понятно, особенное вниманіе.

Въ сущности, Батый овладѣлъ всею Русью въ два короткіе зимніе похода—1237 и 1240 годовъ, т.-е. въ какихъ-нибудь 10 мѣсяцевъ. Эта поразительная быстрота, съ которою Русь потеряла свою свободу и независимость, объясняется, прежде всего, свойствами противныхъ сторонъ, представлявшими въ военномъ отношеніи совершенную противуположность; а затѣмъ искусствомъ дѣйствій Батыя и совершеннымъ отсутствіемъ таковаго на сторонѣ Руси.

Многочисленныя орды татаръ, составлявшія поголовно прекрасную, опытную боевую, военную силу, сплоченную въ рукахъ и во власти одного—и притомъ талантливаго—вождя, какъ Батый, составляли, понятно, для Руси, въ тогдашнемъ ея состояніи, противника совершенно непреодолимаго.

Разрозненная, раздробленная на множество мелкихъ, другъ другу враждебныхъ княжествъ, Русь не была въ состояніи выставить въ поле силы, хотя бы сколько-нибудь достаточныя для удержанія грозной волны татарскаго нашествія. Даже еслибы князья русскіе, позабывъ свои распри, дружно, единодушно и со всѣми своими средствами, выступили противъ татаръ, то и тогда это было бы не достаточно противъ тѣхъ 600.000 воиновъ, которыми располагалъ Батый. Борьба была бы, разумѣется, продолжительнѣе и упорнѣе; успѣхъ стоилъ бы татарамъ дороже, но успѣхъ ихъ все-таки былъ бы несомнѣнный.

Невыгоды положенія Руси, въ значительной мѣрѣ, увеличивались, благодаря и безразсудной безпечности, и совершенной бездарности и малодушію ея князей.

Уже первое нашествіе татаръ и Калкское пораженіе должны были бы служить для нашихъ князей предостереженіемъ. Не было недостатка въ свѣдѣніяхъ и въ послѣдующіе годы о производившихся монголами движеніяхъ внѣ предѣловъ Руси: такъ, въ 1229 году, прибѣжали на Русь съ низовьевъ Волги разбитые саксины и половцы; а вслѣдъ за тѣмъ и съ Яика были прогнаны татарами сторожа болгарскіе. Въ 1232 году татары проникли въ глубь Камской Болгаріи и даже зимовали недалеко отъ ея столицы. Наконецъ въ 1236 году, непосредственно передъ вторженіемъ въ Русь, Субудай-багадуръ завоевалъ Болгарію и разрушилъ Великій-Городъ.

Всѣ эти обстоятельства, несомнѣнно указывавшія на приближающуюся для Руси опасность, не побудили однако князей не только готовиться къ предстоящей борьбѣ, но даже принять какія-либо мѣры предосторожности. Вслѣдствіе этого, нашествіе татаръ было—по крайней мѣрѣ для южнаго, Рязанскаго княжества—неожиданнымъ.

Среди князей не нашлось ни одной сколько-нибудь выдающейся личности, которая могла бы взять на себя руководство обороной Руси. Мало того, старшіе князья, начиная съ великаго князя Юрія Всеволодовича, малодушно уклоняются отъ участія въ защитѣ своихъ владѣній и поручаютъ это дѣло младшимъ князьямъ, своимъ тысяцкимъ и воеводамъ. Даже въ отдѣльныхъ княжествахъ, напримѣръ Рязанскомъ, силы ихъ дѣйствуютъ не сосредоточенно, а разбросанныя неумѣлыми предводителями, и разбиваются татарами отдѣльно.

Великій князь, бросивъ на произволъ судьбы не только свою столицу Владиміръ, но и свою жену съ дѣтьми, располагается на р. Сити въ ожиданіи прибытія помощи, и около мѣсяца остается въ полнѣйшемъ бездѣйствіи, ничего не предпринимая не только для спасенія хотя бы части своихъ владѣній, но даже для охраненія находившихся подъ его начальствомъ войскъ. Мѣры развѣдыванія, наблюденія и охраненія были настолько ничтожны, что татарамъ не только удалось незамѣтно обойти русскую позицію, но даже великій князь не успѣлъ выстроить свои полки для отраженія неожиданнаго нападенія противника.

На югѣ Руси, какъ уже сказано выше, сопротивленіе было еще слабѣе; оборона еще хуже организована и князья выказали не болѣе доблести, чѣмъ ихъ сѣверные родичи.

Неудивительно послѣ этого, что Русь была для татаръ столь легкою и быстро пріобрѣтенною добычею.

То зло, которое было важнѣйшимъ условіемъ, благопріятствовавшимъ порабощенію Руси,—зло, коренившееся въ несчастной удѣльной

системѣ,—было также причиною и того, что Русь оставалась столь долго подъ ненавистнымъ игомъ татарскимъ. Можно смѣло сказать, что не продолжай русскіе князья и послѣ Батыева нашествія своихъ распрей и ссоръ, серьезныя попытки свергнуть татарское иго могли бы начаться и гораздо ранѣе Дмитрія Донского; а успѣхъ увѣнчалъ бы ихъ не черезъ 200 слишкомъ лѣтъ.

Въ дѣйствительности же этотъ жестокій урокъ, данный Батыемъ, прошелъ опять-таки совершенно безслѣдно, и русскіе князья еще цѣлое столѣтіе продолжаютъ свои междоусобія, даже съ еще большимъ ожесточеніемъ. При этомъ измѣнились, однако, въ нѣкоторой степени, и характеръ борьбы князей между собою, и способы ихъ дѣйствій другъ противъ друга. Полемъ дѣйствій ихъ являются уже не поля сраженій, а ставка хановъ Золотой орды, впослѣдствіи же столица послѣднихъ—Сарай. Средствами борьбы являются уже не война, не оружіе, не бой открытою силой и не военное искусство, а интриги при ханскомъ дворѣ, подарки и взятки всѣмъ власть имущимъ татарамъ и даже ихъ женамъ; честный бой замѣняется лестью, низкопоклонствомъ и исполненіемъ всякихъ прихотей ханскихъ. Это столѣтіе (съ 1241 по 1253 годъ) представляетъ собою время наиболѣе сильнаго во всѣхъ отношеніяхъ упадка Руси.

Непосредственно передъ Батыевымъ нашествіемъ, въ томъ же 1240 году, на сѣверо-западѣ Руси, Новгороду Великому, съ его княземъ Александромъ Ярославовичемъ, пришлось вести борьбу еще съ другимъ врагомъ—шведами.

Александръ, прозванный Невскимъ, принадлежалъ къ числу народныхъ любимцевъ и ему вполнѣ достойно придано имя народнаго героя. Обладая величественною фигурою и красивою внѣшностью, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, соединилъ въ себѣ практическій умъ, дававшій ему возможность примѣняться къ труднымъ обстоятельствамъ, и ту ловкость, съ которою онъ умѣлъ обходить ихъ. Сверхъ того, онъ былъ храбрымъ и горячимъ патріотомъ, высоко ставя русское имя.—Эти высокія качества онъ блистательно примѣнилъ въ борьбѣ со шведами и нѣмецкими рыцарями.

Въ это время въ Швеціи, вмѣсто больного короля Эриха-Эрихсона, управлялъ государствомъ зять его Биргеръ. Побуждаемый папскими буллами, Биргеръ принялъ личное начальство надъ собранными подъ его знаменами войсками для священной войны противъ русскихъ.

Шведы вошли въ Неву и остановились въ устьѣ Ижоры. Александръ, получивъ извѣстіе о появленіи шведовъ въ Невѣ, дорожа драгоцѣннымъ временемъ, съ однимъ новгородскимъ ополченіемъ и своею дружиной, двинулся немедленно навстрѣчу врагу. Въ воскресенье, 15 апрѣля 1240 года, онъ подошелъ къ Ижорѣ. Шведы не ожидали нападенія и спокойно, плохо охраняясь, были расположены въ своемъ лагерѣ на берегу Невы. Въ одиннадцать часовъ утра новгородцы, совершенно не-

ожиданно, появились въ виду лагеря шведовъ и атаковали ихъ такъ стремительно, что многіе не успѣли даже взяться за оружіе. Самъ Александръ, принимавшій личное участіе въ бою, ранилъ копьемъ въ лицо Биргера; золотоверхій шатеръ послѣдняго былъ подрубленъ новгородцемъ Саввою и Шведы потерпѣли полное пораженіе.

Въ безпорядкѣ бросились они къ своимъ лодкамъ и спускались въ нихъ, пробѣгая по доскамъ, проложеннымъ съ берега на борты суденъ. Преслѣдуя бѣгущихъ, одинъ изъ воиновъ дружины Александра, новгородецъ Гаврило Олескиничъ, вскочилъ на эти доски вмѣстѣ съ конемъ, намѣреваясь добивать шведовъ на самомъ суднѣ, не сходя съ коня. Но шведы сбросили доски въ воду. Всадникъ и конь окунулись въ Невѣ; но Олескиничъ выбрался на берегъ и продолжалъ битву.

Вслѣдъ за этой побѣдой, за которую Александръ Ярославовичъ получилъ прозваніе Невскаго, онъ не поладилъ съ новгородцами и уѣхалъ къ отцу въ Суздальское княжество. Между тѣмъ, въ самый годъ Невской побѣды, съ другой стороны, напали на сѣверо-западную Русь другіе враги—Ливонскій орденъ меченосцевъ, къ этому времени значительно усилившійся соединеніемъ съ Тевтонскимъ орденомъ.

Нѣмцы овладѣли, при помощи измѣны, Псковомъ, взяли Изборскъ, перешли черезъ Лугу и въ 1242 году уже овладѣли новгородскими пригородами—Лугою и Тесовымъ, а въ Копорьѣ устроили крѣпость. Шайки нѣмцевъ и ихъ союзниковъ—чуди и води—доходили уже за тридцать верстъ до Новгорода и сообщенія послѣдняго стали крайне опасны и трудны. Въ этихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, новгородцы послали просить себѣ у великаго князя Ярослава, назначившаго имъ первоначально своего сына Андрея, прислать имъ, именно, князя Александра, уже прославленнаго славною побѣдою, вѣсть о которой, по словамъ лѣтописца, дошла „до горъ Араратскихъ и до Рима Великаго.

Прибывъ въ Новгородъ, Александръ тотчасъ поднялъ упавшій духъ населенія и двинулся противъ нѣмцевъ. Дѣйствія Александра начались взятіемъ Копорья, а вслѣдъ затѣмъ онъ, при помощи низовой, т.-е. суздальской рати, овладѣлъ и Псковомъ.

Въ первыхъ числахъ апрѣля 1242 года Александръ выступилъ изъ Пскова навстрѣчу соединеннаго нѣмецкаго войска, о приближеніи котораго онъ получилъ извѣстіе.

Передовые новгородскіе отряды потерпѣли сначала неудачу и самъ Александръ вынужденъ былъ отступить на Чудское озеро. Здѣсь, на достаточно еще крѣпкомъ льду, у скалы, называемой Вороній-Камень, близъ урочища Узмени, произошла въ субботу, 5 апрѣля, битва, извѣстная подъ названіемъ *Ледовое побоище*. Нѣмцы и чудь, построивши свой обыкновенный боевой порядокъ *свиньею* (клиномъ), успѣли было прорвать центръ русскихъ и даже часть ихъ обратить въ бѣгство; но въ это время Александръ, съ крыльями своего боевого порядка, охватилъ фланги шведовъ и даже зашелъ и атаковалъ ихъ въ тылъ. Нѣм-

цы дрогнули и побѣжали, преслѣдуемые русскими на протяженіи семи верстъ. Побѣда была полная: нѣмцы потеряли болѣе 500 человѣкъ и до 50 рыцарей было взято въ плѣнъ.

Эти двѣ побѣды имѣли весьма важное значеніе, потому что хотя войны съ нѣмцами и шведами не прекратились, но они уже и не мечтали болѣе о покореніи Руси. Даже папы перестали проповѣдывать крестовые походы на Русь, съ цѣлью водворенія въ ней католичества.

Заслуги Александра не ограничились однако вышеизложеннымъ. Ему пришлось имѣть дѣло еще и съ третьимъ врагомъ сѣверо-западной Руси—Литвою. И здѣсь, въ 1245 году, Александръ устранилъ опасность, послѣдовательно разбивъ литовцевъ: подъ Торопцемъ, у озера Жизца и подлѣ Усвята.

Во всѣхъ—какъ перечисленныхъ выше, такъ и другихъ своихъ войнахъ—Александръ Невскій выказалъ несомнѣнный военный талантъ. Дѣйствія его отличались всегда быстротой и чрезвычайною рѣшительностью; зная цѣну времени, онъ принималъ обыкновенно смѣлыя рѣшенія и приводилъ ихъ въ исполненіе, несмотря на то, что находившіяся въ его распоряженіи силы, нерѣдко, совершенно не соотвѣтствовали условіямъ обстановки. Несмотря на это, успѣхъ всегда сопровождалъ его многочисленныя военныя предпріятія, и за длинный періодъ нашей исторіи—отъ нашествія татаръ до Дмитрія Донскаго—Александръ Невскій является наиболѣе выдающимся и, едва ли, не единственнымъ способнымъ полководцемъ.

Послѣ Александра Невскаго, военная исторія нашего отечества не представляетъ никакихъ выдающихся, по своему значенію, обстоятельствъ. Междуусобныя войны князей не представляютъ никакого интереса; внѣшнія войны съ сосѣдями, преимущественно западными, продолжаются попрежнему съ перемѣннымъ успѣхомъ.

За то въ политическомъ отношеніи это время представляетъ рядъ событій, имѣвшихъ чрезвычайное вліяніе на дальнѣйшую судьбу Руси. Къ числу важнѣйшихъ изъ нихъ относятся: первоначально—раздѣленіе Руси на юго-западную и сѣверо-восточную части, все болѣе и болѣе обособляющіяся; затѣмъ—образованіе на нашихъ западныхъ границахъ сильнаго Литовскаго княжества и, наконецъ, усиленіе Московскаго княжества, послужившаго ядромъ образовавшагося затѣмъ Русскаго царства.

Еще до нашествія монголовъ, крайнія юго-западныя области Руси, т.-е. Галиція, Волынь и Подолія, выдѣлились въ особое княжество, впослѣдствіи королевство. Кіевское великое княженіе и Сѣверскія области, хотя и сохраняли еще свою связь съ остальною Русью, но, сильно разоренныя и опустошенныя татарами, они уже совершенно утеряли свое прежнее значеніе. Въ первой половинѣ XIV столѣтія, весь нашъ юго-западъ, завоеванный литовскимъ великимъ княземъ Гедиминомъ, окон-

чательно отторгается отъ Руси. Смоленское, Черниговское и Кіевское княжества, Волынь и Подолія, а также всѣ мелкія княжества по Днѣпру и его притокамъ—присоединяются къ Литвѣ, образующей сильное и притомъ независимое отъ монголовъ великое княжество.

Предѣлы, собственно, Руси сокращаются такимъ образомъ до того, что она составляетъ въ половинѣ XIV вѣка едва $^1/_8$ часть Руси временъ Ярослава I-го; да и эти жалкіе остатки не представляютъ ничего цѣлаго.

Ядромъ Руси этого времени были области Суздальскія, составлявшія великое княжество Владимірское, въ предѣлахъ котораго находилась и Москва, первоначально весьма незначительный городъ. Обыкновенно Москва составляла удѣлъ одного изъ младшихъ членовъ Владимірскаго великокняжескаго дома.

Усиленіе Москвы собственно начинается съ княженія въ ней младшаго сына Александра Невскаго—Даніила—и при ближайшихъ потомкахъ послѣдняго, это усиленіе идетъ уже чрезвычайно быстро. Въ большинствѣ случаевъ, однако, это возрастаніе предѣловъ, силы и могущества Московскаго княжества, является слѣдствіемъ не завоеваній, а результатомъ хитрой и ловкой политики Московскихъ князей. Какъ бы то ни было, но уже въ 1341 году Симеонъ Гордый, сынъ Ивана Калиты и внукъ Даніила Александровича, впервые считаетъ себя вправѣ именоваться великимъ княземъ *всея Руси*.

3) Собираніе Руси: уничтоженіе удѣловъ и ослабленіе татарскаго ига, съ 1241 по 1533 г., до смерти Василія III.

ГЛАВА VII.

Княженіе Дмитрія Донскаго.

Составленный имъ союзъ изъ сѣверо-восточныхъ русскихъ князей. — Походы ихъ противъ казанскихъ и нижегородскихъ татаръ. — Пораженіе ихъ 2 августа 1377 г. Арапшею.—Побѣда надъ татарами на р. Вожѣ, 11 августа 1378 г.—Приготовленіе татаръ къ новому, въ 1380 году, сильному нашествію на Русь.—Полчища Мамая направляются въ Воронежу и Москвѣ.—Дмитрій Донской, съ союзными князьями, выступаетъ въ Коломнѣ, на встрѣчу Мамаю.—Раздѣленіе русской арміи на четыре полка.—Движеніе ея отъ Коломны къ Дону и переправа черезъ эту рѣку.— Куликовская битва 8 сентября 1380 г.—Полное пораженіе полчищъ Мамая; его бѣгство въ Крымъ и гибель. — Тохтамышъ и требуемая имъ дань отъ русскихъ.—Неожиданное наступленіе Тохтамыша и отступленіе арміи Дмитрія Донскаго отъ Коломны къ Костромѣ.—Бой подъ Москвою, и вступленіе въ нее Тохтамыша 27 августа 1381 года.—Разореніе Москвы.

Въ 1363 году, Владимірское великое княжество занялъ московскій князь Дмитрій Іоанновичъ, которому принадлежитъ въ русской исторіи выдающееся мѣсто, какъ положившему начало открытой борьбѣ съ Золотою ордой. Къ этому врени, въ послѣдней, безпорядки, борьба хановъ изъ-за престола и дробленіе ея на части, привели къ значительному ослабленію ея былого могущества.

Дмитрій Іоанновичъ, еще ранѣе выказавшій замѣчательныя способности въ упорной борьбѣ, которую ему пришлось вести съ князьями Тверскимъ, Рязанскимъ и Литовскимъ, съумѣлъ привлечь къ союзу съ Москвой всѣхъ князей сѣверовосточной Руси.

Полагаемъ излишнимъ описывать подробно борьбу Дмитрія Іоанновича съ тверскимъ княземъ Михаиломъ, съ рязанцами и новгородскими выходцами. Скажемъ только, что князь Михаилъ вступилъ въ союзъ съ своимъ шуриномъ, Ольгердомъ, княземъ

Литовскимъ и, вмѣстѣ съ нимъ, три раза подступалъ къ Москвѣ, но безуспѣшно. Простоявъ три дня подъ Москвой, союзники каждый разъ возвращались домой, видя что Москвы не устрашили, а взять ее не надѣялись. То было въ 1368, 1370 и 1372 гг. Въ четвертый разъ кн. Михаилъ Тверской, уже одинъ, безъ кн. Ольгерда, намѣревался воевать съ Москвою. Но кн. Дмитрій Іоанновичъ, на этотъ разъ, самъ двинулся къ Твери, обложилъ ее съ обоихъ береговъ Волги, и цѣлый мѣсяцъ держалъ городъ въ блокадѣ. Городъ заставилъ кн. Михаила покориться и признать главенство Москвы. Все это имѣетъ значеніе по отношенію къ политикѣ; военнаго же значенія не имѣетъ, почему и не описывается въ этомъ направленіи.

Еще меньшаго вниманія заслуживаетъ борьба Москвы съ рязанскимъ княземъ Олегомъ: разбитый въ 1371 г. при Скорнищево, князь Олегъ Ивановичъ бѣжалъ, и рязанцы подчинились Москвѣ.

Какъ характерную особенность, отмѣтимъ здѣсь только тотъ фактъ, что рязанцы, кромѣ обыкновеннаго оружія, имѣли у себя веревочные и кожаные арканы, которыми степные жители ловятъ изъ табуна коней, накидывая имъ арканную петлю на шею.

Этими арканами рязанцы хотѣли ловить москвичей; но полное ихъ пораженіе показало всю непрактичность аркановъ, какъ боеваго оружія.

Что касается до новгородскихъ молодыхъ дворянчиковъ, или ушкуйниковъ, то эти вольные выходцы, на своихъ ушкуяхъ, спускались по Волгѣ и въ 1366 г. разграбили Нижній-Новгородъ. Затѣмъ въ 1375 г. Кострому и вторично Нижній-Новгородъ, потомъ дошли до Астрахани, гдѣ и погибли всѣ, въ числѣ 2.000 челов.

Съ 1373 года уже начались столкновенія кн. Дмитрія съ татарами. Въ 1375 году соединенныя суздальскія и московскія силы, подъ начальствомъ сыновей князя Нижегородскаго и московскаго служилаго князя Дмитрія Михайловича Волынскаго - Боброка, предпринимаютъ зимній походъ въ Камскую Болгарію, гдѣ образовалось независимое Казанское ханство. Русскія войска осадили Казань, опустошили ея окрестности и принудили хана Асана просить мира, уплатить большой окупъ и допустить въ Казань русскихъ таможенныхъ сборщиковъ.

Въ 1377 году татары, подъ предводительствомъ царевича Арапши, вторглись въ предѣлы Нижегородскаго княжества. Дмитрій Іоанновичъ немедленно двинулся на помощь, но, не получая никакихъ извѣстій объ Арапшѣ, вскорѣ вернулся изъ Нижняго въ Москву, оставивъ большую часть своихъ войскъ въ распоряженіи Нижегородскаго князя.

Соединенныя суздальско-нижегородскія и московскія силы двинулись разыскивать татаръ и, въ концѣ іюля, перешли черезъ рѣку Пьяну (притокъ Суры) *). Движенія русскихъ войскъ производились съ крайнею безпечностью: вооруженіе было сложено въ повозки и ратники расхаживали въ охабняхъ и сарафанахъ. Пьянство приняло громадные размѣры; бояре и воеводы потѣшались пирами и занимались охотой.

„Кто можетъ противу насъ стати?“—говорило пьяное воинство, проникнутое презрѣніемъ къ врагу, который, изъ лукавства, дѣлалъ видъ что боится принять битву.

Между тѣмъ Арапша **), проведенный скрытыми путями мордовскими старшинами, 2-го августа, раздѣливъ свои силы на пять

*) См. карту № 2. Р. Пьяна, Ардатов. уѣзда, Нижегор. губ.

**) Арабъ-шахъ—малый тѣломъ, но искусный воинъ.

колоннъ, съ разныхъ сторонъ атаковалъ русскихъ. Застигнутые врасплохъ, русскіе были разбиты на-голову, а вслѣдъ затѣмъ Арапша взялъ и разграбилъ Нижній Новгородъ.

Лѣтомъ, слѣдующаго 1378 года татары, подъ начальствомъ мурзы Бегича, вторглись въ Рязанское княжество. Дмитрій Іоанновичъ поспѣшилъ на помощь Олегу Рязанскому. Вмѣстѣ они перешли Оку и встрѣтили татаръ на берегахъ рѣки Вожи *). Нѣсколько дней противники стояли неподвижно въ виду другъ друга; наконецъ, 11 августа, татары перешли рѣку и атаковали Дмитрія. Встрѣченные контръ-атакою русскихъ: съ фронта — самимъ великимъ княземъ съ большимъ полкомъ, а съ фланговъ — княземъ Даніиломъ Пронскимъ и московскимъ окольничимъ Тимоѳеемъ Вельяминовымъ, татары были опрокинуты и бѣжали.

Вожская побѣда не могла остаться безъ возмездія со стороны татаръ, и, дѣйствительно, Мамай выместилъ свою злобу на Рязанскомъ княжествѣ, значительная часть котораго подверглась разоренію. Но для войны съ сильнымъ Московскимъ княземъ Мамай сталъ дѣлать болѣе серьезныя приготовленія. Собравъ силы подвластныхъ ему татаръ и половцевъ, Мамай нанялъ бесерменъ, армянъ, черкесъ, буртасъ и фряговъ (генуэзцевъ). Кромѣ того, онъ заключилъ союзы съ литовскимъ великимъ княземъ Ягелломъ Ольгердовичемъ и княземъ Рязанскимъ Олегомъ.

Князь Олегъ, изъ личныхъ разсчетовъ, имѣлъ низость измѣнить общему русскому дѣлу въ такой моментъ, когда рѣшалась судьба цѣлой Россіи. Принужденный, какъ мы видѣли, Москвою смириться, Олегъ Рязанскій только затаилъ свою злобу, но не прекратилъ ее. Вступивъ въ сношенія съ татарами и зная, съ какими громадными силами предпринимаютъ они новое нашествіе на Русь, зная, что Мамай вполнѣ увѣренъ въ побѣдѣ, такъ что запретилъ даже въ ордѣ обрабатывать поля, говоря, что для всѣхъ достанетъ русскаго хлѣба, — кн. Олегъ зналъ также, что Мамай хочетъ всѣхъ русскихъ князей уничтожить и владѣнія ихъ подчинить своимъ баскакамъ. Измѣной русскому дѣлу кн. Олегъ надѣялся остаться, быть можетъ, единственнымъ княземъ на Руси. Къ тому же, онъ предлагалъ кн. Ягелло Литовскому, раздѣлить съ нимъ всѣ владѣнія Руси.

Измѣна кн. Рязанскаго сильно взволновала всѣхъ остальныхъ русскихъ князей, но за то еще болѣе воодушевила ихъ энергію и готовность идти на встрѣчу грозному врагу.

Въ іюнѣ 1380 года началось—медленное впрочемъ—движеніе главныхъ силъ татаръ къ предѣламъ Руси, на соединеніе съ литовцами и рязанцами. Днемъ соединенія былъ назначенъ Семеновъ день, то-есть 1 сентября.

Олегъ, ведшій переговоры о союзѣ съ Мамаемъ черезъ боярина Епифана Карѣева, въ то же время, чтобы отклонить подозрѣніе, увѣдомлялъ Дмитрія о намѣреніяхъ Мамая и его приближеніи къ устьямъ Воронежа.

*) Правый притокъ р. Оки, верстахъ въ 15 выше Рязани.—*Ред.*

При первыхъ же извѣстіяхъ объ угрожающей опасности, Дмитрій Іоанновичъ сталъ энергично готовиться къ борьбѣ, собирая въ Москву ратныхъ людей и приглашая на помощь сосѣднихъ князей.

Между тѣмъ, отъ Мамая прибыли послы съ требованіемъ уплаты дани въ прежнихъ размѣрахъ и подчиненія ханамъ, какъ это было при Узбекѣ. Дмитрій собралъ на совѣтъ бояръ, подручныхъ князей и высшее духовенство, которое совѣтовало исполнить требованія хана. Дмитрій, уступая этимъ совѣтамъ, одарилъ татарскихъ пословъ и, отпустивъ ихъ домой, самъ отправилъ къ Мамаю посломъ Захарія Тютчева, для веденія переговоровъ о мирѣ. Военныя приготовленія, однако, не прекращались; но они еще далеко не были окончены, какъ прибывшій отъ Тютчева гонецъ привезъ извѣстіе, что Мамай двигается къ Московскому княжеству и что Олегъ Рязанскій уже вступилъ въ союзъ съ ханомъ.

Посовѣтовавшись со своими приближенными, Дмитрій Іоанновичъ принялъ рѣшеніе дѣйствовать наступательно и, двинувшись на встрѣчу Мамаю, разбить его, не допустивъ въ Московскіе предѣлы, и ранѣе соединенія татаръ съ Ягелломъ и Олегомъ.

Планъ Дмитрія можетъ быть признанъ образцовымъ, какъ вполнѣ отвѣчающій обстановкѣ. Наибольшую опасность для Руси, несомнѣнно, представляла армія Мамая; эта опасность, разумѣется, должна была возрости, еслибы литовцы и рязанцы успѣли къ ней присоединиться. Ясно, что именно на Мамая надо было направить первый ударъ, и притомъ нанести его ранѣе соединенія съ союзниками.

Во исполненіе принятаго рѣшенія, Дмитрій немедленно отправилъ гонцовъ ко всѣмъ еще не успѣвшимъ прибыть князьямъ и воеводамъ, чтобъ они шли не на Москву, а спѣшили бы къ Коломнѣ, назначенной общимъ сборнымъ пунктомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, тотчасъ же, былъ отправленъ сильный развѣдывательный отрядъ, подъ начальствомъ Родіона Ржевскаго, Андрея Волосатаго и Василія Тупика.

Не дождавшись, однако, отъ этихъ развѣдчиковъ нетерпѣливо ожидаемыхъ извѣстій, великій князь отправилъ вторую „сторожу“, подъ начальствомъ Климента Поленина, Ивана Свяслова и Григорія Судока. Послѣдніе встрѣтили на дорогѣ Василія Тупика, везущаго извѣстіе, что ханъ идетъ со всею ордой, но не спѣшитъ, выжидая союзниковъ и окончанія уборки на Руси полей, дабы воспользоваться готовыми запасами.

Мамай медлилъ наступленіемъ, имѣя въ виду открыть свои дѣйствія не ранѣе соединенія съ союзниками. Мѣстомъ этого соединенія назначались берега Оки, куда кн. Ягелло и кн. Олегъ должны были прибыть къ Семенову дню, т.-е. къ 1-му сентября.

Тогда Дмитрій приказалъ ускорить движеніе войскъ къ Коломнѣ, назначивъ Успеньевъ день, то-есть 15 августа, срокомъ сбора. Самъ великій князь 18-го числа прибылъ въ монастырь Св. Троицы за бла-

гословеніемъ игумна Сергія, а 20-го, утромъ, выступилъ въ Коломну съ московскою ратью.

Всѣ союзные русскіе князья шли теперь на встрѣчу грознаго врага, воодушевленные одною общею мыслью — отстоять родную землю и религію, которую, какъ говорили, Мамай также хотѣлъ уничтожить, введя на всей Руси мусульманство. Всѣ отреклись отъ побужденій личнаго характера и всѣ безусловно признали главенство кн. Дмитрія Московскаго, которому игуменъ Сергій, благословляя его въ Св.-Троицкой Лаврѣ, предсказалъ побѣду: „Господь будетъ тебѣ помощникъ и заступникъ. Онъ побѣдитъ и низложитъ твоихъ супостатовъ и прославитъ тебя".

Громадное значеніе, какое имѣлъ игуменъ Сергій на современниковъ, придало словамъ его силу пророчества и много способствовало поднятію духа въ русской рати. Вмѣстѣ съ тѣмъ воинство видѣло теперь въ кн. Дмитріи Ивановичѣ избранника, которому Провидѣніе даруетъ побѣду, что много способствовало ея одержанію, обусловливая единство дѣйствій и дисциплину.

Движеніе русскихъ войскъ изъ Москвы къ Коломнѣ, было выполнено тремя колоннами: правая—самого великаго князя—на дер. Котлы; средняя—князя Владиміра Андреевича—Болвановскою дорогой и лѣвая—князей Бѣлозерскихъ — на Брашево (Бронницы). 24 августа великій князь прибылъ въ Коломну и 25-го произвелъ на Дѣвичьемъ полѣ смотръ всему собранному войску; послѣ чего раздѣлилъ его на обычные четыре походные полка и назначилъ начальниковъ.

Передовой полкъ былъ порученъ князьямъ Дмитрію и Владиміру Всеволодовичамъ (Друцкіе).

Большой полкъ взялъ на себя самъ великій князь, и при немъ находились князья Бѣлозерскіе. Большой полкъ составляли дружины: Московская, Коломенская (тысяцкій Николай Васильевичъ Вельяминовъ), Владимірская (князь Романъ Прозоровскій), Юрьевская (бояринъ Тимоѳей Валуевичъ), Костромская (Иванъ Родіоновичъ Квашня) и Переяславская (Андрей Серкизовичъ).

Полкъ правой руки—подъ начальствомъ князя Владиміра Андреевича Серпуховскаго, и при немъ князья Ярославскіе. Кромѣ того, подъ нимъ воеводами были: бояре Данило Бѣлоусъ и Константинъ Кононовичъ; князья Ѳедоръ Елецкій, Юрій Мещерскій и Андрей Муромскій.

Полкъ лѣвой руки былъ ввѣренъ князю Глѣбу Брянскому.

Числительность войскъ простиралась до *ста пятидесяти тысячъ* человѣкъ, несмотря на то, что тутъ были войска только изъ владѣній Московскаго великаго князя и подручныхъ ему мелкихъ князей. Ни одинъ изъ крупныхъ, независимыхъ князей Руси не принялъ участія въ ополченіи Дмитрія.

26-го августа войска выступили изъ Коломны и двинулись лѣвымъ берегомъ р. Оки къ устью Лопасни *). Этимъ кружнымъ движеніемъ избѣгалась необходимость проходить по серединѣ враждебнаго Дмитрію Рязанскаго княжества.

*) Лѣвый притокъ р. Оки. Верстахъ въ 50 выше Коломны. *Ред.*

У Лопасни войска пріостановились. Здѣсь присоединился къ нимъ воевода Тимоѳей Васильевичъ Вельяминовъ, приведшій тѣхъ ратниковъ, которые опоздали прибытіемъ въ Москву.

Получивъ здѣсь же какія-то новыя свѣдѣнія о непріятелѣ, Дмитрій переправилъ войска черезъ Оку и, ускоривъ движеніе, направился на югъ къ соединенію Дона и Непрядвы *).

Для охраненія войска, наблюденія за непріятелемъ и собранія свѣдѣній, былъ высланъ впередъ отрядъ отборной конницы, подъ начальствомъ боярина Семена Мелика.

Движеніе выполнено было настолько быстро, что пѣхота сильно отстала отъ конницы и великій князь, дойдя до Дона, долженъ былъ остановиться, выжидая ея присоединенія. На пути отъ Оки къ Дону къ арміи присоединились еще со своими дружинами два Ольгердовича—Андрей Полоцкій и Дмитрій Корибутъ-Брянскій; они оба въ это время были въ ссорѣ съ братомъ Ягелломъ. По нѣкоторымъ источникамъ, они привели съ собою около сорока тысячъ человѣкъ **). Около 7-го сентября подтянулась пѣхота и въ это же время къ великому князю привели отъ боярина Мелика плѣннаго татарина, какъ оказалось, принадлежавшаго къ свитѣ самого Мамая.

Этотъ татаринъ показалъ, что Мамай находится за Дономъ у Кузьминой гати (приблизительно въ трехъ переходахъ) ***) и подвигается впередъ медленно, поджидая союзниковъ. Черезъ три дня, однако, можно было ожидать уже перехода Мамая черезъ Донъ. О близости же войскъ Дмитрія Мамай ничего не зналъ.

Съ другой стороны было получено извѣстіе, что Ягелло находится у Одоева, на берегахъ р. Упы; гдѣ же былъ Олегъ Рязанскій, было неизвѣстно.

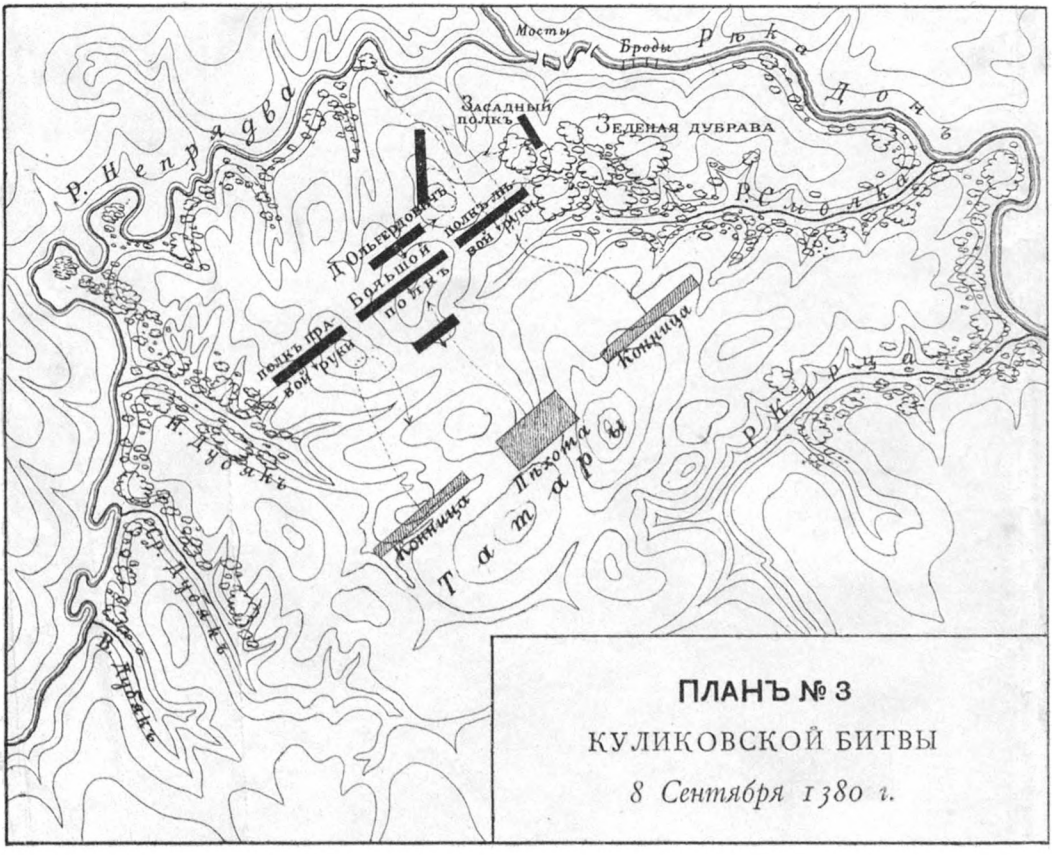
Приходилось рѣшить вопросъ, гдѣ дать сраженіе: перейти ли черезъ Донъ и атаковать татаръ, имѣя въ тылу рѣки Донъ и Непрядву, или же оставаться на лѣвомъ берегу Дона, имѣя его передъ фронтомъ? На собранномъ великимъ княземъ военномъ совѣтѣ мнѣнія раздѣлились: болѣе осторожные считали опаснымъ переходить рѣку и сражаться, имѣя трудный путь отступленія и рискуя, что въ тылъ выйдутъ рязанцы и литва; обратнаго мнѣнія были Ольгердовичи, которые убѣдительно требовали наступленія.

Они доказывали, что оставаться на лѣвомъ берегу Дона, значитъ показать свое малодушіе, что можетъ сдѣлать татаръ еще отважнѣе; перейдя же на правый берегъ

*) Тульской губ.; беретъ начало въ Богородицкомъ уѣздѣ. Впадаетъ съ правой стороны въ Донъ, верстахъ въ 12 ниже Епифани и въ 60 выше Данкова. Длина 50 верстъ, ширина 10 сам., не глубока, дно илистое. *Ред.*

**) Архангелогородскій лѣтописецъ.

***) Вѣроятно у села Казино, на берегу Волги, гдѣ онъ пересѣкается дорогою изъ Липецка въ Елецъ. *Ред.*



ПЛАНЪ № 3

КУЛИКОВСКОЙ БИТВЫ

8 Сентября 1380 г.

Дона мы докажемъ, что не боимся врага и идемъ ему на встрѣчу. Къ тому же, имѣя у себя въ тылу двѣ рѣки, армія будетъ знать что отступленіе для нея уже невозможно, а потому ей остается или побѣдить или „лечь костьми“. Рѣшившись же переправляться, слѣдуетъ немедленно приступить къ дѣлу, чтобы окончить переправу до прибытія татаръ, которые иначе могутъ помѣшать переправѣ.—„Не въ силѣ Богъ, но въ правдѣ“, говорили Ольгердовичи.

Дмитрій Іоанновичъ рѣшительно принялъ сторону Ольгердовичей и рѣшилъ вопросъ слѣдующими достопамятными словами:—„Любезные друзья и братья! Вѣдайте, что я пришелъ сюда не затѣмъ, чтобы на Олега смотрѣть или рѣку Донъ стеречь, но дабы Русскую землю отъ плѣненія и разоренія избавить или голову свою за всѣхъ положить; честная смерть лучше плохаго живота. Лучше было бы мнѣ нейти противъ безбожныхъ татаръ, нежели, пришедъ и ничтоже сотворивъ, воротиться вспять. Нынѣ же пойдемъ за Донъ и тамъ или побѣдимъ и все отъ гибели сохранимъ, или сложимъ свои головы за святыя церкви, за православную вѣру и за братью нашихъ христіанъ“.

7-го сентября, въ пятницу, приступили къ постройкѣ мостовъ для пѣхоты, а для конницы были найдены броды.

Мосты состояли изъ скрѣпы срубленныхъ деревьевъ и хвороста. Донъ, на мѣстѣ переправы не широкъ и не глубокъ, что облегчало переходъ его; кавалерія же перешла по бродамъ.

Къ ночи русскія войска окончили переправу и расположились при впаденіи Непрядвы въ Донъ. Во время переправы прискакалъ со своей сторожей бояринъ Меликъ и донесъ, что Мамай уже на Гусиномъ броду, знаетъ о приходѣ Дмитрія и спѣшитъ къ переправамъ *). Но татары опоздали,—они прибыли только въ ночь съ 7-го на 8-е и остановились за рѣчкою Смолкою **), прикрывая свой правый флангъ этою рѣчкою. Мѣстность, на которой расположились русская рать и татарскія полчища, носила названіе *Куликова поля* и на самомъ возвышенномъ пунктѣ его, называемомъ Краснымъ холмомъ, былъ поставленъ шатеръ Мамая. Удаленіе армій противниковъ другъ отъ друга было не болѣе 7—8 верстъ.

7-го же сентября Дмитрій получилъ извѣстіе, что Ягелло спѣшитъ отъ Одоева, и на другой день, т.-е. во время Куликовской битвы, онъ дѣйствительно былъ уже всего въ одномъ переходѣ.

Позиція, на которой остановилась армія Дмитрія послѣ переправы, не была выбрана, собственно, для боя, а на ней приходилось сражаться, такъ какъ татарская рать была уже въ нѣсколькихъ верстахъ, а переправа только что была окончена. Эта

---

*) Относительно Гусинаго брода существуетъ недоразумѣніе: есть озеро *Гусь*, верстахъ въ 15 выше Косимова на р. Окѣ. Озеро образовалось отъ запруды трехъ рѣчекъ: Гусь, Колпи и Нормы; запруда имѣетъ 230 саж. длины и наз. Гусиною гатью; но она находится верстъ на 200 въ сторонѣ отъ пути, по которому слѣдовалъ Мамай къ Непрядвѣ. Другого же Гусинаго брода на Окѣ нѣтъ.

**) См. планъ № 3. *Ред.*

случайная позиція мало отвѣчала условіямъ обстановки. Дѣйствительно, она представляла, верстъ на 10 вокругъ, открытую равнину, на которой непріятель, главныя силы котораго состояли изъ конницы, могъ развернуть свою армію и дѣйствовать удобно на открытой мѣстности. Но, съ другой стороны, кн. Дмитрій съумѣлъ воспользоваться всѣмъ, что представляла ему мѣстность. Въ этомъ отношеніи онъ, прежде всего, осмотрѣвши поле предстоявшей битвы, рѣшился расположить свою армію такъ, чтобы прикрыть ея фланги, а передъ фронтомъ оставить наименьшее пространство, на которомъ непріятель не могъ бы развернуть всѣхъ своихъ силъ и воспользоваться численнымъ превосходствомъ.

Утромъ 8 сентября, въ густой туманъ, совершенно скрывавшій движенія войскъ, армія Дмитрія Іоанновича продвинулась впередъ и заняла позицію, примкнувъ правымъ флангомъ къ оврагу рѣчки Нижняго Дубика, а лѣвый прикрыла р. Смолкою.

Въ 9 часу утра туманъ сталъ разсѣеваться и, вскорѣ, русскія войска построили слѣдующій боевой порядокъ:

Полкъ правой руки, подъ начальствомъ Андрея Ольгердовича, примкнулъ къ оврагу Нижняго Дубика. Полкъ лѣвой руки — князей Бѣлозерскихъ—прикрывался рѣкою Смолкою. Въ центрѣ — большой полкъ, которымъ подъ великимъ княземъ начальствовали: Глѣбъ Брянскій и великій московскій бояринъ Тимоѳей Васильевичъ Вельяминовъ. Впереди боевой линіи поставленъ былъ передовой полкъ, состоявшій изъ большей части пѣхоты, дружины Николая Васильевича Вельяминова и сторожеваго отряда Семена Мелика; командовали этимъ полкомъ братья Всеволодовичи. Кромѣ того, въ частномъ резервѣ, за лѣвымъ флангомъ большого полка, былъ поставленъ особый отрядъ Дмитрія Ольгердовича. Наконецъ, засадный полкъ, или главный резервъ, изъ отборной конницы, подъ начальствомъ князя Владиміра Андреевича и опытнаго воина, выходца изъ Волыни, боярина Дмитрія Михайловича Боброка, расположился за лѣвымъ флангомъ всего боеваго порядка, укрываясь густою зеленою дубравою.

Это расположеніе засаднаго полка было чрезвычайно удачно, такъ какъ, служа резервомъ для боеваго порядка, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ прикрывалъ переправы, устроенныя черезъ Донъ, т.-е. обезпечивалъ путь отступленія.

Положеніе мостовъ и бродовъ на р. Донъ находилось, такимъ образомъ, на лѣвомъ флангѣ арміи, отдѣльно отъ ея общаго расположенія, и не прикрывалось ею. Кн. Дмитрій угадалъ, что непріятель поведетъ главный ударъ на его лѣвый флангъ, чтобы отрѣзать русскія войска отъ переправы и сбросить ихъ въ р. Непрядву; а потомъ перейти ее и вогнать русскихъ въ Донъ, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ не было ни бродовъ, ни мостовъ, что привело бы ее къ конечному уничтоженію. Поэтому-то назначеніе засаднаго полка, именно на лѣвый флангъ, доказываетъ боевую способность кн. Дмитрія. Назначеніе это было тѣмъ болѣе удачно, что находившаяся здѣсь отдѣльная роща позволяла скрыть отъ непріятеля расположеніе засаднаго полка и выдвинуть его только въ критическую минуту, для неожиданнаго нападенія.

По окончаніи построенія, великій князь объѣхалъ ряды своей рати, ободряя воиновъ; послѣ чего Дмитрій слѣзъ съ коня, снялъ съ себя ве-

ликокняжескую одежду, надѣлъ ее на своего любимца боярина Михайлу Бренка, приказалъ ему сѣсть на своего коня и возить передъ нимъ велико-княжескій стягъ. Самъ же Дмитрій надѣлъ простой плащъ и, сѣвъ на другаго коня, поѣхалъ въ передовой полкъ.

Около одиннадцати часовъ утра, войска обѣихъ противныхъ сторонъ двинулись на встрѣчу другъ другу. Русская рать, съ ея свѣтлыми, блестящими доспѣхами и червленными (красными) щитами, такъ и сіяла на солнцѣ; татары же походили издали на темную тучу, съ ихъ темными, тростниковыми щитами и сѣрыми кафтанами.

Въ серединѣ передовой части татарскаго боеваго порядка также находилась пѣхота,— вѣроятно, наемная генуэзская. Она двигалась въ густой, глубокой колоннѣ. Сойдясь на довольно уже близкое разстояніе, обѣ стороны остановились, и со стороны татаръ выѣхалъ впередъ громаднаго роста воинъ, по имени Чели-бей, чтобы, по обычаю, единоборствомъ завязать дѣло. Противъ него выступилъ инокъ Пересвѣтъ, взятый Дмитріемъ изъ обители Св. Троицы. Съ копьемъ въ рукахъ, Пересвѣтъ поскакалъ на татарина, который также понесся ему на встрѣчу. Столкнувшіеся кони противниковъ упали на колѣни, а сами ратники съ одного удара пали оба мертвыми. Это послужило сигналомъ къ общему бою.

Намѣреваясь направить главный ударъ на нашъ лѣвый флангъ, татары, съ цѣлью привлечь отъ него часть войскъ къ центру, повели первоначально атаку на нашъ центръ, и именно на стоявшій впереди него передовой полкъ, при которомъ находился и кн. Дмитрій. Начался страшно-ожесточенный рукопашный бой. „Копья ломались какъ солома; стрѣлы падали дождемъ, пыль закрывала лучи солнца, мечи сверкали молніями, а люди падали какъ трава подъ косою. Кровь лилась какъ вода и текла ручьями". Такъ описываетъ лѣтописецъ ужасы боя нашего полка, который, наконецъ, былъ опрокинутъ или, вѣрнѣе, почти уничтоженъ. Затѣмъ татары бросились, съ такою же стремительностью, на большой полкъ, стоявшій въ центрѣ позиціи.

Усилія татаръ прорвать нашъ центръ увѣнчались было нѣкоторымъ успѣхомъ,—они опрокинули Московскую дружину, убили боярина Бренка и уже подрубили велико-княжескій стягъ,— но Глѣбъ Брянскій и Тимоѳей Вельяминовъ успѣли снова привести въ порядокъ большой полкъ и удержаться на мѣстѣ.

Въ это время полкъ правой руки, Андрея Ольгердовича, отразивъ татаръ, могъ бы перейти въ наступленіе; но это отрывало бы его отъ большаго полка, вслѣдствіе чего онъ благоразумно воздержался отъ движенія.

Отступивъ отъ центра, татары выдвинули подкрѣпленія, перешли, вбродъ, верховье р. Смолки и бросились на наше лѣвое крыло, которое удерживалось, пока не были убиты князья Бѣлозерскіе. Послѣ этого лѣвый полкъ сталъ отступать и большому полку угрожала серьезная опасность — быть атакованнымъ во флангъ и тылъ. Но эта опасность была отклонена тѣмъ, что частный резервъ Дмитрія Ольгердовича, перемѣнивъ фронтъ налѣво, прикрылъ флангъ большого полка. Тѣмъ не

менѣе, опрокинувъ наше лѣвое крыло, татары бросились преслѣдовать его, причемъ, въ свою очередь, подставили свой флангъ и тылъ ударамъ засаднаго полка, скрытаго за дубравой.

Благодаря опытности и хладнокровію боярина Дмитрія Боброка, все время сдерживавшаго пылкаго, молодого князя Владиміра Андреевича, засадный полкъ, стоявшій, въ теченіе двухъ часовъ продолжавшейся уже битвы, въ полномъ бездѣйствіи, несмотря на то что всѣ рвались въ бой выручать товарищей, только теперь былъ выдвинутъ изъ засады, въ самый критическій моментъ боя. Гоня нашъ лѣвый флангъ, татары поровнялись съ зеленою дубравою. Тогда стремительно атаковала эта отборная дружина флангъ и тылъ татаръ, которые, ошеломленные неожиданностью, были вскорѣ опрокинуты и разсѣяны.

Съ появленіемъ засаднаго полка и вслѣдъ за его успѣшной атакой, и большой полкъ перешелъ въ наступленіе. Тщетны были усилія татаръ удержаться,—отступать имъ пришлось на всемъ фронтѣ. На спускахъ Краснаго холма, съ котораго Мамай, окруженный мурзами и женами, смотрѣлъ на бой, татары, подкрѣпленные послѣдними своими резервами, пытались было пріостановиться; но, охватываемые со всѣхъ сторонъ, обратились наконецъ въ совершенное бѣгство. Однимъ изъ первыхъ ускакалъ Мамай со своими приближенными, бросивъ весь свой станъ. Преслѣдованіе татаръ было доведено до р. Красной Мечи, т.-е. на протяженіи почти сорока верстъ.

Собственно бой окончился около трехъ часовъ пополудни, но нигдѣ не было видно великаго князя. Братъ и другъ Дмитрія, князь Владиміръ Андреевичъ, разослалъ людей во всѣ стороны разыскивать великаго князя. Наконецъ, послѣ долгихъ поисковъ, онъ былъ найденъ лежащимъ безъ чувствъ подъ деревомъ; шлемъ и латы его изсѣчены, но самъ онъ невредимъ.

На другой день, въ воскресенье, Дмитрій Донской объѣхалъ Куликово поле, усѣянное трупами своихъ и враговъ. Потери обѣихъ сторонъ были огромныя: съ нашей стороны однихъ князей было убито пятнадцать человѣкъ; когда же Дмитрій, простоявшій близъ поля битвы 8 дней, приказалъ сосчитать оставшуюся рать, то, по словамъ лѣтописи, оказалось на-лицо всего сорокъ тысячъ. Слѣдовательно, въ бою пало до 150.000 человѣкъ.

Ягелло, узнавъ о побѣдѣ Дмитрія Іоанновича, отступилъ обратно въ Литву, а объ Олегѣ Рязанскомъ и не слышно было ничего.

Обремененныя огромною добычею, возвратились затѣмъ русскія войска домой, и 28 сентября Дмитрій Донской торжественно вступилъ въ Москву.

Описанныя событія составляютъ безспорно одну изъ самыхъ блестящихъ страницъ русской военной исторіи. Здѣсь снова сказывается та

мощь русскаго народа, которая въ такихъ широкихъ размѣрахъ проявлялась во времена славныхъ князей—Святослава, Владиміра I-го, Ярослава и Владиміра Мономаха. И теперь, русская рать, хотя и собранная далеко не со всей Руси и значительно уступавшая татарамъ въ числительности, но предводительствуемая талантливымъ и рѣшительнымъ Дмитріемъ Донскимъ, завершаетъ блистательно на Куликовомъ полѣ, смѣлое предпріятіе великаго князя.

Съ военной точки зрѣнія, этотъ походъ противъ Мамая и Куликовское сраженіе, должны быть признаны образцовыми и по замыслу, и по исполненію. Послѣдствія же ихъ, хотя и не привели къ немедленному и совершенному избавленію отъ татарскаго ига, но, тѣмъ не менѣе, значеніе Орды было настолько подорвано въ глазахъ русскаго народа, что окончательное освобожденіе Руси должно было послѣдовать въ недалекомъ, сравнительно, будущемъ.

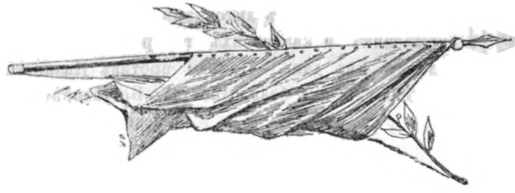
Но прежде еще чѣмъ наступило это счастливое время освобожденія Руси, ей, и тому же Дмитрію Донскому, пришлось снова испытать всѣ ужасы татарскаго погрома. Разбитый и горѣвшій жаждою мести, Мамай дѣятельно готовился къ новому походу на Русь. Но въ это время у него оказался новый опасный врагъ—ханъ Синей или Заяицкой орды, Тохтамышъ. Разбитый Тохтамышемъ на берегахъ Калки, Мамай бѣжалъ въ Крымъ, гдѣ былъ убитъ, и престоломъ Золотой орды овладѣлъ Тохтамышъ, немедленно потребовавшій отъ русскихъ князей возстановленія прежнихъ данническихъ отношеній. Не достигнувъ успѣха, Тохтамышъ рѣшился произвести нападеніе на Русь, но такъ, чтобы застать Дмитрія врасплохъ. Выполнить этотъ замыселъ ему удалось настолько, что узнавшій, наконецъ, о его движеніи Дмитрій, хотя и двинулся навстрѣчу къ Коломнѣ, но силы его были настолько слабы, что на бой съ врагомъ онъ не рѣшился и, черезъ Переяславль и Ростовъ, отступилъ къ Костромѣ.

Тохтамышъ подошелъ 23 августа 1381 года къ Москвѣ, которая къ этому времени составляла уже сильную крѣпость, благодаря возведеннымъ Дмитріемъ каменнымъ стѣнамъ. Обложивъ городъ, татары три дня сряду пытались овладѣть имъ приступомъ. Всѣ усилія ихъ были безуспѣшны: осажденные, всякій разъ, отражали ихъ—обливая кипяткомъ, сбрасывая каменья, поражая штурмующихъ изъ самострѣловъ, пороковъ и, впервые въ лѣтописяхъ упоминаемыми, *тюфяками* (ружьями) и *пушками*.

На четвертый день Тохтамышъ выслалъ парламентеровъ, съ цѣлью убѣдить москвичей впустить въ городъ хана, обѣщающаго не сдѣлать никакого зла жителямъ. Благодаря крестному цѣлованію за Тохтамыша находившихся у него въ плѣну Суздальскихъ князей, защитники Москвы повѣрили, и князь Остей, начальствовавшій въ городѣ, отворилъ ворота. Немедленно татары ворвались въ городъ и началось безпощадное избіеніе, послѣ чего городъ былъ зажженъ. Овладѣвъ Москвою, Тохтамышъ

разослалъ повсюду свои отряды (загоны) грабить Московскія владѣнія. Одинъ изъ этихъ загоновъ наткнулся, у Волоколамска, на стоявшаго тутъ князя Владиміра Андреевича, и былъ имъ разбитъ. Узнавъ объ этомъ и боясь появленія великаго князя, ханъ собралъ свои разбросанныя войска и немедленно сталъ уходить во-свояси. О силѣ погрома можно судить по тому, что одна Москва съ ея окрестностями, потеряла отъ 50 до 60 тысячъ своего населенія.

Незначительность сопротивленія, оказаннаго на этотъ разъ Русью и Дмитріемъ Донскимъ, объясняется тѣмъ, что страна далеко еще не успѣла оправиться послѣ страшнаго напряженія силъ, потребовавшихся въ предшествовавшемъ году. По словамъ лѣтописей, въ это время „Русь оскудѣла ратными людьми“.



ГЛАВА VIII.

Собиратели Руси: Василій I, Василій II Темный, Іоаннъ III, Василій III.

Татарское нашествіе Эдигея на Москву въ 1408 году.—Прекращеніе междоусобія русскихъ князей. — Походы Іоанна III противъ Великаго Новгорода.—Битва на р. Шелони 13 іюля 1471 года.—Новгородъ подчиняется Іоанну III въ 1479, а княжество Тверское въ 1486 г.—Рязанцы и вятчане также подчиняются Іоанну III въ 1489 г.—Неудачный походъ къ Москвѣ хана Ахмеда въ 1480 г.—Пораженіе литовцевъ на р. Ведрошѣ въ 1500 г. іюня 14.—Возрастаніе могущества Россіи при Іоаннѣ III.—Покореніе Василіемъ III Смоленска въ 1514 г. — Бой у Орши 8 сентября того же года и пораженіе русскихъ литовцами. — Нашествіе на Россію въ 1521 г. крымскихъ и казанскихъ татаръ. — Крымцы вынуждаютъ Москву платить имъ дань.—Походы противъ Казанскаго царства въ 1524 и 1530 г. и ихъ безплодность.—Вступленіе на престолъ Іоанна IV, Грознаго.

ичѣмъ выдающимся въ военномъ отношеніи не были ознаменованы княженія ближайшихъ наслѣдниковъ Дмитрія Донскаго, т.-е. его сына Василія I и внука Василія Темнаго. Послѣ нашествія Тохтамыша на Москву татары возвратились въ Золотую орду, и Русь была спокойна до 1395 года.

При Василіи I Руси угрожала было въ этомъ году серьезная опасность со стороны Тамерлана, хана Джагатайскаго, который, разгромивъ Тохтамыша и его Золотую орду, двинулся было къ предѣламъ Руси. Но, достигнувъ Ельца, Тамерланъ неожиданно повернулъ назадъ.

Послѣ этого цѣлыхъ 12 лѣтъ татары не были въ состояніи предпринять противъ Руси что-либо серьезное. Только въ 1408 году, захватившій въ ордѣ всю власть, мурза Эдигей, предпринялъ набѣгъ на Московское княжество. Обманувъ великаго князя увѣреніями, что онъ идетъ противъ литовскаго великаго князя Витовта, Эдигей успѣлъ внезапно, появиться подъ Москвою. Овладѣть ею ему однако не удалось, такъ какъ у него не было даже ни пушекъ, ни стѣнобитныхъ машинъ. Намѣреніе его вынудить городъ голодомъ къ сдачѣ также не было выполнено, такъ какъ, простоявъ безполезно цѣлый мѣсяцъ, Эдигей получилъ извѣстіе о волненіяхъ въ ордѣ, требующихъ его возвращенія,—онъ снялъ обло-

женіе и удалился, взявъ, однако, обманомъ, съ Москвы окупъ въ 3.000 рублей.

Княженіе Василія II Темнаго ознаменовано было возникновеніемъ, послѣднихъ уже на Руси, междуусобій въ великокняжеской семьѣ за обладаніе престоломъ. Соперниками Василія II явились сначала его дядя Юрій Дмитріевичъ, а впослѣдствіи сыновья послѣдняго—Василій Косой и Дмитрій Шемяка.

Въ концѣ концовъ, Василій II вышелъ изъ этой борьбы побѣдителемъ, хотя и ослѣпленный Шемякою, почему и получилъ прозваніе Темнаго. Съ этихъ поръ, въ Московскомъ великомъ княжествѣ окончательно устанавливается безспорное прямое наслѣдованіе престола—сыномъ послѣ отца, и междуусобія прекращаются.

Оба Василія неустанно, и притомъ успѣшно, трудились надъ объединеніемъ сѣверо-восточной Руси и, въ значительной мѣрѣ, подготовили и облегчили окончательное выполненіе этой великой задачи вступившему, въ 1462 году, на престолъ Іоанну III Васильевичу.

Этому великому князю, называемому въ нашей исторіи великимъ собирателемъ Руси, удалось присоединить къ своимъ владѣніямъ Великій Новгородъ съ его громадными областями.

Независимый отъ татаръ, Великій Новгородъ сохранялъ уже болѣе четырехъ съ половиною столѣтій почти полную независимость и отъ русскихъ великихъ князей. Съ замѣчательнымъ упорствомъ оберегалъ Новгородъ свою свободу отъ всѣхъ многократныхъ попытокъ поработить его—сперва Суздальскихъ, а затѣмъ Московскихъ великихъ князей. Положеніе его, однако, становилось со временемъ все труднѣе и труднѣе, въ виду все возраставшаго могущества его двухъ ближайшихъ сосѣдей: съ одной стороны—Москвы, а съ другой—Литвы. Оказавшись наконецъ слишкомъ слабымъ, чтобы собственными силами бороться съ Москвою, Новгородъ искалъ было помощи у Литвы; но это не помогло, и, въ концѣ концовъ, одолѣлъ Московскій великій князь.

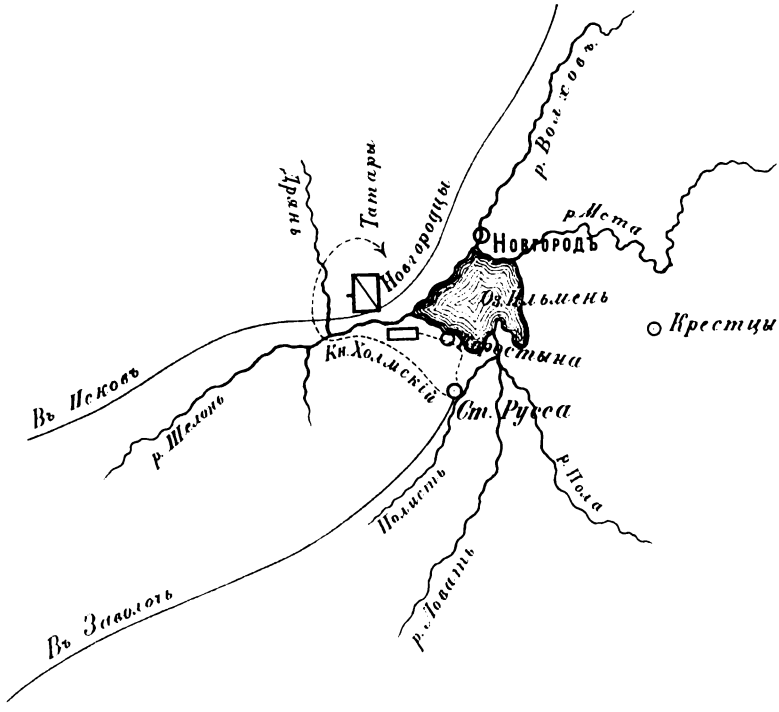
Іоаннъ III предпринималъ три похода, съ цѣлью покоренія Новгорода. Первый—въ 1471 году былъ начатъ вслѣдствіе того, что партія Борецкихъ, съ посадницею Марѳою во главѣ, настояла на признаніи княземъ Новгорода короля польскаго и великаго князя литовскаго Казиміра IV. Отправленное къ королю посольство заключило съ нимъ на этотъ счетъ договоръ.

Узнавъ объ этомъ, Іоаннъ III, сталъ готовиться къ войнѣ и, затѣмъ, не торопясь приступилъ къ военнымъ дѣйствіямъ. На собранной великой думѣ было рѣшено начать походъ немедленно, несмотря на лѣтнее время, въ которое болотистая, лѣсистая и пересѣченная мѣстность въ Новгородской области, представляла значительныя трудности для движенія.

Планъ №4.

Схема
Перваго похода Іоанна III.
на Новгородъ въ 1471 году.

(Масштабъ 50 вер. въ дюймѣ).



Въ концѣ мая 1471 года Іоаннъ Васильевичъ двинулъ свои войска по нѣсколькимъ направленіямъ *).

14-го іюля, на р. Шелони произошла битва, въ которой Новгородцы были разбиты кн. Холмскимъ. Сначала новгородцы стали было тѣснить москвичей, но Холмскій приказалъ направлять стрѣлы и копья въ лошадей непріятеля. Неопытные всадники, большею частью ремесленники, не умѣли справиться съ бѣсящимися лошадьми; ряды ихъ разстроились. Потери новгородцевъ въ этой Шелонской битвѣ простирались, по московскимъ источникамъ, до 12.000 убитыми и 2.000 плѣнными. Въ это самое время Іоаннъ находился въ Яжелбицахъ, откуда, получивъ извѣстіе о Шелонской побѣдѣ, двинулся къ Коростыню, а Холмскій разорилъ Новгородскія области до ихъ сѣверныхъ границъ.

Считаемъ нужнымъ описать подробнѣе этотъ походъ Іоанна III на Новгородъ, какъ наиболѣе замѣчательный въ военномъ отношеніи, сравнительно съ другими его походами.

Планъ похода, выработанный Іоанномъ III, былъ довольно сложенъ, и напоминалъ, бывшіе у всѣхъ въ памяти, походы татаръ, производимые въ южной Россіи и на самую Москву *). Предполагалось направить къ Новгороду московскія войска, въ видѣ

*) Планъ № 4.

облавы, съ трехъ сторонъ. Для этого боярин Борисъ Слѣпецъ и Тютчевъ, съ воеводой Василіемъ Образцомъ, были отправлены въ Вятку, съ тѣмъ чтобы, присоединивъ къ вятчанамъ еще ополченіе устюжанъ, двинуться съ ними къ западной Двинѣ, овладѣть Заволочьемъ и наступать на Новгородъ съ юга.

Путь отъ Вятки къ Заволочью, въ бассейнѣ западной Двины, былъ слишкомъ великъ, и потому онъ былъ предпринятъ въ концѣ мая 1471 г., значительно ранѣе движенія войскъ, которыя должны были выступить изъ Москвы къ Новгороду, для вступленія между собою во взаимную связь.

Выждавъ, когда вятскій и устюжскій отряды совершатъ часть своего пути, Іоаннъ III высылаетъ изъ Москвы, въ началѣ іюня, 10.000 отрядъ кн. Холмскаго, который долженъ былъ двинуться къ Старой Русѣ, соединиться, на р. Шелони, съ войсками псковитянъ, обѣщавшими Іоанну III свою помощь, и, совмѣстно съ ними, направиться къ Новгороду съ западной стороны. Вмѣстѣ съ тѣмъ, другой отрядъ, кн. Оболенскаго-Стриги, отправленъ изъ Москвы на Вышній Волочекъ, съ тѣмъ, чтобы слѣдовалъ далѣе внизъ по теченію р. Мсты и явился подъ Новгородъ съ восточной стороны. Самъ же Іоаннъ III, съ главными силами, выступилъ изъ Москвы только 20 іюня, направляясь къ южной части оз. Ильмень.

Изъ этого видно, до какой степени были разбросаны московскія воиска, раздѣленныя другъ отъ друга большими пространствами, и какъ трудно было согласить ихъ движенія, для того чтобы одновременно собрать ихъ подъ Новгородомъ. Къ счастью для москвитянъ, обстоятельства помогали ихъ успѣху. Во-первыхъ, лѣто выдалось чрезвычайно жаркое, что способствовало обмелѣнію рѣкъ и, въ особенности, просушкѣ болотъ и дорогъ по низменностямъ, которыми такъ изобилуютъ новгородскія земли. Это обстоятельство много способствовало переправамъ черезъ рѣки и, вообще, движеніямъ московскихъ войскъ, а слѣдовательно и выполненію плана похода. Но, главное, что содѣйствовало успѣху Іоанна III—это упадокъ дисциплины у новгородцевъ, ихъ партійная раздѣльность и отсутствіе сколько-нибудь талантливыхъ и понимающихъ военное дѣло личностей. Войска новгородскія, представляли сбродъ ремесленниковъ, не имѣющихъ никакого понятія о военномъ дѣлѣ и годныхъ только для кулачнаго боя. Главная, кон-

*) См. карту № 2.

ная, сила новгородцевъ поручается въ команду архіепископу Ѳеофилу, и весь планъ обороны составляется владыкою новгородскимъ.

Планъ этотъ, повидимому, состоялъ въ томъ, чтобы разбить московскія войска по частямъ, прежде прибытія главныхъ московскихъ силъ, къ высланнымъ отдѣльно отрядамъ.

Прежде всего, новгородцы имѣли въ виду, не допустить псковитянъ соединиться съ московскимъ войскомъ, почему вся новгородская конница, числомъ до 40.000 чел., и была выслана владыкою по западному берегу оз. Ильменя, на псковскую дорогу, идущую по лѣвому берегу р. Шелонь. Кн. Василій Шуйскій-Гребенка, выдвинутъ на зап. Двину, для обороны Заволочья, почему подвергался быть отрѣзаннымъ отъ Новгорода, и вятскими войсками, и отрядомъ кн. Холмскаго, направленнымъ москвитянами къ Русѣ. Затѣмъ, сухопутное войско новгородцевъ, переплыло на судахъ оз. Ильмень и высадилось на южномъ берегу его, у села Коростына, съ цѣлью напасть на отрядъ кн. Холмскаго, успѣвшаго уже занять и сжечь Русу, и стоявшаго на р. Шелонь, въ ожиданіи прибытія псковитянъ, медлившихъ приходомъ. Это отдѣльное положеніе кн. Холмскаго, могло имѣть для него тяжелыя послѣдствія. Главная часть пѣхоты новгородской, высадившаяся у Коростына, намѣревалась ударить въ правый флангъ отряда кн. Холмскаго на Шелони. Другая часть пѣхоты вступила на судахъ въ р. Полысть, дошла до Ст. Русы и оттуда, должна была двинуться въ тылъ кн. Холмскому, въ то время какъ конница новгородская ударила бы на него съ фронта, перейдя вплавь и вбродъ р. Шелонь. Кн. Холмскій понялъ опасность своего положенія и предупредилъ катастрофу. Онъ быстро двинулся къ Коростынѣ, атаковалъ новгородскую пѣхоту врасплохъ и разбилъ ее на голову, захвативъ много плѣнныхъ. Послѣднимъ отрѣзали уши, носы и губы и, въ такомъ ужасномъ видѣ, отослали въ Новгородъ, для устрашенія прочихъ. Затѣмъ, кн. Холмскій быстро перешелъ къ Русѣ и также разбилъ высланную туда часть новгородской пѣхоты. Уничтоживъ ближайшій къ Русѣ г. Деминъ, въ видахъ обезпеченія своего тыла, отрядъ кн. Холмскаго возвратился 13 іюля къ своей позиціи на правомъ берегу Шелони. Новгородская конница, только теперь показалась на лѣвомъ берегу Шелони, двигаясь по дорогѣ, въ направленіи теченія этой рѣки, на встрѣчу псковитянамъ, все еще не подходившимъ. Тогда кн. Холмскій, двинулся параллельно новгородской конницѣ, также вверхъ по Шелони, которая раздѣляла противниковъ. Новгородцы остановились на ночлегъ при впаденіи въ Шелонь рѣки Дрянь. Разсчитывая на свою 40.000 силу, они пренебрегали 10.000 отрядомъ кн. Холмскаго, и стояли безъ всякихъ предосторожностей. Узнавъ объ этомъ, кн. Холмскій обратился къ своимъ войскамъ съ слѣдующими словами: — „лучше намъ положить здѣсь головы, нежели воротиться со срамомъ“,—и съ высокаго берега бросился въ Шелонь. Воеводы и войско пошли за нимъ. Это было 14 іюля 1471 года. Неравный бой продолжался со страшною жестокостью. Новгородцы дрались отчаянно, и уже начали подавлять своимъ численнымъ превосходствомъ. Но кн. Холмскій, въ отрядѣ котораго были и татары, выслалъ ихъ для удара въ тылъ противника. Этотъ ударъ рѣшилъ дѣло. Новгородцы были разбиты на голову, и потеряли множество плѣнныхъ.

Не лучше шли дѣла Новгорода и въ Двинской области, гдѣ 12-тысячный отрядъ воеводы князя Василія Шуйскаго былъ разбитъ Тютчевымъ и Образцомъ, имѣвшими не болѣе 4.000. Наконецъ, въ самомъ городѣ была обнаружена измѣна; вслѣдствіе всего этого, вѣче рѣшило просить Іоанна о пощадѣ. 11 августа былъ подписанъ договоръ, по которому Новгородъ обязывался уплатить 15.500 рублей окупу, не передаваться Литвѣ и посвящать своего архіепископа не иначе, какъ въ Москвѣ.

Второй походъ былъ предпринятъ Іоанномъ Васильевичемъ въ октябрѣ 1478 г.; причиною его былъ выставленъ отказъ новгородцевъ ти-

туловать великаго князя „великимъ государемъ“. Вскорѣ Новгородъ былъ обложенъ со всѣхъ сторонъ. Самъ Іоаннъ съ главною ратью перешелъ Ильмень по льду и 27 ноября расположился у истока р. Волхова, черезъ которую иностранцемъ Аристотелемъ былъ построенъ мостъ. Новгородцы рѣшились было упорно обороняться, но великій князь, разсчитывая на раздоры въ средѣ населенія, дѣлящагося на разныя партіи, не торопился атаковать городъ. Разсчеты Іоанна вполнѣ оправдались, и новгородцы, вскорѣ, открыли переговоры, стараясь выговорить возможно легкія условія сдачи города. Переговоры сильно затянулись. Но наконецъ въ Новгородѣ сталъ ощущаться голодъ. Главный новгородскій воевода, князь Шуйскій, торжественно перешелъ на службу къ великому князю. Тогда новгородцы вынуждены были согласиться на условія Іоанна. Согласно послѣднимъ, уничтожалось званіе посадника, упразднялось народное вѣче и вся власть сосредоточивалась въ рукахъ Іоанна, обязавшагося только не выводить людей изъ Новгородской земли. 15 января 1479 года, Іоанновы бояре привели Новгородъ къ присягѣ, а черезъ три недѣли, великій князь двинулся обратно въ Москву, увезя туда и вѣчевой колоколъ.

Однако, въ томъ же году, новгородцы снова завязали сношенія съ Казиміромъ IV. Узнавъ объ этомъ, Іоаннъ, въ октябрѣ мѣсяцѣ, въ третій разъ пошелъ на Новгородъ и осадилъ его. Осада длилась очень недолго, городъ снова сдался, но уже безусловно. Іоаннъ смѣнилъ владыку Ѳеофила, захватилъ всѣ сокровища архіепископа, болѣе сотни главныхъ вожаковъ было казнено и, въ этомъ же году, болѣе 1.000 семей изъ города и 7.000 семействъ изъ области, были выселены въ Московскіе предѣлы; а вмѣсто нихъ поселены были свои—московскіе боярскіе дѣти и купцы.

Другимъ крупнымъ присоединеніемъ къ владѣніямъ Московскимъ было Тверское княжество. Іоанну III удалось прекратить давнишнюю борьбу съ этимъ, сохранявшимъ до сихъ поръ самостоятельность, крупнымъ удѣломъ. Предлогомъ войны послужило намѣреніе Тверскаго князя вступить въ союзъ съ Литвою. Іоаннъ III, во главѣ значительныхъ силъ, двинулся 21 августа 1486 года къ Твери. 8-го сентября Тверь была обложена и 11 числа князья и бояре Тверскіе передались на сторону Іоанна. Въ ту же ночь князь Михаилъ Борисовичъ бѣжалъ изъ Твери въ Литву, и княжество было присоединено къ владѣніямъ великаго князя.

Наконецъ, въ предѣлахъ послѣдняго, сохранявшаго еще самостоятельность крупнаго удѣла сѣверо-восточной Руси, въ княжествѣ Рязанскомъ, Іоаннъ пріобрѣлъ, по наслѣдству, значительную его часть.

Внѣ предѣловъ тогдашней Руси, при Іоаннѣ III были окончательно покорены земли Вятская и Пермская. Московскія войска, въ числѣ 64.000, подъ начальствомъ князя Даніила Щени и Григорія Мо-

розова, безъ труда овладѣли, въ 1489 году, главнымъ городомъ вятчанъ— Хлыновомъ; а вслѣдъ затѣмъ и другіе города присягнули на вѣрность Московскому великому князю.

При Іоаннѣ же III послѣдовало также окончательное прекращеніе даннических отношеній къ Золотой ордѣ. Царствовавшій въ это время ханъ Ахматъ предпринялъ было, въ 1480 году, походъ противъ Руси. Но какъ онъ, такъ и Іоаннъ выказали въ этомъ случаѣ крайнюю нерѣшимость. Найдя переправы черезъ Оку занятыми русскими войсками, ханъ двинулся черезъ Литву, къ западной Московской границѣ. Но и здѣсь, на рѣкѣ Угрѣ, онъ былъ предупрежденъ русскими, успѣвшими занять главные переправы и броды. Обѣ стороны долго не рѣшались приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ; наконецъ, когда Угра замерзла и не могла болѣе служить препятствіемъ, Іоаннъ приказалъ своимъ войскамъ отступить на Кременецъ и Боровскъ *). Однако и при этомъ Ахматъ не рѣшился перейти въ наступленіе; а между тѣмъ его войска стали сильно терпѣть отъ морозовъ и метелей, вслѣдствіе чего 11 ноября ханъ ушелъ назадъ въ степь.

Продолжительную и упорную борьбу пришлось вести Іоанну III и съ Литвою, постоянно враждебною Руси, и находившеюся въ союзѣ съ ханомъ Ахматомъ и крымскимъ ханомъ Менгли-Гиреемъ. Въ ряду предпринимавшихся противъ Литвы походовъ можно отмѣтить таковой въ 1500 году, какъ ознаменовавшійся крупною побѣдой, одержанною русскими при Ведрошѣ. Іоаннъ III, намѣреваясь присоединить къ своимъ владѣніямъ области Чернигово-Сѣверскаго княжества, двинулъ туда свои войска, опять разрозненными частями. Одна часть, подъ начальствомъ хана Магметъ-Аминя и воеводы Якова Кошкина, вступила въ Сѣверскія земли и овладѣла нѣкоторыми ближайшими городами; другая—Юрія Кошкина—овладѣла въ Смоленскомъ княжествѣ городомъ Дорогобужемъ, и сюда была направлена и третья масса — тверскія войска, подъ начальствомъ князя Даніила Щени, который долженъ былъ принять на себя главное начальство.

Литовско-польское войско, подъ начальствомъ своего гетмана князя Константина Острожскаго, также приближалось къ Дорогобужу, и 14 іюня войска противныхъ сторонъ встрѣтились на Митьковомъ полѣ, на рѣкѣ Ведрошѣ. Силы были почти равныя, около 40 тысячъ у каждаго.

Русскія войска, завязавъ дѣло, отступили за р. Ведрошу, съ цѣлью заманить сюда литовцевъ и разбить ихъ при помощи расположившагося въ засадѣ отряда Юрія Кошкина. Литовцы вдались въ обманъ, перешли рѣку по мосту и вступили въ упорный бой; между тѣмъ за-

*) Къ юго-западу отъ Москвы.

садный полкъ внезапно ударилъ въ тылъ литовцамъ и отрѣзалъ имъ путь отступленія, разрушивъ мостъ. Опрокинутые въ рѣку, литовцы потерпѣли полное пораженіе: убитыми и потонувшими они потеряли болѣе 8 тысячъ; весь ихъ обозъ и вся артилерія попали въ руки побѣдителя; самъ князь Острожскій былъ взятъ въ плѣнъ. Послѣ этого было одержано еще нѣсколько мелкихъ побѣдъ. Но попытка овладѣть Смоленскомъ не удалась. Еще 4 года длилась затѣмъ война и по заключенному, наконецъ, 25 марта 1503 года перемирію, на 6 лѣтъ, Москва пріобрѣла значительную часть Чернигово-Сѣверской земли.

Къ концу княженія Іоанна III, предѣлы вновь образующагося Московскаго или, точнѣе, Русскаго государства, достигаютъ уже весьма внушительныхъ размѣровъ. Возрастающее могущество Московскаго государства, при Іоаннѣ же III сказалось уже и на отношеніяхъ Руси къ западно-европейскимъ государствамъ, среди которыхъ она снова получаетъ значеніе, утерянное было ею за время удѣльныхъ неурядицъ и татарскаго ига. Іоаннъ III завязываетъ оживленныя сношенія съ Венгріей, Даніей, Молдавіей и Германскою имперіей Габсбурговъ.

Какъ въ дѣлахъ внутреннихъ, такъ и въ сношеніяхъ внѣшнихъ, Іоаннъ III выказалъ замѣчательный государственный умъ; но нельзя сказать о немъ того же въ отношеніи его военныхъ предпріятій, въ которыхъ не замѣчается проявленія таланта. Его распоряженія для движенія войскъ къ Новгороду въ 1471 году прямо ошибочны. Какъ въ этомъ походѣ, такъ и въ другихъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ начальствовалъ, дѣйствія отличались всегда медленностью и нерѣшительностью. Въ походѣ же 1480 года противъ Ахмата, онъ выказалъ даже трусость и, совершенно противъ своей воли, былъ принужденъ народомъ вернуться въ армію, откуда онъ было уѣхалъ.

Несмотря однако на указанную, такъ-сказать, заурядность Іоанна III, какъ предводителя, его княженіе имѣетъ весьма важное для Руси значеніе въ военномъ отношеніи. Значеніе это выразилоось въ томъ, что при немъ установились новыя формы устройства нашихъ вооруженныхъ силъ. Формы эти, какъ будетъ выяснено ниже, имѣли существенное вліяніе на свойства, качества и достоинства нашихъ войскъ, и притомъ продержались въ продолженіе весьма долгаго времени, т.-е. до Петра Великаго, до образованія регулярной арміи.

Сынъ и преемникъ Іоанна III—Василій III, вступившій на престолъ въ 1505 году, продолжалъ политику расширенія предѣловъ Руси. Веденныя имъ войны на западѣ противъ Литвы, на югѣ съ Крымскими ханами и на востокѣ противъ Казанскаго царства, не представляютъ въ военномъ отношеніи особеннаго интереса, за исключеніемъ сраженія при Оршѣ.

Троекратныя попытки русскихъ войскъ овладѣть Смоленскомъ увѣнчались наконецъ 1 августа 1514 года успѣхомъ и Василій III

торжественно впѣхалъ въ Смоленскъ, снова присоединивъ къ Руси эту древнюю часть ея.

Для прикрытія только-что занятаго Смоленска, были выдвинуты впередъ къ Оршѣ, Борисову, Минску и Друцку, князь Глинскій и воеводы: Голица и Челяднинъ. Въ концѣ августа войска Голицы и Челяднина, около 80 тысячъ, расположились у Орши, на лѣвомъ берегу Днѣпра. Съ другой стороны, сюда же прибылъ и князь Острожскій съ литовскою арміей, числительность которой простиралась до 35 тысячъ. Ночью на 8 сентября 1514 года Острожскій переправилъ черезъ Днѣпръ свою конницу вплавь, и подъ ея прикрытіемъ быстро выстроилъ мосты для пѣхоты и началъ строиться въ боевой порядокъ. Челяднинъ, вмѣсто того чтобы немедленно атаковать переправляющагося противника, рѣшилъ дать ему окончить переправу и тогда уже отрѣзать ему путь отступленія. Съ этою цѣлью онъ свои главныя силы построилъ въ 3 линіи, а для дѣйствій въ тылъ противника выдѣлилъ, на оба фланга, сильные конные отряды.

Къ 9 часамъ утра литовцы окончили построеніе своего боеваго порядка и бой завязался тѣмъ, что въ лѣвый флангъ ихъ произведена была сильная атака конницы Михаила Голицы, при этомъ значительно удалившагося отъ праваго фланга своихъ главныхъ силъ. Встрѣченный съ фронта контръ-атакою литовской конницы и взятый во флангъ выдвинутою изъ резерва польскою пѣхотою, Михаилъ Голица боролся однако до тѣхъ поръ, пока не попалъ подъ сильный огонь непріятельской пѣхоты. Понеся большой уронъ, наша конница въ безпорядкѣ бросилась назадъ, преслѣдуемая Острожскимъ во главѣ всей своей конницы, которая врубилась даже во вторую линію нашего боеваго порядка. Въ то время, какъ центръ и правый флангъ были уже опрокинуты, на лѣвомъ флангѣ русская конница, въ свою очередь, опрокинула непріятельскую, и бросилась ее преслѣдовать, какъ вдругъ, наткнулась на литовскую артилерію, встрѣтившую ее залпомъ изъ всѣхъ орудій. Одновременно съ этимъ, атакованная польскими латниками, наша конница и здѣсь опрокинута и, преслѣдуемая противникомъ, была прижата въ уголъ, образуемый Днѣпромъ и болотистою рѣчкою Крапивною. Не имѣя здѣсь пути отступленія, весь лѣвый флангъ нашъ былъ истребленъ.

Между тѣмъ Челяднинъ, со своими войсками, все это время стоялъ не двигаясь съ мѣста, и рѣшился атаковать въ тылъ зарвавшагося въ преслѣдованіи противника уже черезчуръ поздно; вслѣдствіе чего и самъ былъ опрокинутъ латниками Сверчевскаго и легкою конницей Радзивилла.

Такимъ образомъ, значительно превосходныя силы русскихъ потерпѣли страшное пораженіе. По литовскимъ извѣстіямъ, русскіе потеряли въ этомъ сраженіи до 30 тысячъ человѣкъ.

Затѣмъ война съ Литвою продолжалась до 1522 года и заключена была миромъ, по которому Смоленскъ съ его областью перешелъ къ Руси.

Войны Василія съ Крымомъ ознаменовались гибельнымъ для Руси нашествіемъ хана Махметъ-Гирея. Въ маѣ 1521 года Василій получилъ извѣстіе о намѣреніи Махметъ-Гирея вторгнуться въ наши предѣлы; но въ это время ханъ со своими крымцами, нагаями и казаками донскими и днѣпровскими, съ ихъ воеводою Евстафіемъ Дашковичемъ, быстро двигался уже къ Окѣ. Почти всѣ войска русскія находились на Литовской границѣ и только незначительныя силы могли быть выдвинуты противъ Махметъ-Гирея. Слабый русскій отрядъ былъ безъ труда разбитъ татарами, разсѣявшимися затѣмъ по Руси для грабежа. Вслѣдъ затѣмъ къ татарамъ крымскимъ присоединились и войска хана казанскаго Саипъ-Гирея, по пути разорившаго пройденныя имъ области.

29 іюля Махметъ-Гирей подошелъ къ Москвѣ, изъ которой Василій уѣхалъ въ Волоколамскъ собирать войска. Смятеніе въ Москвѣ, посреди столпившагося въ ней окреснаго населенія было ужасное. Пороху въ городѣ было такъ мало, что защита была почти невозможна; а потому начальствовавшій здѣсь цесаревичъ Петръ, вступилъ въ переговоры съ Махметъ-Гиреемъ. Ханъ потребовалъ письменнаго обязательства въ томъ, что Василій будетъ платить дань. Получивъ это обязательство, Махметъ-Гирей двинулся обратно и по дорогѣ попытался было, но неудачно, овладѣть Рязанью.

Виновниками страшнаго бѣдствія, постигшаго Русь, были, понятно, самъ Василій, бросившій столицу, и малодушные бояре его, не рѣшившіеся защищаться.

Такое же малодушіе, нерѣшительность и неспособность выказали русскіе военачальники и въ войнахъ противъ Казани. Изъ всѣхъ, предпринимавшихся при Василіи III, походовъ на Казань, выдѣляется выполненный въ 1524 году, для котораго было собрано до 150 тысячъ человѣкъ, подъ начальствомъ князя Бѣльскаго. Пѣхота, съ самимъ Бѣльскимъ, двинулась на судахъ, а конница—сухимъ путемъ, подъ начальствомъ Хабара Симского. На судахъ же, подъ начальствомъ князя Палецкаго, былъ посланъ огнестрѣльный нарядъ, боевые и продовольственные припасы.

Высадившись въ виду Казани, Бѣльскій 20 дней ждалъ у Гостинаго острова прибытія конницы, и бездѣйствіе свое простеръ до того, что когда загорѣлись деревянныя казанскія стѣны, то не воспользовался пожаромъ для овладѣнія городомъ. Онъ даже ничего не сдѣлалъ для воспрепятствованія казанцамъ выстроить новую стѣну. 28 іюля Бѣльскій перешелъ къ рѣчкѣ Казанкѣ, но и здѣсь бездѣйствовалъ до 15 августа, когда, по прибытіи конницы, рѣшился наконецъ обложить городъ.

Между тѣмъ транспортъ Палецкаго встрѣтилъ на пути большія препятствія, такъ какъ черемисы завалили каменьями и деревьями узкія

мѣста по Волгѣ, между острововъ. Поражаемый съ берега стрѣлами и сбрасываемыми бревнами, топившими его суда, Палецкій пробился только съ незначительною частью своего транспорта.

Несмотря на эти неудачи, осада Казани вскорѣ вынудила осажденныхъ просить мира, такъ какъ единственный ихъ пушечный мастеръ былъ убитъ, и безъ него нельзя было болѣе стрѣлять изъ пушекъ. Заключенный миръ не принесъ Руси ни малѣйшихъ выгодъ.

Въ 1530 году, столь же безрезультатно, былъ выполненъ другой походъ на Казань. Судовымъ отрядомъ снова начальствовалъ князь Бѣльскій, а конною ратью—князь Михаилъ Глинскій.

Опрокидывая въ рядѣ столкновеній хана Сафа-Гирея, конница переправилась черезъ Волгу, соединилась съ высадившеюся пѣхотой и 10 іюля городъ былъ осажденъ. Пользуясь плохимъ охраненіемъ татаръ, охотники передового полка князя Телепнева-Оболенскаго подползли ночью на 10 іюля къ стѣнѣ острога (внѣшняго города) и зажгли ее. Пользуясь этимъ, и пѣхота и конница русскія бросились на приступъ и овладѣли острогомъ, но города не взяли, хотя ворота крѣпости были цѣлыхъ три часа отворены и никѣмъ не заняты.

Говорятъ, въ это время Бѣльскій и Глинскій спорили о томъ, кому первому вступить въ городъ. Между тѣмъ пошелъ дождь, ратники, привезшіе къ стѣнамъ города нарядъ (пушки), разбѣжались и очнувшіеся казанцы снова овладѣли нарядомъ. Въ тылу русскихъ войскъ, въ то же время, черемисы атаковали гуляй-городъ (станъ), оставшійся беззащитнымъ, и овладѣли 70 пищалями и значительными запасами.

Несмотря на это, казанцы вынуждены были просить мира, и снова Бѣльскій согласился и снялъ осаду.

Въ 1533 году скончался Василій III и великокняжескій престолъ перешелъ къ малолѣтнему сыну его Іоанну IV, первому вѣнчавшемуся впослѣдствіи царемъ Русскимъ, подъ именемъ Іоанна IV.

При Іоаннѣ IV получила окончательное развитіе и прочно установилась та система устройства вооруженныхъ силъ Руси, зачатки которой положены были еще при Іоаннѣ III. Введеніе этой новой системы сильно повліяло на качества военной силы Руси,—слѣдовательно, и на ея военную дѣятельность,—а потому дальнѣйшая военная исторія Руси составляетъ, какъ бы, отдѣльную эпоху.

Вслѣдствіе этого, пріостановившись въ изложеніи военныхъ событій, перейдемъ теперь къ ознакомленію съ состояніемъ военнаго дѣла и искусства на Руси, за время Монгольскаго ига, и до перваго Русскаго царя, т.-е. за длинный 300-лѣтній періодъ.

ГЛАВА IX.

Военное дѣло на Руси отъ перваго нашествія монголовъ въ 1224 г. до смерти Іоанна III въ 1533 году.

1) Обзоръ главнѣйшихъ измѣненій въ порядкѣ военной администраціи.—Десятинные списки и городскіе полки.—Сельскіе и посошные (отъ сохи) люди.—Рубленная рать и казаки.—Засѣчная стража.—Иноплеменныя и татарскія войска, въ составѣ русской военной силы.—Поручная кабала (ручательство за другого).—Прекращеніе права переходить на службу изъ одной дружины въ другую.—Раздача помѣстій, съ обязательствами по отношенію къ военной службѣ.—Вліяніе этой системы на боевыя качества арміи.—2) Роды войскъ.—Ихъ одежда и вооруженіе.—Знамена, музыка и знаки отличія. Конница.—Кованая рать.—Пѣхота.—Судовая рать.—3) Боевые порядки и образъ дѣйствій въ бою.—Походныя движенія.—Мѣры къ охраненію.—Ертаулъ.—Продовольствіе войскъ.—4) Города, крѣпости, атака и оборона ихъ.—Укрѣпленныя линіи на границахъ. Взглядъ на общее значеніе Монгольскаго періода, по отношенію къ военнымъ силамъ Россіи.

1. Порядокъ образованія вооруженныхъ силъ.

Разсматриваемый двухъ съ половиною вѣковой періодъ исторіи Руси, первоначально, именно до половины XIV столѣтія, образованіе вооруженныхъ силъ сохраняло тѣ же формы, что и до нашествія монголовъ. Совершенно такъ же, какъ и прежде, дружины князей составляли главную и лучшую часть ихъ силъ. Состояли дружины изъ вольныхъ людей, избиравшихъ службу у того или другого князя совершенно по своему усмотрѣнію. Дружинники, мало еще связываемые земельными владѣніями, могли совершенно свободно переходить отъ одного князя къ другому, и это право отъѣзда всегда оговаривалось въ договорахъ князей.

Со временемъ, однако, измѣнились порядки размѣщенія князей въ удѣлахъ. Князья становятся какъ бы осѣдлѣе въ своихъ княжествахъ, осѣдлѣе становятся и дружины, а вмѣстѣ съ тѣмъ, въ рукахъ дружинниковъ сосредоточиваются все большія земельныя богатства. Вслѣдствіе этого, въ договоры князей включались уже и условія, по которымъ бояре (старшіе дружинники) и въ случаѣ отъѣзда своего къ другому князю, сохраняли свои недвижимыя имущества, находящіяся въ предѣ-

лахъ владѣній покидаемаго. Родъ Даніила Александровича, начиная съ Іоанна Калиты, прочно уже утверждается въ Москвѣ и удерживаетъ навсегда въ своей власти Суздальско-Владимірскія области. Могущество и богатства Московскихъ великихъ князей начинаютъ быстро возрастать; а вслѣдствіе этого, для бояръ и всякихъ другихъ служилыхъ свободныхъ людей, разумѣется, было выгодно переходить къ нимъ. Этотъ приливъ отовсюду къ Москвѣ богатыхъ и знатныхъ бояръ, а также поступленіе на службу Московскихъ великихъ князей и цѣлаго ряда князей—потомковъ Рюрика и Гедимина, очевидно, существенно, помогало усиленію Москвы, ослабляло удѣлы и ускоряло присоединеніе ихъ къ болѣе сильному сосѣду. Такъ великій князь Василій Дмитріевичъ, безпрепятственно овладѣлъ областями Нижегородскаго князя вслѣдствіе того, что дружина послѣдняго, вся перешла на службу къ Василію.

Дружина сохраняла, попрежнему, свое раздѣленіе на старшую и младшую; но какъ сама дружина, такъ и составныя ея части, становятся извѣстными уже подъ другими названіями. Съ XII вѣка, названіе „дружина“ замѣнялось иногда *дворомъ княжескимъ*, а теперь оно окончательно вводится въ употребленіе.

Старшими членами „двора“ остаются, попрежнему, бояре, сохранившіе, помимо своего военнаго значенія, и званія придворныя и остающіеся ближайшими совѣтниками князя. Бояре, въ свою очередь, начинаютъ подраздѣляться на *большихъ*, *путныхъ* и *введенныхъ*, смотря по значенію занимаемаго ими мѣста.

Младшую дружину составляли *дворяне* и *дѣти боярскія*, а второй, низшій ея отдѣлъ — *слуги*, *слуги вольные* или *люди дворные*. Всѣ эти члены дружины, также какъ и бояре, были людьми свободными и имѣли право отъѣзда. Всѣ эти разряды служилыхъ людей составляли многочисленное и все возраставшее военное сословіе, обязанное являться на службу по требованію своихъ князей. Этому служилому сословію, главнѣйшую часть котораго составляли боярскія дѣти, велся городовыми воеводами особый учетъ. Они расписывались по десяткамъ, состоявшимъ изъ боярскихъ дѣтей цѣлаго города, и вносились въ особые десятинные списки.

Помимо дружины, въ составъ войска входили и *городовые полки*, набиравшіеся изъ горожанъ. Преимущественно же эти полки составлялись изъ московскихъ жителей и назывались московскою ратью. Іоаннъ III, напримѣръ, послалъ въ 1470 году въ Казанскій походъ московскихъ сурожанъ, суконниковъ, купчихъ людей и прочихъ всѣхъ москвичей, подъ начальствомъ особаго воеводы, князя Оболенскаго.

Кромѣ того, и въ разсматриваемую эпоху, нерѣдко, бывали случаи привлеченія къ несенію военной службы и сельскаго населенія. Въ грамотѣ Василія Темнаго Троице-Сергіевскому монастырю говорится о

сельчанахъ, обязанныхъ береговою (охранительною) службой. Ростиславъ Михайловичъ Черниговскій тоже собралъ для войны съ Даніиломъ Галицкимъ многихъ *смердовъ*, составлявшихъ его пѣхоту. При осадѣ Смоленска сыномъ Іоанна III, Дмитріемъ, въ рядахъ московской рати были *посошные* люди, собранные съ *сохъ*.

О размѣрахъ, въ которыхъ иногда ложилась на сельское населеніе тяжелая военная повинность, можно судить по слѣдующимъ примѣрамъ изъ исторіи Пскова: въ 1480 году, для войны съ ливонцами, было выставлено съ *четырехъ* сохъ, т.-е. 12 человѣкъ населенія, по коню и человѣку; въ 1495 году, по приказанію великаго князя псковичи *срубили* (собрали) для войны со шведами съ *десяти* сохъ по конному ратнику; въ 1500 году, для Литовской войны, брали съ 10 сохъ коня, съ сорока рублей (вѣроятно дохода) коня и человѣка въ доспѣхѣ, а бобыли шли въ пѣшую рать. Повинность, очевидно, была громадная, по сравненію съ современными объ этомъ понятіями и требованіями.

Въ нашихъ сѣверо-западныхъ областяхъ, Псковѣ и Новгородѣ, набиравшіяся изъ сельскаго населенія войска, носили свое особое названіе— *рубленой рати*.

Въ составѣ московской рати съ половины XV вѣка упоминаются также и казаки. Впервые это имя встрѣчается въ лѣтописяхъ, въ разсказѣ о набѣгѣ на Рязань въ 1444 году султана Мустафы. Первоначально упоминаются только рязанскіе казаки; впослѣдствіи же, при Іоаннѣ III, казаки есть и донскіе, и днѣпровскіе. Послѣдніе, подъ начальствомъ Евстафія Дашковича, служили то Русскому великому князю, то переходили въ Литву.

Съ конца XIV столѣтія, лѣтописи упоминаютъ еще объ особой *засѣчной стражѣ*, предназначенной для обороны *засѣкъ*, устраивавшихся на нашихъ границахъ. Это было поселенное въ пограничныхъ *станицахъ* войско, обязанное для охраненія границъ, выставлять одного вооруженнаго человѣка съ 20 дворовъ.

Наконецъ, въ составъ русской рати часто входили наемные иноплеменные дружины и полки, въ особенности татарскіе, которые или приводились своими служилыми царевичами, или же набирались изъ татаръ, поселенныхъ въ Русскихъ, преимущественно юго-восточныхъ, областяхъ.

Какъ было уже указано выше, вступившій въ 1462 году на престолъ великій князь Іоаннъ III, ввелъ новыя, весьма существенныя измѣненія въ порядкахъ образованія русскихъ вооруженныхъ силъ. Измѣненія эти, прежде всего, коснулись старшихъ членовъ бывшихъ дружинъ и теперешнихъ княжескихъ дворовъ, т.-е. бояръ, и заключались въ рядѣ мѣръ, принятыхъ съ цѣлью уничтоженія права ихъ *отъѣзда*. Для этого, отъ бояръ стали требовать крестоцѣловальныхъ записей или клятвенныхъ обѣщаній, не отъѣзжать ни къ кому другому, и сверхъ того, со-

ставлялась такъ-называемая *поручная кабала*, по которой кто-либо изъ бояръ поручался, въ службѣ другого. Напримѣръ, въ 1474 году, боярин Иванъ Никитичъ Воронцовъ поручился въ 250 рубляхъ за вѣрность князя Данилы Дмитріевича Холмскаго. Такія же грамоты и кабалы бралъ съ бояръ и Василій III. Сохранились таковыя грамоты, данныя князьями Шуйскими, княземъ Мстиславскимъ и княземъ Глинскимъ. Помимо поруки духовенства, требовалось денежное ручательство: за князя Глинскаго поручились, напримѣръ, трое вельможъ въ 5.000 руб., а за этихъ поручниковъ, поручились еще 47 человѣкъ. Двойная же порука была и за Шуйскихъ.

Съ тою же цѣлью—*прикрѣпленія*, такъ-сказать, прежнихъ свободныхъ ратныхъ людей, Іоаннъ III сталъ раздавать земли и младшимъ чинамъ своего многочисленнаго двора—дѣтямъ боярскимъ. Овладѣвъ въ 1500 году въ Новгородѣ Великомъ обширными землями владыки и монастырей, Іоаннъ III впервые роздалъ ихъ дѣтямъ боярскимъ въ помѣстья. Впослѣдствіи, эта система получала все большее и большее развитіе, и помѣстья раздавались повсемѣстно. Полученіе помѣстья обязывало владѣльца его нести военную службу и, въ случаѣ войны, являться въ назначенное мѣсто и въ опредѣленный срокъ. Въ зависимости отъ величины помѣстья, владѣльцы ихъ должны были, кромѣ того, приводить съ собою опредѣленное число конныхъ или пѣшихъ ратниковъ. Всѣ должны были имѣть коней, опредѣленное вооруженіе, продовольствіе и средства для перевозки послѣдняго. Каждые два или три года служилые люди, боярскія дѣти, подвергались осмотру по областямъ, съ цѣлью полученія и провѣрки свѣдѣній, сколько каждый изъ нихъ можетъ выставить ратниковъ и лошадей. Приведенныя мѣропріятія Іоанна III имѣли благодѣтельное вліяніе на устройство нашихъ военныхъ силъ, но только въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Благодаря этимъ мѣрамъ, числительность вооруженныхъ силъ значительно возросла и военное устройство Руси получило болѣе правильный и довольно точно опредѣленный видъ; а раздѣленіемъ войскъ на полки и разряды, съ распредѣленіемъ воеводъ и ратниковъ по этимъ полкамъ, введенъ былъ нѣкоторый порядокъ.

Но за то, въ смыслѣ достоинствъ нашихъ войскъ, какъ боевой силы, эта помѣстная система имѣла, неоспоримо, чрезвычайно неблагопріятное вліяніе. Оно выразилось, въ чувствительныхъ размѣрахъ уже въ позднѣйшее, правда, время; но и при ближайшихъ преемникахъ Іоанна III, нѣкоторыя изъ невыгодъ системы не могли не чувствоваться. Замѣнившій прежняго вольнаго свободнаго дружинника, новый владѣлецъ помѣстья, привязанный, понятно, къ нему всѣми своими интересами, не могъ, ни въ какомъ случаѣ, обладать высокими боевыми качествами дружинника, ничего не знавшаго кромѣ ратнаго дѣла.

Изъ изложеннаго выше явствуетъ, что въ разсматриваемую эпоху и, въ особенности, въ концѣ ея, составъ нашихъ вооруженныхъ силъ былъ весьма разнообразенъ какъ по порядкамъ ихъ образованія, такъ и по своимъ свойствамъ. О числительности нашихъ войскъ можетъ, разумѣется, идти рѣчь только со времени образованія, болѣе другихъ могущественнаго, Московскаго княжества, вокругъ князя котораго стали въ необходимыхъ случаяхъ сосредоточиваться не только его собственныя силы, но и рати другихъ удѣловъ. Съ этого времени числительность войскъ все болѣе и болѣе возрастала, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ, Русь выставляла уже весьма внушительныя силы. У Дмитрія Донскаго, напримѣръ, въ Куликовской битвѣ было отъ 150 до 200 тысячъ. Іоаннъ III, чтобы преградить хану Ахмату доступъ въ предѣлы Россіи, выставилъ сперва на Окѣ, а потомъ на р. Угрѣ до 180.000. Въ большинствѣ, однако случаевъ, числительность армій не превосходила 40.000, какъ напримѣръ въ Шелонской и Ведрошской битвахъ. Въ княженіе же великаго князя Василія, общая числительность московскаго войска опредѣлялась, одними иностранными писателями въ 150.000, а другими— даже до 400.000.

2. Роды войскъ, ихъ одежда, вооруженіе, знамена, музыка и знаки отличія.

Важнѣйшимъ и лучшимъ родомъ войскъ въ разсматриваемый періодъ исторіи была конница, въ которую входилъ весь княжескій дворъ, дворяне, боярскія дѣти и вообще наиболѣе состоятельные люди, притомъ всѣ они со своими слугами или холопами. Лучшіе конные полки по своему составу и, главное, по вооруженію, носили названіе *кованой рати*. Въ пѣхоту, или, по-тогдашнему, въ судовую рать, назначались не имѣющіе коней бобыли; и ее же, преимущественно, составляли набиравшіеся посошные люди или рубленыя рати. Первоначально пѣхота наряжалась, почти исключительно, въ городовую службу и для полковой службы, т.-е. полевой, и считалась мало-пригодною къ бою. Но уже при Дмитріи Донскомъ она принимаетъ участіе въ Куликовской битвѣ. Впослѣдствіи же, пѣхота, въ большемъ или меньшемъ количествѣ, принимаетъ участіе во всѣхъ походахъ и при осадахъ городовъ играетъ выдающуюся роль.

Такимъ образомъ, мало-помалу, возрастаетъ значеніе пѣхоты, игравшей въ до-Монгольскій періодъ главнѣйшую роль въ бою и передавшей эту роль кавалеріи за время монгольскаго господства на Руси. Съ паденіемъ монгольскаго могущества значеніе русской пѣхоты значительно увеличивается, хотя кавалерія все еще считается главнымъ родомъ войскъ.

Конница наша сидѣла на лошадяхъ разнообразнѣйшихъ породъ, извѣстныхъ подъ различными же названіями. Древнѣйшими названіями

были: *конь, комонь, лошадь и фарь*; послѣднее обозначало лошадь арабской породы. Съ XV столѣтія встрѣчаются: *меринъ, бахматы* и *аргамаки*. Аргамаки—это были турецкія или польскія лошади; а бахматами назывались малорослыя, короткошейныя, но чрезвычайно крѣпкія и выносливыя лошади. Наиболѣе распространенною породой были *кони*, т.-е. лошади ногайскія, неутомимыя и малотребовательныя; но они были дики, пугливы и неповоротливы.

Свои—русскія—лошади назывались *меринами*; онѣ были невелики, смирны и довольно крѣпки.

Сѣдла у русскихъ были очень высоки и всадники сидѣли по-татарски—на короткихъ стременахъ. Это представляло удобство свободнаго поворачиванія во всѣ стороны, необходимаго для стрѣльбы изъ лука; но за то сидѣли всадники не прочно. Шпоры, или, какъ ихъ называли, *остроги*, употреблялись рѣдко и большею частью ихъ замѣняли нагайки.

Также какъ и въ до-Монгольскій періодъ, сухимъ путемъ двигалась въ походахъ только конница; пѣхота же, въ большинствѣ случаевъ, выполняла передвиженія на судахъ, какъ, напримѣръ, во всѣхъ походахъ Казанскихъ. Столкновенія, или сраженія, давались однако исключительно на сухомъ пути, и болѣе не встрѣчается извѣстій о случаяхъ боя на водѣ.

Одежда русскихъ войскъ остается неизмѣнною по сравненію съ предшествовавшими временами. Оставаясь народною, она и въ рядахъ войска представляла, разумѣется, массу разнообразія, такъ какъ всякій одѣвалъ себя самъ и по собственному вкусу и усмотрѣнію.

Бывали однако случаи, когда дружина какого-либо князя имѣла однообразное одѣяніе и, иногда, совсѣмъ не русское. Лѣтописи говорятъ, напримѣръ, что князь Даніилъ Галицкій, прійдя на помощь королю Венгерскому, имѣлъ свои полки обряженными по-татарски:—кони въ личинахъ (бляхахъ) и колрахъ (конскихъ приборахъ) кожаныхъ и люди въ ярицѣхъ (нарукавникахъ). У самого же князя—„бѣ бо конь подъ нимъ дивленію подобенъ, и сѣдло отъ злата жьжена, и стрѣлы и сабли златомъ украшены и иными хитростьми. Кожухъ же оловира (пурпура) грецкаго, и кружевы златыми плоскими ошиты, и сапози зеленаго къза (козла) шиты золотомъ“.

Вооруженіе съ теченіемъ времени становилось, понятно, лучше, но за то сложнѣе, тяжелѣе и разнообразнѣе.

Предохранительное вооруженіе состояло изъ различныхъ видовъ броней или доспѣховъ, которые были *кольчатыми, досчатыми* или, наконецъ, смѣшанными. Къ первымъ принадлежали: *панцыри, кольчуги* и *байданы*, ко вторымъ—*зерцала* (рис. № 16), *латы* и *кирисы* и, наконецъ, къ третьимъ, т.-е. къ кольчатымъ, но съ досчатыми прибавлені-

ями на груди и на спинѣ—*бахтерцы* (рис. № 17), *колонтари*, *юшманы*, *куяки*. Послѣдніе, т.-е. куяки, имѣли металлическія дощечки, нашитыя на сукно, а не на кольчугѣ. Кромѣ того, весьма часто употреблялся особый видъ доспѣха, называвшійся *тегиляемъ* (рис. 18). Это было суконное платье съ короткими рукавами, съ высокимъ, стоячимъ воротникомъ и длиною ниже колѣнъ. Все оно было толсто подбито ватою или пенькою и, наконецъ, простегано. Въ такомъ видѣ тегиляй почти такъ же хорошо служилъ защитою, какъ и металлическій доспѣхъ, но стоилъ очень дешево; а потому и употреблялся ратниками, не имѣвшими средствъ пріобрѣсти доспѣхъ.

Принадлежностями доспѣховъ были также: *бармицы*, *зарукавья*, *наколѣнки*, *наручи*, *рукавицы* и *поножи* или *бутурлыки*.

Всѣ эти части имѣли назначеніемъ прикрывать плени, руки и ноги.

Головной уборъ составляли: *шеломы* (рис. № 17), *колпаки*, *шишаки*, *мисюрки* (рис. № 19), *шапки бумажныя* (рис. № 20), *шапки желѣзныя* (рис. № 28), *шапки мѣдяныя*, *ерихонки* и *шапки турскія*.

Къ оборонительному оружію принадлежали еще плоскіе или выпуклые *щиты*, но уже не длинные, какъ у славянъ, доходившіе до земли; но или многоугольные, или, въ большинствѣ случаевъ, круглые (рис. № 17). Дѣлались они изъ кожи, желѣза или изъ мѣди, а украшались серебромъ, золотомъ и каменьями, а внутреннюю сторону имѣли суконную, кумачную, атласную или бархатную и, кругомъ, нерѣдко, обшивались бахромою.

Кромѣ того, встрѣчался особаго рода щитъ съ желѣзною рукавицею, къ которой было прикрѣплено длинное остріе. Щитъ этотъ надѣвался на лѣвую руку и назывался *тарчъ* (рис. № 22).

Нападательное оружіе было, главнымъ образомъ, холодное, даже и по введеніи огнестрѣльнаго оружія. Ручное оружіе было уже значительно разнообразнѣе предшествующаго періода и его составляли: *ослопы*, *мечи* (рис. № 17), *сабли* (рис. № 18), *палаши*, *кончеры*, *тесаки*, *ножи*, *кинжалы*, *копья* (рис. № 17), *сулицы*, *рогатины* (рис. № 29), *совни* (рис. №№ 18 и 23), *кистени* (рис. № 34), *бердыши* (рис. № 21), *топоры*, *топорки*, *чеканы* (рис. № 25), *шестоперы*, *пернаты*, *булавы* и *посольскіе топоры*. Послѣднія пять были, собственно говоря, знаками начальническаго достоинства.

Вообще въ это время носили на себѣ ратные люди и, въ особенности, начальники, массу всякаго оружія, въ сущности безполезно обременяющаго ихъ. Конный ратникъ, напримѣръ, иногда имѣлъ (рис. № 3) саблю, лукъ со стрѣлами, кистень и совню. Надо къ тому же принять во вниманіе, что онъ долженъ былъ держать и поводья и нагайку. Несмотря на это, по свидѣтельству иностранцевъ, наша конница ловко справлялась со всѣми этими вещами.

Метательное оружіе состояло изъ луковъ со стрѣлами (саадаки) (рис. № 9) и самострѣловъ для бросанія большихъ стрѣлъ (рис. № 26). Сюда же относятся и осадныя орудія, состоявшія изъ различныхъ машинъ для метанія камней, какъ-то: *тюфяки пускичи*, или *пушки*, *бараны*, *возграды* и *пороки*. Послѣднія три служили для разбиванія стѣнъ.

Чтобы дать понятіе объ устройствѣ этихъ метательныхъ, и стѣнобитныхъ машинъ, употреблявшихся при осадѣ крѣпостей, укажемъ на нѣкоторыя изъ нихъ, извѣстныя у грековъ и римлянъ: *Катапульта* (рис. № 30). Къ прочной деревянной платформѣ съ воротомъ, прикрѣпляется круглая, изъ бронзы, коробка *C*, въ которую вставляются желѣзная стойка *A* и стальная стойка *B*. Обѣ онѣ соединены прочно своими основаніями въ коробкѣ *C*. На стойку *A*, накладывается родъ большой стрѣлы *D*, на переднемъ концѣ которой приборъ съ горючимъ составомъ. Для дѣйствія, канатнымъ воротомъ сгибаютъ стальную стойку *B*, и потомъ отпускаютъ воротъ. Стойка *B* ударяетъ по стрѣлѣ *D*, и послѣдняя летитъ съ горючимъ составомъ, производя пожаръ въ крѣпостяхъ.—*Балиста* (рис. № 30). На деревянной платформѣ поставлены двѣ вертикальныя стойки, между которыми, на вращающемся болтѣ, находится желѣзный стержень *C*, имѣющій на одномъ концѣ большой грузъ изъ свинца или желѣза *B*; другой конецъ этого стержня захватывается канатами, и для дѣйствія, канатъ навертывается на воротъ, укрѣпленный на платформѣ, при чемъ противоположный конецъ стержня, съ его грузомъ, подымается поэтому, вверхъ. Къ пригнутому же воротомъ концу стержня прикрѣпляется корзина съ наложенными въ нее камнями: или же прикрѣпляется одинъ большой камень *A*, охваченный петлей, вродѣ пращи. Когда натянутый воротъ отпускается, грузъ стержня падаетъ внизъ, а другой конецъ стержня отъ этого подымается быстро, и бросаетъ прикрѣпленныя къ нему корзины съ камнями, или одинъ большой камень, для пробиванія крышъ крѣпостныхъ зданій.

Тараны или *бараны* (Testudine) назначались для боковаго пробиванія крѣпостныхъ оградъ и башенъ (рис. № 31). Плетеный, четыреугольный ящикъ, ставился на колеса и подкатывался къ стѣнѣ, для пробитія въ ней бреши. Назначаемые для этого люди, для предохраненія отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, прикрывались, куполообразною крышею, обитою листами изъ желѣза, которая устроивалась надъ машиной, и охраняла ее отъ огня непріятельскихъ зажигательныхъ средствъ. Подъ этою крышею, подвѣшивалось большое деревянное бревно, на одномъ концѣ котораго прикрѣплялся желѣзный набалдашникъ, въ видѣ головы барана или черепахи; въ послѣднемъ случаѣ сама машина, по внѣшнему виду, походила на черепаху. Подвѣшенное бревно раскачивалось людьми, или отклонялось воротомъ и потомъ спускалось, съ большою силою ударяя желѣзною оковкой своей въ стѣну, и дѣлало въ ней пробой.

Всѣ эти машины, иногда, видоизмѣнялись, но основанія ихъ дѣйствій оставались тѣ же *).

Огнестрѣльное оружіе, впервые, появилось на Руси въ 1389 году, т.-е. еще при Дмитріи Донскомъ, когда, по словамъ лѣтописи, привезли „изъ Нѣмецкой земли арматы и стрѣльбу огненную и отъ того часу уразумѣли изъ нихъ стрѣляти“.

Употребленіе огнестрѣльнаго оружія, въ особенности ручного, распространялось однако до Іоанна IV весьма медленно. Причиною этому было, какъ несовершенство самаго оружія, такъ и трудность пріобрѣтенія его. Собственная выдѣлка огнестрѣльнаго оружія устанавливается на Руси только при Іоаннѣ III; до тѣхъ же поръ оно привозилось изъ-за границы.

*) Luigi Colliado: „Prattica Manuale dell'artiglieria“. Milano. 1641.

Прежде всего введены были въ употребленіе тяжелыя орудія, служившія на вооруженіе городскихъ укрѣпленій и, сравнительно, уже позже принято было и ручное оружіе. При сынѣ Дмитрія Донскаго, Василіи I, стѣны Москвы были уже вооружены пушками и онѣ дѣйствовали при отраженіи Эдигея въ 1408 году. Извѣстны были какъ орудія, такъ и ручное оружіе—подъ самыми разнообразными названіями, причемъ нерѣдко одно и то же имя давалось и тѣмъ и другимъ. Наиболѣе употребительныя русскія названія огнестрѣльнаго оружія были *пускичи*, или *пушки*, и *пищали*. Сначала и то и другое обозначало орудія; но впослѣдствіи названіе *пищали* было присвоено уже исключительно ручному оружію.

Различныя по своему устройству и назначенію орудія носили названія: *пускичей*, *пушекъ*, *пищалей*, *гаковницъ*, *гафуницъ* или *дробовиковъ*, *можжиръ* или *верховыхъ пушекъ*, т.-е. мортиръ. Пушками вообще назывались орудія, которыя имѣли каналъ безъ камеры. Гаковницы, гафуницы или дробовики были пушками съ коническою камерою внутри. Изъ нихъ стрѣляли каменьями, замѣнявшими теперешнюю картечь; впослѣдствіи же мелкими ядрами. Такъ, при осадѣ въ 1514 году Смоленска, пушкарь Стефанъ, распоряжавшійся дѣйствіями артилеріи (наряда), произвелъ второй выстрѣлъ „ядрами мелкими, окованными свинцомъ“.

Пищали (орудія) отличались отъ пищалей ручныхъ тѣмъ, что послѣднимъ присвоено было названіе *пищалей завѣсныхъ* (рис. № 29), потому что носились онѣ привѣшенными за спиною. Средне-калиберныя длинныя пищали (орудія), извѣстны были также подъ именемъ *змѣекъ*; а малокалиберныя, короткія, назывались *волкомейками* и *соколками*. По своимъ размѣрамъ пищали бывали: *полуторныя* (т. е. $1^1/_2$-саженныя), *семипядныя* (четвертныя), *сороковыя* и *затинныя* *), малыя, иначе называемыя *измаговницами*.

Относительно затинныхъ пищалей сохранились любопытныя описанія, по которымъ онѣ бывали и винтовальныя, т.-е. нарѣзныя, въ ложахъ съ замками или безъ нихъ. Ставились онѣ на станкахъ или желѣзныхъ вилахъ; заряжали же ихъ съ казеннаго винта, вмѣсто котораго была желѣзная плитка съ чеками. Изъ приведеннаго описанія явствуетъ, что это были крѣпостныя ружья, и что уже въ первой половинѣ XVI столѣтія, было извѣстно на Руси нарѣзное и, притомъ, съ казны заряжающееся огнестрѣльное оружіе.

Выше было уже указано, что выдѣлка огнестрѣльнаго оружія на Руси начинается только со времени Іоанна III, выписавшаго въ 1475 году изъ Венеціи зодчаго (архитектора) Аристотеля Фіоравенти, который пер-

*) Затинъ значитъ зарядъ. Вѣроятнѣе предположить что *затинными* пищалями назывались такія, которыя отличались большими размѣрами и изъ которыхъ стрѣляли *изъ затина*, т.-е. изъ-за ограды.—*Ред.*

вый научилъ *лить* орудія. Вѣрнѣе будетъ, однако, сказать въ этомъ случаѣ—„*ковать* орудія", такъ какъ до XVII даже вѣка, у насъ орудія были преимущественно *кованныя, желѣзныя*. Извѣстенъ былъ также, какъ литейщикъ, итальянецъ Павлинъ Дебосисъ, который въ 1488 году слилъ большую пушку, такъ какъ заграницей литье пушекъ было уже въ то время извѣстно. (Рис. № 32). Съ этихъ поръ, количество огнестрѣльнаго оружія начинаетъ быстро возрастать. Іоаннъ III уже значительно увеличилъ *нарядъ* или *снарядъ* (артилерію), и нарядъ составляетъ постоянную часть вооруженія городовъ; а при Василіи III артилерія участвуетъ уже въ полевыхъ дѣйствіяхъ. Онъ, въ первый разъ, вывелъ въ поле нарядъ, когда выступилъ въ походъ, чтобы преградить путь Махмедъ-Гирею, при его вторичной попыткѣ вторгнуться въ предѣлы Руси. О количествѣ огнестрѣльнаго оружія въ русскихъ войскахъ, въ концѣ разсматриваемаго періода, можно судить по тому, что въ 1510 году псковитяне, въ выставленной ими подъ Смоленскомъ вспомогательной рати, имѣли тысячу *пищальниковъ*, а въ арміи преемника Іоанна, Василія III, осаждавшей въ 1530 году Казань, нарядъ былъ такъ уже великъ, что черемисы, овладѣвшіе русскимъ гуляй-городомъ, захватили въ немъ 70 затинныхъ пищалей.

Артилерія, или нарядъ, хранилась въ складахъ въ Москвѣ, Новгородѣ, Псковѣ и другихъ важнѣйшихъ городахъ. Нарядомъ же называлась вся масса орудій, придававшаяся въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ войску. Большимъ нарядомъ назывались осадныя оружія. Артилеристы назывались *пушкарями*, порохъ—*зеліемъ*, артилерійская батарея — *туромъ*. Орудія отличали другъ отъ друга не по ихъ калибрамъ, вѣсу или тяжести снаряда, а по фигурамъ, которыя на нихъ отливались: были, напримѣръ, *воинъ, соловей, обезьяна, двѣ дѣвки* и т. п.

Употреблявшіеся въ артилеріи снаряды были, преимущественно, круглыя ядра, которыя бывали каменныя, желѣзныя и свинцовыя; стрѣляли также *дробомъ* (картечью). При описаніи осады Смоленска Василіемъ III, въ 1514 году, лѣтописи говорятъ, что русская артилерія—„огненными ядра во градъ стрѣляла". Интересно было бы выяснить вопросъ, были ли эти огненныя ядра бомбами, или же просто каленными ядрами.

Въ большинствѣ случаевъ *снарядъ* находился въ вѣдѣніи иностранцевъ: такъ, въ Казанскомъ походѣ при Василіи III, было три иностранныхъ пушкаря, и изъ нихъ одинъ—итальянецъ Бартоломей—былъ любимцемъ великаго князя. При нашествіи Махмедъ-Гирея въ Москвѣ былъ нѣмецкій пушкарь Никласъ, а въ Рязани—Іорданъ; вѣроятно, и вышеупомянутый пушкарь Стефанъ, былъ также иностранецъ.

Древнѣйшая, уцѣлѣвшая до сихъ поръ, пушка — русскаго литья: это — двухфунтовая пищаль, отлитая, подъ наблюденіемъ Аристотеля, какимъ-то Яковомъ въ 1485 году, въ княженіе Іоанна III (рис. № 27).

Также какъ и въ до-Монгольскій періодъ, русскія войска каждой области или города имѣли свои собственные стяги, получившіе затѣмъ названіе знаменъ. Важнѣйшимъ знаменемъ было, разумѣется, великокняжеское, или *великій стягъ*, который обыкновенно ставился въ серединѣ боеваго порядка. У Дмитрія Донского въ Куликовской битвѣ, знамя было черное атласное, съ изображеніемъ Нерукотвореннаго образа Спасителя. У Московскихъ великихъ князей, на знаменахъ сначала изображался гербъ Московскаго великаго княжества, т.-е. Георгій Побѣдоносецъ, а впослѣдствіи, послѣ женитьбы Іоанна III на византійской принцессѣ Софіи Палеологъ, двуглавый орелъ.

Военную музыку составляли тѣ же инструменты, что и прежде, т.-е. трубы, рога, бубны, накры, сопели или дудки. Введены были еще громадные барабаны, которые возились на 4 лошадяхъ за воеводами и назывались *набатами*. Били въ каждый набатъ 8 человѣкъ, и посредствомъ его и другихъ инструментовъ воеводы управляли своими полками. Звуками инструментовъ обозначалось преимущественно начало боя; сигналомъ же для отступленія служилъ только одинъ бой въ набатъ. Вообще, въ войскахъ было много музыкантовъ, производившихъ, когда это требовалось, концертъ далеко не изъ пріятныхъ.

Награды за службу состояли, какъ и прежде, въ раздачѣ знаковъ отличія, почетныхъ броней, доспѣховъ и одеждъ, въ пожалованіи помѣстьями и разнаго рода военными и придворными званіями. Къ числу прежнихъ знаковъ отличія, съ XV столѣтія, прибавляется еще *золотая деньга*, или просто *золотой*. Въ 1469 году великій князь Іоаннъ III наградилъ устюжанъ за войну противъ Казани—дважды по *золотой деньгѣ*. Василій III въ 1514 году, жаловалъ, по случаю взятія Смоленска, также и *золотыя деньги*. Смотря по мѣсту чекана, эти золотые назывались: *московскими, новгородскими, золотыми угорскми* (венгерскими), *португальскими* и т. д. Деньги были или золотыя, или золоченыя, разныхъ величинъ. Знатнымъ людямъ раздавались деньги съ изображеніемъ лица государева; а другимъ—Св. Георгія. Золотые раздавались, иногда, какъ память, для храненія, а иногда—какъ знакъ отличія, для ношенія на рукавѣ, шапкѣ или груди. Въ послѣднемъ случаѣ, они замѣняли древнія гривны, имя которыхъ не встрѣчается болѣе. Наиболѣе же почетною наградою было пожалованіе *золотою цѣпью*. Лица получавшія эти награды назывались *златоносцами*.

3. Боевые порядки и образъ дѣйствій въ бою. Походныя движенія.—Мѣры къ охраненію.—Ертаулъ.—Военно-административное раздѣленіе войскъ и командованіе ими.—Продовольствіе войскъ.

Боевые порядки въ разсматриваемое время сначала представляли то же, что выработалось въ до-Монгольскій періодъ.

Также какъ и прежде, центръ составлялъ большой полкъ, и при немъ находился великій князь и его знамена; по обѣ стороны большого полка становились полки правой и лѣвой руки, а впередъ выдвигался передовой полкъ. Это былъ, такъ-сказать, общій типъ русскаго боеваго порядка, отъ котораго дѣлались, разумѣется, болѣе или менѣе существенныя отступленія, смотря по обстановкѣ отдѣльныхъ боевыхъ столкновеній. Перечисленныя части боеваго порядка (полки), строились, каждый, въ сплошной и, притомъ, глубокій строй; но самъ порядокъ никогда не былъ сплошнымъ,—это былъ порядокъ разчлененный. Обстоятельство это представляетъ существенный интересъ, такъ какъ, благодаря отдѣльному расположенію и, соотвѣтственно этому, организованному командованію, нашъ боевой порядокъ обладалъ, въ извѣстныхъ предѣлахъ, гибкостью, и его сила сопротивленія, разумѣется, возрастала. Независимо другъ отъ друга, въ извѣстныхъ предѣлахъ, расположеніе полковъ, приводило къ тому, что пораженіе или разстройство одного изъ нихъ отражалось на другихъ, въ сравнительно болѣе слабой степени. Въ рукахъ искуснаго начальника, этотъ боевой порядокъ представлялъ возможность, даже при отсутствіи резерва, возстановлять бой и, даже, одерживать побѣду въ такихъ случаяхъ, когда пораженіе казалось уже неизбѣжнымъ. Такъ именно поступилъ Александръ Невскій, въ знаменитомъ Ледовомъ побоищѣ, когда желѣзный полкъ нѣмцевъ (или ихъ великая свинья) опрокинулъ нашъ центръ, но, вслѣдъ затѣмъ, самъ былъ атакованъ съ фланговъ и въ тылъ нашими крыльями и совершенно разбитъ.

Такой боевой порядокъ являлся тѣмъ болѣе соотвѣтствующимъ тогдашнимъ условіямъ, что преобладающимъ родомъ оружія была конница, требующая, понятно, такого построенія, которое возможно менѣе стѣсняло бы ея движенія. Вѣроятно, именно въ видахъ болѣе полнаго развитія указанныхъ свойствъ, фланговые полки иногда еще разчленялись. Въ сраженіи, напримѣръ, на рѣкѣ Кеголѣ, 18 февраля 1261 года, новгородцы построились, имѣя въ полку лѣвой руки, сына великаго князя Михаила, съ тверитянами; въ центрѣ — противъ великой свиньи нѣмцевъ—новгородцевъ; въ полку правой руки — псковичей; князь же Дмитрій Александровичъ, съ переяславцами, и съ сыномъ великаго князя Святославомъ, *сталі по правую же руку и повыше.*

Приведенный типичный боевой порядокъ былъ притомъ чисто-русскимъ, и, ни въ какомъ случаѣ, нельзя согласиться съ мнѣніемъ, будто все было въ этомъ отношеніи заимствовано у монголовъ. Правда, сходство есть — и значительное — между нашими и монгольскими боевыми порядками; но на Руси, какъ это уже сказано, войска строились для боя, почти въ томъ же порядкѣ, еще въ до-Монгольскій періодъ, когда Монгольскаго или Чингизъ-ханова царства еще и не существовало.

Со временемъ, въ боевыхъ порядкахъ русскихъ войскъ, можно прослѣдить введеніе болѣе или менѣе существенныхъ прибавленій, указывающихъ на возникновеніе идеи о резервѣ. Такъ, въ Куликовской битвѣ, напримѣръ, видимъ расположеніе за большимъ полкомъ, какъ бы въ частномъ резервѣ, полка Дмитрія Ольгердовича, прекрасно выполнившаго свою задачу—прикрывъ флангъ большого полка, угрожаемаго татарами, уже опрокинувшими полкъ лѣвой руки. Та же въ сущности идея резерва, только уже общаго, видна и въ *засадныхъ полкахъ*, или засадахъ, все чаще и чаще встрѣчающихся въ описаніяхъ сраженій. Какъ указано было выше, засадный полкъ князя Владиміра Андреевича рѣшилъ Куликовскую битву въ пользу русскихъ. Въ 1375 году, новгородскіе ушкуйники, въ числѣ всего 2.000 человѣкъ, подъ начальствомъ Прокопа, при помощи засады, разбиваютъ подъ Костромою воеводу Плещеева, вышедшаго имъ на встрѣчу съ 5.000 человѣкъ. Знаменитая Ведрошская побѣда 14 іюля 1500 года, была также одержана благодаря засадѣ.

Чрезвычайный интересъ представляютъ слова лѣтописи, описывающія сраженіе 8 сентября 1514 года на берегахъ рѣки Днѣпра, у города Орши. Здѣсь воевода Челяднинъ, какъ мы видѣли, строитъ свои главныя силы въ *три линіи*; а для дѣйствій во фланги и въ тылъ непріятеля, выдѣляетъ, въ обѣ стороны, сильные кавалерійскіе отряды. Къ сожалѣнію, лѣтописи этимъ краткимъ очеркомъ и ограничиваются, такъ что трудно, съ достовѣрностью, опредѣлить, что это былъ за трехлинейный порядокъ?

Быть можетъ это было расположеніе весьма близкое къ позднѣйшему, даже современному боевому построенію войскъ—въ двѣ линіи, стоявшихъ одна за другой на извѣстномъ разстояніи; съ третьею линіею назади,—составляющею нынѣшній резервъ. Или же, что вѣрнѣе, то было — въ первой линіи, передовой полкъ; за нимъ, во второй линіи—большой полкъ, а за нимъ, въ третьей—сторожевой, въ видѣ нынѣшняго арріергарда. Этотъ же сторожевой полкъ могъ исполнять и назначеніе резерва, во время боя.

Такой порядокъ упоминается, къ тому же, въ лѣтописяхъ всего только въ одномъ указанномъ случаѣ. Но есть основанія предполагать, что это былъ случай совсѣмъ не исключительный; иначе лѣтописи отмѣтили бы особенность принятаго построенія, какъ онѣ это дѣлаютъ въ другихъ случахъ. Въ исторіи, напримѣръ, войны Василія Васильевича Темнаго съ Василіемъ Косымъ, описывая Скорятинскую битву въ 1436 году, Псковская лѣтопись говоритъ, что находившійся въ войскахъ Василія Темнаго литовскій выходецъ князь Иванъ Баба-Друцкой—„изрядилъ свой полкъ съ копьями по-литовски“, и этотъ порядокъ выдѣляется такимъ образомъ изъ порядковъ, принятыхъ другими полками.

Самый ходъ сраженій или боевъ, почти, ничѣмъ не отличался отъ предшествующихъ временъ. Также какъ и прежде, зачастую, сошедшіяся

войска противныхъ сторонъ не сразу рѣшаются вступить въ бой, а стоятъ другъ противъ друга иногда довольно долго. Сохранился тоже старый обычай браниться передъ битвою: передъ Шелонскою даже битвою, въ 1471 году, по словамъ лѣтописи,—„новгородцы, по оной странѣ рѣки Шелони ѣздяще, и гордящеся, и словеса хульные износяще на воеводъ великаго князя; еще же оваяннїи и на самого государя великаго князя, словеса нѣкая хулная глаголаху, яко пси лаяху".

Построивъ боевой порядокъ, князья объѣзжали обыкновенно ряды своихъ войскъ и говорили имъ свои рѣчи. Въ ряду такихъ рѣчей нельзя не отмѣтить сказанную Дмитріемъ Донскимъ передъ Куликовскою битвой. Самый бой начинался часто предварительнымъ единоборствомъ выдающихся витязей, послѣ чего уже завязывался общій бой подъ звуки трубъ, роговъ, бубновъ и тому под. Князья, какъ и прежде, первые, во главѣ своихъ передовыхъ войскъ, бросались на непріятеля, и тѣмъ подавали личный примѣръ. Дмитрій Донской поступилъ точно такъ же въ Куликовской битвѣ, гдѣ онъ, въ формѣ простого ратника, сталъ въ передовомъ полку. На всѣ упрашиванія князей и бояръ удалиться въ мѣсто болѣе безопасное онъ отвѣчалъ:—„Братія моя милая, добрыя ваши рѣчи и похвалы достойны. Но если я—вашъ глава, то впереди васъ хочу и битву начать. Умру или живъ буду—вмѣстѣ съ вами". Впослѣдствіи однако обычай этотъ, повидимому, вывелся; по крайней мѣрѣ лѣтописи не даютъ уже точныхъ указаній относительно личнаго участія въ бою такихъ великихъ князей, какъ Іоаннъ III и Василій III. Послѣдній прибѣгалъ однако и къ другимъ средствамъ для воодушевленія своихъ войскъ: такъ, передъ штурмомъ Смоленска въ 1512 году онъ приказалъ напоить пищальниковъ.

Бой былъ исключительно рукопашный, даже и по введеніи огнестрѣльнаго оружія. Крайнее несовершенство послѣдняго вынуждало употреблять его въ теченіе довольно-таки продолжительнаго времени въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ, да и то на укрѣпленіяхъ городовъ. Въ полевомъ сраженіи артилерія впервые появилась уже при Василіи III, т.-е. сто лѣтъ спустя послѣ ея появленія въ нашихъ войскахъ. Ручное огнестрѣльное оружіе также распространялось медленно, тѣмъ болѣе, что главнымъ родомъ оружія была, все еще конница, и ея атака была главнымъ дѣйствіемъ въ бою. Дѣйствія пѣхоты были обыкновенно второстепенными. Лѣтописи приводятъ, однако, нѣкоторые случаи, въ которыхъ пѣхота являлась частью войскъ рѣшающею дѣло. Такъ, въ войнѣ Ростислава Михайловича Черниговскаго съ Даніиломъ Галицкимъ, смерды, составлявшіе у Ростислава пѣхоту, дали ему побѣду, но когда, вслѣдъ за тѣмъ, въ ярославскомъ сраженіи, онъ оставилъ пѣхоту у города и вступилъ въ бой съ одною конницей, то былъ побѣжденъ Даніиломъ, имѣвшимъ и конницу, и пѣхоту.

Атака конницы отличалась силою и стремительностью; но, не одержавъ успѣха, она чрезвычайно же быстро уходила назадъ съ тѣмъ, чтобы, устроившись, снова атаковать.

Въ зависимости отъ вооруженія, войска дѣлились на тяжелыя и легкія и, также какъ и прежде, первыя дѣйствовали въ сплошныхъ строяхъ холоднымъ оружіемъ, а вторые—въ разсыпныхъ—стрѣльбою изъ луковъ. Первое столкновеніе пѣхотныхъ массъ происходило на копьяхъ, которыя были разной длины, такъ что задній рядъ клалъ свои копья на плечи передняго, у котораго копья были короче *).

Качества русскаго ратника остаются неизмѣнными въ своихъ основаніяхъ: такъ, по свидѣтельству иностранныхъ писателей, русскіе воины *охочи до боя* и *стремительны въ ударѣ*. Неоцѣненныя качества русскаго солдата настоящаго времени, отмѣчаются писателями и въ ратникахъ тяжелаго времени монгольскаго ига. Герберштейнъ, напримѣръ, свидѣтельствуетъ поразительную выносливость и способность довольствоваться малымъ въ войскахъ Василія III. Онъ съ удивленіемъ говоритъ, напримѣръ, о томъ, какъ мало нужно московскому ратнику въ походѣ. По его словамъ, кто имѣетъ шесть или даже болѣе лошадей, на одной умѣщаетъ всѣ жизненные припасы, состоящіе въ небольшомъ количествѣ толокна, ветчины и соли; у богатыхъ къ этому прибавлялся перецъ, сушеная рыба и проч. Этою пищей довольствовались и господинъ и слуги; причемъ послѣдніе иногда по два или по три дня оставались безъ пищи.

Сохранили также русскія войска свою прежнюю слабость къ непріятельскимъ обозамъ и станамъ, грабить которые они зачастую бросались, несмотря на всѣ усилія удержать ихъ отъ этого. Иногда даже и начинали съ этого дѣло, чѣмъ не могли не пользоваться наши враги. Въ одномъ, напримѣръ, изъ походовъ противъ ливонцевъ—„погнались воеводы московскіе и псковичи, и нагнали нѣмцевъ въ Очеровахъ на Могильникѣ; нѣмцы обозъ (кошъ) свой поставили поотдаль отъ себя и сказали:—„Когда Русь ударится на кошъ, то мы воспользуемся этимъ и выйдемъ изъ Псковской земли (т.-е. будемъ спасены); если же ударится на насъ, то тутъ намъ сложить свои головы“. Псковичи первые ударились на кошъ, за ними москвичи,—и начали между собой драться за нѣмецкое добро; чудь, находившуюся при обозѣ, всю перерубили; нѣмцы въ это время напали на москвичей и псковичей и была съ ними сѣча“.

Въ случаѣ побѣды, преслѣдованіе разбитаго противника возлагалось обыкновенно на передовой полкъ, главныя же силы оставались на полѣ сраженія, какъ и прежде *на костяхъ*.

Походы русскихъ войскъ, до послѣднихъ дней изслѣдуемаго періода т.-е. до Іоанна Грознаго, выполнялись, попрежнему, и сухимъ путемъ, и

*) См. въ IV главѣ описаніе боя при Ольмюцѣ въ 1241 г.—Ред.

водою—рѣками. Повидимому, состояніе путей сообщенія было не лучше временъ Владиміра I и Ярослава; а потому пѣхота, при малѣйшей къ тому возможности, выполняла свои передвиженія на судахъ и сохраняла названіе судовой рати. Сухимъ путемъ двигалась одна кавалерія; такимъ именно образомъ двинуты были войска новгородцевъ противъ Іоанна III и, такимъ же порядкомъ, выполнялись всѣ походы Іоанна III и Василія III противъ Казани.

Походныя сухопутныя движенія выполнялись при всѣхъ необходимыхъ мѣрахъ охраненія. Впередъ высылался передовой или сторожевой полкъ, отъ котораго выдвигались и впередъ и въ стороны *сторожи*, на обязанности которыхъ было и охраненіе, и развѣдываніе о непріятелѣ, и *добываніе языка*, т.-е. захватъ плѣнныхъ для опроса. Вообще, походы выполнялись болѣе осторожно, чѣмъ прежде, и съ болѣе широкимъ развитіемъ мѣръ охраненія, которымъ, очевидно, придавалось уже важное значеніе. Примѣромъ въ этомъ случаѣ могутъ служить разсказанныя выше мѣры, принятыя Дмитріемъ Донскимъ, при выступленіи его на встрѣчу Мамаю.

Двигающіяся за передовымъ полкомъ главныя силы и въ походѣ въ большинствѣ случаевъ, сохраняли свое дѣленіе на полки: большой правой и лѣвой руки, къ которымъ придавался еще затыльный, т.-е. арріергардъ. Впослѣдствіи, уже въ княженіе Василія III, къ этимъ основнымъ частямъ походнаго порядка, прибавился еще *ертаулъ* или *ястаулъ*, который, собственно говоря, составлялъ летучій конный отрядъ, двигавшійся впереди сторожеваго или передоваго полка. Слѣдовательно, ертаулъ представлялъ дальнѣйшее развитіе мѣръ охраненія, которыя, очевидно, должны были сильно выигрывать въ виду значительности состава и самостоятельности ертаула.

На отдыхъ войска располагались станами (лагерями), въ которыхъ начальствующіе и болѣе богатые разбивали палатки, другіе же строили себѣ шалаши изъ прутьевъ и покрывали ихъ войлоками. Лагери, обыкновенно, ничѣмъ не укрѣплялись, но выбирались для нихъ преимущественно мѣста труднодоступныя.

Начальствованіе войсками было, въ разсматриваемую эпоху, столь же мало опредѣленнымъ, какъ и прежде, да къ тому же и очень запутаннымъ. Низшіе начальники назначались соотвѣтственно существовавшимъ подраздѣленіямъ войскъ, т.-е. были *десятники*, *сотники* и *тысяцкіе*. Тысяцкіе были обыкновенно главными воеводами, и, въ большинствѣ случаевъ, эта должность была наслѣдственною въ извѣстномъ боярскомъ родѣ. Въ Москвѣ, напримѣръ, до Дмитрія Донского, тысяцкіе назначались изъ рода Вельяминовыхъ, и послѣднимъ тысяцкимъ былъ Василій Васильевичъ Вельяминовъ, послѣ котораго Дмитрій никого не назначалъ на эту должность и она болѣе не встрѣчается въ исторіи.

По праву, главное начальствованіе войсками принадлежало великому князю и удѣльнымъ князьямъ, которые вначалѣ распоряжались своими силами вполнѣ самостоятельно, даже въ присутствіи великаго князя. Начиная съ Дмитрія Донского, за Московскими великими князьями, какъ бы, утверждается право общаго предводительствованія войсками.

Послѣ князей, высшими начальниками были *воеводы*, имѣвшіеся во всякомъ удѣльномъ княжествѣ и даже городахъ. Всякій городъ, всякая область и всякое удѣльное княжество, высылали свою рать подъ начальствомъ своихъ собственныхъ воеводъ. Впослѣдствіи уже, по мѣрѣ уничтоженія удѣловъ и возрастанія могущества Москвы, преобладающее значеніе получаютъ московскіе воеводы, изъ среды которыхъ вообще назначаются начальствующія лица. Воеводы были *осадные* и *полковые*. Осадные начальствовали въ городахъ, а полковые—войсками дѣйствующими въ полѣ. Полковые воеводы назначались и носили названія соотвѣтственно боевымъ подраздѣленіямъ войскъ, т.-е. были особые воеводы: сторожеваго, передоваго, большого, а иногда и засаднаго полковъ, также полковъ правой и лѣвой руки. Въ каждый изъ этихъ полковъ назначался, къ тому же, не одинъ воевода, а нѣсколько, изъ числа которыхъ одинъ былъ главнымъ, а остальные состояли, по тогдашнему выраженію,—„*подъ нимъ*“. Къ сожалѣнію, лѣтописи не даютъ матеріаловъ, чтобы можно было составить себѣ ясное понятіе о распредѣленіи командованія между всѣми этими воеводами и объ отношеніяхъ ихъ другъ къ другу. Вѣроятно, послѣдній весьма важный вопросъ, опредѣлялся существовавшими въ то время установленіями, далеко не опредѣленно; вслѣдствіе чего отсутствіе единства въ дѣйствіяхъ русскихъ войскъ составляло самое обыкновенное явленіе. Казанскій походъ 1469 г. кончился неудачею благодаря несогласіямъ воеводъ, которые—„нелюбье держали между собою, другъ подъ другомъ идти не хотѣли“. Оршинскимъ пораженіемъ въ 1514 г. русскія войска обязаны независимости другъ отъ друга и несогласіямъ воеводъ Челяднина и Голицы. Въ 1530 году русскія войска, овладѣвъ, какъ мы уже видѣли, острогомъ (внѣшнимъ городомъ) Казани, не взяли беззащитнаго, на нѣкоторое время, кремля, благодаря тому, что князья Бѣльскій и Глинскій, запялись споромъ о томъ—кому первому въѣхать въ городъ. Вообще, къ концу изслѣдуемаго времени нашей исторіи, довольно часто встрѣчаются уже свѣдѣнія и о мѣстничествѣ, чрезвычайно вредно вліявшемъ на ходъ военныхъ дѣйствій.

За весь разсматриваемый періодъ войска не получали ни жалованья, ни продовольствія, и обязанность прокармливать себя лежала на самихъ войскахъ. Необходимость каждому имѣть при себѣ, смотря по состоянію, болѣе или менѣе значительные запасы продовольствія, влекла за собою то, что обозы при войскахъ были громадны. Запасы перево-

зились на вьючныхъ лошадяхъ, на подводахъ или водою, на судахъ, но, во всякомъ случаѣ, все это чрезвычайно стѣсняло войска. Случаи недостатка въ продовольствіи были, разумѣется, не только неизбѣжны, но и весьма часты, и приходилось тогда прибѣгать къ собиранію въ странѣ всего необходимаго. Въ 1477 году, напримѣръ, находясь подъ Новгородомъ, Іоаннъ III велѣлъ воеводамъ отпустить половину войска за кормами, съ тѣмъ чтобы черезъ десять дней всѣ были снова въ сборѣ. Понятно, что грабежи и разореніе страны и жителей, были при этомъ неизбѣжны, и противъ этого старались принимать мѣры. Сохранилась грамота Іоанна III, которою запрещалось полкамъ, идущимъ въ походъ, останавливаться брать кормы, подводы и проводниковъ по волостямъ, принадлежавшимъ Троицкому Сергіеву монастырю.

4. Города, крѣпости, атака и оборона ихъ.—Укрѣпленныя линіи на границахъ.

Внѣшній видъ русскихъ городовъ почти ничѣмъ не отличался отъ таковаго же въ прежде описанное время. Городъ, попрежнему, состоялъ изъ *днешняго* (внутренняго), иначе *дѣтинца*, или *кремля*, и внѣшняго—*кромнаго* города, или *острога*. Въ большинствѣ случаевъ, каждая изъ этихъ частей обносилась стѣнами съ башнями и рвами. Прежнія деревянныя стѣны стали постепенно замѣняться, въ главнѣйшихъ городахъ, каменными, которыя построены были прежде всего въ Новгородѣ. Хотя новгородцы постепенно и расширяли укрѣпленія своего города, но, тѣмъ не менѣе, даже въ началѣ XV вѣка, по словамъ иностранца Ланнуа, онъ былъ еще плохо укрѣпленъ. Гораздо лучше былъ укрѣпленъ Псковъ, положеніе котораго было несравненно опаснѣе со стороны Литвы и Ливоніи. Въ самомъ Псковѣ, въ теченіе длиннаго ряда годовъ, были выполнены весьма значительныя работы по его укрѣпленію. О томъ, какимъ образомъ производились эти постройки и во что онѣ обходились, можно судить по слѣдующимъ примѣрамъ: въ 1465 г., начали въ Псковѣ строить новыя укрѣпленія въ кромномъ городѣ, для чего наняли 80 мастеровъ, которые строили ихъ три года и получили за это 175 рублей *).

Для огражденія своихъ владѣній отъ ливонцевъ, псковичи заложили въ 1462 году городъ Володимерецъ, и надъ великимъ озеромъ—Новый Городецъ, который былъ построенъ за 90 рублей. Кромѣ самихъ Новгорода и Пскова, въ ихъ областяхъ было еще нѣсколько другихъ городовъ съ каменными стѣнами, какъ-то: Копорье, Орѣшекъ, Ямскій Городъ, Порховъ, Изборскъ и Гдовъ.

*) Древній рубль—это былъ кусочекъ серебра, длиною въ полтора вершка и толщиною въ палецъ, вѣсомъ отъ 22 до 24 золотниковъ, т.-е. около $^1/_4$ фунта. Въ первый разъ рубль упоминается въ лѣтописяхъ подъ 1322 годомъ.

Москва получила каменныя укрѣпленія гораздо позже Новгорода и Пскова, а именно въ 1367 году, уже при Дмитріи Донскомъ. Въ Нижнемъ Новгородѣ, каменныя стѣны поставлены въ 1372 году; а первыя достовѣрныя свѣдѣнія объ укрѣпленіи Твери относятся къ 1368 году, когда тутъ срубили деревянную крѣпость и глиною помазали. Около того же времени, князь Владиміръ Андреевичъ, построилъ въ Серпуховѣ крѣпость дубовую; укрѣплены были также Владиміръ и Великія Луки.

Помимо укрѣпленія городовъ внутри Руси и постройки таковыхъ же на границахъ, къ этому времени относится и устройство особыхъ укрѣпленныхъ линій, назначеніемъ которыхъ было прикрывать наши границы отъ татаръ, а позже—и отъ казаковъ. Эти укрѣпленныя линіи состояли изъ засѣкъ, въ мѣстахъ лѣсистыхъ, и земляныхъ валовъ со рвами—на мѣстахъ открытыхъ. На протяженіи засѣкъ или валовъ, въ важнѣйшихъ и удобныхъ для обороны пунктахъ, строились *острожки* или *городки*, укрѣпленные валомъ съ тыномъ и рвомъ, а для проѣзда устраивались заставы. Такого рода укрѣпленная линія была устроена на пространствѣ отъ Оки до Дона и Волги и оборонялась, она упоминавшеюся выше, *засѣчною стражею*. Въ прилегавшихъ къ укрѣпленной линіи мѣстностяхъ устраивались *станицы*, заселявшіяся какъ стражею, такъ и городовыми казаками и наемными татарами.

Въ самомъ началѣ описываемаго времени, средства атаки и обороны городовъ, отличаются отъ прежняго только болѣе широкимъ примѣненіемъ къ дѣлу стѣнобитныхъ и камнеметательныхъ машинъ. Въ различныхъ описаніяхъ осадъ, лѣтописи уже постоянно упоминаютъ о *по́рокахъ*, *таранахъ*, *турахъ*, *тюфякахъ*, *пускичахъ*, *баранахъ*, *возрадахъ* и *быкахъ*. При осадѣ Чернигова Даніиломъ Романовичемъ Галицкимъ и Владиміромъ Рюриковичемъ Кіевскимъ, осаждающіе поставили таранъ, который металъ камнемъ на полтора перестрѣла; а камень былъ въ подъемъ четыремъ мужчинамъ сильнымъ. Ростиславъ Мстиславовичъ Черниговскій употреблялъ *по́роки* или *проки* при осадѣ Ярослава Галицкаго; а новгородцы, собираясь въ походъ подъ Раковоръ, пріискали мастеровъ, которые стали чинить по́роки на владычнемъ дворѣ. (Рис. №№ 30 и 31).

По приближеніи къ крѣпости, осаждающіе, прежде всего, выжигали посадъ и всѣ прилегающія къ городу строенія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, однако, это дѣлали сами осажденные, приготовляясь къ осадѣ. Осаждающіе же, обратно, принимали мѣры, чтобы не допустить выжечь окрестности. Такъ, въ походѣ на Новгородъ, въ 1477 году, Іоаннъ III, находясь отъ него еще въ 120 верстахъ, выслалъ къ Новгороду войска, съ приказаніемъ занять Городище и подгородные монастыри, чтобы новгородцы не сожгли ихъ.

Также какъ и прежде, крѣпость или городъ окружали рвами и насыпями и тыномъ, совершенно отрѣзывая его такимъ образомъ отъ окрестностей. Войска осаждающаго располагались за этою укрѣпленною линіей въ укрѣпленныхъ же станахъ. Къ крѣпости, осаждающіе приближались, по возможности, съ нѣсколькихъ сторонъ, прикрываясь и мѣстностью, и всякаго рода приспособленіями, для этой цѣли придуманными. Большею частью впереди, особые рабочіе катили большіе туры, ставили и насыпали ихъ землей, а за ними уже располагали осадныя орудія. Какъ прикрытія, упоминаются также лѣтописями: особыя передвижныя *башни*, рубленые *тарасы* или срубы и какіе-то *городы*, которые, вѣроятно, были подвижными стѣнами; они привозились войсками съ собой. Лѣтописи упоминаютъ въ одномъ случаѣ весьма оригинальный способъ прикрытія, употребленный, впрочемъ, не русскими войсками, а именно: при осадѣ Устюга, въ 1446 году, татары шли на приступъ, имѣя на головахъ своихъ лодки (насады). Со временъ Василія III, а именно при осадѣ имъ въ 1530 году Казани, встрѣчаются особыя сооруженія, называвшіяся *гуляемъ* или *гуляй-городомъ*. Это было нѣчто въ родѣ подвижнаго укрѣпленнаго лагеря, составленнаго изъ повозокъ, связанныхъ между собою цѣпями и окружавшихъ со всѣхъ сторонъ войско. На эти повозки ставилось два ряда деревянныхъ щитовъ, изъза которыхъ дѣйствовали стрѣлами. Гуляй вооружался также и артилеріей, какъ это видно изъ разсказа о взятіи, при упомянутой осадѣ Казани, нашего гуляя черемисами, захватившими въ немъ 70 пищалей затинныхъ.

Приблизясь къ городскому рву, на немъ срубали тынъ, т.-е. деревянную стѣнку изъ кольевъ; устраивали присыпъ земляной или приметъ и затѣмъ уже штурмовали стѣны и башни. Вспомогательнымъ средствомъ атаки, зачастую, служили подкопы, выполненіемъ которыхъ обыкновенно руководили иностранные, преимущественно нѣмецкіе, мастера— *размыслы*.

Какъ приближеніе къ крѣпости, такъ и приступъ прикрывались усиленнымъ метаніемъ стрѣлъ изъ луковъ и *самострѣловъ*, получившихъ въ это время значительное распространеніе; метаніе камней также поддерживало штурмующія войска.

Такимъ именно образомъ дѣйствовалъ Дмитрій Донской при осадѣ Твери. Осаждающіе окружили городъ острогомъ, приставили туры и приметали приметъ около всего города. Эта осада продолжалась четыре недѣли, но городъ не былъ взятъ потому, что тверской князь поспѣшилъ заключить миръ съ Дмитріемъ.

Со введеніемъ огнестрѣльнаго оружія, прежде всего, выиграла, и даже значительно, оборона городовъ, такъ какъ неуклюжія первоначальныя орудія не имѣли станковъ, а положенныя на деревянныя колоды

могли найти примѣненіе только на крѣпостныхъ стѣнахъ. При сынѣ и преемникѣ Дмитрія Донского—Василіи I—Москва была уже вооружена пушками, оказавшими существенную помощь при отраженіи Эдигея въ 1408 году. Въ полевыхъ дѣйствіяхъ войскъ, артилерія могла принять участіе несравненно позже, т.-е. уже въ самомъ концѣ изучаемой эпохи—при Василіи III. Понятно, что и при осадахъ городовъ, орудія могли быть употреблены также не ранѣе этого времени. Какъ кажется, впервые артилерія приняла участіе въ осадѣ только въ 1514 году—подъ Смоленскомъ, и, въ скоромъ уже времени, *большой нарядъ* (или осадная артилерія) чрезвычайно быстро сталъ увеличиваться.

Полученіе возможности употреблять при осадахъ огнестрѣльное оружіе, какъ тяжелое, такъ и ручное, повліяло, разумѣется, и на способы атаки, и на получаемые результаты. Вліяніе это, прежде всего, выразилось въ томъ, что оказывались болѣе ненужными нѣкоторыя изъ прежнихъ осадныхъ работъ, и притомъ наиболѣе значительныя и замедлявшія дѣло. Устройство, напримѣръ, присыпи или примета, становилось излишнимъ, и съ удобствомъ замѣнялось разрушеніемъ городскихъ стѣнъ и башенъ, т.-е. устройствомъ пролома или бреши, при помощи огнестрѣльныхъ орудій. Получалась возможность дѣйствовать по крѣпости съ болѣе значительныхъ разстояній, на которыхъ устраивались, вооруженныя большими пушками, осадныя батареи, называвшіяся *бойницами*. Осадныя батареи строились при помощи туровъ, насыпаемыхъ землею изъ рва, вырывавшагося сзади нихъ. Батареи послѣдовательно приближались къ городу до разстоянія *пищальнаго* (ружейнаго) выстрѣла, съ котораго производилась усиленная стрѣльба. Выполнить послѣднее, т.-е. открыть усиленный огонь, было однако не всегда возможно при тогдашнихъ орудіяхъ, устройство которыхъ было весьма плохо, и, въ этомъ отношеніи, мы значительно уступали нашимъ сосѣдямъ—нѣмцамъ. Псковскія, напримѣръ, пушки, дѣйствовали далеко не удачно: такъ, при осадѣ Нейгаузена, пришлось ихъ вскорѣ снять, потому что псковичи, начавъ бить городъ пушками, пустили было въ него своею большою пушкой,—но колода у ней *вся изломалась* и желѣзо около разорвалось.

Произведя въ стѣнахъ и башняхъ достаточныя разрушенія, сдѣлавъ въ нихъ проломы, войска, т.-е. пѣхота, прикрываемая конницею, посылались на приступъ. При осадахъ вообще, а также и на приступахъ, рабочую силу составляли посошные, или посоха; такъ псковской лѣтописецъ говоритъ, что во второмъ Смоленскомъ походѣ, на приступъ пошли пищальники псковскіе и другихъ городовъ, а *посоха* понесла приметъ.

Средствами обороны городовъ были: метаніе стрѣлъ, камней, а впослѣдствіи пушечный и ружейный огонь; для уничтоженія непріятельскихъ осадныхъ работъ служили вылазки и подземныя работы, получившія

значительное развитіе со введеніемъ въ употребленіе пороха. Для отраженія приступа, помимо перечисленныхъ средствъ, осажденными примѣнялись: сбрасываніе со стѣнъ и башенъ бревенъ и большихъ камней, а также обливаніе штурмующихъ кипяткомъ или кипящею смолою. Оборонялись города обыкновенно довольно упорно и, во многихъ случаяхъ, успѣшно; такъ что можно привести цѣлый рядъ такихъ городовъ, которые за все это время никогда не были взяты, по крайней мѣрѣ, силою. Къ числу такихъ городовъ относятся: Москва, кремль которой былъ взятъ Тохтамышемъ только при помощи обмана; Смоленскъ, два раза взятый Витовтомъ, но также хитростью; Новгородъ не былъ взятъ ни разу.

Вообще, въ разсматриваемый періодъ, около городовъ въ значительной мѣрѣ сосредоточивается боевая дѣятельность какъ русскихъ, такъ и непріятельскихъ войскъ. Въ лѣтописяхъ упоминается болѣе восьмидесяти случаевъ взятія русскихъ городовъ, преимущественно татарами, при Батыевомъ, Тохтамышевомъ и Эдигеевомъ нашествіяхъ. Двадцать разъ русскіе отбили осаждающихъ отъ своихъ городовъ; сами же русскіе, двадцать два раза, взяли непріятельскіе города и семь разъ осаждали неудачно. Въ междуусобныхъ войнахъ русскихъ князей, встрѣчается до тридцати пяти извѣстій о взятіи городовъ, и пять разъ осады были неудачны.

Изъ сдѣланнаго краткаго очерка наиболѣе выдающихся военныхъ событій за время отъ перваго нашествія монголовъ до перваго Русскаго царя, Іоанна IV, явствуетъ, насколько эпоха эта изобилуетъ фактами громаднаго интереса, въ смыслѣ изученія состоянія на Руси современнаго военнаго искусства, а также и разнообразія въ послѣднемъ отношеніи. Эпоха эта, по справедливости, можетъ быть названа *переходною* для Руси въ военномъ отношеніи, также какъ и въ политическомъ. Какъ во всякомъ другомъ дѣлѣ, такъ и здѣсь въ военномъ—переходное время это связано было съ временнымъ упадкомъ, разстройствомъ и неурядицею, неизбѣжными пока старое не было окончательно вытѣснено, а новое установлено. Затруднительность положенія была тѣмъ болѣе велика, что переживаемое тяжелое время переустройства всѣхъ вооруженныхъ силъ Руси сопровождалось обстоятельствами, требовавшими чрезвычайнаго напряженія этихъ силъ. Монгольское нашествіе—само по себѣ уже вызывало необходимость прочной организаціи и развитія русскихъ военныхъ силъ; безъ чего не могла осуществиться всѣмъ общая надежда—свергнуть ненавистное иго. Всѣми стала сознаваться потребность бо́льшаго единенія, и устраненія частныхъ, личныхъ побужденій и распрей, бывшихъ до того главною причиною всѣхъ несчастій земли русской.

Условіямъ единства и общности цѣлей не удовлетворяли дружины множества враждебныхъ другъ другу удѣльныхъ князей, съ которыми

пришлось встрѣчать нашествіе. Еще менѣе можно было разсчитывать на завоеваніе вновь независимости, ранѣе окончательнаго установленія новой военной системы Іоанна III. Приведенное мнѣніе справедливо, несмотря на то, что гораздо ранѣе Іоанна III, при Дмитріи еще Донскомъ, на поляхъ Куликовской битвы, съ прежними, но уже такъ сказать полудружинными войсками, положено начало будущей независимости. Это дѣйствительно было только началомъ въ дѣлѣ достиженія той задачи, на выполненіе которой потребовалось еще болѣе столѣтія, и которая была совершенно не подъ силу дружинамъ Дмитрія и его союзниковъ, что и доказывается тѣмъ страшнымъ погромомъ, который вынесла Русь, на другой же годъ послѣ Куликовской побѣды.

Въ началѣ разсматриваемаго времени, формы устройства нашихъ вооруженныхъ силъ ничѣмъ еще не отличаются отъ таковыхъ же въ до-Монгольскій періодъ. Онѣ еще носятъ характеръ, исключительно дружинный—попрежнему чрезвычайно подвижны, также какъ и князья, которымъ онѣ служили, и нисколько не связаны со страной, изъ среды населенія которой дружинники выходили. Это положеніе дѣла вполнѣ отвѣчало существовавшимъ въ то время формамъ народной жизни племенъ, еще далеко не прочно осѣвшихъ, а также и государственному строю раздробленной Руси, подъ управленіемъ безпрестанно передвигающихся князей. Съ измѣненіемъ однако обоихъ послѣднихъ условій, немедленно проявляются и соотвѣтствующія измѣненія въ формахъ отправленія военной службы.

На сѣверо-востокѣ Руси ранѣе, чѣмъ въ другихъ ея частяхъ, замѣчается сравнительная устойчивость правленія, начинающаго удерживаться въ томъ же княжескомъ родѣ, уже при Андреѣ Боголюбскомъ, проявлявшемъ стремленіе къ единодержавію. Соотвѣтственно этому движенію, здѣсь и дружина преобразуется уже въ княжескій дворъ, самое названіе котораго указываетъ на возникновеніе болѣе зависимаго отъ князя положенія для его дружины или военной силы. Вмѣстѣ съ возрастаніемъ связи княжескихъ родовъ съ извѣстными владѣніями, естественно усиливается связь со страною и бояръ, и младшихъ членовъ дружины, являющихся уже все болѣе и болѣе крупными и многочисленными поземельными собственниками. Съ возникновеніемъ Московскаго княжества и быстрымъ возрастаніемъ его могущества, усиливается и преобразованіе, въ указанномъ смыслѣ, и дружинъ или дворовъ, причемъ они, именно, во многихъ случаяхъ являлись важнѣйшимъ средствомъ усиленія Москвы, какъ, напримѣръ, въ дѣлѣ присоединенія къ Московскому княжеству Нижегородскаго удѣла.

Такимъ образомъ, параллельно усиленію правительственной власти, сначала въ нѣсколькихъ центрахъ, а затѣмъ вокругъ одной Москвы, происходитъ, само собою, соотвѣтствующее переустройство воору-

женныхъ силъ. Начавшись и въ началѣ развиваясь, такъ сказать, естественнымъ путемъ, это переустройство получаетъ уже при Іоаннѣ III опредѣленныя, узаконенныя, но все еще не законченныя формы помѣстной системы отправленія военной службы. Эта система, при всѣхъ ея недостаткахъ, была, вопервыхъ, вполнѣ отвѣчающею переживаемымъ Русью политическимъ обстоятельствамъ; а вовторыхъ, она дала возможность упорядочить военное устройство и развить военныя силы.

Съ измѣненіемъ политическаго положенія Руси, обусловливающагося татарскимъ игомъ, а также и въ зависимости отъ послѣдовавшихъ перемѣнъ въ военной системѣ, измѣнился и характеръ войнъ. Въ началѣ разсматриваемаго періода, повсемѣстно, Русь ведетъ еще свои войны съ сохраненіемъ характера смѣлыхъ, быстрыхъ и рѣшительныхъ наступательныхъ дѣйствій, по возможности перенося ихъ въ чужіе предѣлы. Такъ именно рѣшаютъ князья дѣйствовать, и свое рѣшеніе приводятъ въ исполненіе для встрѣчи новаго, невѣдомаго еще имъ врага— монголовъ, при первомъ ихъ нашествіи. Но затѣмъ, бѣдствія, постигшія Русь во время двукратнаго вторженія Батыевыхъ полчищъ и установленія татарскаго ига, сразу измѣнили положеніе дѣлъ и по отношенію къ военной дѣятельности. Прежній характеръ она сохраняетъ только на нашемъ сѣверо-западѣ, не испытавшемъ ужасовъ татарскаго нашествія. На всемъ же остальномъ пространствѣ обезсиленная, разоренная и обезлюдѣвшая Русь, не только не въ состояніи вести наступательныя войны, но съ трудомъ, и въ большинствѣ случаевъ безуспѣшно, дѣйствуетъ оборонительно. Смѣлые набѣги прежняго времени, иногда далеко въ глубь непріятельскихъ странъ, смѣняются на нашемъ востокѣ и юго-востокѣ нерѣшительными, боязливыми попытками защищаться, и не въ полѣ, въ открытомъ бою, а преимущественно за стѣнами своихъ городовъ. Въ такомъ положеніи оставались дѣла до Дмитрія Донского, со времени котораго Русь настолько уже крѣпнетъ и, обратно, Орда слабѣетъ и дробится, что наши дѣйствія становятся все смѣлѣе, и при послѣднихъ великихъ князьяхъ, снова представляются исключительно наступательными. Военныя предпріятія этого послѣдняго времени выполняются уже съ гораздо болѣе значительными силами и большею частью увѣнчиваются успѣхомъ, какъ на востокѣ и югѣ, противъ различныхъ татарскихъ царствъ; такъ и на сѣверѣ и западѣ, противъ шведовъ, ливонцевъ и литовцевъ. Военное могущество Руси получаетъ прежніе блескъ и значеніе, а ея предѣлы, но уже какъ единаго государства, начинаютъ быстро возрастать. Все это, а также и колоссальные размѣры, которые получаетъ военная дѣятельность Руси, непосредственно вслѣдъ за татарскимъ игомъ, возбуждаетъ чрезвычайный интересъ, и притомъ прежде всего въ отношеніи вопроса о вліяніи, которое имѣли татары на наши военныя учрежденія.

Вопросъ этотъ тѣмъ болѣе интересенъ, что почему-то у насъ прочно утвердилось мнѣніе, будто бы нашъ военный бытъ получилъ за это время совершенно монгольскій характеръ. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что подобное мнѣніе могло получить право гражданства въ нашихъ общихъ историческихъ сочиненіяхъ, преслѣдующихъ, разумѣется, свои задачи и затрогивающихъ военные вопросы только отчасти и, въ сущности, ничего не дающихъ въ доказательство пресловутаго татарскаго вліянія. Странно однако то, что и спеціально военно-историческій трудъ нашего военнаго историка *), почти дословно, повторяетъ указанія другихъ, не военныхъ писателей—о громадномъ, будто бы, вліяніи монголовъ на наше военное дѣло и искусство. Отъ монголовъ мы переняли только употребленіе, въ большихъ размѣрахъ, кавалеріи; да и то не какъ искусство, а какъ необходимость борьбы тѣмъ же оружіемъ, противъ тѣхъ же монголовъ, дѣйствовавшихъ, исключительно, лишь въ конномъ строю. Съ паденіемъ монголовъ мы опять даемъ преимущество своей пѣхотѣ. Строй же и образъ дѣйствій послѣдней остается совершенно самостоятельнымъ—русскимъ.

Нельзя, разумѣется, отвергать вліянія на насъ и монголовъ и ихъ военнаго искусства. Но это вліяніе, главнымъ образомъ, выражается въ томъ, что мы въ военномъ дѣлѣ сильно отстали отъ другихъ европейскихъ народовъ, а не потому, что многое переняли у татаръ, во время татарскаго ига. Собственно въ военномъ дѣлѣ вліяніе монголовъ было совершенно поверхностное и въ существеннѣйшихъ частяхъ нашего военнаго устройства оно, почти, не отразилось.

Справедливость означеннаго мнѣнія подтверждается вполнѣ, ежели только прослѣдить, хотя бы и вкратцѣ, насколько выразилось вліяніе монголовъ на слѣдующихъ, основныхъ чертахъ военнаго дѣла на Руси какъ во время ихъ владычества, такъ и, въ особенности, вслѣдъ за нимъ: а) на порядкахъ образованія вооруженныхъ силъ и ихъ устройствѣ, б) на боевыхъ порядкахъ русскихъ войскъ и в) способахъ дѣйствій въ бою.

Не трудно съ перваго взгляда убѣдиться въ томъ, что въ порядкахъ образованія всѣхъ различныхъ категорій нашихъ вооруженныхъ силъ, нѣтъ и слѣда монгольскаго вліянія. Нечего, разумѣется, и толковать объ отсутствіи всякой связи между нашими дружинами, а впослѣдствіи—дворами и татарскими ордами. Совершенно также нѣтъ и тѣни сходства между нашею помѣстною системою, въ которую окончательно вылились наши главныя, лучшія и значительнѣйшія военныя силы; и порядками татарскими, въ которыхъ отправленіе военной повинности, никогда не ставилось въ какую бы то ни было зависимость отъ земельныхъ владѣній, такъ какъ и земли-то въ частномъ владѣніи у нихъ не

*) „Русская военная исторія" князя Голицына.

было. Независимо отъ татарскаго вліянія, да къ тому же еще, и за нѣсколько вѣковъ до возникновенія и появленія Монгольскаго государства, выработались у насъ на Руси порядки образованія и народнаго войска (*посохи*) или ополченія. Наши *вои* искони вѣковъ собирались, или *рати рубились*, какъ до монголовъ, такъ и при Василіи III — на приведенныхъ въ очеркѣ основаніяхъ, причемъ и здѣсь разсчитывалось отправленіе повинности отъ каждой *сохи*, т.-е. отъ земли же. При условіи же независимости отъ монголовъ, т.-е. самобытности нашей военно-помѣстной системы, и болѣе древняго, чѣмъ само Монгольское царство, происхожденія порядковъ образованія другихъ частей нашихъ вооруженныхъ силъ, приходится совершенно отвергнуть мысль о монгольскомъ вліяніи, по крайней мѣрѣ, въ этомъ отношеніи.

Мы сказали, что монгольское вліяніе выразилось въ томъ, что имѣвшая у насъ вначалѣ преобладающее значеніе пѣхота, уступила свое мѣсто конницѣ, ставшей, подобно какъ у татаръ, главнымъ родомъ оружія. Но, при этомъ слѣдуетъ сказать, что гораздо ранѣе монгольскаго нашествія, отношеніе у насъ конницы къ пѣхотѣ стало уже быстро измѣняться въ пользу конницы; и ежели послѣдней было менѣе, чѣмъ пѣхоты, то причиною этому было не предпочтеніе, отдававшееся будто бы пѣхотѣ, а незначительность коневыхъ средствъ въ странѣ. Конница у насъ вырабатывалась и умножалась, въ видахъ ея необходимости, для борьбы не только съ татарами, а еще съ печенѣгами и половцами—тоже конными, кочевыми народами. Было уже сказано, что еще до монголовъ, наши княжескія дружины уже были конными; при наборахъ же городскихъ и сельскихъ ополченій, съ нихъ требовалось выставлять столько конницы, сколько это позволяло имѣвшееся на-лицо количество лошадей, и только остальные, то-есть бобыли, бѣдняки, шли въ пѣхоту. Это явствуетъ изъ приведенныхъ нами словъ Изяслава II-го Мстиславовича, который, призывая народъ, говоритъ ему: „собирайтесь всѣ отъ мала до велика; у кого есть конь, тотъ на конѣ, а у кого нѣтъ коня, тотъ пусть идетъ въ лодьѣ“. Слѣдовательно, ежели на отношеніи конницы къ пѣхотѣ и отразилось у насъ вліяніе монголовъ, то развѣ только тѣмъ, что ихъ кочевыя орды привели съ собой въ предѣлы Россіи массы лошадей и, сильно увеличивъ наши коневыя средства, облегчили только для насъ задачу формированія конницы.

Наконецъ, и въ третьемъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ—по организаціи войскъ, а именно въ ихъ раздѣленіи на отдѣльныя единицы или части, мы имѣли систему, хотя и схожую съ татарскою, но также отъ нея независимую, потому что существовала она у насъ несравненно ранѣе, чѣмъ мы познакомились съ татарами. Такимъ образомъ, десяточная система подраздѣленія войскъ, у насъ была вовсе не монгольскою;

рати наши составляли всегда десятки, сотни, тысячи и т. д.; мы видѣли званіе *тысяцкаго* еще во времена Ярослава 1-го.

Боевые порядки русскихъ войскъ, во всю разсматриваемую эпоху, также могутъ и должны быть признаны выработанными—внѣ всякаго вліянія монголовъ. Сходство въ порядкахъ, принимаемыхъ для боя войсками и русскими и татарскими, дѣйствительно большое; но это нисколько не опровергаетъ самобытности нашихъ боевыхъ порядковъ—прежде всего потому, что они примѣнялись въ Россіи ранѣе появленія монголовъ. Въ этомъ отношеніи драгоцѣннымъ свидѣтельствомъ является одинъ изъ древнѣйшихъ списковъ нашей лѣтописи, именно Ипатіевскій *), описывающій событія похода противъ половцевъ. Здѣсь, боевой порядокъ русскихъ войскъ описывается именно такимъ, какимъ онъ остается во время монгольскаго ига и гораздо позже его. Лѣтопись слѣдующимъ образомъ описываетъ построеніе русскими своего боевого порядка: „И изрядиша полковъ 6: Игоревъ полкъ середе, а по праву Всеволожъ, а по лѣву Святославль; на передъ сынъ Володимеръ и другой полкъ Ярославль, а третій на передѣ же стрѣльцы, иже бяху отъ всѣхъ князей выведены". Вся разница въ описанномъ боевомъ порядкѣ, и таковыхъ же послѣдующихъ временъ, заключается въ томъ только, что въ послѣднихъ, тѣ же части носятъ нѣсколько болѣе точныя названія, т.-е. называются полками: передовымъ, правой и лѣвой рукъ и, наконецъ, въ серединѣ, въ центрѣ—большой полкъ. Ошибается, слѣдовательно, князь Голицынъ, говоря **), что только при монголахъ—„замѣчаются *первые слѣды* раздѣленія ратей на полки: сторожевой или передовой, большой, правой и лѣвой рукъ"; а мы вправѣ утверждать, что и въ этомъ, чрезвычайно важномъ отношеніи, не замѣчается сколько-нибудь чувствительнаго вліянія монголовъ съ ихъ военнымъ искусствомъ. Въ этомъ смыслѣ представляется развѣ только—появившаяся въ послѣдніе годы разсматриваемой эпохи—дополнительная часть въ нашихъ походныхъ и боевыхъ порядкахъ, а именно *ертаулъ*.

Наконецъ, нельзя согласиться и съ тѣмъ, чтобы въ дѣйствіяхъ въ полѣ, русскія войска подражали, во многомъ, монголамъ; по крайней мѣрѣ, употребленіе всякаго рода военныхъ хитростей, притворныя отступленія и нападенія изъ скрытыхъ засадъ—не могутъ быть признаны доказательствами подражанія или заимствованія. Въ настоящимъ трудѣ, нами были уже приведены свидѣтельства иностранцевъ, о населявшихъ Русь славянскихъ племенахъ, доказывающія, что всѣ эти хитрости, въ широкихъ размѣрахъ, всегда примѣнялись славянами. Незачѣмъ было, слѣдовательно, заимствовать отъ татаръ то, что̀ издавна было извѣстно

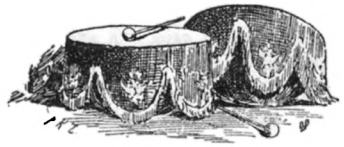
*) Составленіе этого списка относятъ къ началу XII вѣка, слѣдовательно, гораздо ранѣе монгольскаго нашествія.

**) „Русская военная исторія". Томъ I, стр. 139.

и переходило изъ потомства въ потомство. Наконецъ, всякая хитрость въ борьбѣ за существованіе, составляетъ настолько естественное и, притомъ, инстинктивное средство всякаго живого существа, что даже обидно становится за русскаго человѣка, за которымъ даже это качество не признается нашими же русскими учеными, заставляющими, почему-то, насъ все и всегда заимствовать у другихъ *).

Всего изложеннаго, кажется, совершенно достаточно, дабы убѣдиться, что монгольское вліяніе на военный бытъ Руси было крайне незначительно, и ежели въ чемъ и проявлялось, то развѣ въ мелочахъ. Тѣмъ не менѣе первая, по крайней мѣрѣ, половина времени монгольскаго ига надъ Русью представляетъ собою время наибольшаго упадка военной дѣятельности, зачастую притомъ для насъ безуспѣшной, или даже несчастной. Къ концу, однако, разсматриваемаго періода положеніе Руси и въ военномъ отношеніи значительно улучшается и въ новую—царскую—эпоху своей исторіи, Россія вступаетъ уже, съ сравнительно, упорядоченными Іонномъ III и Василіемъ III боевыми силами, значительно увеличившимися и въ численномъ отношеніи.

В. К.



*) Можно пожалѣть, напротивъ, что мы не позаимствовали у монголовъ, единственной вещи, достойной подражанія. Мы говоримъ о томъ единствѣ цѣлей и быстротѣ, съ которою монголы стремились къ ея достиженію. Многочисленные, раздѣленные большими пространствами монгольскіе отряды, охватывавшіе намѣченный для жертвы пунктъ, какъ желѣзнымъ кольцомъ, систематично сжимали этотъ заколдованный кругъ и, всегда во-время, сходились на требуемомъ пунктѣ. Слѣдовало бы перенять у нихъ и тщательное, предварительное изученіе средствъ, которыми располагаетъ противникъ для борьбы; состояніе, въ которомъ онъ находится, и его готовность къ бою; климатическія и политическія условія, въ которыхъ находится страна, подлежащая вторженію, и т. п. *Ред.*

II.

Царская Русь.

Отъ вступленія на престолъ Іоанна IV до совершеннолѣтія Петра I, съ 1533—1683.

Іоаннъ IV—первый царь русскій.—Уничтоженіе татарскаго ига.

ГЛАВА X.

Вступленіе на престолъ Іоанна IV и дѣла съ Крымомъ.—Война съ Литвою съ 1534—1537 гг.—Разбитіе литовцевъ подъ Стародубомъ и Черниговымъ.—Неудача ихъ подъ Смоленскомъ въ 1534 г.—Потеря русскими Гомеля и Стародуба въ 1535 г.—Пораженіе литовцевъ подъ Себежемъ въ 1536 г. и вторженіе русскихъ въ предѣлы Литвы.—Отношенія къ Крыму и Казани.—Неудачные набѣги хановъ казанскаго и крымскаго.—Походъ противъ нихъ и неудача крымцевъ у Коломны и Пронска.—Совершеннолѣтіе Іоанна IV.—Его неудачный первый и второй походы противъ Казани; построеніе Свіяжска.

Въ ночь на 4 декабря 1533 года скончался великій князь Василій Іоанновичъ, благословивъ на великое княженіе трехлѣтняго наслѣдника престола, Іоанна; опека надъ послѣднимъ и кормило государственнаго правленія до совершеннолѣтія государя поступили въ руки великой княгини, вдовы Василія III, Елены Васильевны.

Руководимая боярами изъ старинныхъ московскихъ боярскихъ родовъ, опытными въ управленіи государствомъ, правительница не уклонилась въ дѣлахъ внѣшней политики отъ системы Василія III—поддерживать миръ съ сосѣдями безъ страха за войну—и въ январѣ 1534 года отправила посольства въ сосѣднія государства съ извѣщеніемъ о восшествіи на престолъ Іоанна и для поддержанія дружественныхъ отношеній.

Однако, можно было ожидать, что противники не преминутъ воспользоваться малолѣтствомъ государя и наступившими смутами среди бояръ и съ разныхъ сторонъ вторгнутся въ предѣлы государства.

И дѣйствительно, не успѣлъ еще вернуться посолъ нашъ отъ крымскаго хана Саипъ-Гирея, какъ въ Москвѣ узнали, что крымскіе татары напали на Рязанскія области, гдѣ на берегахъ рѣки Прони были разбиты (8 мая) русскими воеводами, князьями Пунковымъ и Хрипуновымъ.

Слѣдовало ожидать также непріязненныхъ дѣйствій и со стороны Литвы: король польскій Сигизмундъ I, въ отвѣтъ послу нашему, присланному съ изъявленіемъ дружбы, требовалъ возврата Польшѣ всѣхъ городовъ, отнятыхъ у нея великимъ княземъ Василіемъ III.

Опасаясь болѣе крымскаго хана, нежели Литвы, Московское правительство двинуло для защиты Украйны войска, подъ начальствомъ князей: Ивана Ѳедоровича Бѣльскаго въ Коломну, а родного брата его и окольничаго Ивана Васильевича Ляцкаго—въ Серпуховъ. Походъ этотъ кончился неудачей: послѣдніе двое измѣнили и бѣжали въ Литву.

Удачнѣе шли дѣла противъ этой послѣдней. Въ 1533 году истекъ срокъ перемирія съ Литвою и сношенія съ нею прекратились. Въ слѣдующемъ 1534 году литовцы не замедлили открыть непріязненныя дѣйствія. Не встрѣчая русскихъ войскъ въ полѣ, они безнаказно опустошали лѣтомъ Сѣверскую область (окрестности Чернигова, Новгорода-Сѣверскаго, Радогоща, Стародуба и Брянска), но терпѣли пораженіе подъ стѣнами городовъ: въ сентябрѣ кіевскій воевода Андрей Немировичъ былъ отбитъ съ большимъ уономъ отъ Стародуба (съ потерей 40 пушекъ) и затѣмъ совершенно разбитъ подъ Черниговомъ. Здѣсь гарнизономъ начальствовалъ мужественный воевода, князь Ѳедоръ Мезецкій; удачнымъ дѣйствіемъ изъ огнестрѣльнаго снаряда онъ не позволилъ литовцамъ близко подойти къ стѣнамъ города и съ наступленіемъ ночи выслалъ черниговцевъ ударить на станъ непріятеля. Неожиданное нападеніе произвело страшную тревогу въ литовскомъ лагерѣ и окончилось полнымъ пораженіемъ непріятеля; безъ труда смятые и отброшенные въ безпорядкѣ, литовцы оставили побѣдителямъ весь свой обозъ и пушки.

Въ то же время другой воевода короля Сигизмунда, князь Александръ Вишневецкій, потерпѣлъ неудачу подъ стѣнами Смоленска.

Между тѣмъ Московское правительство только въ октябрѣ двинуло войска противъ Литвы изъ Москвы, Новгорода и Пскова. Московскіе воеводы, въ свою очередь, не встрѣчая на своемъ пути королевскихъ войскъ въ полѣ и избѣгая осады городовъ, опустошили владѣнія Литвы и возвратились въ Россію въ началѣ марта.

На слѣдующій годъ (1535), узнавъ о приготовленіяхъ Польскаго короля для вторженія въ Смоленскую область, Московское правительство

рѣшило предупредить врага: изъ Москвы выступила рать, подъ начальствомъ Василія Васильевича Шуйскаго, къ Мстиславлю, съ цѣлью овладѣть этимъ городомъ, и Новгородская рать, подъ начальствомъ князя Бориса Ивановича Горбатаго и Михаила Семеновича Воронцова, должна была сосредоточиться въ Опочкѣ и опустошать Литву набѣгами; въ то же время дворецкій новгородскій Бутурлинъ со псковитянами долженъ былъ поставить крѣпость въ непріятельской землѣ при озерѣ Себежѣ. Шуйскій истребилъ огнемъ посадъ Мстиславскій, но не могъ взять города, такъ какъ не имѣлъ „подкопщиковъ“ и, удовольствовавшись опустошеніемъ окрестностей, отошелъ къ Смоленску. Князь Борисъ Горбатый и Михаилъ Воронцовъ только отчасти выполнили данное имъ повелѣніе: отрядивъ воеводу Бутурлина съ сильнымъ отрядомъ къ Себежу, они остановились въ Опочкѣ и не двигались въ Литву; Бутурлинъ успѣлъ безпрепятственно построить новую крѣпость Себежъ *), которая была возведена въ 3 недѣли и снабжена пушками и продовольственными запасами.

Однако и король Сигизмундъ, пользуясь содѣйствіемъ крымскаго хана и беззащитнымъ положеніемъ Малороссіи, не оставался въ бездѣйствіи.

Пока русскія войска опустошали восточные предѣлы Литвы, сорокатысячное литовское войско (подъ начальствомъ гетмана Юрія Радзивилла, Андрея Немировича, польскаго гетмана Тарновскаго и московскаго бѣглеца Семена Бѣльскаго) вторгнулось въ Сѣверскую область, взяло безъ сопротивленія Гомель, оставленный малодушно намѣстникомъ, княземъ Щепинымъ-Оболенскимъ, и затѣмъ осадило Стародубъ.

Въ это же время крымскіе татары произвели набѣгъ на южныя наши области, что отвлекло русскія силы, направленныя къ Гомелю и Стародубу. Въ составѣ литовскаго войска много находилось наемныхъ иностранныхъ ратниковъ, пушкарей, пищальниковъ и подкопщиковъ.

Обступивъ Стародубъ со всѣхъ сторонъ, литовцы открыли огонь изъ пушекъ и пищалей. Воевода стародубскій, князь Ѳедоръ Телепневъ-Оболенскій, сначала мужественно оборонялся съ малымъ гарнизономъ, но тайно подведенный подкопъ, взрывъ городской стѣны и затѣмъ штурмъ литовцевъ 29 августа передали крѣпость съ гарнизономъ и его воеводою въ руки непріятеля. „*А того лукавства подкопу подъ городъ не зналъ*“ (воевода), наивно замѣчаетъ лѣтописецъ, „*что на передъ того въ нашихъ странахъ не бывало подкопу подъ городъ*“ **). Удовольствовавшись взятіемъ Гомеля и Стародуба, литовцы не пошли далѣе. Между тѣмъ существованіе новой Себежской крѣпости въ предѣлахъ Литвы не могло не безпокоить короля Сигизмунда, рѣшившаго поэтому взять ее, во что

*) Крѣпость получила наименованіе Иванъ-Города.

**) Царственная книга, стр. 50.

бы то ни стало. Съ этою цѣлью въ февралѣ 1536 года онъ выслалъ къ Себежу, подъ начальствомъ Андрея Немировича, двадцати-тысячное войско съ значительнымъ числомъ пушекъ, которое и обложило городъ 27 февраля; однако и на этотъ разъ Немировичъ потерпѣлъ полную неудачу и едва успѣлъ самъ ускакать отъ плѣна, чтобы донести престарѣлому королю о гибели его войска.

Воспользовавшись побѣдою, московскіе воеводы двинулись въ Литву сожгли посады Любеча и Витебска и построили новыя крѣпости на литовскомъ рубежѣ: Заволочье въ Ржевскомъ и Велижъ въ Торопецкомъ уѣздахъ; Стародубъ и Почепъ, оставленные литовцами, были возобновлены.

Въ большинствѣ случаевъ удачныя дѣйствія русскихъ войскъ ясно показали королю Сигизмунду, какъ ошибочны оказались его разсчеты на внутреннія смуты и слабость Московскаго государства и на возможность легкаго возврата отвоеванныхъ Василіемъ III литовскихъ городовъ. Рѣшивъ прекратить безполезную борьбу, Сигизмундъ I еще въ началѣ 1536 года открылъ переговоры о перемиріи, которые тянулись однако нѣсколько мѣсяцевъ, пока не ускорило ходъ ихъ себежское пораженіе; Московское правительство съ своей стороны также находило необходимымъ заключить это перемиріе, дабы развязать себѣ руки по отношенію Крыма и Казани. Наконецъ, 25 марта 1537 года, перемиріе было заключено на 5 лѣтъ, по которому Московское государство удержало за собою Себежъ и Заволочье, а Литва—Гомель.

Въ отношеніи Крыма правительница соблюдала твердую политику, не устрашась угрозъ хана, и употребляла возможныя усилія для утвержденія въ Казани русской власти, когда казанскіе мурзы, умертвивъ Еналея и снова призвавъ крымскаго князя Сафа-Гирея, хотѣли избавиться отъ русской зависимости.

Чтобы поддержать московскую партію въ Казани, правительство освободило изъ заключенія бывшаго казанскаго царя Шигъ-Алея, имѣя въ виду посадить его опять на казанское царство. Слѣдуя системѣ Іоанна III и Василія III, Боярская Дума не хотѣла дѣйствовать наступательно противъ Крымскаго хана, разбойничьи отряды котораго часто появлялись на берегахъ быстрой Сосны и немедленно уходили въ степи при приближеніи нашихъ войскъ. Поддерживаемый Крымомъ Сафа-Гирей открылъ непріязненныя дѣйствія набѣгами на Нижегородскія области.

Чтобы не вести войны съ двухъ сторонъ, московское правительство соглашалось признать Сафа-Гирея царемъ въ Казани, лишь бы онъ сохранялъ прежнія подручническія отношенія къ Москвѣ. Въ этомъ смыслѣ и послана была отвѣтная грамота къ Саипъ-Гирею, въ которой великій князь писалъ: „*Для тебя, брата моего, и для твоего прошенья*

я удержалъ рать и послалъ своего человѣка къ Сафа-Гирею: захочетъ онъ съ нами мира, то пусть пришлетъ къ намъ добрыхъ людей, а мы хотимъ держать его такъ, какъ дѣдъ и отецъ нашъ держали прежнихъ казанскихъ царей. А что ты писалъ къ намъ, что казанская земля юртъ твой, то посмотри въ старые твои лѣтописцы, не того ли земля будетъ, кто ее взялъ? Ты помнишь, какъ цари, потерявши свои ордынскіе юрты, приходили на казанскій юртъ и брали его войнами, неправдами, а какъ дѣдъ нашъ, милостію Божіею, взялъ и царя свелъ,—того ты не помнишь! Такъ ты бы, братъ нашъ, помня свою старину и нашей не забывай *).

Такъ установились въ правленіе Елены отношенія къ Литвѣ, Крыму и Казани. Кромѣ того въ 1537 году заключенъ былъ мирный договоръ съ Швеціей, по которому король Густавъ-Ваза обязался не помогать ни Литвѣ, ни Ливонскому ордену въ войнѣ ихъ съ Москвою; съ Ливоніей подтверждены были прежніе договоры.

Въ апрѣлѣ 1538 года Елена скончалась; со смертью ея измѣнилась внѣшняя политика Московскаго правительства. Правленіе государствомъ перешло къ Боярской Думѣ и власть захватили въ свои руки князья Шуйскіе, потомки Суздальскихъ удѣльныхъ князей и приверженная имъ партія бояръ. Занятые болѣе личными выгодами, дерзкіе и корыстолюбивые сами, потворствовавшіе различнаго рода поборамъ и угнетеніямъ народа со стороны намѣстниковъ, воеводъ и даже низшихъ чиновниковъ, правители мало заботились о поддержаніи чести государства и защитѣ его отъ внѣшнихъ враговъ. Крымцамъ и казанцамъ предоставлена была свобода грабить пограничныя московскія области; „*мы были*,—говорятъ лѣтописцы,—*жертвою и посмѣшищемъ невѣрныхъ: ханъ Крымскій давалъ намъ законы, царь Казанскій насъ обманывалъ и грабилъ*“ **) Литва еще, соблюдая перемиріе, не тревожила Россію; перемиріе съ нею продолжено было на 7 лѣтъ.

Только въ 1541 году, съ удаленіемъ изъ Боярской Думы Ивана Шуйскаго и приверженныхъ ему бояръ и съ возвращеніемъ въ нее освобожденнаго изъ заключенія боярина Бѣльскаго, дѣла государственнаго правленія пошли лучше; управляя съ умѣренностью и благоразуміемъ внутри государства, партія Бѣльскихъ улучшила и внѣшнія дѣла. Въ декабрѣ того же года во Владимірѣ была собрана сильная рать, подъ начальствомъ боярина Дмитрія Бѣльскаго, противъ Сафа-Гирея, вторгнувшагося въ Нижегородскія области и подступившаго къ Мурому. Отраженный гарнизономъ послѣдняго, а затѣмъ разбитый царемъ Шигъ-Алеемъ съ вѣрными ему татарами изъ Касимова, и угрожаемый наступленіемъ рати боярина Бѣльскаго, Сафа-Гирей поспѣшно отступилъ. Не-

*) Соловьевъ: „Исторія Россіи“, т. 6.

**) Карамзинъ: „Ист. Гос. Рос.*, т. VIII.

удачный походъ его умножилъ число недовольныхъ въ Казани и тѣмъ усилилъ партію, приверженную Москвѣ.

Враждебныя дѣйствія Сафа-Гирея находились въ связи съ таковыми же крымскаго хана Саипа, уговорившаго казанскаго царя одновременно открыть походъ противъ Москвы.

Предположеніе о совмѣстномъ дѣйствіи Саипа и Сафы-Гирея побудило бояръ собрать на всякій случай войска въ Коломнѣ. Дѣйствительно, весною того же года въ Москвѣ узнали (черезъ плѣнниковъ, спасшихся изъ Крыма), что ханъ двинулся къ предѣламъ Россіи со всею своею ордою, что у него дружина султанова съ пушками и съ пищалями и что къ нему присоединились толпы изъ ногайскихъ улусовъ, астраханцы, азовцы и бѣлогородцы (акерманцы).—Высланная въ поле пограничная станица (отъ Путивля) донесла, что напала на слѣды многочисленнаго войска *„тысячъ со ста и болѣе“*. Въ виду полученныхъ извѣстій двинуто было изъ Москвы къ рѣкѣ Окѣ значительное войско, подъ главнымъ начальствомъ князя Димитрія Ѳедоровича Бѣльскаго; ему и воеводамъ, находившимся въ Коломнѣ, приказано было стать на лѣвомъ берегу рѣки Оки въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ и прежде становились воеводы противъ хановъ, а князю Юрію Михайловичу Булгакову-Голицыну съ однимъ изъ татарскихъ царевичей—на р. Пахрѣ. Для обезпеченія восточныхъ областей со стороны казанскаго царя Сафа-Гирея повелѣно было стягиваться къ Владиміру войскамъ изъ Костромы—воеводы князя Ѳеодора Шуйскаго и изъ Мещеры (Касимова) царя Шигъ-Алея, на помощь стоявшему тамъ воеводѣ князю Ивану Шуйскому.

Опасность, казалось, была велика, за то и мѣры были приняты чрезвычайныя. Со всѣхъ сторонъ стекались дружины по даннымъ указаніямъ; въ Москвѣ рѣшили приготовиться къ осадѣ на случай неудачи дѣйствія войскъ, высланныхъ на Оку: людей росписали на дружины для защиты городскихъ стѣнъ, воротъ и башенъ (возведенныхъ въ 1538 г.), разставили по мѣстамъ пушки и пищали, по улицамъ въ предмѣстьѣ ставили надолбы.

Представлявшаяся опасность сплотила всѣхъ въ войскѣ и народѣ: бояре оставили споры о мѣстничествѣ и дружно стали на защиту отечества; московскіе граждане обязали себя добровольно обѣтомъ—„положить головы за святые храмы, Государя и домы свои“. Войска, возбужденныя грамотою юнаго князя къ воеводѣ Большаго полка, Димитрію Бѣльскому *), и рѣчами военачальниковъ, двинулись къ Окѣ, на берегахъ которой стояла уже передовая московская дружина.

---

*) Въ грамотѣ своей великій князь убѣждалъ воеводъ оставить всѣ личности, всѣ несогласія, соединиться духомъ и сердцемъ за отечество, за вѣру и государя. „Ока да будетъ неодолимою преградою для хана!“ писалъ Іоаннъ, „а если не удержишь врага, то заградите ему путь къ Москвѣ своею грудью“ (Карамзинъ: „Ист. Гос. Рос.“, т. VIII.

28 іюля Саипъ-Гирей подошелъ къ крѣпости Осетру *), но былъ отбитъ воеводою Глѣбовымъ и продолжалъ движеніе далѣе къ Окѣ.

30 іюля, въ 3 часа дня, ханъ подступилъ къ правому берегу рѣки (у Коломны) и занялъ высоты; татары готовились къ переправѣ. Передовой русскій полкъ, подъ начальствомъ князя Турунтая Пронскаго, занимавшій лѣвый берегъ рѣки, открылъ съ ними перестрѣлку („*и учали стрѣляти многими стрѣлами, и полетѣша стрѣлы, аки дождь*"). Татары, полагая, что у насъ нѣтъ болѣе войскъ, спустили плоты на рѣку и начали переправу, для обезпеченія которой открыли огонь изъ пушекъ и пищалей. Передовой полкъ дрогнулъ было, но на помощь къ нему подходили уже одинъ за другимъ съ полками князья Пунковъ, Микулинскій, Серебряный-Оболенскій, Курбскій, Шуйскій и, наконецъ Бѣльскій: вдали показались и сторожевые полки. Увѣренный, что все русское войско пошло къ Казани, ханъ удивился, встрѣтивъ противъ себя многочисленную рать, и хотѣлъ тотчасъ отступить, но былъ удержанъ мурзами; узнавъ же о прибытіи къ ночи въ русскій станъ „*большаго наряда*", не сталъ дожидаться разсвѣта и поспѣшно отступилъ тѣмъ же путемъ, истребивъ одну часть своихъ обозовъ и бросивъ другую съ турецкими пушками. Для развѣдки объ отступленіи татаръ воеводы выслали Левина, затѣмъ для преслѣдованія ихъ — отряды Микулинскаго и Оболенскаго.

Желая загладить стыдъ своей неудачи какимъ-либо успѣхомъ, Саипъ-Гирей, по совѣту мурзъ, направился къ Пронску и обложилъ этотъ городъ. Начальствовавшій тамъ бояринъ Василій Жулебинъ (правнукъ Остея, мужественнаго защитника Москвы во время нашествія Тохтамыша), несмотря на малочисленность гарнизона, отбилъ приступъ татаръ и рѣшился обороняться до послѣдней крайности; вооружилъ всѣхъ городскихъ гражданъ и приготовилъ средства къ упорной оборонѣ: по всему валу разставлены были пушки, навалены огромныя груды камней, кипѣли чаны съ водою.

Съ своей стороны татары готовили туры къ новому приступу, но уже приближались освободители Пронска—Микулинскій и Серебряный. Узнавъ о томъ, непріятели сняли обложеніе города и поспѣшно отступили къ Дону; полки наши двинулись за ними, но найдя, что татары уже переправились, возвратились въ Москву, отрядивъ за Донъ наблюдательный отрядъ. Въ слѣдующемъ году, какъ бы въ отомщеніе за неудачный походъ, татары вторгнулись весною въ Сѣверскую область и въ августѣ—въ Рязанскую, но также потерпѣли неудачу.

Счастливѣе оказались для нихъ набѣги въ декабрѣ 1544 года на Бѣлевскія и Одоевскія земли, благодаря ссорѣ князей Щенятева, Шкур-

*) Зарайску.

лятева и Воротынскаго „за мѣста“ и, вслѣдствіе сего, полному ихъ бездѣйствію.

Между тѣмъ и казанскіе татары продолжали разорять по временамъ наши восточныя области. Дабы прекратить набѣги ихъ и тѣмъ обезпечить съ этой стороны границы Московскихъ владѣній, были предприняты противъ Казани два похода въ 1545 году (въ апрѣлѣ и декабрѣ), которые не привели однако ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Вообще, дѣйствія Московскаго правительства по отношенію къ Казани были вялы, не заключали въ себѣ ничего рѣшительнаго и служили скорѣе отвѣтомъ казанцамъ и наказаніемъ за ихъ набѣги, нежели предвѣстникомъ скораго паденія Казанскаго царства.

Достигнувъ въ 1547 году совершеннолѣтія и принявъ вѣнчаніе царскимъ вѣнцомъ, Іоаннъ IV, послѣ знаменитаго въ этомъ году московскаго пожара, взялъ въ свои руки управленіе государствомъ. Приблизивъ къ себѣ людей достойныхъ и руководимый ими, юный Царь обратилъ вниманіе на искорененіе зла, пустившаго глубокіе корни во внутреннемъ управленіи государствомъ за время самовластія бояръ, „*упражнявшихся*, по словамъ Іоанна, *во многихъ хищеніяхъ, корыстяхъ и обидахъ*“, а равно и на болѣе твердую политику по отношенію къ Казани, приличную могущественному по тому времени царству.

Въ томъ же году царь рѣшилъ самъ выступить въ походъ противъ Казани и 20 ноября отправилъ впередъ, во Владиміръ, князя Димитрія Ѳедоровича Бѣльскаго съ другими воеводами для сбора туда ратныхъ людей; Шигъ-Алею и князю Воротынскому приказано было выступить изъ Мещеры и присоединиться къ нему на устьѣ Цывельскомъ *). Самъ царь выѣхалъ изъ Москвы во Владиміръ 11 декабря, приказавъ везти туда за собою нарядъ пушечный и пищальный, который опоздалъ однако прибытіемъ на цѣлый мѣсяцъ, будучи задержанъ дождями и безснѣжіемъ. Изъ Владиміра выступилъ государь 8 января въ Нижній-Новгородъ, куда и прибылъ 26 числа; февраля 12 почевалъ въ Ельнѣ, въ 15 верстахъ отъ Нижняго, а на другой день остановился на островѣ Роботкѣ. Между тѣмъ наступила сильная оттепель, ледъ покрылся водою, много пушекъ и пищалей проломилось въ рѣку, масса людей потонула въ продушинахъ, которыхъ не видно было подъ водою. Прождавъ три дня удобнаго пути, Іоаннъ отправилъ къ Казани съ значительными силами князя Димитрія Ѳедоровича Бѣльскаго, приказавъ ему соединиться съ Шигъ-Алеемъ; самъ же возвратился въ Москву 7 марта.

Между тѣмъ Бѣльскій, соединившись 18 февраля съ Шигъ-Алеемъ, подступилъ къ Казани; на Арскомъ полѣ встрѣтилъ ихъ Сафа-Гирей, но былъ отброшенъ въ городъ передовымъ полкомъ, бывшимъ подъ на-

*) Казанской губ., Чебоксарскаго уѣзда.

чальствомъ князя Симеона Микулинскаго. Простоявъ недѣлю подъ Казанью и опустошивъ окрестности, русскія войска отошли обратно, не достигнувъ походомъ положительныхъ результатовъ. Въ октябрѣ казанцы отомстили намъ разореніемъ Галичской волости; но костромской намѣстникъ Яковлевъ настигъ непріятелей у рѣчки Езовки, на Гусевомъ полѣ, и разбилъ ихъ на голову.

Въ мартѣ слѣдующаго 1549 года пришла вѣсть въ Москву о смерти Сафа-Гирея. Это обстоятельство дало дѣлу выгодный для Москвы оборотъ, усиливъ въ Казани рознь и смуты и разстроивъ крымскую партію. Послѣдняя провозгласила царемъ 2-хлѣтняго сына Сафа-Гирея, Утемиша, но сознавая свое трудное положеніе, просила у Крыма помощи и „сверстнаго (взрослаго) царя"; въ іюлѣ же прислали къ Іоанну отъ имени Утемишъ-Гирея просительную грамоту о дружбѣ. Для переговоровъ царь потребовалъ присылки „добрыхъ людей", но такъ какъ послѣдніе не явились, то рѣшилъ воспользоваться неурядицей въ Казани и въ ноябрѣ объявилъ походъ, для чего приказалъ собираться полкамъ: передовому—въ Шуѣ и Муромѣ, большому (воеводъ Д. Ѳ. Бѣльскаго и Вл. Ив. Воротынскаго) — въ Суздалѣ, правой руки—въ Костромѣ, лѣвой руки—въ Ярославлѣ, сторожевому—въ Юрьевѣ.

24 ноября самъ царь съ братомъ своимъ Юріемъ, Шигъ-Алеемъ, знатными казанскими бѣглецами и многими боярами выступилъ изъ Москвы во Владиміръ, поручивъ охраненіе Москвы двоюродному брату Владиміру Андреевичу. Прибывъ во Владиміръ 3 декабря, государь сдѣлалъ распоряженія *) для дальнѣйшаго похода и отправилъ 20 декабря боярина Юрьева и окольничаго Нагаго съ *нарядомъ* въ Нижній-Новгородъ. Здѣсь все войско соединилось въ январѣ и направилось къ Казани въ сильные морозы, отъ которыхъ много пострадало. Къ Казани Іоаннъ подступилъ 14 февраля 1550 г. съ войскомъ около 60 т. чел., которое обложило городъ и открыло по немъ огонь изъ пушекъ; послѣдовавшій затѣмъ приступъ однако не удался, стоивъ большой потери въ людяхъ съ обѣихъ сторонъ. Въ слѣдующіе дни началась оттепель; пошли сильные дожди, нельзя было производить ни приступа, ни стрѣльбы изъ пушекъ и пищалей, рѣчки вскрылись, дороги испортились, прекратились подвозы и въ войскахъ чувствовался крайній недостатокъ въ продовольственныхъ запасахъ. При такихъ условіяхъ, простоявъ 11 дней, Іоаннъ долженъ былъ вторично возвратиться безъ всякаго успѣха въ Москву. При отступленіи отъ Казани Царь выбралъ мѣсто на устьѣ р. Свіяги для постройки крѣпости вблизи Казани.

Весною слѣдующаго 1551 года Шигъ-Алей съ русскими войсками и казанскими выходцами высадился (24 мая) при устьѣ Свіяги, гдѣ и

*) Между прочимъ Іоаннъ вызвалъ изъ Москвы митрополита Макарія нарочно для того, чтобы онъ убѣдилъ воеводъ во время похода не считаться мѣстами.

построилъ въ 4 недѣли крѣпость Свіяжскъ, стѣны для которой, срубленныя въ лѣсахъ углицкихъ, доставлены были на судахъ Волгою.

Основаніемъ крѣпости Свіяжска, находящегося всего въ 20 верстахъ отъ Казани, положено было начало болѣе рѣшительныхъ дѣйствій по отношенію Казани. Представляя оплотъ противъ вторженія казанцевъ въ наши восточныя области, Свіяжскъ послужилъ опорной исходною точкой, болѣе близкой къ Казани для послѣдующихъ дѣйствій противъ нея. Построеніе крѣпости на Казанской землѣ не осталось безъ вліянія и на окрестныхъ инородцевъ, черемисъ, мордву и чувашей, подвластныхъ Казани и принимавшихъ участіе въ набѣгахъ на наши области: оно ясно свидѣтельствовало имъ о слабости Казанскаго царства и о могуществѣ Россіи; всѣ эти инородцы, населявшіе нагорную (правую) сторону Волги, изъявили покорность Русскому Царю и были приписаны къ новому городу.

Построеніе Свіяжска и отпаденіе горной стороны скоро отозвались и въ самой Казани, усиливъ сторону противную крымцамъ. Московская партія наконецъ восторжествовала, изгнала крымцевъ и просила государя дать имъ въ цари Шигъ-Алея, который съ 500 русскихъ стрѣльцовъ Хабарова и былъ водворенъ въ Казани въ мартѣ 1551 года *). Казалось, настало замиреніе Казани; воцареніе Алея произошло мирно, исключая ничтожныхъ стычекъ съ небольшими татарскими партіями, обагрившихъ кровью берега Камы и Волги; до 60 тысячъ русскихъ, томившихся въ плѣну много лѣтъ, получили свободу. Однако тишина въ Казани продолжалась не долго; Шигъ-Алей началъ править съ обычною своею жестокостью и жадностью и, вообще не любимый казанцами, вскорѣ своими дѣйствіями возбудилъ противъ себя общее неудовольствіе; въ Казани вновь возникла неурядица, заставившая Іоанна отозвать Шигъ-Алея въ Москву (въ мартѣ 1552 г.), а въ Казань ввести русское войско изъ Свіяжска и привесть казанцевъ въ подданство. Предоставленные самимъ себѣ, казанцы снова стали буйствовать, отказались впустить русскія войска, рѣшились обороняться до послѣдней крайности и призвали на царство сына астраханскаго хана, ногайскаго царевича Едигера; но это была уже послѣдняя попытка отстоять независимость царства: 2 октября того же года Казань пала навсегда подъ ударами русскаго войска.

*) Передъ тѣмъ Іоаннъ потребовалъ выѣзда изъ Казани и прибытія въ Москву царицы *Сююнбеки*, вдовы Сафа-Гирея, съ малолѣтнимъ сыномъ царемъ *Утемишемъ*.

ГЛАВА XI.

Третій походъ Іоанна IV противъ Казани въ 1552 году.—Приготовленія къ походу.— Движеніе крымскаго хана къ Тулѣ.—Іоаннъ IV направляетъ туда большую часть войскъ, назначенныхъ въ походъ противъ Казани. — Отступленіе крымцевъ.—Продолженіе движенія на Казань.—Осада и взятіе Казани.—Покореніе Астрахани.—Дѣйствія противъ Крыма.

Въ виду такого положенія дѣла, Іоаннъ, въ апрѣлѣ же, созвалъ боярскую думу по поводу рѣшительнаго похода на Казань. На совѣтѣ высказано было много различныхъ мнѣній; нѣкоторые совѣтовали отправить подъ Казань воеводъ, Іоанну же остаться въ Москвѣ, такъ какъ слѣдуетъ ожидать войны не съ Казанью только, но и съ ногаями и Крымомъ. Однако опытъ показалъ, какъ нерѣшительны были походы воеводъ на Казань; поэтому Іоаннъ (по совѣту Адашева) объявилъ, что намѣренъ самъ отправиться въ походъ. Вслѣдствіе сего рѣшено было послать впередъ судовую рать съ *большимъ нарядомъ* и съ запасами продовольствія для войска и царя, а самому Іоанну въ свое время идти съ войскомъ сухимъ путемъ *). Рѣшивъ совершить походъ лѣтомъ, царь приказалъ собираться войскамъ изъ Новгорода и другихъ отдаленныхъ мѣстъ въ Коломнѣ и Каширѣ, а изъ Москвы и ближайшихъ городовъ—къ Мурому, и распредѣлилъ воеводъ по полкамъ, поручивъ начальство надъ ними: въ большомъ полку — боярину и воеводѣ И. Ѳ. Мстиславскому, „*слугѣ*“ и воеводѣ князю М. И. Воротынскому; въ передовомъ полку—боярину и воеводѣ И. И. Пронскому съ княземъ Д. И. Хилковымъ; въ правой рукѣ — боярину и воеводѣ П. М. Щенятеву съ княземъ А. М. Курбскимъ; въ лѣвой рукѣ—воеводѣ князю Д. И. Микулинскому и Д. М. Плещееву; въ сторожевомъ полку — боярину и воеводѣ князю Серебряному съ С. В. Шереметевымъ; у себя въ полку назначилъ дворовыхъ воеводъ и бояръ—князя В. И. Воротынскаго и И. В. Шереметева.

*) Карта № 2.

Собираясь въ походъ, Іоаннъ IV имѣлъ въ виду, что кромѣ казанцевъ, ему придется еще имѣть и другого врага — крымскаго хана, который не замедлитъ воспользоваться выступленіемъ русскихъ войскъ къ Казани, и сдѣлаетъ набѣгъ на Москву. Поэтому, выступленіе главныхъ русскихъ силъ изъ Москвы было нѣсколько отсрочено, въ ожиданіи разъясненія намѣреній крымскаго хана. Находившійся при Іоаннѣ Шигъ-Алей, хорошо знавшій казанскія земли, совѣтовалъ даже отложить походъ до зимы, такъ какъ болотистыя низменности казанскія сильно затруднятъ движенія войскъ. Но Іоаннъ, испытавъ уже неудачи зимнихъ походовъ къ Казани, рѣшился не откладывать начатаго уже движенія, тѣмъ болѣе, что изъ Свіяжска доходили до него тревожныя вѣсти.

Получивъ еще въ апрѣлѣ 1552 г. неблагопріятныя извѣстія отъ свіяжскихъ воеводъ, государь повелѣлъ князьямъ Горбатову и Шуйскому плыть поспѣшно изъ Нижняго-Новгорода въ Свіяжскъ на усиленіе находившихся тамъ войскъ; затѣмъ туда же долженъ былъ слѣдовать водою бояринъ Морозовъ съ огнестрѣльнымъ нарядомъ, подъ прикрытіемъ войскъ воеводы Заболотскаго. Для обезпеченія переправъ по рѣкамъ Камѣ и Волгѣ, приказано было князю Глинскому и окольничему Колычеву расположиться станами на берегахъ Камы и Вятки, съ дѣтьми боярскими, казаками, стрѣльцами, устюжанами и вятчанами; а свіяжскіе воеводы должны были занять легкими отрядами перевозы на Волгѣ.

16 іюня самъ Іоаннъ отправился въ Коломну. На пути къ этому городу государь получилъ извѣстіе о вторженіи въ южную Россію полчищъ крымскихъ татаръ и о приступѣ къ Тулѣ, крымскаго царевича съ небольшимъ отрядомъ. Вслѣдъ затѣмъ, 23 іюня, пришло донесеніе отъ царскаго намѣстника въ Тулѣ, князя Григорія Темкина, что крымскій ханъ съ значительнымъ войскомъ, при которомъ находилось „много пушекъ и янычаръ султанскихъ“, осадилъ городъ.

Когда вѣсть о новомъ походѣ русскихъ противъ казанскихъ татаръ дошла до Константинополя, султанъ Солиманъ, сдѣлалъ воззваніе ко всѣмъ татарамъ, призывая ихъ соединиться и оказать помощь своимъ единовѣрцамъ—казанцамъ. Но ногайскіе и астраханскіе татары не могли оказать имъ никакой помощи. Только крымскій ханъ, Девлетъ-Гирей, разсчитывавшій на легкую добычу подъ Москвою, отозвался на призывъ султата и получилъ отъ него пушки и отрядъ янычаръ.

Подойдя къ Тулѣ, Девлетъ-Гирей, немедленно приступилъ къ атакѣ этого города, защищаемаго храбрымъ воеводою кн. Григоріемъ Темкинымъ. У него былъ небольшой отрядъ военныхъ ратниковъ, которымъ помогали жители, не исключая женщинъ и даже дѣтей.

Весь день 22 іюня, Девлетъ-Гирей громилъ городъ каленными ядрами, производя въ немъ частые пожары и нѣсколько разъ ходилъ на приступъ, но былъ, постоянно, отражаемъ.

Между тѣмъ, на помощь Тулѣ спѣшили, отправленныя туда Іоанномъ войска.

По первому извѣстію о приближеніи крымцевъ къ Тулѣ, Іоаннъ послалъ туда на помощь, кромѣ дружинъ князей Пронскаго и Хилкова, еще передовой полкъ, подъ предводительствомъ князей Петра Михайловича Щенятева и Андрея Михайловича Курбскаго. Іоаннъ приказалъ идти, вслѣдъ за ними также князю Михаилу Ивановичу Воротынскому, съ большимъ полкомъ, и даже самъ хотѣлъ ѣхать въ Тулу. Но по утру 24 въ Каширѣ получилъ донесеніе Темкина объ отбитіи имъ

приступа и о бѣгствѣ хана, устрашеннаго появленіемъ царскихъ воеводъ съ передовыми войсками и движеніемъ съ главными силами самого Іоанна.

На слѣдующій день пришло извѣстіе о пораженіи 30 тысячъ непріятелей на рѣкѣ Шиворонѣ (Тульской губ. Богородицкаго уѣзда) войсками Щенятева и Курбскаго. При этомъ, татары лишились всего своего обоза, телѣгъ, верблюдовъ; потеряли турецкія пушки, и у нихъ отняты были всѣ захваченные ими, въ окрестностяхъ Тулы, русскіе плѣнные.

Возвратившіеся (1 іюля) въ Коломну воеводы донесли государю о поспѣшномъ отступленіи Девлетъ-Гирея, дѣлавшаго по 60—70 верстъ въ сутки. Избавившись отъ крымцевъ и обезпечивъ такимъ образомъ дальнѣйшій походъ противъ Казани, Іоаннъ сталъ совѣтоваться съ воеводами, какими путями двинуться къ этой послѣдней; рѣшено было идти двумя дорогами: самому Іоанну съ царской дружиной и полками лѣвой руки и сторожевымъ — на Владиміръ и Муромъ, а князьямъ Мстиславскому и Воротынскому съ полками большимъ и правой руки—на Рязань и Мещеру, чтобы прикрыть движеніе Іоанна справа отъ ногайскихъ татаръ, а также, на всякій случай, со стороны крымцевъ. По соединеніи же обѣихъ колоннъ за рѣкой Алатыремъ, войска должны были двинуться далѣе къ Свіяжску.

Въ то самое время, когда Іоаннъ уже готовился выступить далѣе, въ войскахъ возникъ ропотъ: новгородцы жаловались царю на труды и потери, понесенныя ими на службѣ, говоря, что, будучи на службѣ съ весны, они не въ состояніи вынести дальняго похода. Огорченный этими жалобами, но не обнаружившій досады, государь нашелъ дѣйствительное средство уничтожить неудовольствіе въ войскѣ: онъ приказалъ переписать служилыхъ людей и оповѣстить, что желающимъ участвовать въ походѣ государь дастъ жалованье и прокормленіе подъ Казанью, а кому нельзя идти, тѣ пусть остаются въ Коломнѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ государь приказалъ выяснить вообще нужды воиновъ, дабы и впредь знать ихъ недостатки. Услыхавъ царскую вѣсть, всѣ отвѣчали въ одинъ голосъ: — „Готовы идти съ Государемъ“. 3 іюля все войско тронулось по указаннымъ путямъ. 13 числа Іоаннъ прибылъ въ Муромъ; здѣсь онъ произвелъ смотръ полкамъ и наряду, велѣлъ росписать дѣтей боярскихъ на сотни и назначить голову для каждой—изъ воиновъ знатнѣйшихъ родомъ и искусныхъ въ военномъ дѣлѣ. Отпустивъ Шигъ-Алея на судахъ къ Казани съ княземъ Петромъ Булгаковымъ и стрѣльцами, государь выслалъ впередъ ятаулъ, подъ начальствомъ князей Шемякина и Троекурова, и за нимъ—*посошныхъ людей* для постройки мостовъ и гатей на рѣчкахъ и топяхъ. Выступивъ 20 числа изъ Мурома, Іоаннъ въ 14 переходовъ достигъ Суры, переправилъ черезъ нее вой-

ска по мостамъ, устроеннымъ посошными людьми, и соединился съ Мстиславскимъ и Воротынскимъ. Во время этого похода русское войско вездѣ находило обильную пищу; лоси, по словамъ лѣтописца, какъ будто сами приходили на убой, въ рѣкахъ множество рыбъ, въ лѣсахъ множество птицъ, коими безъ затрудненія продовольствовалось все воинство *); черемисы и мордва, испуганные походомъ многочисленнаго войска, отдаваясь въ волю Іоанна, сами привозили всякаго рода съѣстные припасы.

Отъ Суры русскія войска двинулись дальше къ Свіяжску въ слѣдующемъ походномъ порядкѣ: впереди шелъ по прежнему яртаулъ князей Шемякина и Троекурова, за нимъ двигался передовой полкъ, а за этимъ послѣднимъ—царскій полкъ, потомъ большой полкъ и за нимъ сторожевой (арріергардъ); полки правой и лѣвой руки двигались на своихъ сторонахъ относительно царскаго полка. Еще въ концѣ іюля Іоаннъ присоединилъ къ себѣ на походѣ князей Касимовскихъ и Темниковскаго съ ихъ дружинами, татарами и ихъ мордвою; 4 августа на рѣкѣ Беѣ къ нему присоединились воеводы и войска свіяжскіе съ горными черемисами и чувашами, вновь изъявившими покорность, всего до 20 тысячъ человѣкъ. 13 августа русское войско подошло къ Свіяжску, куда еще раньше прибылъ Волгой на судахъ Шигъ-Алей съ судовою ратью, нарядомъ и большими военными и продовольственными запасами. 16 числа войска начали переправляться черезъ Волгу; Шигъ-Алей былъ посланъ на судахъ занять гостиный островъ, а бояринъ Морозовъ и дьякъ Выродковъ подвозили на судахъ тяжелый снарядъ и осадныя машины (рубленныя башни и тарасы). 19 числа вся русская армія, силою до 150 тысячъ человѣкъ, расположилась на луговой сторонѣ Волги въ виду Казани. Дабы избѣжать напраснаго кровопролитія, Іоаннъ еще изъ Свіяжска послалъ грамоты въ Казань съ предложеніемъ, чтобы—„били челомъ и онъ ихъ простить“; Шигъ-Алей долженъ былъ написать своему родственнику новому царю Едигеру, чтобы выѣхалъ изъ города на встрѣчу Іоанну—„не опасаясь ничего, и государь его пожалуетъ“; однако отъ Едигера полученъ былъ дерзкій отвѣтъ съ яснымъ вызовомъ на брань. При этомъ Едигеръ называлъ Шигъ-Алея предателемъ, который, бывши мусульманиномъ, служитъ невѣрнымъ. 20 числа прибылъ къ государю бѣжавшій изъ Казани мурза *Камай*, который сообщилъ, что царь Едигеръ съ мурзами и главою духовенства съумѣлъ одушевить народъ злобою противъ христіанъ; что никто не мыслитъ о мирѣ, что крѣпость снабжена большими хлѣбными и военными запасами, что въ ней до 30.000 вооруженныхъ казанцевъ и около 3.000 ногаевъ; что князь *Япанча* съ большимъ отрядомъ конницы ты-

*) Царствен. кн., стр. 254.

сячъ до 30, посланъ въ Арскую засѣку вооружать всѣхъ сельскихъ жителей, безпрестанно тревожить русское войско и не пропускать ею на Арское поле.

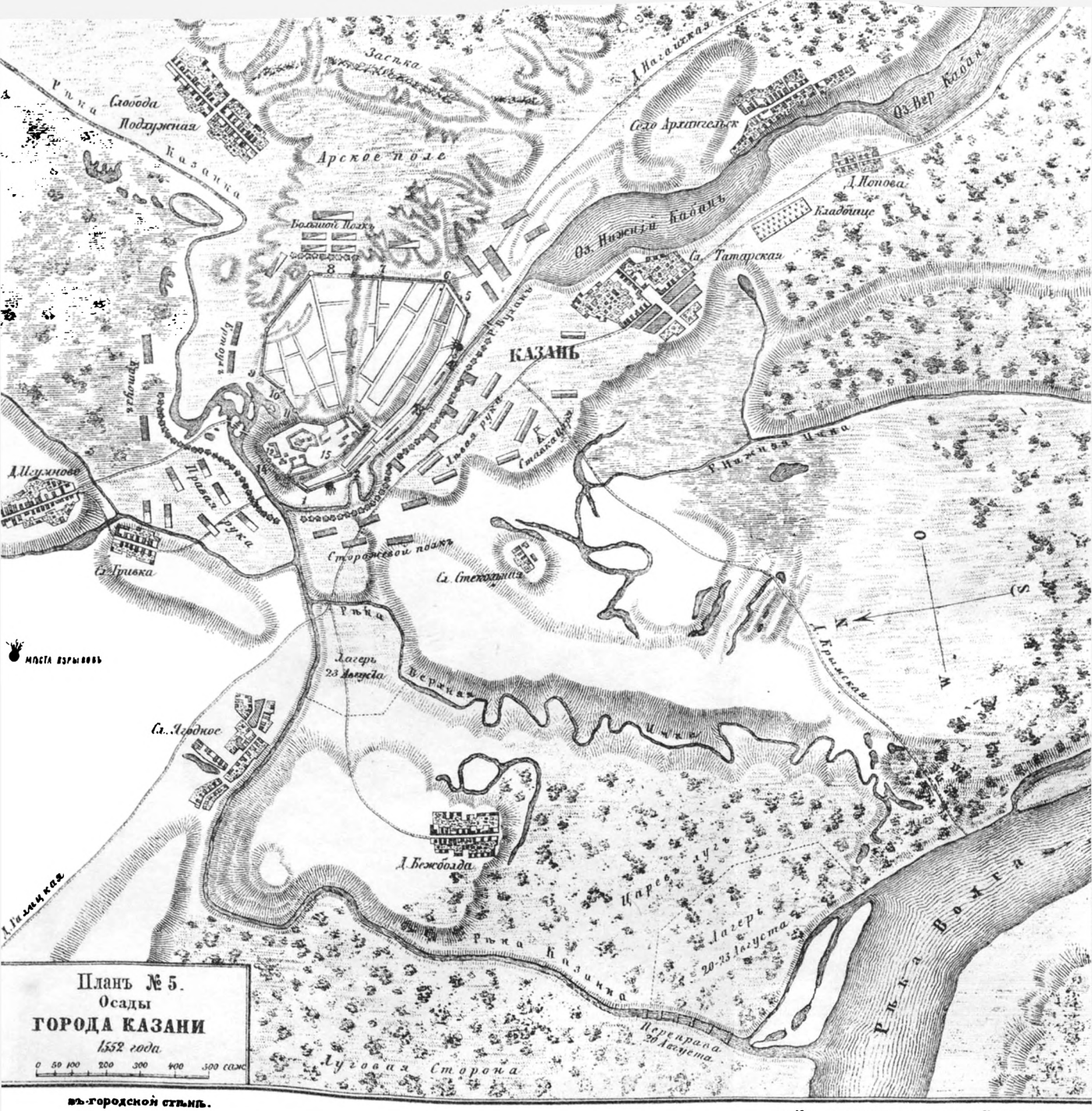
Эти свѣдѣнія показывали, что Едигеръ, кромѣ личной энергіи, былъ не лишенъ и военнаго дарованія. Дѣйствительно, держать въ крѣпости болѣе 60.000 чел. значило усугубить паденіе ея отъ голода, не смотря на имѣвшіеся запасы. Къ тому же, чтобы тамъ дѣлала 30.000 конница? Поэтому, мысль, оставить въ городѣ только лучшее войско и пѣхоту, а всю массу конницы выслать въ поле, гдѣ есть обиліе корма, и оттуда производить постоянные набѣги на тылъ осаждающихъ—это мысль вполнѣ разумная.

Получивъ отъ Камая свѣдѣнія, царь созвалъ совѣтъ, на которомъ распредѣлены были войска для обложенія города, а для огражденія ихъ со стороны осаждающихъ и для производства осады приказано было приготовить по палисадинѣ (для тына) на каждаго человѣка и по одному туру на 10 человѣкъ. Въ то же время повелѣно было, чтобы въ полкахъ безъ приказанія воеводъ, а въ цѣломъ войскѣ безъ царскаго повелѣнія, никому не смѣть самовольно бросаться къ городу.

Русское войско, въ числѣ до 150 тысячъ человѣкъ съ 150 орудіями, 20, 21 и 22 августа перешло по 6 мостамъ черезъ нижнюю Казанку, близъ впаденія ея въ Волгу, съ правой стороны на лѣвую и расположилось лагеремъ при устьѣ Казанки *). Съ разсвѣтомъ 23 числа полки ближе подвинулись къ Казани и пріостановились при устьѣ Верхней Ички, на лѣвомъ берегу ея Іоаннъ на „Царскомъ лугу “распустилъ свое *великое царское знамя* (великую хоругвь **) съ шитымъ изображеніемъ Нерукотвореннаго образа Спасителя, въ верху котораго водруженъ былъ животворящій крестъ, бывшій при Дмитріи Донскомъ въ Куликовской битвѣ. Вокругъ этого знамени собралась вся царская дружина и воеводы; царь и всѣ воеводы сошли съ коней и отпѣли молебенъ. По окончаніи молебна государь обратился съ слѣдующимъ словомъ къ своимъ сподвижникамъ и войску: „князь Владиміръ Андреевичъ, бояре и воеводы! приспѣло время нашему подвигу—сразиться за вѣру. Призывая на помощь милосердаго Бога и не сомнѣваясь ни въ чемъ, потщитесь единодушно пострадать за благочестіе, за святыя церкви, за святую нашу вѣру христіанскую, за единородныхъ нашихъ братьевъ, много лѣтъ плѣненныхъ и жестоко страдающихъ отъ безбожныхъ казанцевъ; вспомнимъ слово Христово: *ничтожъ сею больши, еже души полагати за други своя*,— припадемъ чистыми сердцами къ Создателю нашему Христу, попросимъ у Него избавленія бѣднымъ христіанамъ, да не предастъ насъ въ руки врагамъ нашимъ и не порадуются враги наши погибели нашей. Да и намъ послужите, сколько вамъ Богъ поможетъ; не пощадите головъ своихъ за благочестіе: оно не смерть, а животъ; если не нынѣ, то когда-нибудь умремъ,

*) См. планъ № 5.

**) Знамя это хранится въ Московской Оружейной палатѣ.



Планъ № 5.
Осады
ГОРОДА КАЗАНИ
1552 года.

въ городской стѣнѣ.

1. Тюменскія.
2. Аталыковы.
3. Крымскія.
4. Царевы

ВОРОТА:

5. Двѣ боевыя башни или бойницы.
6. Ногайскія.
7. Неизвѣстно.
8. Арскія.
9. Кайбатскія.
10. Шелскія.
11. Елбугчены.

въ Кремлевской стѣнѣ (нынѣ Кремлѣ.)

12. Муромскія.
13. Касахскія.
14. Царевы или Царскія съ надписью: «Іоаннъ остановилъ бѣжавшихъ».
15. Неизвѣстно.

Масштабъ верстъ въ дюймѣ.

а отъ этихъ безбожныхъ какъ впередъ избавимся? Я съ вами самъ припелъ на это; лучше хочу здѣсь умереть, нежели видѣть, за грѣхи свои, Христа хулимаго и порученныхъ мнѣ отъ Бога христіанъ мучимыми отъ безбожныхъ казанцевъ. Можетъ статься милосердый Богъ, видя неоложную нашу вѣру и подвиги за благодать, дастъ намъ помощь, по волѣ Своей; и я радъ васъ жаловать великимъ жалованьемъ, своею любовью и вознаградить недостатки ваши, сколько милосердый Богъ поможетъ; а кому случится пострадать, я радъ женъ ихъ и дѣтей вѣчно жаловать“ *). Рѣчь государя необыкновенно тронула и воодушевила войско и воеводъ. Затѣмъ Іоаннъ, сѣвъ на коня, двинулъ полки къ городу для занятія указанныхъ имъ мѣстъ. Тамъ все казалось тихо и пусто; не слышно было движенія, не видно людей на стѣнахъ и многіе изъ неопытныхъ ратниковъ уже радовались, полагая, что царь Казанскій, устрашенный великою ратью, бѣжалъ съ своимъ войскомъ въ лѣса; но опытные воеводы говорили: „будемъ тѣмъ осторожнѣе“.

Осада и взятіе Казани,

Казань была весьма сильна отъ природы, по своему мѣстоположенію при сліяніи рѣчекъ Казанки и Булака, и имѣла сильныя, по тому времени, укрѣпленія (см. планъ). Мѣстность, окружающая городъ, пересѣчена рѣчками, озерами, затонами и болотами. Съ сѣверо-запада городъ окаймляется р. Казанкой, текущей съ сѣверо-востока на западъ сначала по болотистой долинѣ, а затѣмъ въ глубокой ложбинѣ; тинистый Булакъ, протекающій озера Верхній и Нижній Кабанъ, омываетъ западные скаты высотъ, занятыхъ крѣпостью и городомъ. Ниже Булака впадаетъ въ Казанку слѣва же Верхняя Ичка, ограничивающая съ Волгой и Казанкой „Царевъ лугъ“, а пространство между Верхней Ичкой и Булакомъ отчасти покрыто болотомъ, прорѣзаннымъ теченіемъ Нижней Ички, а отчасти—затонами и рукавами этой послѣдней. Между Нижней Ичкой и озерами Верхній и Нижній Кабанъ и далѣе на югъ, тянулся обширный лѣсъ. Справа въ Казанку впадаетъ, нѣсколько ниже Булака, малая рѣчка съ притокомъ, вытекающая изъ озера въ 1 верстѣ къ сѣверу отъ Казани.

Между этими рѣчками, озерами и болотами находится нѣсколько высотъ. Главная, господствующая надъ всею окружающей мѣстностью—въ углу между Казанкой и Булакомъ; на ней находилась крѣпость Казани (нынѣ кремль), огражденная по самому краю высоты дубовыми широкими стѣнами, засыпанными внутри землею и хрящемъ, съ 8 такими же башнями и воротами между ними; здѣсь внутри крѣпости находилось нѣсколько большихъ каменныхъ зданій (съ отдѣльными дворами)

*) Царствен. кн., стр. 265.

ханскаго дворца, окруженныхъ 5 каменными высокими мечетями. Другая плоская возвышенность, значительно ниже первой, лежитъ къ востоку отъ нея и была занята городомъ, огражденнымъ кругомъ такими же дубовыми стѣнами и 14 башнями съ воротами между ними *). Къ востоку отъ города возвышалось „*Арское поле*“, около версты въ длину и ширину, съ крутыми скатами къ Казанкѣ и оз. Нижнему Кабану; еще далѣе къ востоку, за оврагомъ, тянулся Арскій лѣсъ, а на опушкѣ его была устроена Арская засѣка.

Такимъ образомъ казанская крѣпость, расположенная на весьма высокой и крутой горѣ, прикрытая съ юго-запада, подъ горою, городскими дубовыми стѣнами съ башнями, широкимъ и глубокимъ рвомъ, а съ сѣвера—рѣкою Казанкой, господствовала надъ городомъ и всею окружающей мѣстностью и представляла значительныя трудности и даже препятствія для овладѣнія ею осадой.

Въ крѣпости и городѣ для обороны ихъ собралось до 30 тысячъ отборныхъ пѣшихъ воиновъ, одушевленныхъ жаждою мести къ ненавистнымъ и еще столь недавно покореннымъ народамъ, которые теперь готовятся нанести послѣдній ударъ бывшему могуществу татаръ. Явилась вновь надежда, вернуть утраченную власть надъ этими народами, и упрочить за собою прежнее могущество. Два раза уже русскіе отступали отъ Казани. Если же отступятъ и въ третій, то уже больше не вернутся и Казань, навсегда, будетъ прочнымъ основаніемъ татарскаго владычества и полной государственной независимости. Такъ разсуждали татары.

Это предвѣщало русскому воинству, хотя и превосходному въ числѣ, тяжелую борьбу: малочисленный, но доведенный до отчаянія противникъ способенъ на великіе подвиги мужества и дорого отдаетъ врагу свою свободу и жизнь. Природа, сильныя укрѣпленія и прежнія неудачи россіянъ возвышали духъ казанцевъ, поддерживая таившуюся въ сердцахъ ихъ надежду на счастливый исходъ предстоявшей борьбы.

23 августа войска наши подошли къ Казани и заняли назначенныя имъ мѣста: передовой и большой полки — Арское поле; правая рука—правый берегъ Казанки, ниже города; сторожевой полкъ—устье Булака; лѣвая рука—выше его по Булаку; Шигъ-Алей—правѣе лѣвой руки, у кладбища; самъ Іоаннъ съ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ и царскою дружиной сталъ позади полка лѣвой руки. Съ того же дня начались сильныя схватки съ казанцами. Такъ, когда ятроулъ, силою около 7 т. челов., подъ начальствомъ князей Юрія Пронскаго-Шемякина и Ѳедора Львова-Троекурова, переправившись черезъ Булакъ по наведенному мосту выше города, началъ подниматься на гору въ разстояніи 200 саж.

*) Число и названіе крѣпостныхъ и городскихъ воротъ показаны на планѣ.

(*двухъ стрѣляній лучныхъ*) отъ городскихъ воротъ, то голова его (пѣшіе стрѣльцы и казаки) внезапно была атакована 5 т. конныхъ и 10 т. пѣшихъ отборныхъ казанскихъ войскъ, вышедшихъ изъ города, и приведена въ разстройство; на помощь подоспѣли другіе воеводы съ боярскими дѣтьми и съ пѣшими *ручничными* стрѣльцами; завязалась упорная сѣча, кончившаяся тѣмъ, что казанцы были опрокинуты обратно въ городъ.

Русскія войска окружили Казань и расположились станами. Ночь прошла спокойно. На слѣдующій день къ вечеру поднялась сильная буря, сорвала въ станахъ шатры, въ томъ числѣ царскій, и потопила многія суда, нагруженныя запасами; ужасъ охватилъ войска: малодушные полагали, что пришелъ конецъ походу, что за неимѣніемъ запасовъ опять придется отступить со стыдомъ. Но твердость Іоанна вполнѣ выдержала испытаніе: онъ послалъ въ Свіяжскъ и въ Москву съ приказаніемъ подвезти новые запасы и выразилъ намѣреніе даже зимовать подъ Казанью, еслибы того потребовали обстоятельства.

Между тѣмъ начались и дѣятельно продолжались осадныя работы: ставились туры, а гдѣ нельзя было—тынъ и за ними орудія. Первые туры были поставлены и вооружены тяжелыми орудіями въ ночь съ 25 на 26 число полками сторожевымъ и лѣвой руки, въ 50 саж. отъ городского рва, подъ прикрытіемъ стрѣльцовъ, засѣвшихъ въ выкопанномъ ими окопѣ за Булакомъ; казаки заняли каменную Даирову баню, находившуюся у крѣпостной стѣны. 26-го же числа поставили туры войска большого полка. Для сего послѣдній раздѣленъ былъ на двѣ части: полкъ воеводы М. И. Воротынскаго, въ пѣшемъ строю, назначенъ былъ для постановки туровъ, а Мстиславскій, съ конным полкомъ, долженъ былъ прикрыть Воротынскаго на случай вылазки; послѣднему государь придалъ изъ своей дружины нѣсколько малыхъ отрядовъ (головъ) изъ дѣтей боярскихъ, со 100 пѣшими боярскими людьми у каждаго. Получивъ приказаніе, Воротынскій вечеромъ этого числа выстроилъ людей впереди стана, выслалъ впередъ стрѣльцовъ, казаковъ и головъ съ боярскими людьми и приказалъ катить туры къ назначенному мѣсту и самъ выступилъ за ними съ пѣшимъ полкомъ. Когда войска подступили къ городу, то конные и пѣшіе казанцы ударили на нихъ изъ города, а съ городскихъ стѣнъ полетѣли ядра и пули. Завязался жестокій бой; русскія войска съ успѣхомъ отражали отчаянныя атаки пѣшихъ и конныхъ казанцевъ пищальнымъ огнемъ, копьями и мечами. Русскій нарядъ громилъ стѣны и ворота городскія; въ дыму, въ огнѣ, при громѣ орудій и пищалей русскіе подавались впередъ и наконецъ опрокинули противника въ городъ. Стрѣльцы, казаки и боярскіе люди расположились вдоль городского рва и прикрыли постановку туровъ, производя до самой ночи стрѣльбу изъ луковъ и пищалей; Воротынскій поставилъ

туры въ 8 саж. отъ городского рва, насыпалъ ихъ землею и затѣмъ приказалъ стрѣлецкимъ и боярскихъ дѣтей головамъ, и атаманамъ казаковъ, повести людей къ турамъ и засѣсть въ окопы. Однако темнота ночи не прекратила битвы: всю ночь казанцы производили вылазки противъ туровъ и вступали въ отчаянныя рукопашныя схватки съ русскими войсками, но каждый разъ были опрокидываемы въ городъ. Только къ утру прекратилась эта жестокая сѣча, дорого стоившая обѣимъ сторонамъ. На слѣдующій день бояринъ М. Я. Морозовъ вооружилъ эти туры осадными орудіями, начальство надъ которыми было поручено окольничему П. В. Морозову.

Наконецъ, 29 числа, поставили туры по берегу Казанки войска правой руки, а на Арскомъ полѣ, между турами большого полка и Казанкой—ярталъ. Въ топкихъ мѣстахъ, гдѣ нельзя было ставить туры, государь приказалъ дьяку своему Выродкову поставить тынъ. Такимъ образомъ довершено было обложеніе города и всѣ батареи (туры) были вооружены воеводою М. Я. Морозовымъ осадной артилеріей, состоявшей изъ большихъ пушекъ (*великихъ дѣлъ*), среднихъ и мортиръ (*огненныхъ, ими же вверхъ стрѣляютъ*); всего было до 150 орудій, не считая полевой артилеріи, находившейся около царскихъ шатровъ. Съ этого числа начали громить городъ изъ всѣхъ 150 орудій. Дѣйствіе *наряда*, искусно управляемаго бояриномъ М. Я. Морозовымъ, вскорѣ заставило замолчать крѣпостную артилерію и произвело сильное опустошеніе въ городѣ; только небольшія непріятельскія орудія (*гаковичныя* и *ручничныя*) продолжали наносить жестокій вредъ русскимъ войскамъ *). Окопавшіеся передъ турами стрѣльцы и казаки также производили мѣткую стрѣльбу по осажденнымъ, показывавшимся на городскихъ стѣнахъ.

Вылазки изъ города производились ежедневно. Но скоро вниманіе осаждавшихъ было обращено въ другую сторону. Еще до обложенія города русскими войсками казанскій царь Едигеръ, имѣя въ виду затруднить осаду, выслалъ, какъ сказано, сильный конный отрядъ князя *Япанчи* въ *острогъ*, сооруженный въ Арскомъ лѣсу, въ 15 верстахъ отъ Казани **.) Кн. Япанча, занимая этотъ пунктъ, снабженный продовольственными запасами, безпрестанно тревожилъ набѣгами наши войска; особенно часто подвергались этимъ налетамъ войска большого полка и ярталъ, стоявшіе по дорогѣ въ Арскъ, и полкъ правой руки, расположенный на Галицкой дорогѣ. Хотя налеты Япанчи съ успѣхомъ были отражаемы русскими войсками, но тѣмъ не менѣе ожиданіе вылазки изъ города и нападенія съ тыла, со стороны Арскаго лѣса, и постоянныя тревоги не давали покоя войскамъ, заставляя бо́льшую часть ихъ быть днемъ и ночью на-сторожѣ и до крайности ихъ утомляли; *кормовщики* (фура-

*) См. Сказанія кн. Курбскаго.

**) Это былъ, усиленный засѣками, лѣсной станъ, опорный пунктъ Япанчи. *Ред.*

жиры) не смѣли отъѣзжать отъ стана и, за недостаткомъ съѣстныхъ припасовъ, которые крайне вздорожали *), войска питались больше хлѣбомъ, да и тѣмъ не могли спокойно насытиться.

Нападенія кн. Япанчи обыкновенно производились одновременно съ сильными вылазками изъ города: едва взвивалось на высокой городской башнѣ „большое бусурманское знамя“, какъ съ силою устремлялись на осаждающихъ изъ лѣса конныя полчища Япанчи и изъ всѣхъ городскихъ воротъ—конныя и пѣшія войска гарнизона. При такихъ обстоятельствахъ царь созвалъ совѣтъ, на которомъ рѣшено было раздѣлить все войско на двѣ части: одна часть должна была вести осаду города, а другая—прикрывать ее съ поля и дѣйствовать противъ Япанчи. Для этой цѣли назначенъ былъ отрядъ изъ 30 тысячъ конницы и 15 тыс. пѣшихъ воиновъ, подъ общимъ начальствомъ князя *Александра Борисовича Горбатаго-Шуйскаго*. Расположившись скрытно за горою съ главными силами, князь Шуйскій послалъ небольшіе отряды въ Арскій лѣсъ со стороны оз. Н. Кабана, приказавъ имъ не ввязываться въ бой въ лѣсу, а выманить изъ него Япанчу. Татары кинулись на наши отряды, но послѣдніе, исполняя приказаніе, быстро отступали до самыхъ шанцовъ (укрѣпленій) и притворнымъ бѣгствомъ навели ихъ на засаду. Достигнувъ нашихъ укрѣпленій, конница Япанчи начала *водить круги и гарцовать*, пуская тысячи стрѣлъ, въ то время какъ остальныя силы его, устроенныя во многіе конные и пѣшіе полки, двигались противъ осадныхъ войскъ.

Тогда князь Шуйскій двинулъ войска изъ засады и отрѣзалъ Япанчу отъ лѣса; замѣтивъ это, татары бросились назадъ, на-перерѣзъ обходившимъ войскамъ къ Арскому лѣсу, но были смяты; масса ихъ погибла подъ ударами русской конницы, стрѣльцовъ и казаковъ и болѣе 300 человѣкъ забрано было въ плѣнъ.

По приказанію Іоанна, всѣхъ этихъ плѣнныхъ привязали къ копьямъ и подвели къ крѣпостнымъ стѣнамъ, чтобы они своимъ жалкимъ видомъ и мольбами побудили защитниковъ сдать крѣпость. Но эта суровая мѣра, оказалась излишней. Казанцы крѣпости не сдали, а чтобы прекратить мученія своихъ собратій, пустили въ нихъ тучу стрѣлъ, говоря:—„лучше вамъ умереть отъ нашихъ рукъ, чѣмъ отъ рукъ необрѣзанныхъ гяуровъ“.

Князь Шуйскій преслѣдовалъ бѣгущихъ на 15 верстъ до рѣки Килари. На слѣдующій день, 31 августа, Іоаннъ приказалъ находившемуся при войскѣ *нѣмчину размыслу* (инженеру) устроить подкопъ отъ рѣки Булака между Аталыковыми и Тюменскими воротами. Узнавъ отъ Камай-мурзы и перебѣжчиковъ, что осажденные, совершенно отрѣзанные уже отъ р. Казанки, пользовались водою изъ ключа, находившагося близъ р. Казанки, съ которымъ они имѣли сообщеніе посредствомъ *тай-*

*) Сказанія кн. Курбскаго: *зѣло уже драго куповано всякія брашна.*

ника (подземнаго хода) отъ Муралеевыхъ воротъ, государь приказалъ уничтожить тайникъ и съ этою цѣлью устроить подкопъ подъ него у Даировой бани, занятой казаками еще 25 числа, для устройства котораго прислалъ Адашева и размысла *); послѣдній, составивъ соображеніе для этой работы, поручилъ исполненіе ея своимъ ученикамъ, а самъ долженъ былъ заняться главнымъ подкопомъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней рабочіе наши, подъ надзоромъ кн. Серебрянаго и Адашева, подкопались подъ тайникъ и услышали надъ собою голоса людей, ходившихъ за водою. 4 сентября, когда подкопъ былъ готовъ, въ него вкатили 11 бочекъ пороху **), а на слѣдующій день подкопъ былъ взорванъ и подземный ходъ разрушенъ, причемъ часть городской стѣны съ массою защитниковъ взлетѣла на воздухъ. Замѣтя смятеніе казанцевъ, русскія войска двинулись на приступъ и ворвались въ городъ; однако удержаться въ немъ не могли и отступили.

Съ этого дня уныніе и разладъ все болѣе и болѣе распространялись между защитниками города, чему способствовало и появленіе болѣзни между жителями и воинами отъ употребленія негодной смрадной воды изъ выкопаннаго колодезя. Осада же дѣятельно продолжалась: тяжелыя орудія безостановочно***) громили стѣны и бросали въ крѣпость и въ городъ (изъ верховыхъ пушекъ) *огненныя* ядра и большіе камни; уже Арскія ворота были сбиты до основанія. Самъ Іоаннъ проявлялъ необыкновенную дѣятельность: часто днемъ и ночью разъѣзжалъ по батареямъ (*по всѣмъ турамъ*) вокругъ города, возбуждая къ трудамъ своихъ воиновъ и поощряя ихъ усердіе царскимъ милостивымъ словомъ.

Дабы окончательно обезопасить осадныя войска со стороны Арскаго лѣса, государь рѣшилъ овладѣть Арскимъ *острогомъ*, куда собрались остатки полчищъ Япанчи, и съ этою цѣлью 6 сентября отрядилъ часть войскъ подъ общимъ начальствомъ князя Горбатаго-Шуйскаго. Арскій острогъ, прочно срубленный (*городнями*), насыпанный землею, во многихъ мѣстахъ усиленный засѣками, находился въ Арскомъ лѣсу на высокой горѣ среди болотъ и чащъ лѣса и казался неприступнымъ. Князь *Шуйскій*, раздѣливъ войска на двѣ части и подойдя съ ними съ двухъ сторонъ, спѣшивъ конницу, двинулся на приступъ подъ градомъ пуль и стрѣлъ. Послѣ кровопролитнаго боя онъ овладѣлъ острогомъ и истребилъ его защитниковъ, за исключеніемъ 200 человѣкъ, взятыхъ въ плѣнъ и немногихъ спасшихся бѣгствомъ; здѣсь захвачено было много разнаго рода запасовъ. Затѣмъ кн. Шуйскій двинулся къ

*) Разрушеніе тайника сначала было поручено воеводамъ сторожевого полка, кн. Серебряному и Шереметеву, которымъ однако не удалось выполнить порученія, такъ какъ ходъ былъ „твердо землею укрѣпленъ“, но они донесли царю, что подъ тайникъ можно подкопаться отъ Даировой бани.

**) Всего пороху 70 пудовъ.

***) Цар. кн.: *черезъ вся нощи стрѣляше, да не опочиваютъ поганіи.*

Арскому городку землею, обильною садами, хлѣбомъ и скотомъ, гдѣ владѣли помѣстьями казанскіе вельможи; разорилъ всю страну, верстъ на 150 въ длину и ширину, до самой Камы и, освободивъ многихъ христіанъ-соотечественниковъ, бывшихъ тамъ въ неволѣ, вернулся въ станъ 16 сентября, съ массою продовольственныхъ запасовъ, скота и множествомъ плѣнныхъ. Слѣдствіемъ этой 10-дневной экспедиціи, явилось изобиліе въ войскахъ продовольственныхъ запасовъ и необыкновенная ихъ дешевизна: съ этого времени въ лагерѣ платили 10 денегъ за корову и 20 за вола.

Однако, несмотря на эти успѣхи, наши войска терпѣли большія невзгоды: войска, расположенныя на Галицкой дорогѣ, на западѣ подвергались частымъ внезапнымъ нападеніямъ съ тыла луговой черемисы, отгонявшей иногда лошадей и скотъ, а постоянная бдительность утомляла ихъ; полки правой руки, расположенные въ низинѣ Казанки, несли большія потери отъ дѣйствія господствовавшихъ надъ ними небольшихъ непріятельскихъ орудій (*гаковничныхъ* и *ручничныхъ*); пошли дожди; люди мокли на сторожѣ, низкія мѣста лагерной стоянки наводнились. Это ненастье, обычное явленіе въ это время года, суевѣріе войска, пораженнаго невзгодой, приписало непріятельскому чародѣйству. Участникъ осады, князь *Андрей Курбскій*, раздѣляя суевѣрныя понятія вѣка, пишетъ, что *они* (непріятели) *на войско христіанское чары творили и великую плювію* (дождь) *наводили*; что ежедневно съ восходомъ солнца казанскіе волшебники и волшебницы являлись на городскихъ стѣнахъ и сатанинскими заклинаніями и маханіемъ одежды на русскій станъ возбуждали вѣтеръ, нагонявшій среди яснаго дня тучи, изъ которыхъ дождь лился рѣками. По совѣту бояръ, государь приказалъ привезти изъ Москвы Животворящій крестъ, и когда въ русскомъ станѣ совершено было водосвятіе, тогда исчезли, по свидѣтельству *Курбскаго*, чары волшебства, и настали ясные дни.

Между тѣмъ, осадныя работы продолжались. Съ цѣлью дѣйствовать огнемъ артилеріи противъ внутренности города, была поставлена дьякомъ Выродковымъ, противъ Царевыхъ воротъ, противъ туровъ Воротынскаго, деревянная башня въ 6 саженъ высоты, и вооружена 10 большими орудіями, 50 меньшими пищалями (*гаковницами*) и значительнымъ числомъ стрѣльцовъ съ *ручницами* *). По словамъ кн. Курбскаго, башню эту построили тайно въ 2-хъ верстахъ за русскимъ станомъ на Арскомъ полѣ, и подкатили ночью къ Царевымъ воротамъ. Башня эта была выше крѣпостныхъ стѣнъ, почему выстрѣлами изъ нея, наносился сильный вредъ и городскимъ зданіямъ и ихъ защитникамъ: татары принуждены были укрываться въ норахъ, во рвахъ подъ стѣнами и въ зем-

*) См. сказанія кн. Курбскаго.

лянкахъ подъ *тарасами*, откуда однако производили безпрестанныя вылазки,—*„яко же змѣи вылазя“*. Воротынскій, постепенно подвигаясь впередъ турами, успѣлъ поставить ихъ къ самому рву (въ 3 сажени шириной и 7 саженъ глубины) противъ Арскихъ воротъ; успѣхъ этотъ дорого стоилъ русскимъ войскамъ: здѣсь все время происходили отчаянныя вылазки казанцевъ и жестокія схватки съ русскими войсками, прерывавшіяся лишь кратковременными отдыхами. Въ одинъ изъ такихъ роздыховъ (въ обѣденное время въ русскихъ войскахъ) татары, замѣтивъ слабость русскихъ войскъ, оставленныхъ въ передовыхъ окопахъ для прикрытія туровъ, произвели сильную вылазку, въ числѣ 10 тыс. человѣкъ, и овладѣли орудіями; только послѣ кровопролитнаго боя полки Воротынскаго, съ прибывшими подкрѣпленіями, опрокинули татаръ обратно въ городъ съ большимъ урономъ для нихъ и не меньшимъ для себя, потерявъ многихъ изъ воеводъ убитыми и ранеными: окольничій Петръ Морозовъ, управлявшій нарядомъ Воротынскаго, былъ тяжело раненъ; самъ Воротынскій получилъ нѣсколько ранъ и обязанъ былъ спасеніемъ своей жизни только крѣпости своихъ доспѣховъ; но туры были спасены. Въ то же самое время татары произвели сильную вылазку изъ Збойлевыхъ воротъ на туры передового полка и яртаула; но здѣсь воеводы были готовы къ отпору и опрокинули татаръ безъ особеннаго урона для себя.

Какъ видимъ, энергичной осадѣ противопоставлена была и мужественная, отчаянная оборона, несмотря на то, что осажденные терпѣли уже сильный недостатокъ въ припасахъ и водѣ и понесли большія потери (уже болѣе 10 тыс. чел.) отъ огня батарей, постоянныхъ вылазокъ, болѣзней и смертности. Для обороны воротъ осажденные возвели *тарасы*, насыпанные землею, и подъ ними укрывались также отъ навѣснаго огня батарей. Іоаннъ приказалъ сдѣлать подкопъ подъ тарасы противъ Арскихъ воротъ. 30 сентября подкопъ былъ готовъ и снабженъ порохомъ, а войска большого полка изготовились къ бою. Подкопъ былъ взорванъ; множество непріятелей взлетѣло на воздухъ съ тарасомъ и частью стѣны; другіе оцѣпенѣли отъ ужаса и прекратили стрѣльбу; русскія войска воспользовались этимъ и придвинули туры къ самымъ воротамъ Арскимъ, Царскимъ и Аталыковымъ. Казанцы съ яростью ринулись изъ нихъ на русскія войска; закипѣлъ отчаянный бой: подъ громомъ *стѣнобитныхъ* орудій и *верховыхъ* пушекъ, осыпаемые пулями и стрѣлами, въ густомъ дыму, противники бились копьями и саблями, *хватая другъ друга за руки*. Въ эту рѣшительную минуту прибылъ къ городу самъ Іоаннъ; одушевленные присутствіемъ царя, русскія войска, казалось, удвоили мужество и опрокинули татаръ; войска большого полка овладѣли Арскою башнею и ворвались въ городъ. Князь Воротынскій, надѣясь окончить дѣло рѣшительнымъ ударомъ,

послалъ просить государя двинуть всѣ войска на приступъ; но такъ какъ большая часть войскъ была въ станѣ и не имѣла въ виду приступа, а два главныхъ подкопа еще не были готовы, то Іоаннъ приказалъ отступить. Воеводы съ трудомъ вывели войска изъ города и зажгли мосты и городскія стѣны; Арскую башню и ближайшую часть городскихъ стѣнъ, по приказанію Воротынскаго, заняли стрѣльцы, оградивъ себя крѣпкими щитами и турами, насыпанными землею. Во всю ночь пылали мосты у Царевыхъ, Аталыковыхъ и Ногайскихъ воротъ и часть городской стѣны; громимая кромѣ того осадными орудіями, она разрушалась, осыпая землею и образуя мѣстами проломы.

Наконецъ большіе подкопы были готовы и *„приблизился часъ всѣмъ испить общую чашу“*, по выраженію лѣтописца. Казанцы со своей стороны дѣятельно работали: ставили противъ проломовъ деревянные срубы, насыпая ихъ землею, и принимали другія мѣры для послѣдней обороны; на предложеніе Іоанна, черезъ Камая-мурзу и горныхъ черемисъ, бить челомъ, во избѣжаніе напраснаго кровопролитія, выдать главныхъ измѣнниковъ и что государь прочихъ помилуетъ,— они отвѣчали въ одинъ голосъ рѣшительнымъ отказомъ: *„всѣ помремъ или отсидимся“*.

Между тѣмъ Іоаннъ повелѣлъ всѣмъ войскамъ приготовиться къ приступу, исповѣдаться и пріобщиться отъ Св. даровъ. Общій приступъ назначилъ на 2 октября, а наканунѣ приказалъ наполнить рвы лѣсомъ и землею, строить мосты и непрерывно производить стрѣльбу изъ осадныхъ орудій, огнемъ которыхъ въ теченіе дня была сбита бо́льшая часть городской стѣны до основанія. Въ то же время отдано было распоряженіе, по которому войска, для приступа, распредѣлены были слѣдующимъ образомъ:

Впереди всѣхъ, въ 1 линіи, назначено было идти казакамъ съ ихъ головами и полкамъ боярскихъ дворовыхъ людей, раздѣленнымъ на сотни подъ начальствомъ головъ (отборныхъ боярскихъ дѣтей). Каждый изъ этихъ передовыхъ отрядовъ получилъ приказаніе дѣйствовать противъ назначенныхъ имъ воротъ. Отряды эти поддерживаются отъ своихъ полковъ, изъ которыхъ каждый, также стоялъ противъ назначенныхъ воротъ, составляя 2-ю линію.

Во 2-й линіи приказано идти со своими полками воеводамъ: князю *Воротынскому* и окольничему Басманову — въ проломъ отъ Булака и Поганаго Озера; воеводѣ передоваго полка князю *Хилкову*—на Кайбатскія ворота; воеводѣ яртоула князю Троекурову—на Зболейвыя ворота; воеводѣ полка правой руки *Андрею Курбскому*—на Елбугины; воеводѣ сторожеваго полка *Семену Шереметеву*—на Муралеевы и воеводѣ полка лѣвой руки, *Димитрію Плещееву*—на Тюменскія.

За ними, въ 3-й линіи, для поддержанія ихъ назначены были: за *Воротынскимъ*—царская дружина, а за прочими—первые воеводы соот-

вѣтствующихъ полковъ: князья *Пронскій*, *Шемякинъ*, *Щенятевъ*, *Серебряный-Оболенскій* и *Микулинскій*.

Для охраненія войскъ съ тыла отъ нападеній луговой черемисы и бродившихъ по лѣсамъ татаръ и ногаевъ, и чтобы отрѣзать казанцамъ всѣ пути къ бѣгству по взятіи города, приказано было занять: князю *Мстиславскому*, съ частью большаго полка, и Шигъ-Алею съ касимовцами и горными черемисами—Арскую и Чувашскую дороги; князьямъ *Юрію Оболенскому* и *Мещерскому* съ дворянами царской дружины—Ногайскую, и князю *Ромодановскому* — Галичскую, а другому отряду дворянъ—стоять, примыкая къ нему, вверхъ по Казанкѣ, на Старомъ Городищѣ.

Всѣмъ войскамъ приказано быть готовыми къ 3 часамъ утра, ждать взорванія подкоповъ и немедленно идти на приступъ.

Ночь на воскресенье, 2 октября, была проведена въ тревожномъ ожиданіи послѣдняго отчаяннаго боя. Послѣ полуночи князь Воротынскій прислалъ сказать Іоанну, что подкопы готовы и заряжены 48 бочками пороха *), что казанцы замѣтили подземныя работы и нельзя долѣе медлить приступомъ. Іоаннъ, приказавъ извѣстить о семъ полки и ускорить приготовленія къ приступу, самъ отправился въ походную церковь слушать литургію. На восходѣ солнца, когда діаконъ оканчивалъ чтеніе Евангелія словами: *и будетъ едино стадо и единъ пастырь*,— послѣдовалъ взрывъ одного подкопа подъ Арскія ворота. Государь, выйдя на паперть, увидѣлъ страшное дѣйствіе взорваннаго подкопа: среди густого дыма и пыли взлетѣла высоко часть городской стѣны; огромныя бревна, обломки башенъ и строеній, а также защитники города, собравшіеся здѣсь во множествѣ, были разметаны во всѣ стороны. Іоаннъ вернулся въ церковь дослушать литургію; когда во время ектеніи, при молитвѣ о царѣ, діаконъ возгласилъ: „*и покорите подъ ноги его всякаго врага и супостата*“,—послѣдовалъ второй взрывъ, еще сильнѣе прежняго, подкопа подъ Ногайскія ворота. Передовыя русскія войска, при громѣ пушекъ, со всѣхъ сторонъ устремились на приступъ съ крикомъ—„Съ нами Богъ“—и, подходя ко рву, были встрѣчены со стѣнъ и башенъ густымъ градомъ пуль и стрѣлъ. Несмотря на большія потери, полки двигались на штурмъ къ стѣнамъ, но тамъ ожидали ихъ новыя опасности: казанцы обливали ихъ кипящею смолою и скатывали на нихъ со стѣнъ огромныя бревна. Но наконецъ, казанцы были опрокинуты со стѣнъ, русскіе ворвались въ городъ и закипѣлъ отчаянный бой на улицахъ его; русскія знамена осѣнили стѣны буйной Казани. Два вѣстника прискакали къ Іоанну звать его къ войску. Прибытіе царя къ полкамъ воодушевило воиновъ, не успѣвшихъ еще взойти

*) Въ то время пороховые боченки имѣли болѣе $6^1/_2$ пудовъ пороху: въ одномъ изъ наказовъ царя Іоанна IV сказано объ отправленіи 60 бочекъ съ 400 пудами *зелія*.

на стѣны; клики побѣды слились съ громкими восклицаніями царской дружины, привѣтствовавшей царя. Между тѣмъ на улицахъ города завязалась кровопролитнѣйшая битва; казанцы не отступали ни на шагъ, встрѣчали русскихъ лѣсомъ копій, рубились саблями, рѣзались ножами. Нѣсколько времени русскія войска не могли сдѣлать шага впередъ въ тѣсныхъ улицахъ; наконецъ, взобравшись на крыши домовъ, начали оттуда поражать казанцевъ и затѣмъ оттѣснили ихъ къ срединѣ города.

Но въ эту рѣшительную минуту, штурмъ едва было не кончился прискорбной неудачей: многіе изъ воиновъ, увлеченные жаждою корысти, бросились грабить дома, а къ нимъ присоединилась обозная челядь; между тѣмъ передовыя войска сражались до изнеможенія, не подвигаясь впередъ. Наконецъ, ослабленныя убитыми и ушедшими грабить, они не въ силахъ были противостоять напору казанцевъ и начали отступать; грабители же, замѣтивъ это, бросились бѣжать черезъ стѣны съ крикомъ: *сѣкутъ, сѣкутъ!*

Іоаннъ, стоявшій въ это время со своимъ царскимъ знаменемъ и 20-ти тысячною царскою дружиною за городомъ со стороны Арскаго поля, былъ пораженъ видомъ и криками бѣжавшихъ и измѣнился въ лицѣ, полагая, что казанцы опрокинули изъ города всѣ русскія войска. Въ это же время прислалъ къ нему князь Воротынскій просить помощи. Окружавшіе царя опытные воеводы приказали спѣшиться половинѣ царской дружины и идти въ городъ для поддержки; водрузивъ большое царское знамя противъ Царскихъ воротъ и взявъ коня Іоанна за узду, они поставили его подъ знаменемъ, чтобы остановить и собрать бѣгущихъ; къ спѣшившейся половинѣ царской дружины присоединились бояре и боярскія дѣти, бывшіе лично при Іоаннѣ. Неожиданное появленіе этихъ свѣжихъ войскъ, въ блестящихъ доспѣхахъ, заставило татаръ съ Едигеромъ отступить къ царскому дворцу, гдѣ они отчаянно оборонялись около полутора часа; наконецъ русскіе отбили ворота, ворвались во дворъ ханскаго дворца и, послѣ отчаяннаго сопротивленія казанцевъ, выбили послѣднихъ оттуда.

Потерявъ надежду на спасеніе, немногіе защитники царскаго дворца, когда русскіе уже ворвались въ него, намѣревались было остановить ихъ или разсѣять, помощью хитрости. Весь гаремъ хана, въ богатыхъ одеждахъ и со всѣми драгоцѣнностями, былъ выставленъ на дворъ замка, въ разсчетѣ, что русскіе бросятся забирать въ плѣнъ ханскихъ красавицъ и ихъ драгоцѣнности. Но русскіе, сперва покончили съ малочисленными остатками защитниковъ, окружавшихъ хана на противуположномъ концѣ двора, а потомъ уже занялись гаремомъ.

Тѣмъ не менѣе, самъ Едигеръ, съ нѣсколькими изъ приближенныхъ, успѣлъ выскочить изъ замка.

Татары бросились въ нижнюю часть города къ Елбугинымъ воротамъ; но здѣсь, спереди загородили имъ дорогу войска А. Курбскаго, при которомъ было 200 или 300 всадниковъ; а сзади напирали царская

дружина и другіе полки. Тѣснимые со всѣхъ сторонъ, татары бросились къ стѣнамъ, влѣзли на нихъ по грудамъ тѣлъ убитыхъ сограждан, взвели Едигера на башню и объявили о желаніи своемъ вступить въ переговоры. Сражавшіяся здѣсь русскія войска прекратили бой. *„Пока стоялъ юртъ и мѣсто главное, гдѣ престолъ царскій былъ,—* объявили казанцы, — *до тѣхъ поръ мы бились до смерти за царя и за юртъ; теперь отдаемъ вамъ царя живаго и здороваго; ведите его къ своему царю! А мы выйдемъ на широкое поле испить съ вами послѣднюю чашу“*. Выдавъ царя Едигера съ тремя вельможами и пустивъ на русскихъ тучу стрѣлъ, татары бросились прямо со стѣны къ берегу Казанки; встрѣченные здѣсь залпами орудій, они повернули налѣво внизъ по Казанкѣ, сбросили съ себя доспѣхи и обувь, и кое-какъ перешли черезъ рѣчку. Князья *Андрей* и *Романъ Курбскіе* обскакали непріятеля и врѣзались въ ряды его; но татаръ было еще до 6.000 человѣкъ и самыхъ храбрѣйшихъ, — слабыя силы Курбскихъ были смяты, причемъ оба они были тяжело ранены. Татары побѣжали къ лѣсу, котораго однако не удалось имъ достигнуть: воеводы *Микулинскій*, *Глинскій* и *Шереметевъ* настигли ихъ и нанесли окончательное пораженіе; почти всѣ были истреблены и только нѣсколько сотъ человѣкъ успѣли спастись въ ближайшій лѣсъ.

Казань пала; городъ былъ взятъ и пылалъ въ разныхъ мѣстахъ; пальба умолкла, бой прекратился и только мѣстами въ городѣ кровь еще лилась: побѣдители, раздраженные упорнымъ сопротивленіемъ и воспоминаніями объ измѣнахъ казанцевъ, убивали жителей, щадя лишь женщинъ, дѣтей и главныхъ чиновниковъ.

По сказанію очевидцевъ, въ городѣ такъ много валялось татарскихъ труповъ, что по всему городу нельзя было ступить ногою, не задѣвъ мертваго тѣла. У царскаго же двора и по ближайшимъ къ нему улицамъ, кучи убитыхъ возвышались наравнѣ съ крѣпостными стѣнами. Всѣ рвы были, до верху, наполнены трупами, громадное количество которыхъ валялось также на поляхъ, по берегамъ Казанки и на Арскомъ полѣ.

Довершивъ истребленіе враговъ, князь Воротынскій, главный вождь и виновникъ побѣды, прислалъ поздравить царя съ покореніемъ города.

Отслуживъ подъ царскимъ знаменемъ благодарственное молебствіе и принявъ затѣмъ поздравленіе воеводъ съ побѣдою, Іоаннъ милостиво принялъ представленнаго ему плѣннаго царя Едигера и отправился въ ханскій дворецъ, у воротъ котораго, съ восторгомъ привѣтствовали его освобожденные русскіе плѣнники. Пробывъ короткое время во дворцѣ, царь возвратился въ свой станъ, принести благодареніе Богу, въ походной церкви во имя св. Сергія, и воздать должное войскамъ и воеводамъ за понесенные ими труды и лишенія и за великую побѣду. 4 октября Казань была очищена отъ труповъ; Іоаннъ вторично отправился въ городъ, заложилъ церковь во имя Благовѣщенія Богородицы и, послѣ молебствія, приказалъ совершить крестный ходъ по стѣнамъ города.

6 октября онъ назначилъ намѣстникомъ въ Казани большого боярина, князя Александра Борисовича Горбатаго, а князя Серебрянаго—его товарищемъ, и оставилъ съ ними много боярскихъ дѣтей, стрѣльцовъ и казаковъ. Разрушенныя башни и стѣны города и крѣпости приказано было возстановить. 11 октября Іоаннъ отправился на судахъ по Волгѣ въ обратный путь, а князь Воротынскій повелъ конную рать берегомъ Волги въ Василь-Сурскъ. По достиженія Нижняго Новгорода войска были распущены по домамъ, а царь отправился сухимъ путемъ въ Троице-Сергіевскій монастырь. 7 ноября Іоаннъ имѣлъ торжественный въѣздъ въ Москву и былъ встрѣченъ всѣми чинами и народомъ, съ восторгомъ и благодарностью, какъ покоритель мусульманскаго царства и избавитель христіанъ. Чтобы ознаменовать взятіе Казани, царь заложилъ впослѣдствіи, въ 1555 году, храмъ о девяти верхахъ, во имя Покрова Богоматери у Фроловскихъ (нынѣ Спасскихъ) воротъ *).

Такъ кончились знаменитые—послѣдній походъ подъ Казань, осада и взятіе ея, заслуживающіе, кромѣ необыкновенной политической важности, особеннаго вниманія въ военномъ отношеніи. Дѣйствія подъ Казанью замѣчательны какъ правильными мѣрами и распоряженіями, такъ и искуснымъ, мужественнымъ и удачнымъ исполненіемъ ихъ. Наибольшую честь ихъ слѣдуетъ приписать опытнымъ и доблестнымъ воеводамъ, начальствовавшимъ войсками и руководившимъ своими совѣтами неопытнаго въ военномъ дѣлѣ 22-хъ-лѣтняго *Іоанна*, особенно же—*Воротынскому*, *Адашеву*, *Горбатому-Шуйскому*, *Мстиславскому*, *Серебряному Курбскимъ* и многимъ другимъ. Дѣйствія подъ Казанью приносятъ не меньшую честь русскимъ войскамъ: ихъ храбрости въ бояхъ, мужеству, твердости и терпѣнію въ преодолѣніи всѣхъ препятствій и невзгодъ, противопоставлявшихся имъ не менѣе храбрымъ и отчаяннымъ противникомъ и природой. Присутствіе государя при войскѣ, конечно, не осталось безъ благотворнаго вліянія на ходъ военныхъ операцій: оно уравняло гордыхъ воеводъ, устранило мѣстничество между ними, придавъ единство дѣйствіямъ русскихъ полковъ, и одушевляло воиновъ, которые сражались съ большею храбростью и мужественно переносили всѣ нужды и лишенія похода. Осада Казани замѣчательна тѣмъ, что представляетъ первый примѣръ *правильной* осады укрѣпленнаго города русскими войсками и правильнаго при этомъ употребленія пѣхоты, конницы, особенно артилеріи и инженернаго искусства **); дѣйствіе русскаго *наряда* подъ управленіемъ главнаго начальника его, боярина М. Я. Морозова, достойно примѣчанія.

Казань взяли, но осталось еще привести къ покорности и подданству дикое и воинственное населеніе казанской области. Послѣд-

*) Извѣстный теперь подъ именемъ церкви Василія Блаженнаго.

**) Впрочемъ, въ распоряженіяхъ и дѣйствіяхъ осады собственно по *инженерной* части замѣтно еще смѣшеніе прежняго способа атаки укрѣпленнаго города съ новымъ.

ствія показали, что сѣмена измѣны и мятежа не были еще истреблены въ бывшемъ казанскомъ царствѣ съ паденіемъ столицы его; нѣсколько разъ возставали татары, черемисы и другіе инородцы, навлекая собственнымъ буйствомъ опустошенія на свою страну. Уже въ 1553 году пришлось отправить противъ нихъ Даніила Адашева съ войскомъ, который громилъ ихъ цѣлое лѣто на Камѣ и Волгѣ. Въ слѣдующемъ году, 6 декабря, были отправлены изъ Нижняго Новгорода новые воеводы, которые въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ разбили въ нѣсколькихъ сраженіяхъ мятежниковъ казанскихъ, опустошавшихъ наши восточные города и селенія, и принудили ихъ снова покориться Москвѣ. Потребовалось послѣ взятія Казани еще 5 лѣтъ опустошительной войны, чтобы покорить всѣ народы, отъ нея прежде зависѣвшіе; наконецъ, съ 1557 года, Казань сдѣлалась областью Россіи.

Рушилось Казанское царство и вся Волга стала рѣкою Московскаго государства: завоеваніе другого мусульманскаго царства, Астраханскаго, было скорымъ неминуемымъ слѣдствіемъ завоеванія Казани. Еще весною 1554 года Іоаннъ, воспользовавшись внутренними раздорами среди ногайскихъ князей, отправилъ на судахъ 30 тысячъ человѣкъ отборныхъ русскихъ войскъ, подъ начальствомъ князя Юрія Ивановича Пронскаго-Шемякина, который безъ труда овладѣлъ Астраханью, и на мѣсто бѣжавшаго въ Крымъ *Ямгурчея*, водворилъ бывшаго царя *Дербышъ-Алея*. Новый ханъ обязался быть подъ рукою Московскаго царя и платить ему дань; но вскорѣ измѣнилъ обязательству, вступилъ въ союзъ съ Крымомъ и враждебными Москвѣ ногаями. Для наказанія измѣнника, Іоаннъ отправилъ, въ мартѣ 1556 года, новое войско; Дербышъ соединился съ толпами ногайскими и крымскими и открылъ непріязненныя дѣйствія, но, разбитый нѣсколько разъ, бѣжалъ осенью въ Азовъ. Астрахань была окончательно присоединена къ Москвѣ; съ покореніемъ ея была окончена навсегда борьба съ татарами на востокѣ.

Главнымъ гнѣздомъ татаръ, враждебныхъ Москвѣ, оставался, попрежнему, только Крымъ. Паденіе царствъ Казанскаго и Астраханскаго сильно не нравилось Девлетъ-Гирею; попытка его отвлечь Іоанна отъ Казани нашествіемъ на Московскія области въ 1552 году не удалась; ту же участь постигло и нападеніе его на Московскую украйну въ 1555 году: разбивъ на голову при урочищѣ Судбищи, въ 150 верстахъ отъ Тулы, слабый отрядъ (7 тыс. человѣкъ) Шереметева, отхватившаго однако передъ тѣмъ весь крымскій обозъ, Девлетъ-Гирей долженъ былъ, съ 60 тыс. войскомъ, поспѣшно отступить къ крымскимъ предѣламъ, узнавъ о движеніи къ Тулѣ главныхъ силъ русскихъ войскъ, при которыхъ находился самъ Іоаннъ.

Дабы отвлечь хана отъ этихъ нападеній, государь посылалъ легкіе отряды казаковъ внизъ по Дону и Днѣпру опустошать крымскіе

улусы. Отважные и удачные поиски путивльскаго воеводы дьяка Ржевскаго, внизъ по Днѣпру къ Исламъ-Кермень и Очакову; и атамана Чулкова внизъ по Дону къ Азову; а вслѣдъ за ними—набѣги князя Вишневецкаго съ малороссійскими казаками, перешедшаго изъ Литвы на службу къ Іоанну,—явились первыми наступательными дѣйствіями противъ Крыма и оказали сильное вліяніе на Девлетъ-Гирея: ханъ трепеталъ, полагая, что отряды Ржевскаго и Вишневецкаго суть передовые отряды главныхъ силъ, ждалъ самого Іоанна, просилъ у него мира и помощи у султана для спасенія Крыма, хотя въ то же время не упустилъ удобнаго случая вторгнуться въ предѣлы Московскаго государства, чтобы отмстить Іоанну за набѣги Ржевскаго и Вишневецкаго. Въ концѣ 1558 года Девлетъ-Гирей, собравъ до 100 тыс. конницы, устремилъ ее къ Рязани и Тулѣ, надѣясь найти Россію беззащитною, по случаю войны ея съ Ливоніей. Но, достигнувъ рѣки Мечи и узнавъ, что на пути ихъ стояла сильная русская армія, татары поспѣшно отступили къ Осколу и далѣе въ Крымъ. Видя такого рода дѣйствія Девлетъ-Гирея, Іоаннъ въ началѣ 1559 года послалъ Вишневецкаго, съ 5-тысячнымъ отрядомъ, на Донъ; а окольничаго Даніила Адашева съ 8 тыс. въ городокъ на р. Псёлѣ и оттуда на Днѣпръ, для того, чтобы одинъ съ Дона, а другой съ Днѣпра напали на Крымъ. Весною Вишневецкій разбилъ близъ Азова, небольшой отрядъ крымцевъ; а Адашевъ, спустясь на судахъ въ устье Днѣпра, взялъ 2 турецкихъ корабля, высадился на западномъ берегу Крыма, разорилъ крымскіе улусы, захватилъ большую добычу, освободилъ много русскихъ и литовскихъ плѣнниковъ и воротился въ Днѣпръ безъ препятствія. Крымцы, застигнутые врасплохъ, не скоро могли опомниться отъ страха и собраться вокругъ хана, который, не успѣвъ поэтому напасть на Адашева въ Крыму, преслѣдовалъ его по Днѣпру до мыса Монастырки, близъ Ненасытицкаго порога, но и тутъ не отважился напасть на него и воротился назадъ.

Въ Москвѣ ожидали нашествія хана; но Девлетъ Гирей не приходилъ, потому что съ одной стороны днѣпровскіе и донскіе казаки, а съ другой—вѣрные Москвѣ ногаи и астраханцы, громили и разоряли крымскіе улусы; въ самомъ Крыму свирѣпствовалъ голодъ. Ханъ прислалъ въ Москву съ мирными предложеніями и съ жалобами на нападеніе со всѣхъ сторонъ; Іоаннъ отвѣчалъ, чтобы ханъ—„не говорилъ *безлѣпицы* и доказалъ опытомъ свое искреннее миролюбіе“, иначе грозилъ войною, такъ какъ русскіе уже узнали путь въ его землю степями и моремъ.

ГЛАВА XII.

Война съ Ливоніей съ 1558—1582 годъ.

Причина войны и вторженіе русскихъ войскъ въ Ливонію въ 1558 году. Пораженіе литовцевъ у Дерпта и Везенберга.—Взятіе Нарвы 11 мая.—Паденіе Нейшлота и Везенберга.—Осада Нейгаузена и овладѣніе имъ.—Осада и сдача Дерпта 18 іюля.—Ливонцы овладѣваютъ Рингеномъ и вторгаются въ псковскія земли.—Вторичное вторженіе русскихъ войскъ въ Лифляндію въ 1559 г. и опустошеніе ея.—Обратное возвращеніе русскихъ.—Шестимѣсячное перемиріе. Ливонцы вступаютъ въ союзъ съ Польшей и Германіей.—Нарушеніе ими перемирія и неудачная попытка овладѣть Дерптомъ, и Лаисомъ.—Третье вступленіе русскихъ войскъ въ Ливонію въ 1560 году, и покореніе Маріенбурга.—Пораженіе литовцевъ подъ Вейсенштейномъ и Феллиномъ.—Побѣда русскихъ подъ Гермеосомъ.—Сдача Феллина 21 августа.—Снятіе осады Вейсенштейна и конецъ войны 1560 года.—Ливонія принимаетъ покровительство Польши и подчиняется ей.—Война съ Польшею и Швеціей.—Овладѣніе Полоцкомъ въ 1563 г.—Неудавшіеся переговоры о перемиріи и война 1564 г.—Пораженіе отряда Шуйскаго подъ Оршею.—Переговоры о мирѣ.—Земскій соборъ 1565 г.—Возобновленіе войны и ея нерѣшительность.—Безуспѣшная осада Ревеля въ 1570 г.—Война осложняется нашествіемъ крымскаго хана въ 1571 г. Сожженіе ДевлетъГиреемъ Москвы 24 мая 1571 года.—Вторичное нашествіе крымцевъ на Москву въ 1572 г.—Пораженіе ихъ 1 августа Воротынскимъ.—Продолженіе войны съ Ливоніей.—Взятіе Виттенштейна въ 1572 г. и испытанныя русскими неудачи.—Взятіе Пернова въ 1576 году.—Неудача подъ Ревелемъ въ 1577 г.—Неудачная осада русскими Вендена въ 1578 г. и пораженіе ихъ.—Стефанъ Баторій составляетъ противъ Россіи коалицію—изъ Польши, Швеціи, Турціи, крымскаго хана и папы римскаго.—Стефанъ Баторій вноситъ войну въ предѣлы Россіи въ 1579 году.—Осада Полоцка поляками, и его паденіе.—Опустошеніе Сѣверской и Смоленской областей.—Взятіе БаторіемъВеликихъ Лукъ въ 1580 г.—Осада Пскова въ 1582 г. и геройская защита его И. П. Шуйскимъ.—Отбитіе штурмовъ 8 сентября и 2 ноября.—Неудачный приступъ непріятеля къ Псково-печерскому монастырю.—Успѣхи шведовъ въ Ливоніи и паденіе нѣсколькихъ русскихъ городовъ.—Миръ съ Баторіемъ въ 1582 году и съ шведами въ 1583 году.

спокоивъ на время южные предѣлы государства и освободившись такимъ образомъ отъ татарскихъ дѣлъ, царь обратилъ вниманіе на западную границу и рѣшилъ серьезно заняться Ливоніей, война съ которой открылась еще въ 1558 году. Это полу-независимое государство рыцарей, изнѣженныхъ и слабыхъ, но гордыхъ и враждеб-

ныхъ Москвѣ, обращало на себя вниманіе Іоанна, какъ древняя отчина русскихъ великихъ князей, и какъ приморская область, дававшая Россіи возможность, при овладѣніи ею, вступить въ непосредственныя сношенія съ государствами западной Европы. Помимо торговыхъ сношеній, Московское правительство принимало мѣры для привлеченія въ свою службу иностранцевъ, знающихъ разныя искусства и ремесла; но до сего времени связь Россіи съ западной Европой зависѣла отъ произвола сосѣднихъ приморскихъ государствъ, обыкновенно враждебныхъ Москвѣ. Польско-литовскіе государи старались мѣшать подобнымъ сношеніямъ и не позволяли европейскимъ купцамъ возить въ Россію черезъ свои земли оружіе и военные припасы. Еще болѣе затрудняла эти сношенія слабая до безсилія Ливонія; правительство ея испросило даже у германскаго императора Карла V полномочіе, не пропускать въ Москву ни одного ученаго и художника. Посланный Іоанномъ въ Германію саксонецъ Шлитте, которому поручено было набрать въ царскую службу разныхъ художниковъ и мастеровъ, былъ задержанъ, по проискамъ ливонцевъ, въ Любекѣ, а затѣмъ, два года спустя, въ самой Ливоніи. Такими поступками ливонцы усиливали только въ Московскомъ правительствѣ желаніе, пріобрѣсти берега Балтійскаго моря, покореніемъ Ливонскаго государства. Зная политическую несостоятельность Ливоніи, Іоаннъ считалъ ее, послѣ покоренія Казанскаго царства, легкою добычей и рѣшилъ воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ для завоеванія страны. Случай не замедлилъ представиться, вслѣдствіе неуплаты дерптскимъ епископомъ дани за русскую волость (Юрьевскую) и заключенія Ливонскимъ магистромъ оборонительнаго и наступательнаго союза съ польскимъ королемъ Сигизмундомъ II Августомъ, какъ съ великимъ княземъ литовскимъ.

Еще въ 1554 году истекъ 50-лѣтній срокъ перемирія, заключеннаго съ Литвою. Въ этомъ году, литовскіе послы прибыли въ Москву, съ просьбою продлить перемиріе еще на 30 лѣтъ. Но Іоаннъ, находившійся еще подъ вліяніемъ побѣдоноснаго Казанскаго похода, не соглашался на продленіе перемирія, и требовалъ, за всѣ 50 минувшихъ лѣтъ, уплаты всей дани за Юрьевскія земли, соглашаясь только, чтобы Литовцы внесли всю сумму, не сразу, а въ теченіе трехъ лѣтъ, т.-е. до 1557 года.

Въ февралѣ 1557 года, по истеченіи 3-хъ-лѣтняго срока внесенія дани, прибыли въ Москву ливонскіе послы, но не съ деньгами, а опять съ просьбою о сложеніи дани съ Дерптскаго епископа. Царь ихъ не принялъ и приказалъ объявить, что онъ самъ будетъ искать на магистрѣ и на всей Ливонской землѣ за ея неисправность. На возвратномъ пути послы уже замѣтили, что Московское правительство готовится къ войнѣ: въ извѣстныхъ разстояніяхъ видны были новопостроенные ямскіе дворы, съ помѣщеніями для большого количества лошадей; къ западной границѣ тянулись санные обозы съ продовольственными и военными запасами. Въ апрѣлѣ царь отправилъ окольничаго князя Шастунова съ

товарищами, строить на устьѣ Наровы, ниже Иванъ-Города, „корабельное пристанище“ (гавань); причемъ запретилъ новгородскимъ, псковскимъ и ивангородскимъ купцамъ, ѣздить съ товарами къ нѣмцамъ. Въ ноябрѣ того же года, къ ливонскимъ границамъ было двинуто 40 тысячъ войскъ, подъ главнымъ начальствомъ Шигъ-Алея. Въ декабрѣ ливонцы послали вторично пословъ съ предложеніемъ внести единовременно 45.000 ефимковъ (18.000 московскихъ рублей), и съ обѣщаніемъ ежегодной уплаты Дерптомъ, по 1.000 венгерскихъ золотыхъ; когда же у пословъ потребовали немедленной уплаты денегъ, а ихъ не оказалось, то Іоаннъ, выведенный изъ терпѣнья, и не согласившись ни на какую отсрочку, приказалъ войскамъ продолжать походъ.

Въ январѣ 1558 года русское войско, заключавшее въ себѣ также отряды касимовскихъ и казанскихъ татаръ, черемисъ, мордвы и пятигорскихъ черкесъ, вторгнулось въ предѣлы Ливоніи со стороны Пскова. Воеводы имѣли наказъ не заниматься осадою городовъ и замковъ, а только повоевать, т.-е. опустошить непріятельскія волости, что и было исполнено въ точности. Войска наши, раздѣлясь на нѣсколько отрядовъ, прошли Ливонію огнемъ и мечомъ, на полтораста верстъ въ длину, параллельно съ литовскимъ рубежомъ, и на сто верстъ въ ширину. У Дерпта, Везенберга и въ другихъ мѣстахъ нѣмецкіе отряды пытались обороняться въ открытомъ полѣ, но вездѣ были разбиваемы. Разоривъ страну по Рижской и Ревельской дорогамъ, не дойдя 50 верстъ до Ревеля и 30 верстъ до Риги, русское войско возвратилось назадъ на Иванъ-городъ, обремененное огромною добычею. Окончивъ походъ, Шигъ-Алей съ воеводами послалъ магистру Ордена грамоту, въ которой говорилось, что государь Московскій прислалъ рать свою покарать ливонцевъ за ихъ неисправность, и что если они хотятъ передъ царемъ исправиться и кровь унять, то прислали бы царю съ челобитьемъ, а воеводы станутъ просить на нихъ. Ливонскіе чины рѣшили хлопотать о мирѣ; Іоаннъ же, въ ожиданіи пословъ, приказалъ прекратить военныя дѣйствія до 24-го апрѣля. Но не успѣло еще посольство ливонское прибыть въ Москву, какъ перемиріе было нарушено: нѣмцы открыли стрѣльбу изъ Нарвы *) по Иванъ-городу. Произошло это совершенно случайно. Былъ великій постъ. Русскіе въ Иванъ-городѣ, толпами сходились въ храмы для молитвы. Нѣмцы, занимавшіе Нарву, сверху стѣнъ видѣли эти собиравшіяся массы молящихся. Въ пьяномъ видѣ, ради потѣхи, нѣмцы бросили въ толпу нѣсколько картечныхъ снарядовъ. Русскіе не отвѣчали, но дали знать въ Москву о происшедшемъ, и получили разрѣшеніе стрѣлять по Нарвѣ изъ Ивана-города. Камни и каленыя ядра полетѣли въ нѣмцевъ, и произвели въ городѣ сильный пожаръ. Войска

*) Русскій Ругодивъ.

наши овладѣли Нарвою 11 мая. Дозволивъ, по условію, свободный выходъ Нарвскому гарнизону, самый городъ былъ прочно занятъ русскими. Іоаннъ былъ очень доволенъ занятіемъ этого перваго, приморскаго пункта, дававшаго возможность вести самостоятельную морскую торговлю съ Зап. Европою.

Вслѣдъ за паденіемъ Нарвы, русскія войска завладѣли замкомъ Нейшлотъ (русскій Сыренскъ), стоявшимъ при истокѣ Наровы изъ Чудскаго озера, и крѣпкимъ городкомъ Везенбергомъ *). Такимъ образомъ русскія войска, дѣйствовавшія здѣсь, овладѣли всѣмъ Занаровьемъ и значительною частью Эстляндіи. Въ то же время главное русское войско двинулось изъ Пскова подъ начальствомъ князя Петра Шуйскаго, вторгнулось въ собственную Ливонію и осадило пограничный укрѣпленный городокъ Нейгаузенъ (у русскихъ Новый Городокъ) и, окруживъ его турами, начало громить изъ пушекъ.

Храбрый рыцарь Икскуль фонъ-Паденормъ, съ малочисленнымъ гарнизономъ, мужественно оборонялся и задержалъ русскихъ подъ стѣнами крѣпости на три недѣли. Сбивъ артилеріей стѣны и башни, русскіе овладѣли городомъ, но не могли проникнуть въ замокъ, куда отступилъ Икскуль съ горстью храбрыхъ защитниковъ. Магистръ ордена Фюрстенбергъ, имѣя только 8 тысячъ войскъ, и стоявшій лагеремъ около Киремпе, на дорогѣ между Нейгаузеномъ и Дерптомъ, не рѣшился вступить въ бой съ русскими войсками для освобожденія Нейгаузена, который, не получая помощи, наконецъ сдался послѣ мѣсячной, упорной обороны. Когда затѣмъ русскія войска двинулись противъ магистра, послѣдній отступилъ къ Валку. Въ виду старости Фюрстенберга и выяснившейся неспособности его отстоять Ливонію, орденскіе чины назначили ему коадъютора—молодаго энергичнаго Готгарда Кетлера, который однако также не въ состояніи былъ помочь обезсиленной, разоренной Ливоніи. Фюрстенбергъ, оставаясь магистромъ только по имени, удалился въ замокъ Феллинъ.

Затѣмъ русскія войска двинулись къ Дерпту, но, прежде чѣмъ осадить его, взяли еще нѣсколько замковъ, каковы: Костеръ, Курславль и Вербекъ на Эмбахѣ. Въ началѣ іюля русскія войска подступили къ Дерпту**). Этотъ хорошо укрѣпленный городъ былъ обороняемъ, кромѣ вооруженныхъ гражданъ, двухтысячнымъ наемнымъ нѣмецкимъ отрядомъ. Обложивъ городъ и устроивъ батареи (туры), русскіе начали громить его изъ пушекъ; осажденные сначала мужественно и упорно оборонялись, производя сильный огонь изъ орудій и частыя вылазки; но осаждавшіе постепенно приближались къ городу и, по значительному превосходству въ числѣ орудій, наносили сильный вредъ городу, стѣнамъ

*) Русскій Раковоръ.

**) По Иловайскому въ іюнѣ. III т. 234. Ред

и жителямъ его. Бѣдствія осады, малочисленность гарнизона и тщетная надежда на помощь заставили, наконецъ, защитниковъ города вступить въ переговоры и сдать городъ 18-го іюля князю Шуйскому, на довольно выгодныхъ для нихъ условіяхъ; при этомъ было сдано значительное количество пороха и 552 орудія.

Осада Дерпта длилась уже двѣ недѣли, когда осажденные, разсчитывая на помощь, которую они просили у магистра, получили отъ него только увѣдомленіе — что онъ за нихъ молится и будетъ молиться. Тогда осажденные нѣмцы, выговоривъ себѣ свободный выходъ, сдали Дерптъ, снова переименованный русскими въ Юрьевъ.

Паденіе Дерпта, считавшагося послѣ Риги и Ревеля, третьимъ, по важности, городомъ въ Ливоніи, произвело сильное впечатлѣніе на ливонцевъ: многія укрѣпленныя мѣста послѣ того, сдавались русскимъ войскамъ, почти безъ сопротивленія, такъ что число всѣхъ завоеванныхъ въ Ливоніи городовъ простиралось теперь до 20. Особенно охотно сдавали укрѣпленные пункты, наемныя нѣмецкія войска. Русское войско доходило до Ревеля и князь Шуйскій посылалъ склонять гражданъ его къ сдачѣ, но не рѣшился осадить этотъ крѣпкій городъ. Оставивъ въ завоеванныхъ городахъ гарнизоны, главные воеводы въ сентябрѣ возвратились, по обычаю, въ Москву.

Этимъ обстоятельствомъ воспользовался магистръ Кетлеръ, который, собравъ до 10 тыс. войскъ, осадилъ и взялъ Рингенъ.

Этотъ укрѣпленный замокъ оборонялся всего 90 чел., подъ начальствомъ Русина Игнатьева и долго держался противъ всей арміи Кетлера. Это показываетъ, какія затрудненія могли бы испытать русскія войска въ Ливоніи, гдѣ насчитывалось до 150 укрѣпленныхъ замковъ, еслибы они оборонялись не нѣмецкими наемниками, а доблестными защитниками.

Во время осады Рингена нѣмецкіе отряды проникли въ Псковскую землю и разорили нѣкоторыя волости.

Въ отмщеніе Кетлеру, въ январѣ 1559 года вступила въ Ливонію русская рать подъ предводительствомъ князей Микулинскаго и Серебряныхъ и опустошила Лифляндію до самой Риги и Поморье, до предѣловъ Пруссіи и, затѣмъ, возвратилась въ Псковскую область въ февралѣ мѣсяцѣ.

Въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ ливонцы обратились къ государямъ Швеціи, Польши и Даніи. Послѣ долгихъ переговоровъ, царь, уступая ходатайству датскаго короля Фридриха II, согласился на перемиріе, сказавъ въ грамотѣ, что онъ *жалуетъ* Ливоніи перемиріе отъ мая до ноября 1559 года и что магистръ можетъ или самъ *ударитъ царю челомъ въ Москвѣ*, или прислать „знатнѣйшихъ людей“ для заключенія вѣчнаго мира. Впрочемъ, этимъ отдыхомъ Ливонія обязана была, на самомъ дѣлѣ, не ходатайству короля Фридриха II, а упомянутому выше нашествію, въ концѣ 1558 года, крымскаго хана Девлетъ-Гирея.

Ливонскіе рыцари, во время этого шестимѣсячнаго перемирія, думали однако не о мирѣ, а искали средствъ для дальнѣйшей борьбы съ Московскимъ царемъ. Магистръ Кетлеръ, рѣшился на крайнюю мѣру: совмѣстно съ архіепископомъ рижскимъ, онъ заключилъ (въ сентябрѣ 1559 года) съ польско-литовскимъ королемъ договоръ по которому король принялъ Орденъ подъ свое покровительство и обязался защищать его отъ Іоанна; а магистръ и архіепископъ отдали королю въ залогъ нѣсколько ливонскихъ крѣпостей *), оставивъ за собою право выкупить ихъ впослѣдствіи за 700.000 гульденовъ. Въ то же время присланы были изъ Германіи въ помощь Ордену наемныя нѣмецкія дружины, и обѣщаны значительныя денежныя суммы. Все это поселило въ магистрѣ такую самонадѣянность, что онъ, за мѣсяцъ до истеченія перемирія, въ глубокую осень выступилъ изъ Вендена и, открывъ непріязненныя дѣйствія противъ русскихъ войскъ, занимавшихъ нѣкоторые города Ливоніи, разбилъ отрядъ воеводы Плещеева близъ Дерпта, и подступилъ къ этому городу, но не могъ овладѣть имъ. Наступили морозы и вьюги; подвозовъ не было; все это отбило охоту къ браннымъ подвигамъ у наемныхъ нѣмецкихъ дружинъ и онѣ ушли обратно. Кетлеръ съ одними ливонцами обратился къ городку Лаису, но, потерпѣвъ и здѣсь неудачу, отбитый на двухъ приступахъ, отступилъ въ Оберпаленъ. Весною 1560 года виленскій воевода Николай Радзивилъ вступилъ въ Ливонію и занялъ литовскими гарнизонами заложенные замки.

Въ Ливонію снова вторглись русскія войска подъ начальствомъ князей Мстиславскаго, Шуйскаго и Серебрянаго и, взявъ Маріенбургъ, распространили опустошенія до самаго моря.

Между тѣмъ, вслѣдствіе заключеннаго польскимъ королемъ съ Орденомъ договора, въ январѣ 1560 года, прибылъ въ Москву посолъ Сигизмунда II Августа, съ требованіемъ не вступаться въ дѣла Ливоніи, отдавшейся подъ его покровительство. Но обоюдное стремленіе доказать права свои на Ливонію не могло повести къ какимъ-либо уступкамъ съ той и другой стороны, и споръ между ними за обладаніе этою страной, должно было рѣшить оружіе. Іоаннъ спѣшилъ завоеваніемъ Ливоніи, а между тѣмъ, оставленные здѣсь (за выдѣленіемъ главнаго войска съ опытными воеводами противъ крымскаго хана) *неискусные и необыкшіе въ полкоустроеніяхъ воеводы*, не разъ терпѣли пораженія отъ нѣмецкихъ отрядовъ **). Въ такихъ обстоятельствахъ царь послалъ въ Ливонію, весною 1560 года, князя Курбскаго, а вслѣдъ за нимъ и главную рать, подъ главнымъ начальствомъ князя Ивана Мстиславскаго. Прибывъ въ Дерптъ за два мѣсяца до главныхъ воеводъ, Курбскій выступилъ съ отрядомъ къ Вейсенштейну, разбилъ одинъ отрядъ

*) Динабургъ, Зельбургъ, Бауске, Маріенгаузенъ, Ленневарденъ и друг.

**) См. Сказанія кн. Курбскаго.

ливонцевъ подъ этимъ замкомъ и другой, бывшій подъ начальствомъ стараго магистра Фюрстенберга,—подъ Феллиномъ. Опустошивъ окрестную страну и одержавъ успѣхъ надъ противникомъ еще въ нѣсколькихъ стычкахъ, князь Курбскій возвратился въ Дерптъ.

Овладѣніе Феллиномъ, считавшимся весьма сильною крѣпостью Ливоніи, было цѣлью похода главной арміи князей Ивана Мстиславскаго и Петра Шуйскаго, состоявшей изъ 40 тысячъ человѣкъ съ 40 осадными и 50 полевыми орудіями. Въ виду дошедшихъ слуховъ, что магистръ Фюрстенбергъ хочетъ отправить въ Гапсаль богатую казну, воеводы отрядили 12-ти тысячный отрядъ князя Барбашина къ морю въ обходъ Феллина, а сами, съ остальными войсками, двинулись къ этому послѣднему, отправивъ артилерію вверхъ по рѣкѣ Эмбахъ. Отрядъ князя Барбашина, при движеніи по назначенію, остановился во время полудня на отдыхъ близъ городка Гермеса и здѣсь подвергся нечаянному нападенію нѣмецкаго отряда, бывшаго подъ начальствомъ лучшаго изъ ливонскихъ воеводъ, ландмаршала Филиппа фонъ-Белль. Послѣдній, имѣя всего до 500 человѣкъ конницы и 400 человѣкъ пѣхоты, рѣшился напасть врасплохъ на Барбашина въ надеждѣ, что неожиданность нападенія уравняетъ силы, но обманулся: въ то время, какъ отрядъ ливонцевъ опрокинулъ русскую стражу и проникъ до главныхъ силъ Барбашина, часть этихъ послѣднихъ успѣла обойти ливонскій отрядъ лѣсами и нанесла ему совершенное пораженіе; самъ фонъ-Белль, послѣдній защитникъ и надежда лифляндскаго народа, по выраженію князя Курбскаго, попалъ въ плѣнъ съ одиннадцатью командорами и 120 рыцарями.

Ливонцы, осажденные въ Феллинѣ, сначала оборонялись мужественно и упорно даже и тогда, когда внѣшнія стѣны крѣпости были разрушены огнемъ русскихъ пушекъ. Осада длилась три недѣли; но когда былъ открытъ изъ артилеріи огонь каленными ядрами, и въ городѣ произошелъ пожаръ, то осажденные вступили въ переговоры и сдали крѣпость 21-го августа, хотя могли еще продолжать упорную оборону, владѣя почти неприступной внутреннею крѣпостью (замкомъ), съ 3-мя при ней укрѣпленіями, и имѣя 18 большихъ и 450 среднихъ и малыхъ орудій, а также множество всякаго рода запасовъ. Нѣмецкіе писатели свидѣтельствуютъ, что наемныя нѣмецкія дружины, не получая нѣсколько мѣсяцевъ жалованья и не ожидая ни откуда помощи, заволновались и вступили въ переговоры съ русскими воеводами; напрасно старецъ Фюрстенбергъ предлагалъ имъ все свое имущество. Наемники взяли имущество Фюрстенберга, но защищать городъ отказались и впустили въ него русскихъ, выговоривъ себѣ свободный выходъ. Русскіе вступили въ Феллинъ. Но когда они увидѣли, что нѣмцы увозятъ съ собою все имущество Фюрстенберга, и награбленную въ городѣ добычу, то отняли ее у нихъ, а самихъ отпустили, какъ было условлено по уго-

вору. Однако Кетлеръ, перехвативъ ихъ, перевѣшалъ всѣхъ въ Ригѣ, какъ измѣнниковъ. Старецъ Фюрстенбергъ, привезенный въ Москву, милостиво былъ принятъ царемъ и получилъ себѣ „въ кормленіе“ ярославскій городокъ Любимъ, гдѣ и окончилъ спокойно свой вѣкъ.

По сдачѣ Феллина, примѣру его послѣдовало нѣсколько другихъ ливонскихъ городовъ, и русское войско безъ сопротивленія разорило страну, вездѣ разбивая малочисленные отряды, выходившіе навстрѣчу. Однако Мстиславскій не могъ взять Вейсенштейна, несмотря на шестинедѣльную осаду. Снявъ ее, русскія войска 18 октября отступили въ предѣлы Россіи, чѣмъ и окончился походъ 1560 года.

Всѣ эти успѣхи русскихъ войскъ нанесли смертельный ударъ Ордену, который съ 1560 г. утратилъ свое существованіе. Борьба Ливоніи съ Іоанномъ довела ее до полнаго разстройства, отнявъ возможность вести дальнѣйшую борьбу собственными силами, но не привела и насъ къ окончательному завоеванію ея: изнуренная безполезными усиліями борьбы противъ сильнаго Московскаго царя и урѣзанная въ своихъ предѣлахъ другими сосѣдями, хотя и мирными путями, она искала только лучшаго властелина, чтобы спасти остатки свои отъ плѣна и меча россіянъ. Король датскій *Фридрихъ II* успѣлъ пріобрѣсти за 20.000 талеровъ для брата своего *Магнуса* островъ Эзель, а ревельцы отдали себя, со всею Эстоніей, подъ покровительство шведскаго короля *Эрика XIV*, сына и преемника *Густава-Вазы* (въ іюнѣ 1561 года). Не имѣя возможности отстоять самостоятельность Ордена, молодой магистръ *Кетлеръ*, съ депутатами Ливоніи, отправился въ Вильно и тамъ, 22 ноября 1561 года, заключилъ договоръ, по которому уступилъ Ливонію польскому королю Сигизмунду II Августу, а себѣ взялъ Курляндію и Семигалію, съ титуломъ герцога, признавъ и это владѣніе леномъ Польши.

Раздѣлъ Ливоніи повелъ за собою 20-лѣтнюю кровопролитную войну между Россіей, съ одной стороны, и Польшей со Швеціей — съ другой. Вмѣсто одной слабой Ливоніи явилось два сильныхъ противника, и война потребовала отъ царя Московскаго чрезвычайнаго напряженія силъ и вѣрныхъ слугъ. На первыхъ порахъ удалось отклонить войну со Швеціей, которая обратилась противъ Даніи, но война съ Польско-Литовскимъ королевствомъ оказалась неизбѣжною.

Война съ слабою Ливоніей въ 1558—60 годахъ представляла болѣе или менѣе благопріятный случай для завоеванія ея, еслибы только образъ веденія войны былъ принятъ иной. Прочное утвержденіе въ краѣ и завоеваніе этой „страны замковъ и крѣпкихъ городовъ“ требовало войны правильной, методической, настойчивости и непрерывности въ дѣйствіяхъ русскихъ войскъ; а не опустошительныхъ ежегодныхъ вторженій, вносившихъ лишь разореніе въ страну и не дававшихъ русскимъ войскамъ точекъ опоры для владѣнія ею. Овладѣніе важными опорными

пунктами въ странѣ, крѣпкими городами и замками, и постепенное, такимъ образомъ, наступленіе сильной русской арміи, съ востока, въ направленіи къ морю, и на югъ, могло бы привести къ прочному утвержденію въ этомъ краѣ русскихъ войскъ и облегчило бы Іоанну оборону его въ войнѣ Россіи съ Польшей и Швеціей. Между тѣмъ, царскіе воеводы, повинуясь волѣ Іоанна, ничѣмъ теперь не стѣсняемой и не знавшей уже предѣловъ, при ежегодныхъ вторженіяхъ своихъ, оставляли за собою, по всѣмъ направленіямъ внутри страны, лишь слѣды огня и меча, и ни одного прочно занятаго укрѣпленнаго пункта, кромѣ Нарвы, Дерпта и Феллина и немногихъ пограничныхъ. Этотъ способъ войны, не отвѣчавшій цѣли ея, съ другой стороны не могъ привлечь на сторону Московскаго правительства коренныхъ обитателей страны, хотя послѣдніе, съ неудовольствіемъ сносившіе иго своихъ нѣмецкихъ господъ, и приходили въ началѣ войны къ русскимъ воеводамъ, добровольно принимая русское подданство.

Предварительно военныхъ дѣйствій Россіи съ Польшею, были открыты между ними мирные переговоры, которые однако окончились ничѣмъ, такъ какъ Сигизмундъ II Августъ требовалъ, не только прекращенія Ливонской войны, но и уступки Новгорода, Пскова и Смоленска. Военныя дѣйствія съ той и другой стороны открылись еще въ сентябрѣ 1561 года, и велись какъ въ этомъ году, такъ и въ слѣдующемъ, нерѣшительно и вяло и ограничивались взаимными опустошеніями. Въ январѣ 1563 года, какъ бы не довѣряя воеводамъ и желая скорѣе покончить дѣло, царь лично выступилъ въ походъ съ многочисленной арміей къ литовскимъ границамъ по направленію къ Полоцку, очень важному по своему положенію на Двинѣ какъ для Литвы, такъ и для Ливоніи, и потому бывшему главнымъ предметомъ похода. Въ арміи этой одной *посохи,* т.-е. земской рати конной и пѣшей, было до 80.000 человѣкъ, а для осады крѣпости, въ составъ ея была назначена многочисленная осадная артилерія (*большой нарядъ*). 31 января Полоцкъ былъ обложенъ, 7 февраля взятъ былъ острогъ его, или посадъ, расположенный за рѣкою Полотою, а 15 февраля, послѣ того какъ 300 саженъ деревянной стѣны его было сожжено каленными ядрами, сдался и самый городъ, т.-е. кремль.

Сознавая важность пріобрѣтенія Полоцка, Іоаннъ принялъ всѣ мѣры для удержанія его за собою. Оставивъ въ немъ воеводою князя Петра Ивановича Шуйскаго, а товарищами его двухъ братьевъ, князей Серебряныхъ-Оболенскихъ, царь далъ имъ подробный наказъ, какъ относительно возобновленія и усиленія крѣпости, такъ и о порядкѣ службы, дабы обезопасить ее отъ прихода литовскихъ людей и отъ измѣны жителей. Поэтому, въ Софійскій соборъ, находившійся въ кремлѣ, дозволилъ онъ впускать гражданъ изъ острога или посада только въ

торжественные праздники, и то понемногу, усиливъ на это время вездѣ стражу. Въ городѣ велѣлъ сдѣлать „свѣтлицу“ (родъ гауптвахты), гдѣ ночевали бы очередные военные начальники со своими людьми, а по городу ночью постоянно ходили бы дозоры съ фонарями.

26 февраля царь выступилъ съ арміей изъ Литвы къ Великимъ Лукамъ, гдѣ и распустилъ войско, а самъ возвратился въ Москву.

Взятіе Полоцка, между прочимъ, имѣло слѣдствіемъ возобновленіе переговоровъ съ Сигизмундомъ II Августомъ, который прислалъ въ Москву, въ декабрѣ 1563 года, большое посольство. Послы просили перемирія на 6 мѣсяцевъ; но такъ какъ они не соглашались на уступку Полоцкой волости и Ливоніи, то имъ отказали, считая эту просьбу за желаніе выиграть зимнее время, тогда какъ московскія войска были готовы открыть зимній походъ.

Въ январѣ 1564 года въ Литву посланы были двѣ арміи: одна, подъ начальствомъ князя Петра Шуйскаго, изъ Полоцка и другая, подъ начальствомъ султана Ибака и князей Серебряныхъ-Оболенскихъ, изъ Вязьмы; обѣ арміи должны были соединиться подъ Оршею (на р. Дручѣ) и затѣмъ двинуться, подъ общимъ начальствомъ князя Петра Шуйскаго, къ Вильнѣ. Походъ этотъ кончился бѣдственно. Князь Шуйскій, завоеватель Дерпта, обнаружилъ въ этомъ походѣ удивительную неосторожность: очевидно, не разсчитывая встрѣтить непріятеля въ полѣ, онъ, слѣдуя съ войсками отъ Чашниковъ къ Оршѣ, не озаботился высылкой передовой стражи, а войска его шли въ безпорядкѣ, безъ оружія, которое находилось въ обозѣ на саняхъ. Недалеко отъ Орши, въ мѣстности лѣсистой и тѣсной для построенія полковъ, послѣдніе были неожиданно атакованы польско-литовскимъ отрядомъ воеводы Николая Радзивила; нападеніе было произведено настолько быстро, что русскіе не успѣли ни надѣть доспѣховъ, ни устроиться въ полки; пораженіе было полное: самъ Шуйскій поплатился жизнію за свою оплошность, а войска его потеряли весь обозъ и артилерію. Однако, пользуясь покровомъ ночи, большая часть войскъ успѣла спастись и ушла въ Полоцкъ.

Князья Оболенскіе, получивъ вѣсть о пораженіи Шуйскаго, возвратились къ Смоленску.

Это пораженіе русской рати было только началомъ многихъ другихъ неудачъ въ этой войнѣ, сколь несчастной для Россіи, столь же безславной для Іоанна, и чѣмъ долѣе затягивалась эта война, тѣмъ осязательнѣе и оскорбительнѣе для русскаго чувства становились наши неудачи въ ней, отражая собою печальное внутреннее состояніе государства, гдѣ уже наступила мрачная эпоха казней и опричнины.

Между тѣмъ переговоры съ Польшей не прекращались. Вновь присланные Сигизмундомъ II Августомъ послы, не сговорясь о вѣчномъ

мирѣ, сговаривались уже только о перемиріи, уступая даже Полоцкъ и земли въ Ливоніи, занятыя русскими войсками. Но Іоаннъ требовалъ, кромѣ того, Риги и другихъ городовъ. Однако предложеніе польскаго короля невольно остановило вниманіе царя на вопросѣ: продолжать ли тяжелую войну, успѣхи которой были сомнительны, и не слѣдуетъ ли принять перемиріе, которое было все-таки славно, такъ какъ оставляло въ рукахъ Іоанна всѣ завоеванія и въ томъ числѣ важные города Юрьевъ и Полоцкъ; но, съ другой стороны, отказаться отъ морскихъ береговъ значило отказаться отъ главной цѣли войны, для которой было уже потрачено столько средствъ и усилій. Въ этомъ недоумѣніи Іоаннъ, по тогдашнему своему настроенію, захотѣлъ узнать мнѣніе своего народа, а не однихъ бояръ, которымъ уже не довѣрялъ. Съ этою цѣлью царь собралъ лѣтомъ 1565 года земскій соборъ (выборныхъ людей земскихъ сословій) и получилъ отвѣтъ, что Ливонская земля должна принадлежать Россіи, какъ земля прародителей царя Русскаго, начиная съ великаго князя Ярослава.

Сигизмундъ II Августъ, въ свою очередь, не согласился на уступку Ливоніи и объявилъ войну. Отвѣтную грамоту польскаго короля Іоаннъ получилъ лѣтомъ слѣдующаго года, на пути въ Новгородъ, откуда затѣмъ выступилъ было съ войскомъ въ походъ въ Ливонію и прибылъ въ Великія Луки. Но на совѣтѣ съ боярами рѣшилъ ограничиться войною оборонительною; самъ отправился въ Москву, а воеводамъ приказалъ стоять въ Великихъ Лукахъ и Торопцѣ и наблюдать непріятеля. Военныя дѣйствія возобновились и продолжались въ слѣдующихъ 1568 и 1569 годахъ, но ограничивались нерѣшительными стычками съ литовцами и ливонцами, а затѣмъ и со шведами изъ-за Эстоніи. Въ то же время не прекращались переговоры съ Литвою о перемиріи. То было—ни миръ, ни война и дѣло завоеванія Ливоніи не подвигалось ни ни шагъ. Не успѣвъ достигнуть своей цѣли силою, Іоаннъ прибѣгнулъ къ хитрости: онъ далъ владѣтелю острова Эзеля, принцу датскому Магнусу, титулъ короля ливонскаго, выдалъ за него племянницу свою, дочь князя Владиміра Андреевича, и призналъ Магнуса независимымъ владѣтелемъ Ливоніи, требуя однако отъ него присяги въ качествѣ вассала Россіи. Давъ Магнусу 25 тысячъ войска, царь послалъ его завоевать Ливонію. Магнусъ осадилъ Ревель въ августѣ 1570 года, но, простоявъ подъ нимъ около семи мѣсяцевъ, долженъ былъ снять осаду и удалиться въ подаренный ему отъ царя Оберъ-Пеленъ (близъ Дерпта).

Неудачи эти не измѣнили мысли царя относительно Ливоніи, и онъ продолжалъ готовить войска для продолженія войны. Между тѣмъ, весною 1571 года, получена была вѣсть въ Москвѣ, что крымскій ханъ идетъ на Москву съ 120 тысячнымъ войскомъ. Московскіе воеводы, князья Бѣльскій, Мстиславскій, Воротынскій и др., спѣшили, по обы-

чаю, занять берега Оки; самъ Іоаннъ со своею опричниною явился въ Серпуховъ. Ханъ, сопровождаемый нѣкоторыми московскими измѣнниками, двинулся, по указанію послѣднихъ, прямо въ Серпуховъ и Москву и обошелъ воеводъ; царь видя себя отрѣзаннымъ отъ прочихъ воеводъ, отступилъ на Бронницы, на Александровскую слободу и далѣе на Ростовъ; воеводы спѣшили съ береговъ Оки на защиту столицы, но, вмѣсто того чтобы дать сраженіе въ полѣ, расположились въ московскихъ посадахъ. 24 мая, въ день Вознесенія, ханъ подступилъ къ столицѣ и зажегъ предмѣстья; страшный вѣтеръ распространилъ огонь по всему городу и въ 4 часа времени не стало большей части его, только кремль уцѣлѣлъ отъ пожара. Говорятъ, что число всѣхъ погибшихъ въ этотъ несчастный день (убитыхъ, сгорѣвшихъ, потонувшихъ въ Москвѣ-рѣкѣ и пр.) и уведенныхъ татарами въ плѣнъ простиралось до 800.000 человѣкъ, что, конечно, преувеличено

Движеніе Девлетъ-Гирея къ Москвѣ въ 1571 году было совершенно неожиданнымъ. Онъ собралъ свои войска съ тѣмъ, чтобы направить ихъ въ Ливонію, въ качествѣ союзника Іоанна. На самомъ же дѣлѣ имѣлъ въ виду только усыпить бдительность Москвы, и неожиданно повернувъ съ дороги въ Ливонію, двинулся къ Москвѣ съ западной стороны, откуда городъ былъ совершенно открытъ. Къ счастью, стоявшія на р. Окѣ войска, успѣли во время вступить въ Москву и занять ее. Девлетъ-Гирей ограничился однимъ пожаромъ столицы и не рѣшался сдѣлать къ ней приступъ.

Нанеся жестокій ударъ Москвѣ, Девлетъ-Гирей обратился назадъ, спокойно разоряя юго-восточныя наши области.

Послѣ этого новаго гибельнаго нашествія Девлетъ-Гирея начались сношенія между нимъ и Іоанномъ: первый дерзко требовалъ возврата Казани и Астрахани, а второй „билъ челомъ“ хану, обѣщалъ уступить ему Астрахань при торжественномъ заключеніи мира и просилъ не тревожить до того времени Россіи. Но ханъ понялъ, что Іоаннъ уступчивыми переговорами хотѣлъ только протянуть время и потому лѣтомъ слѣдующаго 1572 г. снова двинулся къ Окѣ съ 120-тысячнымъ войскомъ съ значительнымъ числомъ орудій. Самонадѣянность хана простиралась до того, что онъ заранѣе обѣщалъ лучшіе дома нашей столицы своимъ мурзамъ. Іоаннъ въ это время былъ въ Новгородѣ. Въ 3-хъ верстахъ отъ Серпухова, на лѣвомъ берегу Оки, стоялъ князь Воротынскій съ войскомъ. Здѣсь, въ мѣстѣ наиболѣе удобномъ для переправы, устроенъ былъ гуляй-городъ. Оставивъ противъ него 2-тысячный отрядъ съ полковыми орудіями, Девлетъ-Гирей переправился черезъ Оку въ другомъ мѣстѣ *) и двинулся прямо къ Москвѣ. Узнавъ о томъ, Воротынскій устремился вслѣдъ за непріятелями, настигъ ихъ и принудилъ принять бой 1-го августа, у Воскресенія въ Молодяхъ (Подольскаго уѣзда, въ 50 верстахъ отъ Москвы). Передовой полкъ

*) Между устьями рр. Протвы и Лопасни, у Сенькина перевоза.

князя Хворостинина со стрѣльцами и нѣмецкой дружиной лифляндца Фаренсбаха опрокинулъ крымскую стражу еще 28-го іюля и гналъ ее до ханскаго отряда; главный жестокій бой произошелъ 1-го августа. Татары сражались, чтобы проложить себѣ дорогу въ Тавриду, или новою побѣдой подкрѣпить требованіе Казани и Астрахани; а русскіе отстаивали свою родину и горѣли желаніемъ отмстить за опустошеніе отечества, за пожаръ столицы и за гибель сотней тысячъ своихъ согражданъ. Главный воевода, князь Воротынскій, явивъ здѣсь необыкновенное мужество лучшаго воина, не упускалъ изъ вида лежавшей на немъ обязанности полководца. Устроивъ гуляй-городъ и расположивъ скрытно сильныя батареи, онъ заманивалъ татарскія полчища подъ огонь батарей; когда же войска, сойдясь грудь съ грудью, истощили усилія свои въ рукопашныхъ схваткахъ, Воротынскій съ свѣжею дружиною, зашелъ непріятелю въ тылъ и рѣшилъ дѣло однимъ ударомъ. Татары бѣжали съ потерею артилеріи, обозовъ, множества плѣнныхъ и потерпѣли такой уронъ, что Девлетъ-Гирей изъ всей своей грозной арміи, привелъ обратно въ Крымъ не болѣе 20 тысячъ всадниковъ. Побѣдою при Молодяхъ князь Воротынскій спасъ Москву отъ новаго разгрома, утвердилъ во власти Іоанна Астрахань и Казань и надолго обезпечилъ южные предѣлы государства отъ вторженія хищниковъ.

Между тѣмъ война въ Ливоніи продолжалась; здѣсь Іоаннъ долженъ былъ вести войну не съ одними поляками и литовцами, но и со шведами, занимавшими Ревель. Явившись подъ стѣнами его съ значительнымъ войскомъ въ 1571 году и потерпѣвъ здѣсь неудачу, Іоаннъ предпринялъ походъ и въ слѣдующемъ 1572 году. Вступивъ въ Эстонію въ концѣ этого года съ 80-тысячнымъ войскомъ, онъ взялъ приступомъ Виттенштейнъ, на стѣнахъ котораго сложилъ свою буйную голову извѣстный любимецъ и клевретъ царя Малюта Скуратовъ; но этимъ и ограничились успѣхи: самъ Іоаннъ возвратился въ Новгородъ, а воеводы его, Нейгофъ и Каркусъ, потерпѣли нѣсколько пораженій въ полѣ. Болѣе удачны были дѣйствія русскихъ войскъ въ Эстоніи въ 1575 и 1576 годахъ, когда былъ взятъ приступомъ Перновъ и почти безъ сопротивленія нѣсколько другихъ городовъ; но въ 1577 году русскіе опять потерпѣли неудачу при осадѣ Ревеля, несмотря на значительный *нарядъ* (41 орудіе), управлявшійся нѣмецкими и шотландскими пушкарями, и должны были отступить. Въ этомъ же году Іоаннъ снова вступилъ въ Ливонію съ сильною ратью изъ Новгорода; русскія войска овладѣли здѣсь многими укрѣпленными пунктами, но не успѣли утвердиться въ Ливоніи, и эта злополучная страна, опустошаемая всѣми своими сосѣдями, испытала неслыханныя бѣдствія...

Между тѣмъ какъ Іоаннъ истощалъ свои средства на завоеваніе Ливоніи, Польша, подъ управленіемъ новаго короля, воинственнаго и

мудраго *Стефана Баторія*, казалось, съ каждымъ днемъ пріобрѣтала силы для борьбы съ Москвою. Польскій король серьезно готовился поддержать оружіемъ притязаніе Польши на Ливонію. Но еще прежде войска наши, дѣйствовавшія въ этой странѣ, подверглись нападенію отъ шведовъ и потерпѣли пораженіе; а въ октябрѣ 1578 года литовцы, соединившись со шведами, подъ начальствомъ Сапѣги и Бойе, неожиданно напали на русскихъ, въ числѣ 18 тысячъ осаждавшихъ Венденъ. Несогласіе между нашими воеводами (споры за мѣста) и безпорядочныя ихъ распоряженія облегчили побѣду непріятелямъ. Атакованныя неожиданно, русскія войска едва успѣли построиться впереди своихъ окоповъ. Долго бились, мужественно, но татарская конница въ рѣшительную минуту обратилась въ бѣгство; однако русскимъ удалось отступить въ укрѣпленный станъ и удержаться въ немъ до самой ночи. Воспользовавшись ночною темнотою, четверо воеводъ ускакали съ конницею изъ стана, оставивъ тамъ остальныхъ воеводъ съ небольшою частью людей и *нарядомъ*. На слѣдующее утро непріятели обрушились всѣми силами на русскій станъ и овладѣли всѣмъ обозомъ и *нарядомъ* въ числѣ 17 орудій, истребивъ защитниковъ стана и захвативъ въ плѣнъ 4 воеводъ; но московскіе пушкари предпочли смерть плѣну и были изрублены непріятелемъ на своихъ орудіяхъ. По разсчету ливонскихъ лѣтописцевъ, изъ 18.000 русскихъ войскъ погибло въ этомъ дѣлѣ болѣе 6.000 человѣкъ. Слѣдующій 1579 годъ долженствовалъ быть рѣшительнымъ для Ливоніи: Іоаннъ готовился къ новому походу: въ Псковъ уже привезли тяжелый нарядъ для осады Ревеля, но этотъ нарядъ получилъ другое назначеніе: врагъ явился на Русской землѣ.

Стефанъ Баторій, изъявляя Іоанну наклонность къ миру, однако дѣятельно готовился къ войнѣ. Предвидя борьбу продолжительную, онъ обратилъ свои средства и большую часть расходовъ государства на приготовленіе военныхъ и продовольственныхъ запасовъ и на наемъ иноземныхъ ратниковъ. Король не упустилъ изъ виду и средствъ политическихъ: заключивъ союзъ съ королемъ шведскимъ, онъ старался привлечь на свою сторону султана, просилъ папу быть его заступникомъ во всѣхъ католическихъ государствахъ и возбуждалъ крымскаго хана противъ русскаго царя щедрыми дарами и пышными обѣщаніями; для увеличенія своихъ силъ и улучшенія состава ихъ онъ нанялъ въ службу дружины венгерской и нѣмецкой (ландскнехтовъ) пѣхоты. Эта отличная пѣхота, исправная артилерія, необыкновенная дѣятельность и подвижность въ военныхъ походахъ, искусное, правильное веденіе войны вообще, и талантливость самого короля, давали ему огромное преимущество надъ врагомъ, не дѣятельнымъ, растянувшимъ свои силы по границамъ, и не знавшимъ главныхъ основаній веденія войны правильной, методической. На сторонѣ Іоанна было превосходство въ числѣ

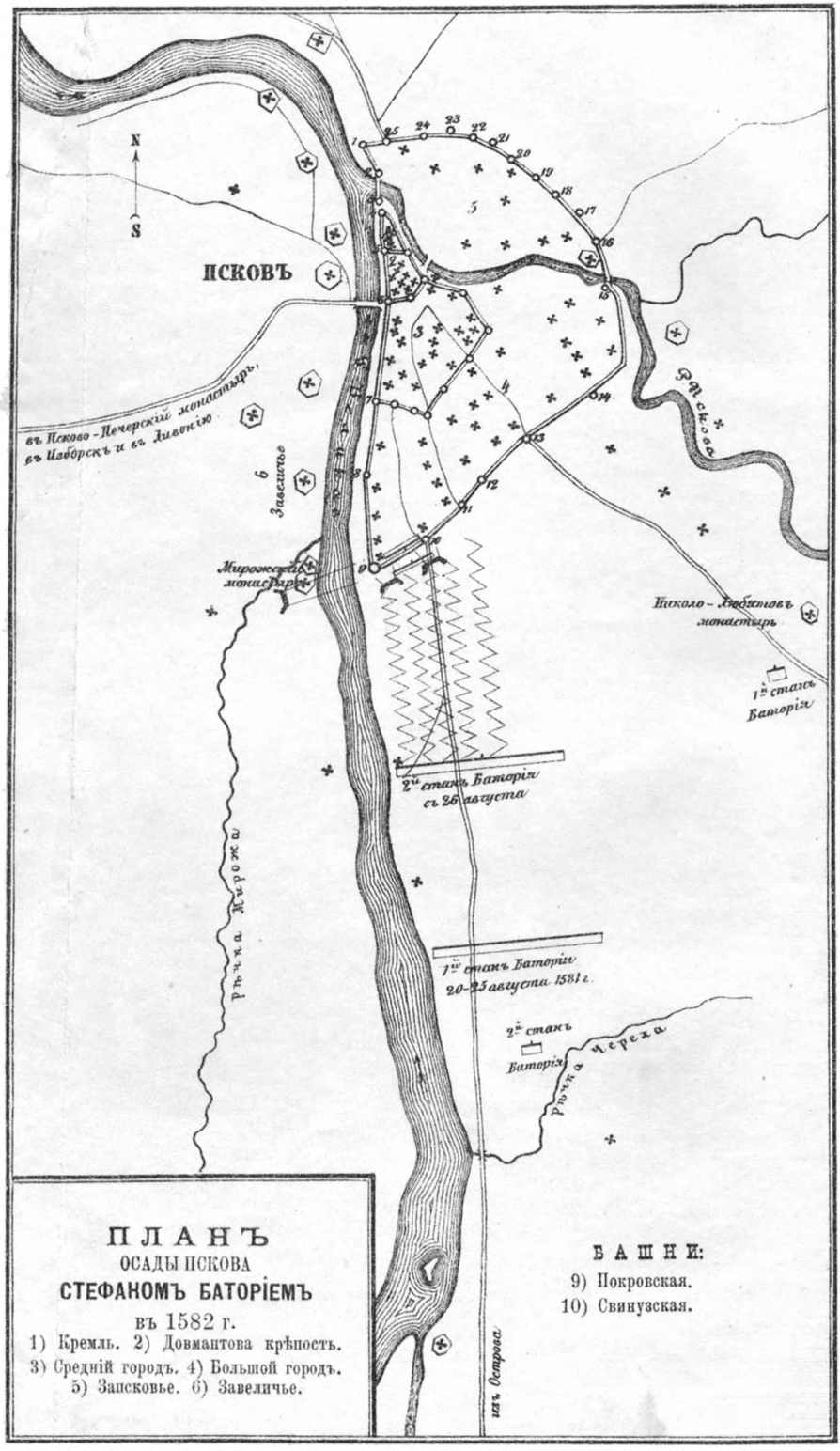
вооруженныхъ силъ и въ военныхъ средствахъ; но самъ онъ, рѣшительно не обладалъ военными дарованіями, и былъ слишкомъ нервенъ для того, чтобы быть хорошимъ военоначальникомъ; частные успѣхи русскихъ войскъ, при личномъ начальствѣ царя въ этой двадцатилѣтней злополучной войнѣ за Ливонію, могутъ быть объяснены только тѣмъ, что въ присутствіи его, возстановлялось согласіе между воеводами, которые не смѣли спорить за мѣста и дѣйствовали болѣе дружно. Къ тому-же, въ послѣдніе годы царствованія Іоанна, не стало въ русскомъ войскѣ многихъ опытныхъ воеводъ его: одни томились въ заключеніи или сложили свои головы, а другіе ему измѣнили.

Однако Іоаннъ дѣлалъ огромныя приготовленія къ войнѣ, сосредоточилъ въ Новгородѣ и Псковѣ значительныя силы, и въ іюнѣ 1579 года отправился въ Новгородъ,ославъ къ Баторію мирную грамоту. Но Баторій не думалъ о мирѣ и выступилъ съ 40-тысячнымъ войскомъ къ границамъ Россіи.

Предпринимая войну, обсудивъ планъ наступательныхъ операцій, Стефанъ Баторій рѣшилъ оставить пока Ливонію, страну уже разоренную и усѣянную укрѣпленными городами и замками, осада которыхъ потребовала бы разброски силъ и продолжительной крѣпостной войны, и перенести войну изъ Литвы въ предѣлы Россіи; съ этою цѣлью онъ рѣшилъ прежде всего взять Полоцкъ, сильно укрѣпленный городъ по тому времени и имѣвшій важное значеніе. Овладѣніе Полоцкомъ доставляло Баторію обезпеченіе Литвы и Ливоніи и давало отличную опорную точку для наступательныхъ операцій въ русскихъ предѣлахъ

Собравъ армію въ іюлѣ подъ Свиремъ въ Литвѣ, Баторій быстро двинулся къ Полоцку и осадилъ его въ началѣ августа. Іоаннъ не ожидалъ открытія военныхъ дѣйствій съ этой стороны и послалъ многочисленное войско за Двину въ Курляндію. Неожиданная вѣсть объ осадѣ Полоцка заставила царя поспѣшно отозвать войско назадъ и послать на помощь осажденнымъ передовыя дружины, подъ начальствомъ Шеина и Шереметева. Между тѣмъ, полоцкіе воеводы, князь Телятевскій, Волынскій и князь Щербатый, мужественные, но мало искусные, были не въ силахъ бороться съ даровитымъ противникомъ. Однако, болѣе трехъ недѣль оборонялся гарнизонъ съ необыкновеннымъ мужествомъ въ деревянной крѣпости, подвергавшейся безпрестаннымъ пожарамъ отъ огня артилеріи непріятеля. Жители, даже старики и женщины, дѣятельно и храбро помогали тушить пожары, спускались на веревкахъ со стѣнъ крѣпости за водою, которую передавали въ крѣпость; многіе погибали, а на мѣсто ихъ являлись другіе. Но и осаждавшіе много терпѣли отъ непогоды, бездорожья, недостатка продовольствія въ странѣ лѣсистой, малонаселенной и разоренной недавними войнами. Послѣ нѣсколькихъ кровопролитныхъ приступовъ, Баторій овла-

ПЛАНЪ № 6
ОСАДЫ ПСКОВА СТЕФАНОМЪ БАТОРІЕМЪ
съ 1 сентября 1581 г. по 6-17 января 1582 г



дѣлъ Полоцкомъ. Такимъ образомъ, это древнее достояніе Россіи было вновь потеряно русскими, и почти на два столѣтія. Въ то время, какъ гарнизонъ города изнемогалъ въ борьбѣ, Шеинъ и Шереметевъ, посланные Іоанномъ на помощь Полоцку, заняли крѣпость Соколъ и не отважились напасть на осаждающаго, а ограничились лишь тѣмъ, что препятствовали подвозу осаждающимъ продовольственныхъ запасовъ. Самъ Іоаннъ въ это время бездѣйствовалъ. По взятіи Полоцка, Баторій приступомъ взялъ крѣпость Соколъ и еще нѣсколько небольшихъ крѣпостей по близости; вмѣстѣ съ тѣмъ литовцы опустошили Сѣверскую и Смоленскую области.

На слѣдующій годъ (1580) Баторій овладѣлъ многими укрѣпленными городами и въ числѣ ихъ взялъ Великія Луки.

Во время осады послѣднихъ прибыли къ королю русскіе послы съ предложеніемъ мира и уступки Полоцка, Курляндіи и 24 городовъ въ Ливоніи. Ободренный своими успѣхами, Стефанъ Баторій требовалъ теперь уступки всей Ливоніи, Великихъ Лукъ, Смоленска, Пскова и Новгорода и 400.000 венгерскихъ золотыхъ за военныя издержки, и продолжалъ военныя дѣйствія. Желая достигнуть своей цѣли — выгоднаго мира—рѣшительнымъ ударомъ, Баторій собралъ значительныя силы (до 40 тысячъ собственныхъ войскъ и до 60 тысячъ наемныхъ) и двинулся къ Пскову.

Оборона Пскова.

Псковъ въ это время и по своему мѣстоположенію, и по своимъ укрѣпленіямъ былъ необыкновенно крѣпкій городъ. Онъ расположенъ былъ на правомъ, возвышенномъ берегу р. Великой и на обоихъ берегахъ праваго притока ея, р. Псковы, у самаго устья послѣдней. Мѣстность за рѣками Великой и Псковой, а равно къ востоку и югу отъ города, была низменная, ровная, такъ что со всѣхъ четырехъ сторонъ Псковъ представлялся стоявшимъ на высокой горѣ.

Укрѣпленія Пскова, сооруженіе которыхъ производилось постепенно около четырехъ вѣковъ (1197 — 1581 = 384 года), состояли *): 1) изъ *внѣшней каменной стѣны* съ башнями, ограждавшей весь городъ вдоль Великой и на всемъ полукружіи дуги отъ южнаго угла на ней до сѣвернаго за р. Псковой, черезъ которую стѣна эта переходила у устья и выше, по двумъ аркамъ, съ опускными рѣшетками (*нижними* и *верхними*), для пропуска воды и судовъ; внѣшняя стѣна имѣла протяженія въ окружности всего 9½ верстъ, 37 башенъ и 48 воротъ; 2) изъ *внутреннихъ каменныхъ стѣнъ и башенъ*, отдѣлявшихъ кремль, Довмонтову крѣпость и средній и большой города.

---

*) См. планъ № 6.

Внутренняя оборона крѣпости составляла, такимъ образомъ, три отдѣльныя сооруженія для защиты: самый сѣверный уголъ крѣпости, между рѣками Великой и Псковой, образовалъ Кремль въ видѣ треугольника; къ нему, съ южной стороны, примыкала Довмонтова крѣпость, составлявшая отдѣльный укрѣпленный плацдармъ. Южнѣе этой крѣпости, и также примыкая къ ней, находился болѣе обширный, укрѣпленный плацдармъ, называвшійся среднимъ городомъ. Пространство между среднимъ городомъ и наружною стѣною, идущею въ направленіи отъ юго-запада къ сѣверо-востоку, между рр. Великою и Псковою называлось большимъ городомъ. Наконецъ, часть города, на правомъ берегу Великой и Псковы, называлось Запсковье, которое было ограждено стѣною съ сѣвера и сѣверо-востока.

Каменныя стѣны: *внѣшнія*, *внутреннія*, кремля и Довмонтовой крѣпости (1266 г.) имѣли 3 сажени вышины и 2—3 сажени толщины. Кремль возвышался на 8 саженъ, а Довмонтова крѣпость на 5 саженъ надъ уровнемъ р. Великой. Башни имѣли два и болѣе ярусовъ. Вдоль всѣхъ стѣнъ были *переходы*, сообщавшіеся со вторыми ярусами башенъ, а подъ ними находились *тайники* или подземные ходы. Башни и *переходы* по стѣнамъ были крыты досчатыми кровлями, для прикрытія оборонявшихся отъ зноя и непогоды, но, въ случаѣ зажженія ихъ огнемъ, эти деревянныя кровли сообщали огонь и городу.

Намѣреніе Баторія осадить Псковъ было извѣстно Іоанну, и онъ ввѣрилъ защиту его князю *Ивану Петровичу Шуйскому*, приказавъ ему „отвѣчать за всѣхъ воеводъ“, то-есть, сдѣлавъ его главнымъ начальникомъ (несмотря на то, что вмѣстѣ съ нимъ былъ старшій его въ родѣ Шуйскихъ, князь Василій Ѳедоровичъ Скопинъ) и обязавъ его и прочихъ бояръ торжественною клятвою—не сдавать города Баторію до послѣдней капли крови. Обращено было вниманіе на приведеніе Пскова въ оборонительное состояніе: укрѣпленія города были исправлены; городскія стѣны вооружены орудіями; войска, назначенныя для обороны, усилены и вмѣстѣ съ гражданами, готовыми принять участіе въ оборонѣ города, простирались до 30 тысячъ человѣкъ.

Нужно замѣтить, что въ числѣ защитниковъ Пскова, обученаго войска было всего нѣсколько тысячъ конницы (боярскихъ дѣтей) и нѣсколько тысячъ пѣхоты (стрѣльцовъ). Остальное же состояло изъ гражданъ, не исключая женщинъ и дѣтей, число которыхъ опредѣлить трудно. По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, цифра защитниковъ простиралась до 30.000; а по словамъ поляковъ, она доходила до 40 и даже до 50 тысячъ, что, вѣроятно, преувеличено. Поэтому, нельзя не поставить Іоанну въ вину — что онъ такъ мало назначилъ ратныхъ людей, всего не болѣе 10.000 чел. противъ 100.000 арміи Баторія, о направленіи котораго къ Пскову было уже давно извѣстно. Между тѣмъ, главныя русскія силы безполезно были разбросаны, занимая Новгородъ, Ржевъ, Волоколамскъ и на Окѣ, ожидая крымцевъ, которые съ этой стороны вовсе не угрожали къ это время. Самъ же Іоаннъ, намѣревавшійся лично идти на Баторія къ Пскову, дошелъ только до Старицы, и дальше не пошелъ.

Воеводы, начальствовавшіе въ Псковѣ войсками (князья Шуйскіе, Иванъ Петровичъ и Василій Ѳедоровичъ Скопины, воевода Очинъ-Плещеевъ, князья Хворостининъ, Бахтеяровъ-Ростовскій и Лобановъ-Ростовскій), распредѣлили между собою оборону различныхъ частей города, назначили мѣста войскамъ и послали грамоты во всю окрестную

страну, съ приказаніямъ жителямъ уходить въ ближайшіе укрѣпленные города и свозить туда съѣстные запасы. Все же остальное и самыя жилища приказано было предать пламени. Такимъ образомъ, непріятели на всемъ пути своемъ, въ предѣлахъ Россіи, встрѣчали пустыню. Подготовляя упорную оборону Пскова, воеводы его, давъ клятву Іоанну не сдавать города Баторію, заставили принести такую же присягу не только дѣтей боярскихъ и стрѣльцовъ, но и всѣхъ жителей Пскова. Всѣ они цѣловали крестъ, обязуясь умирать, но не сдаваться; эта присяга была свято исполнена.

Узнавъ въ началѣ августа о движеніи Баторія къ Пскову и что онъ взялъ на пути Опочку, Красный и Островъ и на берегахъ рѣчки Черехи разбилъ легкій русскій отрядъ конницы, псковскіе воеводы, 18 числа, зажгли предмѣстья, и скоро съ Покровской башни и южныхъ стѣнъ увидали въ дали густыя облака пыли, поднятыя движеніемъ многочисленной рати Баторія, наступавшей съ юга, по дорогѣ изъ Острова, по обѣимъ сторонамъ которой оно и расположилось обширнымъ лагеремъ, примыкая лѣвымъ флангомъ къ р. Великой, на разстояніи 2—3 дальнихъ выстрѣловъ отъ южной стѣны Пскова. Свою ставку Баторій расположилъ отдѣльно, у Николо-Любятова монастыря.

Обозрѣвъ Псковъ и собравъ отъ русскихъ плѣнныхъ свѣдѣнія о его расположеніи, укрѣпленіяхъ, силахъ и средствахъ обороны, король убѣдился въ трудности взятія сильно укрѣпленнаго города; но, не желая отступиться отъ своего намѣренія—овладѣть имъ и выказать тѣмъ слабость передъ своей разноплеменною ратью, онъ подступилъ 26-го августа ближе къ городу, подъ сильнымъ огнемъ изъ крѣпости. Однако, мѣткій огонь русской артилеріи заставилъ непріятеля отойти къ р. Черехѣ и расположить свой станъ за высотами, близъ р. Великой.

Ставка Баторія тоже оказалась въ сферѣ крѣпостнаго огня, почему и была перенесена на болѣе безопасное мѣсто, къ рѣчкѣ Черехѣ. Вообще, Баторій не ожидалъ встрѣтить въ Псковѣ ни такого числа защитниковъ, ни такихъ укрѣпленій, которыя оказались послѣ рекогносцировки. Въ крѣпости были двѣ особенно большія пушки, носившія названіе—*трескотухи* и *барса*, которыя бросали камни на нѣсколько верстъ, дальше Никольскаго монастыря. Все это нарушало разсчеты Баторія, имѣвшаго въ виду прямо начать съ приступа. Теперь же, оказалось необходимымъ начать медленную осаду. Рѣшено было вести атаку на южную оконечность крѣпости, именно на башню Покровскую, составлявшую самый южный уголъ крѣпостной ограды, и на находящуюся правѣе ея, сосѣднюю башню, называвшуюся *Свинною* или *свинарною*. Работами по осадѣ завѣдывалъ Замойскій, долго учившійся военному дѣлу въ Италіи. По его плану, подступы къ крѣпости должны были вестись нѣсколькими зигзагами, въ направленіи на атакуемыя двѣ башни и на часть крѣпостной стѣны между ними. Лѣвый флангъ зигзаговъ прикрывался рѣкою Великою. Каждый зигзагъ ведетъ, отдѣльно, каждая изъ національностей, состоящихъ въ войскѣ Баторія, а именно: самый лѣвый, на Покровскую башню, ведутъ венгры (угры); правѣе ихъ, два зигзага ведутъ поляки, направляясь на Свинную башню и на часть ограды между нею и Покровскою башнею. Правѣе зигзагъ нѣмцевъ, и еще правѣе—литовцевъ. Для общей связи зигзаговъ, они соединялись поперечными сообщеніями, проходившими отъ лѣваго фланга осадныхъ работъ къ правому.

Пять дней непріятель подъ крѣпостью стоялъ спокойно. Онъ обозрѣвалъ городъ и укрѣплялъ свой станъ. 1-го сентября онъ повелъ *борозды* (траншеи): 5 большихъ, продольными зигзагами, и 7 поперечныхъ, и въ продолженіе трехъ сутокъ подошелъ ими къ Свинымъ и Покровскимъ башнямъ. Такимъ образомъ, приблизясь къ самому рву, непріятели, въ ночь съ 4-го на 5-е, прикатили туры, насыпали ихъ землею и, устроивъ батареи, вооружили ихъ орудіями. 5-го сентября, замѣтя успѣхъ непріятельскихъ работъ, воеводы приступили къ сооруженіямъ на атакованномъ фронтѣ деревянной стѣны, позади каменной, и усилили въ этомъ мѣстѣ защитниковъ, поручивъ начальство надъ ними князю Хворостинину. Тутъ же находились безотлучно и князья Шуйскіе съ царскими дьяками, данными имъ для совѣта. Въ продолженіе двухъ дней, 6-го и 7-го, поляки громили укрѣпленія Пскова изъ двадцати орудій, сдѣлали проломъ, шириною въ 24 сажени, и повредили стѣны въ разныхъ мѣстахъ, на протяженіи 69 саженъ. Разрушивъ Покровскую башню и разбивъ до половины Свиную, войска Баторія 8-го сентября, около полудня, двинулись съ распущенными знаменами, при звукахъ трубъ и боѣ барабановъ, на приступъ къ сдѣланнымъ въ стѣнѣ проломамъ. Русскіе воеводы, завидя ихъ наступленіе, приказали ударить въ *осадный* колоколъ и стрѣлять изъ всѣхъ орудій южныхъ стѣнъ и башенъ. Несмотря на жестокій артилерійскій огонь, атакующіе, какъ грозная туча, устремились къ городу. Быстро спустившись въ ровъ, непріятели ворвались затѣмъ въ проломы, взяли съ боя Покровскую и Свиную башни и водрузили на нихъ знамена Баторія, наблюдавшаго за ходомъ приступа съ колокольни церкви Св. Никиты на правомъ берегу Великой, въ полуверстѣ отъ Пскова. Послѣ упорнѣйшаго боя въ башняхъ и проломахъ, понеся большой уронъ, русскіе начали было отступать. Тутъ храбрый князь Шуйскій, облитый кровью, сойдя съ раненаго коня, просьбами и угрозами удерживаетъ отступающихъ, показываетъ имъ образъ Богоматери и мощи Св. Всеволода-Гавріила, несомыя духовенствомъ изъ соборнаго храма на-встрѣчу. Вдохновленные новою силою мужества, русскіе стали непоколебимы. Вновь загорѣлся отчаянный бой. Удачными выстрѣлами изъ большой пушки, *Барса*, осажденные разрушили, занятую непріятелемъ Свиную башню и, вслѣдъ затѣмъ, подкативъ подъ нее нѣсколько боченковъ съ порохомъ, взорвали ее; отчего, по выраженію одного изъ очевидцевъ осады, образовалась подъ городскими стѣнами другая башня изъ тѣлъ непріятельскихъ. Воспользовавшись этимъ, русскіе воеводы, во главѣ своихъ войскъ, усиленныхъ подоспѣвшими изъ другихъ частей города подкрѣпленіями, дружно ударили на враговъ, и вытѣснили ихъ изъ всѣхъ проломовъ. Бой продолжался до самаго вечера, но уже внѣ крѣпости. Баторій нѣсколько разъ подкрѣплялъ штурмовавшихъ свѣжими войсками; но

осажденные также были поддержаны войсками и гражданами изъ другихъ мѣстъ города, и приступъ окончательно былъ отбитъ. Въ оборонѣ города приняли участіе и граждане его; псковитянки, получивъ приказаніе увезти оставленныя непріятелями орудія, явились на мѣсто побоища: молодыя съ оружіемъ, а старыя съ веревками, усиливаясь тащить за собою пушки; нѣкоторыя изъ нихъ носили воду воинамъ, изнемогавшимъ отъ жажды, другія подавали камни для пораженія непріятелей, носили мелкую известь, чтобы засыпать глаза атакующимъ, и проч. Къ вечеру русскіе воеводы возвратились съ торжествомъ въ городъ; за ними несли отбитыя знамена, везли захваченныя орудія, слѣдовали плѣнные. Такъ отбитъ былъ грозный врагъ слабыми сравнительно силами; но успѣхъ не дешево обошелся побѣдителямъ: до $2^1/_2$ тысячъ выбыло изъ строя убитыми и ранеными; со стороны противника пало до 5 тысячъ, и еще болѣе выбыло изъ строя ранеными.

Не успѣвъ покорить осажденныхъ силою, Баторій покушался побудить ихъ къ сдачѣ города льстивыми обѣщаніями всякихъ милостей и угрозами. Однако, пущенныя въ городъ со стрѣлами *) грамоты Баторія не достигли цѣли: воеводы, тѣмъ же способомъ, со стрѣлою, пустили отвѣтную грамоту, что—„они не слушаютъ ни лести, ни угрозъ, не предадутъ Вѣры, Отечества и Царя, и всѣ готовы умереть, и чтобы противникъ готовился сражаться съ ними“.

Между тѣмъ, воеводы приняли мѣры къ дальнѣйшей оборонѣ. Чтобы преградить непріятелю доступъ черезъ проломъ, они поспѣшили окончить деревянную стѣну, за мѣстомъ бывшаго приступа; выкопали глубокій ровъ между этою стѣною и главнымъ валомъ, и поставили въ немъ частоколъ изъ заостренныхъ дубовыхъ палисадинъ. Бодрость духа осажденныхъ возрастала. Они спокойно выжидали приступовъ и въ теченіе пяти или шести недѣль славно отражали всѣ попытки непріятеля, упавшаго духомъ, изнуреннаго осеннимъ ненастьемъ и голодомъ. Въ войскахъ Баторія открылся уже ропотъ; не смѣя винить короля, винили главнаго воеводу *Замойскаго*, говоря, что—„онъ въ итальянскихъ академіяхъ научился всему, кромѣ искусства побѣждать русскихъ“. Для возстановленія порядка и дисциплины пришлось прибѣгнуть къ мѣрамъ чрезвычайной строгости, и Замойскій, не взирая на общую злобу и ненависть къ нему, каралъ преступниковъ изъ своевольной шляхты и наемниковъ безъ милосердія и пощады. Несмотря на всѣ неудачи, Баторій, однако, не думалъ о снятіи осады и объ отступленіи на зиму въ Литву и Польшу. Онъ приказалъ рыть землянки съ печами (послѣ осады ихъ было найдено 130 большихъ и 904 малыхъ) и свозить продовольственные и боевые запасы. На собранномъ королемъ военномъ совѣтѣ,

*) Такъ какъ осажденные твердо положили не имѣть никакихъ сношеній съ осаждавшими.

рѣшено было устроить къ городу подкопы; каждый изъ зигзаговъ велъ и свой отдѣльный подкопъ. Но русскіе узнали о томъ отъ плѣнныхъ и отъ переметчика, полоцкаго стрѣльца Игнатія, который даже указалъ мѣста подкоповъ. Пользуясь этимъ, Шуйскій приказалъ вести *слухи* (подземные ходы), на встрѣчу непріятельскимъ подкопамъ, и успѣлъ перенять два изъ нихъ; другіе обрушились сами. Покушеніе Баторія сжечь городъ, 24 октября, каленными ядрами, съ батарей устроенныхъ у Мирожскаго монастыря, на лѣвомъ берегу Великой, и у Завеличья, также не имѣло успѣха. Не успѣвъ въ этомъ, противникъ попытался разрушить стѣну, не употребляя орудій; съ этою цѣлью, 28 октября, подъ громомъ многочисленныхъ литовскихъ орудій, королевскіе гайдуки двинулись отъ рѣки Великой къ городу и, прикрываясь большими щитами, подошли къ подошвѣ стѣны (между угловою башнею и Покровскими воротами), которая, по полученнымъ свѣдѣніямъ, была довольно ветха, и начали разламывать ее кирками и ломами. Вскорѣ, береговая часть деревянной стѣны рухнула. Но за нею оказалась другая деревянная стѣна со рвомъ, которая остановила непріятеля. Защитники просверлили въ этой стѣнѣ дырья и стрѣляли изъ нихъ по гайдукамъ, а со стѣны лили на враговъ пылающую смолу и кипятокъ, кидали ручныя гранаты (*кувшины съ зеліемъ*), поражали ихъ каменьями и кололи копьями. Непріятели, приведенные въ смятеніе, бѣжали отъ стѣнъ, за исключеніемъ немногихъ смѣльчаковъ, которые, подрывшись подъ стѣну, считали себя совершенно безопасными и продолжали разрушать стѣну. Тогда, по чьему-то совѣту, осажденные взяли длинныя палки и на одинъ изъ концовъ ихъ привязали веревки съ желѣзными крючьями, что образовало нѣчто вродѣ извѣстнаго прибора для уженія рыбы. Закидывая сверху крючья, осажденные зацѣпляли ими за одежду скрывшагося подъ стѣною непріятеля, и вытаскивали его на расправу.

Въ слѣдующіе пять дней, Баторій громилъ городъ изъ брешь-батарей съ праваго и лѣваго берега р. Великой. Воспользовавшись произведеннымъ проломомъ въ стѣнѣ противъ р. Великой, Баторій рѣшилъ еще разъ попытать счастья въ приступѣ (ихъ всего было 31) и, 2 ноября, двинулъ войска. Въ виду короля, войска его смѣло и бодро, сомкнутыми рядами, двинулись по льду рѣки; но, осыпанныя ядрами и пулями со стѣнъ и башенъ города, пришли въ замѣшательство и пріостановились. Напрасны были всѣ усилія литовскихъ вождей принудить войска идти далѣе впередъ,—новый залпъ изъ орудій обратилъ въ бѣгство, въ виду Баторія, и воиновъ, и самихъ воеводъ. Къ довершенію досады короля, стрѣлецкій голова, Ѳедоръ Мясоѣдовъ, посланный съ своею дружиною на помощь Пскову, пробрался всего съ нѣсколькими сотнями стрѣльцовъ сквозь непріятельскія войска и вошелъ въ городъ, гдѣ прибытіе его еще болѣе возвысило духъ русскаго войска.

Еще ранѣе Мясоѣдова, именно, въ началѣ октября, другой отрядъ стрѣльцовъ, въ числѣ 600 человѣкъ, намѣревался подплыть къ Пскову на лодкахъ, по р. Великой. Но предпріятіе это кончилось неудачно. Только одна сотня пробралась въ городъ; остальные уплыли на лодкахъ, а частью были взяты въ плѣнъ. Въ числѣ плѣнныхъ находился и начальникъ отряда, Никита Хвостовъ, отличавшійся необыкновенною красотою. Одинъ изъ поляковъ, въ своемъ дневникѣ, записалъ по этому случаю: „Я не видывалъ такого красиваго и статнаго мужчины, какъ этотъ Хвостовъ. Онъ могъ бы поспорить со львомъ. Все войско ходитъ на него дивиться".

Потерпѣвъ полную неудачу въ приступахъ, Баторій рѣшилъ ограничиться обложеніемъ города, чтобы голодомъ принудить къ сдачѣ его жителей. 6-го ноября непріятели свезли орудія съ батарей, прекратили осадныя работы и расположились кругомъ крѣпости, внѣ пушечнаго выстрѣла.

Желая сгладить свою неудачу какимъ-либо успѣхомъ, ободрить унылое и недовольное войско и удовлетворить корыстолюбивыхъ наемниковъ, король рѣшилъ овладѣть древнимъ Псковопечерскимъ монастыремъ (въ 56-ти верстахъ отъ Пскова), который въ 1519 году былъ обновленъ, украшенъ и надѣленъ богатыми вкладами, и съ этою цѣлію отрядилъ къ нему нѣмецкую дружину Фаренсбаха и венгерскую Борнемисса. Въ монастырѣ, сверхъ братіи, находилось до 300 воиновъ, подъ начальствомъ отважнаго головы Нечаева, назначенныхъ собственно для защиты монастырскихъ каменныхъ стѣнъ и башенъ, построенныхъ въ 1565 году. Съ этою горстью людей, Нечаевъ безпрестанно нападалъ на польскіе подвозы изъ Литвы. Фаренсбахъ и Борнемиссъ, подойдя къ монастырю, разрушили пушечною стрѣльбою часть каменной стѣны, и потребовали отъ защитниковъ сдачи его; получивъ отказъ, они произвели два приступа, но были отражены. Потерпѣвъ неудачу, непріятели принуждены были удалиться въ началѣ ноября.

Между тѣмъ, войска Баторія подъ Псковомъ, терпѣли большія потери отъ голода и холода. Продовольствія въ войскахъ было крайне недостаточно, дороговизна на него была необыкновенная, фуражировъ нужно было посылать верстъ за 100—150 и то съ опасностью; лошади падали, казна истощалась. Въ такомъ положеніи король оставилъ войско и уѣхалъ въ Вильну, поручивъ начальство главному изъ своихъ воеводъ, гетману Яну Замойскому. По отъѣздѣ короля, уныніе и безначаліе охватили разноплеменное войско Баторія. Литовцы бѣжали домой, либо ссорились съ венгерцами; нѣмецкіе наемники еще служили лучше, но, не получая жалованья, котораго Замойскій не могъ уплатить,—3.000 изъ нихъ ушло обратно въ Германію. Положеніе войска было трудное: нужда, голодъ, холодъ и удачныя вылазки осажденныхъ грозили ему истребленіемъ. Дѣйствительно, гибель войска могла бы быть вѣроятнымъ концомъ этого неудачнаго предпріятія Баторія, еслибы князь Юрій Голицынъ изъ Новгорода, князья Мстиславскіе изъ Волока, стоявшіе тамъ неподвижно съ главными силами и охранявшіе Москву и Іоанна въ

Старицѣ, а Шуйскій изъ Пскова, въ одно время, напали бы на войско Баторія подъ стѣнами этого города. Но, въ то время какъ всѣ русскіе воеводы, внѣ Пскова, бездѣйствовали, только одинъ князь Шуйскій съ товарищами производилъ энергичныя вылазки и наносилъ противнику значительный уронъ. Послѣдняя изъ нихъ, 4 января 1582 года (46-я по счету), стоила осаждающимъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ убитыми и плѣнными. Ко всѣмъ невзгодамъ осаждающихъ, отъ недостатка продовольствія и частыхъ удачныхъ вылазокъ осажденныхъ, присоединялись и бѣдствія отъ стужи.—„О Боже, какой холодъ! Наши клѣтки совершенно оледенѣли“,—писалъ въ дневникѣ одинъ изъ участниковъ осады.—Два ведета замерзли до смерти и свалились съ лошадей. Наше положеніе ужасно. Господи, спаси насъ! Холодъ нестерпимый превосходитъ всякое вѣроятіе; мы страдаемъ отъ холода: денегъ нѣтъ; лошади гибнутъ; рота, въ которой было 100 лошадей, не имѣетъ теперь и 60-ти, но объ этомъ лучше молчать. Наше положеніе будетъ еще бѣдственнѣе, когда мы тронемся съ мѣста. Многіе изъ венгерскихъ пѣхотинцевъ перебѣжали къ непріятелю“ и пр. Ослабленная побѣгами, частыми нападеніями осажденныхъ, голодомъ и холодомъ, грозная стотысячная армія Баторія, въ концѣ осады, считала въ рядахъ своихъ не болѣе 26 тысячъ человѣкъ.

Озлобленный всѣми неудачами и бѣдствіями, гетманъ Замойскій, прибѣгнулъ къ коварной и недостойной хитрости, чтобы погубить главнаго воеводу и защитника Пскова — князя Шуйскаго. Онъ подослалъ къ нему, отъ имени *Моллера*, одного изъ нѣмцевъ, прежде служившихъ въ русскомъ войскѣ, большой ларецъ и письмо, въ которомъ, будто бы, Моллеръ, извѣщая о намѣреніи своемъ бѣжать изъ литовскаго лагеря, просилъ Шуйскаго, чтобы онъ самъ отперъ ларецъ и сохранилъ до его прибытія находившееся въ немъ золото. Шуйскій, по совѣту съ боярами, и подозрѣвая обманъ, приказалъ мастерамъ отнести ларецъ подалѣе и открыть его осторожно. И дѣйствительно, въ ларцѣ были найдены 24 обращенные на 4 стороны и заряженные пистолета, сверхъ которыхъ насыпано было около пуда пороху; курки пистолетовъ прикрѣплены были ремнями къ личинкѣ ларца, такъ что стоило только тронуть замокъ, чтобы произвести взрывъ. Князь Шуйскій, избѣгнувъ гнуснаго кова, укорялъ письменно Замойскаго въ дѣлѣ, недостойномъ храбраго воина, и вызывалъ его на поединокъ.

Такова была осада Пскова! Самъ король Стефанъ Баторій отдалъ справедливость геройской защитѣ русскихъ воиновъ, и съ удивленіемъ разсказывалъ Антонію Поссевину, какъ они не дорожатъ жизнью, хладнокровно замѣняютъ мѣсто убитыхъ, либо взорванныхъ подкопомъ; какъ самыя жены, соревнуя имъ, подвизаются на полѣ битвы; какъ русскіе переносятъ непогоду и стужу подъ легкими наметами и умираютъ отъ голода, но не сдаются, *чтобы не измѣнить Государю.*

Въ то время, какъ Баторій тщетно напрягалъ усилія, чтобы взять Псковъ, литовскіе воеводы, съ отрядами, произвели набѣгъ къ верхней Волгѣ, до самаго Ржева; а шведы отняли (въ 2—3 послѣдніе мѣсяца 1581 г.) у русскихъ въ Ливоніи Лоде, Фиккель, Леаль, Гапсаль и Нарву, гдѣ погибло до 7 тысячъ русскихъ, и гдѣ уже 20 лѣтъ велась русская торговля съ западною Европой и находилось множество товаровъ и богатствъ. Вскорѣ, главный начальникъ шведской арміи въ Ливоніи, Дела-Гарди, перенесъ войну изъ нея въ сѣверные русскіе предѣлы и взялъ Иванъ-Городъ, Ямъ, Копорье и Виттенштейнъ.

Когда, такимъ образомъ, Баторій съ запада. а шведы съ сѣверозапада и сѣвера, громили русскіе предѣлы, многочисленныя силы Іоанна бездѣйствовали (кромѣ псковскаго гарнизона), а самъ онъ думалъ не объ отраженіи ихъ силою оружія, а о заключеніи перемирія съ Баторіемъ. Послѣднее было заключено, при посредствѣ папскаго нунція, іезуита Антонія Поссевина, 6-го января 1582 года, на 10 лѣтъ. По утвержденному, 17-го того же января, договору съ Баторіемъ, Іоаннъ отказался отъ Ливоніи, Полоцка и Велижа, а первый возвратилъ царю Великія Луки, Заволочье, Невель, Холмъ, Себежъ, Островъ, Красный, Изборскъ, Гдовъ и всѣ псковскіе пригороды.

Такъ кончилась въ одно время и знаменитая, славная для русскаго оружія и имени оборона Пскова, и трехлѣтняя война между Іоанномъ и Баторіемъ, не столько кровопролитная, сколько несчастная для Россіи по результатамъ ея. Въ первый разъ еще Русь заключила съ Польшей и Литвой такой невыгодный и непочетный миръ, и если не уступила еще болѣе, то благодаря Пскову, доблестнымъ защитникамъ его, которые, по-истинѣ, спасли Русь отъ большей опасности и еще большихъ пожертвованій и утратъ.

4-го февраля 1582 года Замойскій двинулся отъ Пскова въ Ливонію, чтобы принять отъ русскихъ города и крѣпости; и въ этотъ день, послѣ 5-ти мѣсяцевъ и 10-ти дней (съ 26-го августа 1581 года) заключенія (*сидѣнія въ осадѣ*), отворились, наконецъ, ворота Пскова, къ великой радости жителей его. Въ память избавленія Пскова и Псково-печерскаго монастыря отъ поляковъ и литовцевъ, псковичи учредили каждогодное перенесеніе чудотворныхъ иконъ изъ этого монастыря въ Псковъ, въ 7-ю недѣлю по Пасхѣ (что совершается и донынѣ).

Военныя дѣйствія со шведами продолжались еще до 1583 года, но такъ же неудачно. По заключенному съ ними въ этомъ году перемирію (на 3 года), Эстонія осталась во власти шведскаго короля, которому Іоаннъ сверхъ того уступилъ Нарву, Ямъ и Копорье.

ГЛАВА XIII.

Покореніе Сибири при Іоаннѣ IV.

Вступленіе Ермака въ предѣлы Сибирскаго царства въ 1581 году. — Пораженіе имъ царевича Маметкула при урочищѣ Бабасанъ и князя Карача, близъ Иртыша. — Побѣда Ермака надъ Маметкуломъ, подъ Чувашевымъ 23 октября 1581 г. — Занятіе столицы Сибирскаго царства 26 октября.—Бѣгство царя Кучума.— Взятіе въ плѣнъ Маметкула. — Присоединеніе Сибирскаго царства къ владѣніямъ Россіи.— Окончательное присоединеніе Сибири въ царствованіе Ѳедора Іоанновича.—Нападеніе татаръ Карача на Искеръ и отраженіе его остатками дружины Ермака.—Смерть Ермака въ 1584 г.— Нашествіе крымскихъ татаръ при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ въ 1591 г.—Подступленіе къ Москвѣ и обратное бѣгство татаръ въ 1592 г.—Повтореніе нашествія на Рязанскія и Каширскія земли въ 1593 г.—Кахетія принимаетъ подданство Россіи въ 1586 г.—Война съ Швеціей съ 1590—1593 г. — Взятіе русскими Ямы и Нарвы. — Перемиріе.—Возобновленіе дѣйствій и миръ въ 1595 году.

ослѣдніе печальные дни царствованія *Грознаго* были ознаменованы радостнымъ событіемъ. Въ то время, какъ полки Баторія и шведы громили на западѣ русскіе предѣлы, горсть отважныхъ казаковъ, грабившихъ прежде по Волгѣ, завоевала для Россіи на дальнемъ востокѣ царство Сибирское.

Еще въ 1558 году царь Іоаннъ Васильевичъ, желая обезпечить Пермскую страну отъ набѣговъ и опустошеній ногайскихъ и сибирскихъ хищниковъ, пожаловалъ купцамъ Строгановымъ, имѣвшимъ соляныя варницы на р. Вычегдѣ, значительное пространство ненаселенныхъ земель по рр. Камѣ и Чусовой, съ дозволеніемъ строить тамъ крѣпости, имѣть нарядъ огнестрѣльный и набрать для обороны крѣпостей надлежащее число войска. Знакомые въ подробностяхъ съ свойствами края, братья Строгановы (Яковъ и Григорій) дѣятельно принялись за выполненіе порученія: въ продолженіе 12 лѣтъ они построили на Камѣ городки Канкоръ и Кериданъ, на Чусовой — два укрѣпленія по обѣ стороны этой рѣки, въ 80 верстахъ отъ впаденія ея въ Каму,

а на рѣчкахъ Сылвѣ и Яйвѣ—острожки; всѣ эти крѣпостцы снабжены были огнестрѣльнымъ нарядомъ (*пушечками, затинными пищалями и ручницами*) съ надлежащимъ числомъ людей. Окруженные непріятелями — черемисами, остяками и башкирами, Строгановы вскорѣ подверглись ихъ нападеніямъ (въ 1572 году) и вступили въ борьбу съ сибирскимъ царемъ *Кучумомъ*. Отстоявъ городки свои по Камѣ и Чусовой, которые Кучумъ въ 1573 г. посылалъ разорять родственника своего царевича Маметкула, и прочно утвердясь такимъ образомъ по сю сторону Урала, Строгановы рѣшили перенести войну за „Каменный Поясъ", перейти къ нападенію на Кучума въ собственныхъ его владѣніяхъ, почему испросили и получили позволеніе Іоанна строить городки за Ураломъ по р. Тоболу и его притокамъ, до ихъ верховьевъ; содержать въ нихъ, на свой счетъ, военныхъ наемниковъ съ огнестрѣльными орудіями и оружіемъ, и владѣть землями съ правомъ воздѣлыванія ихъ и разработки желѣза, мѣди, олова, свинца и пр. Но Яковъ и Григорій Строгановы умерли, не успѣвъ совершить похода за Уралъ. Наслѣдники ихъ, меньшой братъ Семенъ и сыновья умершихъ, Максимъ Яковлевъ и Никита Григорьевъ, рѣшили продолжать начатое дѣло; не надѣясь на охочихъ туземцевъ-инородцевъ, они обратились за помощью къ казакамъ, промышлявшимъ по Волгѣ и Дону грабежомъ и разбоями. Изъ числа буйныхъ атамановъ этой вольницы, наводившей ужасъ своими дерзкими разбойничьими подвигами не только на мирныхъ путешественниковъ и торговые караваны, но и на всѣ окрестные улусы кочевыхъ народовъ, особенно прославились въ то время Ермакъ Тимоѳеевъ, Иванъ Кольцо, Яковъ Михайловъ, Никита Панъ и Матвѣй Мещерякъ *). Разбои казаковъ заставляли Московское правительство неоднократно высылать воинскія дружины на берега Волги и Дона для истребленія хищниковъ; посланный въ 1577 г. для поимки ихъ казанскій воевода Иванъ Мурашкинъ, предводительствуя сильнымъ войскомъ, многихъ изъ нихъ переловилъ и казнилъ, но многіе спаслись; толпа этой вольницы, во главѣ съ Ермакомъ и четырьмя другими атаманами, поднялась вверхъ по Волгѣ и явилась на Камѣ. Здѣсь атаманы получили грамоту Строгановыхъ съ предложеніемъ вступить къ нимъ въ службу, оставить разбойничество, примириться съ Богомъ и Россіей и идти воевать сибирскаго султана Кучума. Казаки буйные, но доступные чувству раскаянія, обрадовались случаю загладить свои преступленія; мысль—свергнуть съ себя опалу за разбои дѣлами честными, и перемѣнить имя грабителей на имя добрыхъ воиновъ отечества — тронула сердца грубыя, но еще не лишенныя совѣсти; голосъ, свыше

*) Что касается до происхожденія имени *Ермака*, повидимому не русскаго, то это произошло отъ переименованія его изъ имени *Ермолая*, подъ которымъ онъ упоминается во многихъ современныхъ грамотахъ. *Ред.*

назначеннаго призванія, отозвался въ душѣ Ермака; невѣдомый край, просторъ и свобода, подвиги противъ бусурманъ манили вольныхъ казаковъ.

Откликнувшись на зовъ Строгановыхъ, Ермакъ, съ четырьмя другими атаманами и 540 казаками, прибылъ на Чусовую въ концѣ 1579 года. До 1-го сентября 1581 года Ермакъ помогалъ Строгановымъ защищать ихъ городки отъ нападенія вогуличей, вотяковъ и пелымцевъ и разбилъ на голову мурзу Бегулія, дерзнувшаго, съ 700 вогуличей и остяковъ, грабить селенія на Сылвѣ и Чусовой.

Призывая донскихъ казаковъ, Строгановы имѣли въ виду не защиту только построенныхъ ими городковъ, а перенесеніе войны за Уралъ. Объявивъ походъ въ Сибирь, Строгановы усилили казаковъ тремя стами своихъ ратниковъ изъ русскихъ, татаръ, литовцевъ и нѣмцевъ, искупленныхъ ими изъ неволи у ногаевъ, и придали имъ проводниковъ изъ зырянъ и толмачей; такимъ образомъ, Ермакъ сталъ во главѣ отряда въ 840 челов., снабженнаго продовольствіемъ и оружіемъ (пушечками и семипядными пищалями). Устроивъ отрядъ свой, назначивъ въ него атамановъ, есауловъ, сотниковъ, пятидесятниковъ, Ермакъ выступилъ въ походъ за Уралъ. Четыре дня плылъ онъ на стругахъ вверхъ по р. Чусовой до устья р. Серебряной и два дня по этой послѣдней до сибирской дороги. Здѣсь онъ высадился и построилъ земляное укрѣпленіе, назвавъ его *Кокуемъ-городкомъ;* затѣмъ пошелъ далѣе, волокомъ, до р. Жаровли, и по ней выплылъ на судахъ въ р. Туру, гдѣ уже начинался Сибирскій край. Опустошивъ улусы и селенія внизъ по Турѣ, казаки захватили въ плѣнъ одного изъ сановниковъ Кучума, Таузака, который сообщилъ имъ всѣ нужныя свѣдѣнія о землѣ своей и, освобожденный за то, извѣстилъ своего царя, что пришли русскіе воины, стрѣляющіе изъ луковъ огнемъ и громомъ смертоноснымъ, уязвляютъ ранами до смерти, что нельзя защититься никакими ратными доспѣхами, все пробиваютъ на вылетъ. Извѣстія этого было достаточно, чтобы смутить Кучума, заставить его поднять всѣ улусы своего царства на непрошенныхъ пришельцевъ. Дивные подвиги Ермака Тимоѳеева въ свое время произвели многія басни и, какъ все необыкновенное, сильно дѣйствующее на воображеніе, суевѣріемъ народа украшены были предшествующими имъ предзнаменованіями. Говорили, что еще задолго до Кучума разныя небесныя знаменія предвѣстили гибель Сибирскаго царства; что на воздухѣ являлся городъ съ христіанскими колокольнями, вода въ Иртышѣ казалась кровавою. Тобольскій мысъ выбрасывалъ золотыя и серебряныя искры. По свидѣтельству мурзы Девлетбая, жившаго на Панинѣ бугрѣ, противъ Тобольска, въ городкѣ Бицктурѣ,—сіи знаменія умножились при Кучумѣ; что будто-бы нерѣдко приходилъ отъ Иртыша бѣлый волкъ, а отъ Тобола черная

гончая собака и грызлись между собою: что волкъ, какъ толковали кудесники, означалъ ханскую силу, а собака — россійскую, которой надлежало побѣдить *) и пр.

Узнавъ о вторженіи сильныхъ чужеземцевъ, Кучумъ выслалъ противъ дружины Ермака царевича Маметкула съ многочисленною конницей. Встрѣча съ Ермакомъ произошла на берегу Тобола, между Иртышемъ и Тавдою, близъ урочища Бабасанъ; непріятели сражались на коняхъ копьями и стрѣлами; русскіе стрѣляли „изъ пищалей своихъ, изъ пушечекъ скорострѣльныхъ, и изъ дробовыхъ, и изъ затинныхъ, и шпанскихъ, и изъ аркобузовъ“ **). Отбивъ нѣсколько атакъ, Ермакъ наконецъ опрокинулъ враговъ и открылъ путь къ устью Тобола.

На Тоболѣ же Ермакъ встрѣтилъ новую осѣдлость Кучумовыхъ подданныхъ: въ 16 верстахъ отъ Иртыша князъ Карача защищалъ свой улусъ; казаки разгромили его, овладѣли въ улусѣ богатою добычею и поплыли далѣе къ устью Тобола.

Здѣсь Ермака снова настигли татары: Маметкулъ уже поджидалъ своего непріятеля въ новомъ укрѣпленіи подъ Чувашевымъ. Но Ермакъ, не доходя еще до Чувашева, причалилъ къ берегу близъ самаго устья Тобола и мужественно кинулся на наѣздниковъ и пѣшую рать. Нападеніе увѣнчалось успѣхомъ: татары обратились въ бѣгство; удалые казаки сѣли на струги и поплыли вверхъ по Иртышу.

Между тѣмъ Кучумъ, получивъ извѣстіе о новомъ пораженіи своихъ татаръ и о походѣ Ермака по Иртышу къ Сибири (Искеру), рѣшилъ самъ отправиться на встрѣчу Ермака, усилить рать Маметкула въ укрѣпленіи (засѣкѣ) подъ Чувашевымъ и преградить путь казакамъ къ Искеру. Это было 22 октября 1581 г., въ пятьдесятъ второй день похода Ермака.

Къ вечеру этого дня казаки подплыли къ Чувашеву, высадились на берегъ и заняли городище Атикъ-мурзы. Между тѣмъ Кучумъ уже соединился съ Маметкуломъ въ крѣпкой засѣкѣ. На утро бой долженъ былъ рѣшить участь смѣлаго предпріятія горсти казаковъ, или обширнаго Кучумова царства. Многочисленность татаръ смутила казаковъ. На собранномъ совѣтѣ раздался уже голосъ—„идти назадъ“. Но Ермакъ остановилъ малодушныхъ; онъ представилъ имъ опасность обратнаго пути по глубокимъ снѣгамъ и позоръ постыднаго бѣгства, съумѣлъ вдохнуть въ нихъ храбрость и рѣшимость—если погибнуть, такъ погибнуть съ честью!

Утромъ 23-го октября казаки пошли къ Чувашеву на приступъ. Битва была жестокая; пули и стрѣлы свистѣли. Татары наконецъ сами

---

*) Карамзинъ: „Ист. Гос. Рос.“, т. IX.

**) Это извѣстіе Строгановской лѣтописи о вооруженіи дружины Ермака пушками не подтверждается другими лѣтописными памятниками.

вышли изъ засѣки, проломивъ ее въ трехъ мѣстахъ, и, бросившись на казаковъ, схватились съ ними въ рукопашную. Закипѣлъ отчаянный бой. Съ обѣихъ сторонъ рѣшался вопросъ о „быть или не быть“, съ обѣихъ сторонъ не было пощады врагу; ярость противниковъ дошла до остервененія—„*и бысть сѣча зла; за руки емлюще сѣчахуся!*“ Однако, толпы татаръ стали замѣтно рѣдѣть; царевичъ Маметкулъ былъ раненъ и переправленъ на ту сторону рѣки съ приближенными къ нему людьми; послѣ упорнаго боя казаки опрокинули враговъ. Бой кончился къ ночи; утомленные и ослабленные значительною потерею (107 человѣкъ), побѣдители отошли на ночь къ Атику-городку, выставивъ здѣсь крѣпкую стражу на случай нападенія татаръ. Но напрасно было опасеніе ихъ: остяцкіе князья, видя неудачу, бросили Кучума и разошлись по своимъ улусамъ; самъ старый ханъ, съ остатками орды, оставилъ засѣку, возвратился въ свою столицу Сибирь (Искеръ), собралъ свой кочевой скарбъ и бросился съ оставшимися въ живыхъ своими подданными въ степь искать себѣ пріюта. 26-го октября казаки заняли столицу Кучумова царства, Сибирь, гдѣ нашли богатую добычу: „золота и серебра, и паволоки золотыя, и каменіе драгоцѣнные“.

Овладѣвъ царствомъ, Ермакъ, столь же благоразумный, сколько и храбрый, мѣрами необходимой строгости въ своей вольницѣ и ласковымъ обращеніемъ съ туземцами, являвшимися съ покорностью, умѣлъ поселить въ жителяхъ окрестной страны довѣріе къ себѣ и тѣмъ побудилъ ихъ возвратиться на обычныя свои кочевья и жилища.

Въ то время, какъ Ермакъ Тимоѳеевъ, съ малою дружиною одерживалъ успѣхъ за успѣхомъ, Кучумъ, владѣтель обширной страны, дряхлый, потерявшій зрѣніе, но все еще бодрый духомъ, скитался въ Ишимской степи, предоставляя наблюденіе за казаками Маметкулу, который иногда отхватывалъ смѣльчаковъ, неосторожно отдалявшихся отъ своего стана. Ермакъ, имѣвшій сношеніе съ туземцами, узнавъ отъ нихъ, весною 1582 г., о расположеніи Маметкула съ малочисленной толпой на р. Вагаѣ, отрядилъ противъ него 60 своихъ удальцовъ; ночное нападеніе ихъ увѣнчалось полнымъ успѣхомъ: напавъ врасплохъ, они умертвили большую часть сонныхъ татаръ, взяли самого царевича живого и привели его въ Искеръ къ Ермаку. Овладѣвъ затѣмъ многими селеніями по рѣкамъ Иртышу и Оби и, въ числѣ ихъ, остяцкимъ городкомъ Назымомъ (на приступѣ коего убитъ былъ Никита Панъ съ нѣсколькими казаками), Ермакъ возвратился въ Искеръ, откуда извѣстилъ о своихъ успѣхахъ Строганавыхъ, и отправилъ атамана Ивана Кольцо съ товарищами въ Москву — „бить челомъ царю царствомъ Сибирскимъ“.

Царь радостно принялъ такое челобитье; онъ простилъ казакамъ всѣ ихъ прежніе разбои по Волгѣ, пожаловалъ посланныхъ деньгами

и сукнами, позволилъ Кольцу набирать на возвратномъ пути охотниковъ изъ свободныхъ людей для заселенія Сибири и повелѣлъ отправить Маметкула *) въ Москву; въ грамотѣ своей, милостиво объявивъ забвеніе старыхъ винъ и вѣчную благодарность Россіи за важную услугу, Іоанъ назвалъ Ермака княземъ Сибирскимъ, велѣлъ ему начальствовать и распоряжаться, чтобы утвердить порядокъ въ землѣ и верховную государеву власть надъ нею. Для принятія сибирскихъ городовъ, царь приказалъ послать воеводу, князя Семена Болховскаго, и голову, Ивана Глухова, со стрѣльцами.

Князь Болховской долженъ былъ взять у Строгановыхъ 15 струговъ со всѣмъ струговымъ запасомъ, чтобы каждый стругъ поднялъ по 20 ратниковъ, и плыть весною 1584 года рѣкою Чусовою по слѣдамъ Сибирскаго героя. Но Іоаннъ не дождался дальнѣйшихъ вѣстей изъ Сибири: въ началѣ этого года онъ опасно занемогъ, въ мартѣ мѣсяцѣ слегъ въ постель и 18 числа скончался. Могила въ придѣлѣ Московскаго Архангельскаго собора приняла останки Грознаго царя. Покореніе Сибирскаго края довершено было уже при его преемникѣ.

Іоанну IV наслѣдовалъ Ѳеодоръ, вѣнчавшійся на царство 31 марта того же 1584 года. Рожденный скорѣе для подвиговъ монашества, нежели для царской власти, Ѳеодоръ нуждался въ руководителѣ, который снялъ бы съ него непосильное ему бремя власти державной. Еще Іоаннъ Грозный, сознавая, что преемнику его, осужденному природой на всегдашнее *малолѣтство ума*, не подъ силу труды заботъ государственныхъ, назначилъ, въ помощь Ѳеодору, Верховную Боярскую Думу изъ пяти лицъ: князя Ивана Ѳедоровича Мстиславскаго, Никиты Романовича Юрьева, знаменитаго защитника Пскова, князя Ивана Петровича Шуйскаго, Богдана Яковлевича Бѣльскаго и Бориса Ѳедоровича Годунова. Послѣдній своимъ умомъ, государственными способностями, хитрою политикой и искусствомъ властвовать, пріобрѣлъ рѣшительный перевѣсъ надъ прочими членами Верховной Думы **) и, пользуясь неограниченнымъ довѣріемъ Ѳеодора, дѣлалъ все именемъ его, но собственною волею, особенно въ дѣлахъ внѣшнихъ. Поэтому и въ военныхъ дѣйствіяхъ, происходившихъ, въ продолженіе 14-лѣтняго царствованія Ѳеодора, главное руководство принадлежало лично Годунову. Одними изъ первыхъ военныхъ дѣлъ его были: обузданіе мятежныхъ черемисовъ въ бывшемъ Казанскомъ царствѣ и довершеніе покоренія Сибири, начатаго Ермакомъ.

Между тѣмъ, завоеватели Сибирскаго царства не правдно ждали добрыхъ вѣстей изъ Россіи: рѣкою Тавдою ходили въ землю Вогуличей

---

*) Впослѣдствіи служилъ въ русскихъ войскахъ полковымъ воеводою; въ 1590 году находился въ шведскомъ походѣ, въ 1598 году былъ съ царемъ Борисомъ въ Серпуховѣ.

**) Послѣ смерти боярина Никиты Романовича Юрьева (1586 г.).

и распространили власть свою до лѣсовъ и болотъ Пелымскихъ. Умноживъ такимъ образомъ число данниковъ, расширивъ свои владѣнія въ древней землѣ Югорской до рѣки Сосвы, Ермакъ возвратился въ Сибирскую столицу принять за славные труды отличную награду. Въ Искеръ прибыли Иванъ Кольцо съ товарищами и воеводы Болховской и Глуховъ, со стрѣльцами и ратниками, отправившіеся изъ Пермской области осенью 1583 года. Прибытіе воеводъ и ратниковъ обрадовало Ермака и казаковъ: царское „жалованье“ и подарки свидѣтельствовали имъ о снятіи опалы съ нихъ и о милости царя; а ратники подкрѣпили храбрую, но порѣдѣвшую въ бояхъ дружину героя, для дальнѣйшихъ предріятій. Однако, счастье Ермака и его сподвижниковъ не долго продолжалось,—вслѣдъ за тѣмъ начались испытанія и бѣдствія смѣлыхъ завоевателей. Послѣдніе, приняли съ честью прибывшихъ воеводъ и ратниковъ, одарили ихъ дорогими сибирскими мѣхами, но не озаботились сборомъ для нихъ и для себя продовольствія на зиму. Между пришельцами открылась жестокая цынга; страшные морозы и вьюги, препятствуя казакамъ ловить звѣрей и рыбу, мѣшали и доставленію хлѣба изъ окрестныхъ юртовъ, гдѣ нѣкоторые жители занимались скуднымъ земледѣліемъ. Явившійся голодъ усилилъ болѣзнь и смертность стрѣльцовъ и казаковъ; между многими умеръ и воевода Іоанновъ, князь Болховской, съ честью схороненный въ Искерѣ. Только съ весною миновали бѣдствія: теплота воздуха способствовала излѣченію больныхъ; подвозы доставили продовольственные припасы. Но зато съ весною же, явились другія бѣды: потерявъ почти половину воиновъ отъ голода и болѣзни, Ермакъ началъ нести значительную убыль въ силахъ отъ легковѣрія и неосторожности. Первый его атаманъ Иванъ Кольцо и съ нимъ 40 казаковъ, пали жертвою вѣроломства, въ улусѣ мурзы Карача на р. Тарѣ; послѣдній, покинувъ Кучума, коварно ласкалъ завоевателей, выражая покорность дарами, клялся въ вѣрности, но готовилъ измѣну и ждалъ лишь времени и случая, чтобы поднявъ инородцевъ, избавить отечество отъ пришельцевъ. Другой атаманъ, Михайловъ, подошедшій къ улусу для развѣдки, былъ также убитъ. Возставшіе данники наши, татары и остяки сибирскіе, соединились въ полѣ съ Карачею, и необозримыми кибитками обложили Искеръ, гдѣ Ермакъ, съ горстью сподвижниковъ, увидѣлъ себя въ тѣсной осадѣ: быстро было завоевано царство, но еще быстрѣе онъ могъ потерять его; изъ всего обширнаго царства онъ владѣлъ теперь только тѣмъ, что непосредственно занимала его дружина — нѣсколько саженей деревянной стѣны и земляныя укрѣпленія. Положеніе дружины стало труднымъ: дѣлать вылазки было опасно,— потеря каждаго казака или стрѣльца была невознаградима; производить стрѣльбу было безполезно, непріятель стоялъ въ 3 верстахъ, и стрѣльба изъ

легкихъ пушекъ Ермака не имѣла такой дальности; продолжительная осада крѣпости грозила голодною смертью защитникамъ ея. Къ счастью, отчаянная удачная вылазка атамана Мещеряка, съ частью отряда, выручила осажденныхъ изъ бѣды: 12 іюня, ночью, онъ прокрался сквозь обозы непріятеля къ стану Карачи, напалъ на сонныхъ татаръ, часть ихъ умертвилъ (въ томъ числѣ двухъ сыновей Карачи), другую обратилъ въ бѣгство. На разсвѣтѣ Карача собралъ своихъ татаръ и напалъ на казаковъ, засѣвшихъ въ захваченномъ княжескомъ обозѣ, надѣясь подавить ихъ числомъ; но казаки ружейною стрѣльбою отбили всѣ нападенія татаръ и въ полдень, съ торжествомъ, возвратились въ городъ, ими освобожденный, такъ какъ Карача, потерявъ надежду одолѣть казаковъ, ушелъ за р. Ишимъ. Такимъ образомъ, судьба еще благопріятствовала героямъ и спасла ихъ отъ неминуемой, казалось, гибели. Чтобы наказать врага и обезопасить себя на будущее время, Ермакъ съ слабою уже дружиною, въ 300 человѣкъ, двинулся вслѣдъ за Карачею, вверхъ Иртышемъ, распространить на востокъ владѣнія Россіи; въ эту послѣднюю экспедицію онъ повоевалъ всѣ мѣста до Ишима, взялъ нѣсколько городковъ, достигнулъ рѣки Шпша, гдѣ начинались голыя степи, и, распорядивъ дань въ этомъ новомъ завоеваніи, возвратился въ Искеръ съ трофеями, но уже послѣдними!

Около двухъ лѣтъ господствуя въ Сибири, казаки успѣли завести торговлю съ отдаленными азіатскими странами. Получивъ вѣсть отъ бухарскихъ купцовъ, что Кучумъ не пропускаетъ ихъ въ городъ Сибирь, Ермакъ поплылъ навстрѣчу имъ по Иртышу на судахъ, всего только съ 50-ю казаками и, не найдя ихъ, въ ночь съ 5-го на 6-е августа расположился на берегу Иртыша. Утомленные путемъ, казаки крѣпко заснули подъ шумъ вѣтра и лившаго дождя; между тѣмъ, на другомъ берегу бодрствовалъ противникъ; отыскавъ бродъ и переправившись черезъ рѣку подъ проливнымъ дождемъ, татары напали на сонныхъ казаковъ и всѣхъ ихъ перерѣзали, кромѣ двухъ: одинъ бѣжалъ въ Искеръ, другой, самъ Ермакъ, отразивъ убійцъ, бросился въ бурный глубокій Иртышъ и, не доплывъ до своихъ струговъ, утонулъ, отягченный стальною бронею, данною ему Іоанномъ.

Такъ кончилъ бурную жизнь этотъ сказочный герой! Благодарное отечество, предавъ забвенію его подвиги на Волгѣ, изгладило имя разбойника и нарекло его „Покорителемъ Сибири“.

Ермакъ погибъ; Мещерякъ съ оставшимися казаками оставилъ Сибирь, но русскимъ открытъ былъ путь въ завоеванное царство, и оно сдѣлалось скоро достояніемъ Россіи.

Уже въ слѣдующемъ году (1585) прибыли воеводы Мансуровъ, Сукинъ и Мясной и построили: первый—городокъ на Оби при устьѣ Иртыша, а послѣдніе — Тюмень; въ 1587 г. построенъ былъ городъ То-

больскъ. Сибирскіе князьки, въ томъ числѣ и Кучумъ, пытались было остановить это постепенное утвержденіе русскихъ въ краѣ, но терпѣли пораженія; русская колонизація его и построеніе городовъ: Пелыма, Березова, Сургута, Тары, Нарыма и Кетскаго острога—послужили вѣрнымъ средствомъ закрѣпленія новаго пріобрѣтенія за Московскимъ государствомъ.

Нашествіе крымскихъ татаръ.

Распространяя русскіе предѣлы на далекомъ сѣверо-востокѣ, правительство Ѳеодора продолжало осторожную политику предшественниковъ его по отношенію Крыма, и обороняло южныя границы государства, не внося войны въ предѣлы хищной орды. Безпрестанныя нападенія крымцевъ и угрозы Турціи отнять завоеванія Іоанна IV на берегахъ Волги заставляли Московское правительство обращать особенное вниманіе на югъ и ежегодно собирать значительныя силы на Окѣ. Съ 1584 до 1588 года крымскія шайки, иногда доходившія до 30—40 тысячъ коней, не разъ вторгались въ Украйну и хотя, послѣ пораженій отъ высылаемыхъ навстрѣчу имъ русскихъ войскъ, уходили въ степи, но лишь для того, чтобы снова явиться неожиданно и предать огню и мечу пограничныя области. Между тѣмъ ежегодно являвшаяся на берегахъ Оки русская рать, для угрозъ Крыму, могла потребоваться на западѣ, такъ какъ въ это время ожидали войны съ Баторіемъ; но обстоятельства благопріятствовали Россіи: запорожскіе и донскіе казаки, безпрестанно тревожили самихъ крымцевъ своими нападеніями со стороны Днѣпра и Дона; а въ Крыму въ это время происходили усобицы, послѣ убіенія хана Мегметъ-Гирея братомъ его Исламъ-Гиреемъ. Только послѣ смерти Ислама (въ 1588 году) возстановленъ былъ порядокъ въ Крыму преемникомъ его Казы-Гиреемъ. Послѣдній, вначалѣ относившійся дружелюбно къ Москвѣ, но раздражаемый постоянными нападеніями казаковъ и побуждаемый турецкимъ султаномъ воевать противъ Москвы, рѣшилъ обратиться, наконецъ, къ энергическимъ дѣйствіямъ. Весною 1591 года ханъ собрался въ походъ; не имѣя возможности скрыть своихъ чрезвычайныхъ вооруженій, Казы-Гирей обманулъ бдительность Московскаго правительства, объявивъ бывшему у него русскому послу Бибикову, что идетъ на Литву *). Всѣ улусы были въ сильномъ движеніи; всѣ способные носить оружіе садились на коней; къ крымцамъ присоединялись и ногайскіе полки Казыева улуса, и султанскіе изъ Азова и Акермана, съ огнестрѣльнымъ нарядомъ. Наступила весна, а Московское правительство не тревожилось, выславъ, по обыкновенію,

*) Здѣсь видимо повторено было событіе 1571 года, при Іоаннѣ Грозномъ, когда къ Москвѣ неожиданно направился ханъ Девлетъ - Гирей, какъ о томъ говорилось въ исторической повѣсти Н. Костомарова, подъ названіемъ „Кудеяръ“. *Ред.*

воеводъ къ береговой рати на Окѣ, въ Серпуховъ и Калугу. Еще въ маѣ разъѣзды наши не встрѣчали ни одного татарина на берегахъ Донца; а уже 26 іюня прискакали въ Москву гонцы съ вѣстью, что степь покрылась тучами ханскихъ полчищъ и что не менѣе 150 тысячъ крымцевъ идутъ къ Тулѣ, обходя крѣпости, нигдѣ не медля и не разсыпаясь для грабежа. Получивъ вѣсть, не медля послали указы воеводамъ всѣхъ полковъ, расположенныхъ, по обычаю, на Окѣ и въ украинскихъ городахъ съ приказаніемъ спѣшить къ Серпухову и соединиться съ главнымъ воеводою княземъ Мстиславскимъ, чтобы встрѣтить хана въ полѣ. Между тѣмъ на другой день, 27 іюня, получили новую вѣсть о быстромъ движеніи хана прямо къ Москвѣ; послали всѣмъ новое приказаніе поспѣшно идти къ Москвѣ, чтобы предупредить здѣсь хана. Главное войско наше стояло въ это время въ Новгородѣ и Псковѣ и наблюдало шведовъ; прибыть вóвремя къ рѣшительной битвѣ подъ Москвою оно, конечно, не могло; о немъ и не думали, стягивали лишь украинскія силы и полки съ береговъ Оки; Москву объявили въ осадномъ положеніи. Здѣсь спѣшили принять мѣры для обезпеченія столицы отъ погрома, подобнаго произведенному Девлетъ-Гиреемъ въ 1571 году; съ необыкновенною скоростью укрѣпили дальнія предмѣстья за Москвою рѣкою деревянными стѣнами; вооружили большими пушками городскія стѣны и башни; соорудили гуляй-городъ (на колесахъ) противъ Даниловскаго монастыря и вооружили его пушками. 1 іюля войска подошли къ Москвѣ и стали противъ Коломенскаго села, а на другой день отошли къ гуляй-городу. Между тѣмъ ханъ переправился черезъ Оку подъ Тѣшиловымъ (между Серпуховомъ и Каширой) и расположился на ночлегъ на р. Лопаснѣ, среди высокихъ кургановъ, славныхъ памятниковъ знаменитой побѣды и славы князя Михаила Воротынскаго (1572 г.). На пути къ Москвѣ ханъ разбилъ оставленный на р. Пахрѣ передовой отрядъ князя Бахтеярова-Ростовскаго (250 боярскихъ дѣтей) и 4 числа подошелъ къ Коломенскому. Еще наканунѣ полки наши, по приказанію главнаго воеводы, князя Ѳедора Ивановича Мстиславскаго, заняли гуляй-городъ. Къ вечеру 3-же числа пришла и царская дружина, а за нею явился къ войску и правитель царства, Борисъ Годуновъ, въ полномъ доспѣхѣ, подъ древнимъ великокняжескимъ знаменемъ. За правителемъ ѣхали бояре, дворяне и дѣти боярскіе, какъ бы за государемъ; первый въ царствѣ послѣ царя, встрѣченный и привѣтствуемый всѣми воеводами, Борисъ Годуновъ не взялъ однако начальства надъ войскомъ изъ рукъ знатнѣйшаго и болѣе опытнаго воеводы, князя Мстиславскаго, а удовольствовался вторымъ мѣстомъ въ большомъ полку, составивъ для себя воинскую думу изъ шести сановниковъ.

Съ разсвѣтомъ 4 числа русскіе увидѣли густыя ханскія толпы. Казы-Гирей, приблизясь къ Москвѣ, сталъ противъ села Коломенскаго

и, обозрѣвъ съ Поклонной горы русскій станъ, отрядилъ царевичей противъ московскаго обоза и войска. До сего все было тихо; какъ только татарская конница спустилась съ высотъ на равнину, воеводы приказали открыть пушечный огонь изъ гуляй-города и выслали отборныя сотни изъ каждаго полка, подъ начальствомъ головъ, и дружины литовскія и нѣмецкія съ ихъ ротмистрами, приказавъ имъ, по тогдашнему выраженію, *травиться* (схватываться) съ крымцами; главныя силы оставались въ городкѣ. Схватки эти продолжались цѣлый день до ночи, безъ рѣшительнаго успѣха. Крымцы, не любившіе такой *травли*, безъ всякой для нихъ пользы (т.-е. грабежа и добычи), кромѣ напраснаго урона, не рѣшались однако идти на приступъ гуляй-города, гдѣ сосредоточены были главныя силы съ пушечнымъ *нарядомъ*. А между тѣмъ русскіе плѣнники сообщили татарамъ, что къ Москвѣ пришли еще другія войска изъ Новгорода и Пскова и что воеводы хотѣли, не дожидаясь разсвѣта, ударить всѣми силами на крымцевъ. Ханъ могъ имъ и не вѣрить, но увидя, что Россія, несмотря на войну со шведами, имѣетъ значительныя силы для защиты столицы, рѣшилъ бѣжать, бросивъ свой обозъ, и—возможно скорѣе. Утромъ 5 числа уже не было видно непріятелей. Высланные за ними *скорые* (легкіе) полки наши не могли нагнать ихъ: ханъ быстро отступалъ со своей ордой, оставляя слѣдъ за собою брошенными обозами и запасами, и въ однѣ сутки достигъ р. Оки; только задніе отряды татаръ настигнуты были и разбиты подъ Тулою, а остатки ихъ—истреблены уже въ степяхъ. Главная рать также двинулась за передовыми войсками, но дошла только до Серпухова. Здѣсь, на Окѣ, остались младшіе воеводы, а старшіе воротились въ Москву и были щедро награждены Ѳеодоромъ, но болѣе всѣхъ—Борисъ Годуновъ: онъ и Мстиславскій, кромѣ другихъ подарковъ, получили медали золотыя португальскія, другіе—корабельники и червонцы венгерскіе. Кромѣ того, Годуновъ получилъ почетное званіе *слуги* государева, дававшееся немногимъ за заслуги государственныя. На мѣстѣ, гдѣ войско стояло въ укрѣпленіи, заложили каменную церковь Богоматери и монастырь, названный Донскимъ, отъ имени иконы, которая была съ Димитріемъ на Куликовомъ полѣ и съ Годуновымъ въ московской битвѣ. Для обезпеченія столицы отъ новыхъ приступовъ, возвели деревянныя стѣны съ башнями вокругъ всѣхъ московскихъ посадовъ *).

Нашествіе Казы-Гирея окончилось для него крайне жалко: войска его воротилось въ Крымъ не болѣе трети; добычи не привезли никакой, самъ ханъ 2-го августа пріѣхалъ въ Бахчисарай почью, въ телѣгѣ, раненый въ лѣвую руку. Однако, на слѣдующій годъ, татары вознаградили себя за этотъ неудачный походъ внезапнымъ нападеніемъ на рязанскія,

*) Стѣны заложены были въ 1591 году, окончены въ 1600 году. См. „Ист. Гос. Рос.“ Карамзина, т. X, примѣч. 271.

каширскія и тульскія земли, гдѣ все сдѣлалось жертвою ихъ мести и корыстолюбія.

Однако, неудачный походъ къ Москвѣ, смирилъ хана и онъ вошелъ въ мирные переговоры. Послѣдніе велись очень долго и съ ханомъ, и съ султаномъ, но не приводили ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Не успѣвъ войти въ тѣсную связь съ Турціей для обузданія Крыма, Борисъ Годуновъ старался оградить южныя русскія украины отъ крымскихъ нашествій и набѣговъ построеніемъ на нихъ крѣпостей (Ливны, Кромъ, Воронежа, Бѣлгорода, Оскола, Валуекъ), возстановилъ и укрѣпилъ опустѣвшіе съ XIII вѣка города (Курскъ и друг.) и устроилъ сильную засѣку отъ Брянска до Мурома.

Вражда, хотя и не открытая, съ Турціею скрѣпила дружественную связь Россіи съ Персіей, границы которой сходились съ Московскими. Еще при Іоаннѣ IV, до и послѣ покоренія Астрахани, начались сношенія Московскаго правительства съ прикавказскими владѣтелями и племенами, которые, враждуя между собою и одинаково боясь ногаевъ, крымцевъ и турокъ, искали покровительства Іоанна и предлагали ему свое подданство. Іоаннъ принялъ это сочувственно и построилъ крѣпость на Терекѣ, которую однако оставилъ потомъ по требованію султана, дабы не ссориться съ нимъ. При Ѳеодорѣ, сношенія эти продолжались и кахетинскій царь Александръ, въ 1586 г., принялъ подданство московскаго царя со всѣмъ своимъ народомъ. Ѳеодоръ, послав въ Кахетію священниковъ, монаховъ и пр., отправилъ туда также огнестрѣльный нарядъ и стрѣльцовъ, которые снова заняли исправленную Терскую крѣпость. Для обезпеченія новаго пріобрѣтенія и защиты Александра, котораго начали тѣснить другія кавказскія племена, пришлось послать даже значительную рать, подъ начальствомъ воеводы Хворостинина. Однако, войско это потерпѣло неудачу въ войнѣ съ горцами; вообще, Московское правительство еще не могло дѣятельно поддерживать отдаленныя владѣнія на Кавказѣ, хотя и включило въ царскій титулъ громкія названія: *Государя земли Иверской, Грузинскихъ царей и Кабардинской земли, Черкасскихъ и Горскихъ князей.*

Война съ Швеціей (1590—1593 гг.).

Принявъ всѣ нужныя и возможныя мѣры для охраненія Московскаго государства съ востока и юга со стороны татаръ, Борисъ Годуновъ обратилъ теперь особенное вниманіе на западныхъ сосѣдей, Швецію, Литву и Польшу, преграждавшихъ попрежнему доступъ Московскому государству къ гражданственности, образованности, наукамъ и искусствамъ западной Европы. Король польскій, Стефанъ Баторій, еще не переставалъ грозить войною, ближайшіе же къ Балтійскому морю древне-русскіе города: Ивангородъ, Ямъ и Копорье—составляли шведское владѣніе.

Смерть Баторія въ декабрѣ 1586 года выдвинула вопросъ о соединеніи Россіи, Польши и Литвы подъ скипетромъ Ѳеодора и кандидатуру на польскій престолъ Сигизмунда, сына шведскаго короля, Іоанна III Вазы, и эрцгерцога Максимиліана Австрійскаго. Избраніе Ѳеодора королемъ польскимъ, конечно, не могло состояться по многимъ причинамъ; борьба же между партіями, приверженными двумъ послѣднимъ кандидатамъ, окончилась въ пользу Сигизмунда, который и утвердился на польскомъ престолѣ въ 1587 году.

Царствованіе Сигизмунда III (1587—1632 гг.), пагубное для Польши, было не менѣе пагубно и для Московскаго государства, во время бѣдственныхъ для послѣдняго событій смутнаго времени и войнъ его съ Польшей и Швеціей. Переговоры о вѣчномъ мирѣ, съ тою и другою, не прекращались со времени заключенія перемирія съ ними послѣ осады Пскова, но вели только къ взаимному раздраженію.

Съ королемъ шведскимъ, Іоанномъ III, заключено было 4-хъ лѣтнее перемиріе, срокъ котораго истекалъ въ началѣ 1590 года. Вторичный съѣздъ пословъ на берегу Плюсы (въ сентябрѣ 1586 г.) остался безплоднымъ: шведы не согласились возвратить Россіи свои завоеванія, безъ чего Московское правительство не хотѣло слышать о мирѣ; раздраженія между сторонами росли: король шведскій жаловался, что русскіе тревожатъ набѣгами Финляндію, предавая здѣсь все огню и мечу; Московское правительство упрекало шведскихъ воеводъ разбоями въ областяхъ Заонежской, Олонецкой, на Ладогѣ и Двинѣ. Въ виду безплодности переговоровъ Московское правительство рѣшило наконецъ открыть войну со Швеціей, чтобы силою оружія возвратить отнятые шведами города и земли.

Въ январѣ 1590 года двинулось къ шведскимъ границамъ многочисленное русское войско, простиравшееся до 100 тысячъ при 300 орудіяхъ. Самъ Ѳеодоръ, конечно, по волѣ Годунова, сѣлъ на браннаго коня, чтобы оживить войско усердіемъ, и прекратить споры за мѣста между главными воеводами. Князь Ѳедоръ Мстиславскій, знатнѣйшій изъ родовыхъ вельможъ, начальствовалъ въ большемъ полку; Борисъ Годуновъ и Ѳедоръ Никитичъ Романовъ-Юрьевъ *), двоюродный братъ царя, находились при немъ, именуясь *ближними воеводами.* Походъ былъ удаченъ. Первымъ успѣхомъ было взятіе Яма, вторымъ—пораженіе близъ Нарвы княземъ Димитріемъ Хворостининымъ **) 20-ти тысячнаго корпуса шведскихъ войскъ, бывшаго подъ начальствомъ Густава Банера. Хотя послѣ того приступъ къ Нарвѣ былъ отбитъ, но шведы видѣли невозможность продолжать войну и 25-го февраля заключили перемиріе на одинъ годъ, уступивъ Ямъ, Ивангородъ и Копорье.

*) Впослѣдствіи—патріархъ Филаретъ.

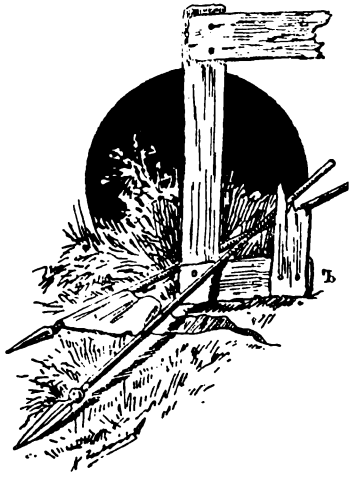
**) Начальствовалъ передовымъ полкомъ.

Военныя дѣйствія возобновлены были шведами въ началѣ 1591 года неудачной осадой Ивангорода, послѣ чего заключено было въ январѣ перемиріе на 12 лѣтъ. Однако, шведскій король не утвердилъ заключенный договоръ и, въ надеждѣ на союзъ съ крымскимъ ханомъ, приказалъ начальникамъ своихъ войскъ возобновить военныя дѣйствія. Въ концѣ зимы 1591 года, шведскія войска сожгли селенія близъ Ямa и Копорья, а лѣтомъ разбили передовой полкъ князя Долгорукова, причемъ послѣдній былъ взятъ въ плѣнъ. Съ другой стороны шведы напали на берега Бѣлаго моря, но безъ всякаго успѣха. Въ слѣдующемъ 1592 году, въ отмщеніе шведамъ, русскіе воеводы разорили Финляндію около Выборга и Або. Между тѣмъ, въ концѣ этого года, умеръ король шведскій Іоаннъ III; король польскій Сигизмундъ III сталъ и королемъ шведскимъ, но не надолго. Ревностный католикъ, Сигизмундъ III возбудилъ противъ себя общее неудовольствіе народа явною враждою къ протестантству и нарушеніемъ условій, данныхъ государственнымъ чинамъ Швеціи передъ коронаціей. Уѣхавъ въ Польшу, Сигизмундъ оставилъ правителемъ въ Швеціи дядю своего, герцога Карла Зюдерманландскаго (1594 г.). Послѣдній успѣлъ пріобрѣсти народную любовь и, занятый внутренними дѣлами, готовясь къ разрыву съ Сигизмундомъ, желалъ скорѣйшаго заключенія мира съ Россіей; того же желалъ и Сигизмундъ, охладѣвшій къ пользамъ враждебной ему протестантской Швеціи. Въ такихъ обстоятельствахъ, въ 1595 году, заключенъ былъ вѣчный миръ между Россіей и Швеціей, по которому Россія возвратила Ямъ, Ивангородъ, Копорье и Корелу.

ГЛАВА XIV.

Состояніе военнаго дѣла на Руси при царяхъ Іоаннѣ IV Васильевичѣ и Ѳедорѣ Іоанновичѣ.

Развитіе помѣстной системы при Іоаннѣ IV; ея основаніе и значеніе.—Порядокъ военной организаціи и формированіе войскъ.—Дворянскіе дѣти и даточные люди.—Посошные люди.—Учрежденіе стрѣльцовъ, какъ постояннаго войска.—Служилые люди по спеціальностямъ.—Вспомогательныя войска и казаки.—Усиленіе пограничной (засѣчной) стражи и иноземныя, наемныя войска. — 2. Составъ войскъ. — *Конница.* — Царскій полкъ, Московскіе и городовые дворяне и *жильцы*. — Рынды (тѣлохранители . — Боярскія дѣти. — Холопы. — Прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ. — Мурзы и князья татарскіе.—Городовые казаки.—Конные даточные люди.—Казаки стремянные. *Пѣхота.*—Учрежденіе постояннаго стрѣлецкаго войска въ 1550 году, (пѣшаго и коннаго).—Пѣшіе городовые казаки, и пѣшіе даточные люди.—Наемные и иноземные люди въ пѣхотѣ.—Войска на постоянномъ жалованьѣ.—*Одежда* и *вооруженіе* конницы и пѣхоты.—*Ручное огнестрѣльное оружіе.*—*Артилерія* и литейное и пороховое дѣло на Руси въ разсматриваемый періодъ.—Управленіе артилеріей.—3. Сторожевая пограничная служба.—Сторожевой уставъ 1571 года.—4. Внутреннее устройство войскъ въ мирное и военное время.—Содержаніе войска.—Жалованье и продовольствіе.—Награды за службу.—Приказы—разрядный, стрѣлецкій и пушечный.—Воеводы, головы.—Сотники, пятидесятники и десятники.—Назначеніе постояннаго жалованья войскамъ.—5. Состояніе военно-инженернаго искусства въ Россіи въ XVI столѣтіи.—Система обороны государства при посредствѣ укрѣпленныхъ городовъ.—Распредѣленіе послѣднихъ по границамъ и внутри государства.—Оборонительныя ограды укрѣпленныхъ городовъ.—Военные строители. —Полевое военное искусство. — Система укрѣпленія Москвы.—Устройство разнаго вида оградъ и башенъ.—Гуляй-городъ.—6. Сборъ войскъ (конницы).—Походныя движенія. — Боевой порядокъ и образъ дѣйствій войскъ въ бою.—Атака и оборона укрѣпленныхъ городовъ. — Характеръ веденія войнъ въ разсматриваемый періодъ.



1. Порядки образованія вооруженныхъ силъ.

Ъ постепеннымъ уничтоженіемъ удѣловъ и утвержденіемъ единовластія на Руси въ лицѣ великаго князя Московскаго, устройство вооруженныхъ силъ государства принимало болѣе опредѣленный видъ. Въ княженіе Іоанна III впервые проявляется мысль учрежденія у насъ постоян-

наго войска. Раздачею помѣстій дѣтямъ боярскимъ съ обязательствомъ послѣднихъ являться, въ случаѣ войны, въ назначенное мѣсто и въ опредѣленный срокъ съ извѣстнымъ числомъ ратниковъ, попыткою образованія иноземныхъ наемныхъ дружинъ, созданіемъ хотя какой-нибудь артилеріи, принятіемъ на службу иностранныхъ инженеровъ, „*размысловъ*“; наконецъ раздѣленіемъ войскъ на полки и разряды (1471 г.)— всѣми этими мѣрами Іоанна III, дано было опредѣленное устройство вооруженнымъ силамъ, положено первое основаніе военной системы въ до-Петровской Руси. Преемники Іоанна III продолжали дѣло въ данномъ имъ направленіи. Іоаннъ IV значительно развилъ устройство вооруженныхъ силъ; при немъ, окончательно установилась военно-помѣстная система службы и войска, продержавшаяся до Великаго Преобразователя Россіи. Іоаннъ IV яснѣе и точнѣе опредѣлилъ службу, которую должны были нести лица (потомки бояръ), принадлежавшія, по самому своему рожденію, къ служилому сословію. Усмотрѣвъ, что—„нѣкоторые вельможи и всякіе воины многими землями завладѣли, а службою оскудѣли, и служба ихъ не противъ государева жалованья и вотчинъ“, государь уравнялъ изъ землею, соразмѣрно достоинствамъ и заслугамъ каждаго; въ виду сего отнялъ у нѣкоторыхъ лишнюю землю и далъ неимущимъ и установилъ службу съ помѣстьевъ и вотчинъ боярскихъ. Въ 1550 году онъ раздалъ помѣстья дѣтямъ боярскимъ, лучшимъ слугамъ, 1000 человѣкъ на пространствѣ 60—70 верстъ отъ Москвы. Этою мѣрою главныя и лучшія вооруженныя силы государства были сосредоточены въ окрестностяхъ Москвы.

Установивъ службу по мѣстностямъ, Іоаннъ IV опредѣлилъ (въ 1556 г.) число ратниковъ, которое каждый помѣщикъ обязанъ былъ приводить съ собою по первому востребованію, или выставлять на свой счетъ, и вооруженіе этихъ ратниковъ и самихъ помѣщиковъ. Вслѣдствіе сего владѣлецъ каждыхъ 100 четвертей угожей (доброй) земли *) долженъ былъ вести съ собою въ походъ, или выставлять, на свой счетъ, одного ратника на конѣ и въ полномъ доспѣхѣ, или о двухъ коняхъ, если надлежало идти въ дальній походъ. На время похода Іоаннъ IV назначилъ помѣщикамъ, на опредѣленное закономъ число людей, денежное жалованье, а тѣмъ изъ нихъ, которые выставляли на службу лишнихъ ратниковъ противу опредѣленнаго, большое жалованье отъ государя имъ самимъ, а лишнимъ людямъ въ „полтретья“ деньгами (въ $2^1/_2$ раза меньше).

---

*) Подъ названіемъ *четверти* разумѣлось такое пространство земли, на засѣвъ котораго нужна была четверть ржи; слѣдовательно, четверть равнялась приблизительно полудесятинѣ. Но четверть употреблялась не для геометрическаго опредѣленія мѣры земли, а въ видѣ кадастра, для примѣрнаго исчисленія поземельныхъ доходовъ, служившаго для раскладки податей и повинностей. Для измѣренія же пространства земли употреблялись десятины.

Все, что касалось помѣстной военной службы, было опредѣлено законами, какъ-то: отставки отъ службы за старостью, болѣзнію, ранами и увѣчьями, замѣна отставленныхъ сыновьями и внуками ихъ (верстаніе помѣстьями) и проч. Освобожденнымъ отъ службы давалась *отставленная* грамота; на ихъ мѣсто назначались въ службу ихъ сыновья и внуки; если они были еще малолѣтны, то давалась имъ отсрочка на извѣстное число лѣтъ.

Вмѣстѣ съ опредѣленіемъ порядка службы былъ изданъ законъ о смотрахъ на сборныхъ пунктахъ служилымъ людямъ, кто какъ явился: *конемъ, люденъ и оруженъ*, и опредѣленъ порядокъ поступленія вновь на службу. Когда у служилаго человѣка сыновья достигали 15 лѣтъ, то они или *припускались* къ отцу въ помѣстье, или жаловались помѣстьемъ *въ отводъ* отъ отца. Въ послѣднемъ случаѣ дворянинъ назывался *новикъ*, а помѣстный окладъ его—*новичій окладъ*. Когда служилый человѣкъ, вслѣдствіе умноженія семейства, билъ челомъ, что ему съ прежняго помѣстья служить нельзя, то показанія челобитной повѣрялись (явочнымъ спискомъ, писцовыми отдѣльными и приправочными книгами), и затѣмъ дѣлалось распоряженіе о прибавкѣ или раздѣлѣ помѣстья. За неявку или укрывательство отъ службы, или, какъ тогда говорилось, за *нѣтье*, дворяне лишались своихъ помѣстій, въ случаѣ непредставленія ими законной причины неявки.

Такимъ образомъ, главною основною частью русскаго войска было многочисленное сословіе *дворянъ* и *дѣтей боярскихъ*, владѣвшихъ землями съ крестьянами, на правѣ вотчинномъ и помѣстномъ, и съ обязанностью нести военную службу.

На время войны собирали ратныхъ людей также съ тяглыхъ, а иногда нетяглыхъ посадскихъ и съ крестьянскихъ дворовъ разныхъ вѣдомствъ; это такъ называемые *даточные люди*, набиравшіеся и пѣшими, и конными.

По покоренiи Пскова и Новгорода, съ нихъ брали пѣшихъ и конныхъ ратниковъ, по ихъ обычаю — *по сохамъ*, почему они и назывались *посошными людьми*. Учрежденіемъ пѣшихъ *стрѣльцовъ* въ русскомъ временномъ и, почти исключительно, конномъ войскѣ, Іоаннъ IV положилъ первыя начала постоянной пѣхоты на жалованьѣ. Для службы при *нарядѣ* (пушкахъ) образованъ былъ особый родъ служилыхъ людей: пушкарей, кузнецовъ, плотниковъ и пр. Вооруженныя силы умножились при Іоаннѣ IV также вслѣдствіе завоеванія Казанскаго и Астраханскаго царствъ и принятія подъ покровительство Руси *донскихъ казаковъ*. Вслѣдствіе сего въ составѣ русскаго войска являются уже, кромѣ дворянъ, дѣтей боярскихъ, стрѣльцовъ и городовыхъ казаковъ, *вспомогательныя войска* татаръ, различныхъ прежнихъ данниковъ ихъ и казаковъ. Слѣдуетъ еще упомянуть о такъ называемой *пограничной*

(*засѣчной*) *стражъ*, имѣвшей назначеніемъ оборону границъ отъ нападеній татаръ и другихъ сосѣднихъ народовъ, и получившей болѣе правильное устройство также при Іоаннѣ IV. Наконецъ, въ составъ русскаго войска входили небольшіе иноземные отряды.

Слѣдствіемъ всѣхъ мѣръ царя Іоанна IV по устройству вооруженныхъ силъ Россіи было то, что послѣднія были приведены въ извѣстность и почти удвоены. Выставивъ въ Казанскій походъ 1552 года 150.000 воиновъ, Московское правительство, черезъ нѣсколько лѣтъ, могло вывести въ поле уже около 300.000 войскъ, что значительно превосходило число войскъ, которое въ то же время могли выставлять большія западно-европейскія государства: Германія, Франція, Польша и др.

Изъ изложеннаго видно, что составъ русскихъ вооруженныхъ силъ въ это время былъ крайне разнообразенъ, какъ по порядкамъ ихъ образованія, такъ и по качествамъ; однако, онѣ заключали уже въ себѣ всѣ 3 рода оружія: пѣхоту, кавалерію и артилерію, къ разсмотрѣнію которыхъ въ отдѣльности мы теперь и перейдемъ.

2. Составъ войскъ; ихъ одежда и вооруженіе:

Конница.

Со введеніемъ и постепеннымъ развитіемъ военно-помѣстной службы число конницы въ русскомъ войскѣ значительно и быстро возрастаетъ, такъ какъ военно-помѣстное ополченіе становится почти исключительно коннымъ. Но, кромѣ дворянъ и дѣтей боярскихъ, къ составу русской конницы принадлежали еще новокрещенные, мурзы и татарскіе князья, казаки и даточные люди.

Первый и самый важный разрядъ русской конницы составляли дворяне. Къ нимъ принадлежали всѣ княжескія и древнія боярскія фамиліи. Со временъ Іоанна IV дворяне раздѣлялись на московскихъ дворянъ, жильцовъ и городовыхъ дворянъ.

Московскіе дворяне стояли выше другихъ и имѣли многія преимущества. Они пользовались бо́льшимъ окладомъ въ помѣстьяхъ, получали главное начальство въ войскахъ и высшія гражданскія должности въ Москвѣ и по управленію областями; имъ же давались вообще наиболѣе важныя порученія по гражданскимъ и дипломатическимъ дѣламъ. Московскіе дворяне, впрочемъ не всѣ, вмѣстѣ съ *жильцами*, составляли царскій полкъ, который и сопровождалъ государя на войну, когда онъ самъ участвовалъ въ походѣ. Иногда часть царскаго полка посылалась въ походъ и при воеводахъ: такъ, въ составъ рати, отправленной подъ Астрахань въ 1554 году, входило много дворянъ царскаго дома и жильцовъ царевыхъ. Числительность царскаго полка была различна: подъ Казанью, въ 1552 году, царскій полкъ состоялъ болѣе

нежели изъ 20 тысячъ „избранныхъ воиновъ“ *), а при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ въ составъ его входило 15 тысячъ, отборныхъ всадниковъ **).

Жильцами назывались лучшіе выборные люди изъ *городовыхъ дворянъ*; они присылались изъ городовъ въ Москву по наряду для отправленія разныхъ воинскихъ должностей, на положенный полугодичный срокъ, по окончаніи котораго высылались другіе очередные. Учрежденіе жильцовъ принадлежитъ также Іоанну IV. Въ жильцы назначались болѣе зажиточные извѣстныхъ фамилій *городовые дворяне*, или же заслужившіе этотъ почетъ своими личными качествами — храбростью на войнѣ, расторопностью, красивой наружностью. Жильцы получали за свою службу помѣстные оклады и вотчины, одинаковые съ московскими дворянами, и, вообще, пользовались многими выгодами, предоставленными этимъ послѣднимъ; лучшіе изъ нихъ входили въ составъ царскаго полка, составляя особыя *жилецкія сотни*.

Говоря о царскомъ полку изъ московскихъ дворянъ и *жильцовъ*, умѣстно будетъ упомянуть о *рындахъ*. Учрежденные великимъ княземъ Василіемъ III и почти всегда избиравшіеся изъ стольниковъ, рынды, были непосредственными, неотлучными тѣлохранителями государей. Въ военное время, если самъ государь отправлялся въ походъ, они и помощники ихъ — *подрынды* — слѣдовали за нимъ въ качествѣ оруженосцевъ, т.-е. имѣли на своей отвѣтственности его оружіе: „большой саадакъ, большое копье, другой саадакъ, другое копье и сулицу, третій саадакъ, рогатину и доспѣхъ“. Въ походахъ рынды вооружались неодинаково, такъ какъ въ вооруженіи войскъ вообще не было однообразія; въ мирное же время оружіемъ ихъ были: *шестоперы, мечи и топоры*.

Городовые дворяне, вѣроятно, происходили отъ дружинъ удѣльныхъ князей. Живя по своимъ роднымъ городамъ, они пользовались меньшими выгодами и правами противъ московскихъ дворянъ: менѣе получали помѣстнаго оклада и не занимали высшихъ должностей на службѣ военной или гражданской.

Послѣ дворянъ въ русской конницѣ слѣдовали *дѣти боярскія*, также владѣвшіе помѣстьями и вотчинами, за которыя обязывались службою какъ лично сами, такъ и своими людьми по количеству помѣстной земли ***). Этотъ классъ служилыхъ людей, вѣроятно, составленъ

---

*) См. сказанія кн. Курбскаго.

**) *Флетчеръ:* о Русскомъ государствѣ.

***) Московскія боярскія дѣти по размѣрамъ помѣстнаго оклада, даннаго имъ Іоанномъ IV въ 1550 году, раздѣлялись на 3 статьи: первая статья получала помѣстье, равное съ боярскимъ и окольническимъ, а именно—по 200 четвертей пашни; второй статьѣ дано было—по 150 четвертей и третьей статьѣ—по 100 четвертей и, кромѣ того, каждой статьѣ—по столько же копенъ сѣнныхъ покосовъ. Дѣти боярскія другихъ городовъ, получившія помѣстья въ Московскомъ уѣздѣ, раздѣлены были на двѣ статьи: первая получала такое же помѣстье, какъ вторая московская, а вторая статья — соразмѣрно третьей московской.

изъ старинныхъ воинскихъ дружинъ, принадлежащихъ собственно городу, а не князю *). Въ мирное время боярскія дѣти отправляли разныя полицейскія должности, а жившія въ пограничныхъ городахъ несли пограничную сторожевую службу и обязаны были оборонять пограничные города, вмѣстѣ съ городовыми дворянами, въ случаѣ нечаяннаго набѣга ордынцевъ.

Служители дворянъ носили имя холоповъ и были: доставшіеся или купленные отъ кого-нибудь, или продавшіеся сами въ холопство, или приписанные къ сельскому помѣстью дворянина.

Вольные крестьяне помѣщика могли переходить къ другому одинъ разъ въ году, а именно — за недѣлю до 26-го числа ноября (Юрьева дня) и недѣлю спустя послѣ этого срока. Эти переходы крестьянъ отъ одного помѣщика къ другому были весьма часты: при обиліи земли и недостаткѣ рабочихъ рукъ, богатые землевладѣльцы старались переманивать къ себѣ вольныхъ крестьянъ съ земель бѣдныхъ вотчинниковъ и помѣщиковъ. Но эти выгоды крупныхъ землевладѣльцевъ шли въ разрѣзъ съ интересами государства, одною изъ главныхъ потребностей котораго было умноженіе войска; служилые люди—дворяне и дѣти боярскіе—могли являться на службу въ полной исправности, *конны, людны* и *оружны*, только при условіи полученія съ земельнаго участка надлежащаго дохода, который обусловливался рабочею силою, постояннымъ народонаселеніемъ на этомъ участкѣ. Между тѣмъ, болѣе богатые помѣщики, переманивая къ себѣ разными льготами крестьянъ отъ помѣщиковъ небогатыхъ, разоряли послѣднихъ и тѣмъ ставили ихъ въ невозможность явиться на службу по ихъ помѣстному окладу. Переходы крестьянъ обратили на себя вниманіе Московскаго правительства по смерти Іоанна IV, и при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ послѣдовало запрещеніе ихъ и прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ.

Третій разрядъ русской конницы составляли *новокрещены, мурзы и князья татарскіе*, бывшіе на службѣ Московскаго государя и имѣвшіе свои помѣстья и вотчины **); они пользовались почти одинаковыми правами съ боярскими дѣтьми и городовыми дворянами, и на время похода получали жалованье по статьямъ. Этотъ же отдѣлъ войска состоялъ изъ воинственныхъ жителей покоренныхъ татарскихъ царствъ—Казанскаго, Астраханскаго и другихъ.

Четвертый разрядъ русской конницы составляли *городовые казаки*. Впервые имя казаковъ, именно рязанскихъ, встрѣчаемъ при Василіи III въ 1444 году. Первоначально они образовались, вѣроятно, въ городахъ, лежавшихъ на границѣ Россіи съ татарами и набирались (и

*) И. Бѣляевъ: о русскомъ войскѣ въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича.

**) И. Бѣляевъ: о русскомъ войскѣ. Арцыбашевъ: повѣствованіе о Россіи, т. II, кн. IV, стр. 220. Акты Арх. Экспед., т. I, № 245.

при Іоаннѣ IV) изъ вольныхъ нетяглыхъ людей, большею частью изъ безземельныхъ батраковъ. При Іоаннѣ IV казаки начали получать въ пограничныхъ мѣстахъ помѣстныя земли *) по статьямъ, кто въ которую годенъ. Пользуясь правами украинскихъ боярскихъ дѣтей, они обязаны были являться на службу, какъ помѣщики, на своемъ содержаніи, со своимъ вооруженіемъ и лошадьми; они же несли постоянную службу пограничную, сторожевую и, въ случаѣ нечаяннаго набѣга ордынцевъ, должны были защищать украинскіе города. Были казаки и безпомѣстные, жившіе во внутреннихъ городахъ и состоявшіе на правахъ стрѣльцовъ.

Въ царствованіе Іоанна IV городовые казаки вѣдались, вмѣстѣ со стрѣльцами, *Стрѣлецкимъ приказомъ*, гдѣ имъ велись особые списки и книги.

Послѣдній разрядъ русской конницы составляли *даточные люди*, набиравшіеся на время войны съ тяглыхъ, а иногда и нетяглыхъ посадскихъ и съ крестьянскихъ дворовъ разныхъ вѣдомствъ. Размѣръ набора ихъ не былъ опредѣленъ разъ навсегда; они требовались въ мѣрѣ дѣйствительной надобности. Въ 1545 году, по случаю сбора войскъ подъ Казань, приказано было нарядить съ Новгорода и пригородовъ: съ бѣлыхъ съ нетяглыхъ дворовъ, съ каждыхъ трехъ дворовъ по человѣку, да съ тяглыхъ, съ пяти дворовъ, по человѣку, а всего съ 9.124 дворовъ 1973 человѣка на коняхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ приказано было нарядить съ Новгородскихъ же посадовъ и пригородовъ 2.000 пищальниковъ, одну половину на коняхъ, а другую пѣшихъ **). Вооруженіе, лошадей и содержаніе даточные люди получали отъ тѣхъ городовъ и волостей, изъ которыхъ они набирались; тѣмъ же *разметнымъ списком*ъ 1545 года требовалось, чтобы даточные люди были на коняхъ, въ сермягѣ или однорядкѣ, съ ручною пищалью. Возрастъ даточныхъ людей не былъ опредѣленъ; срокъ службы ихъ соразмѣрялся съ настоящею нуждою и съ продолжительностью войны.

Казаки.

Наконецъ, въ составѣ русскаго коннаго войска при Іоаннѣ IV и его преемникѣ появляются донскіе, яицкіе и малороссійскіе казаки (черкасы).

Время появленія казаковъ на Руси не можетъ быть опредѣлено въ точности. Можно полагать, что еще во времена владычества татаръ, во многихъ пограничныхъ городкахъ появились вольныя общины казаковъ, которыя впослѣдствіи и составили первое постоянное, и всегда готовое

*) И. Бѣляевъ: о сторожевой, станичной и полевой службѣ, примѣчанія 7, 9, 38 и 49.

**) 1545 года „Разрядный и разметный списки о сборѣ съ Новгорода и Новгородскихъ пятинъ ратныхъ людей и пороха, по случаю похода Казанскаго". См. Акты Арх. Экспед., томъ I, № 205.

для службы войско, подъ именемъ казаковъ городовыхъ. По уничтоженіи татарскаго ига, и съ расширеніемъ предѣловъ Московскаго государства, страна, отъ устьевъ Дона до Воронежа, представляла степь, по которой бродили разноплеменныя шайки для добычи и грабежа. Сюда-то и начали постепенно стекаться энергичные и предпріимчивые люди, всѣ, которымъ было тѣсно дома, искатели приключеній, простора и свободы. Образовавшееся изъ этихъ людей казачество, мало-по-малу, начало селиться въ обширной степи, отъ южныхъ береговъ Волги, черезъ Донъ до Днѣпра, и, встрѣтивъ на „полѣ“ бродившіе остатки татарскихъ наѣздниковъ, частію разогнало ихъ, а частію присоединило къ себѣ; живя вполнѣ самостоятельно, эта вольница промышляла больше грабежомъ, нападала на враговъ, часто—и на своихъ, а затѣмъ явилась новымъ дѣятелемъ на поприщѣ исторіи.

Собственно о донскихъ казакахъ въ первый разъ упоминается въ 1549 году, въ жалобѣ ногайскаго князя Юсуфа царю Іоанну IV, изъ которой видно, что казаки на Дону укрѣпились городками, въ трехъ или четырехъ мѣстахъ, и открыли свои дѣйствія противъ ногаевъ. Царь отвѣчалъ, что на Дону, безъ вѣдома его, живутъ бѣглые люди, и совѣтовалъ самому Юсуфу изловить ихъ для наказанія, но подъ рукою, при случаѣ, увѣрялъ казаковъ въ своей милости, обѣщалъ жалованье и требовалъ услугъ. Этимъ покровительствомъ онъ снискалъ въ нихъ вѣрныхъ союзниковъ и полезныхъ стражей южныхъ русскихъ предѣловъ отъ крымскихъ татаръ. Въ 1554 году, при покореніи Астрахани, донскіе казаки являются, впервые, въ рядахъ русскаго войска; затѣмъ они помогали Іоанну IV въ войнахъ его съ Крымомъ. Смѣлыя и удачныя дѣйствія ихъ со стороны Днѣпра и Дона противъ Крыма и Азова *) нагнали панику на крымскаго хана Девлетъ-Гирея и вызвали жалобы какъ послѣдняго, такъ и Турецкаго султана. Но Іоаннъ IV и Ѳеодоръ Іоанновичъ не только оставляли эти жалобы, подъ разными благовидными предлогами, безъ вниманія, но покровительствовали казакамъ и поощряли ихъ: посылали похвальныя грамоты, оружіе, порохъ, свинецъ; давали имъ денежное жалованье и дозволяли свободный пріѣздъ въ пограничные и внутренніе города русскіе и торговлю въ нихъ. Точно также донскіе казаки участвовали въ составѣ русскихъ войскъ въ Ливонскомъ походѣ 1577 года и въ войнѣ съ Баторіемъ въ 1579 году **).

Между тѣмъ, число казаковъ безпрерывно увеличивалось новыми пришельцами, искавшими богатой добычи и жизни независимой, охотниками дѣлить опасности войны. Видя себя усиленными, они уже не ограничивались дѣйствіями въ занятомъ ими на Дону пространствѣ, а

*) Предпріятія дьяка Ржевскаго, атамана Чулкова, князя Вишневецкаго и Даніила Адашева.

**) Древн. Рос. Вивліоф., ч. XIV, стр. 349—357: *Разрядъ* 1578 года.

начали отдѣлять отъ себя дружины всюду, гдѣ надѣялись пріобрѣсти богатую добычу отъ чужихъ, а подчасъ и отъ своихъ. По Волгѣ и за Волгой бродили еще остатки разныхъ ордъ; сюда стекались казаки, въ надеждѣ на богатую добычу, и образовали общество волжскихъ казаковъ. Одна дружина ихъ, съ атаманомъ Нечаемъ, устремилась за Волгу, разграбила жившихъ тамъ ногайцевъ, разорила ихъ столицу Сарайчикъ, и основалась постоянно на рѣкѣ Яикѣ (около 1584 года), положивъ тѣмъ начало городу Уральску и Яицкому (нынѣ Уральскому) казачьему войску. Съ 1591 года они уже служатъ въ рядахъ русскихъ войскъ: въ наказѣ астраханскому воеводѣ князю Сицкому велѣно было собрать для похода на Шевкала татарскаго 1.000 человѣкъ волжскихъ казаковъ и 500 яицкихъ. Другая дружина волжскихъ казаковъ, подвигаясь по западному берегу Каспійскаго моря, остановилась на Терекѣ и образовала впослѣдствіи Терекское (Терское) казачье войско; а третья, съ Ермакомъ, направилась, какъ мы видѣли, въ Сибирь и послужила началомъ сибирскихъ казаковъ.

Въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича, въ московскую службу, а именно украинскую сторожевую, начали поступать *черкасы* или *малороссійскіе казаки*. Малороссіяне и прежде служили Московскимъ государямъ, напримѣръ князь Дмитрій Вишневецкій служилъ, какъ мы видѣли, царю Іоанну IV въ 1550-хъ годахъ. Но тогда малороссіяне служили какъ союзники; со времени же царя Ѳеодора многіе изъ нихъ стали поступать въ московскую службу, принимая на себя всѣ обязанности коренныхъ московскихъ служилыхъ людей, верстанье помѣстьями, получая по статьямъ, кто въ которую годенъ, и подчиняясь всѣмъ правиламъ *Разряднаго приказа* *).

Въ заключеніе очерка о составѣ русскаго коннаго войска во второй половинѣ XVI столѣтія замѣтимъ, что при Іоаннѣ IV временно были на службѣ нѣмецкія (ливонскія) конныя дружины Фаренсбаха и принца датскаго Магнуса; дружина Фаренсбаха участвовала, между прочимъ, въ Молодинской битвѣ (1572 года) съ крымскими татарами, въ составѣ рати боярина Воротынскаго, а затѣмъ, въ томъ же году, въ походѣ Іоанна въ Ливонію.

Былъ еще одинъ родъ коннаго войска, это *стремянные*, составлявшіеся изъ отборныхъ стрѣльцовъ, учрежденныхъ въ 1550 году, и опричники, учрежденные въ 1565 году.

Послѣ побѣга кн. Курбскаго, и нескончаемыхъ казней, производимыхъ въ Москвѣ, Іоаннъ IV былъ постоянно въ тревогѣ за свою личную безопасность въ столицѣ, гдѣ столько имъ было пролито крови. Вездѣ и во всемъ онъ видѣлъ измѣну и измѣнниковъ. Поэтому, въ 1565 году, окруженный своими тѣлохранителями и военной силой, онъ переѣхалъ на жительство въ Александровскую слободу, въ крѣпость, обнесенную прочной оградой и съ сторожевыми караулами. Причиною своего удаленія изъ Москвы Іоаннъ выставлялъ измѣну бояръ, не желая «ихъ многихъ измѣнныхъ дѣлъ терпѣти». Въ то же

*) *И. Бѣляевъ:* „О сторожевой службѣ. Акты Историч.“, т. 1, № 228.

время онъ объявилъ, что не имѣетъ никакой опалы на простой народъ и торговое сословіе. Этимъ онъ хотѣлъ вооружить послѣднихъ, собственно, противъ дворянъ, и достигъ своей цѣли. Народъ, съ духовенствомъ во главѣ, снарядилъ громадную депутацію, которая, въ видѣ торжественнаго шествія, отправилась въ Александровскую слободу умолять царя возвратиться въ столицу. Іоаннъ согласился, но объявилъ, что возвратится не иначе какъ на условіяхъ, о которыхъ скажетъ потомъ. Іоаннъ, дѣйствительно, возвратился вскорѣ въ Москву и потребовалъ учрежденія при своей особѣ особыхъ тѣлохранителей, на особыхъ исключительныхъ правахъ. Эти тѣлохранители получили и новое названіе—*опричниковъ*.

Можно полагать, что это своеобразное названіе было воспроизведено отъ извѣстнаго слова—*опричь*. Въ обыкновенномъ смыслѣ рѣчи оно было равнозначуще со словами—*кромѣ* того, *сверхъ* того, *за исключеніемъ* чего. Поэтому слово *опричникъ* обозначало нѣчто *особое, исключительное,* не подходящее подъ общій законъ и имѣвшіяся постановленія.

Въ этомъ смыслѣ, т. е. *внѣ закона*, дѣйствительно, и были сформированы опричники.

Для первоначальнаго образованія ихъ Іоаннъ отобралъ, по выбору, часть бояръ, приказныхъ, служилыхъ и дворовыхъ людей и придалъ къ нимъ еще 1.000 чел. выбранныхъ изъ князей, дворянъ и дѣтей боярскихъ, дворовыхъ и городовыхъ. Этотъ отборный отрядъ, численностью до 2.000 чел., и послужилъ основаніемъ опричины.

Цѣль Іоанна была ясна. Онъ хотѣлъ создать себѣ стражу, на которую могъ бы смѣло положиться. А для этого нужно было, во-первыхъ обставить жизнь опричника въ возможно лучшія матеріальныя и служебныя условія, какихъ они нигдѣ, и ни при какихъ условіяхъ, найти не могли помимо опричины.

Затѣмъ, поставить опричниковъ въ условія, враждебныя всѣмъ другимъ сословіямъ, съ цѣлью совершеннаго отдѣленія ихъ отъ народа; сдѣлать ихъ ненавистными этому народу, и поддерживать ихъ, единственно только своимъ властнымъ покровительствомъ.

Поэтому, выбираемые въ опричники, должны были отличаться—удалью и безусловною готовностью дѣлать все по приказанію царя, и слушаться его только лично. Они давали клятву: «знать только одного государя, ради него забыть объ отцѣ и матери; доносить ему на измѣнниковъ и не водить хлѣба-соли съ земскими людьми». Словомъ, опричники, въ полномъ смыслѣ слова, составляли государство въ государствѣ, и число ихъ было вскорѣ доведено до 6.000 чел.

Къ сѣдламъ опричниковъ были прикрѣплены собачьи головы и метла, какъ эмблема того, что они загрызутъ и выметутъ всѣхъ царскихъ недоброжелателей.

И опричники, дѣйствительно, грызли народъ. На содержаніе опричниковъ было назначено болѣе 20 городовъ, съ ихъ землями и волостями, жители которыхъ были переведены въ другія мѣста. Въ самой Москвѣ для нихъ отведено было нѣсколько улицъ—Чертольская, Арбатская, Никитская и др., и всѣхъ жившихъ въ этихъ улицахъ переселили на посадъ и распредѣлили по другимъ улицамъ. Независимо отъ того, имущество всѣхъ опальныхъ и казненныхъ отбиралось на государя и раздавалось имъ опричникамъ.

Въ смыслѣ общегосударственной судебности, опричники также стояли внѣ закона. Ни за какое преступленіе, ихъ никто не могъ судить кромѣ государя, который всегда бралъ сторону и оправдывалъ опричника. Сознавая свою полную безнаказанность, они предавались часто грабежамъ и насиліямъ надъ жителями; выдумывали доносы, подводили невинныхъ людей подъ казни, чтобы воспользоваться частью ихъ имущества, и, вообще, оставили по себѣ гнусную память въ русской исторіи.

Пѣхота.

Въ XV столѣтіи пѣшее русское войско, какъ войско полевое, представляло изъ себя скорѣе сбродъ разнаго народа, собраннаго почти на походѣ и вооруженнаго чѣмъ попало (дубинами, топорами, рогатинами), нежели что-либо систематически организованное *); только съ

*) Такъ, въ 1444 году, въ бою съ султаномъ Мустафою, при набѣгѣ его на Рязанскія области, московскіе воеводы имѣли многочисленную пѣшую рать, вооруженную осло-

теченіемъ времени пѣшее полевое войско нѣсколько улучшается въ своемъ составѣ, и оно начинаетъ принимать дѣятельное участіе во всѣхъ походахъ, пріобрѣтая важное значеніе при осадахъ городовъ, о чемъ уже говорилось въ настоящемъ трудѣ. Со временемъ, въ нѣкоторыхъ городахъ встрѣчаются уже болѣе устроенные пѣшіе воины: такъ, въ составѣ рати великаго князя Василія III подъ Смоленскомъ въ 1513 году находилось 1.000 *пищальниковъ* изъ Пскова и *пищальники* другихъ городовъ; въ 1545 году, по случаю сбора войскъ подъ Казань, собрано было съ Новгорода 2.000 пѣшихъ *пищальниковъ*, которые, кажется, составляли тамъ въ то время особое сословіе, пользовавшееся своими правами. Іоаннъ Грозный первый обратилъ вниманіе на устройство пѣшаго войска въ Россіи, и учрежденіемъ *стрѣльцовъ*, устранилъ этотъ важный недостатокъ въ организаціи русскихъ военныхъ силъ, образовавъ въ составѣ ихъ *постоянную пѣхоту*.

Учрежденіе стрѣльцовъ относятъ къ 1550 году. Уже въ слѣдующемъ году, при отправленіи Шигъ-Алея на Казанское царство, съ нимъ послано было 300 человѣкъ городецкихъ (касимовскихъ) князей и мурзъ, да двѣсти *стрѣльцовъ* съ двумя сотскими *). Въ стрѣльцы набирались вольные люди изъ жителей городовъ и уѣздовъ, которые не состояли въ тяглѣ и, слѣдовательно, не доставляли прямыхъ выгодъ государству.

Въ мирное время стрѣльцы составляли гарнизоны въ Москвѣ и въ другихъ городахъ, особенно пограничныхъ, и отправляли разныя полицейскія должности; во время войны они выступали въ походъ съ прочими войсками и, вмѣстѣ съ пѣшими казаками, были лучшею, по тому времени, въ полевой рати пѣхотою.

Стрѣльцы (см. рис. № 33) дѣлились на московскихъ и городовыхъ, причемъ первые имѣли бо́льшія преимущества сравнительно съ послѣдними. Наибольшее число отборнѣйшихъ московскихъ стрѣльцовъ были конные, или *стремянные*. Послѣдними назывались тѣ, обязанность которыхъ была сопровождать государя или царицу, *быть при стремѣ*.

Составляя *постоянную* пѣхоту, стрѣльцы, однако, не имѣли ничего общаго съ *регулярнымъ* войскомъ; въ образованіи стрѣльцовъ проглядываетъ только идея *регулярной* пѣхоты, но далеко не самое осуществленіе послѣдней. Такъ, эти стрѣльцы хотя и считались на службѣ безсмѣнно, до конца своей жизни или отставки за старостью и болѣзнями, но несли на себѣ довольно широкій кругъ обязанностей, весьма разнообразныхъ, часто вовсе не относящихся къ спеціальности военнаго дѣла; въ то же время они занимались торговлей, держали лавки, мельницы, жили осо-

---

пами (грубое оружіе—дубина, утыканная гвоздями), рогатинами и топорами. См. *Арцыбашевъ:* „Повѣствованіе о Россіи“, т. II, кн. III, стр. 194.

*) Царствен. кн., стр. 184.

быми слободами, получали отъ казны землю и составляли даже особую касту, въ которой стрѣлецкое званіе передавалось по наслѣдству.

Число стрѣльцовъ было очень невелико: въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича, по свидѣтельству англичанина Флетчера, въ русскомъ войскѣ состояло до 12 тысячъ стрѣльцовъ, изъ коихъ 5 тысячъ находились въ Москвѣ, 2 тысячи *стремянныхъ*—при особѣ государя и остальные 5 тысячъ были распредѣлены по важнѣйшимъ городамъ.

Къ составу пѣхоты относились также *пѣшіе городовые казаки*, служившіе на одинаковыхъ правахъ съ конными городовыми казаками. Расположенные въ пограничныхъ городахъ, они составляли гарнизоны ихъ, обязаны были оборонять тамошнія крѣпости и, наконецъ, входили въ составъ полевой рати, выступавшей въ походъ.

Къ послѣднему разряду пѣшихъ ратниковъ въ русскомъ войскѣ принадлежали *пѣшіе даточные люди*. Они набирались на случай войны вмѣстѣ съ конными даточными людьми, половину на половину, и по окончаніи войны обращались въ тѣ сословія, изъ которыхъ были взяты. Вообще ихъ права, служба и вооруженіе были такіе же, какъ и у конныхъ даточныхъ людей. Они употреблялись часто при *нарядѣ* (артилеріи) и обозѣ; а сверхъ того на нихъ возлагалось устройство засѣкъ, проложеніе мостовъ черезъ рѣки и топи при прохожденіи войскъ и возведеніе разныхъ лагерныхъ построекъ.

При защитѣ городовъ, воеводы иногда вооружали жителей городскихъ и посадскихъ, расписывали ихъ по городу и острогу, по воротамъ и башнямъ*).

При Ѳеодорѣ Іоанновичѣ въ русскомъ войскѣ, по словамъ Флетчера, служило также до 4.300 человѣкъ наемныхъ ратниковъ: 4.000 черкасъ, или малороссійскихъ казаковъ, изъ коихъ 3.500 размѣщены были по укрѣпленнымъ городамъ, 150 голландцевъ и шотландцевъ и смѣшанный отрядъ изъ 150 человѣкъ—грековъ, турокъ, датчанъ и шведовъ.

Таково было общее основаніе устройства русскихъ военныхъ силъ—конницы и пѣхоты въ царствованіе Іоанна Грознаго и Ѳеодора Іоанновича. Въ заключеніе этого краткаго обзора, приведемъ свидѣтельство англичанина Флетчера **), бывшаго посломъ при русскомъ дворѣ въ 158⅘ году, о состояніи этихъ войскъ въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича.

„Военныя сила государства,—говоритъ онъ, содержатся на основаніи неизмѣннаго наслѣдственнаго порядка. Число войска, получающаго постоянное жалованье, слѣдующее: дворянъ, царскихъ тѣлохранителей, раздѣленныхъ на 3 степени: большихъ, среднихъ и дѣтей боярскихъ,—считается до 15.000 всадниковъ съ ихъ начальниками; кромѣ этихъ

*) См. выше: нашествіе на Москву въ 1541 году крымскаго хана Саинъ-Гирея, оборона Пронска въ томъ же году, оборона Пскова въ 1581 г. и пр.

**) *Флетчеръ*: „О Русскомъ государствѣ“, глава 15.

отборныхъ всадниковъ, царь избираетъ еще 110 человѣкъ изъ дворянъ, наиболѣе знаменитыхъ по происхожденію и пользующихся его особою довѣренностью. Въ списокъ ихъ вносятся имена тѣхъ, кои въ совокупности могутъ выставить отъ себя, въ случаѣ войны, до 65 тысячъ всадниковъ со всѣми необходимыми военными снарядами, по русскому обычаю; для чего они ежегодно получаютъ отъ Царя на себя и на ихъ отряды около 40.000 руб. Эти 65 тысячъ человѣкъ должны, каждый годъ, отправляться въ походъ на границу, къ землѣ крымскихъ татаръ (когда не получатъ иного назначенія), все равно—есть ли война съ татарами или нѣтъ.

„Такимъ образомъ, число всадниковъ, находящихся всегда въ готовности и получающихъ постоянное жалованье, простирается до 80 тысячъ человѣкъ.

„Если встрѣтится надобность въ большемъ числѣ войскъ, то царь беретъ на службу *боярскихъ дѣтей*, не получающихъ жалованья, сколько ему нужно, а если и ихъ недостаточно, то даетъ приказаніе дворянамъ, коимъ пожалованы помѣстья, выставить каждому въ поле соразмѣрное число *холоповъ* со всею амуниціею“ *).

Одежда и вооруженіе конницы и пѣхоты.

Призванный на службу, по случаю войны, русскій воинъ являлся для ратнаго дѣла въ той одеждѣ, которую онъ носилъ дома, какъ мирный гражданинъ. Поэтому, одежда русскихъ войскъ, до XVIII столѣтія оставаясь неизмѣнною и строго народною, представляла, въ частностяхъ, массу разнообразія, такъ какъ, неопредѣленная какою-либо одною формою для всѣхъ, она соотвѣтствовала у каждаго воина его личному вкусу и средствамъ. Общеупотребительными предметами народной одежды въ то время были: кафтанъ, ферезь, охобень, однорядка.

Узкій, почти въ обтяжку, съ узкими же, но длинными, сбористыми рукавами, *кафтанъ* былъ принадлежностью одежды всѣхъ классовъ народа, кромѣ низшаго сословія. Онъ простирался до колѣнъ и назади имѣлъ высокій стоячій воротникъ, который закрывалъ весь затылокъ и назывался *козырь*. Составляя одинъ изъ предметовъ щегольства, *козырь* имѣлъ наружную сторону обыкновенно атласную, бархатную или парчевую, вышитую серебромъ и золотомъ и нерѣдко украшенную жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. Кафтанъ носили только дома.

Низшій классъ народа носилъ *азямы* и сермяжные кафтаны, или *сермяги*: первые изъ холста, вторые изъ толстаго сѣраго сукна, отъ котораго они и получили названіе.

---

*) О числѣ стрѣльцовъ и иноземныхъ ратниковъ, по свидѣтельству Флетчера, содержавшихся въ то время въ Россіи, было уже упомянуто выше.

Внѣ дома, на кафтанъ надѣвали длинный *ферезь* (съ длинными рукавами, но безъ воротника), сдѣланный изъ бумажной или шелковой матеріи, или изъ сукна, бархата, парчи. Простолюдины надѣвали *ферезь* просто на рубаху. Какъ кафтанъ, такъ и ферезь застегивались напереди длинными петлицами съ пуговицами.

Сверхъ *ферези*, при выходѣ на улицу, надѣвали *охобень**). Это—длинная (почти до пятъ) и широкая одежда, съ прорѣхами подъ рукавами для рукъ и съ четвероугольнымъ откиднымъ воротникомъ, который висѣлъ почти до половины спины и украшался, подобно козырю, у кафтановъ. Такое же платье, но безъ воротника, называлось *однорядкой*. Охобни считались наряднѣе, и дѣлались преимущественно изъ атласа, бархата или парчи, а однорядки бывали изъ сукна и шерстяныхъ матерій. Тѣ и другія носились и въ рукава и въ накидку.

Относительно одежды простыхъ воиновъ слѣдуетъ замѣтить, что *сермяги* и *однорядки* употреблялись ими по преимуществу, какъ это доказываетъ сборъ пищальниковъ съ Новгорода и съ Новгородскихъ пятинъ, по случаю похода въ 1545 году подъ Казань.

Первоначальная одежда стрѣльцовъ неизвѣстна. Въ началѣ XVII столѣтія стрѣльцы одѣвались въ длинныя суконныя платья, походившія на ферезь, только съ отложнымъ воротникомъ, начинавшимся на груди и срѣзаннымъ на спинѣ угломъ; такъ какъ встарину въ Россіи измѣненія по этой части были чрезвычайно рѣдки, то можно полагать, что эта же одежда была у стрѣльцовъ съ начала ихъ учрежденія.

Вооруженіе войскъ, за исключеніемъ стрѣльцовъ, попрежнему состояло изъ предохранительнаго, холоднаго и метательнаго**). Оружіе это, исключая огнестрѣльнаго, въ общемъ составѣ своемъ, оставалось одинаковымъ съ XII по XVII столѣтіе и составляло, отчасти, прежніе древне-русскіе доспѣхи, отчасти же заимствованные съ Востока, а потомъ—съ Запада (доспѣхи сплошные—зерцала и латы); послѣдніе, впрочемъ, составляли достояніе ограниченнаго круга людей богатыхъ или знатныхъ, воеводъ и особъ царственныхъ. Уже съ XIV столѣтія вооруженіе русскихъ войскъ стало многосложнѣе и разнообразнѣе; самое простѣйшее, кромѣ меча или сабли, саадака и щитовъ, составляли***): тегиляй, желѣзная шапка, копье, сулица и рогатина; затѣмъ изъ другихъ видовъ предохранительнаго оружія наиболѣе употреблялись: панцырь, кольчуга и бахтерецъ—съ шеломомъ, колпакомъ, шишакомъ или мисюркою. Калантарь, юшманъ, куякъ и шапки турская и мѣдяная встрѣчаются рѣже. Зерцала и латы принадлежали, почти, а ерихонка, исключительно, къ вооруженію высшаго разряда. Воеводы обыкновенно имѣли

---

*) См. рис. 34.

**) См. выше рис. №№ 16 по 28.

***) См. рисунки №№ 16 по 28.

на себѣ полный доспѣхъ: двойной панцырь, зерцало съ панцыремъ, надѣтымъ на кафтанъ или подъ нимъ; наручи, рукавицы, наколѣнки, бутурлыки; на головѣ носили преимущественно ерихонку.

Нѣкоторые роды оружія и вооруженія принадлежали конницѣ (какъ-то: сабли, кончеры, кистени, сулицы и пр.), другіе пѣхотѣ (какъ-то: мечи, тесаки, рогатины, совни и пр.); прочіе же были общими какъ конницѣ, такъ и пѣхотѣ. Исключая стрѣльцовъ и царской конной дружины, одѣтыхъ и вооруженныхъ болѣе или менѣе однообразно, въ вооруженіи прочихъ войскъ не было никакого однообразія. Вообще, въ это время всякій, кто только могъ, носилъ на себѣ нѣсколько родовъ вооруженія, болѣе изъ азіатской роскоши, нежели изъ дѣйствительной пользы, излишне обременяя себя ими, и нерѣдко случалось, что тяжелые доспѣхи и оружіе перевозились, какъ и прежде, за войскомъ на повозкахъ или по рѣкамъ на судахъ. Впрочемъ, съ теченіемъ времени, количество оружія ратника начинаетъ понемногу сокращаться. Флетчеръ говоритъ, что—„вооруженіе ратниковъ было весьма легкое; простой всадникъ не имѣлъ ничего кромѣ колчана со стрѣлами подъ правою рукою и лука съ мечомъ на лѣвомъ боку; только весьма немногіе брали съ собою сумы съ кинжалами, или дротикъ, или небольшое копье, висѣвшее на боку лошади. Ближайшіе начальники имѣли, кромѣ того, латы или нѣчто подобное. У главныхъ воеводъ и знатныхъ лицъ лошади покрыты были богатою сбруею: сѣдла изъ золотой парчи, узда съ шелковою бахромой, роскошно убрана золотомъ и унизана жемчугомъ съ драгоцѣнными камнями; сами они — въ щегольской стальной бронѣ, сверхъ которой обыкновенно надѣвали еще одежду изъ золотой парчи, съ горностаевой опушкой; на головѣ имѣли дорогой стальной шлемъ, съ боку—мечъ, лукъ и стрѣлы, а въ рукѣ—копье съ прекраснымъ нарукавникомъ; передъ ними везли шестоперъ—знакъ начальнической власти“.

При сборѣ войска въ походъ, городскія начальства, соображаясь съ помѣстьемъ каждаго изъ боярскихъ дѣтей, назначали, кому какое число приводить съ собою людей и лошадей и кому въ какомъ быть вооруженіи *). Подобное же правило распространялось и на другія высшія сословія, какъ-то: на бояръ, жильцовъ, дворянъ, стольниковъ и окольничихъ, но съ тою разницею, что всѣ они освобождались отъ представленія за себя поручительствъ; а изъ дѣтей боярскихъ каждый обязанъ былъ представлять двоихъ порукъ, отвѣчавшихъ передъ правительствомъ за его исправность и вѣрность.

Новокрещены, мурзы, князья татарскіе и городовые казаки имѣли одинаковое устройство съ дворянами и дѣтьми боярскими, состояли съ ними въ спискахъ *Разряднаго приказа* и, пользуясь одинаковыми по-

*) „Историческое описаніе одежды и вооруженія россійскихъ войскъ“, ч. I, стр. 79, прим. 156.

мѣстными правами съ послѣдними, обязывались тою же службою и тоже должны были являться съ своимъ вооруженіемъ.

Что касается вооруженія и снаряженія даточныхъ людей, то слѣдуетъ замѣтить, что ни то, ни другое не было, кажется, вполнѣ опредѣлено: размѣтнымъ спискомъ 1545 года требовалось только, чтобы даточные люди были въ сермягѣ или однорядкѣ съ пищалью; наказомъ 1589 года Соловецкому монастырю, по случаю войны со шведами, приказывалось набрать *сто человѣкъ воинскихъ людей съ огненнымъ боемъ, съ пищалями**).

Оружіе стрѣльцовъ состояло изъ *сабли, пищали* или *самопала* и *бердыша***), который на походѣ вѣшали за плечомъ, въ мирное время носили въ правой рукѣ, а въ строю втыкали передъ собою въ землю.

Конные стрѣльцы (въ 1606 г.) были вооружены длинными самопалами и саадаками.

Ручное огнестрѣльное оружіе.

Ручное огнестрѣльное оружіе, составлявшее въ разсматриваемую эпоху предметъ вооруженія только стрѣльцовъ и пѣшихъ даточныхъ людей, сдѣлалось извѣстнымъ въ Россіи еще въ концѣ XIV столѣтія. Въ первое время своего существованія, оружіе это было настолько несовершенно, что къ боевому его значенію существовало полное, вполнѣ понятное недовѣріе, вслѣдствіе чего оружіе метательное, не только не уступало первенства огнестрѣльному, но даже употреблялось предпочтительнѣе передъ послѣднимъ. Только съ конца XV столѣтія оно начинаетъ нѣсколько совершенствоваться въ русскомъ войскѣ и постепенно занимать надлежащее мѣсто въ вооруженіи. Псковитяне и новгородцы были первые изъ русскихъ, введшіе у себя ручное огнестрѣльное оружіе, или, какъ его называли, *пищали*: въ составѣ рати Великаго Князя Василія Іоанновича въ 1513 году было 1.000 *пищальниковъ* изъ Пскова; а въ 1545 году новгородцы выставили, по случаю сбора войскъ подъ Казань, 2.000 пищальниковъ. Затѣмъ, позднѣе, съ учрежденіемъ стрѣльцовъ, пищали составляютъ вооруженіе этой постоянной пѣхоты въ русскомъ войскѣ, а равно и всѣхъ вообще пѣшихъ даточныхъ людей.

По наружности *пищали* въ общемъ походили на кремневыя ружья***) и состояли изъ желѣзнаго *ствола*, помощію *шуруповъ* или *обоймицъ* прикрѣпленнаго къ деревянному *станку* съ *прикладомъ*. Отверстіе, черезъ которое заряжали пищаль, называлось *устьемъ*; часть, прилегающая къ устью—*дуломъ* (стволъ); часть, противуположная устью—*казною*. У первоначальныхъ пищалей огонь сообщался пороху черезъ отверстіе на каз-

---

*) Акты арх. экс., т. I, № 345.

**) См. рис. № 33.

***) См. рис. №№ 33 и 35.

нѣ, или *запалъ*, помощію *огнива* съ *фитилемъ*, приводившагося въ движеніе *спускомъ*. Послѣ, по мѣрѣ усовершенствованія огнестрѣльнаго оружія въ западной Европѣ, появились пищали, у которыхъ были *замки* съ *коловоротомъ* или колесомъ. Кремней въ то время еще не употребляли.

Пищали вѣшались за спиною ратника на *ремнѣ*, почему и назывались *завѣсными*, для отличія отъ пищалей затинныхъ, которыя были большаго калибра и принадлежали уже къ артилеріи (*наряду*). Пищали перваго рода назывались также *самопалами* и *ручницами*. Въ концѣ XVI столѣтія появляются *карабины* и *пистоли* (пистолеты)*).

Пищали, карабины и пистоли имѣли станки различнаго дерева (березоваго, яблоноваго, орѣховаго, сандальнаго) и украшались металлической оправой; оружіе это частію изготовлялось въ Россіи, а частію пріобрѣталось въ чужихъ краяхъ. Многіе употребляли огнестрѣльное оружіе, добытое въ войнѣ съ непріятелемъ, и потому въ немъ существовало точно такое же разнообразіе, какъ и въ холодномъ оружіи.

Вооруженные огнестрѣльнымъ оружіемъ носили черезъ лѣвое плечо *берендейку* или ремень, съ привѣшенными къ ней на ремняхъ же *зарядцами*), съ *кровельцами*, выдолбленными изъ дерева и оклеенными черною или вообще темною кожею. У однѣхъ берендеекъ привѣшивались: *сумка фитильная*, т.-е. для фитиля, *сумка пулечная* и *рогъ;* у другихъ—была одна только *сумка* для пуль и рогъ или взамѣнъ его *натруска****), а фитиль наматывался на ремень берендейки около сумки. Рога и натруски дѣлались изъ дерева, кости, перламутра, мѣди, серебра и открывались черезъ придавленіе особой стальной пружинки. Рога были всегда одинаковаго вида — остроконечные; натруски же дѣлались разнообразно, но предпочтительно круглыя.

Къ принадлежностямъ пищалей, карабиновъ и пистолей должно еще отнести *чехлы* на эти оружія или *ольстры*, которые дѣлались изъ кожи или изъ сукна, съ *отворотами*, украшавшимися золотыми и серебряными галунами, или вышитыми узорами, по тогдашнему *травами*.

Относительно боевого примѣненія ручного огнестрѣльнаго оружія не сохранилось данныхъ, чтобы можно было составить ясное понятіе о томъ, насколько дѣйствительно было значеніе этого оружія въ бою, и въ какой степени важную роль играло оно вообще въ вооруженіи тогдашнихъ русскихъ войскъ. Въ обзорѣ военныхъ походовъ, бывшихъ въ царствованіе Іоанна IV и Ѳеодора Іоанновича, мы видѣли, что дѣйствіе русскаго *наряда* оказывало весьма важное вліяніе на успѣшный исходъ боевыхъ предпріятій, преимущественно—при осадѣ и оборонѣ укрѣпленныхъ городовъ; ничего подобнаго нельзя сказать относительно дѣй-

*) См. рис. № 36.

**) См. рис. № 33.

***) См. рис. № 37.

ствія изъ ручного огнестрѣльнаго оружія. Сильное развитіе холоднаго и предохранительнаго вооруженія указываетъ также, что огнестрѣльное оружіе, несмотря на значительное его распространеніе въ русскомъ войскѣ во второй половинѣ XVI столѣтія, не имѣло первенствующаго значенія оружія боевого и не умаляло роли остальныхъ видовъ вооруженія. Объ искусствѣ стрѣльбы русскихъ войскъ (стрѣльцовъ) того времени свѣдѣній не имѣется; дошедшія же до насъ объ этомъ извѣстія, относятся къ позднѣйшему времени, именно къ XVII столѣтію.

Нѣтъ однако основанія полагать, чтобы стрѣльцы временъ Іоанна Грознаго не владѣли нѣкоторымъ искусствомъ стрѣльбы изъ пищалей, насколько оно было возможно при стрѣльбѣ изъ оружія, весьма несовершеннаго; было ли искусство это результатомъ извѣстнаго обученія — составляетъ вопросъ, на который можно пока отвѣтить указаніемъ, что въ Москвѣ, въ царствованіе Іоанна Грознаго, ежегодно производились смотры ружейной стрѣльбы, хотя и весьма примитивнымъ способомъ. Одинъ изъ подобныхъ смотровъ, описанъ англійскимъ путешественниковъ того времени—Дженкинсономъ. Онъ разсказываетъ, что стрѣльба производилась въ декабрѣ мѣсяцѣ (1557 г.), по построенному для сего вмѣсто мишени, ледяному валу въ 6 футовъ вышины, около 90 саж. длины и въ 2 толщины. Для помѣщенія стрѣлковъ были устроены передъ валомъ подмостки, во всю длину послѣдняго, въ разстояніи 60 ярдовъ (около 150 шаговъ). Въ день смотра (12 декабря),—разсказываетъ Дженкинсонъ,—Іоаннъ IV прибылъ верхомъ, въ богатой одеждѣ и шапкѣ, убранной роскошно жемчугомъ и драгопѣнными каменьями, предшествуемый свитою; впереди послѣдней слѣдовали 500 пищальниковъ, построенныхъ по пяти въ рядъ, каждый съ пищалью на лѣвомъ плечѣ и фитилемъ въ правой рукѣ. Въ этомъ порядкѣ весь кортежъ вступилъ на стрѣльбище, послѣ чего, когда царь занялъ приготовленное ему мѣсто, пищальники направились къ подмосткамъ и, выстроившись на нихъ, открыли огонь по ледяному валу; стрѣльба продолжалась до тѣхъ поръ, пока послѣдній не былъ окончательно разбитъ пулями *). Какую степень искусства стрѣлковъ могъ обнаружить подобный примитивный способъ смотроваго испытанія,— сказать трудно; конечно, онъ соотвѣтствовалъ несовершенству самого оружія, обусловливавшему и весьма несовершенную дѣйствительность ружейнаго огня. Къ тому же, стрѣльба по ледяному укрѣпленію была скорѣе потѣхой, чѣмъ военнымъ упражненіемъ.

Артиллерія.

Подъ именемъ артилеріи, до-Петровской Руси, слѣдуетъ понимать, какъ собственно *нарядъ*, т.-е. совокупность всѣхъ артилерійскихъ орудій

*) Н. Е. Бранденбургъ: „Историческій каталогъ С.-Петербургскаго артилерійскаго музея". Часть I.

и принадлежащихъ къ нимъ снарядовъ, такъ и лицъ, служившихъ при нарядѣ въ качествѣ *пушкарей*. Конечно, ошибочно было бы думать, что артилерія этой эпохи имѣла какое-либо стройное единство, напоминающее собою организацію позднѣйшей артилеріи, хотя бы регулярной арміи Петра Великаго. Тѣмъ не менѣе, артилерійское дѣло до-Петровской Руси, послѣдовательно приводившееся въ порядокъ, не только не отставало отъ подобнаго же порядка въ западной Европѣ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ упреждало ее. Доказательствомъ послѣдняго служитъ, напримѣръ, употребленіе царемъ Іоанномъ IV полковой (легкой) артилеріи, первоначальное введеніе которой, несправедливо приписывается шведскому королю Густаву-Адольфу (1611—1632).

Впервые артилерійскія орудія появились на Руси въ концѣ XIV вѣка, именно въ 1389 году, причемъ первыми образцами ихъ были орудія желѣзныя, кованыя, безъ цапфъ и винграда. Затѣмъ, съ начала XV столѣтія, артилерійское дѣло въ Россіи начало, мало-по-малу, прививаться и, въ половинѣ его, распространилось уже въ значительной мѣрѣ, что видно изъ самаго хода военныхъ событій того времени, въ которыхъ безпрестанно замѣшивается участіе артилеріи. Въ 1408 году, при преемникѣ Дмитрія Донскаго, Москва защищалась уже отъ Едигея настѣнными огнестрѣльными орудіями. Въ 1451 году, ознаменованномъ нашествіемъ къ Москвѣ татарскаго царевича Мазовши, каменныя стѣны и земляные раскаты Московскаго кремля также имѣли вооруженіе изъ пушекъ и пищалей. Около того же времени, огнестрѣльныя орудія появляются и въ другихъ городахъ: Дмитрій Шемяка въ 1450 году, готовясь къ послѣдней битвѣ съ великимъ княземъ московскимъ, Василіемъ III, укрѣпилъ свой городъ Галичъ и вооружилъ его пушками; псковичи, осадивъ въ 1463 году нѣмцевъ въ Новомъ-городѣ,—„пустила большою пушкою на городокъ, и колода вся изломалась, и желѣза около разорвашася, а пущича вся цѣла“,—говоритъ лѣтописецъ. Въ Новгородѣ, въ 1471 году, нѣкто Упядышъ, изъ преданности Москвѣ, въ одну почь заколотилъ 55 пушекъ, за что и былъ казненъ новгородцами. Такимъ образомъ, въ XV вѣкѣ, въ Россіи было уже значительное количество огнестрѣльныхъ орудій, и не только въ Москвѣ, но и въ другихъ центрахъ—Новгородѣ, Псковѣ, Твери и проч. Это обстоятельство, въ связи съ сохранившимися извѣстіями о желѣзномъ производствѣ, въ самой глубокой древности, въ нѣкоторыхъ пунктахъ нашего отечества, какъ, напримѣръ, въ *Устюжнѣ желѣзопольской*,—даетъ возможность заключить, что доставка артилерійскихъ орудій въ Россію изъ Западной Европы была въ упомянутое время не единственнымъ средствомъ снабженія нашего отечества подобными предметами, и что часть нашей артилеріи въ это время изготовлялась въ предѣлахъ Россіи. Однако, настоящее развитіе артилерійскому дѣлу въ Россіи дано было Іоанномъ III,

при которомъ началось у насъ изготовленіе артилерійскихъ орудій изъ мѣди при помощи итальянскихъ мастеровъ. Въ 1474 году явился въ Москву, приглашенный имъ, извѣстный въ то время инженеръ и архитекторъ, Альберти Фіоравенти, и „мастеръ Муроль, Аристотель именемъ", съ сыномъ и ученикомъ,—„Петрушею зовутъ". Неизвѣстно, приступилъ ли Фіоравенти къ организаціи пушечно-литейнаго дѣла немедленно по прибытіи въ Москву, или по окончаніи постройки Успенскаго собора въ 1479 году. Для литья орудій построено было особое техническое заведеніе, которое называлось *пушечною избою* и находилось у трехъ мостовъ *) изъ Фроловскихъ (нынѣ Спасскихъ) воротъ въ Китай-городѣ. Эта *пушечная изба* сгорѣла во время бывшаго въ Москвѣ пожара въ 1488 году. Послѣ этого пожара, въ Москвѣ является уже нѣсколько *пушечныхъ избъ*, и пушечно-литейное дѣло на Руси, при посредствѣ иностранныхъ мастеровъ, получаетъ значительное развитіе. Первыми техниками по этой спеціальности были итальянцы: упомянутые выше Фіоравенти, Павелъ Дебосисъ, отлившій въ 1488 году огромную пушку, упоминаемую въ лѣтописи подъ именемъ царь-пушка **). Были также итальянцы Яковъ изъ Венеціи, Петръ Антоній и другіе. Съ начала XVI вѣка, появленіе у насъ иностранныхъ пушечно-литейныхъ мастеровъ, перестаетъ уже быть фактами единичными, становясь дѣломъ болѣе обыкновеннымъ: по крайней мѣрѣ съ 1505 года, лѣтопись не перечисляетъ ихъ по именамъ, а прямо говоритъ, что послы государевы привезли съ собою (изъ-за моря) многихъ мастеровъ—„серябряныхъ, пушечныхъ и стѣнныхъ". За время XVI столѣтія, имѣется длинный рядъ именъ иностранныхъ мастеровъ пушечно-литейнаго дѣла въ Россіи, въ числѣ которыхъ есть уже и природные русскіе, какъ, напримѣръ, Булгакъ Ноугородовъ, Андрей Чоховъ, Семенъ Дубининъ и другіе.

При великомъ князѣ Василіи IV, пушечно-литейное дѣло на Руси продолжало развиваться, а матеріальная сторона русскаго *наряда* не оставалась чуждою улучшеніямъ артилерійской части въ ЗападнойЕвропѣ; значительный огнестрѣльный нарядъ состоитъ по городамъ и начинаетъ входить въ сотавъ полевой рати: въ сентябрѣ 1514 года Василій III, долго громилъ пушками и пищалями твердыя стѣны Смоленска, причемъ особенно отличается управляющій нарядомъ московскій пушкарь Стефанъ. Полтора мѣсяца спустя этотъ Степанъ и пушки его, въ несчастной битвѣ подъ Оршею, попали въ руки литовцевъ. Въ походѣ противъ послѣднихъ, въ 1519 году, *нарядъ*

*) Черезъ существовавшій въ то время ровъ.

**) Ее не слѣдуетъ смѣшивать съ царь-пушкой, изготовленной въ 1586 году и существующей до нынѣ. Этимъ орудіемъ, Павла Дебосиса, московскій народъ во время мятежа въ 1584 году, хотѣлъ разбить Флоровскія (Спасскія) ворота, требуя выдачи Бѣльскаго Си. Ист. Гос. Рос., т. X, стр. 10. Изъ нынѣшней же царь-пушки, находящейся въ Москвѣ, никогда не стрѣляли.

не только является дѣйствующею частью разныхъ отрядовъ войскъ, выступавшихъ съ нимъ изъ разныхъ городовъ, но въ личномъ составѣ своемъ усиливается *посохою*. Имѣются также извѣстія, что въ это время, во многихъ городахъ существовали склады пороха, который начали изготовлять въ Москвѣ еще съ XV столѣтія.

Существованіе по городамъ пороховыхъ складовъ, во всякомъ случаѣ, допускаетъ уже достаточное по тому времени развитіе на Руси артилерійскаго дѣла. И дѣйствительно, въ малолѣтство Іоанна IV городовой *нарядъ* былъ главнымъ средствомъ городовой обороны, и повсемѣстно, особенно же въ пунктахъ пограничныхъ или украинскихъ, содержался въ порядкѣ и значительномъ количествѣ. Только при этихъ условіяхъ Стародубъ и Черниговъ въ 1534 году, могли отразить литовцевъ съ такимъ успѣхомъ, что Андрей Левинъ, высланный воеводою Стародубскимъ, княземъ Александромъ Кашинымъ (Телепневымъ), захватилъ 40 пищальниковъ со всѣми ихъ орудіями; а воевода Черниговскій, князь Ѳедоръ Мезецкій, отбилъ у литовцевъ всѣ пушки и весь обозъ, какъ объ этомъ было уже сказано.

За время бояршаго правленія, литейное дѣло шло, какъ кажется, безостановочно. Въ 1547 году, на московскомъ пушечномъ дворѣ — въ приходѣ св. Софіи Премудрости, близъ нынѣшняго Кузнецкаго моста — отлиты первыя 16 пуд. *вѣдконейки* *), т.-е. фальконеты, изобрѣтенные итальянцами въ 1536 году. Въ 1545 году, въ Новгородѣ существовали уже пушкари, повидимому постоянные, и пищальники, въ качествѣ даточныхъ. Пороховое дѣло, производимое неизвѣстно какимъ способомъ, является едва ли не во многихъ городахъ, кромѣ Москвы, о чемъ можно заключить отчасти изъ разряднаго и размѣтнаго списковъ 1545 года, о сборѣ ратныхъ людей и пороха съ Новгорода и съ новгородскихъ пятинъ **).

О состояніи артилеріи въ царствованіе Іоанна Грознаго, находимъ любопытное свѣдѣніе у Кобенцеля (посла въ Россію отъ императора Максимиліана II въ 1576 году), который писалъ своему государю, что великій князь Московскій, имѣетъ въ изобиліи запасы оружія всякаго рода и такой огнестрѣльный снарядъ, что тотъ, кто не видалъ его, не повѣритъ описанію. По свидѣтельству его, въ арсеналахъ и складахъ всегда бывало наготовлено всякихъ орудій не менѣе 2.000. Этотъ отзывъ не покажется преувеличеннымъ, если принять во вниманіе, что, кромѣ артилеріи, находившейся по городамъ, значительное количество ея участвовало въ войнахъ Іоанна Грознаго въ составѣ полевой рати: подъ Казанью онъ имѣлъ однихъ большихъ и среднихъ пушекъ до 150, не

*) Орудія эти назывались также *соколками* и относились къ разряду полковыхъ.

**) Акты арх. экс., т. I., № 205.

считая *дѣлъ огненныхъ, ими же вверхъ стрѣляютъ*; въ Полоцкомъ походѣ 1563 года, у него было до 200 пушекъ и пр.

Литье орудій на Москвѣ производилось дѣятельно и въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича, и притомъ русскими мастерами: Андреемъ Чоховымъ, Семеномъ Дубининымъ и другими. Изъ нихъ Чоховъ отлилъ въ 1586 году *дробовикъ*, извѣстный теперь подъ названіемъ *царь-пушки*, 35-дюймоваго калибра, длиною въ 2 саж., 3 фута, 9 дюймовъ, вѣсомъ въ 2.400 пудовъ *). По сказанію поляка Маскѣвича, очевидца московскихъ событій 1611 года,—„пахолики влѣзали въ это орудіе человѣка по три и тамъ играли въ карты подъ запаломъ, который служилъ имъ вмѣсто окна".

Общее количество огнестрѣльнаго наряда въ это царствованіе было также весьма значительное; Флетчеръ пишетъ: — „Полагаютъ, что ни одинъ изъ христіанскихъ государей не имѣетъ такого хорошаго запаса военныхъ снарядовъ, какъ Русскій Царь, чему отчасти можетъ служить подтвержденіемъ Оружейная палата въ Москвѣ, гдѣ стоятъ въ огромномъ количествѣ всякаго рода пушки, всѣ литыя изъ мѣди и весьма красивыя".

Говоря о пушечно-литейномъ производствѣ изъ мѣди, слѣдуетъ упомянуть, что въ Россіи, въ половинѣ XVI столѣтія, было извѣстно литье орудій изъ чугуна; такъ, напримѣръ, въ 1554 году, въ Москвѣ вылита была чугунная пушка, въ 1.200 пудовъ вѣсомъ.

Обращаясь къ конструкціи самыхъ орудій не только разсматриваемой эпохи, но и позднѣйшей, — XVII столѣтія, слѣдуетъ замѣтить объ отсутствіи какихъ-либо опредѣленныхъ правилъ, въ выборѣ калибра и конструкціи орудій; и что въ техникѣ дѣла существовала полная неурядица и личный произволъ мастеровъ, обусловливавшіеся, конечно, прежде всего шаткостью тогдашнихъ теоретическихъ свѣдѣній. Однако, при всемъ томъ, древніе документы и артилерійскіе памятники, даютъ возможность отмѣтить нѣсколько способовъ дѣйствія изъ тогдашнихъ орудій, именно: стрѣльбу прицѣльную, стрѣльбу навѣсную и стрѣльбу массой мелкихъ снарядовъ (картечью); сообразно съ этимъ, при всей запутанности матеріальной части тогдашней артилеріи, можно отыскать

*) Пушка эта, стоящая и до нынѣ въ Кремлѣ, не имѣла практическаго значенія въ смыслѣ боеваго артилерійскаго орудія, такъ какъ едва ли въ состояніи была выдержать хотя бы одинъ выстрѣлъ. Цѣлью ея изготовленія, по всей вѣроятности, было похвастать, если даже не попугать татарскихъ пословъ, ѣхавшихъ въ Москву. По свѣдѣніямъ 1707 года, царь-пушка безъ станка лежала на рядахъ у Лобнаго мѣста, на Красной площади, самомъ многолюдномъ во всей Москвѣ мѣстѣ, гдѣ, конечно, находилась она на-показъ и во времена предшествовавшія. Калибръ ея, по тѣмъ же свѣдѣніямъ, показанъ—„ядро каменное вѣсомъ 52 пуда". Что касается до лежащихъ нынѣ около того орудія снарядовъ, то они отлиты въ началѣ прошлаго царствованія. Н. Е. Бранденбургъ: Историческій каталогъ С.-Петербургскаго артилерійскаго музея, часть I.

въ ней три главныхъ типа орудій древней русской артилеріи: а) типъ пищалей — для стрѣльбы прицѣльной, б) типъ пушекъ верховыхъ, или мортиръ, для дѣйствія навѣснымъ огнемъ *) и г) тюфяки дробовые и дробовыя пушки—для дѣйствія дробомъ (картечью). Но отъ этихъ главныхъ видовъ орудій, конечно, существовали различныя уклоненія **).

Что касается снарядовъ, которыми дѣйствовала наша артилерія разсматриваемой эпохи, то таковыми были:

1) Снаряды *сплошные*: каменныя ядра, наиболѣе употреблявшіяся при стрѣльбѣ изъ мортиръ (ядра эти часто обливались свинцомъ или оловомъ); желѣзныя и чугунныя ядра, иногда съ оболочкою изъ олова или свинца; снарядъ, состоявшій изъ мелкихъ каменьевъ, залитыхъ вмѣстѣ свинцомъ. Металлическія ядра иногда употреблялись для стрѣльбы каленными; какъ на одинъ изъ болѣе раннихъ примѣровъ этого можно указать на дѣйствія русскихъ войскъ подъ Ревелемъ въ 1570 и 1577 годахъ.

Къ числу сплошныхъ снарядовъ относились также: картечь каменная, *дробъ*. Она состояла изъ рубленыхъ кусковъ желѣза, свинца, кузнечнаго шлака; и картечь—изъ массы пуль, помѣщенныхъ въ металлической оболочкѣ ***), на подобіе нынѣшней картечи.

2) Снаряды *разрывные*: къ нимъ нужно отнести „кувшины съ зеліемъ“. Въ западной Европѣ, въ XVI столѣтіи, былъ въ употребленіи особый снарядъ, представлявшій изъ себя металлическій сосудъ съ крючками, наполненный порохомъ и снабженный трубкой съ составомъ, который по воспламененіи, поспѣшно бросали руками въ непріятеля; подобное средство примѣнялось преимущественно при осадѣ и оборонѣ городовъ. Вѣроятно, эти разрывные металлическіе сосуды были завезены въ наше отечество иностранными техниками, и получили названіе „кувшиновъ съ зельемъ“, а впослѣдствіи—ручныхъ гранатъ.

3) Снаряды *зажигательные*: они встрѣчаются уже, какъ было сказано, въ 1514 году при осадѣ Смоленска. О нихъ же упоминаетъ князь Курбскій, въ разсказѣ о взятіи замка Феллина, называя ихъ *кулями огненными*.— Простѣйшая и въ то время, вѣроятно, единственная конструкція ихъ была та, что каменное ядро облѣпливалось горючимъ составомъ и въ такомъ видѣ оно выстрѣливалось изъ орудія.

Если при производствѣ орудій древней русской артилеріи, не было какихъ-либо опредѣленныхъ правилъ въ назначеніи калибровъ и конструкціи орудій; если вообще не существовало опредѣленной организаціи этого *наряда*, какъ отдѣльнаго рода оружія, то не было также, разъ навсегда, установленнаго подраздѣленія его на отдѣльные виды,

*) См. рис. № 38.

**) См. соч. Бранденбурга.

***) Такую картечь употребилъ пушкарь Стефанъ при осадѣ Смоленска въ 1514 году.

въ томъ именно смыслѣ, какъ это существуетъ, напримѣръ, въ настоящее время. Однако, во всей массѣ орудій древняго *наряда*, можно встрѣтить три вида артилерійскихъ орудій, по ихъ боевому назначенію: артилерію осадную, полковую и крѣпостную.

Отличительною чертой осадной артилеріи, *стѣнобитнаго наряда*, была огромность орудій этого отдѣла, назначеніе которыхъ ясно опредѣляется самимъ приведеннымъ названіемъ. При дѣйствіи противъ крѣпостей, все возлагалось на калибръ орудій; не останавливались поэтому ни передъ какими затрудненіями и пожертвованіями, сопряженными какъ съ доставкой чудовищныхъ орудій на мѣсто, такъ и съ самымъ ихъ употребленіемъ, потому что случаи разрыва подобныхъ орудій были не рѣдки и дошли до насъ въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ. Отъ времени Іоанна Грознаго сохранилось огромное осадное орудіе, пищаль *Инрогъ*, (работы Андрея Чохова), вѣсящее около 454 пудовъ; извѣстно также, какъ уже сказано, что подъ Казанью въ 1552 году было 150 орудій осадной артилеріи, кромѣ полковой, причемъ меньшія изъ нихъ были — по полторы сажени.

Существованіе въ царствованіе Іоанна IV и въ позднѣйшее время *полковой* артилеріи, соотвѣтствующей *полевой* настоящаго времени, не подлежитъ сомнѣнію: про полковыя орудія говоритъ, напримѣръ, князь Курбскій, описывая осаду Казани. Исчисливъ составъ осадной артилеріи, онъ прибавляетъ: *окромъ того были польныя* (полевыя) *многія около царскихъ шатровъ* *). Въ документахъ, относящихся къ войнѣ Іоанна Грознаго съ Стефаномъ Баторіемъ, встрѣчаются также полковыя орудія.

Въ укрѣпленныхъ городахъ существовалъ городовой нарядъ—*крѣпостная артилерія*. Составъ ея былъ самый разнообразный и вмѣстѣ съ тѣмъ самый многочисленный: сюда входили орудія мѣдныя, желѣзныя и чугунныя, начиная съ самыхъ мелкихъ, стрѣлявшихъ небольшими пулями,— затинныхъ пищалей,— и доходя до орудій средней величины. Орудія очень большія не входили въ составъ крѣпостной артилеріи.

Ознакомившись съ матеріальной частью русскаго *наряда* временъ Грознаго, обратимся къ ратнымъ людямъ, служившимъ у этого наряда.

Существовало ли у насъ до XVI столѣтія особое сословіе пушкарей, положительныхъ извѣстій о томъ не сохранилось, такъ какъ до этого времени подобное названіе носилъ всякій, кто могъ заряжать пушку и стрѣлять изъ нея. Но со времени Іоанна Грознаго, положившаго начало постоянному русскому войску и организаціи служилыхъ сословій, пушкари являются какъ особое сословіе, съ извѣстными правами, принадлежащее къ разряду низшихъ, сословно-служилыхъ людей, и обязанное исключительною службою при *нарядѣ*. Пушкари селились въ горо-

*) *Н. Устряловъ*: „Сказанія князя Курбскаго“, стр. 21.

дахъ особыми слободами, владѣли потомственно участками земли, отправляли всякіе промыслы и, какъ члены городского общества, могли быть избираемы въ извѣстныя должности и пр. Пушкари были *московскіе* и *городовые;* быть московскимъ пушкаремъ считалось почетнѣе, нежели другихъ городовъ; имъ шло и содержаніе нѣсколько большее. Новые члены вступали въ сословіе пушкарей лишь за ручательствомъ служившихъ, причемъ послѣдними давалась *поручная запись*. Существовали ли какія-либо правила при выборахъ въ пушкари, т.-е. требовалась ли отъ поступающихъ какая-либо подготовка къ предстоявшей имъ службѣ у наряда и, вообще, нѣкоторое обладаніе искусствомъ, связаннымъ съ ихъ новымъ званіемъ, извѣстій не имѣется. Можетъ быть, что съ началомъ учрежденія пушкарей, какъ особаго служилаго сословія, къ городовымъ нарядамъ начали *прибирать* такихъ людей (даточныхъ или *охочихъ*), которые уже прислуживали у орудій или были *стрѣлять гораздо*. Но вѣроятнѣе всего, что артилерійское дѣло усваивалось пушкарями уже по поступленіи въ это сословіе, или передавалось отъ отца къ сыну, какъ бы по наслѣдству. Во всякомъ случаѣ, при Іоаннѣ Грозномъ пушкари, по крайней мѣрѣ московскіе, владѣли уже извѣстными познаніями по артилерійскому дѣлу: отличныя для того времени, дѣйствія русскаго *наряда* подъ Казанью въ 1552 г. слѣдуетъ, какъ кажется, объяснить не только искусствомъ начальствовавшаго этимъ *нарядомъ* боярина Морозова, но и знаніемъ своего дѣла пушкарями; московскіе пушкари времени Іоанна IV были уже знакомы и съ техникой артилерійскаго дѣла.

Вмѣстѣ съ пушкарями, и на одинаковыхъ съ ними правахъ въ службѣ у наряда, считались также *затинщики*, назначавшіеся для дѣйствія изъ пищалей затинныхъ, и *воротники*, на обязанности которыхъ лежало оберегать ворота городовыхъ остроговъ. т.-е. укрѣпленій, съ стоявшими на нихъ пушками. Въ штатѣ наряда состояли также *кузнецы*— для производства всякой кузнечной подѣлки при острогахъ и орудіяхъ, и *плотники*—для всякихъ деревянныхъ подѣлокъ. Кузнецы и плотники находились не во всѣхъ городахъ.

Управленіе нарядомъ въ полевой рати, и дѣйствіе изъ него до послѣднихъ лѣтъ княженія Василія IV, находилось по прежнему, въ рукахъ тѣхъ же иностранныхъ мастеровъ, на обязанности которыхъ лежала и самая техника изготовленія орудій. Въ то время опытными пушкарями дорожили болѣе, чѣмъ пушками. Герберштейнъ въ своихъ „Запискахъ о Московіи“ разсказываетъ, что когда, послѣ пораженія русскихъ войскъ подъ Казанью (въ 1506 г.), возвратились въ Москву безъ орудій два пушкаря, спасшіеся вмѣстѣ съ другими бѣгствомъ, то великій князь Василій III принялъ ихъ благосклонно и одного изъ нихъ, Бартоломея, щедро наградилъ; наоборотъ, къ третьему пушкарю, возвратившемуся изъ того же пораженія съ пушкою, которую онъ сберегъ, ве-

ликій князь отнесся гнѣвно и сказалъ: „ . . . къ чему такое безполезное стараніе спасти пушку? Я ни во что ставлю ея потерю, лишь бы остались у меня люди, умѣющіе лить пушки и обходиться съ ними". Слова эти прямо показываютъ обиліе тогда московской артилеріи и недостатокъ при ней въ артилеристахъ. Объ отсутствіи въ то время на Руси русскихъ людей, которые могли бы „обходиться съ пушками", свидѣтельствуетъ тотъ же Герберштейнъ. „Они не знаютъ—говоритъ онъ—различія пушекъ или, правильнѣе сказать, ихъ употребленія. Не знаютъ, когда должно употреблять большія пушки, которыми разрушаютъ стѣны, или малыя, которыми разрываютъ ряды и останавливаютъ натискъ непріятелей. Это часто бываетъ и особенно случилось въ то время, когда носился слухъ, что татары, вотъ-вотъ, осадятъ Москву. Ибо, растерявшись, намѣстникъ приказалъ поставить большую пушку передъ воротами крѣпости,—при смѣхѣ нѣмецкаго бомбардира,—потому что едва въ три дня можно было бы привезти ее туда, и къ тому же, выстрѣливъ одинъ разъ, она разрушила бы сводъ и ворота" *).

Постепенно потомъ ближайшее завѣдываніе нарядомъ отъ иностранцевъ переходитъ въ руки русскихъ воеводъ; однако, нарядъ этотъ въ распоряженіи послѣднихъ, незнакомыхъ съ дѣломъ или споривщихъ о мѣстничествѣ, большею частью погибалъ ни за что. Такъ, мы видѣли, что князь Иванъ Палецкій, плывшій въ 1524 году изъ Нижняго-Новгорода въ Казань съ хлѣбомъ и съ тяжелымъ огнестрѣльнымъ снарядомъ, не зналъ, какъ справиться съ устроенною черемисами въ узкомъ мѣстѣ Волги, между островами, запрудою, и, осыпаемый съ нагорнаго берега стрѣлами ихъ и, потерявъ нѣсколько тысячъ людей убитыхъ или потонувшихъ, пустился къ русскому стану (къ Казани) лишь съ немногими судами, побросавъ въ рѣку большую часть военныхъ снарядовъ. А въ 1530 году, при осадѣ Казани же,—*„промежь большими воеводами пришла брань и обозу города-гуляя не сомкнуша, и пришла черемиса и городъ-гуляй взяли и пищалей затинныхъ 70..."*

Но подобныя неудачи не ослабляютъ, однако, довѣрія русскихъ людей къ могучему средству для борьбы съ противникомъ; артилерійское дѣло продолжаетъ развиваться, и въ средѣ русскихъ появляются люди, которые уже съ искусствомъ пользуются нарядомъ при осадѣ и оборонѣ городовъ. Такъ въ 1534 г. *пищальники* черниговскаго воеводы князя Ѳедора Мезецкаго *„не дали литовцамъ крѣпко приступать къ городу"*; ни одинъ походъ, начиная съ казанскаго въ 1552 году, не совершается безъ наряда, ввѣряемаго, какъ отдѣльная часть войска, особому начальнику (изъ воеводъ) или двумъ, при которыхъ съ 1559 года являются *головы* у *наряда* **), вѣроятно, въ полкахъ. Успѣхомъ своимъ

*) „Записки о Московіи" барона Герберштейна, переводъ И. Анонимова, стр. 141 и 78.

**) „Древ. Рос. Вивліофика" т. XIII, стр. 280—319. Разряды 1559 года.

подъ Казанью, Іоаннъ IV много обязанъ, какъ уже упомянуто было, отличному дѣйствію русскаго *наряда:* искусному управленію имъ боярина Михаила Яковлевича Морозова и помогавшихъ ему дьяка Выродкова и окольничаго В. П. Морозова, начальствовавшаго *турами* (батареями) Большаго полка, а равно—и хорошему знанію своего дѣла московскихъ пушкарей. Вообще, можно сказать, что при Іоаннѣ IV артилерійское дѣло стояло на весьма удовлетворительной степени развитія, какъ никогда въ до-Петровской Руси. Въ царствованіе его, не только успѣли образоваться опытные, по тому времени, русскіе артилеристы, но и русскій людъ, вообще, былъ уже не чуждъ умѣнью обращаться съ орудіями. Доказательствомъ послѣдняго служитъ событіе въ Москвѣ, ознаменовавшее собою первые дни царствованія Ѳеодора Іоанновича: тысячъ двадцать вооруженныхъ людей, чернь, граждане, боярскія дѣти, возбужденныя клеветою на ненавистнаго имъ любимца царя, боярина Бѣльскаго, устремились къ Кремлю, овладѣли въ Китай-городѣ тяжелымъ нарядомъ и, обративъ къ запертымъ Флоровскимъ (Спасскимъ) воротамъ Дебосисову царь-пушку, едва было не открыли пальбу, предупрежденную лишь объявленіемъ, что Бѣльскій будетъ удаленъ изъ Москвы. Не ограничиваясь хорошимъ знаніемъ техники артилерійскаго дѣла, московскіе пушкари, временъ Іоанна Грознаго, умѣли блюсти честь своего оружія. Исторія сохранила доблестный случай проявленія чувства долга и полнаго самоотверженія московскими пушкарями подъ Венденомъ въ 1578 году: послѣ малодушнаго бѣгства изъ стана четырехъ воеводъ съ конницею, оставшись съ *нарядомъ* и горстью другихъ храбрецовъ, московскіе пушкари встрѣтили противника съ оружіемъ въ рукахъ и, видя неминуемую гибель ввѣренныхъ имъ орудій, предпочли смерть плѣну; окруженные непріятелями, они не сдались, а обхватили свои орудія и были на нихъ изрублены *).

Итакъ, московскіе пушкари временъ *Грознаго* обладали уже извѣстными познаніями по артилерійскому дѣлу. Какимъ путемъ пріобрѣтались ими эти познанія, неизвѣстно, но имѣются указанія, что при Іоаннѣ IV, въ Москвѣ ежегодно производилась стрѣльба артилеріи, въ присутствіи Государя. Было ли это собственно ежегодное практическое ученье или смотръ искусства пушкарей, предварительно приготовлявшихся къ тому практической стрѣльбой,—рѣшить нельзя, за неимѣніемъ данныхъ. Очевидецъ одной изъ подобныхъ практикъ, тотъ же англичанинъ Дженкинсонъ, описываетъ ее слѣдующимъ образомъ:—„за нѣсколько времени до наступленія дня, назначеннаго для смотра, въ полѣ за предмѣстьями Москвы было установлено два прочныхъ деревянныхъ, набитыхъ землею сруба, до тридцати футовъ толщиною, передъ которыми

*) *Герберштейнъ:* „Записки о московской войнѣ".

находились двѣ бѣлыхъ мишени; все это назначалось для оцѣнки силы и дѣйствительности артилерійскаго огня... *). Царю со свитою также устроено особое помѣщеніе, откуда можно было слѣдить за результатами дѣйствія снарядовъ. По окончаніи описанныхъ приготовленій, вся наличная артилерія, находившаяся въ Москвѣ, была вывезена на мѣсто стрѣльбы, установлена передъ срубами и наведена въ нихъ; а затѣмъ, 12-го декабря, былъ произведенъ и самый смотръ... Послѣ окончанія стрѣльбы пищальниками, т.-е. ружейной, наступила очередь артилеріи. Орудія сдѣлали залпъ греческимъ огнемъ **), что представило очень эффектный видъ, и начали дѣйствовать по деревяннымъ срубамъ. Сперва стрѣляли пушки малыхъ калибровъ, такъ что въ теченіе первой очереди, огонь прошелъ по всей линіи, постепенно переходя все къ большимъ и большимъ орудіямъ; потомъ послѣдовалъ перерывъ для новаго заряжанія, и произведена была, тѣмъ же порядкомъ, вторая очередь. Къ концу третьей, оба сруба не существовали, хотя и были очень крѣпко сдѣланы“ ***).

Существовала ли подобная стрѣльба для пушкарей другихъ городовъ, свѣдѣній не имѣется, но очень вѣроятно, такъ какъ иначе, первые не могли бы обладать никакою опытностью въ своемъ дѣлѣ.

3. Сторожевая пограничная стража****).

Говоря объ организаціи вооруженныхъ силъ на Руси въ царствованіе Іоанна Грознаго и Ѳеодора Іоанновича, нельзя не упомянуть объ устройствѣ въ то время сторожевой пограничной службы.

Границы сѣверо-восточной Руси, сосѣднія при-волжскимъ, придонскимъ и даже при-днѣпровскимъ степямъ, издавна называвшіяся Московскою Украйною, подвергались частымъ и опустошительнымъ набѣгамъ татаръ и требовали постоянной и бдительной стражи если не для защиты предѣловъ государства, то для наблюденія за движеніями татаръ въ Украйнѣ и своевременнаго доставленія извѣстій о семъ пограничнымъ воеводамъ и въ Москву. Это обстоятельство вынудило московскихъ государей учредить здѣсь, съ упомянутою цѣлью, *пограничную стражу*. Стража эта вначалѣ имѣла характеръ скрытыхъ притоновъ разъѣзжихъ *сторожей и станичниковъ*, расположенныхъ по рѣкамъ Хопру, Дону, Быстрой и Тихой Соснѣ и Воронежу, и только позднѣе, съ уничтоженіемъ зависимости отъ татаръ, съ расширеніемъ предѣловъ Великаго Княжества Московскаго и подчиненіемъ ему удѣльныхъ князей,

*) Далѣе слѣдуетъ описаніе приготовленій для оцѣнки ружейной стрѣльбы.

**) Вѣроятно зажигательными снарядами, въ родѣ нынѣшнихъ ракетъ.

***) *Н. Е. Бранденбургъ:* „Истор. Катал. С.-Петербургскаго артил. музея“, стр. 88.

****) См. соч. *И Бѣляева:* „О сторожевой станичной и полевой службѣ на польской украйнѣ Московскаго государства“.

сторожи стали увеличиваться и постепенно обращаться въ укрѣпленныя линіи, на всемъ протяженіи юго-восточныхъ границъ государства. Съ этого времени, появляется здѣсь въ пограничныхъ городахъ и станицахъ, особый классъ служилыхъ людей, образованный и содержимый правительствомъ, извѣстный подъ именемъ *городовыхъ казаковъ*. О нихъ уже было упомянуто въ обзорѣ конницы и пѣхоты русскаго войска; здѣсь же замѣтимъ, что пограничные городовые казаки, обязывались постоянно быть на службѣ, ѣздить въ степи, наблюдать за движеніями татаръ по извѣстнымъ дорогамъ, называемымъ *шляхами и сакмами*, перехватывать языковъ и доставлять вѣсти воеводамъ и государю, а въ случаѣ нечаяннаго набѣга ордынцевъ—защищать украинскіе города. Потомъ, московскіе государи начали противупоставлять татарскимъ набѣгамъ на границы самихъ же татаръ, поселяя въ украинскихъ городахъ татарскихъ царевичей и князей, переходившихъ со своими ордами на службу московскихъ государей, и отдавая во владѣніе имъ города и волости, въ покоренныхъ татарскихъ или пограничныхъ земляхъ.

Въ малолѣтство Іоанна IV, былъ построенъ Темниковъ и укрѣплены другіе города по Украйнѣ; а разъѣзды сторожей и станичниковъ проникли далеко въ степи: Донецъ, Донъ, Волга и другія степныя рѣки ближайшія къ Крыму, Ногайской ордѣ и Казани, были уже оцѣплены московскими сторожами, которые разъѣзжали по всѣмъ направленіямъ отъ Алатыря и Темникова до Рыльска и Путивля. Благодаря этому, вторженіе въ русскіе предѣлы татарскихъ ордъ не являлось неожиданностью для воеводъ и намѣстниковъ пограничныхъ городовъ. Съ 1556 года, пограничные отряды начали проникать даже въ Крымъ, для нападенія на татаръ, въ ихъ собственныхъ улусахъ *).

Но всѣ эти, дошедшія до насъ извѣстія о сторожевой пограничной службѣ, отрывочны и неполны, и не даютъ понятія о внутреннемъ устройствѣ ея; по нимъ можно даже полагать, что распоряженія московскаго правительства по этой службѣ были случайными, вызывающимися временными обстоятельствами, и не имѣли связи другъ съ другомъ. Однако, сохранившіеся отъ 1571 года оффиціальные документы, не оставляютъ сомнѣнія, что служба эта постепенно развивалась, и имѣла извѣстную организацію; что съ 1571 года, ей дано было лучшее устройство, и порядокъ отправленія ея опредѣленъ былъ законодательнымъ актомъ.

1-го числа января упомянутаго года, назначенъ былъ главнымъ начальникомъ сторожевой пограничной службы извѣстный воевода князь Михаилъ Ивановичъ Воротынскій, которому и приказано было дать ей лучшее устройство. Дабы ознакомиться съ состояніемъ этой службы до него, князь Воротынскій перебралъ всѣ росписи и книги по этому дѣлу,

*) См. выше дѣйствія дьяка Ржевскаго, атамана Чулкова, князя Вишневецкаго и Даніила Адашева.

хранившіяся въ *Разрядѣ*; собралъ подробныя свѣдѣнія о ней, отъ вызванныхъ въ Москву, по приказанію царя, станичниковъ и сторожей и приступилъ къ составленію устава сторожевой пограничной службы.

Изъ упомянутыхъ изслѣдованій князя Воротынскаго оказывается, что лѣтъ за 15 до 1571 года существовала уже длинная цѣпь укрѣпленныхъ городовъ по всей Украйнѣ, отъ Алатыря и Темникова до Рыльска и Путивля, и что сторожевая служба была въ вѣдѣніи *Разряднаго Приказа*, въ который доставлялись всѣ росписи станицъ и сторожъ.

По географическому положенію, укрѣпленные украинскіе города можно раздѣлить на передніе и задніе. Къ передней линіи укрѣпленныхъ городовъ принадлежали: Алатырь, Темниковъ, Кадомъ, Шацкъ, Ряжскъ, Данковъ, Новосиль, Орелъ, Рыльскъ, Путивль и Новгородъ-Сѣверскъ; впереди этой линіи, въ самой степи, мѣстами были покопаны рвы, сдѣланы засѣки, забои на рѣкахъ, и другія полевыя укрѣпленія, занятыя стражею.

Вторую укрѣпленную линію, ближайшую къ Москвѣ, составляли: Нижній-Новгородъ, Муромъ, Касимовъ, Рязань, Тула, Кашира, Серпуховъ и Звенигородъ. Рѣка Ока составляла, такимъ образомъ, твердую границу государства и постоянно охранялась значительными отрядами.

Въ городахъ находились воеводы и осадные головы, съ отрядами служилыхъ людей—боярскихъ дѣтей, городовыхъ казаковъ, служилыхъ татаръ и потомъ стрѣльцовъ. Стрѣльцы назначались, собственно, для обороны городовъ и очень рѣдко высылались въ степи на засѣки. Боярскія дѣти, казаки и служилые татары, раздѣлялись на городовыхъ или полковыхъ, назначавшихся только для защиты городовъ и отраженія непріятеля на границѣ и—на станичныхъ и сторожевыхъ, несшихъ собственно сторожевую и разъѣздную службу и высылавшихся для сего, поочередно, въ степь, для разъѣздовъ и занятія сторожевыхъ притоновъ (карауловъ *). За сторожевую разъѣздную службу они получали особое жалованье, высшее полковаго или городоваго, и удовлетворялись отъ казны за всѣ убытки и потери, понесенные ими въ разъѣздахъ. Вслѣдствіе сего, лошади, сбруя и вооруженіе сторожей, при отправленіи ихъ въ степь, оцѣнивались воеводами, которые разцѣнку эту вносили въ особыя книги.

У царя имѣлись чертежи и списки укрѣпленнымъ городамъ, съ означеніемъ, въ какомъ состояніи находятся укрѣпленія и сколько въ нихъ войска; съ помощію этихъ данныхъ и донесеній о движеніяхъ непріятелей, можно было правильно соображать оборону линіи и государства и, смотря по надобности, передвигать войска.

---

*) Сторожевые притоны отстояли другъ отъ друга на полдня пути и ближе, очень рѣдко на 1—2 дня пути; тянулись по верховьямъ Сейма, Псёла, Ворсклы, Донца и ихъ притоковъ, черезъ Донъ къ Воронежу.

16-го февраля 1571 года былъ утвержденъ и объявленъ, составленный княземъ Воротынскимъ, уставъ сторожевой и пограничной службы. Уставъ этотъ опредѣлялъ порядокъ отправленія службы на сторожахъ и въ разъѣздахъ; равно и отвѣтственность за неисправное несеніе ея. Имъ опредѣлялось: смѣну въ передовыхъ сторожахъ производить не спѣшиваясь съ лошадей; разъѣзду состоять не менѣе какъ изъ двухъ конныхъ; пищу передовымъ постамъ варить въ закрытыхъ мѣстахъ, причемъ два раза на одномъ мѣстѣ огня не разводить; выбирать мѣста для сторожъ удобныя для наблюденія вдаль; не оставаться въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ во время дня и ночи; открывъ непріятеля, сторожевой караулъ не медля даетъ извѣстіе о семъ въ ближайшій городъ, а самъ остается и обязанъ не только высмотрѣть силы и направленіе движенія непріятеля, но даже узнать, что есть въ тылу у него, и сообщить о томъ, прежде чѣмъ непріятель достигнетъ линіи, въ ближайшій городъ и сосѣднимъ сторожевымъ карауламъ. Сторожа, которые, не дождавшись смѣны, самовольно оставляли свои посты, подвергались смертной казни, если въ это время „учинилась бы“ война на Украйнѣ. Сторожа, за опозданіе смѣны своихъ товарищей, должны были платить, въ пользу этихъ послѣднихъ, штрафъ—по полуполтинѣ въ день на человѣка. Если дозоры замѣтятъ, что сторожа стоятъ небрежно и невнимательно и до урочищъ не доѣзжаютъ, то таковые наказывались кнутомъ. Лошадей предписывалось имѣть крѣпкихъ и быстрыхъ.

Сторожевые караулы выставлялись весною и лѣтомъ на 6 недѣль, а осенью на мѣсяцъ, и оставались на службѣ въ полѣ до выпаденія снѣговъ. Для повѣрки бдительности и осмотра впереди лежащей мѣстности, посылались изъ городовъ особые отряды станичниковъ съ ихъ головами.

Это устройство сторожевой пограничной службы, на опытѣ показало свою полезную сторону. Въ 1571 году Девлетъ-Гирей сдѣлалъ набѣгъ, но въ Молодинскомъ бою на берегахъ Оки былъ разбитъ. Наши успѣли собрать свои силы, сдѣлать окопы и принять битву тамъ, гдѣ было выгодно. Самъ Гирей, въ грамотѣ Іоанну IV, 23-го августа 1571 года, съ похвалою отзывается о бдительности новыхъ сторожей на украинской сторонѣ.

Впослѣдствіи уставъ былъ дополненъ; опредѣлено было, напримѣръ, чтобы разъѣзды, встрѣчаясь на извѣстныхъ урочищахъ, мѣнялись выданными имъ знаками, дабы начальники могли изъ того видѣть, что они доѣзжаютъ до опредѣленныхъ имъ урочищъ.

Въ 1574 году начальникомъ надъ сторожевой и станичной службой назначенъ былъ бояринъ Никита Романовичъ Юрьевъ, близкій родственникъ царя. При немъ порядокъ отправленія этой службы остался прежній, а служилые чины получили прибавку помѣстьями и окладами и денежнымъ жалованьемъ.

Пограничныя укрѣпленія и сторожевые разъѣзды подвигались впередъ *), и съ теченіемъ времени дѣлались перемѣны въ расположеніи сторожъ и въ направленіи разъѣздовъ.

Въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича, въ 1586 году, линія украинскихъ городовъ была выдвинута въ степь до рѣки Быстрой Сосны и устья р. Воронежа, когда построены были Ливны и Воронежъ, и учреждено по нѣскольку сторожъ отъ каждаго изъ нихъ.

Около этого времени, въ украинскую сторожевую службу Московскаго государства начали поступать черкасы, или малороссійскіе казаки, селившіеся вначалѣ въ Путивльскомъ уѣздѣ, и получавшіе за сторожевую и станичную службу помѣстья и жалованье, наравнѣ съ коренными служилыми людьми Московскаго государства. Затѣмъ были построены украинскіе города: Елецъ (около 1592 года) на Быстрой Соснѣ, Кромы (въ 1595 г.) и Бѣлгородъ (въ концѣ царствованія Ѳеодора Іоанновича).

Въ это же царствованіе, по Волгѣ, отъ Нижняго-Новгорода до Астрахани и даже до Терека, является особая линія сторожевыхъ разъѣздовъ отъ волжскихъ и яицкихъ казаковъ, зависѣвшихъ отъ своихъ атамановъ. Пограничнымъ воеводамъ они не подчинялись, и русскіе пограничные города служили для нихъ только пунктами для доставленія вѣстей о движеніяхъ непріятеля и для приведенія плѣнныхъ. За разъѣздную службу они получали жалованье, выдававшееся деньгами, суконами, свинцомъ, ямчугою (селитрою) и даже виномъ; если же они присоединялись къ московскому войску для похода, то получали на все время этой службы кормъ на людей и лошадей, а иногда и деньги.

4. Внутреннее устройство войскъ. — Управленіе войскомъ въ мирное и военное время. — Содержаніе войска. — Жалованье и продовольствіе. — Награды за службу.

Высшими военными учрежденіями въ Россіи въ разсматриваемую эпоху были приказы: *Розрядный*, *Стрѣлецкій* и *Пушечный*.

Розрядный приказъ былъ главнымъ правительственнымъ мѣстомъ для всего русскаго войска, и соотвѣтствовалъ нынѣшнему Главному Штабу. Онъ объявлялъ царскія повелѣнія о назначеніи разныхъ лицъ къ должностямъ службы военной и гражданской, о наградахъ за службу и объ отставкѣ изъ оной; въ немъ распредѣлялись жалованье служилымъ людямъ, помѣстные оклады и назначенія на службу ратныхъ людей. Въ *Розрядѣ* же велись особыя книги службы городовъ и отдѣльныхъ лицъ, а также—сторожевой, пограничной; на обязанности его ле-

*) Въ 1575 году въ укрѣпленную линію вошли: Брянскъ, Почепъ, Стародубъ, Новосиль, Болховъ, Одоевъ, Плова, Веневъ, Серпейскъ, Калуга, Мокшанскъ и Осколъ; нѣкоторые изъ нихъ построены вновь, а другіе укрѣплены и болѣе приспособлены къ сторожевой службѣ.

жало составленіе соображенія о численности войска для предстоящаго похода.

Стрѣлецкій приказъ имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи стрѣльцовъ и городовыхъ казаковъ, а *Пушечному**) приказу былъ подчиненъ весь личный и матеріальный составъ *наряда*; кромѣ того, онъ вѣдалъ городовое дѣло, постройку укрѣпленій и засѣкъ, *городовыхъ мастеровъ* и колодезныхъ, — другими словами, совмѣщалъ въ себѣ, по-нынѣшнему, главное артилерійское и, отчасти, инженерное управленія.

Кромѣ того, была *Казанская изба* (переименованная потомъ *Дворцомъ* и наконецъ *Приказомъ*), вѣдавшая гражданское и военное управленіе Казанскаго царства, а съ 1599 года и Сибири.

По окончаніи похода, всѣ дворяне, дѣти боярскія, даточные люди, новокрещены, мурзы и князья разъѣзжались по своимъ помѣстьямъ и вотчинамъ. До новаго похода они переставали быть воинами и, наравнѣ съ прочими жителями, поступали въ вѣдѣніе областныхъ начальниковъ, причемъ только были на счету у Розряднаго приказа, который вѣдалъ учетомъ и распорядкомъ ихъ службы. Только стрѣльцы, казаки и пушкари во время мира вѣдались своими военными учрежденіями, и зависѣли (въ городахъ) какъ отъ намѣстниковъ и воеводъ, такъ и отъ своихъ *головъ*.

Съ наступленіемъ войны, управленіе русскимъ войскомъ принимало совершенно иной видъ. Воинъ, надѣвши оружіе, прекращалъ всѣ свои гражданскія отношенія и вполнѣ поступалъ въ распоряженіе данныхъ ему военныхъ начальниковъ. Съ объявленіемъ о походѣ, назначались государемъ полковые *воеводы*. *Большой воевода* (главнокомандующій) выбирался изъ бояръ наиболѣе знатныхъ родомъ. Къ нему придавали *товарища* (иногда двухъ или трехъ). Послѣдній выбирался изъ лицъ менѣе знатныхъ, но болѣе опытныхъ въ ратномъ дѣлѣ. Придача его должна была парализовать недостатки мѣстничества, когда главнымъ воеводой приходилось назначать не достойнѣйшаго, а болѣе знатнаго родомъ; въ этомъ случаѣ, обыкновенно второй воевода и распоряжался всѣмъ, именемъ главнаго. Упомянутые воеводы были при большомъ полку. Въ остальныхъ полкахъ (правой и лѣвой руки, передовомъ и сторожевомъ) было также по два или по три воеводы. Товарищи воеводъ должны были, по крайней мѣрѣ два раза въ недѣлю, дѣлать смотръ и ученье своимъ полкамъ, а также судить ратныхъ людей за всѣ проступки и безпорядки, произведенные въ лагерѣ. Въ числѣ полковыхъ воеводъ были также начальствовавшіе: ертауломъ, нарядомъ (артилеріей) или *воевода у наряда* и гуляй-городомъ—*гулявый* или *гуляинъ* (начальникъ обоза). Къ обязанности послѣдняго относились, между прочимъ, выборъ мѣста

---

*) Съ 1627 года сталъ писаться *Пушкарскимъ*.

для гуляй-города и постановка его въ зависимости отъ выбранной позиціи; въ его же распоряженіи находилось до 1.000 отборныхъ всадниковъ для разъѣздовъ*).

Всѣ полковые воеводы назначались, по-прежнему, по извѣстному родословному старшинству ихъ и считались *мѣстами*. Этотъ обычай, вредный для воинскаго порядка и благоустройства, для дѣйствій и успѣховъ войскъ, особенно усилился при Іоаннѣ IV, несмотря на строгія мѣры для обузданія его, и былъ причиной частыхъ ссоръ, распрей и тяжбъ между воеводами, а также происходящихъ отъ того въ войскѣ безпорядковъ и неудачъ (напримѣръ—въ ливонскихъ походахъ). Только присутствіе въ войскѣ самого Іоанна прекращало между воеводами всѣ споры *за мѣста* и тѣмъ устраняло одну изъ главныхъ причинъ военныхъ неудачъ. Въ важныхъ случаяхъ, государь приказывалъ быть „безъ мѣстъ", а иногда и, вѣроятно не разъ, посылалъ изъ Москвы довѣренныхъ лицъ для прекращенія мѣстническихъ споровъ и возстановленія порядка въ войскѣ.

Назначеніе воеводъ въ полки и къ *наряду*, а равно и дьяковъ въ войсковое управленіе, объявлялось *Розрядомъ* указомъ, въ которомъ прописывалось также, „*которому городу* (т.-е. дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ) *у котораго воеводы по списку писаться*" по прибытіи на общій сборный пунктъ**). Въ каждой отдѣльной рати было особое управленіе, состоявшее изъ дьяковъ, подьячихъ, судей и пр.; оно носило названіе *Розряда* и завѣдывало административною и судебною частью войска.

Кромѣ полковыхъ, были воеводы городовые; они имѣли власть военную и гражданскую и раздѣлялись на нѣсколько степеней: *полковые и осадные, осадные и городовые*. Первые начальствовали какъ гарнизонами, такъ и полевыми войсками; вторые—одною какою-либо крѣпостью и ея гарнизономъ; а послѣдніе—второстепенными и малыми городами и находившимися въ нихъ войсками.

Кромѣ воеводъ, въ каждомъ полку были *головы* или частные военачальники, занимавшіе вторыя мѣста послѣ воеводъ; затѣмъ существовали: *обозный*, или *голова у обоза*, завѣдывавшій войсковыми тяжестями и обозами, и *голова у наряда* (вѣроятно, въ полкахъ). Затѣмъ слѣдовали низшіе начальники: *сотники, пятидесятники и десятники*.

Начало содержанію войска на жалованьѣ положилъ Іоаннъ IV. Онъ постановилъ, какъ мы видѣли уже, всѣмъ чинамъ войска производить во время похода опредѣленное денежное жалованье; стрѣльцы и городовые казаки получали по полтинѣ денегъ въ годъ, а пушкари, воротники, плотники и кузнецы по рублю въ годъ, всѣ—сверхъ хлѣбнаго довольствія. Установленъ былъ также при немъ особый окладъ помѣст-

*) *Флетчеръ:* „О Русскомъ государствѣ".

**) См. „Древ. Рос. Вивліоф.", часть XIV, стр. 324—328. *Розрядъ* 1577 года..

нымъ и денежнымъ жалованьемъ за сторожевую пограничную службу; а въ 1594 году былъ изданъ указъ о жалованьѣ за убытки на сторожевой пограничной службѣ. Указомъ этимъ всѣ вознагражденія были опредѣлены болѣе точно, нежели прежде. При Ѳеодорѣ Іоанновичѣ войско получало уже ежегодные, противъ прежнихъ болѣе значительные, оклады жалованья: дворяне *большіе* получали отъ 70 до 100 руб. *) въ годъ, *средніе*—отъ 40 до 60 руб. и дѣти боярскія—отъ 20 до 30 руб. Половина этого жалованья выдавалась имъ въ Москвѣ, а другую половину они получали въ полѣ, отъ главнаго воеводы, если участвовали въ походѣ. Сумма всего выдававшагося въ годъ жалованья на царскій полкъ простиралась до 55.000 рублей. На конное войско (около 65 тыс.), собиравшееся ежегодно на берегахъ Оки, выдавалось около 40.000 руб. Стрѣльцы получали жалованья по 7 руб. въ годъ и, кромѣ того, по 12 мѣръ ржи и столько же овса.

Почти все войско, по-прежнему, служило на собственномъ продовольствіи. Одни стрѣльцы получали изъ казны опредѣленное количество зернового хлѣба, овса и т. п. Служилымъ татарамъ и казакамъ давалось, на конскій кормъ, по двѣ деньги на лошадь въ день. Обыкновеннымъ походнымъ продовольствіемъ, по-прежнему, были: у простыхъ и у бѣднѣйшихъ ратниковъ—толокно и сухари, а у достаточныхъ—сушеныя, соленыя или копченыя мясо или рыба. Продовольственные припасы пополнялись въ походѣ покупкою. Если же войскамъ случалось оставаться на мѣстѣ въ теченіе значительнаго промежутка времени, какъ, напримѣръ, при продолжительныхъ осадахъ, то войска продовольствовались при посредствѣ фуражировки, для производства которой высылались отряды, называвшіеся *кормовщиками*. Иногда, для обезпеченія довольствія войскъ во время войны, хлѣбные запасы, заблаговременно, свозились въ опредѣленные города, какъ это было, напримѣръ, во время ливонскихъ походовъ; доставлять эти запасы было обязанностью посошныхъ людей; запасы доставлялись въ города также по подряду. Иногда приказывалось готовить по всему пути движенія войскъ людскіе и конскіе кормы, *„чтобъ ратнымъ людямъ безъ корму не быть, а крестьянству по дорогѣ насилій и грабежа кормоваго не было“*. Іоаннъ строго взыскивалъ съ воеводъ, которые позволяли своимъ ратнымъ людямъ, въ походѣ черезъ Русскія земли, брать что-либо насильно.

Въ награду отличныхъ подвиговъ, государь, какъ и прежде, жаловалъ своихъ воеводъ помѣстьями, золотыми (венгерскими, португальскими и пр.), почетными доспѣхами и одеждою, золотыми цѣпями, военными и придворными званіями. Высшею степенью наградъ для военачальника было наименованіе — *слуги царскаго*. За время царствованія

*) Тогдашній рубль составлялъ около 4 нынѣшнихъ металлическихъ.

Іоанна IV и Ѳеодора Іоанновича только двое изъ бояръ получили это званіе: князь Михаилъ Ивановичъ Воротынскій и Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ.

5. Состояніе военно-инженернаго искусства въ Россіи въ XVI ст.—Система обороны государства при посредствѣ укрѣпленныхъ городовъ.—Распредѣленіе послѣднихъ по границамъ и внутри государства.—Оборонительныя ограды укрѣпленныхъ городовъ.—Военные строители.—Полевое инженерное искусство.

Мы видѣли, что еще въ періодъ до-Монгольскій, Русь имѣла болѣе 300 укрѣпленныхъ городовъ. Число ихъ затѣмъ постепенно возрастаетъ и притомъ безъ всякой, повидимому, связи относительно общей обороны Россіи. До половины XV столѣтія, укрѣпленіе городовъ обусловливалось, какъ необходимостью дать имъ защиту отъ внѣшняго врага, такъ и междуусобными распрями великихъ и удѣльныхъ князей, безпрерывно продолжавшимися отъ начала образованія Русскаго государства, до введенія въ немъ единодержавія, и сопровождавшимися грабежами и разореніями. Уже съ XIV вѣка, внутренняя и внѣшняя оборона государства укрѣпленіями, была значительно, противъ прежняго, усилена и усовершенствована. Многіе изъ большихъ и важнѣйшихъ внутреннихъ городовъ были укрѣплены вновь; укрѣпленія другихъ возобновлены и улучшены, а равно построены новые укрѣпленные города, особенно на восточныхъ и южныхъ границахъ. Съ соединеніемъ раздробленныхъ частей Руси, съ уничтоженіемъ внутреннихъ домашнихъ распрей, при оборонѣ ея можно было имѣть въ виду однихъ внѣшнихъ враговъ. Съ этого времени и, въ особенности, съ уничтоженіемъ татарскаго ига, опредѣлилась относительная важность каждой части границъ государства и та степень опасности, которой подвергались онѣ отъ нападеній сосѣдей, весьма различавшихся по ихъ гражданскому и военному образованію и политическимъ ихъ видамъ. Дѣйствительно, принимавшіяся съ того времени для обороны границъ средства, по силѣ и характеру ихъ, вполнѣ соотвѣтствовали военному образованію сосѣднихъ народовъ, которымъ они были противупоставлены: такъ, по западной границѣ встрѣчается наибольшее число городовъ съ каменными оградами; на южной границѣ отличительный характеръ обороны состоялъ въ расположеніи множества укрѣпленныхъ городовъ малыхъ размѣровъ, въ совокупности съ сторожевыми линіями; восточная граница имѣла для обороны меньшее число укрѣпленныхъ пунктовъ, чѣмъ южная, и не столь сильнаго расположенія, какъ западная; наконецъ, сѣверная граница была укрѣплена слабѣе прочихъ.

Изъ значительнаго числа укрѣпленныхъ пунктовъ въ XVI столѣтіи, весьма немногіе имѣли каменныя ограды или каменные кремли,

а именно: *на западной границѣ*—Новгородъ (каменный кремль), Псковъ, Порховъ, Островъ, Ладога, Изборскъ, Гдовъ, Орѣшекъ, Иванъ-Городъ, Ямы, Смоленскъ и Можайскъ. *На южной сторонѣ*—Тула (кремль), Серпуховъ, Зарайскъ (кремль) и Коломна. *На восточной границѣ*—Нижній-Новгородъ (кремль), Казань (кремль) и Астрахань (1589 г.). *Въ срединѣ Россіи*—Москва. Всѣ остальные укрѣпленные города имѣли земляныя или деревянныя ограды.

Укрѣпленные города на южной и юго-восточной границѣ, вообще необширные и обнесенные деревянными оградами, весьма опасными для обороны въ случаѣ поджога ихъ, не могли, конечно, противупоставить сильнаго отпора непріятелю, еслибы послѣдній, пользуясь своею многочисленностью и нѣкоторымъ умѣньемъ вести осаду, атаковалъ ихъ надлежащимъ образомъ. Но этой опасности для нихъ какъ бы не существовало. Непріятель большею частью оставлялъ ихъ у себя въ тылу и устремлялся къ Москвѣ, овладѣніе которою было постоянною цѣлью его предпріятій. Первую преграду на этомъ пути представляла р. Ока, по берегамъ которой располагались обыкновенно войска для воспрепятствованія переправѣ непріятеля. Здѣсь, или подъ стѣнами столицы, происходилъ главный бой между русскими ратями и татарскими полчищами. Тѣмъ же путемъ, непріятель безпрепятственно удалялся изъ предѣловъ Россіи. Такимъ образомъ, пограничные укрѣпленные города, не оказывали здѣсь никакого вліянія на ходъ военныхъ дѣйствій; они не могли ни остановить непріятеля при его наступленіи, ни преградить ему отступленія, и вся польза отъ нихъ состояла только въ доставленіи личнаго обезпеченія укрывавшимся подъ защиту ихъ стѣнъ жителямъ окрестныхъ мѣстъ, да въ своевременномъ извѣщеніи о показавшемся противникѣ.

При Іоаннѣ IV оборонительная линія на р. Окѣ была усилена: Серпуховъ былъ окруженъ каменною оградою вмѣсто деревянной; вновь сооружены были ограды (деревянныя): Михайлова, Пронска, Шацка и другихъ городовъ, и проведена засѣчная линія, извѣстная подъ общимъ названіемъ *Тульской засѣки*. Она окончена была при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ. Линія эта, проходя черезъ городъ Тулу, тянулась на протяженіи 125 верстъ, и упиралась оконечностями въ гг. Одоевъ и Веневъ.

Несмотря на эти послѣднія сооруженія, южная граница государства въ XVI столѣтіи, попрежнему, представляла мало обезпеченія противъ внезапныхъ вторженій непріятеля. Кромѣ того, средства обороны, служившія къ охраненію средины Россіи, находились въ весьма близкомъ разстояніи отъ столицы, что было крайне опасно для нея, и губительно для цѣлаго края государства, потому что все пространство, которое проходилъ непріятель, разорялось имъ на значительное протяженіе въ ширину. Это обстоятельство и побудило, вѣроятно, правитель-

ство, перенести систему обороны на южной границѣ по возможности далѣе на югъ. Эта система ясно обозначилась при царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, когда линія укрѣпленныхъ городовъ значительно выдвинулась впередъ, черезъ построеніе городовъ: Ельца, Кромъ, Ливенъ, Воронежа и другихъ. Вмѣстѣ съ построеніемъ г. Кромъ (1594 г.) были сдѣланы засѣки и въ другихъ украйнныхъ мѣстахъ.

Перенесеніе укрѣпленной линіи болѣе на югъ, т.-е. далѣе отъ Москвы, было важно еще и въ томъ отношеніи, что противникъ обнаруживался ранѣе, чрезъ что выигрывалось время для принятія мѣръ къ оборонѣ Москвы, или для встрѣчи непріятеля въ полѣ.

Важность обороны западной границы Россіи, по возстановленіи въ ней единодержавія, возрастала вмѣстѣ съ ея могуществомъ. Этою стороною соприкасалась она съ Европою, откуда только и могла заимствовать все, что было необходимо для ея образованія. Но, съ той же стороны, у нея были самые непріязненные и наиболѣе опасные для нея сосѣди. Поэтому-то, здѣсь и находилось большое число лучше укрѣпленныхъ городовъ *), между которыми Псковъ и Смоленскъ были замѣчательны по своей обширности и сильному расположенію оборонительныхъ оградъ.

Укрѣпленія Пскова были весьма сильны по тому времени и съ успѣхомъ выдержали, въ 1581 году, осаду Стефана Баторія. Покореніе Смоленска (1514 г.) значительно увеличило оборонительную силу западной границы и затруднило для непріятеля доступъ къ столицѣ Россіи. До 1596 года онъ имѣлъ деревянную ограду, а въ этомъ году приступлено было къ укрѣпленію его каменною оградою.

Заложеніе этой важной крѣпости состоялось въ присутствіи правителя государства Бориса Годунова, который, по возвращеніи въ Москву, какъ говорятъ, сказалъ царю, что Смоленскъ будетъ *ожерельемъ Россіи*; „по въ семъ ожерельѣ,—возразилъ ему князь Трубецкой,—могутъ завестись насѣкомыя, коихъ мы не скоро выживемъ“. *Слово достопамятное!*—говоритъ лѣтописецъ:—*оно сбылось, ибо Смоленскъ, нами укрѣпленный, сдѣлался твердынею Литвы* **). Строеніе крѣпости окончилось въ слѣдующее царствованіе, въ 1660 году.

На восточной границѣ, при Іоаннѣ IV, построены были Свіяжскъ, Чебоксары и другіе, а равно — возобновлены и улучшены укрѣпленія Казани. На сѣверѣ Россіи возвели, въ 1584 году, деревянный острогъ въ Архангельскѣ, какъ въ пунктѣ важномъ въ торговомъ отношеніи; укрѣпили Вологду деревянными стѣнами, и въ 1565 году начаты были работы по возведенію вокругъ нея каменной стѣны, вскорѣ, однако, прекращенныя.

---

*) Впрочемъ, между ними были и съ земляными оградами, какъ напримѣръ: Себежъ, Велижъ, Почепъ и Стародубъ (земляная ограда была возведена вмѣсто сгорѣвшей деревянной).

**) *Карамзинъ*: „Ист. Гос Рос.“, т. X, стр. 211

Наконецъ, опорными пунктами въ Сибири, въ царствованіе Іоанна Грознаго и Ѳеодора Іоанновича, были: Тюмень, Тобольскъ и Березовъ. Оборонительная ограда первыхъ двухъ состояла изъ деревянной рубленой стѣны съ башнями, а укрѣпленіе третьяго составлялъ острогъ, помѣщенный на земляномъ валу.

Укрѣпленія столицы государства — Москвы—постепенно усиливались. Въ 1485 году Іоаннъ III перестроилъ и распространилъ кремль, при посредствѣ итальянскихъ зодчихъ Антона Фредцини и Марко.

Стѣны кремля образовали, въ планѣ, неправильный пятиугольникъ, окруженный съ трехъ сторонъ водами р. Москвы и рѣчки Неглинной. Высота ихъ измѣнялась отъ 33 до 54 футовъ, а толщина — отъ 11 до 15 фут.; вершина стѣны была прикрыта зубчатымъ парапетомъ. По окружности ограды находилось 17 башенъ, изъ нихъ шесть: Тайницкая, Константино-Еленская, Флоровская, Никольская, Курятная и Боровицкая—были проѣзжія, и отличались отъ прочихъ высотою и большимъ внутреннимъ просторомъ. Тайницкая башня, обращенная къ р. Москвѣ, заключала колодезь или *тайникъ* *), который, наполняясь водою изъ р. Москвы, снабжалъ ею во время осады всѣхъ жителей. Башни назначались для помѣщенія орудій; со стѣнъ производилась стрѣльба изъ ручного огнестрѣльнаго оружія.

Впослѣдствіи времени, увеличившееся число жителей столицы, тѣснота кремля и важность лежавшаго передъ нимъ посада, въ которомъ, кромѣ храмовъ и домовъ знатныхъ гражданъ, находились всѣ купеческія лавки и торговые рынки, побудили великую княгиню Елену обнести его каменною оградою. Работы, начатыя въ 1534 году, были окончены въ 1538, и такимъ образомъ возникъ *Китай-Городъ*. Эта ограда, касаясь кремлевской башни у Москвы рѣки, окружала посадъ и примыкала у рѣчки Неглинной снова къ кремлю, близъ Никольскихъ воротъ. Стѣны Китай-Города, хотя и менѣе значительныя по высотѣ, чѣмъ кремлевскія, но лучше приспособленныя къ пушечной и ружейной оборонѣ, имѣли 12 башенъ, изъ которыхъ 4 были проѣзжія, а именно: 1) Срѣтенская, впослѣдствіи—Никольская; 2) Троицкая, послѣ—Ильинская; 3) Всесвятская или Варварская и 4) Козмодемьянская. Строителемъ ограды былъ принявшій православіе итальянецъ Петрокъ Малый.

При царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, часть Москвы, лежавшая передъ Китай-Городомъ, и называвшаяся въ то время Загородьемъ, была окру-

*) Тайникомъ называлось встарину то мѣсто на берегу рѣки, скрытое по возможности для противуположнаго берега, откуда жители и гарнизонъ осаждаемаго города добывали воду для ежедневнаго употребленія. Къ этому мѣсту проводилось, изнутри города, крытое сообщеніе, состоявшее изъ подземной галлереи, дно которой шло, смотря по высотѣ и крутизнѣ берега, скатомъ или ступенями (рис. 39 и 40).

жена каменною оградою, помѣщенною на земляномъ валу, и получила названіе *Бѣлаго-Города*. Ограда состояла изъ каменной стѣны съ башнями, изъ которыхъ 9 были проѣзжія. При этомъ же государѣ была возведена (159½ гг.) новая земляная ограда, охранявшая части города, находившіяся за стѣною Бѣлаго-Города, а также лежавшія на правомъ берегу р. Москвы, на протяженіи Кремля, Китай-и Бѣлаго-Городовъ. На вершинѣ вала помѣщался острогъ, оборонявшійся 36 проѣзжими башнями, изъ которыхъ двѣ были каменныя. Эта ограда, а вмѣстѣ съ тѣмъ и часть Москвы, въ ней заключавшаяся, получила названіе Земляного-Города.

Въ заключеніе обзора укрѣпленныхъ городовъ Московскаго государства въ XVI столѣтіи, замѣтимъ, что укрѣпленія всѣхъ важныхъ городовъ, по свидѣтельству Флетчера, вооружены были орудіями, и имѣли гарнизонъ отъ 2 до 3 тысячъ человѣкъ; на случай войны ихъ заранѣе снабжали продовольствіемъ на 2 или на 3 года впередъ.

Что касается самаго способа укрѣпленія русскихъ городовъ въ XV и XVI столѣтіяхъ, то онъ былъ подобенъ существовавшему въ западной Европѣ въ XIV и XV вѣкахъ. Усовершенствованія же въ укрѣпленіяхъ городовъ западной Европы въ XVI вѣкѣ, въ Русскомъ государствѣ въ это время еще не были вводимы.

Оборонительныя ограды, употреблявшіяся въ Россіи до XVIII столѣтія, могутъ быть раздѣлены на 3 главные вида: земляныя, деревянныя и каменныя.

Земляныя ограды, не требовавшія большого искусства при сооруженіи, принадлежали къ наиболѣе древнимъ; но употреблялись еще и въ XVI вѣкѣ. При сооруженіи этихъ оградъ, главныя достоинства ихъ заключались въ значительной высотѣ насыпи и глубинѣ рвовъ, и трудно доступной крутизнѣ тѣхъ покатостей, по которымъ атакующему слѣдовало спускаться и взбираться во время приступа.

Земляная ограда, весьма значительной высоты, усиливалась иногда непрерывнымъ тыномъ; или, на вершинѣ же вала, но меньшаго по высотѣ сравнительно съ первымъ, ставилась деревянная рубленая стѣна. Такимъ образомъ, получались сложныя земляныя ограды. Сообщеніе съ полемъ, въ земляныхъ оградахъ съ деревянною стѣною, производилось вездѣ чрезъ *проѣзжія башни*, которыя, простираясь отъ мѣстнаго горизонта до вершины деревянныхъ стѣнъ (иногда выше ихъ), были огромнѣйшей высоты. Подобную укрѣпленную ограду имѣлъ, напримѣръ, городъ Заволочье на р. Великой. Иногда, башни располагали впереди земляной ограды, во рву, для доставленія послѣднему фланговой обороны. Сообщеніе внутренней площади съ вершиной земляного вала, производилось по деревяннымъ или вырѣзаннымъ во внутренней отлогости вала лѣстницамъ.

Начало употребленія *деревянныхъ оградъ* относятъ къ половинѣ IX столѣтія. Старинныя сказанія не оставили намъ положительныхъ свѣдѣній о частномъ расположеніи древнѣйшихъ деревянныхъ оградъ,—извѣстно только, что стѣны *рубились тарасами.*

Основываясь на томъ, что деревянныя жилища славянъ, въ IX столѣтіи, состояли изъ вѣнчатыхъ срубовъ, можно съ довѣрностью заключить, что и деревянныя ограды сначала устраивались также изъ срубовъ, или, по-тогдашнему, *городней*, поставленныхъ одинъ возлѣ другого. Въ позднѣйшее время, также встрѣчаются въ лѣтописяхъ указанія на деревянныя ограды, составленныя изъ городней. Стѣны подобнаго устройства имѣли важный недостатокъ: мѣста соединенія срубовъ подвергались наибольшему гніенію отъ дождя и снѣга и представляли поэтому слабыя части ограды. Срубы, съ теченіемъ времени, имѣли не одинаковую осадку, что вредило прочности всей ограды и затрудняло самыя дѣйствія обороны.

Стѣны, *рубленыя тарасами*, не имѣли этихъ недостатковъ. Онѣ состояли изъ двухъ вѣнчатыхъ стѣнъ расположенныхъ параллельно между собою, на толщину ограды, и соединенныхъ другими поперечными стѣнами; участокъ деревянной ограды между двумя поперечными стѣнами и составлялъ собственно *тарасу*. Наружная стѣна ограды не достигала дна во рву, но, подобно внутренней, доходила до мѣстнаго горизонта или до вершины вала, гдѣ располагалась ограда, чтобы тѣмъ затруднить атакующему возможность зажечь стѣну.

Въ половинѣ XVI столѣтія впервые является мысль, при сооруженіи деревянныхъ оградъ, дать впереди лежащей мѣстности оборону, огнемъ въ нѣсколько ярусовъ *). Эти же условія, при сооруженіи деревянныхъ оградъ, встрѣчаются и въ позднѣйшихъ грамотахъ и наказахъ. Очевидно, что такія требованія обороны не могли не имѣть вліянія на частныя измѣненія прежнихъ стѣнъ, рубленыхъ тарасами и наполненныхъ землею. Ихъ начали замѣнять полыми, или пустыми оградами. Для образованія, напримѣръ, *подошвенныхъ* боевъ въ деревянныхъ стѣнахъ съ тарасами, надлежало нѣкоторыя изъ клѣтокъ стѣны, на высоту 10—12 ф. отъ подошвы, оставить пустыми, образуя потолокъ изъ сплошнаго накатника (см. рис. 41, 42 и 43).

Иногда, деревянныя ограды имѣли выступы, въ видѣ балконовъ, въ полу которыхъ были продѣланы навѣсныя стрѣльницы (см. рис. 42 и 43).

Деревянныя ограды, большею частью, покрывались крышею, которая была одно- или дву-скатною.

*) Въ наказной памяти 1563 года, данной воеводамъ, назначеннымъ въ новозавоеванный Полоцкъ, между прочимъ указывалось: „....*которое мѣсто выгорѣло и то мѣсто велѣти задѣлати накрѣпко, стѣны въ три или четыре, каке будетъ пригоже и землею насыпати и подошвенные бои и башни подѣлати*“.

Для всхода на вершину стѣны употреблялись лѣстницы, прилегавшія къ внутренней сторонѣ ограды. Но сообщеніе можно было имѣть и черезъ башню.

Деревянныя ограды всегда усиливались башнями (*стрѣльницами*), служившими къ внѣшней и внутренней ихъ оборонѣ. Башни — „рубились въ четыре стѣны", но были и многоугольныя. Число закрытыхъ этажей въ башнѣ, назначавшихся для обороны, доходило до трехъ. Такъ-называемыя, подзорныя башни, служившія, кромѣ обороны, еще и для наблюденій за отдаленной окрестною мѣстностью, получали большую высоту и вершина ихъ оканчивалась караульнею или *вышкою* (см. рис. 44). Въ стѣнахъ башенъ дѣлались отверстія, имѣвшія названія *оконъ* и *бойницъ*, для стрѣльбы ружейной или пушечной. Сообщеніе деревяннаго города съ полемъ производилось всегда чрезъ башни; наружныя и внутреннія ворота помѣщались, большею частію, въ противуположныхъ стѣнахъ башни, отъ этого и самый проходъ имѣлъ прямое направленіе. Внутренность прохода преграждалась, иногда, рѣшетками.

Въ числѣ древнихъ укрѣпленныхъ пунктовъ упоминаются *остроги*. Острожная ограда состояла изъ тына, вкопаннаго въ землю и заостреннаго сверху. Ограда эта помѣщалась или на мѣстномъ горизонтѣ, или на вершинѣ небольшаго земляного вала, называвшагося *острожною насыпью* или *острожнымъ валомъ*. Оборона изъ-за острога производилась или поверхъ тына *), или чрезъ бойницы, сдѣланныя въ тынѣ.

Всѣ, вообще, деревянныя ограды нерѣдко усиливались искусственными препятствіями: *тыномъ*, *надолбами* (обрубки дерева, стоймя вкопанные въ 1—2—3 ряда), *частоколомъ* и пр.,—которыя располагали большею частью на днѣ рва.

Каменныя оборонительныя ограды явились въ Россіи въ половинѣ XI столѣтія. Къ древнѣйшимъ изъ нихъ принадлежатъ: ограда Кіева, заложенная Ярославомъ въ 1037 г., и каменный дѣтинецъ Новгорода, начатый въ 1044 году.

Общее расположеніе каменныхъ оградъ, въ планѣ, сохранило до XVIII столѣтія свой опредѣленный характеръ: онѣ состояли изъ стѣнъ, расположенныхъ по многоугольнику, съ башнями, помѣщенными въ исходящихъ углахъ и на протяженіи удлиненныхъ сторонъ; стороны—болѣе доступныя, а иногда и всѣ—окружались рвомъ. Высота каменныхъ стѣнъ измѣнялась отъ 3 до 7 саж., при толщинѣ отъ 9 до 20 фут. Со введеніемъ огнестрѣльныхъ орудій, въ толщѣ стѣнъ начали устраивать различныя помѣщенія для орудій и стрѣлковъ; явились въ стѣнахъ *нижніе* или *подошвенные* бои, *средніе* и *верхніе*. Для первыхъ двухъ, устраивали углубленія (*печуры*, т.-е. ниши); верхній бой нахо-

*) Такъ же, какъ и оборона изъ-за деревяннаго бруствера, поставленнаго на вершинѣ деревянной ограды, т.-е. съ подмостковъ.

дился всегда на вершинѣ, которая прикрывалась съ поля стѣнкой, небольшой толщины, или зубчатымъ парапетомъ. Здѣсь же устраивались навѣсныя стрѣльницы (*косой бой*). Сообщеніе съ вершиною стѣны производилось посредствомъ каменныхъ и деревянныхъ лѣстницъ, называвшихся всходами или взлазами.

Башни въ каменныхъ оградахъ, по наружному очертанію, были: круглыя, полукруглыя, квадратныя, прямо или многоугольныя и неправильнаго вида. Главнымъ назначеніемъ ихъ, кромѣ усиленія обороны лежащей передъ крѣпостью мѣстности ружейнымъ и, въ особенности, пушечнымъ огнемъ, было — составлять опорные пункты, которые служили бы основаніемъ для внутренней обороны города въ то время, когда атакующій овладѣвалъ проломомъ, сдѣланнымъ въ стѣнѣ. Этимъ и объясняется, почему непріятель при атакѣ всегда старался, вмѣстѣ съ проломомъ въ стѣнѣ, разрушать и ближайшія къ нему башни, считая овладѣніе послѣдними болѣе вѣрнымъ ручательствомъ въ успѣхѣ при дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ.

Сообщеніе каменныхъ укрѣпленныхъ городовъ съ полемъ, производилось также большею частью чрезъ башни, по устроенному поперекъ наружнаго рва мосту. Для обороны внутренняго прохода дѣлались иногда въ полу этажа навѣсныя стрѣльницы надъ нимъ, или же употребляли опускныя рѣшетчатыя ворота.

Кромѣ этихъ воротъ, для сообщенія съ полемъ, устраивались иногда потаенные выходы, называвшіеся *вылазными воротами* или *вылазами* *) и располагавшіеся такъ, чтобы непріятель не могъ замѣтить ихъ съ поля.

Къ числу укрѣпленныхъ пунктовъ относились также, нѣсколько, окруженныхъ оборонительными оградами монастырей; ограды ихъ, хотя и предназначались единственно для охраненія монастырскаго достоянія, однако, не разъ, оказывали полезное вліяніе на ходъ военныхъ дѣйствій **), и на оборону государства, что въ особенности проявилось въ смутное время для Московскаго государства, какъ увидимъ въ послѣдствіи. Устройство каменныхъ монастырскихъ оградъ, имѣло большое сходство съ городскими, отличаясь отъ послѣднихъ лишь нѣсколько меньшими размѣрами.

Обращаясь къ строителямъ оборонительныхъ оградъ городовъ, замѣтимъ, что при деревянныхъ сооруженіяхъ русскіе не нуждались въ иностранныхъ руководителяхъ, такъ какъ техническое искусство наше, по этой части, вообще находилось на высокой степени совершенства.

---

*) Служили собственно для вылазокъ.

**) Въ 1581 году Печерскій монастырь со славою выдержалъ нѣсколько приступовъ отряда Фаренсбаха изъ арміи Стефана Баторія, и заставилъ непріятеля отступить безъ всякаго успѣха.

Вотъ что говоритъ Жанъ-Соважъ Діепскій, бывшій въ Россіи въ 1586 г. про оборонительную ограду города Архангельска: — „она составляетъ замокъ, сооруженный изъ бревенъ, заостренныхъ и перекрестныхъ; постройка его изъ бревенъ превосходна; нѣтъ ни гвоздей, ни крючьевъ; но все такъ хорошо отдѣлано, что нечего похулить. Хотя у строителей русскихъ всѣ орудія состоятъ въ однихъ топорахъ, но ни одинъ архитекторъ не сдѣлаетъ лучше, какъ они дѣлаютъ“ *). Первыми строителями каменныхъ сооруженій были итальянцы (Аристотель Фіоравенти, Марко, Петръ-Антоній, Петрокъ Малый и другіе), прибывшіе въ Россію въ разное время въ царствованіе Іоанна III, Василія Іоанновича и Іоанна IV, и нашедшіе у насъ техническую часть этого строительнаго искусства въ большомъ несовершенствѣ. Подъ ихъ руководствомъ, образовались потомъ русскіе строители, которые были единственными распорядителями работъ при сооруженіи оборонительныхъ оградъ въ то время, когда сосѣднія державы запрещали чужеземнымъ художникамъ проѣзжать чрезъ свои владѣнія въ Россію. Изъ числа наиболѣе замѣчательныхъ русскихъ строителей разсматриваемой эпохи, были: дьякъ *Иванъ Выродковъ*, строитель Свіяжска (1551 г.) и деревянной рубленой ограды города Галича (1557 г.), руководившій осадными работами при Казани въ 1552 году; *Кононъ Ѳедоровъ*, строитель (1586 г.) Бѣлаго или Царева Города въ Москвѣ, и *Ѳедоръ Соловьевъ Коня*, бывшій *городовымъ мастеромъ* при сооруженіи (1597 г.) новой ограды г. Смоленска.

Городовые мастера были уже большею частью русскіе строители, и находились постоянно въ главныхъ городахъ, откуда ихъ посылали и въ другіе ближайшіе города. О городовыхъ мастерахъ упоминается во всѣхъ наказахъ воеводамъ, вновь назначавшимся въ города, а также въ розрядахъ, гдѣ подъ этимъ названіемъ слѣдуетъ разумѣть лицъ, которыхъ наряжали къ *городовому дѣлу* **).

Въ царствованіе Іоанна IV, встрѣчается въ лѣтописяхъ новое названіе—*размыслъ*, данное нѣмцу, который принималъ дѣятельное участіе въ осадныхъ работахъ подъ Казанью въ 1552 году. Появленіе *нѣмчина размысла* какъ бы положило начало пріѣздамъ въ Россію нѣмецкихъ строителей, постоянно продолжавшимся до конца XVIII столѣтія.

Полевое инженерное искусство въ русскихъ войскахъ въ XVI столѣтіи находилось въ томъ же положеніи, что и въ предыдущіе вѣка. Попрежнему, при занятіи позиціи для обороны, русскіе прибѣгали иногда къ полевымъ окопамъ, имѣвшимъ сомкнутое очертаніе, что удостовѣряетъ отчасти и самое названіе—*городовъ* или *городковъ*, даваемое имъ лѣтописцами; обширность окоповъ зависѣла отъ числа помѣщавшихся въ нихъ войскъ; а фигура могла состоять изъ четырехъ и болѣе сто-

*) *Ѳ. Ласковскій:* „Матеріалы для исторіи инженернаго искусства въ Россіи“, ч. I.

**) „Древ. Рос. Вив.“, ч. XIV. Розряды 1584 и 1585 годовъ.

ронъ, съ одними исходящими или и входящими углами, на подобіе нынѣшнихъ редутовъ.

Въ одно время, съ введеніемъ въ употребленіе орудій при оборонѣ полевыхъ окоповъ, явился у насъ новый родъ полевыхъ оградъ, подъ названіемъ *гуляй-города*. Подробности устройства гуляй-города въ нашихъ лѣтописныхъ сказаніяхъ не сохранились. Англичанинъ Флетчеръ такъ описываетъ его устройство и употребленіе *):—„Въ войнѣ оборонительной, или въ случаѣ сильнаго нападенія татаръ на русскую границу, войско сажаютъ въ походную или подвижную крѣпость (называемую вежа, или гуляй-городъ), которая возится при немъ подъ начальствомъ воеводы *гулевого*. Эта походная или подвижная крѣпость такъ устроена, что, смотря по надобности, можетъ быть растянута въ длину на одну, двѣ, три, четыре, пять, шесть, семь миль, на сколько станетъ. Она заключается въ двойной деревянной стѣнѣ, защищающей солдатъ съ обѣихъ сторонъ, какъ съ тылу, такъ и спереди, съ пространствомъ около 3 ярдовъ между той и другой стѣной, гдѣ они могутъ, не только помѣщаться, но также имѣютъ довольно мѣста, чтобы заряжать свои огнестрѣльныя орудія и производить изъ нихъ пальбу, равно какъ и дѣйствовать всякимъ другимъ оружіемъ. Стѣны крѣпости смыкаются на обоихъ концахъ, и снабжены съ каждой стороны отверстіями, въ которыя выставляются дула ружей. Ее возятъ вслѣдъ за войскомъ, куда бы оно ни отправлялось, разобравъ на составныя части и разложивъ ихъ на телѣги, привязанныя одна къ другой, и запряженныя лошадьми, коихъ однако не видно, потому что онѣ закрыты поклажей, какъ бы навѣсомъ. Когда привезутъ ее на мѣсто, гдѣ она должна быть поставлена (которое заранѣе избираетъ и назначаетъ гулевой воевода), то раскидываютъ, по мѣрѣ надобности, на одну, иногда на двѣ, на три мили и болѣе. Ставятъ ее очень скоро, не нуждаясь притомъ ни въ плотникѣ, ни въ какомъ-либо инструментѣ, ибо отдѣльныя доски такъ сдѣланы, чтобы прилаживать ихъ одна къ другой. Эта крѣпость представляетъ стрѣляющимъ хорошую защиту противъ непріятеля, особенно противъ татаръ, которые не берутъ съ собою въ поле ни пушекъ, ни другихъ орудій, кромѣ меча, лука и стрѣлъ. Внутри крѣпости ставятъ даже нѣсколько полевыхъ пушекъ, изъ коихъ стрѣляютъ, смотря по надобности“.

Однако, изъ этого описанія нельзя утвердительно сказать, какъ ставилась собственно деревянная ограда на позиціи—прямо на землю, или же ограду гуляй-города составляли собственно телѣги, съ поставленными на нихъ деревянными щитами, въ которыхъ сдѣланы отверстія для стрѣльбы; но въ послѣднемъ случаѣ трудно было бы производить таковую изъ-за подобной ограды, такъ какъ, судя по описанію

*) *Флетчеръ:* „О Русскомъ государствѣ“, глава 17.

Флетчера, телѣги были высоки („поклажа закрывала лошадей"). Поэтому, возможно, что ограда гуляй-города состояла изъ деревянныхъ щитовъ, поставленныхъ на колеса (зимою на полозья). По разстановкѣ на мѣстѣ, щиты эти скрѣплялись между собою деревянными, желѣзными или веревочными связями. При этомъ именно предположеніи и данъ чертежъ гуляй-города (рис. 45, 46 и 47) *). На позиціи онъ могъ образовать или длинную ограду ея, или отдѣльные опорные пункты, въ видѣ нынѣшнихъ редутовъ. Названіе *города*, данное лѣтописцами гуляйной оградѣ, допускаетъ мысль, что она чаще составляла сомкнутую фигуру.

Изъ исторіи войнъ извѣстно, что примѣненіе въ полевомъ бою подобной подвижной крѣпости встрѣчалось и ранѣе появленія гуляй-города: въ XV вѣкѣ, во время религіозныхъ войнъ, предводитель гуситовъ Жижка употреблялъ въ бою *обозную крѣпость*, устройство которой, впрочемъ, отличалось отъ гуляй-города; была ли извѣстна нашимъ предкамъ эта *обозная крѣпость*, или гуляй-городъ составлялъ самобытное русское изобрѣтеніе, во всякомъ случаѣ, трудно сказать.

6. Сборъ войскъ (конницы).—Походныя движенія.—Боевой порядокъ и образъ дѣйствій войскъ въ бою.—Атака и оборона укрѣпленныхъ городовъ.—Характеръ веденія войнъ въ разсматриваемый періодъ.

Порядокъ сбора помѣстныхъ войскъ при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ установился слѣдующій.

Когда предстояла война, начальники четырехъ *четвертей* **) именемъ царя разсылали повѣстки ко всѣмъ областнымъ намѣстникамъ, для объявленія во всѣхъ городахъ, назначенныхъ участвовать въ походѣ, чтобы служилые люди являлись на службу, въ такое-то мѣсто и въ такой-то день, и тамъ представились бы такимъ-то начальникамъ.

Въ своемъ городѣ, дворянинъ обязанъ былъ явиться воеводѣ, который осматривалъ его и его ратниковъ и записывалъ ихъ въ „смотрѣнные списки" съ отмѣткою, кто какъ явился на службу—„коненъ и люденъ". Списки эти потомъ воевода отдавалъ *окладчикамъ*, которые сличали ихъ съ помѣстными списками,—кто явился, вполнѣ, по помѣстному окладу, кто нѣтъ. По сборѣ дворянъ и дѣтей боярскихъ на общихъ сборныхъ пунктахъ, имъ составлялись списки (по городамъ) назначенными для сего розрядомъ особыми лицами ***). Воеводы полковъ повѣряли явившихся, по *нарядным списка*мъ,—всѣ ли собрались. Иногда

*) *Ѳ. Ласковскій:* „Матеріалы для исторіи инженернаго искусства въ Россіи".

**) Для управленія все государство раздѣлилось на четыре управленія, называвшіяся *четвертями* или *четями*: посольская четверть (или приказъ), розрядная четверть (розрядъ), помѣстная и Казанская (изба, впослѣдствіи приказъ); управленіе каждою *четвертью* (приказомъ) находилось въ вѣдѣніи особаго дьяка.

***) См. „Древн. Рос. Вивліофика", ч. XIV. Розряды 1577 года.

производилась общая повѣрка войска. Такъ въ 1556 году, собравъ рать на Окѣ противъ крымскаго хана и прибывъ въ Серпуховъ, Іоаннъ приказалъ воеводамъ счесть дѣтей боярскихъ, по *нарядным*ъ спискамъ. Затѣмъ, получивъ донесеніе отъ воеводъ, что собрались всѣ, и осмотрѣвъ свой полкъ, царь поручилъ князю Владиміру Андреевичу сдѣлать общую повѣрку войска.

Времени для сбора войскъ къ общимъ сборнымъ пунктамъ полковъ требовалось много, что представляло, конечно, весьма важное неудобство, когда война являлась неожиданной; при сборѣ войскъ въ 1577 году въ Новгородѣ и Псковѣ, для похода въ Лифляндію, срокъ сбора войскъ въ упомянутыхъ городахъ, *розрядомъ*, объявленнымъ 1-го апрѣля, назначенъ былъ: 23 апрѣля („Егорьевъ день вешній“), 1 мая (Преполовеньевъ день), 16 мая (Вознесеньевъ день) и 9 іюня („Петрово заговѣйно“) *).

По сборѣ полковъ, осмотрѣ и повѣркѣ обязанныхъ помѣстною службою, полки распредѣлялись на меньшіе отряды, и затѣмъ войска выступали въ походъ по назначенію.

Походныя движенія производились, большею частію, очень медленно,—величина обыкновеннаго перехода не простиралась болѣе 15 верстъ. Походы большими арміями совершались чаще сухимъ путемъ; для подвозки же тяжестей, продовольственныхъ и боевыхъ запасовъ и артилеріи, пользовались при возможности рѣками, въ противномъ случаѣ *нарядъ* перевозился на обывательскихъ лошадяхъ.

При походномъ движеніи арміи, впереди шелъ *яртоулъ*, или легкій кавалерійскій отрядъ, назначеніе котораго было—развѣдываніе о путяхъ и непріятелѣ и обезпеченіе главнаго войска отъ нечаянныхъ нападеній; въ случаѣ движенія по дурнымъ дорогамъ, по болотистой мѣстности, за яртоуломъ высылали особый отрядъ, посошныхъ людей, для починки и устройства мостовъ, гатей и проч. За яртоуломъ слѣдовалъ *передовой полкъ* (авангардъ), потомъ *большой*, или главное войско, и при немъ *нарядъ*; затѣмъ тяжести и обозы и, наконецъ, *сторожевой полкъ* (арріергардъ).

Полки *правой* и *лѣвой руки* слѣдовали на своихъ сторонахъ и, иногда, на большомъ разстояніи отъ главныхъ силъ. Въ случаѣ, если можно было опасаться нападенія непріятеля значительными силами, съ одной изъ этихъ сторонъ, соотвѣтствующій полкъ усиливался, какъ это было, напримѣръ, при движеніи подъ Казань въ 1552 году.

При движеніи вблизи отъ непріятеля, наблюдали большую осторожность, посылая во всѣ стороны разъѣзды. Однако, развѣдывательная служба на дальнія разстоянія, велась не всегда исправно; этимъ и можно только объяснить нечаянное нападеніе литовцевъ на войска князя Петра Шуйскаго въ 1564 году, при движеніи его отъ Чашниковъ къ Оршѣ. Этотъ же примѣръ свидѣтельствуетъ, что иногда, при походныхъ

*) Тамъ же.

движеніяхъ вдали отъ непріятеля, оружіе и доспѣхи ратниковъ везлись за войсками на повозкахъ.

На ночлегъ войска располагались *станами* въ мѣстахъ изобиловавшихъ водою, лѣсомъ и пастбищами. На ночь станъ обезпечивался отъ нечаяннаго нападенія противника выставлявшимися часовыми. Начальники имѣли ставки, а простые воины строили себѣ шалаши изъ прутьевъ и соломы. Передъ выступленіемъ съ ночлега, отдавалось приказаніе, въ какое именно время, которому изъ полковъ, выступать.

Встрѣтясь съ непріятелемъ въ открытомъ полѣ, войска большею частью располагались оборонительно, усиливаясь мѣстностью, иногда окопами, въ особенности—гуляй-городомъ. Относительно боевого порядка русскихъ войскъ того времени опредѣленныхъ указаній дать нельзя,—вопросъ этотъ не выясненъ. Ему и по настоящее время не удѣлено надлежащаго мѣста въ нашей военной литературѣ. Можно полагать, что пѣхота составляла центръ боевого порядка и дѣйствовала пассивно, усиливаясь мѣстностью или прикрываясь гуляй-городомъ; по флангамъ и впереди строилась кавалерія, первою начинавшая бой. *Резервъ* является, повидимому, постоянно составною частью боевого порядка, располагаясь всегда укрыто, — „въ засадѣ“: искусно пользуясь резервомъ (главными силами, расположенными въ засадѣ), князь Горбатый-Шуйскій разбилъ Япанчу во время осады Казани въ 1552 году; обходомъ и ударомъ резерва въ тылъ крымскихъ татаръ князь Воротынскій рѣшилъ участь Молодинской битвы въ 1572 году. Конница дѣйствовала по способу иррегулярному: стремительность и сила перваго удара и малая стойкость при встрѣчѣ сильнаго сопротивленія были отличительными чертами ея образа дѣйствій. Если конницѣ удавалось, съ перваго раза, сломить непріятеля, то побѣда была рѣшена, и ей оставалось преслѣдованіемъ довершить пораженіе разбитаго врага; если противникъ стойко выдерживалъ первый натискъ русской конницы,—послѣдняя быстро приходила въ разстройство, и въ безпорядкѣ бросалась назадъ за пѣхоту, которая принимала на себя всѣ удары непріятеля, и подъ защитой мѣстныхъ препятствій или гуляй-города сражалась съ необыкновеннымъ упорствомъ. Весьма дѣятельную помощь оказывалъ ей *нарядъ*, располагавшійся за оградою гуляя, а иногда отдѣльно, въ батареяхъ. Между тѣмъ, воеводы устраивали конницу и снова вводили ее въ бой. Неожиданное появленіе резерва изъ засады, атака во флангъ или тылъ противника рѣшали участь сраженія. Преслѣдованіе разбитаго врага, хотя и велось, но слабо.

Относительно управленія русскими войсками въ бою, не встрѣчаемъ обстоятельныхъ извѣстій. По свидѣтельству Флетчера, *большіе дворяне* (начальники) привязывали къ своимъ сѣдламъ по небольшому мѣдному барабану, въ который они били, отдавая приказаніе или устремляясь на непріятеля. Кромѣ того, были еще другіе большіе мѣдные барабаны,

которые возились за воеводами на деревянныхъ щитахъ, положенныхъ на четырехъ поставленныхъ рядомъ лошадяхъ, связанныхъ цѣпями. Къ каждому такому барабану приставлялось по 8 барабанщиковъ. Посредствомъ этого боя воеводы и управляли, вѣроятно, движеніями и дѣйствіями своихъ полковъ. Барабанный бой замѣнялъ, слѣдовательно, нынѣшніе сигналы, адъютантовъ и ординарцевъ.

Наконецъ, бросимъ бѣглый взглядъ на искусство русскихъ войскъ въ крѣпостной войнѣ.

До половины XV вѣка, осадное искусство въ Россіи сдѣлало весьма малые успѣхи: тягостное 200-лѣтнее иго татаръ и постоянные раздоры князей, неизбѣжно сопровождавшіеся междуусобными войнами, разрушали внутреннее благосостояніе Россіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ лишали ее всѣхъ средствъ къ гражданскому и военному образованію. Введеніе огнестрѣльныхъ орудій, въ теченіе долгаго времени не производило существенныхъ измѣненій въ старинныхъ пріемахъ взятія укрѣпленныхъ городовъ. Объясняется это дурнымъ состояніемъ осадной артилеріи, не имѣвшей, ни собственныхъ искусныхъ пушкарей, ни свѣдущихъ по этой части иноземцевъ, слабымъ вооруженіемъ огнестрѣльными орудіями непріятельскихъ городовъ, что давало возможность съ успѣхомъ обращаться къ штурму, и недостаткомъ, вообще, инженерныхъ познаній. Такимъ образомъ, до Іоанна IV, въ осадномъ искусствѣ измѣнились только средства, т.-е. старинныя стѣнобитныя машины замѣнены были огнестрѣльными орудіями, но характеръ осадъ остался прежній.

Произведенная въ 1552 году осада Казани, превосходила, по искусству ея веденія, какъ предшествовавшія, такъ и послѣдовавшія осады, и какъ бы выказала всѣ познанія русскихъ по этой части *). Успѣхомъ своимъ это предпріятіе, составляющее славную страницу въ исторіи нашего отечества обязано какъ искусству главныхъ русскихъ воеводъ, участниковъ этой знаменитой осады, и вообще отличному дѣйствію русскихъ войскъ, такъ и предварительнымъ распоряженіямъ Іоанна IV, его характеру и настойчивости въ достиженіи поставленной цѣли. Сооруженіемъ укрѣпленнаго Свіяжска, царь положилъ первое основаніе успѣху осады: владѣя укрѣпленнымъ пунктомъ, русскія войска имѣли возможность, въ теченіе зимы, предшествовавшей осадѣ, покорить многія изъ племенъ, принадлежавшихъ царству Казанскому; а войска, назначенныя для осады, нашли здѣсь пріютъ, послѣ долгаго и труднаго похода.

Многочисленная армія и матеріальныя средства, назначенныя для осады Казани, соотвѣтствовали важности предпріятія—покоренію столицы значительнаго царства, съ паденіемъ которой должно было рушиться и это послѣднее. Главныя дѣйстія при осадѣ были основаны на подкопахъ, неизвѣстныхъ татарамъ, которые поэтому не могли при-

*) См. главу X.—Взятіе Казани.

нять противъ нихъ никакихъ оборонительныхъ мѣръ. Наконецъ, объединеніе власти надъ арміей въ рукахъ царя имѣло важное вліяніе на исходъ осады. Запрещены были отдѣльныя дѣйствія: въ полкахъ—безъ приказаній воеводъ, и этихъ послѣднихъ—безъ приказаній царя. Благодаря этому, всѣ дѣйствія войскъ получили извѣстный порядокъ, надлежащее направленіе и послѣдовательность.

Что касается собственно инженернаго искусства въ этой осадѣ, то оно носитъ еще переходный характеръ,—здѣсь замѣтно смѣшеніе прежняго способа атаки съ новымъ. Для осады употреблена была многочисленная артилерія и, въ то же время, привезены были рубленыя башни, тарасы и другія принадлежности прежнихъ осадъ, оставленныя западными народами. Вмѣсто циркумъ- и контръ-валаціонныхъ линій, входившихъ тогда во всеобщее употребленіе на Западѣ, русскіе прибѣгли для обложенія города къ тыну и турамъ. Здѣсь, въ первый разъ, употребили закопи, траншеи и подступы, для приближенія къ наружному краю рва; но работы эти производилсь еще медленно и были не совершенны.

Способы приближенія къ крѣпостному рву турами, заложеніе туровъ (батарей) и вооруженіе ихъ осадными орудіями, были уже выяснены въ своемъ мѣстѣ, при описаніи осады Казани.

При послѣдующихъ осадахъ этого царствованія, русскіе, опять обратились къ старому способу атаки, т.-е. къ производствамъ изъ огнестрѣльныхъ орудій проломовъ въ городской стѣнѣ и затѣмъ — приступамъ. Только осада Ревеля, въ 1570 году, представляетъ нѣкоторое исключеніе, такъ какъ здѣсь встрѣчаются дѣйствія постепенной атаки, при посредствѣ траншей. Впрочемъ, характеръ этихъ работъ въ точности неизвѣстенъ,—ихъ слѣдуетъ скорѣе считать случайностью, и приписать совмѣстному дѣйствію русскихъ войскъ, съ нѣмецкими дружинами Магнуса.

Оборона укрѣпленныхъ городовъ въ Россіи съ древнѣйшихъ временъ, находилась на высокой степени совершенства, что обусловливалось моральными свойствами русскаго народа и, затѣмъ, пріемами инженернаго искусства. Она всегда была наступательная, активная. Предки наши не ограничивались оборонoю собственно городской ограды, а выходили въ поле, *производили вылазки*. Послѣднія являлись нерѣдко цѣлыми сраженіями, изъ которыхъ оборонявшіеся отступали въ городъ, когда уже не видѣли возможности держаться болѣе въ полѣ. При подобномъ способѣ обороны, защитники городовъ дѣлились на двѣ части, изъ которыхъ одна назначалась для обороны стѣнъ или вала, а другая—для производства вылазокъ. До начала осады городъ приводился въ оборонительное положеніе: исправляли поврежденія городской ограды, заграждали всѣ излишніе выходы въ поле, и ограждали выходы, оставлявшіеся для производства вылазокъ. Заботились о снабженіи крѣпости водою, для чего исправлялись *тайники*, или устраивали новые колодцы;

иногда располагали искусственныя препятствія впереди ограды, для удержанія противника какъ можно долѣе подъ выстрѣлами. Принимали мѣры для тушенія пожаровъ, для чего разставляли кадки съ водою; жгли предмѣстья, жители которыхъ удалялись въ городъ, и т. п. Не довольствуясь защитою заранѣе построенныхъ оградъ, сооружали во время осады, внутри города, другія, временныя, и за ними защищались съ неменьшимъ упорствомъ.

Защитники городовъ, называвшіеся сначала *заставою*, *засадою*, а впослѣдствіи *осадными людьми* и *сидѣльцами*, раздѣлялись, какъ было упомянуто, на двѣ части. Часть войска, назначенная собственно для обороны ограды, распредѣлялась по стѣнамъ, башнямъ и воротамъ. Въ большихъ городахъ, оборона наружной ограды ввѣрялась нѣсколькимъ воеводамъ, изъ которыхъ каждый, независимо отъ другихъ, завѣдывалъ своимъ участкомъ, подчиняясь главному воеводѣ. Каждый изъ такихъ участковъ подраздѣлялся на меньшіе, которыми завѣдывали *головы*: *осадные* и *объѣзжіе*. Размѣщеніе орудій, во время приведенія города въ оборонительное положеніе, вѣроятно, не представляло большихъ затрудненій, потому что вооруженіе оградъ было вообще ограниченно; притомъ же большая часть орудій, находившихся въ башняхъ, оставалась тамъ и въ мирное время. Въ приготовительныхъ работахъ и оборонѣ города, принимали дѣятельное участіе и жители его: они заготовляли камни для ближайшей обороны, подносили снаряды и пр.

Наиболѣе замѣчательной обороной укрѣпленнаго города въ XVI столѣтіи является оборона Пскова въ 1581 году *). Дѣйствія этой обороны показываютъ, что: 1) оборона велась активно, вылазки производились значительными силами и отличались рѣшительнымъ характеромъ; 2) крѣпостная артилерія, хотя сравнительно слабая и разбросанная по стѣнамъ и башнямъ, въ рѣшительныя минуты оказывала важное содѣйствіе гарнизону при отбитіи штурмовъ, и 3) оборона была и подземная, заключавшаяся въ перехватываніи непріятельскихъ подкоповъ; она велась съ знаніемъ дѣла и имѣла важное значеніе. Объ употребленіи пороха въ подкопахъ русскіе въ первый разъ узнали въ 1535 году, при оборонѣ г. Стародуба **). А спустя 17 лѣтъ послѣ того, они употребили подкопы, какъ главное средство, при осадѣ Казани въ 1552 году. Здѣсь работы эти велись еще подъ руководствомъ *нѣмчина размысла*, у котораго были русскіе ученики; но въ 1581 году, русскіе уже сами производили подземныя работы, и притомъ болѣе сложныя. Онѣ состояли въ веденіи слуховыхъ галлерей (*слуховъ*), которыя, выдаваясь за городскую стѣну, наблюдали за движеніями непріятеля подъ землею, и преграждали ему дальнѣйшій путь. Благодаря всѣмъ искуснымъ оборонитель-

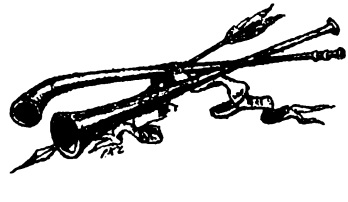
*) См. главу XI—Оборона Пскова 1581 г.

**) См. главу IX.

нымъ мѣрамъ, и мужественной, упорной оборонѣ, сто-тысячная армія Стефана Баторія, должна была отказаться отъ атаки и осады Пскова и обратиться къ блокадѣ, чтобы голодомъ заставить осажденныхъ положить оружіе—но едва сама не погибла отъ голода и холода.

Обращаясь, въ заключеніе, къ боевымъ достоинствамъ русскихъ войскъ царствованія *Грознаго* и его преемника, замѣтимъ, что военно-помѣстная система не могла, конечно, не отразиться неблагопріятно на боевыхъ качествахъ ихъ, что было замѣчено еще и при Іоаннѣ III, установившемъ начало этой системы. При *Грозномъ*, недостатки ея оказались еще замѣтнѣе. Воиномъ былъ уже не свободный дружинникъ, не знавшій ничего, кромѣ ратнаго дѣла, а помѣщикъ. Привязанный къ помѣстью всѣми своими интересами, не привыкшій къ военному дѣлу, для него случайному и временному, онъ не могъ имѣть, и не имѣлъ, боевыхъ качествъ дружиннаго воина. „Испомѣщеніе“, въ сравненіи со старинною дружиною, погубило воинственный, *богатырскій духъ* въ русскихъ войскахъ. Однако, славные боевые подвиги ихъ при осадѣ Казани, оборонѣ Пскова, въ Молодинской битвѣ и нѣкоторыхъ другихъ—показываютъ, что русскія войска, предводимыя искусными и доблестными воеводами, проявляли отличныя боевыя качества, присущія вообще русскому народу: какъ и прежде, они отличались неутомимостью въ трудахъ, мужествомъ, твердостью и терпѣніемъ въ нуждѣ и лишеніяхъ, храбростью въ нападеніи и необыкновенными упорствомъ и стойкостью въ оборонѣ. Только въ открытомъ полѣ они сражались слабѣе, стараясь прибѣгать къ содѣйствію мѣстности и окоповъ (также и гуляй-города), какъ всѣ вообще милиціонныя войска.

Мѣрами Іоанна IV, введены были въ русскомъ войскѣ извѣстный порядокъ и возможное благоустройство. Хотя войны его въ Ливоніи и носили характеръ всеобщаго разрушенія и погрома, но за своеволіе и буйство войскъ въ собственной землѣ царь строго каралъ своихъ воеводъ. Тѣмъ не менѣе, Іоанновская опричина, надолго укоренила въ войскахъ духъ своеволія и буйства, что, какъ увидимъ, вскорѣ и оказалось самыми гибельными послѣдствіями, въ наступившій періодъ Смутнаго времени. Тутъ спасаетъ государство великій подъемъ народнаго духа. Въ это мрачное время честь и славу русскаго оружія воспріяли на себя тѣ народныя ополченія, которыя геройски подвизались за свободу и самостоятельность своего отечества, спасли его отъ новаго иноплеменнаго владычества и возстановили въ немъ власть и порядокъ законные.



ГЛАВА XV.

Военныя дѣйствія въ царствованіе Бориса Годунова.

Внѣшняя политика Годунова. — Вѣсть о набѣгѣ крымскаго хана Казы-Гирея въ 1598 г. — Сосредоточеніе русской арміи у Серпухова и распущеніе ея по домамъ.—Неудачи на Кавказѣ. — Пораженіе сибирскаго царя Кучума и взятіе въ плѣнъ его семейства въ 1598 г.— Окончательное покореніе Сибири.—Внутренняя политика Годунова. — Голодъ и пожары.— Казни и пытки.—Народный ропотъ.— Появленіе въ 1604 г. Лжедимитрія на Литвѣ.—Лжедимитрій съ своими сторонниками вступаетъ изъ Кіева въ предѣлы Россіи. — На встрѣчу ему Годуновъ высылаетъ Скопина-Шуйскаго къ Бресту. — Моравскъ и Черниговъ сдаются Самозванцу.—Отраженіе его приступа у Новгорода-Сѣверскаго. — Вся южная Россія признаетъ Самозванца и сдаетъ ему, безъ боя, города. — Рѣшительныя мѣры противъ Самозванца и ихъ запоздалость: народъ и войско не охотно идутъ противъ него.—Мстиславскій спѣшитъ на помощь осажденному Новгороду-Сѣверскому, проигрываетъ бой и отступаетъ отъ него.— Снятіе осады Новгорода-Сѣверскаго и движеніе Самозванца къ Сѣвску.— Движеніе къ Сѣвску русской арміи. — Самозванецъ идетъ ей навстрѣчу. — Бой 21 января 1605 г. у села Добрынича и пораженіе Лжедимитрія, бѣжавшаго въ Рыльскъ и Путивль. — Нерѣшительность дѣйствій русскихъ воеводъ. — Лжедимитрій усиливается въ Путивлѣ новыми сторонниками. — Русскіе снимаютъ осаду Рыльска и снова бездѣйствуютъ. — Осада русскими Кромъ. — Въ войскѣ обнаруживается измѣна царю и нерасположеніе дѣйствовать противъ Самозванца. — Скоропостижная смерть Бориса Годунова 13 апрѣля 1605 г. — Назначеніе новаго главнокомандующаго арміею—Катырева и помощникомъ ему Басманова. — Присяга царю Ѳеодору Борисовичу. — Басмановъ и другіе объявляютъ царемъ Лжедимитрія, и армія присягаетъ ему въ Кромахъ. — Окончаніе войны противъ Самозванца. — 20 іюня онъ торжественно въѣзжаетъ въ Москву.—Гибель Самозванца 17 мая 1606 года.

О смерти Ѳеодора Іоанновича, не оставившаго по себѣ наслѣдниковъ царскаго рода, и отказѣ отъ престола царицы Ирины, принявшей постриженіе въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, соборомъ изъ выборныхъ людей отъ городовъ, въ февралѣ 1598 года, былъ избранъ на царство Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ. Новое царствованіе, при полной тишинѣ внутри государства, началось при благопріятныхъ и внѣшнихъ условіяхъ. Отправленные царемъ послы въ Австрію и Англію, съ извѣщеніемъ о

восшествіи на престолъ, скрѣпили дружественную связь Русскаго государя съ Австрійскимъ домомъ и королевою Елисаветою. Наиболѣе опасные западные сосѣди Россіи, Польша и Швеція, находились въ открытой борьбѣ между собою, не грозили уже Москвѣ соединенными силами, а каждый отдѣльно домогался союза съ нею или вѣчнаго мира. Однако, задавшись цѣлью—воспользоваться случаемъ и безъ войны возвратить Нарву и Ливонію или часть ея, отъ природы нерѣшительный и двоедушный, не имѣя самъ способностей воинскихъ и не довѣряя воеводамъ, Борисъ дѣйствовалъ дипломатически, не поддержалъ открыто ни той, ни другой стороны, и потому не могъ извлечь для себя изъ вражды соперниковъ какихъ-либо выгодныхъ результатовъ: заключивъ перемиріе на 20 лѣтъ съ Сигизмундомъ III (въ 1601 году), онъ медлилъ утвердить миръ со Швеціей, предложенный ему правителемъ ея, герцогомъ Карломъ; чествовалъ въ Москвѣ пословъ его, призналъ Карла королемъ Швеціи, но въ то же время, подъ рукою, принималъ мѣры, чтобы внести возстаніе въ принадлежащія тогда Швеціи области и склонить жителей Эстоніи къ сопротивленію послѣдней. Но попытка нарвскихъ горожанъ сдать городъ русскимъ окончилась неудачей: заговоръ былъ открытъ, и заговорщики казнены.

Отношенія къ Крыму были вполнѣ благопріятны. Еще 1 апрѣля 1598 года пришла вѣсть въ Москву, что казаки, ходившіе отъ Донца въ степь, бились съ крымскими татарами и взяли плѣнника, который показалъ, будто Казы-Гирей, со всей ордой и съ помощью 7.000 турецкихъ янычаръ, готовится ударить на Россію. Не сомнѣваясь въ достовѣрности маловѣроятнаго извѣстія, государь повелѣлъ боярамъ и воеводамъ всей державы идти, *безъ мѣсть*, съ войскомъ къ Серпухову, гдѣ на берегахъ Оки, черезъ мѣсяцъ, собралась огромная рать, простиравшаяся, какъ говорятъ, до 500.000 человѣкъ. 2-го мая самъ царь выѣхалъ съ дворомъ своимъ, въ составѣ котораго находилось 5 служилыхъ царевичей, предварительно распорядивъ воеводъ и въ самой Москвѣ, на случай осады ея.

Однако слухъ о походѣ Казы-Гирея оказался ложнымъ; вмѣсто всей ханской орды прибыли мирные послы. Сборъ безпримѣрнаго ополченія явился напрасною потерей громадныхъ денегъ и трудовъ. Послѣ царскаго смотра, бо́льшую часть войскъ распустили по домамъ, оставивъ меньшую по украинскимъ городамъ, для наблюденія за татарами. Въ послѣдующіе годы царствованія Бориса, мирныя отношенія Крымскаго хана съ Россіей не нарушались, хотя Казы-Гирей и жаловался, при случаѣ, на вторженія донцовъ въ крымскіе улусы.

Далеко не столь благопріятно шли дѣла на Кавказѣ, въ Кахетіи и Дагестанѣ. Въ первой, окончательно утвердилось вліяніе персидскаго шаха Аббаса, а изъ втораго, отрядъ русскихъ войскъ, подъ началь-

ствомъ воеводъ Бутурлина и Плещеева, утвердившійся было въ крѣпости Таркахъ, былъ вытѣсненъ турками, и при отступленіи, почти весь уничтоженъ, послѣ отчаяннаго сопротивленія, кумыками: отъ 6 до 7 тысячъ русскихъ, вмѣстѣ съ воеводами, пало въ этой несчастной битвѣ, уничтожившей, вмѣстѣ съ тѣмъ, послѣдніе слѣды владычества Москвы въ этой странѣ.

Будучи не въ силахъ поддерживать своихъ единовѣрцевъ въ Закавказьи отъ могущественныхъ народовъ магометанскихъ, Москва окончательно утвердила свою власть въ далекой Сибири, гдѣ живъ былъ еще Кучумъ, слѣпой старецъ, но энергичный и неутомимый въ набѣгахъ на сибирскіи волости. Явившись однажды на берегахъ Иртыша съ остатками своего войска, Кучумъ разорилъ нѣсколько татарскихъ селеній и отошелъ назадъ къ укрѣпленному стану на берегахъ Оби. Узнавъ о томъ, татарскій воевода, Андрей Воейковъ, выступилъ вслѣдъ за нимъ въ августѣ 1598 года съ 398 казаками, литовцами и ясашными людьми (татарами); собирая вѣсти о кочевьяхъ Кучума, онъ шелъ день и ночь, кинувъ обозъ, и 20-го августа напалъ на ханскій укрѣпленный станъ. Здѣсь засѣлъ Кучумъ съ женами, дѣтьми и остатками своего войска числомъ всего до 500 человѣкъ. Отъ восхода солнца до полудня воины Кучума отбивались отъ нападеній отряда Воейкова, пытаясь отстоять если не потерянное царство, то свободу своего царя и его семьи. Наконецъ къ полудню упорный бой кончился полнымъ разгромомъ послѣдней рати Сибирскаго царя. Большая часть воиновъ ея была перебита стрѣльбой; другіе, вытѣсненные изъ укрѣпленія и прижатые къ рѣкѣ, потонули и лишь немногіе спаслись на судахъ. Семейство Кучума попало въ плѣнъ, а самъ онъ, спасенный двумя вѣрными ему слугами, увезенъ былъ въ лодкѣ, внизъ по Оби. Воейковъ, полагая, что Кучумъ утонулъ въ рѣрѣ, подобно Ермаку, уничтожилъ все, чего нельзя было взять съ собою, и со своими знатными плѣнниками возратился въ Тару. Узнавъ о спасеніи Кучума, воевода предлагалъ ему ѣхать въ Москву, соединиться со своимъ семействомъ и мирно дожить свой вѣкъ благодѣяніями Государя Московскаго. Но Кучумъ, и въ несчастьи остался непреклоненъ: потерявъ царство, семью и богатство, онъ жалѣлъ лишь о плѣненномъ, горячо любимомъ сынѣ Асманакѣ, наотрѣзъ отказался отъ предложеній Воейкова и скрылся къ ногаямъ, гдѣ и нашелъ себѣ смерть. Семейство Кучума отправили въ Москву, устроили торжественный въѣздъ его въ столицу, на-показъ народу, и потомъ разослали по городамъ.

Смерть перваго и послѣдняго Сибирскаго царя развязала руки Московскому правительству и окончательно утвердила необозримый Сибирскій край за Русскою державой. Не ведя тамъ съ этихъ поръ войны, Московское правительство принимало лишь мѣры къ поддержанію и рас-

пространенію своей власти между туземцами, продолжало строеніе новыхъ городовъ (Верхотурья въ 1598 г., Мангазея и Туринска въ 1600 и Томска въ 1604 годахъ), заселяя ихъ служилыми семейными людьми, особенно казаками малороссійскими, торговыми людьми и хлѣбопашцами, и привлекало разными льготами туземное населеніе на службу ратную.

Если сравнительно удачно шли внѣшнія дѣла государства, то далеко не въ такомъ положеніи было его внутреннее состояніе. Только два первые года царствованія Бориса современники называютъ спокойными, счастливыми. Оставаясь и на престолѣ правителемъ заботливымъ къ нуждамъ народнымъ, карателемъ зла—мздоимства, воровства и разбоевъ, милостивымъ къ бѣднымъ и сирымъ, радѣтелемъ о правосудіи и общемъ народномъ благѣ, Борисъ однако скоро потерялъ народную любовь. Захвативъ державную власть хитростью и коварствомъ, Борисъ подозрительно относился къ боярамъ, болѣе его знатнымъ и съ большими правами на престолъ. Подозрительность вызвала доносы, а эти послѣдніе—тайныя пытки, казни и заточенія. Гибель знатныхъ вельможъ, невинныхъ и уважаемыхъ, раздражала умы народные. Къ этому присоединились необыкновенныя физическія бѣдствія, постигшія Россію: сильные неурожаи въ продолженіе трехъ лѣтъ, въ 1601—04 годахъ, вызвали голодъ, свирѣпствовавшій съ необыкновенною лютостью; явились повальныя болѣзни и развились повсемѣстно страшные разбои. Волненія и ропотъ въ народѣ усиливались и общая бѣда сокрушила послѣдніе слѣды преданности Борису.

При такомъ настроеніи умовъ въ народѣ, въ началѣ 1604 года, внезапно распространилась молва, будто царевичъ Димитрій, сынъ Іоанна IV, убитый въ Угличѣ, живъ, находится въ Литвѣ и вскорѣ явится, чтобы потребовать отъ Бориса наслѣдіе своего отца. Легко понять, какое новое волненіе произвела эта вѣсть въ умахъ народа. Не могъ не встревожиться и Борисъ Годуновъ появленіемъ наглаго обманщика, принявшаго имя царевича Димитрія.

Положеніе царя было затруднительно. Если благоразуміе требовало принятія энергическихъ мѣръ къ предотвращенію угрожавшей ему опасности, то, съ другой стороны, казалось полезнымъ для Бориса не придавать серьезнаго значенія появленію самозванца,—не выказывать безпокойства и малодушія, дабы не возвысить въ глазахъ народа соперника и тѣмъ не утвердить за нимъ имя убитаго царевича Дмитрія. Въ этой нерѣшительности, царь принялъ нѣкоторыя мѣры предосторожности и, повидимому, надѣялся еще, не обнажая меча, одною силой истины, побѣдить самозванца, разувѣривъ его приверженцевъ. Для затрудненія сообщеній съ Литвою, онъ приказалъ протянуть заставы до Брянска, учрежденныя передъ тѣмъ между Москвою и Смоленскомъ по случаю бывшей заразы въ Смоленской области. Кромѣ того, подъ предлогомъ по-

лученныхъ извѣстій изъ Крыма о замышляемомъ Казы-Гиреемъ нападеніи татаръ на русскіе предѣлы, царь приказалъ окольничимъ, Петру Шереметеву и Михаилу Салтыкову собрать войско подъ Ливнами, откуда его одинаково удобно было обратить и противъ крымскихъ татаръ, и противъ Литвы. Сознавая невозможность скрыть отъ Россіи появленіе въ Литвѣ мнимаго Димитрія, и боясь молчаніемъ усилить вредные толки въ народѣ, царь приказалъ обнародовать произведенное дознаніе о дѣйствительномъ происхожденіи самозванца. Въ то же время повелѣлъ отправить къ донскимъ казакамъ дворянина Хрущова, дабы вывести ихъ изъ заблужденія, а родного дядю самозванца, Смирнаго-Отрепьева — къ польскимъ вельможамъ, для изобличенія племянника въ присутствіи послѣднихъ. Но ни Сигизмундъ III, ни польскіе паны не обратили вниманія на обличенія Годуновымъ Лжедимитрія, думая не о раскрытіи истины, а о собственныхъ выгодахъ въ поддержаніи послѣдняго, обѣщавшаго Польшѣ и уступку части русскихъ земель и введеніе въ Россіи католичества. Хотя Сигизмундъ III, связанный договоромъ, заключеннымъ между нимъ и Борисомъ, и удерживаемый нѣкоторыми благоразумными вельможами, совѣтовавшими не вдаваться въ опасную войну, особенно безъ вѣдома чиновъ государственныхъ и съ малыми силами, медлилъ открыто принять сторону самозванца, но, побуждаемый іезуитами, призналъ его, хотя и не публично, царевичемъ Дмитріемъ, назначилъ ему ежегодное содержаніе (40.000 злотыхъ) и, не желая явно оказать ему содѣйствіе войскомъ отъ своего лица, позволилъ панамъ, частнымъ образомъ, помогать царевичу. Съ особеннымъ усердіемъ и горячностью принялъ сторону Лжедимитрія старый воевода Сендомирскій Юрій Мнишекъ, интриганъ, человѣкъ неразборчивый въ средствахъ для достиженія цѣли, гордый и тщеславный, прельщенный мыслію выдать за него дочь свою Марину по достиженіи имъ Московскаго престола. Съ этою цѣлью онъ началъ собирать въ помощь самозванцу, на свои средства, шляхетское ополченіе, въ окрестностяхъ Львова и Самбора. Кромѣ того, къ самозванцу пристали нѣкоторые русскіе бѣглецы, находившіеся въ Польшѣ и Литвѣ, и образовали первую его, хотя и малочисленную, русскую дружину. Но главную надежду въ своемъ дерзкомъ предпріятіи, самозванецъ возлагалъ на донскихъ казаковъ, стѣсненныхъ Годуновымъ и непріязненныхъ ему, и въ особенности—на многочисленныхъ пособниковъ и приверженцевъ, которыхъ не сомнѣвался найти въ Московскомъ государствѣ. Однако, если положеніе Бориса было ненадежно, то не лучше было въ началѣ и положеніе самозванца. Наборъ шляхетскаго ополченія производился медленно, и Лжедимитрій, не выждавъ окончанія его, 15-го августа 1604 года выѣхалъ изъ Самбора въ Глиняны, гдѣ былъ назначенъ сборъ и смотръ ополченію. Въ немъ оказалось всего только 500 человѣкъ пѣхоты и 1.100

человѣкъ конницы, раздѣленныхъ на 5 хоругвій (ротъ). На собранной вольною шляхтою сходкѣ, гетманомъ ополченія избранъ былъ воевода Сендомирскій, а въ товарищи ему назначили полковниковъ Жулицкаго и Дворжицкаго.

Таковы были ничтожныя силы, съ которыми двинулся Отрепьевъ, 3-го сентября, изъ Глинянъ къ предѣламъ Россіи, для отважнаго, до дерзости, предпріятія—низверженія Годунова и занятія Московскаго престола. Получивъ на пути къ Кіеву первое подкрѣпленіе изъ Россіи—2.000 донскихъ казаковъ, самозванецъ 13-го октября переправился черезъ Днѣпръ, въ 14 верстахъ выше Кіева, близъ устья Десны, 16 числа перешелъ русскую границу и 21-го занялъ укрѣпленный городокъ Моравскъ, жители котораго поспѣшили покориться его власти и выдать царскихъ воеводъ.

Вѣсть о вступленіи въ русскіе предѣлы Лжедимитрія взволновала умы народа и смутила Годунова. Необходимо было противупоставить силу силѣ, и царь приказалъ собрать войско въ Брянскѣ. Но и теперь онъ не принялъ мѣръ чрезвычайныхъ, а ограничился сборомъ небольшого ополченія, лишь изъ 3-хъ полковъ, отдавъ его подъ главное начальство князя Димитрія Шуйскаго.

Самозванецъ не терялъ времени. Оставивъ небольшой отрядъ для занятія замка въ Моравскѣ, онъ двинулся правымъ берегомъ Десны къ Чернигову и 25-го октября сталъ лагеремъ въ 7 верстахъ отъ него, выславъ подъ самый городъ двухъ-тысячный отрядъ казаковъ. Черниговцы послѣдовали примѣру Моравска, и выдали самозванцу воеводу князя Татева, намѣревавшагося держаться въ замкѣ съ 300 стрѣльцами и 20 орудіями. Давъ 8-ми дневный отдыхъ въ Черниговѣ, Отрепьевъ выступилъ въ походъ къ Новгороду-Сѣверскому, къ которому и подступилъ 11-го ноября. Но здѣсь самозванецъ встрѣтилъ упорное сопротивленіе гарнизона, коимъ начальствовалъ: по имени—бояринъ князь Трубецкой, а на дѣлѣ—второй воевода, окольничій Петръ Басмановъ, любимецъ Бориса Годунова, честолюбивый, храбрый и опытный въ военномъ дѣлѣ воевода. Приказавъ выжечь городъ, онъ заперся въ замкѣ съ 600 московскихъ стрѣльцовъ, взявъ съ собою и знатнѣйшихъ гражданъ для предупрежденія измѣны. Отчаянные приступы спѣшенныхъ польскихъ гусаръ, подъ прикрытіемъ огня изъ 8 небольшихъ полевыхъ пушекъ и 6 фальконетовъ, 14-го и въ ночь съ 17-го на 18-е ноября,*) были отбиты съ большимъ урономъ для нихъ и самозванецъ долженъ былъ отступить.

Эта неудача повергла самозванца въ отчаяніе и досаду на поляковъ возбудивъ открытое неудовольствіе между нимъ и польскою шля-

*) Этотъ ночной штурмъ замка былъ произведенъ для обезпеченія отъ артилерійскаго огня оборонявшагося, подъ прикрытіемъ устроенныхъ поляками деревянныхъ срубовъ, поставленныхъ на сани и, такимъ образомъ, подвигавшихся къ крѣпостному рву.

хтою, грозившею уже возвратиться на родину. Къ счастью Отрепьева, въ это же время получены были благопріятныя извѣстія, которыя ободрили всѣхъ приверженцевъ его.

Пламя бунта быстро распространялось по всей южной Россіи. Жители Украйны, возбуждаемые лазутчиками и грамотами самозванца, съ умиленіемъ слушали послѣднія, отлагались отъ Годунова, и съ радостію становились на сторону мнимаго „законнаго царевича Димитрія". Еще чиновные люди сохраняли вѣрность, но и изъ нихъ нѣкоторые уже служили самозванцу изъ страха или принужденія; а другіе добровольно готовили измѣну, и возбуждали гражданъ и ратниковъ принять сторону мнимаго царевича. Второй воевода Путивля, князь Мосальскій-Рубецъ, возмутилъ жителей города и воиновъ, связалъ главнаго воеводу Салтыкова, и присягнулъ самозванцу со всѣми ратниками, кромѣ 200 московскихъ стрѣльцовъ, оставшихся вѣрными долгу службы и присягѣ, ихъ обезоружили, а головъ и сотниковъ отправили къ самозванцу. Сдача Путивля, главнаго города Сѣверской области, многолюднаго и по тому времени сильно укрѣпленнаго, имѣла важныя послѣдствія: пагубному примѣру его, одинъ за другимъ, послѣдовали — Рыльскъ, Сѣвскъ, Комарницкая волость, Борисовъ-городокъ, Бѣлгородъ, Осколъ, Валуйки, Курскъ, Кромы, Ливны, Елецъ и Воронежъ, такъ что вся южная полоса Россіи, на протяженіи 600 верстъ отъ запада къ востоку, признала Отрепьева за законнаго своего государя.

Обрадованный неожиданнымъ успѣхомъ, самозванецъ усугубилъ усилія для овладѣнія Новгородомъ-Сѣверскимъ. Изъ Путивля привезли 5 осадныхъ орудій и 8 полевыхъ и 1-го декабря открыли огонь по замку. Деревянныя стѣны его были часто пробиваемы; но Басмановъ держался упорно, несмотря на то, что въ одинъ день перебѣжало отъ него къ самозванцу 80 человѣкъ, а царское войско, подозрительно бездѣйствовало подъ Брянскомъ. Воевода его, князь Димитрій Шуйскій, въ извиненіе своего бездѣйствія, писалъ въ Москву, что ненадежно сразиться съ Лжедмитріемъ безъ важнаго надъ нимъ превосходства, и что, по этому, онъ проситъ подкрѣпленія.

Быстрые успѣхи самозванца, вслѣдствіе отложенія отъ Годунова обширныхъ областей и непонятнаго ослѣпленія народа, убѣдили Бориса въ дѣйствительности угрожавшей ему опасности.

Только теперь Годуновъ рѣшилъ принять энергичныя мѣры для уничтоженія злодѣя и сохраненія своего колебавшагося престола. Князь Ѳедоръ Ивановичъ Мстиславскій получилъ приказаніе собрать новое войско въ Калугѣ; причемъ объявленъ былъ наборъ общаго земскаго ополченія, отъ коего не избавлялись даже имѣнія духовенства, какъ и прочія, въ мѣрѣ владѣемой ими земли. Опредѣливъ тѣмъ же указомъ размѣръ набора ратниковъ, вдвое меньшій, (одинъ конный ратникъ съ

доспѣхомъ и запасомъ со 200 четвертей угожей земли) сравнительно съ опредѣленнымъ уставомъ Іоанна IV, Борисъ требовалъ скорости сбора и грозилъ жестокою казнію безпечнымъ и нерадивымъ. Мѣры строгости, угрозы и наказанія, недѣль въ шесть, собрали подъ Брянскомъ около 50.000 всадниковъ, вмѣсто полумилліоннаго ополченія, собравшагося въ 1598 году въ Серпуховѣ, по зову, тогда еще любимаго царя. Но среди окружавшей его опасности, Годуновъ сохранялъ еще достоинство самодержца Россійскаго въ отношеніи иностранныхъ державъ. Отказалъ королю Шведскому Карлу IX въ предложеніи его прислать вспомогательное войско и послалъ дворянина Огарева къ королю Сигизмунду съ грамотой, въ которой жаловался на поддержку самозванца поляками, на возбужденіе Польшею Крымскаго хана къ войнѣ, и донскихъ казаковъ къ мятежу, и требовалъ рѣшительнаго отвѣта: чего онъ, Сигизмундъ, желаетъ— войны, или мира?

Однако, рѣшительныя мѣры, принятыя Борисомъ противъ самозванца, оказались слишкомъ поздними: безпрепятственное вторженіе въ русскіе предѣлы и быстрые успѣхи самозванца, распространяемыя стоустною молвою; мнимыя добродѣтели Лжедимитрія—порождали въ народѣ вѣру въ появленіе истиннаго царевича и охлаждали въ немъ усердіе и ревность въ борьбѣ съ послѣднимъ за „похитителя“ престола. Участь Бориса Годунова, съ нимъ вмѣстѣ и Московскаго государства, зависѣла отъ успѣха оружія; а между тѣмъ воины отечества уклонялись отъ службы и шли неохотно въ Брянскъ. Въ собравшемся ополченіи таились уже сѣмена измѣны, и въ первой рѣшительной битвѣ съ Лжедимитріемъ у русскихъ, по выраженію очевидца, *не было рукъ для сѣчи.*

Наскоро собравъ подъ Калугой нѣсколько войска, князь Мстиславскій выступилъ съ нимъ въ Брянскъ на соединеніе съ княземъ Димитріемъ Шуйскимъ. Совокупныя силы ихъ составили ополченіе отъ 40 до 50 тысячъ человѣкъ, раздѣленное на пять полковъ. Главное начальство надъ войскомъ принялъ князь Мстиславскій, имѣя при себѣ вторымъ воеводою князя Андрея Телятевскаго. Соединенное ополченіе двинулось черезъ Трубчевскъ на выручку Новгорода-Сѣверскаго, и 18-го декабря, переправившись черезъ р. Узруй, расположилось въ 8 верстахъ отъ города.

Между тѣмъ и рать самозванца усилилась до 15.000 человѣкъ прибывшими изъ Польши шляхетскими ротами, и поступившими въ его службу многими сѣверскими жителями. Несмотря на тройное превосходство силъ, Мстиславскій еще медлилъ нападеніемъ на станъ Лжедимитрія, ожидая прибытія другихъ подкрѣпленій изъ Брянска. Лжедимитрій же не хотѣлъ медлить. Хорошо понимая, что успѣха въ своемъ дерзкомъ предпріятіи онъ могъ ожидать только отъ смѣлой отваги и что измѣна поддавшихся ему городовъ можетъ-быть окажетъ вліяніе и

на воиновъ Мстиславскаго, самозванецъ, 20-го декабря, вывелъ свое войско изъ лагеря на обширную равнину, на которой была расположена рать Мстиславскаго. Этотъ день прошелъ въ неважныхъ стычкахъ и безполезныхъ переговорахъ, и только Басмановъ, частыми вылазками, тревожилъ тылъ войска самозванца, что заставило послѣдняго отрядить противъ него нѣсколько сотъ казаковъ.

21-го числа Мстиславскій выступилъ противъ рати Лжедимитрія. Послѣдній, воодушевивъ краткою рѣчью своихъ сподвижниковъ, двинулъ ихъ на русскія войска. Первое нападеніе поляковъ было отражено; но затѣмъ, правое крыло (полкъ правой руки) не выдержало новой атаки свѣжей польской конницы, и опрокинулось на большой полкъ, который также дрогнулъ, несмотря на благородныя усилія главнаго вождя, князя Мстиславскаго, пытавшагося личнымъ примѣромъ удержать своихъ и возстановить порядокъ. Израненный, онъ едва спасенъ былъ отъ плѣна дружиною стрѣльцовъ; только лѣвое крыло русской конницы устояло. Въ то же время, польская пѣхота вытѣснила другія стрѣлецкія сотни изъ занятой ими позиціи. Такова была первая встрѣча царскихъ войскъ съ слабою ратью самозванца. По свидѣтельству участника битвы, француза Маржерета, *казалось, что у русскихъ не было рукъ для сѣчи* и Лжедимитрій одержалъ бы полную побѣду, если-бы въ рѣшительную минуту двинулъ въ атаку свои запасныя войска. Не сдѣлавъ этого, онъ далъ русскимъ воеводамъ возможность отступить, хотя и съ сильнымъ урономъ (до 4.000 человѣкъ), но въ нѣкоторомъ порядкѣ.

Впрочемъ одержанная самозванцемъ побѣда не была рѣшительною, а полууспѣха было недостаточно, чтобы улучшить его положеніе. Царская армія отошла на 14 верстъ и остановилась въ лѣсу, прикрывшись окопами. Въ виду ея Лжедимитрій не отважился продолжать осаду Новгорода-Сѣверскаго, несмотря на полученное имъ и ожидавшееся сильное подкрѣпленіе: 4.000 запорожцевъ прибыли къ нему на помощь на другой день сраженія, а 8.000 конныхъ съ 14 орудіями были уже близко отъ него. Снявъ осаду Новгорода-Сѣверскаго 2 января 1605 г., самозванецъ переправился черезъ Десну и двинулся на Сѣвскъ. Получивъ значительныя подкрѣпленія казаковъ, самозванецъ потерялъ большую часть польскихъ дружинъ, составлявшихъ лучшую часть его войска. Принявъ сторону Лжедимитрія изъ корысти, разсчитывая добраться до Москвы безъ кровопролитія, эти наемные союзники самозванца роптали уже на предстоявшіе имъ труды и неполученіе обѣщаннаго имъ жалованья и наконецъ объявили, что уходятъ назадъ, вмѣстѣ съ старымъ гетманомъ Мнишекомъ, обѣщавшимъ однако самозванцу возвратиться съ болѣе сильною ратью. При самозванцѣ осталось изъ нихъ не болѣе 1.500 человѣкъ. Вмѣсто ушедшаго Мнишека, гетманомъ выбранъ

былъ Дворжицкій. Въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ Лжедимитрій, не теряя бодрости и еще увѣренный въ собственномъ счастьѣ, съ остальными силами продолжалъ движеніе на Сѣвскъ, чтобы занять зимнія квартиры въ изобильной съѣстными припасами Комарницкой волости.

Между тѣмъ царскіе воеводы, потерпѣвъ неудачу подъ Новгородомъ-Сѣверскимъ, отъ стыда не смѣли даже донести о ней Борису, и отступили къ Стародубу. Царь, узнавъ стороною о пораженіи своего войска, послалъ къ воеводамъ Вельяминова-Зернова, объявить свое неудовольствіе князю Шуйскому и его товарищамъ, единственно за ихъ непростительное молчаніе, сказать милостивое слово всему войску и засвидѣтельствовать царскую признательность князю Мстиславскому, увѣрить его въ неожидаемой имъ наградѣ за полученныя имъ раны. Зная всѣ обстоятельства несчастнаго боя, царь почелъ однако благоразумнымъ не умножать уныніе въ ратныхъ людяхъ и для того—удержаться отъ заслуженныхъ ими упрековъ. Храбрые защитники Новгорода-Сѣверскаго не остались безъ награды, въ особенности Басмановъ, принятый въ Москвѣ съ торжествомъ и царскою пышностью.

Но главною заботой царя было—привести военныя силы въ такое положеніе, чтобы успѣхъ въ борьбѣ съ самозванцемъ былъ несомнѣннымъ. Съ этою цѣлью онъ приказалъ Шереметеву собрать новую запасную рать около Кромъ, послалъ подкрѣпленія главной арміи и назначилъ *прибыльнымъ* воеводою въ большомъ полку ея князя Василія Ивановича Шуйскаго, дабы армія до выздоровленія Мстиславскаго не оставалась подъ начальствомъ неспособнаго князя Димитрія Шуйскаго. Армія эта, простиравшаяся съ прибывшими подкрѣпленіями до 60 или 70 тысячъ человѣкъ, бездѣйствовала въ окрестностяхъ Стародуба. Прибывъ къ ней, князь Василій Шуйскій объявилъ царскую волю—немедленно идти противъ самозванца и выступилъ къ Сѣвску.

Узнавъ о наступленіи царскихъ войскъ, Лжедимитрій созвалъ на совѣтъ поляковъ и запорожскихъ начальниковъ для рѣшенія вопроса,—что предпринять? Первые совѣтовали уклоняться отъ неравнаго боя и сколь возможно медлить дѣйствіями; но атаманъ и полковники запорожскіе предложили, напротивъ, смѣло идти на встрѣчу царской арміи, не дожидаясь ея приближенія къ Сѣвску: еслибы она обложила крѣпость, сопротивленіе было бы невозможно, потому что силою нельзя одолѣть столь многочисленнаго войска, которое могло преградить всѣ пути, и тѣмъ пресѣчь подвозы боевыхъ и продовольственныхъ припасовъ и голодомъ заставить сдаться осажденныхъ. Мнѣніе запорожцевъ восторжествовало, и 20-го января, Лжедимитрій двинулся отъ Сѣвска, вдоль лѣваго берега рѣки Сѣвы, противъ арміи Мстиславскаго; и встрѣтилъ ее, тѣсно расположенную, въ селѣ Добрунѣ или Добрыничахъ, и вокругъ него.

Имѣя всего 15.000 человѣкъ, самозванецъ хотѣлъ вознаградить неравенство силъ нечаяннымъ нападеніемъ ночью. Приказавъ преданнымъ ему жителямъ Добрыничъ зажечь село ночью, онъ готовился напасть неожиданно на разстроенныя тревогой царскія войска. Воеводы однако были осторожны: стража замѣтила поджигателей и движеніе въ непріятельскомъ лагерѣ,—войска изготовились къ бою. Ночное нападеніе не удалось,—оставалось сразиться въ открытомъ полѣ.

На разсвѣтѣ 21-го января 1605 г. царская конница выстроилась на равнинѣ по обѣимъ сторонамъ села Добрыничъ, сильно занятаго пѣхотой. Главное командованіе войскомъ принялъ Мстиславскій, можетъ-быть еще не излѣчившійся отъ ранъ, но не пожелавшій уступить честь побѣды одному князю Василію Шуйскому. Лжедимитрій вывелъ свое немногочисленное войско на равнину и раздѣлилъ его на три отряда. Первый отрядъ, при которомъ онъ самъ находился, состоялъ изъ 400 поляковъ и 2.000 русскихъ (надѣвшихъ на латы бѣлыя рубахи для отличія отъ царскихъ всадниковъ) и назначался для удара на правое крыло царскаго войска; второй отрядъ, изъ 8.000 конныхъ запорожцевъ, долженъ былъ удержать лѣвое крыло арміи Мстиславскаго. Главнымъ ударомъ на правое крыло русскихъ войскъ самозванецъ, повидимому, имѣлъ намѣреніе отбросить русскія войска къ рѣкѣ Сѣвѣ; примѣчательно также, что эта главная атака, возлагается на польскія и русскія дружины,—на войска, которымъ самозванецъ имѣлъ основаніе болѣе довѣрять, нежели запорожской вольницѣ. Третьему отряду, изъ 4.000 пѣшихъ запорожцевъ, съ тяжелымъ снарядомъ, приказано было остановиться на нѣкоторомъ разстояніи сзади двухъ первыхъ за горою, въ видѣ резерва, чтобы въ случаѣ неудачи, отброшенные могли найти опору и огнемъ артилеріи остановить непріятеля *).

Послѣ небольшой стычки между передовыми отрядами, открылась пушечная стрѣльба и, вслѣдъ затѣмъ, самозванецъ приказалъ первому отряду спуститься въ лощину, прикрывавшую правое крыло царскихъ войскъ и отрѣзать его отъ селенія. Семь польскихъ хоругвей (ротъ), подъ начальствомъ гетмана Дворжицкаго, выстроились въ одну линію, стремительно бросились впередъ, поддержанные восьмою хоругвью польскихъ гусаръ и всею русскою конницей. Замѣтивъ движеніе, князь Мстиславскій двинулъ на встрѣчу правое крыло своей конницы, въ головѣ коей находились двѣ иноземныя дружины, подъ начальствомъ лифляндца фонъ-Розена и француза Маржерета. Атака поляковъ была такъ стремительна, что иноземцы, послѣ короткаго сопротивленія, были опрокинуты, а за ними обратилась въ бѣгство и вся конница праваго крыла. Дворжицкій повернулъ вправо къ селенію, занятому царскою пѣхотой. Послѣдняя подпустила непріятеля на самое близкое разстоя-

*) См. Записки Паерле.

ніе и дала залпъ изъ 10 или 12.000 ружей *) Хотя стрѣльба эта и не могла быть настолько мѣткой, чтобы причинить значительный уронъ непріятельской конницѣ, однако привела ее въ большое замѣшательство, которое обратилось въ совершенное разстройство, когда одинъ полякъ прискакалъ съ извѣстіемъ, что запорожцы, встревоженные ружейною пальбой, оставили поле сраженія и бросились по Рыльской дорогѣ. Смущенная этою неожиданною робостью днѣпровскихъ удальцовъ, конница польская и русскихъ злодѣевъ также обратила тылъ и понеслась вслѣдъ за казаками, оставивъ на жертву запорожскую пѣхоту, которая немедленно была окружена и совершенно истреблена послѣ мужественнаго сопротивленія.

Побѣда царскаго войска была полная. Бѣглецовъ преслѣдовалъ 6 тысячный отрядъ конницы на разстояніи 8 верстъ; непріятель потерялъ 15 знаменъ и штандартовъ, 13 орудій и до 6.000 убитыхъ, кромѣ попавшихъ въ плѣнъ. Самъ Лжедимитрій находился въ опасности. На раненомъ въ ногу конѣ онъ едва не попалъ въ плѣнъ и спасеніемъ своимъ былъ обязанъ князю Татеву, сопровождавшему его до Рыльска.

Пробывъ два дня въ Рыльскѣ, самозванецъ переѣхалъ въ Путивль. Положеніе его послѣ Добрыничскаго погрома казалось ему самымъ отчаяннымъ. Съ оставшимися немногочисленными силами онъ не могъ надѣяться продолжать войну. Хотя жители Сѣверской области выражали, попрежнему, готовность служить ему, но, за недостаткомъ денегъ, новые ратные сподвижники остались бы безъ оружія и пропитанія. Въ такой крайности, Отрепьевъ замышлялъ уже о бѣгствѣ въ Польшу, но русскіе измѣнники, тѣсно связавшіе свою судьбу съ его судьбою и не желавшіе ни бѣжать въ Польшу, ни отдаваться въ руки Борису, объявили ему, что не выпустятъ его изъ Путивля и что ему предстоитъ испить съ ними одинаковую чашу и спастись или погибнуть вмѣстѣ; грозили даже выдать его Борису и тѣмъ за служить себѣ помилованіе. Вынужденный такимъ образомъ продолжать свое самозванство, Отрепьевъ снова ревностно принялся за дѣло. Изыскивая средства къ увеличенію своихъ силъ извнѣ и внутри Россіи, самозванецъ отправилъ князя Татева къ королю Сигизмунду III просить помощи, успѣлъ уговорить большую часть поляковъ, готовыхъ послѣ пораженія разойтись по домамъ, остаться при немъ и издалъ къ русскому народу новый манифестъ, въ которомъ, разсказывая прежнюю вымышленную исторію о спасеніи Дмитрія и о милости Божіей, явленной надъ ними даже въ несчастной битвѣ, призывалъ россіянъ на службу. Если посольство князя Татева потерпѣло неудачу, то манифестъ самозванца отозвался въ душѣ легковѣрныхъ и враговъ Годунова, которые и поспѣшили въ Путивль,

*) См. Записки Маржерета. Въ запискахъ Паерле сказано, что залпъ данъ былъ изъ 14 пушекъ и 16.000 длинныхъ ружей.

дабы предложить свои услуги тому, кого считали несчастной жертвой властолюбія ненавистнаго имъ Бориса. Въ особенности Отрепьевъ утѣшенъ былъ прибытіемъ 4.000 донскихъ казаковъ.

Между тѣмъ царскіе воеводы не воспользовались пораженіемъ врага, дѣйствовали вяло и, какъ будто, нехотя. Подступивъ къ Рыльску только на другой день выѣзда изъ него самозванца, воеводы приступили къ осадѣ города; начали плесть туры, копать траншеи и наконецъ поставили батареи, изъ которыхъ и открыли огонь. Осажденные, въ свою очередь, отстрѣливались и просили помощи у самозванца, который и послалъ имъ отрядъ изъ 500 поляковъ и 2.000 русскихъ. Пользуясь непростительной безпечностью воеводъ, отрядъ этотъ успѣлъ ночью пробраться въ городъ и усилить упорство осажденныхъ. Наконецъ, послѣ 15-ти дневной безуспѣшной осады, воеводы сняли ее и отошли въ Комарницкую волость, дабы до весны дать отдыхъ войскамъ, между тѣмъ какъ обстоятельства требовали отъ нихъ дѣйствій самыхъ быстрыхъ и рѣшительныхъ. Вмѣсто сего они жестоко выместили неудачу свою подъ Рыльскомъ на жителяхъ области, изъявлявшихъ большую преданность самозванцу. Немилосердное опустошеніе послѣдней и звѣрское истязаніе жителей ея, однако, не вернули послѣднихъ къ вѣрности Борису, а лишь увеличили сподвижниковъ самозванца, которые стекались въ Путивль, требуя оружія и чести умереть за Димитрія.

Въ полѣ оставался еще Шереметевъ, который, узнавъ о Добрыничской побѣдѣ, собралъ свое запасное ополченіе и обложилъ г. Кромы, жители котораго, по примѣру Рыльска, рѣшились защищаться. Получивъ донесеніе объ отступленіи воеводъ отъ Рыльска къ Радогощскому острогу Комарницкой волости, Борисъ изъявилъ воеводамъ и войску ихъ гнѣвъ свой и приказалъ имъ немедленно идти на соединеніе съ отрядомъ Шереметева и вмѣстѣ съ послѣднимъ взять городъ Кромы. Повелѣнія царя ослушаться еще не смѣли, но, по замѣчанію лѣтописцевъ, вся рать оскорбилась укорнымъ словомъ Бориса, и съ тѣхъ поръ многіе въ ней, дотолѣ вѣрные, стали склоняться на сторону самозванца.

Сосредоточеніе всѣхъ силъ подъ Кромами составило ополченіе около 100 тысячъ человѣкъ, противъ усилій коихъ казалось невозможнымъ устоять ничтожному числу защитниковъ Кромъ. Однако и здѣсь, какъ подъ Рыльскомъ, преступная безпечность воеводъ позволила самозванцу усилить защитниковъ города 4.000 донскихъ казаковъ и русскихъ, пробравшихся къ городу ночью. Озлобленные этою новою неудачей, воеводы рѣшили не щадить города и выставили сильныя батареи изъ пушекъ и мортиръ. Осажденные оборонялись мужественно и упорно, возбуждаемые примѣромъ начальниковъ своихъ, Григорія Акинфіева и атамана донскихъ казаковъ Корелы. Послѣдній, не надѣясь на деревянную стѣну города, приказалъ обвести его земляным валомъ со рвомъ, а подъ

валомъ надѣлать землянки, гдѣ осажденные находили вѣрное убѣжище отъ навѣснаго огня; изъ рва прокопали нѣсколько контръ-апрошъ, изъ которыхъ казаки часто тревожили батареи и траншеи осаждавшихъ и въ которыя скрывались, какъ только царскія войска обращались противъ нихъ.

Наконецъ Мстиславскій съ товарищами приступилъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Высланные ими ночью ратники зажгли деревянную городскую стѣну, и она сгорѣла; пожаръ распространился въ городѣ и осажденные искали убѣжища въ острогѣ. Царскія войска, безпрепятственно, заняли земляной валъ; оставалось только взять острогъ, гдѣ, за тѣснотою его, осажденные не могли бы долго держаться. По несчастью, одинъ изъ царскихъ воеводъ, замышлявшій уже измѣну, Михаилъ Глѣбовичъ Салтыковъ, безъ приказанія и вѣдома главныхъ воеводъ, самовольно свелъ ратниковъ съ вала, и отослалъ ихъ въ траншеи, какъ говорятъ лѣтописцы, *„наровя тому Гришкѣ“*. Осажденные вышли изъ острога, потушили пожаръ и снова заняли городской валъ. Послѣ сего воеводы ничего важнаго не предпринимали, да и не могли предпринять. Къ шаткости, неустойчивости умовъ въ войскѣ и ослабленію нравственному присоединилось дѣйствіе физическое: въ войскѣ открылись сильныя болѣзнь и смертность. Царь, съ свойственною ему заботливостью, прислалъ изъ Москвы нужныя лекарства, коихъ спасительное дѣйствіе уменьшило болѣзни, но не увеличило усердія воиновъ къ службѣ. Безплодное стояніе царскаго войска подъ Кромами, умножало въ народѣ недовѣріе къ правительству и наклонность къ самозванцу. Даже въ Москвѣ громко толковали, что само Провидѣніе видимо покровительствуетъ Димитрію, котораго не могутъ одолѣть несмѣтныя силы, выставленныя противъ него.

Истекалъ уже третій мѣсяцъ послѣ Добрыничской побѣды, а важнаго перевѣса не было ни на той, ни на другой сторонѣ. Хотя дѣла самозванца, оправившагося послѣ перваго пораженія, видимо улучшились и онъ не утратилъ ни одного изъ передавшихся ему городовъ, однако не могъ еще перейти къ наступательнымъ дѣйствіямъ и долженъ былъ оставаться въ оборонительномъ положеніи въ Путивлѣ. Казалось, что междоусобію суждено было длиться, какъ вдругъ внезапное событіе дало дѣлу крутой поворотъ. 13-го апрѣля утромъ царь Борисъ скончался отъ удара. По примѣру и увѣщанію патріарха Іова, искренно преданнаго дому Годуновыхъ, Москва спокойно присягнула 16-лѣтнему сыну Бориса, Ѳеодору. Смерть Бориса была бѣдою для Россіи, ибо предвѣщала торжество гнуснаго самозванства. Юный царь, отличавшійся душевными качествами, умомъ и познаніями, былъ слишкомъ молодъ и неопытенъ для принятія державы въ такое тяжелое и смутное время. Мать Ѳеодора, царица Марія Григорьевна, коей предстояло руководить

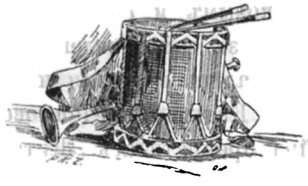
царственнаго сына, также не обладала навыкомъ и опытностью въ дѣлахъ государственныхъ. Московскіе вельможи, ближайшіе совѣтники царя, выказывая наружную покорность, не имѣли искренняго усердія къ нему; общее расположеніе умовъ въ народѣ было уже не въ пользу юнаго государя.

Утвержденіе Ѳеодора на престолѣ зависѣло не столько отъ согласія столицы, сколько отъ преданности и усердія войска, собраннаго подъ Кромами. Недѣятельность главныхъ воеводъ этой огромной рати, Мстиславскаго и Шуйскаго, неумѣнье или нежеланіе ихъ истребить самозванца съ его малочисленной дружиной, заставили царицу и Ѳеодора отозвать обоихъ князей въ столицу, подъ благовиднымъ предлогомъ, что юному царю необходимы мудрые совѣтники. На мѣсто Мстиславскаго назначили главнымъ воеводою боярина князя Катырева-Ростовскаго, мужа честнаго, но недальняго ума, а въ званіи второго воеводы большаго полка — Басманова, воеводу не знатнѣйшаго, но способнѣйшаго, на дѣлѣ показавшаго себя вождемъ вѣрнымъ и съ воинскими дарованіями *). Вмѣстѣ съ княземъ Катыревымъ и Басмановымъ, въ войско подъ Кромы былъ посланъ Новгородскій митрополитъ Исидоръ для приведенія войска къ присягѣ царю Ѳеодору. Ратные люди дали присягу, но не долго соблюдали ее. Шаткое расположеніе умовъ не только въ государствѣ, но даже въ самомъ войскѣ, не укрылось отъ проницательности Басманова. Этотъ мнимый поборникъ правды, былъ только низкимъ честолюбцемъ. Видя, что наиболѣе дѣятельные и способные воеводы не хотятъ Годуновыхъ, предусматривая неминуемую гибель Ѳеодора, Басмановъ понималъ, что противиться общему расположенію умовъ значитъ идти на явную и безполезную въ его глазахъ гибель, и, не желая жертвовать собою для поддержанія колебавшагося престола своихъ благотворителей, рѣшился измѣнить Ѳеодору. Онъ соединился съ князьями Голицыными и Салтыковымъ и 7-го мая объявилъ Димитрія царемъ Московскимъ. Полки безъ сопротивленія провозгласили его государемъ. Только немногіе остались вѣрными присягѣ Ѳеодору и съ двумя воеводами, съ князьями Катыревымъ-Ростовскимъ и Телятевскимъ, бѣжали въ Москву. Война прекратилась. Жители Кромъ отворили ворота перешедшимъ на сторону самозванца. Князь Иванъ Голицынъ поспѣшилъ въ Путивль къ „царю“ съ повинною отъ имени войска и съ узникомъ Иваномъ Годуновымъ, въ залогъ вѣрности. Самозванецъ торжественно принялъ пословъ, *сгумьлъ скрыть* чрезмѣрную радость, не благодарилъ, а только простилъ войско и велѣлъ ему идти къ Орлу и тамъ его дожидаться. Говорятъ, что нѣкоторые изъ московскихъ дворянъ, пріѣхавшихъ съ Голицынымъ, узнали въ новомъ царѣ монаха

*) Слѣдствіемъ сего назначенія было также перемѣщеніе воеводъ и въ другихъ полкахъ.

Отрепьева, но было уже поздно объявлять о подобномъ открытіи. 19-го мая Лжедимитрій выступилъ изъ Путивля съ 600 поляковъ, съ донцами и русскими дружинами изъ прежнихъ измѣнниковъ. Переходъ войска на сторону самозванца рѣшилъ борьбу. Москва послѣдовала примѣру царскаго войска, а примѣру Москвы—всѣ другіе города, и самозванецъ, отъ Путивля до Москвы всюду встрѣчаемый какъ сынъ Іоанна, 20 іюня 1605 г. торжественно вступилъ въ столицу, избавясь передъ тѣмъ, посредствомъ гнуснаго убійства, отъ Ѳеодора и его матери.

Ознаменовавъ первыя свои дѣйствія милостями, дарованными почти всѣмъ сословіямъ государства, Лжедимитрій дѣятельно принялся за дѣла правленія, и не проходило дня, въ который бы онъ не присутствовалъ въ Думѣ. Однако, обнаруживъ много ума въ рѣшеніи дѣлъ государственныхъ, воли, мужества и искусства въ достиженіи своей цѣли, Лжедимитрій не удержался на захваченномъ царскомъ престолѣ, не съумѣвъ постигнуть собственнаго положенія, и вскорѣ утратилъ народную любовь, озлобивъ всѣ сословія необыкновеннымъ легкомысліемъ. Общія разочарованіе и негодованіе постепенно росли и особенно обнаружились, когда 2 мая 1606 года въ Москвѣ явилось болѣе 2.000 поляковъ съ невѣстой самозванца Мариной Мнишекъ. Мѣра терпѣнія народнаго переполнилась, и въ страшномъ взрывѣ негодованія народа, предводимаго княземъ Василіемъ Ивановичемъ Шуйскимъ, 17 мая самозванецъ былъ растерзанъ въ Кремлѣ, многіе поляки убиты, а Марина, отецъ и родственники ея, едва избѣжавъ смерти, были заключены въ темницы. Василій Ивановичъ Шуйскій избранъ царемъ Московскимъ.



ГЛАВА XVI.

Войны при Василіи Шуйскомъ (1606—1610 г.г.).—Новыя внутреннія смуты, съ начала царствованія Шуйскаго.—Военныя дѣйствія въ 1606—1609 годахъ: борьба съ Болотниковымъ и вторымъ Лжедимитріемъ.—Оборона Троицко-Сергіевской лавры въ 1608—10 г.г.

Паденіе Лжедимитрія не возстановило спокойствія Россіи. Предназначеніе Отрепьева на гибель отечества было столь непреодолимо, что самая смерть его не только не прекратила возбужденныхъ имъ неустройствъ, но даже подала поводъ къ усугубленію зла. Одна самодержавная власть, сосредоточенная въ рукахъ мощнаго государя, при единодушной преданности бояръ, могла обуздать нарождавшуюся крамолу и отвратить бѣдствія отъ несчастнаго отечества. Между тѣмъ условія, при которыхъ совершилось избраніе на царство князя Василія Шуйскаго, не давали послѣднему нравственной силы для водворенія въ государствѣ порядка и тишины. Новый царь, избранный единственно Москвою, принялъ державу царскую „тайкомъ отъ земли“; прочіе города, оскорбленные присвоеннымъ Москвою правомъ располагать престоломъ, неблагопріятствовали выбранному ею государю. Жители многихъ отдаленныхъ областей еще благоговѣли передъ памятью Лжедимитрія, столь недавно признаннаго самой Москвою за истиннаго сына Іоанна, жалѣли объ его участи и воспламенялись ненавистью къ новому государю, считая его, и не безъ основанія, виновникомъ цареубійства. Ограниченіе власти царской относительно наказанія, ограниченіе ея боярами, къ царю нерасположенными, обѣщало безнаказанность смутамъ и крамоламъ. Умы народные были слишкомъ взволнованы для того, чтобы въ государствѣ могли водвориться тишина и порядокъ. Враги общественнаго порядка и люди знатные, родословные, одни изъ нелюбви, другіе изъ зависти къ царю Василію, пользовались волненіемъ умовъ и необыкновеннымъ легковѣріемъ народа и, въ тайнѣ, подстрекали его снова къ возстанію. Еще тѣло самозванца лежало на площади въ Москвѣ; еще доказывались въ

грамотахъ его преступленія, а уже новые возмутительные слухи разсѣвались по лицу Русской земли о спасеніи Димитрія отъ убіенія въ Кремлѣ. Возстаніе дѣйствительно обнаружилось и, прежде всего, тамъ же, гдѣ и за годъ передъ тѣмъ въ пользу перваго самозванца, именно— въ Сѣверской области. Виновникомъ его явился князь Григорій Шаховской, любимецъ перваго самозванца, къ удивленію всѣхъ, назначенный царемъ Василіемъ воеводой въ Путивль. Пріѣхавъ въ этотъ главный городъ Сѣверской области, онъ объявилъ гражданамъ его, что Димитрій живъ и укрывается отъ убійцъ, что Василій ожесточенъ противъ сѣверянъ за оказанное ими усердіе Димитрію и что онъ, въ наказаніе, готовитъ имъ участь, подобную той, которая постигла Новгородъ, разгромленный свирѣпствомъ Іоанна Грознаго. Онъ убѣждалъ ихъ, для собственнаго спасенія своего, вооружиться за Димитрія. Путивляне взбунтовались противъ Василія; ихъ примѣру послѣдовали другіе города Сѣверской области; пламя бунта быстро распространялось отъ Путивля до Смоленска и даже Казани и Астрахани.

Для успѣха поднятаго Шаховскимъ возстанія ему необходимъ былъ самозванецъ. Еще 17-го мая, въ день избіенія Лжедимитрія и поляковъ, одинъ изъ приверженцевъ послѣдняго, Михайло Молчановъ, скрылся изъ дворца и изъ Москвы и направилъ путь къ литовскимъ границамъ, вездѣ распуская по дорогѣ слухи, что онъ царь Димитрій, спасающійся отъ убійцъ. Однако послѣ того, болѣе года ни въ Московскомъ государствѣ, ни въ Польшѣ не находилось человѣка, который рѣшился бы выступить подъ именемъ спасеннаго Димитрія. Между тѣмъ въ Сѣверской области, образовалось ополченіе мятежниковъ изъ бѣглыхъ крестьянъ, боярскихъ холоповъ и казаковъ. Медлить было нельзя,—нужно было подкрѣпить возстаніе, давши ему вождя; такимъ явился Иванъ Болотниковъ.

Бывшій холопъ князя Телятевскаго, побывавшій въ плѣну у татаръ и галернымъ невольникомъ у турокъ, заброшенный затѣмъ судьбою въ Венецію и Польшу, Болотниковъ пробирался уже на родину, но, какъ русскій, былъ схваченъ и представленъ Молчанову, который, увидавъ въ немъ полезнаго для своего дѣла человѣка, одарилъ его и послалъ въ Путивль къ князю Шаховскому. Послѣдній принялъ его какъ царскаго повѣреннаго, и далъ начальство надъ ополченіемъ, которое быстро начало усиливаться приливомъ бѣглыхъ холоповъ и крестьянъ, разбойниковъ, казаковъ и приставшихъ къ нимъ посадскихъ людей и стрѣльцовъ.

Въ виду новой грозившей государству опасности, царь Василій принялъ мѣры для наступательныхъ дѣйствій противъ мятежниковъ и для обороны Москвы. Приказавъ съ послѣднею цѣлью разставить пушки по стѣнамъ Московскаго кремля, онъ повелѣлъ князьямъ Воротынскому и Трубецкому собрать войско и идти съ нимъ за Оку. Повидимому, не понявъ важности и необходимости съ самаго начала дѣйствовать со-

вокупными силами, быстро и рѣшительно, дабы однимъ ударомъ сокрушить мятежъ и отвратить дальнѣйшія бѣдствія, воеводы раздѣлили свои силы: Воротынскій, оставивъ одинъ изъ трехъ полковъ въ Орлѣ подъ начальствомъ князя Барятинскаго, самъ съ другими двумя обложилъ Елецъ; Трубецкой, съ 5-тысячнымъ отрядомъ осадилъ Кромы.

Болотниковъ воспользовался этою ошибкой: собравъ въ Путивлѣ 12 тысячъ вооруженныхъ мятежниковъ, онъ быстро двинулся къ Кромамъ, на голову разбилъ отрядъ Трубецкаго и отбросилъ его къ Орлу. Слѣдствія Кромскаго пораженія были ужасны: войска Барятинскаго и Трубецкаго, видя въ жителяхъ Орла и другихъ украинскихъ городовъ несомнѣнную наклонность къ самозванцу, упали духомъ, постыдно оставили свои знамена и разошлись по домамъ; воеводы съ остатками войска отступили къ Калугѣ. Князь Воротынскій, узнавъ о происшедшемъ подъ Кромами и въ Орлѣ и вѣроятно опасаясь быть отрѣзаннымъ отъ Москвы, поспѣшно снялъ осаду Ельца и отступилъ на Москву; но пагубный примѣръ ратныхъ людей Барятинскаго и Трубецкаго подѣйствовалъ и на его воиновъ, которые по пути, по большей части, разбрелись.

Лишь только царское войско исчезло, мятежъ распространился повсемѣстно. Многіе города отложились отъ Василія; въ томъ числѣ Рязань возмутили воевода Сумбуловъ и дворянинъ Прокопій Ляпуновъ, а Тулу, Веневъ и Каширу—боярскій сынъ изъ Епифани Истома-Пашковъ. На востокѣ, по Волгѣ, въ Перми, Вяткѣ, возстали крестьяне, холопы, инородцы; признала Лжедимитрія и отдаленная Астрахань. Болотниковъ, подвигаясь къ Москвѣ, всюду бунтовалъ простой народъ, возбуждая крестьянъ противъ ихъ господъ, внушая имъ грабежъ и убійство. Со всѣхъ сторонъ безнравственныя толпы, напитанныя духомъ злобы, корысти и властолюбія, стекались подъ его кровавыя знамена.

Пораженный отступленіемъ воеводъ изъ-подъ Кромъ и Орла и не зная еще истиннаго положенія дѣла, царь Василій выслалъ имъ изъ Москвы подкрѣпленіе подъ начальствомъ брата своего, князя Ивана Шуйскаго. Два другіе отряда были посланы, подъ начальствомъ князя Кольцова-Мосальскаго, въ Серпуховъ, и князя Мезецкаго—въ Каширу; жители послѣдней, передавшіеся на сторону мятежниковъ, не впустили Мезецкаго. Шуйскій, хотя и разбилъ отрядъ мятежниковъ 23 сентября при впаденіи рѣки Угры въ Оку, но, по присоединеніи къ нему съ остатками войскъ Барятинскаго и Трубецкаго, не счелъ возможнымъ, не только осадить измѣнившую Каширу, но даже оставаться безопасно въ этомъ краѣ и отступилъ къ Москвѣ.

Болотниковъ, усиленный отрядами рязанцевъ и Пашкова, переправился черезъ Оку, овладѣлъ Коломною и двинулся къ столицѣ. Поспѣшно собравъ войска, Василій двинулъ ихъ по двумъ направленіямъ: подъ начальствомъ 20-ти-лѣтняго племянника своего, князя Михаила Васильe-

вича Скопина-Шуйскаго, по Серпуховской дорогѣ, для поддержанія отступавшаго по ней князя Кольцова-Мосальскаго; главныя же силы, подъ начальствомъ князя Мстиславскаго — къ Коломнѣ. Скопинъ-Шуйскій, разбивъ за р. Лопасней и прогнавъ шайки мятежниковъ, переправившіяся въ Серпуховѣ черезъ р. Оку, обратился влѣво, на соединеніе съ Мстиславскимъ. По соединеніи ихъ въ Домодѣдовѣ, они двинулись на встрѣчу Болотникову и при селѣ Троицкомъ, въ 70 верстахъ отъ Москвы, вступили съ нимъ въ бой, кончившійся полнымъ разгромомъ царскаго войска. Болотниковъ двинулся по слѣдамъ бѣжавшихъ къ Москвѣ и въ концѣ октября расположился станомъ у села Коломенскаго, стараясь подметными письмами и иными средствами возмутить жителей столицы.

Положеніе царя Василія казалось отчаяннымъ: при себѣ онъ имѣлъ лишь небольшое число войска, да и то было въ крайнемъ унынiи; большая часть была во власти мятежниковъ. Въ Москвѣ уже начиналъ ощущаться недостатокъ въ продовольствіи. Къ счастью, дѣла скоро приняли благопріятный оборотъ, хотя и не надолго. Тверь, а за нею Старица, Ржевъ и Зубцовъ, благодаря вліянію тверскаго архіепископа Ѳеоктиста, вернулись на путь законности и порядка и прислали царю на помощь своихъ ратныхъ людей. Куракинъ, воевода города Смоленска, остававшагося вѣрнымъ царю, составилъ рать изъ служилыхъ людей Смоленска, Серпейска, Вязьмы и Дорогобужа, которая и двинулась къ Можайску, подъ начальствомъ дворянина Полтева. Ляпуновъ, честолюбивый и заносчивый, умный и искренно любившій отечество, увидя съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло и стыдясь злодѣйскихъ подвиговъ гнусныхъ товарищей, скоро отложился отъ Болотникова. 15 ноября онъ отъѣхалъ въ Москву съ Сумбуловымъ, со всѣми рязанцами и стрѣльцами г. Коломны. Царь Василій принялъ ихъ съ радостью, великодушно простилъ и помиловалъ. Это милосердіе его привлекло къ нему и другихъ переметчиковъ изъ коломенскаго стана.

29 ноября прибыли къ Москвѣ и расположились у Дѣвичьяго монастыря, смоленская рать Полтева и высланные отъ Москвы, на встрѣчу ей къ Можайску и Волоколамску, отряды Мезецкаго и Колычева. Въ то же время, и гарнизонъ столицы вышелъ въ поле и расположился станомъ у Данилова монастыря. Царь назначилъ предводителемъ войскъ молодаго, даровитаго Скопина-Шуйскаго, уже отличившагося въ битвѣ при Лопаснѣ. 2 декабря 1606 г., дождавшись прихода смольнянъ, Скопинъ-Шуйскій двинулся къ Коломенскому, и при деревнѣ Котлы, нанесъ Болотникову, вышедшему къ нему на встрѣчу, совершенное пораженіе. Еще въ началѣ боя Пашковъ, со всѣми находившимися у Болотникова дворянами и боярскими дѣтьми, положилъ оружіе; казаки съ атаманомъ Беззубцевымъ, засѣли было въ укрѣпленномъ ими селеніи Заборьѣ, но потомъ сдались безъ боя. Съ остатками своего

мятежнаго ополченія, простиравшимися однако до 10 тыс. человѣкъ. Болотниковъ бѣжалъ въ Калугу; другіе же заняли Тулу.

Столь сильное пораженіе мятежниковъ, казалось, утвердило престолъ за Василіемъ. Наградивъ виновниковъ побѣды и, ослѣпленный блистательнымъ успѣхомъ, онъ упустилъ однако изъ виду, что при извѣстной твердости Болотникова и ожесточеніи преданной ему черни, конечное истребленіе враговъ требовало усилій еще болѣе важныхъ. Вѣроятно, желая не подвергать войска изнуренію зимняго похода, Василій счелъ достаточнымъ ограничиться только отправленіемъ за Оку небольшихъ отрядовъ: думнаго дворянина Измайлова—къ Козельску, князя Никиты Хованскаго—къ Калугѣ, князя Воротынскаго—къ Алексину, князя Хилкова—къ Веневу и князя Ивана Хованскаго—къ Михайлову. Шестой отрядъ, подъ начальствомъ боярина князя Ивана Ивановича Шуйскаго, сначала оставался въ Серпуховѣ, въ видѣ резерва всѣмъ прочимъ пяти, а затѣмъ былъ двинутъ въ подкрѣпленіе отряда Никиты Хованскаго къ Калугѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, воеводамъ Григорію Пушкину и Сергѣю Ададурову, съ служилыми людьми городовъ Суздаля, Владиміра и Мурома приказано было идти на усмиреніе мордвы и избавленіе Нижняго-Новгорода; а боярину Ѳедору Ивановичу Шереметеву, съ низовою ратью поручено было привести въ покорность Астрахань.

Однако, большинство означенныхъ отрядовъ дѣйствовало неудачно. Воротынскій потерпѣлъ сильное пораженіе близъ Тулы отъ измѣнника князя Телятевскаго, предводительствовавшаго бѣглецами Коломенскаго стана, засѣвшими въ Тулѣ. Отряды князей Ивана Шуйскаго и Никиты Хованскаго обложили Калугу 30 декабря, но не могли овладѣть городомъ, гдѣ Болотниковъ упорно защищался, принявъ всѣ необходимыя мѣры для обороны города, оградивъ его тыномъ и двойнымъ рвомъ. Измайловъ и Хилковъ, безполезно осаждали: первый—Козельскъ, а второй Веневъ. Князь Иванъ Хованскій, долженъ былъ отступить къ Переславлю Рязанскому; начальство надъ его отрядомъ было ввѣрено князю Лыкову и Прокопію Ляпунову. Астрахань, съ мятежнымъ воеводою княземъ Хворостининымъ, не поддалась Шереметеву, который укрѣпился на островѣ Балчикѣ и оставался въ наблюдательномъ положеніи. Только воеводы Пушкинъ и Ададуровъ, съ успѣхомъ выполнили порученіе, осводобивъ отъ мятежниковъ Нижній-Новгородъ, Арзамасъ и Алатырь, и водворивъ спокойствіе въ мордовской землѣ.

Убѣдившись наконецъ, что мятежъ не укротится, пока глава его Болотниковъ не будетъ сокрушенъ, царь выслалъ подъ Калугу, сколько было еще при немъ ратныхъ людей въ Москвѣ, и ввѣрилъ начальство надъ осаднымъ войскомъ князьямъ Мстиславскому, Скопину-Шуйскому и Татеву. Василію нужно было спѣшить сокрушеніемъ мятежа, тѣмъ болѣе, что приходили извѣстія о крайне непріязненномъ расположеніи

къ Москвѣ короля Сигизмунда и всей Рѣчи Посполитой. Возвратившіеся 13 февраля 1607 года въ Москву русскіе послы, извѣстили царя, что ему должно остерегаться Польши, гдѣ общее желаніе было, при первомъ удобномъ случаѣ вступить въ открытую войну съ Россіей.

Мстиславскій съ товарищами сначала повелъ дѣло осады Калуги довольно энергично. Онъ не только громилъ городъ осадными орудіями и мортирами, но и приказалъ еще подводить къ городу огромный деревянный приметъ (крытый ходъ) съ намѣреніемъ зажечь послѣдній, дабы вмѣстѣ съ нимъ сгорѣлъ и острогъ. Однако, Болотниковъ бодрствовалъ; произведя сильную вылазку, онъ самъ сжегъ приметъ, прежде нежели успѣли его довести до острога. Болотниковъ защищался съ отчаяннымъ упорствомъ, безпрестанными вылазками сильно тревожа осаждавшихъ, и успѣхъ осады не подвигался впередъ. Однако, положеніе Болотникова становилось весьма затруднительнымъ. Продовольственные запасы въ Калугѣ уже истощались; высланный изъ Путивля на выручку его отрядъ мятежниковъ, подъ начальствомъ князя Василія Мосальскаго, хотя и разбилъ подъ Веневымъ отрядъ князя Хилкова, но самъ потерпѣлъ полное пораженіе на рѣчкѣ Выркѣ *) отъ отряда Ивана Никитича Романова, отряженнаго княземъ Мстиславскимъ. Разбить послѣдняго только своими силами у Болотникова не было надежды. Въ такихъ обстоятельствахъ, онъ убѣдительно просилъ помощи у князя Шаховскаго. Но послѣдній самъ находился въ затруднительномъ положеніи: долгое непоявленіе мнимаго Димитрія охлаждало уже усердіе у добросовѣстныхъ его приверженцевъ; всѣ старанія Шаховскаго склонить Молчанова къ пріѣзду въ Путивль, подъ именемъ Димитрія, были напрасны,—тотъ не соглашался. Въ такой крайности, Шаховской призвалъ къ себѣ въ Путивль, находившагося у терскихъ казаковъ бродягу Илейку, выдававшаго себя еще при жизни перваго самозванца за царевича Петра, будто бы сына Ѳеодора Іоанновича. Этотъ Лже-Петръ прибылъ съ Дона въ Путивль съ 10 тыс. своего войска. Усиливъ послѣднее новымъ наборомъ сѣверянъ и отрядомъ запорожцевъ, Шаховской двинулся вмѣстѣ съ Лже-Петромъ къ Тулѣ, выславъ впередъ два отряда: одному, подъ начальствомъ князя Долгорукова, поручено было принудить Измайлова снять осаду Козельска; а другому—спѣшить къ Тулѣ, на соединеніе съ княземъ Телятевскимъ, которому приказано было, немедленно, по прибытіи подкрѣпленій, идти къ Калугѣ на выручку Болотникова.

Мстиславскій, узнавъ о движеніи князя Телятевскаго, выступившаго 1 мая къ Калугѣ черезъ Бѣлевъ, дабы на всякій случай обезпечить себѣ путь отступленія на Путивль, выслалъ на встрѣчу ему князей Татева и Черкаскаго съ отрядомъ въ 17 тыс. человѣкъ. Они встрѣ-

*) Впадаетъ въ р. Оку въ Перемышльскомъ уѣздѣ, Калужской губ.

тили Телятевскаго на р. Пчельнѣ, и въ бою съ нимъ были разбиты; князья Татевъ и Черкаскій были убиты. Бѣжавшіе подъ Калугу, въ станъ главнаго войска, распространили въ немъ ужасъ и смятеніе. Пользуясь этимъ, Болотниковъ произвелъ на другой день сильную вылазку,—разгромъ сдѣлался всеобщимъ. Царское войско обратилось въ постыдное бѣгство къ Боровску, побросавъ орудія, снаряды и припасы. До 15.000 челов. перешли на сторону Болотникова. Только доблестный Скопинъ-Шуйскій и прощенный царемъ Истома-Пашковъ, одушевивъ мужествомъ своимъ немногихъ, пребывшихъ вѣрными долгу и чести, упорнымъ боемъ удерживали напоръ Болотникова и затѣмъ, въ порядкѣ, отступили къ Серпухову, привезя съ собою нѣсколько спасенныхъ ими пушекъ.

Пока Мстиславскій собиралъ въ Боровскѣ бѣжавшія войска свои, Болотниковъ вышелъ изъ Калуги, и въ Тулѣ соединился съ Лже-Петромъ, чтобы дѣйствовать совокупными силами.

Вѣсть о разгромѣ царскаго войска поразила Москву. Шуйскій снова колебался на престолѣ; гибель висѣла надъ столицей и государствомъ; смущеніе было всеобщее. Но царь ободрилъ всѣхъ своею рѣшимостью, принявъ рѣшительныя мѣры: разосланы были строгіе указы—собираться отовсюду служилымъ людямъ; монастырскія и церковныя вотчины должны были также выставить ратниковъ, и снабдить продовольствіемъ Москву и войско. Патріархъ и высшее духовенство, не только согласились на всѣ пожертвованія, но и провозгласили во всѣхъ церквахъ отлученіе Болотникова, самозванца и всѣхъ сообщниковъ его. Увлеченіе было внезапное и всеобщее. Подъ царскими знаменами собралось до 100 тысячъ человѣкъ. Принявъ личное начальство надъ ратью, царь 21 мая, выступилъ на Серпуховъ, выславъ нѣсклько ранѣе часть силъ, подъ начальствомъ князя Голицына, въ Каширу, на соединеніе съ шедшимъ къ ней изъ Рязани отрядомъ боярина князя Лыкова.

5-го іюня, на берегахъ рѣчки Восмы, въ 12 верстахъ отъ Каширы, соединенныя силы князей Голицына и Лыкова, нанесли совершенное пораженіе 30-тысячному отряду мятежниковъ, высланному изъ Тулы, подъ предводительствомъ князя Телятевскаго. Потерявъ до 5 тысячъ плѣнныхъ, побросавъ орудія и свои знамена, Телятевскій, лишь съ немногими возвратился въ Тулу, гдѣ находились съ сосредоточенными силами Лже-Петръ, Шаховской и Болотниковъ.

Царь, обрадованный важною побѣдой, спѣшилъ воспользоваться ею и дѣйствовалъ рѣшительно. Выславъ за Оку трехъ-полковое войско подъ начальствомъ князя Скопина-Шуйскаго, царь выступилъ сначала на Алексинъ. Скопинъ-Шуйскій соединился съ отрядомъ Голицына и Лыкова, опрокинулъ сильный отрядъ мятежниковъ, пытавшихся задержаться на топкой рѣчкѣ Воронеѣ, въ полуверстѣ отъ Тулы, и подсту-

пилъ къ городу. 30 іюля прибыла къ Тулѣ и главная армія. Началась осада медленная и кровопролитная, подобно Калужской, хотя осаждающихъ было до 100 тысячъ человѣлъ, а въ Тулѣ только 20 тысячъ, но за то отчаянныхъ злодѣевъ. Предводимые Лже-Петромъ, Шаховскимъ, Телятевскимъ, а главное—Болотниковымъ, мятежники производили ежедневно по 3 и 4 вылазки, дрались отчаянно и всегда отбивали многократные приступы царскихъ войскъ. Несмотря на то, Шаховской и Болотниковъ предвидѣли, что имъ наконецъ не удержаться въ Тулѣ, что рано или поздно царь возьметъ этотъ городъ, если они не получатъ своевременной помощи отъ сѣверянъ, все еще ожидавшихъ мнимаго Димитрія. Поэтому оба они писали въ Польшу къ друзьямъ Мнишека, чтобы тѣ выслали имъ, непремѣнно, какого-нибудь Лжедмитрія. Наконецъ, новый Лжедмитрій появился въ Стародубѣ, и около него начала собираться дружина, умножавшаяся выходцами изъ Литвы. О происхожденіи Лжедмитрія II носились разные слухи и ни одного вѣрнаго. То былъ человѣкъ грубый, корыстолюбивый до низости, глубоко развращенный, но ловкій и умный, съумѣвшій освоиться съ своимъ положеніемъ и пользоваться обстоятельствами. Царь видѣлъ надвигавшуюся опасность, такъ какъ уже вся Сѣверская земля признала самозванца, но еще медлилъ въ выборѣ рѣшительныхъ мѣръ для истребленія новаго злодѣя. Въ такого рода обстоятельствахъ, ему слѣдовало бы употребить самыя рѣшительныя средства для скорѣйшаго овладѣнія Тулой, выславъ въ то же время противъ самозванца сильное войско. Но Василій не смѣлъ ослабить себя подъ Тулой, изъ опасенія выпустить изъ рукъ находившихся въ ней главныхъ мятежниковъ и злѣйшихъ враговъ своихъ, и, рѣшившись дѣйствовать противъ самозванца находившимися въ полѣ отрядами, продолжалъ осаду Тулы.

Лже-Отрепьевъ расположился станомъ подъ Брянскомъ, выжженнымъ передъ тѣмъ небольшимъ отрядомъ царскаго войска, и 20-го сентября выслалъ пѣхоту съ обозомъ въ Карачевъ, куда и самъ вскорѣ прибылъ съ конницей. Двинувшись на выручку Козельска, онъ разбилъ осаждавшій его отрядъ князя Масальскаго и отбросилъ къ Мещовску.

Между тѣмъ, осада Тулы продолжалаеь третій мѣсяцъ и все безуспѣшно. Царское войско уже скучало, приходило въ уныніе и падало духомъ. Царь и воеводы недоумѣвали, къ какимъ средствамъ прибѣгнуть для одолѣнія упорства осажденныхъ. Когда, такимъ образомъ, успѣхъ предпріятія дѣлался уже сомнительнымъ, боярскій сынъ Ѳома Суминъ Кровковъ, предложилъ затопить Тулу, если ему дадутъ необходимое число рабочихъ. Василій и бояре сначала осмѣяли его предложеніе, но, видя въ немъ твердую увѣренность въ успѣхѣ, наконецъ согласились. По указанію Кровкова, запрудили рѣку Упу, въ 3-хъ верстахъ ниже города. Рѣка вышла изъ береговъ, и не только охватила весь городъ,

но и затопила его внутри, такъ что по улицамъ плавали на плотахъ. Всѣ сообщенія города съ окрестностями были отрѣзаны водою, подвозъ продовольствія извнѣ совершенно прекратился, большая часть существовавшихъ въ городѣ хлѣбныхъ складовъ была затоплена и размыта. Наконецъ осажденные, угрожаемые голодною смертью, и убѣдившись въ невозможности дальнѣйшаго сопротивленія, сдались. 10-го октября боярин Крюкъ-Колычевъ занялъ Тулу, отрядомъ московскихъ войскъ; главныхъ начальниковъ мятежниковъ отправили въ Москву. Здѣсь Лже-Петра повѣсили, Болотникова сослали въ Каргополь и тамъ утопили, Шаховского сослали на Кубенское озеро въ пустынь; объ участи Телятевскаго мало извѣстно.

Вѣсть о взятіи Тулы заставила самозванца отступить къ Трубчевску. Но Василій не воспользовался одержаннымъ успѣхомъ: вмѣсто того, чтобы двинуться со всѣмъ войскомъ и истребить самозванца, онъ, уступая требованіямъ бояръ, распустилъ войско до зимняго пути, уволивъ дворянъ и боярскихъ дѣтей въ ихъ помѣстья. Только подъ Калугой оставили наблюдательный отрядъ, да Сумбулову приказано было произвести изъ Мещовска, поискъ къ Брянску, который онъ и занялъ. Для удержанія этого города, Василій послалъ въ него воеводами князя Кашина и Ржевскаго, которые и оградили городъ валомъ и тыномъ.

Бездѣйствіе царскаго войска послѣ взятія Тулы вскорѣ обнаружило вредное вліяніе на дальнѣйшій ходъ событій. Мятежники ободрились, мятежъ распространился, и не только дальніе сѣверскіе города не покорялись, но и Калуга снова упорствовала въ бунтѣ. Возникли новыя неустройства, и на другомъ краю государства—въ приволжскихъ степяхъ. Здѣсь зараза самозванства столь сильно развилась, что почти въ одно время явилось 10 самозванцевъ, выдававшихъ себя за выдуманныхъ ими царевичей—сыновей и внуковъ Іоанна IV. Хотя эти мелкіе самозванцы не пользовались и временнымъ успѣхомъ,—какъ скоро они появлялись, такъ же скоро и исчезали,—однако терзали отечество въ это тяжкое, мрачное время разбоями и грабежами, прикрытыми мнимополитическими видами.

Каждый, желавшій разбойничать и грабить, составлялъ себѣ шайку такихъ же, какъ и онъ, негодяевъ; дѣлался атаманомъ шайки и принималъ имя самозванца, что, во многихъ случаяхъ, облегчало грабежъ среди народа, привыкшаго въ каждомъ самозванцѣ видѣть царя.

Между тѣмъ Лжедмитрій II-й не долго оставался въ бездѣйствіи. Онъ получилъ новое, хотя и небольшое, подкрѣпленіе изъ Польши, состоявшее изъ 200 человѣкъ, но не менѣе того важное, по необыкновеннымъ способностямъ вождя ихъ, полковника Лисовскаго. Бѣглецъ, за какое-то преступленіе осужденный на смертную казнь въ своемъ отечествѣ, лихой наѣздникъ, отважный и предпріимчивый, Лисовскій

былъ искусный въ ратномъ дѣлѣ воинъ. По его совѣту, самозванецъ, въ виду распущенія царскаго войска, рѣшился перейти въ наступленіе и, выступивъ изъ Трубчевска, осадилъ Брянскъ. Воеводы послѣдняго, князь Кашинъ и Ржевскій, изготовились къ отчаянной оборонѣ, несмотря на скудость продовольственныхъ запасовъ. Осада длилась, и царь Василій успѣлъ принять мѣры: по приказанію его, боярин князь Куракинъ, съ войскомъ изъ столицы, и князь Литвиновъ-Масальскій, съ отрядомъ изъ Мещовска, спѣшили на помощь осажденнымъ. Послѣдніе находились уже въ крайности. Доведенные голодомъ до необходимости питаться лошадинымъ мясомъ, вынужденные ежедневно, съ боя добывать себѣ воду и дрова, они всю надежду полагали на внѣшнюю помощь, которая и не замедлила явиться. 15 декабря (1607 года) отрядъ Литвинова подошелъ къ Брянску; но его отдѣляла отъ города рѣка Десна. Покрытая плывущимъ по ней льдомъ, рѣка казалась непреодолимымъ препятствіемъ. Осажденные, обманутые въ надеждѣ на помощь, жалобными воплями изъявляли свою горесть, и просили пришедшихъ товарищей, не оставлять ихъ на вѣрную гибель. Тронутые ихъ отчаяніемъ, подъ вліяніемъ великодушнаго порыва, воины Литвинова-Масальскаго, рѣшились на подвигъ геройскій, достопамятный въ исторіи русскаго воина и составляющій отрадное явленіе среди частыхъ примѣровъ постыднаго малодушія и измѣны въ эти мрачныя времена. Они бросились въ рѣку и поплыли къ городу, разгребая осиливавшій ихъ ледъ, подъ выстрѣлами ожидавшихъ ихъ, на противоположномъ берегу, поляковъ и русскихъ мятежниковъ. Для облегченія своихъ избавителей, осажденные произвели вылазку въ тылъ непріятелю, и тѣмъ вынудили его нѣсколько отступить отъ рѣки; а плывшимъ дали возможность выйти безпрепятственно на берегъ. Лѣтописцы съ удивленіемъ замѣчаютъ, что это необыкновенное предпріятіе совершилось съ такой неожиданной удачей, что при переправѣ ни одинъ человѣкъ и ни одна лошадь не погибли. Масальскій, соединившись съ гарнизономъ Брянска, смѣло ударилъ на враговъ, превосходившихъ его числомъ, вытѣснилъ пѣхоту изъ окоповъ и рѣшительно отбилъ самозванца отъ города. Подошелъ скоро и Куракинъ и, остановясь на правомъ берегу Десны противъ Брянска, укрѣпилъ свой станъ. Въ ночь сдѣлался сильный морозъ; рѣка стала, между берегами установилось сообщеніе по льду, и Куракинъ снабдилъ въ изобиліи гарнизонъ Брянска продовольствіемъ и всѣми нужными запасами для продолжительной обороны города.

Самозванецъ, желая вознаградить себя за неудачу, самъ перешелъ Десну и атаковалъ Куракина. Происшедшій упорный бой окончился нерѣшительно, не давъ перевѣса ни той, ни другой сторонѣ. Однако Куракинъ, снабдивъ уже городъ продовольствіемъ, отступилъ съ Масальскимъ къ Карачеву. Самозванецъ послѣдовалъ за ними, но не рѣшился

атаковать ихъ здѣсь въ укрѣпленномъ станѣ, а пройдя мимо, расположился въ Орлѣ.

Отступленіе отъ Брянска едва ли не было ошибкою князя Куракина. Обстоятельства чрезвычайныя требовали рѣшительныхъ дѣйствій, а не затягиванія дѣла. Чрезмѣрная осторожность его граничила скорѣе съ неискусствомъ, чѣмъ вызывалась дѣйствительной боевой обстановкой, въ которой онъ находился. Послѣ успѣха, одержаннаго горстью осажденныхъ и отрядомъ Масальскаго, Куракину слѣдовало, воспользовавшись установившеюся переправою по льду, не только снабдить Брянскъ продовольственными запасами, но соединиться съ гарнизономъ его и рѣшительно атаковать самозванца, предупредивъ его нападеніе. Результаты успѣха этого предпріятія конечно трудно указать, но во всякомъ случаѣ, они не улучшили бы положеніе самозванца въ Сѣверской землѣ. Въ случаѣ же неудачи, Куракинъ не лишался возможности отступить къ Карачеву и тамъ укрѣпиться.

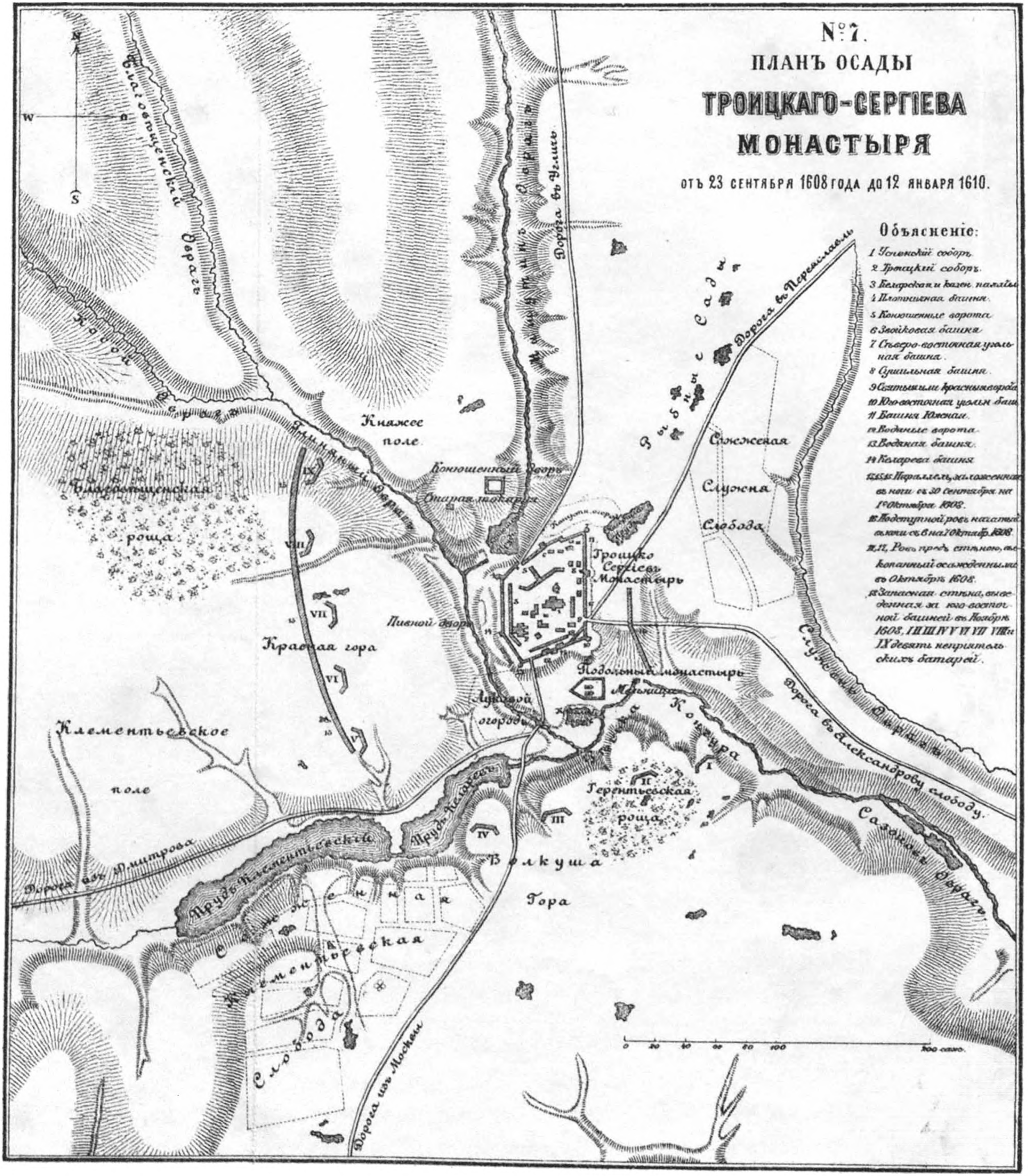
Желая остановить дальнѣйшее наступленіе самозванца, царь Василій приказалъ брату своему Димитрію, собрать въ Алексинѣ трехполковую рать (полки: большой, передовой и сторожевой), которая, въ январѣ 1608 года, и сосредоточилась въ Болховѣ. Обѣ стороны спокойно зимовали. Выпавшіе глубокіе снѣга и жестокіе морозы, препятствовали болѣе или менѣе значительнымъ военнымъ дѣйствіямъ; послѣднія ограничивались лишь стычками между кормовщиками и небольшими поисками съ обѣихъ сторонъ. Между тѣмъ, самозванецъ, все болѣе и болѣе усиливался прибывавшими изъ Польши подкрѣпленіями. Къ нему стекались уже не только бездомовные искатели приключеній, но и многіе знатные паны не гнушались принять участіе въ предпріятіи, представлявшемъ лестную приманку для ихъ тщеславія и корыстолюбія. Въ числѣ этихъ послѣднихъ явились въ Орелъ князь Адамъ Вишневецкій и Рожинскій, выбранный здѣсь гетманомъ польскаго войска. Всего подъ знаменами бродяги набралось уже до 7.000 отборнаго польскаго войска; кромѣ того, при немъ находилось до 8.000 донскихъ и запорожскихъ казаковъ подъ начальствомъ Заруцкаго, и значительное количество русскихъ злодѣевъ.

Съ началомъ весны обѣ стороны начали готовиться къ походу. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, князь Димитрій Шуйскій, надменный, нелюбимый и неуважаемый войскомъ, не отличавшійся воинскими способностями и завистливый къ достоинствамъ другихъ, выступилъ изъ Болхова, съ 70-тысячною ратью, на Орелъ противъ самозванца. Извѣщенный объ этомъ Лжедимитрій II, немедленно двинулся на встрѣчу царскому войску, и встрѣтилъ послѣднее 23 апрѣля, въ 10 верстахъ отъ Болхова, близъ селенія Каменки. Завязался жаркій бой. Князь Василій Голицынъ, начальствовавшій передовымъ полкомъ, первый вступилъ въ бой и первый

обратилъ тылъ со ввѣреннымъ ему полкомъ, который, опрокинувшись на большой полкъ, привелъ въ разстройство и его. Только сторожевой полкъ князя Куракина, рѣшительнымъ ударомъ остановилъ поляковъ и прикрылъ общее отступленіе. Оправившееся царское войско остановилось въ нѣсколькихъ верстахъ отъ мѣста сраженія. На другой день войска самозванца двинулись впередъ. Бой возобновился и кончился полнымъ разгромомъ царскихъ войскъ, руководимыхъ неискусными воеводами. Потерявъ весь пушечный нарядъ и оставивъ въ Болховѣ 5 тысячъ человѣкъ, воеводы поспѣшно отступили къ Москвѣ. Лжедимитрій подступилъ къ Болхову, который и сдался безъ сопротивленія съ 5-тысячнымъ гарнизономъ. Отправивъ отсюда отрядъ Лисовскаго къ Коломнѣ, самозванецъ и Рожинскій съ главными силами двинулись къ Калугѣ и расположились лагеремъ при устьѣ рѣки Угры.

Возвращеніе князя Димитрія Шуйскаго съ ничтожными остатками своего войска, большая часть ратниковъ коего на пути разошлась по своимъ городамъ, распространило сильную тревогу въ столицѣ. Для обороны ея царь собралъ новую рать, которая, подъ начальствомъ бояръ князя Скопина-Шуйскаго и Ивана Никитича Романова, расположилась 29 мая на берегахъ рѣчки Незнани, на пути между Москвою и Калугою. Движеніе самозванца къ Москвѣ, въ обходъ царской рати, заставило и послѣднюю отойти къ столицѣ.

1-го іюня Лжедимитрій II переправился черезъ р. Москву и расположился станомъ у села Тушина, въ 15 верстахъ къ сѣверо-западу отъ Москвы, по Волоколамской дорогѣ. Въ слѣдующіе дни въ окрестностяхъ города происходили между противниками частыя стычки, не имѣвшія важныхъ послѣдствій. Имѣя не болѣе 15 тысячъ хорошо вооруженныхъ и отлично подготовленныхъ польскихъ воиновъ и казаковъ и до 50—60 тысячъ плохо вооруженнаго сброда русскихъ измѣнниковъ, Лжедимитрій II не отважился на открытый приступъ столицы, хорошо укрѣпленной, съ многочисленнымъ нарядомъ и обороняемой 70-тысячною ратью, предводимою способнымъ, энергичнымъ вождемъ. Разсчитывая болѣе на измѣну, чѣмъ на силу, и имѣя въ виду отрѣзать сообщеніе столицы отъ сѣверныхъ городовъ, самозванецъ, по совѣту Рожинскаго, перенесъ свой станъ въ село Тайнинское, въ 17 верстахъ отъ Москвы, близъ Ярославской дороги. Ставъ на сообщеніяхъ Москвы съ сѣверомъ, самозванецъ однако самъ оказался въ невыгодномъ положеніи: царское войско отрѣзало ему сообщенія къ югу отъ Москвы, перехватывая шедшія къ нему подводы и ратныхъ людей. Убѣдясь въ невозможности держаться у Тайнинскаго, Рожинскій 9-го числа перешелъ обратно на Волоколамскую дорогу, проложивъ себѣ путь туда жаркимъ боемъ съ войсками Скопина-Шуйскаго. На другой день Рожинскій, обозрѣвъ мѣстность, окончательно выбралъ удобное мѣсто для стана—на высотахъ у


№7.
ПЛАНЪ ОСАДЫ
ТРОИЦКАГО-СЕРГІЕВА
МОНАСТЫРЯ
отъ 23 сентября 1608 года до 12 января 1610.
Объясненіе:
1 Успенскій соборъ.
2 Троицкій соборъ.
4 Плотничная башня.
5 Конюшенные ворота
6 Звонковая башня
7 Северо-восточная угольная башня.
8 Сушильная башня.
11 Башня Южная.
12 Водяные ворота.
13 Водяная башня.
14 Келарева башня
Княжее поле
Конюшенный дворъ
Благовѣщенская роща
Красная гора
Пивной дворъ
Троицко Сергіевъ Монастырь
Подольный монастырь
Мельница
Луковой огородъ
Клементьевское поле
Терентьевская роща
Волкуша Гора
Служня Слобода
Сажжевая
Дорога въ Переславль
Дорога въ Углич
Дорога въ Александрову слободу
Дорога изъ Дмитрова
Дорога изъ Москвы
Прудъ Клементьевскій
Прудъ Келарскій
Клементьевская Слобода
Благовѣщенскій Оврагъ
Глиняный Оврагъ
Мишутинскій Оврагъ
Служній Оврагъ
Сазонов Оврагъ
Кончура
N
S
W
O
I
II
III
IV
V
VI
VII
VIII
IX
0
20
40
60
80
100
100 саж.

рехваченной на дорогѣ Зборовскимъ. Открытое признаніе ею Тушинскаго вора за истиннаго Димитрія произвело должное дѣйствіе на народъ и чиновныхъ людей: сомнѣвавшіеся въ дѣйствительности появленія истиннаго Димитрія увѣровали въ новое чудесное спасеніе его. Бывшіе до сего вѣрными царю Василію начали переходить въ Тушинскій лагерь; многіе города признали самозванца Димитріемъ.

Съ прибывшими подкрѣпленіями, въ Тушинскомъ лагерѣ было уже 18.000 человѣкъ конницы и 2.000 пѣхоты польскихъ войскъ, 13.000 запорожскихъ казаковъ и 15.000 донскихъ, всего 48.000 человѣкъ, кромѣ русскихъ измѣнниковъ. Однако, несмотря на прибытіе этихъ подкрѣпленій, самозванецъ не успѣлъ взять Москвы до наступленія холодовъ и рѣшился зимовать въ Тушинскомъ лагерѣ. Начали рыть землянки для людей, строить конюшни для лошадей, ставили избы; а для самозванца, Марины и Мнишека, построили обширныя хоромы. Огромные обозы съ продовольственными запасами потянулись къ Тушину, превратившемуся въ городъ—столицу Лжедимитрія II.

Въ виду явнаго нарушенія поляками договора и видя уменьшеніе собственнаго войска подъ стѣнами Москвы и начало измѣны, какъ въ войскѣ, такъ и въ этой послѣдней, царь Василій предусматривалъ уже, что ему не отстоять столицы и своего престола, если не получитъ помощи извнѣ. Въ такихъ обстоятельствахъ, царь рѣшился обратиться съ просьбой о помощи къ шведскому королю Карлу IX, врагу Польши и короля Сигизмунда III, тѣмъ болѣе, что Карлъ IX, еще предыдущею зимой $160^{7}/_{8}$ года, предлагалъ Василію эту помощь. Вмѣстѣ съ тѣмъ, царь рѣшилъ собрать новую рать въ Новгородѣ. Сборъ этой послѣдней, и сношеніе съ Швеціей, относительно выставленія ею вспомогательнаго войска, Василій поручилъ своему знаменитому племяннику, князю Скопину-Шуйскому.

Но въ то время, какъ еще шли переговоры послѣдняго со шведами о помощи царю Василію, пока юный герой, „бояринъ, и воевода, и ближній пріятель“ царскій, среди бунта и измѣны, проникшей и въ сѣверо-западныя русскія области — Новгородскую и Псковскую, тщетно напрягалъ свои усилія къ сбору сѣвернаго ополченія для освобожденія Москвы и отечества, поляки Тушинскаго вора дѣйствовали въ пользу своего союзника подъ Москвою и на сѣверѣ. Новый сподвижникъ самозванца, Янъ Сапѣга, знатный польскій воевода, талантливый и отважный вождь, но вмѣстѣ съ тѣмъ герой разбоя, грабежа и насилія, гордый и нетерпѣвшій подчиненія гетману Рожинскому, хотѣлъ дѣйствовать отдѣльно и самостоятельно. Въ удовлетвореніе его, съ общаго совѣта въ Тушинскомъ станѣ, поручили ему покореніе Троицко-Сергіевской лавры, славившейся своимъ богатствомъ, и имѣвшей въ это время, благодаря своему положенію и сильнымъ укрѣпленіямъ, весьма важное военное значеніе.

Для успѣха предпріятія, отрядъ Сапѣги рѣшено было усилить до 30.000 человѣкъ, присоединеніемъ къ нему нѣсколькихъ польскихъ хоругвей и отряда Лисовскаго, опустошавшаго набѣгами Рязанскую, Владимірскую и Нижегородскую области. 13 сентября, Сапѣга выступилъ изъ Тушина по дорогѣ къ Троицкой лаврѣ. Узнавъ о раздѣленіи силъ непріятеля, царь рѣшилъ воспользоваться тѣмъ для нападенія на Сапѣгу и нанесенія ему пораженія, и выслалъ вслѣдъ за нимъ трехъ-полковую рать, изъ 30.000 пѣхоты и 10.000 конницы, подъ главнымъ начальствомъ своего брата, князя Ивана Шуйскаго. 22 числа послѣдній достигъ рѣчки Талицы и встрѣтилъ Сапѣгу близъ села Рахманова. Возгорѣвшійся жестокій бой, въ началѣ успѣшный для русскаго войска, окончился полнымъ разгромомъ послѣдняго. Царскіе воеводы вернулись въ Москву съ ничтожными остатками; большая часть ратниковъ, кромѣ множества попавшихъ въ плѣнъ, разбрелась по домамъ ждать развязки борьбы между Тушинскимъ воромъ и царемъ Василіемъ.

Ужасъ овладѣлъ столицею. Казалось, что исчезъ послѣдній лучъ надежды на ея спасеніе. Царь, не видя искренняго усердія въ службѣ воиновъ, объявилъ, что намѣренъ выдержать осаду; но что если кто не хочетъ сидѣть вмѣстѣ съ нимъ, тому вольно выѣхать. Хотя подъ первымъ впечатлѣніемъ погрома и цѣловали всѣ крестъ—„умереть за домъ Пречистой Богородицы“, но на другой же день многіе изъ присягнувшихъ отъѣхали въ Тушино, и позорный примѣръ, ими данный, нашелъ множество послѣдователей. Войска, бывшія въ полѣ, отступили подъ защиту крѣпостныхъ стѣнъ и башенъ, которыя надежно обезпечивали еще столицу отъ открытыхъ приступовъ тушинцевъ.

Оборона Троицко-Сергіевской лавры

(въ 1608—10 гг.).

Между тѣмъ Сапѣга, разбивъ на-голову отрядъ князя Ивана Шуйскаго, двинулся къ Троицко-Сергіевской лаврѣ, къ которой и подступилъ вечеромъ 23 сентября, 1608 г.

По положенію своему, на сообщеніяхъ Москвы съ Угличемъ, Ярославлемъ, Владиміромъ, а черезъ него—Нижнимъ-Новгородомъ и даже Казанью, Троицкая лавра, въ это несчастное для Россіи время, имѣла весьма важное военное значеніе, служа опорнымъ пунктомъ, обезпечивающимъ сообщеніе столицы съ сѣверными и восточными областями государства, откуда царь только и могъ надѣяться получить пособіе деньгами, запасами и ратными дружинами. Богатства Лавры и обиліе запасовъ ея также побуждали поляковъ употребить всѣ усилія къ овладѣнію этою священною для русскихъ обителью. Основанная въ XIV вѣкѣ среди Радонежскихъ лѣсовъ, на довольно пересѣченной мѣстности между

враговъ и горъ, Лавра, еще въ царствованіе Грознаго, была ограждена каменною стѣною, на пространствѣ 642 саженей, въ видѣ неправильнаго четыреугольника (см. планъ осады монастыря)*). Высота стѣнъ доходила отъ 4 до 6 и 7 саженей, при 3 саженяхъ средней толщины. Въ нихъ были устроены двухъярусныя ниши, или, по тогдашнему, *каморы*, приспособленныя къ оборонѣ. На углахъ и бокахъ ограды находились каменныя башни (8), устроенныя въ нѣсколько ярусовъ. Съ восточной стороны, стѣна ограждена была глубокимъ рвомъ; подступы къ южной и западной стѣнамъ отчасти затруднялись рѣчкой Кончурой. Царь Василій, сознавая важное значеніе Лавры и необходимость удержанія ея за собою, успѣлъ заблаговременно выслать для обороны ея дружины боярскихъ дѣтей, вѣрныхъ казаковъ и стрѣльцовъ; и повелѣлъ монастырскому начальству принять мѣры предосторожности. При первомъ появленіи Сапѣги, сожжены были за монастырскими стѣнами внѣшнія постройки и посады, которые могли доставить непріятелю какое-либо помѣщеніе; только для удобства вылазокъ оставлены были, внѣ ограды, мельница на Кончурѣ за Подольнымъ монастыремъ, и пивной дворъ на берегу Кончары съ западной стороны. Обнесенный прочнымъ тыномъ, дворъ этотъ составлялъ какъ бы наружное укрѣпленіе, имѣвшее обезпеченное сообщеніе съ монастыремъ, посредствомъ тайника (подземнаго хода). Заготовленные заблаговременно огромные боевые и продовольственные запасы, обезпечивали потребность продолжительной осады. Жители сожженныхъ посадовъ и ближайшихъ окрестныхъ мѣстъ, искали убѣжища въ Лаврѣ, и были приняты сострадательнымъ архимандритомъ Іоасафомъ. Мало увеличивъ составъ гарнизона, они составили лишь вредное бремя для обороны, произведя чрезмѣрную тѣсноту, и сокращая продовольственные запасы во время осады. Число защитниковъ Лавры не превышало 3.000 человѣкъ. Осадными головами были князь Долгоруковъ-Роща и Голохвастовъ. Дѣятельное участіе въ дѣлѣ обороны принималъ архимандритъ Іоасафъ, воодушевлявшій всѣхъ къ подвигамъ мужества, принявшій на себя всѣ хозяйственныя заботы во время осады и даже руководившій въ дѣйствіяхъ осадныхъ воеводъ, не всегда согласныхъ и часто враждовавшихъ между собою. Отрядъ защитниковъ раздѣлили на двѣ части, и назначили одну изъ нихъ для обороны стѣнъ, а другую для вылазокъ, вмѣнивъ послѣдней въ обязанность составлять резервы первой во время приступа. Люди перваго разряда, подчиненные головамъ изъ дворянъ и монаховъ, были распредѣлены по стѣнамъ, башнямъ, воротамъ и подошвеннымъ бойницамъ въ стѣнахъ; каждый зналъ, какое мѣсто ему оборонять, и ни въ какомъ случаѣ не долженъ былъ оставлять онаго. Въ ряды защитниковъ стали и монастырскіе

*) См. планъ № 7.

иноки, которые, въ продолженіе всей осады, служили образцомъ рѣдкаго мужества и самоотверженія.

Подступивъ къ Троицкой лаврѣ, непріятельское войско, въ числѣ 30.000 человѣкъ при 63 орудіяхъ, подъ главнымъ начальствомъ Сапѣги, окружило монастырь со всѣхъ сторонъ, и расположилось въ нѣсколькихъ лагеряхъ, оградивъ ихъ окопами. Получивъ отказъ на предложеніе о сдачѣ, Сапѣга, въ ночь съ 30 сентября на 1 октября 1608 г., открылъ осадныя работы, возведеніемъ 9-ти батарей (I—IX) у Терентьевской рощи и на горахъ Красной и Волкушѣ, и общей траншеи позади батарей на Красной горѣ. 3 октября всѣ 9 батарей, вооруженныя 63 орудіями, открыли огонь, продолжавшійся почти безпрерывно въ теченіе 6 недѣль, какъ противъ стѣнъ и башенъ, такъ и противъ внутренности Лавры. Въ отвѣтъ на это, осажденные безпрестанно тревожили вылазками осаждавшихъ.

Въ ночь съ 6 на 7 октября, непріятель заложилъ новый подступной ровъ (16), подъ горою, противъ восточной части ограды, въ направленіи къ Краснымъ воротамъ, и повелъ изъ него подземныя работы противъ Круглой башни. Въ эту же ночь Лисовскій произвелъ неудачное нападеніе на мельницу близъ Подольнаго монастыря: отраженный съ урономъ, и самъ раненый въ руку, онъ долженъ былъ отступить. Однако и защитники оставили мельницу, во избѣжаніе напрасной траты людей, и въ виду открытаго близъ нея подступа.

12-го октября ровъ былъ доведенъ до высоты, но подземныя работы шли медленно. Горя нетерпѣніемъ овладѣть Лаврою, Сапѣга не хотѣлъ дожидаться дѣйствія подкоповъ, и рѣшился на другой день произвести общій приступъ. Уже съ утра этого дня, шло шумное веселье въ станѣ непріятеля, устроенное Сапѣгой, вѣроятно для возбужденія своихъ ратниковъ, и съ утра былъ открытъ огонь со всѣхъ батарей по монастырю. Къ вечеру, войска выведены были изъ лагеря и построены вдоль батарей и траншей. Съ наступленіемъ совершенной темноты, по залпу батарей Красной горы, и при громѣ музыки, войска Сапѣги, со всѣхъ сторонъ двинулись на приступъ, съ штурмовыми лѣстницами и прикрываясь придвинутыми щитами и рубленными тарасами, подкаченными на колесахъ. Однако приступъ былъ произведенъ безпорядочно, и безъ особеннаго труда былъ отбитъ залпомъ изъ пушекъ и пищалей. Встрѣченные сильнымъ огнемъ, атаковавшіе бросились въ безпорядкѣ назадъ, побросавъ лѣстницы, щиты и тарасы, которые на другой день были подобраны осажденными и употреблены ими на дрова, въ коихъ уже ощущался недостатокъ.

Въ теченіе слѣдующей недѣли, непріятели не предпринимали ничего рѣшительнаго, лестью и угрозами стараясь склонить осажденныхъ къ сдачѣ. Послѣдніе не только не думали о ней, но даже произвели

сильную вылазку (19 октября) пѣхотой и конницей, въ направленіи Служней слободы, и особенно на батареи Красной горы. Послѣ упорнаго боя осажденные были отбиты и—съ значительнымъ урономъ. Ободренный успѣхомъ, Сапѣга рѣшилъ воспользоваться неудачей защитниковъ Лавры, и въ темную осеннюю ночь 23 октября, при громѣ орудій со всѣхъ батарей, снова двинулъ свои войска къ стѣнамъ монастыря и особенно къ Пивному двору. Однако, и на этотъ разъ приступъ былъ отбитъ. Новая неудача сильнаго противника возвысила духъ горсти защитниковъ Лавры, которые, въ свою очередь, произвели удачную вылазку 27-го октября на слабѣйшую часть блокадной линіи непріятеля—на Княжье поле и вдоль Мишутина оврага. Но этотъ частный успѣхъ не улучшилъ положенія осажденныхъ, а напротивъ повелъ къ болѣе тѣсному обложенію Лавры: непріятель ближе придвинулъ къ стѣнамъ блокадную линію, засѣлъ по ямамъ и плотинамъ прудовымъ, препятствуя осажденнымъ брать изъ нихъ воду и выгонять скотъ на водопой, и открылъ подземныя работы. Узнавъ о производствѣ послѣднихъ, но не имѣя еще свѣдѣній ни о мѣстѣ, ни о направленіи ихъ, и желая охранить ограду отъ подземныхъ галлерей, осадные воеводы поручили монастырскому слугѣ Власу Корсакову,—„*зьло искусному*“ въ горномъ ремеслѣ, устроить *слухи* (слуховые колодцы) подъ башнями и стѣнами; а съ сѣверной стороны, начиная отъ Служней слободы, вырыть передъ оградою глубокій ровъ. Недовольствуясь этимъ, желая узнать точнѣе мѣсто расположенія подземныхъ работъ и, если можно, то и уничтожить ихъ, осажденные произвели вылазку (1-го ноября), въ направленіи подступного рва (16), но она была отбита съ урономъ. Поляки обрадовались этому поверхностному успѣху, ближе придвинули отъ подступного рва туры и тарасы, и готовились къ новому приступу; однако смѣлая вылазка уничтожила эти приготовленія. Наконецъ, осажденные достовѣрно узнали отъ одного плѣннаго казака, что подкопы ведутся подъ юго-восточную угловую башню. Извѣстіе это побудило осадныхъ воеводъ укрѣпить угрожаемое мѣсто новою внутреннею оградой (18): она была проведена отъ южной стѣны до Святыхъ или Красныхъ воротъ, и состояла изъ тарасовъ, насыпанныхъ землей, со рвомъ впереди, и огражденныхъ частоколомъ; вершину этой ограды вооружили орудіями.

Узнавъ отъ переметчика, донского казака, что поляки намѣрены уже заряжать подкопъ 8-го числа, защитники Лавры положили произвести сильную вылазку, съ цѣлью уничтоженія подкоповъ; для бо́льшаго удобства вылазки, повелѣно было открыть старыя потаенныя ворота (вылазъ) изъ-подъ стѣны въ ровъ, возлѣ Сушильной башни (8), и придѣлать къ нимъ трое желѣзныхъ воротъ. Вылазку рѣшили произвести въ трехъ направленіяхъ.

Кончалась 6-я недѣля со времени начала осады, но никогда еще огонь батарей осаждавшихъ не достигалъ такой силы, какъ 8-го ноября. Даже во внутренности Троицкаго собора нельзя было укрыться отъ ядеръ; монастырскія пушки отвѣчали противнику и, между прочимъ, разбили огромную польскую пушку, носившую названіе *Трещеры*, наиболѣе вредившую Лаврѣ. Наступило 9-е ноября—день важный для защитниковъ Троицкой лавры и достопамятный въ исторіи печальной эпохи, *Смутнаго времени*, въ Россіи. Послѣ молебствія въ Троицкомъ соборѣ, часа за 3 до разсвѣта, осадные воеводы приказали отрядамъ выходить къ назначеннымъ мѣстамъ. Одинъ изъ нихъ, подъ начальствомъ головы Ивана Внукова, вышелъ вновь открытымъ *вылазомъ* (у Сушильной башни) въ ровъ, и тамъ устроился для вылазки. Другой отрядъ, головъ Есипова, Марина и Редрикова, вышелъ отъ Пивного двора, и засѣлъ на луковомъ огородѣ и третій головы Ходырева и другихъ, состоявшій изъ пѣшихъ сотенъ и всей конницы, выступилъ изъ Конюшенныхъ воротъ (5). Монахи распредѣлены были по всѣмъ частямъ войскъ для поощренія сражавшихся, коимъ въ отзывъ (ясакъ) дано было имя Св. Сергія. Глубокая тьма отъ густыхъ темныхъ тучъ благопріятствовала незамѣтному выходу отрядовъ изъ монастыря. Едва устроились послѣдніе, какъ налетѣвшій порывистый вѣтеръ разсѣялъ облака, затмѣвавшія наступавшій уже утренній свѣтъ. Среди полной тишины ранняго утра раздался первый ударъ осаднаго колокола; по третьему удару его, служившему условленнымъ сигналомъ, вылазки устремились къ назначеннымъ мѣстамъ. Первый отрядъ, съ доблестнымъ головою Иваномъ Внуковымъ, достигнувъ подступного рва, выбилъ оттуда непріятелей, сбилъ ихъ подъ гору за мельницу и отыскалъ входы въ подкопы. Двое Клементьевскихъ крестьянъ, Шиловъ и Слота, отважились спуститься въ подкопъ и поджечь уже сложенный тамъ порохъ; къ несчастью, оба они не успѣли выбѣжать оттуда, и жизнію заплатили за геройское самоотверженіе. Вся подкопная работа разрушилась, но монастырскія стѣны уцѣлѣли, такъ какъ подкопъ еще не былъ забитъ.

Нападенія двухъ другихъ отрядовъ были сначала неудачны. Воеводы, видя, что цѣль вылазки была уже достигнута, а кровь храбрыхъ защитниковъ проливалась безъ всякой пользы, полагали за лучшее отступить и послали о томъ приказаніе; но ничто не могло удержать порыва разгоряченныхъ защитниковъ,—они продолжали нападеніе. Южный отрядъ головы Есипова, двинулся отъ луковаго огорода черезъ плотину Краснаго пруда и атаковалъ батареи на горѣ Волкушѣ и у Терентьевской рощи. Нѣсколько отчаянныхъ атакъ было уже отбито; самъ Есиповъ былъ раненъ; малочисленный отрядъ изнемогалъ въ неравной борьбѣ и едва держался подъ горою. Подоспѣвшая помощь со Внуковымъ, подкрѣпила храбрецовъ. Непріятель, въ свою очередь, не выдер-

жалъ стремительной атаки Внукова и Есипова, и былъ отброшенъ съ значительнымъ уономъ на гору Волкушу и до Терентьевской рощи. Но этотъ успѣхъ дорого стоилъ побѣдителямъ, потерявшимъ убитымъ доблестнаго Внукова. Въ то же время, сѣверный отрядъ, съ пѣшими и конными сотнями, подъ начальствомъ головы Ходырева, ударилъ на поляковъ около Служней слободы, смялъ ихъ, прогналъ за мельницу на лугъ и затѣмъ обратился на Красную гору. Отчаянный неравный бой на этой послѣдней, на горѣ Волкушѣ и у Терентьевской рощи, увлекъ, вопреки приказанію воеводъ и оставшихся на монастырскихъ стѣнахъ воиновъ и иноковъ: старецъ Нифонтъ (изъ рода дворянъ Зміевыхъ) съ 200 ратниковъ и 30 монахами вышелъ изъ пивного двора, перешелъ черезъ ручей и бросился на батареи Красной горы. Сами воеводы должны были поддержать, изнемогавшихъ въ борьбѣ, геройскихъ защитниковъ Лавры. Все устремилось на Красную гору, гдѣ закипѣлъ отчаянный бой. Два раза отбитые при нападеніяхъ, произведенныхъ съ фронта батарей, они произвели третье—съ фланга и тыла изъ Косого оврага, выбили непріятеля изъ фланговыхъ батарей и, преслѣдуя его отъ одной батареи къ другой, заставили окончательно отступить въ укрѣпленный лагерь. Совершенное пораженіе непріятеля, занимавшаго батареи на Красной горѣ, сожженіе туровъ здѣсь, взятіе 8 орудій, множества оружія и нѣсколькихъ бочекъ съ порохомъ—были трофеями достопамятной вылазки, продолжавшейся съ ранняго утра до поздняго вечера. Непріятель лишился 1.500 человѣкъ убитыми, 500 человѣкъ ранеными и не малаго числа плѣнными. Впрочемъ и потеря монастырскихъ защитниковъ была немаловажна: 174 человѣка убитыхъ и 66 человѣкъ раненыхъ.

Іоасафъ и воеводы послали царю Василію донесеніе о побѣдѣ, отъ которой ожидали для себя важнаго облегченія. — Ожиданія ихъ были не напрасны. Сапѣга уже не помышлялъ о возстановленіи разрушенныхъ батарей и подступовъ. Наступившая зима не позволяла продолжать осадныя работы, и непріятель превратилъ осаду въ тѣсную блокаду, чѣмъ и закончились, до слѣдующей весны, военныя дѣйствія подъ Троицкимъ монастыремъ. Тѣсная блокада была не менѣе тягостнымъ испытаніемъ для осажденныхъ. Тѣснота помѣщенія, дурная вода, недостатокъ въ разнаго рода овощахъ и въ хлѣбномъ винѣ развили въ защитникахъ и обитателяхъ Лавры страшную цынгу, иногда похищавшую до 100 человѣческихъ жертвъ ежедневно. Среди прочихъ нуждъ осажденныхъ, весьма чувствителенъ былъ для нихъ недостатокъ въ топливѣ. Всѣ кровли, чуланы и заднія сѣни были уже сожженны; дрова приходилось добывать съ бою, малыми вылазками, въ ближайшихъ рощахъ.

Въ крайности бѣдствія, архимандритъ Іоасафъ просилъ помощи у царя Василія черезъ келаря Авраамія Палицына, находившагося въ

Москвѣ. Но столица сама была въ трудномъ положеніи, ожидая приступа тушинскихъ злодѣевъ, и прислала ничтожное подкрѣпленіе: оно состояло изъ 60 казаковъ и 20 троицкихъ слугъ, съ 20 пудами пороха; отрядъ этотъ счастливо пробрался въ монастырь.

Бѣдственное положеніе Лавры, угрожавшее конечною гибелью всѣмъ защитникамъ ея, не прекратило вылазокъ послѣднихъ и въ зимнюю пору противъ отдѣльныхъ заставъ и отрядовъ блокирующихъ. Однако, предпріятія эти, иногда вполнѣ успѣшныя, поддерживая бодрость духа гарнизона, вели лишь къ уменьшенію рядовъ доблестныхъ защитниковъ монастыря.

Съ наступленіемъ весны 1609 г., болѣзнь начала ослабѣвать и скоро совсѣмъ прекратилась, поглотивъ за время своего теченія до 2.000 человѣкъ. Исчезло уныніе въ Лаврѣ. Гарнизонъ оживился и, слабый числомъ (лишь около 1.000 человѣкъ), но сильный духомъ, готовился къ новымъ подвигамъ доблести. Сапѣга, не предпринимавшій зимою противъ Лавры ничего рѣшительнаго, полагая, что послѣдняя падетъ истощенная бѣдствіями, значительно ослабившій себя еще зимою выдѣленіемъ отрядовъ для дѣйствія въ окрестностяхъ Лавры и въ сѣверныхъ областяхъ государства, рѣшилъ наконецъ воспользоваться слабостью силъ защитниковъ ея, и нанести имъ рѣшительный ударъ.

Съ полудня 27 мая, осажденные замѣтили необыкновенное движеніе между войсками непріятеля. Лавра изготовилась къ защитѣ. На стѣнахъ ея явились не только способные къ бою, коихъ оставалось уже едва 1 тысяча человѣкъ, но и монахи, и даже женщины. Съ наступленіемъ темноты, осаждавшіе скрытно и тихо подошли къ стѣнамъ, таща за собою лѣстницы, тарасы и рубленые щиты. По залпу изъ пушекъ съ Красной горы, непріятели бросились на приступъ. Ихъ встрѣтили жестокимъ пушечнымъ огнемъ изъ нижнихъ подошвенныхъ бойницъ, а со стѣнъ поражали каменьями, обливали варомъ, ослѣпляли известью и не давали имъ ни приставлять лѣстницъ, ни придвигать щитовъ и тарасъ. Бой продолжался всю ночь и непріятель, отбитый на всѣхъ пунктахъ, отступилъ въ лагерь только утромъ. Эта неудача повергла Сапѣгу въ сильное недоумѣніе: продолжать ли еще осаду, казавшуюся уже безнадежной, или отойти къ Москвѣ? На собранномъ имъ 3-го іюня *коло* (сходкѣ), положено было, отнюдь не отступать, не взявъ монастыря *); однако вновь произведенный приступъ также былъ отбитъ. Съ этой поры Сапѣга уже не считалъ возможнымъ предпринять, съ имѣвшимися силами, рѣшительныя дѣйствія противъ осажденныхъ, и ограничился единственно блокадой. Вскорѣ и самъ онъ былъ встревоженъ движеніемъ русскихъ войскъ подъ начальствомъ князя Скопина-Шуй-

*) Д. Батурлинъ: „Исторія Смутнаго времени въ Россіи въ началѣ XVII вѣка“, ч. II.

скаго къ Москвѣ. Присоединеніе отряда Зборовскаго, высланнаго изъ Тушинскаго стана противъ Скопина, и отступившаго уже отъ Твери, подало поводъ польскимъ вождямъ попытать счастья, въ третьемъ общемъ приступѣ Троицкой Лавры. Приступъ былъ произведенъ за 3 часа до разсвѣта, 28 іюля, но безъ всякой связи въ дѣйстіяхъ штурмовавшихъ отдѣльныхъ отрядовъ, несмотря на всѣ предварительно отданныя для производства его распоряженія, и окончился полною неудачей, отбитый безъ особеннаго труда пищальнымъ и пушечнымъ огнемъ осажденныхъ. Это было послѣднее усиліе поляковъ овладѣть Троицкой лаврой. Приближеніе рати князя Скопина-Шуйскаго, заставило не только ослабить блокаду, но въ концѣ концовъ и снять ее, что и было приведено въ исполненіе Сапѣгой, въ началѣ января 1610 года.

ГЛАВА XVII.

Внутреннее состояніе Московскаго государства послѣ боя подъ Рахмановымъ.

Народныя возстанія. — Полный упадокъ законности и дисциплины. — Пробужденіе патріотизма въ народѣ. — Сборъ ополченія княземъ Скопинымъ-Шуйскимъ въ Новгородѣ и движеніе русско-шведскаго ополченія отъ Новгорода къ Твери. — Занятіе Москвы княземъ Скопинымъ-Шуйскимъ. — Оборона Смоленска въ 1609—1610 гг. — Бой при селѣ Клушинѣ. — Низложеніе Василія Шуйскаго. — Междуцарствіе.

Ока горсть защитниковъ Троицкой Лавры геройски отбивалась отъ превосходныхъ силъ Сапѣги и Лисовскаго, сѣверныя области государства легко доставались въ руки тушинцевъ. Застигнутые врасплохъ или увлеченные измѣною, малодушіемъ и примѣромъ другихъ, сѣверные города, одинъ за другимъ, сдавались польскимъ отрядамъ высланнымъ Сапѣгой и Лисовскимъ, и шайкамъ русскихъ измѣнниковъ и присягали Лжедимитрію (осенью 1608 года). Первымъ былъ захваченъ Суздаль, гдѣ засѣлъ Лисовскій, опустошая окрестную страну. Переславль-Залѣсскій, Ярославль, Владиміръ, Угличъ, Кострома, Галичъ, Вологда и другіе города признали Лжедимитрія. Шуя, наслѣдственное владѣніе Василія, и Кинешма были взяты и разорены Лисовскимъ. Возмутилась въ пользу самозванца вся мордва и нагорная черемиса; взята была Тверь, ополченіе которой находилось въ Москвѣ. На сѣверо-западѣ Россіи мятежъ разразился во Псковѣ, гдѣ посадскіе люди и народъ, выведенные изъ терпѣнія „всякими неправдами“ воеводъ, приняли отрядъ тушинскаго воеводы Плещеева и присягнули самозванцу. Заволновались было и новгородцы, но были удержаны въ вѣрности царю Василію увѣщаніями митрополита Исидора, и съ почетомъ приняли князя Скопина-Шуйскаго, прибывшаго въ Новгородъ для сбора войска и открытія переговоровъ со шведами. Пламя мятежа, духъ раздора и буйства, разбои, грабежи и разнаго рода насилія, повсемѣстно охватили

Московское государство и, казалось, влекли его къ конечному разрушенію. Остались вѣрными Москвѣ только: Коломна, Переславль-Рязанскій, Смоленскъ, Новгородъ, Нижній, Саратовъ, Казань, Устюгъ и города сибирскіе.

Однако, не долго продолжалось торжество власти Лжедимитрія въ присягнувшихъ ему городахъ. Неистовства, грабежи и разбои его приверженцевъ, въ особенности казаковъ и прочихъ русскихъ измѣнниковъ, навели ужасъ на городскихъ и сельскихъ жителей, вывели ихъ изъ терпѣнія, и заставили возстать противъ злодѣевъ и снова покориться Василію. Вспыхнули въ разныхъ мѣстахъ по Волгѣ и за Волгой возстанія крестьянъ: возставшіе собирались по городамъ и волостямъ въ отряды и истребляли тушинскихъ злодѣевъ; одинъ за другимъ возставали противъ нихъ и города. Отложившись отъ самозванца, они начали собирать свои ополченія, истреблять тушинскихъ воеводъ и мятежниковъ, и снаряжать ратныхъ людей на службу царю Василію. Ихъ соединенное ополченіе, простиравшееся до 40.000 человѣкъ, съ весною 1609 года, начало успѣшно дѣйствовать въ сѣверныхъ поволжскихъ городахъ, подъ начальствомъ воеводы Вышеславцова. Съ другой стороны, боярин Ѳедоръ Шереметевъ, отозванный царемъ изъ-подъ Астрахани, освободилъ отъ осады мятежниковъ, мордвы и черемисы Нижній-Новгородъ, открылъ удачныя дѣйствія противъ Лисовскаго *), засѣвшаго въ Суздалѣ и разорявшаго Костромскія, Галичскія и Юрьевскія земли, привелъ въ покорность Муромъ и взялъ приступомъ Касимовъ.

Пока такимъ образомъ сѣверныя и сѣверо-восточныя области, понемногу, очищались отъ власти мятежниковъ, и въ приволжскихъ городахъ утверждались приверженцы царя Василія, положеніе послѣдняго въ Москвѣ было далеко не утѣшительно. Съ утвержденіемъ подъ Москвою другой столицы, столицы Тушинскаго вора, и послѣ разгрома, понесеннаго царскими войсками 22-го сентября 1608 г. подъ Рахмановымъ, въ населеніи Москвы обнаружился полный упадокъ нравственныхъ силъ. Въ народѣ расторглись всѣ узы законной подчиненности, взаимное довѣріе между государственной властью и подданными рушилось, измѣна торжествовала и не презиралась. Нравственный развратъ дошелъ до того, что многіе не стѣснялись, за жалованье служить по очереди, царю Василію и Тушинскому вору. Бѣглецовъ не презирали, а шутливо называли ихъ *перелетами*. Въ одной семьѣ одни служили въ Тушинѣ, другіе еще оставались вѣрными Василію, чтобы пользоваться выгодами той или другой стороны; а въ случаѣ несчастья, здѣсь и тамъ, имѣть заступниковъ. Большая часть московскихъ помѣщиковъ, не перешед-

*) Этотъ неутомимый наѣздникъ, пріобрѣвшій, вмѣстѣ съ Сапѣгою, черную знаменитость въ нашей исторіи, часто оставлялъ осаду Троицкой Лавры, послѣ неудачныхъ приступовъ ея, для отважныхъ разбойничьихъ поисковъ въ поволжскихъ областяхъ.

шихъ на сторону самозванца, самовольно оставили столицу и разъѣхались по домамъ, подъ предлогомъ хозяйственныхъ занятій. Разосланные строгіе указы о сборѣ въ Москву всѣхъ, безъ изъятія, дворянъ и дѣтей боярскихъ, оставались безъ исполненія, и царскія силы въ Москвѣ состояли, почти единственно изъ помѣщиковъ Сѣверской земли и Зарѣчной Украйны *), которые, потерявъ помѣстья, только въ одномъ царскомъ жалованьѣ находили средства къ пропитанію себя и своихъ семействъ и еще ревностно служили, чтобы отомстить врагамъ за свое разореніе.

Такое положеніе столицы не было, конечно, тайною для Тушинскаго вора и онъ разсчитывалъ, что стѣсненная имъ Москва, съ истощеніемъ запасовъ, покорится безъ кровопролитія. Узнавъ отъ новыхъ русскихъ измѣнниковъ, что столица снабжается продовольственными запасами и подвозами изъ Коломны, самозванецъ рѣшилъ овладѣть послѣднею. Однако предпріятія противъ нея окончились неудачей: отрядъ пана Хмѣлевскаго, прибывшій къ Коломнѣ изъ Каширы, былъ отбитъ (причемъ самъ Хмѣлевскій попалъ въ плѣнъ) сильною вылазкою коломенскаго горнизона, бывшаго подъ начальствомъ воеводы Бутурлина, и усиленнаго вóвремя прибывшимъ изъ Москвы значительнымъ отрядомъ князя Прозоровскаго и Сукина. Двинутый къ Коломнѣ съ тою же цѣлью, непріятельскій отрядъ изъ Владиміра былъ разбитъ при с. Высоцкомъ, въ 40 верстахъ отъ Коломны, отрядомъ князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго. Эти неудачи и важное значеніе Коломны, заставили самозванца отрядить къ ней, съ сильнымъ отрядомъ, полковника Млоцкаго, который и успѣлъ наконецъ осадить Коломну, въ концѣ мая 1609 года. Хотя попытка Прокопія Ляпунова, выступившаго съ преданными ему рязанцами изъ Переславля-Рязанскаго, и очистившаго отъ непріятеля Пронскъ, Михайловъ и Зарайскъ, и окончилась неудачею, но за то и Млоцкій не успѣлъ овладѣть Коломною и долженъ былъ отступить къ Серпухову (17 іюля), получивъ извѣстіе о занятіи княземъ Скопинскимъ-Шуйскимъ Александровской слободы.

Между тѣмъ царь Василій, окруженный вѣроломствомъ и измѣной, удерживалъ въ повиновеніи столицу при содѣйствіи еще преданнаго ему войска и высшаго духовенства, единственнаго сословія въ Россіи, непричастнаго беззаконію, и не совращавшагося со стези долга и правды, въ эту тяжелую годину отечества. Но Василій предусматривалъ, что возрастающія бѣдствія должны, наконецъ, сокрушить власть его и что въ такихъ обстоятельствахъ, единственнымъ средствомъ спасенія оставалась внѣшняя помощь. Начатыя сношенія князя Скопина со шведами и сборъ войскъ въ Новгородѣ, поддерживали въ немъ надежду на эту помощь. Независимо того, на выручку столицы онъ рѣшилъ при-

*) Такъ называлась страна, лежавшая на правой сторонѣ р. Оки, отъ Калуги до предѣловъ Рязанскихъ.

двинуть возможно болѣе войскъ и, съ этою цѣлью, приказалъ боярину Шеину, собрать новую рать въ Смоленскѣ, идти съ нею въ Москву и прибыть туда же боярину Ѳедору Шереметеву съ низовою ратью, которая безполезно стояла подъ Астраханью на островѣ Бальчикѣ.

Но если Москва не была спокойна за участь свою, то не было спокойно и въ Тушинѣ, гдѣ вся зима 1608—1609 года прошла въ смутахъ и бунтахъ, что и мѣшало самозванцу дѣйствовать рѣшительно противъ Москвы. Подъ стѣнами ея хотя и происходили битвы частыя, но мелкія и не имѣли ничего рѣшительнаго. Только лѣтомъ 1609 года произошли два сильныхъ столкновенія на Ходынкѣ и рѣчкѣ Химкѣ, окончившіяся пораженіемъ тушинцевъ. Это были послѣднія значительныя битвы между Москвою и Тушиномъ; Москва уже оживлялась надеждою близкаго спасенія: князь Скопинъ-Шуйскій былъ недалеко отъ нея.

Этотъ юный герой, обладавшій необыкновенными способностями, прибывъ въ Новгородъ, дѣятельно принялся за выполненіе даннаго ему царемъ порученія, приступилъ къ сбору ополченія и открылъ переговоры со шведами. Въ концѣ февраля 1609 года, стольникъ Головинъ и дьякъ Сыдавный-Зиновьевъ, заключили съ повѣренными Карла IX договоръ, по которому шведы обязались выставить вспомогательный отрядъ изъ 2.000 человѣкъ конницы и 3.000 пѣхоты за условленную плату и, сверхъ того, прислать безденежно столько, сколько король заблагоразсудитъ. Шведскія войска должны были поступить въ полное подчиненіе князю Скопину. За эту помощь, царь Василій отказался, за себя и своихъ наслѣдниковъ, отъ правъ на Ливонію, обязался постояннымъ союзомъ съ Швеціей противъ Польши и уступилъ Корелу съ ея уѣздомъ. Въ силу этого договора, 5-тысячный шведскій вспомогательный корпусъ выступилъ изъ Выборга и, 27 марта, прибылъ на границу. За этимъ отрядомъ должно было придти еще до 10.000 войска, составленнаго изъ разноплеменныхъ охочихъ людей; но число пришедшихъ въ дѣйствительности оказалось неполнымъ. На границѣ шведскія войска соединились съ отрядомъ Ададурова, изъ 2.300 человѣкъ русскихъ, высланныхъ княземъ Скопинымъ на встрѣчу шведамъ. Шведскими войсками командовалъ Яковъ Понтусъ Делагарди, сынъ французскаго выходца реформата. Частными начальниками подъ нимъ были Куркъ, Бойе, Сомме и Горнъ. 30 марта Делагарди лично прибылъ въ Новгородъ, и князь Скопинъ встрѣтилъ его съ пушечнымъ и ружейнымъ салютомъ. Полководцы, оба юные (Делегарди было 27 лѣтъ, Скопину всего 23 года), оба отличные, скоро сблизились между собою. Народъ любовался ими. Иноземцы, описывая русскаго вождя, говорятъ, что онъ, при своей молодости, былъ необыкновенно красивъ, статенъ, привѣтливъ и привлекалъ всѣхъ своимъ умомъ и тою силою души, которая выка-

зывалась во всѣхъ его пріемахъ. Часть шведскихъ войскъ, въ числѣ 3.600 человѣкъ подъ начальствомъ Бойе и Мернера, прибыла въ Новгородъ; прочія же войска, состоявшія еще изъ 4 тысячъ человѣкъ, подъ начальствомъ Делагарди были направлены на Старую Руссу. Съ прибытіемъ шведскихъ войскъ, Скопинъ открылъ наступательныя дѣйствія противъ тушинцевъ.

Первое столкновеніе Скопина должно было произойти съ отрядомъ Кернозицкаго, изъ 2.000 поляковъ и 6.000 запорожцевъ и русскихъ измѣнниковъ, высланныхъ изъ Тушина къ Новгороду, и засѣвшихъ въ Старой Руссѣ. Передовой отрядъ шведскихъ войскъ, подъ начальствомъ Горна, съ русскимъ отрядомъ воеводы Чулкова, безпрепятственно занялъ Старую Руссу, откуда Кернозицкій поспѣшно отступилъ за р. Ловать. Однако, 15 мая, они настигли Кернозицкаго у с. Каменки (съ сѣверу отъ Холма), Торопецкаго уѣзда, и нанесли ему совершенное пораженіе, овладѣвъ 9 пушками, знаменами и частью обоза; затѣмъ Горнъ и Чулковъ заняли Торопецъ. Слѣдствіемъ этихъ первыхъ успѣховъ русско-шведскихъ войскъ, было отложеніе отъ самозванца Старицы, Осташкова, Холма, Великихъ Лукъ, Невеля и Ржева. Псковъ еще держался самозванца. 10 мая выступилъ изъ Новгорода къ Москвѣ князь Скопинъ-Шуйскій, приказавъ войскамъ Делагарди, слѣдовавшимъ по другую сторону озера Ильменя, выйти на Московскую дорогу на соединеніе съ нимъ. Для удержанія въ повиновеніи вновь покорившихся городовъ, въ Торопцѣ оставленъ былъ отрядъ, подъ начальствомъ воеводы Чулкова.

Наступленіе князя Скопина встревожило Тушинскій станъ. На совѣтѣ, собранномъ Рожинскимъ, рѣшено было выслать противъ него Зборовскаго, съ 2.000 человѣкъ польскихъ копейщиковъ (пикинеровъ) и Шаховского съ 1.000 русскихъ всадниковъ; кромѣ того, для усиленія Зборовскаго, предлагалось ему присоединить къ себѣ отрядъ Кернозицкаго. Зборовскій двинулся на Зубцовъ, истребилъ г. Старицу и подступилъ къ Торжку. Разбивъ здѣсь передовой отрядъ Скопина, бывшій подъ начальствомъ Головина и Горна, и получивъ извѣстіе о движеніи князя Скопина съ главными силами, онъ отступилъ на Тверь, гдѣ и соединился съ отрядомъ Кернозицкаго. 27 іюня соединенное русско-шведское ополченіе прибыло въ Торжокъ, куда, къ тому же времени, подоспѣло 3-тысячное подкрѣпленіе, подъ начальствомъ воеводы князя Барятинскаго, высланное смоленскимъ воеводою Шеинымъ.

Пробывъ нѣсколько дней въ Торжкѣ, князь Скопинъ-Шуйскій выступилъ къ Твери и 11 іюля вступилъ здѣсь въ бой съ войсками Зборовскаго и Кернозицкаго, усиленными прибывшими подкрѣпленіями изъ Тушина. Потерпѣвъ неудачу, князь Скопинъ возобновилъ однако нападеніе въ ночь на 13 іюля, и разбилъ непріятелей на-голову. Въ два мѣсяца, очистивъ такимъ образомъ отъ непріятелей страну отъ Новго-

родскихъ до Московскихъ предѣловъ, князь Скопинъ-Шуйскій думалъ скоро освободить и Москву и, выступивъ туда съ русскимъ ополченіемъ, приказалъ слѣдовать за нимъ шведскимъ войскамъ Делагарди.

Москва съ нетерпѣніемъ ожидала прибытія князя Скопина; уже одно приближеніе его благотворно подѣйствовало на духъ войскъ. Съ другой стороны, наступленіе князя Скопина изъ Новгородскихъ предѣловъ тревожило Тушинскій станъ. Потерпѣвъ полную неудачу 5 іюня въ бою на Ходынкѣ съ царскими войсками, Рожинскій, послѣ трехнедѣльнаго бездѣйствія, снова двинулся къ Москвѣ 25 іюня со всѣми своими силами, чтобы сжечь деревянный городъ и въ надеждѣ овладѣть столицей. Царскія войска выступили на встрѣчу непріятелю и опять столкнулись съ нимъ на Ходынкѣ. Загорѣлся отчаянный бой, продолжавшійся почти въ теченіе цѣлаго дня, съ большимъ ожесточеніемъ съ обѣихъ сторонъ, и съ перемѣннымъ успѣхомъ, и окончившійся полнымъ пораженіемъ тушинцевъ, обращенныхъ наконецъ въ бѣгство, и потерявшихъ, кромѣ убитыхъ, 700 человѣкъ плѣнными, нѣсколько орудій, знаменъ, набатовъ и литавръ. Пораженіе враговъ въ этотъ день и 5 числа, было на столько чувствительно для нихъ, что Рожинскій уже не отваживался болѣе открытою силой нападать на Москву.

Ободренная успѣхами царскаго войска, не безпокоимая болѣе врагами изъ Тушинскаго стана и вновь обезпеченная подвозами запасовъ изъ Коломны, по случаю снятія осады послѣдней Млоцкимъ (17 іюля), Москва ожидала уже скораго прибытія князя Скопина и, казалось, была близка къ спасенію. Но судьба рѣшила иначе: на пути къ Москвѣ, и находясь отъ нея лишь въ 130 верстахъ, Скопинъ-Шуйскій измѣнилъ направленіе движенія. Въ Городнѣ онъ получилъ извѣстіе, что шедшія за нимъ иноземныя войска взбунтовались, отказываются служить и слѣдовать далѣе въ глубь Россіи, требуя условленной уплаты жалованья. Напрасно Делагарди старался возстановить порядокъ въ разноплеменномъ своемъ войскѣ,—ни угрозы, ни увѣщанія его не подѣйствовали, и онъ долженъ былъ отвести войска свои обратно въ Тверь. Неожиданно оставленный союзниками, Скопинъ-Шуйскій не отважился идти къ Москвѣ съ своимъ малочисленнымъ войскомъ, дабы не подвергнуться отдѣльному пораженію, и для обезпеченія дальнѣйшаго успѣха, рѣшилъ соединиться съ ополченіями сѣверныхъ городовъ, находившимися при Вышеславцовѣ въ Ярославлѣ, и съ Жеребцовымъ въ Костромѣ. Въ этихъ видахъ, онъ двинулся изъ Твери, внизъ по лѣвому берегу Волги, и перейдя на правый ея берегъ у Городни, князь Скопинъ двинулся къ Калязину монастырю, который и занялъ 24 іюля. Въ то время какъ Зборовскій, соединившись съ Сапѣгою, безуспѣшно приступалъ къ Троицкому монастырю, Скопинъ соединился у Калязина съ сѣверными ополченіями. Онъ пригласилъ кромѣ того, по особому дого-

вору, отрядъ шведскаго войска, около 1.000 человѣкъ, подъ начальствомъ Христіерна Сомме, который и прибылъ подъ Калязинъ. Между тѣмъ Сапѣга, получивъ извѣстіе, что у Скопина, даже съ сѣверными ополченіями, было не болѣе 20.000 войскъ, изъ которыхъ большая часть были худовооруженные и неустроенные крестьяне, и опасаясь дальнѣйшаго усиленія русскаго вождя, рѣшилъ воспользоваться раздѣленіемъ русско-шведской рати и произвести нападеніе на Скопина. Съ этою цѣлью онъ, вмѣстѣ съ Зборовскимъ, выступилъ 10 августа изъ своего стана подъ Троицкою лаврой съ сильнымъ отрядомъ, въ которомъ одной польской конницы было 12.000 человѣкъ, не считая казаковъ, и двинулся къ Калязину. Однако поискъ этотъ окончился полною неудачей: Сапѣга былъ разбитъ въ 20 верстахъ отъ Калязина на берегахъ рѣчки Жабны, впадающей въ Волгу. Потерпѣвъ пораженіе, Сапѣга отступилъ къ Переславлю и оттуда—къ Троицкой лаврѣ. Для наблюденія за Скопинымъ, онъ отправилъ въ Переславль 250 стрѣльцовъ, 2 казачьи роты и нѣсколько боярскихъ дѣтей и другихъ служилыхъ людей. Зборовскій воротился въ Тушино.

Между тѣмъ Скопинъ, оставаясь подъ Калязинымъ, употреблялъ всѣ усилія для образованія сильнаго ополченія съ цѣлью освобожденія Москвы, для пополненія истощенной казны своей, обученія войскъ и соглашенія съ Делегарди, уже ушедшимъ изъ Твери къ шведскимъ границамъ, вслѣдствіе рѣшительнаго требованія возмутившагося войска. Мѣры, принятыя Скопинымъ, увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Сѣверные города, и въ особенности монастыри, присылали ему подати и пожертвованія деньгами и разными необходимыми вещами. На усиленіе ополченія, въ Калязинъ прибывали хорошо вооруженные ратные люди. Обученіе прибывавшихъ новобранцевъ и неопытныхъ воиновъ Вышеславцева и Жеребцова, Скопинъ поручилъ шведу Сомме, который ревностно занялся этимъ дѣломъ. Онъ ежедневно обучалъ ихъ по правиламъ, введеннымъ въ Голландіи Морицомъ Нассаускимъ, и въ примѣрныхъ бояхъ показывалъ имъ, какъ владѣть оружіемъ, копать подступные рвы, устраивать окопы, и какимъ образомъ обращаться при дѣйствіяхъ малой войны. Сомме оказалъ большія услуги Скопину, способствуя возстановленію добрыхъ отношеній и соглашенію между нимъ и Делагарди. Получивъ деньги, Скопинъ выплатилъ часть жалованья шведскому войску и отправилъ, отъ имени царя, Ѳедора Чулкова сдать шведамъ Корелу и тѣмъ побудилъ Делагарди прибыть къ нему (изъ Торжка) съ войскомъ.

Устроивъ дѣла, князь Скопинъ-Шуйскій началъ уже готовиться къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Высланный имъ сильный отрядъ, подъ начальствомъ Головина, занялъ 1 сентября Переславль-Залѣсскій. Лисовскій, отрѣзанный тѣмъ отъ Сапѣги, отошелъ къ Суздалю, гдѣ и укрѣпился.

26 сентября прибылъ къ Скопину Делагарди съ отрядомъ всего въ 2.200 человѣкъ. Вожди обсудили свое положеніе и приняли планъ дѣйствій для дальнѣйшихъ операцій. Имѣя въ виду возможно болѣе беречь ополченіе, съ такимъ трудомъ собранное имъ для освобожденія Москвы и отечества, и не желая подвергать случайности и риску дальнѣйшія операціи, Скопинъ, по совѣту Делагарди, рѣшилъ послѣдовать осторожному образу дѣйствій, принятому принцемъ Морицомъ Нассаускимъ въ Нидерландахъ. По составленному плану, предводители русско-шведскаго ополченія, рѣшили избѣгать опасныхъ случайностей главныхъ сраженій, изнурять непріятеля частыми поисками, стараться затруднять его сообщенія и, между тѣмъ, постепенно подвигаться впередъ, къ Москвѣ, подъ прикрытіемъ отрядовъ, заранѣе высылаемыхъ для занятія укрѣпленныхъ мѣстъ и для построенія новыхъ острожковъ. Однако, нельзя не замѣтить, что подобный образъ дѣйствій не отвѣчалъ обстановкѣ. Стѣсненная Москва требовала скорой помощи, и государство, преданное безначалію и разоренію, изнемогало отъ продолженія смутъ. Казалось бы, что князю Скопину, тѣмъ необходимѣе было наступать рѣшительно, что Москва не имѣла уже болѣе въ виду полученія другой помощи, и что князь, дѣйствуя въ странѣ открытой, не имѣвшей крѣпостей, могъ разсчитывать на быстрые успѣхи, слѣдствіемъ коихъ было бы освобожденіе столицы и обузданіе внутреннихъ крамольниковъ.

Приведя съ собою слабый отрядъ, въ 2.200 человѣкъ, Делагарди обнадеживалъ Скопина, что значительныя силы вспомогательныхъ войскъ находятся на походѣ изъ Швеціи. Однако, трудное положеніе Москвы и государства, не позволяло Скопину ждать прибытія этихъ подкрѣпленій, и заставило его передвинуться ближе къ Москвѣ. 6-го октября, соединенное ополченіе русско-шведскихъ войскъ, въ 20.200 человѣкъ, заняло Переславль, а затѣмъ Александровскую слободу, гдѣ и укрѣпилось. Тогда не только Сапѣга и Зборовскій, но и самъ главный вождь тушинскаго вора Рожинскій—двинулись на Скопина. Послѣ кровопролитнаго боя подъ Александровской слободой, и понеся большія потери, сподвижники самозванца отошли обратно къ Троицкой лаврѣ. Въ слободу же къ Скопину прибывали подкрѣпленія: низовая рать боярина Шереметева изъ Владиміра, и отряды князей Куракина и Лыкова изъ Москвы. Такимъ образомъ сѣверъ очищался отъ враговъ. Главныя рати царя Василія, наступая съ запада и востока, уже соединились и готовы были двинуться къ Москвѣ, чтобы подъ стѣнами ея дать рѣшительный бой тушинскому вору. Самъ Скопинъ порывался къ столицѣ, но Делагарди, въ виду принятаго плана дѣйствій, удерживалъ его, представляя, что не слѣдуетъ оставлять въ тылу непріятеля, и нужно очистить отъ него сосѣднюю страну. Такимъ образомъ, Скопинъ простоялъ всю зиму въ Александровской слободѣ. Въ январѣ прибыло къ нему новое под-

крѣпленіе изъ Швеціи, въ числѣ 3.000 человѣкъ, съ которыми у Делагарди снова оказалось болѣе 5.000 вспомогательныхъ иноземныхъ войскъ. Отказавшись отъ рѣшительнаго наступленія къ Москвѣ съ цѣлью освобожденія ея, Скопинъ обратился къ покоренію окрестной страны; высылаемые имъ отряды, удачно вели малую войну къ сѣверу и востоку отъ Троицкаго монастыря, стѣсняя осаждавшія его войска Сапѣги и перехватывая ихъ фуражировъ. Въ этой малой войнѣ, по причинѣ выпавшаго уже глубокаго снѣга, особенно отличались 4.000 лыжниковъ, изъ сѣверо-восточныхъ русскихъ областей, и изъ шведской Нордъ-Ботніи, отъ которыхъ не могла спасаться даже непріятельская конница. Мало-помалу, окрестная страна очищалась отъ враговъ: 12-го января 1610 года, Сапѣга снялъ осаду Троицкой лавры, укрѣпился сначала въ Дмитровѣ, а затѣмъ отошелъ къ Іосифову Волоколамскому монастырю, но и здѣсь оставался не долго: возмутившаяся шляхта его отряда и казаки. рѣшили уйти къ самозванцу, уже бѣжавшему въ Калугу; а самъ онъ отправился къ Смоленску къ королю Сигизмунду, вступившему въ предѣлы Россіи съ цѣлью возвести своего сына Владислава на Московскій престолъ и осаждавшему Смоленскъ. Только Лисовскій, всю зиму и весну держался въ Суздалѣ, и безнаказанно разорялъ окрестности его. Оставшись одинъ среди враждебной земли и отовсюду отрѣзанный, онъ рѣшился силою оружія пробиться до литовской границы. Выступивъ изъ Суздаля въ маѣ, вмѣстѣ съ казачьимъ атаманомъ Просовецкимъ, онъ приступилъ къ Калязину монастырю, овладѣлъ имъ, разграбилъ и сжегъ его, предавъ смерти всѣхъ защитниковъ монастыря и въ числѣ ихъ воеводу Жеребцова. Совершивъ этотъ разбойническій подвигъ, онъ перешелъ на лѣвый берегъ Волги и двинулся проселками и безпрепятственно достигъ Великихъ Лукъ. Между тѣмъ Тушинскій станъ разошелся. Пока доблестный Скопинъ съ каждымъ днемъ умножалъ свои силы и число приверженцевъ законнаго правительства, сподвижники самозванца: поляки, казаки и русскіе измѣнники, грабя и разоряя край,—возбуждали въ населеніи всеобщую ненависть въ себѣ и виновнику народныхъ бѣдствій. Вступленіе Сигизмунда въ русскіе предѣлы встревожило Тушинскій станъ и вредно отозвалось на дѣлѣ Тушинскаго вора. Въ Тушинѣ скоро узнали, что шайки запорожцевъ, служа королю, берутъ города его именемъ и что Путивль, Черниговъ, Брянскъ, вмѣстѣ съ другими сѣверскими городами, волею или неволею ему покорились, измѣнивъ Лжедимитрію. Въ Тушинскомъ станѣ со дня на день увеличивались раздоры и смуты. Лжедимитрій не считалъ уже себя безопаснымъ и, переодѣвшись въ крестьянское платье, бѣжалъ въ Калугу 17-декабря 1609 года. Бѣгство самозванца содѣйствовало переходу поляковъ, казаковъ и русскихъ измѣнниковъ на сторону Сигизмунда. Къ послѣднему явились подъ Смоленскъ и были представлены

въ торжественной аудіенціи 21-го января 1610 года послы отъ русскихъ Тушинскаго стана, съ предложеніемъ признать Московскимъ царемъ королевскаго сына Владислава. Въ Тушинѣ оставался еще Рожинскій. Имѣя передъ собою значительныя силы царскихъ войскъ, занимавшихъ Москву, справа—самозванца, усилившагося въ Калугѣ и преграждавшаго ему всѣ пути за Оку и Угру, слѣва—войска Скопина въ Дмитровѣ, а въ тылу—отрядъ Измайлова въ Можайскѣ, на пути сообщенія со Смоленскомъ, Рожинскій находился въ опасномъ положеніи и не считалъ возможнымъ долѣе держаться въ Тушинѣ. 5 марта онъ отступилъ по свободной Волоколамской дорогѣ, предавъ пламени Тушинскій станъ. Подъ Волоколамскимъ монастыремъ произошло новое междоусобіе Въ этой суматохѣ Рожинскій упалъ на каменную лѣстницу монастыря, зашибъ себѣ бокъ, заболѣлъ и вскорѣ умеръ. Большая часть изъ бывшихъ при немъ поляковъ перешла къ королю, немногіе ушли въ Калугу къ самозванцу.

Такъ Москва освободилась отъ Тушинскаго стана, 2 года и 9 мѣсяцевъ державшаго ее въ постоянной тревогѣ. 12-го марта Скопинъ съ Делагарди имѣлъ торжественный въѣздъ въ столицу. По приказу царя, бояре встрѣтили Михаила у городскихъ воротъ съ хлѣбомъ и солью; толпа московскаго народа обоего пола встрѣчала его за городомъ. Скопинъ ѣхалъ верхомъ рядомъ съ Делагарди; простые граждане падали передъ нимъ ницъ, называя его освободителемъ и спасителемъ земли. Самъ царь Василій, всенародно, со слезами обнималъ и цѣловалъ его Въ Москвѣ начались пиры за пирами. Появленіе Скопина, всюду вызывало въ народѣ неподдѣльные знаки восторга. Русскіе люди открыто говорили, что надобно низложить Василія и избрать царемъ Скопина. Царь Василій слушалъ это, не безъ внутренняго смятенія; сердце его уже волновалось завистью и безпокойствомъ: онъ уже не любилъ князя Михаила. Но всего болѣе ненавидѣлъ Скопина неспособный братъ царя, Димитрій Шуйскій, какъ счастливаго соперника на престолъ послѣ бездѣтнаго Василія. Между тѣмъ, умный Делагарди, въ частныхъ свиданіяхъ съ ближними царедворцами, замѣтилъ ихъ худое расположеніе къ князю Михаилу и предостерегалъ его какъ друга; дворъ казался ему опаснѣе ратнаго поля для героя, и онъ уговаривалъ его скорѣе оставить Москву и выступить противъ короля Сигизмунда. Самъ князь Скопинъ хотѣлъ только отдохнуть въ Москвѣ до просухи, а потомъ идти на Сигизмунда подъ Смоленскъ, и уже дѣятельно готовился къ этому походу. Но ему не суждено было довершить избавленіе отечества: 23-го апрѣля, на крестинахъ у князя Ивана Воротынскаго, выпивъ чашу меда, поднесенную ему женою Васильева брата, Димитрія, онъ занемогъ сильнымъ кровотеченіемъ изъ носа и черезъ двѣ недѣли умеръ. Общая молва обвинила Димитрія Шуйскаго въ отравленіи юнаго героя. Узнавъ

о смерти его, народъ взволновался и устремился къ дому князя Димитрія Шуйскаго. Только дружина царская, по приказу Василія, защитила домъ и хозяина отъ ярости толпы. Москва горестно, непритворно оплакивала князя Михаила. Выразилъ искреннюю скорбь и Делагарди о потерѣ друга и боевого товарища. Прибывъ въ домъ умершаго и взглянувъ на покойника, онъ прослезился и сказалъ: „Московскіе люди, не только въ вашей Русц, но и въ земляхъ государя моего не видать уже мнѣ такого человѣка!“ Самъ царь Василій проливалъ слезы о героѣ, но ему не вѣрили, считая ихъ притворствомъ. Не удалось князю Михаилу Скопину сѣсть на Московскомъ престолѣ, на которомъ его такъ искренно хотѣлъ видѣть народъ русскій. За то гробъ его опустили въ землю въ Архангельскомъ соборѣ (въ придѣлѣ Іоанна Крестителя), посреди царей и великихъ князей Московскаго государства.

Скопина не стало въ то самое время, когда на него возлагались всеобщія надежды избавленія всей Россіи отъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ. Для этого оставалось еще истребить самозванца въ Калугѣ и принудить короля Сигизмунда, осаждавшаго Смоленскъ, снять осаду послѣдняго и отступить отъ русскихъ предѣловъ. Но и то, и другое не легко было исполнить. Самозванецъ имѣлъ сильную опору въ холопьемъ сословіи цѣлой Россіи, исключая сѣверо-восточныхъ областей; а у Сигизмунда было войско, хотя и не очень многочисленное, но лучше устроенное, обученное и болѣе опытное въ военномъ дѣлѣ, нежели временныя военно-помѣстныя ополченія Василія, и предводимое начальниками болѣе искусными и знающими, сравнительно съ воеводами царя. Такую трудную задачу Василій возложилъ на брата своего Димитрія, назначивъ его главнымъ предводителемъ войска, съ которымъ онъ вскорѣ и выступилъ къ Можайску противъ короля Сигизмунда, осаждавшаго Смоленскъ.

Оборона Смоленска въ 1609—1610 гг.—Бой при с. Клушинѣ.

Польскій король Сигизмундъ III, пользуясь бѣдственнымъ положеніемъ Россіи въ продолженіе смутъ, произведенныхъ самозванцами, вознамѣрился овладѣть Смоленскомъ. Несмотря на наступавшее неудобное время для военныхъ дѣйствій и на недостаточныя силы для осады Смоленска, состоявшія лишь изъ 17.000 человѣкъ, изъ коихъ пѣхоты было только 5.000, король, 11-го сентября 1609 года, перешелъ границу и 13-го числа прибылъ въ Красное. Въ Москву онъ послалъ разрывную грамоту, а въ Смоленскъ—универсалъ, въ которомъ увѣрялъ, что вступаетъ въ русскіе предѣлы не какъ врагъ, а какъ избавитель, будто бы призванный многими русскими; и вмѣстѣ съ тѣмъ обѣщалъ великія и богатыя милости, въ случаѣ добровольной покорности и конечное разо-

реніе за упорство. Воевода смоленскій, Михаилъ Борисовичъ Шеинъ, далъ посланному устный отвѣтъ, что въ Смоленскѣ поклялись не бить челомъ польскому королю, но готовиться на смерть за Вѣру, Отечество и Царя.

Введенный въ заблужденіе относительно истиннаго настроенія гарнизона Смоленска и его воеводы, Сигизмундъ спѣшилъ дальнѣйшимъ движеніемъ отъ Краснаго къ Смоленску, полагая, что достаточно одного появленія его подъ стѣнами города для сдачи послѣдняго. Уже 19-го сентября подъ Смоленскомъ имѣли стычку съ войсками Шеина передовыя войска короля Сигизмунда, бывшія подъ начальствомъ литовскаго канцлера Льва Сапѣги и Пржемышскаго; а 21-го сентября прибылъ и самъ король съ главными силами. Всего подъ Смоленскомъ собралось до 17.000 разноплеменнаго войска (5.000 пѣхоты и 12.000 конницы), состоявшаго изъ польскихъ, венгерскихъ и нѣмецкихъ ротъ.

Смоленскъ, расположенный на возвышенномъ лѣвомъ берегу Днѣпра, былъ огражденъ каменною стѣной, отъ 6 до 7 саженъ вышины и $2^1/_2$ толщины, до 5 верстъ въ окружности, съ 88 башнями, изъ которыхъ въ 9 были ворота. Городъ достаточно былъ снабженъ продовольствіемъ и военными запасами, въ крѣпостной артилеріи недостатка не было, пушекъ считалось около 300, но собственно войскъ для обороны крѣпости было мало, такъ какъ, за выдѣленіемъ отрядовъ въ помощь князю Скопину, въ крѣпости оставалось войскъ не болѣе 4.000 человѣкъ. Хотя жители Смоленска положили свято исполнить данную ими присягу и обороняться до послѣдней крайности, но изъ нихъ, можетъ быть, $^1/_4$ была способна сражаться, а $^3/_4$ состояли изъ старыхъ людей, женщинъ, дѣтей, больныхъ и т. п. Для обороны крѣпости, Шеинъ, половину гарнизона оставилъ внутри города въ резервѣ, а другую раздѣлилъ на 38 отрядовъ, причемъ каждому изъ нихъ (около 50 человѣкъ) поручилъ оборону особой башни съ прилегавшей стѣной. Для удобства обороны, осажденные сожгли всѣ посады, находившіеся близъ городскихъ стѣнъ, и обратили особенное вниманіе на прикрытіе воротъ отъ разрушительнаго дѣйствія осадныхъ батарей. Съ этою цѣлью они построили передъ воротами, къ полю, срубы (на подобіе избъ), наполненные землею и каменьями, оставивъ между ними и воротами небольшой проходъ, въ видѣ тѣснаго подлѣ стѣны проулка, которымъ могъ только пройти одинъ человѣкъ и провести лошадь *).

Между тѣмъ коронный гетманъ Жолкѣвскій, обозрѣвъ Смоленскъ, по приказанію короля, собралъ военный совѣтъ. Въ немъ особенно желали знать мнѣніе нѣмецкихъ полковниковъ, считая ихъ болѣе другихъ свѣдущими въ осадномъ дѣлѣ. Однако, ничего основательнаго предло-

*) Рукопись Жолкѣвскаго, издан. Павломъ Мухановымъ, стр. 52.

жено не было, а указывались средства мало-надежныя или неудобоисполнимыя, такъ что Жолкѣвскій распустилъ совѣтъ безъ всякаго рѣшенія. Однако королю наединѣ онъ представилъ, что привезенной артилеріи было недостаточно для разрушенія крѣпкихъ стѣнъ Смоленска, что подкопы и выбивательные ступы (петарды) пригодны только при оплошности непріятеля, а онъ уже съ самаго начала оказывается очень осторожнымъ и бдительнымъ, почему не представляется надежды на скорое покореніе города, и казалось бы выгоднѣе, не упорствуя въ осадѣ, обратиться къ другимъ предпріятіямъ. Но Сигизмундъ не послушалъ совѣтовъ умнаго и опытнаго Жолкѣвскаго и, желая во что бы то ни стало овладѣть Смоленскомъ, приказалъ дѣйствовать противъ стѣнъ именно выбивательными ступами (петардами). Однако, произведенное въ ночь съ 24 на 25 сентября нечаянное нападеніе, съ помощью петардъ, противъ двухъ воротъ (Копычинскихъ и Аврамьевскихъ), окончилось неудачей. Эта попытка непріятеля заставила осажденныхъ еще болѣе озаботиться объ охраненіи воротъ. Вслѣдствіе этого ворота, ненужныя для сообщенія, завалили камнями и пескомъ, а при другихъ, прежніе срубы приспособили къ оборонѣ, постановкою на вершинѣ ихъ палисада, и къ нимъ приставили сильные караулы.

Въ концѣ сентября, подъ Смоленскъ прибыло до 30.000 запорожскихъ казаковъ съ атаманомъ Олевченко *). Это дало возможность обложить Смоленскъ со всѣхъ сторонъ. Стѣснивъ, такимъ образомъ, осажденныхъ, и испытавъ уже неудачу въ дѣйствіи петардами, король рѣшилъ прибѣгнуть къ подкопамъ и бомбардированію. Жолкѣвскій снова представлялъ ему, что при войскѣ не было пушекъ большого калибра для разбитія крѣпкихъ стѣнъ крѣпости, а на подкопы надѣяться нельзя, тѣмъ болѣе, что, какъ узнали отъ одного переметчика, осажденные устроили вокругъ стѣнъ подземные слухи и что, поэтому, стоять подъ Смоленскомъ, казалось напрасно тратить время. Въ виду этого гетманъ совѣтовалъ, оставивъ для блокады Смоленска три отряда, каждый въ нѣсколько сотъ человѣкъ, въ приличныхъ мѣстахъ, за крѣпкими окопами, съ главными силами прямо двинуться къ Москвѣ, гдѣ, по имѣвшимся свѣдѣніямъ, можно было надѣяться найти сообщниковъ. Король сначала согласился на это предложеніе, но потомъ отказался. Завистники Жолкѣвскаго успѣли отговорить Сигизмунда отъ исполненія совѣтовъ гетмана, и король приказалъ обстрѣливать городъ и устраивать подкопы.

Однако, стрѣльба изъ орудій малаго калибра, не принесла особеннаго вреда укрѣпленіямъ Смоленска; обратились къ осаднымъ работамъ, цѣлью которыхъ было подорвать стѣну посредствомъ минъ. Но и подземная атака оказалась также мало дѣйствительною,—осажденные устро-

*) Тамъ же, стр. 56.

или подъ стѣнами слухи, слѣдили въ нихъ за непріятельскими работами и своевременно ихъ уничтожали.

Наконецъ, доставленныя изъ Риги орудія большого калибра, дали возможность осаждавшимъ устроить батареи для проломовъ въ стѣнѣ и башняхъ.

Въ продолженіе этихъ разнообразныхъ дѣйствій атаки, непріятель неоднократно производилъ приступы, которые однако были отбиваемы. Осажденные, и особенно Шеинъ, не теряли ни мужества, ни твердости въ оборонѣ. Дѣятельно занимаясь военными распоряженіями и управленіемъ города, Шеинъ наблюдалъ, чтобы въ городѣ не зародилось помышленія о сдачѣ, и поддерживалъ всѣхъ и каждаго въ исполненіи долга присяги и чести. Одушевленные имъ, осажденные производили частыя вылазки и, иногда, съ замѣчательной отважностью.

Настала зима. Сигизмундъ все еще упорствовалъ въ своемъ намѣреніи овладѣть Смоленскомъ, терялъ время и людей въ праздной осадѣ. Вступивъ въ предѣлы Россіи съ малыми силами, король видѣлъ теперь передъ собою неравную борьбу съ могущественнымъ и раздраженнымъ противникомъ: Москва освободилась отъ осады, Тушинскій станъ разошелся и князь Скопинъ-Шуйскій уже готовился къ выступленію въ походъ подъ Смоленскъ. Сознавая слабость своихъ силъ, Сигизмундъ еще ранѣе завелъ переговоры съ польскими вождями, бывшими въ Тушинѣ, о присоединеніи поляковъ къ войску подъ Смоленскомъ. Но только послѣ бѣгства самозванца въ Калугу и смерти Рожинскаго, большая часть поляковъ съ Зборовскимъ ушла къ королю, а другая собралась на р. Угрѣ, по близости Калуги, для службы самозванцу, куда вскорѣ прибылъ къ нимъ и Янъ Сапѣга.

Осада Смоленска все не подвигалась впередъ. Отъ безуспѣшнаго обстрѣливанія обратились къ подкопной войнѣ, но послѣдняя велась также безъ успѣха и пользы. Съ приближеніемъ весны, осада даже совсѣмъ прекратилась, и король приказалъ вывезти всѣ орудія, изъ опасенія разлитія Днѣпра. Впрочемъ, завоеваніе Смоленска не составляло уже исключительнаго предмета заботъ Сигизмунда.—Его занимала мысль о воцареніи на Московскомъ престолѣ сына его Владислава, — мысль, отъ которой потомъ Сигизмундъ отказался, въ надеждѣ упрочить за самимъ собою Московское государство. Подъ Смоленскомъ, осадныя работы, прекращенныя вслѣдствіе весенняго разлитія водъ, еще не возобновлялись и обѣ стороны оставались въ бездѣйствіи. Между тѣмъ, въ станѣ короля получено было извѣстіе, что для выручки Смоленска собралось въ Можайскъ царское войско, которое, при содѣйствіи отрядовъ Хованскаго и Горна, стоявшихъ въ Зубцовѣ, легко могло подавить польскіе отряды, охранявшіе Смоленскую дорогу, а именно—Казановскаго (800 ч.) въ Вязьмѣ, Дуниковскаго (700 чел.) въ Царевѣ-Займищѣ и Зборовскаго

(3 тыс. тушинскихъ поляковъ и казаки Заруцкаго) въ Шуйскомъ. Царское войско находилось подъ предводительствомъ князя Димитрія Шуйскаго, и состояло изъ 30.000 человѣкъ и 8.000 наемныхъ войскъ, подъ начальствомъ Делагарди. Въ московскомъ войскѣ было много новобранцевъ, въ первый разъ шедшихъ въ бой. Главный воевода—неспособный, нелюбимый; усердіе въ войскѣ къ службѣ съ кончиною князя Скопина опять исчезло; охоты защищать царя Василія не было уже ни у кого. Еще менѣе надежны были разноплеменныя войска Делагарди, неисправно получавшія жалованье, и выказывавшія явное нерасположеніе свое къ службѣ подъ командою Димитрія Шуйскаго, уже не разъ доказавшаго свою бездарность. Сосредоточивъ главныя силы подъ Можайскомъ, Димитрій Шуйскій выдвинулъ въ Царево-Займище 8-тысячный отрядъ подъ начальствомъ князя Елецкаго и Валуева и приказалъ имъ тамъ укрѣпиться. Принявъ эти мѣры, царь Василій Шуйскій просилъ, вмѣстѣ съ тѣмъ крымскаго хана оказать ему помощь противъ поляковъ. Получивъ извѣстіе о сосредоточеніи подъ Можайскомъ царской рати, король выдвинулъ противъ нея короннаго гетмана Жолкѣвскаго, съ отрядомъ въ 1.480 человѣкъ конницы и 1.100 пѣхоты. Отряды Казановскаго и Дуниковскаго присоединились къ Зборовскому, находившемуся въ Шуйскомъ, и всѣ должны были усилить гетмана Жолкѣвскаго. Послѣдній, выступивъ изъ-подъ Смоленска 28 мая 1610 г., двинулся сперва къ Бѣлому, осажденному Хованскимъ и Горномъ. Послѣдніе, имѣя до 6.500 человѣкъ шведскихъ и русскихъ войскъ, однако уклонились отъ боя и отступили къ Можайску. Жолкѣвскій двинулся далѣе къ Цареву-Займищу, гдѣ укрѣпились московскіе воеводы Елецкій и Валуевъ.

Выдержавъ 13-го и 14-го іюня небольшія стычки съ московскими войсками, Жолкѣвскій, 15-го числа, обошелъ лагерь русскихъ войскъ съ тыла, и сталъ на Можайской дорогѣ, на сообщеніи ихъ съ главными силами Шуйскаго, имѣя въ виду отрѣзать подвозъ къ нимъ продовольственныхъ запасовъ отъ Можайска. Того же числа къ Жолкѣвскому присоединился съ отрядомъ Зборовскій, усиливъ войска его до 11-ти тысячъ человѣкъ. Елецкій и Валуевъ, видя что гетманъ намѣренъ голодомъ принудить ихъ къ сдачѣ, послали въ Можайскъ къ князю Димитрію Шуйскому съ просьбой о помощи. Шуйскій двинулся впередъ и сталъ у Клушина. Два нѣмца изъ войска Делагарди перебѣжали къ полякамъ и сообщили гетману о движеніи Шуйскаго. Жолкѣвскій собралъ военный совѣтъ для рѣшенія вопроса, что́ предпринять: ждать ли на мѣстѣ наступленія Шуйскаго или, оставя часть войскъ противъ Елецкаго и Валуева, съ главными силами идти навстрѣчу непріятелю. Жолкѣвскій рѣшился на послѣднее.

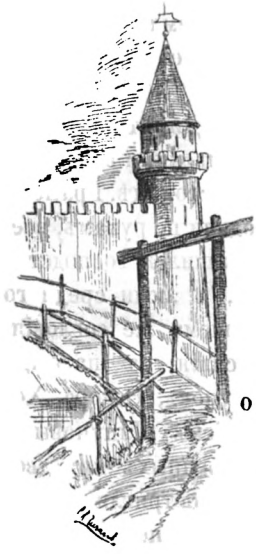
Оставивъ въ лагерѣ 700 человѣкъ конницы, 4.000 запорожскихъ казаковъ и 200 пѣхотинцевъ, гетманъ въ ночь съ 23 на 24 іюня, тихо

выступилъ изъ лагеря на Клушино съ отрядомъ, въ составѣ 4.700 человѣкъ польской конницы, 400 казаковъ, 200 человѣкъ польской пѣхоты и двухъ полевыхъ орудій. Принужденный идти верстъ 20-ть ночью по узкой лѣсной, мѣстами болотистой дорогѣ, Жолкѣвскій на разсвѣтѣ достигъ Клушина, близъ котораго находился обширный станъ русско-шведскаго ополченія, стоявшаго безпечно безъ должныхъ мѣръ охраненія. Онъ намѣревался напасть врасплохъ на спавшія войска Шуйскаго и Делагарди; но исполнить это было трудно, какъ потому, что отрядъ его сильно растянулся по узкой лѣсной дорогѣ, такъ и по краткости ночи въ это время года. Пока отрядъ подтягивался, уже разсвѣтало. Жолкѣвскій осмотрѣлъ мѣстность и найдя, что поляна передъ обоими станами непріятеля была загораждена плетнями и двумя деревушками, велѣлъ разломать первые и зажечь послѣднія, какъ для того, чтобы непріятель не занялъ ихъ своею пѣхотой, такъ и для большей свободы дѣйствій своей конницы. Когда же вся послѣдняя выбралась изъ лѣса, Жолкѣвскій немедленно построилъ ее въ боевой порядокъ: на правомъ крылѣ противъ русскихъ — полкъ Зборовскаго, поддержанный полками Казановскаго и Вайгера; а на лѣвомъ, противъ Делагарди— полкъ Струся, поддержанный гетманскимъ полкомъ. Остальныя конныя роты были поставлены въ резервѣ въ колоннахъ, а 400 вольныхъ казаковъ—на оконечности лѣваго крыла. Пѣхотная хоругвь съ двумя фальконетами еще не подошла. Между тѣмъ Шуйскій, имѣя впереди себя открытое поле, выслалъ впередъ свою конницу, а позади ея, на опушкѣ лѣса, расположилъ пѣхоту. Делагарди же, напротивъ, впереди поставилъ пѣхоту за плетнями, которые еще не всѣ были разобраны поляками, а за нею расположилъ конницу. Устроивъ свой отрядъ въ боевой порядокъ, Жолкѣвскій съ трубнымъ звукомъ и барабаннымъ боемъ двинулъ его на противника, торопливо занимавшаго позицію. Завязался упорный бой; польскія войска начали было ослабѣвать и Жолкѣвскій двинулъ въ дѣло запасныя войска. Русская конница, атакованная во флангъ, была опрокинута на свою пѣхоту; шведы отступили къ лѣсу, а наемные отряды нѣмцевъ, французовъ и шотландцевъ начали передаваться на сторону непріятелей. Русскія войска, видя измѣну союзниковъ, бросились къ лѣсу въ разсыпную. Побѣда гетмана была полная. Видя пораженіе войскъ князя Шуйскаго и оставленный своими иноземными дружинами, Делагарди вступилъ въ переговоры съ Жолкѣвскимъ и выговорилъ у него согласіе уйти безпрепятственно изъ предѣловъ Московскаго государства. „Наша неудача,—сказалъ Делагарди,— происходитъ отъ неспособности русскихъ и вѣроломства моихъ наемныхъ воиновъ. Не то было бы съ тѣми же русскими, еслибъ ими начальствовалъ доблестный Скопинъ. Но его извели, и счастье измѣнило московскимъ людямъ“.

Послѣ пораженія Шуйскаго, Жолкѣвскій принудилъ сидѣвшихъ въ Царевѣ-Займищѣ Елецкаго и Валуева, присягнуть Владиславу и присоединиться къ нему съ ихъ 8-тысячнымъ отрядомъ. Затѣмъ,ославъ донесеніе о семъ и объ одержанной побѣдѣ королю Сигизмунду, Жолкѣвскій двинулся прямо на Москву. Можайскъ сдался ему безъ сопротивленія. Волоколамскъ, Ржевъ, Погорѣлое-Городище, Іосифовъ монастырь покорились добровольно. Войско гетмана увеличилось уже 10.000 русскихъ. По совѣту Валуева, Жолкѣвскій послалъ агентовъ своихъ въ Москву съ грамотами, въ которыхъ обѣщалъ Русской землѣ тишину и благоденствіе подъ скипетромъ Владислава, если русскіе изберутъ королевича царемъ.

Москва скоро узнала о полномъ разгромѣ рати Димитрія Шуйскаго и о движеніи гетмана Жолкѣвскаго, съ русско-польскими войсками. Ужасъ, смятеніе и разномысліе распространились въ столицѣ. Грамоты Жолкѣвскаго всюду разбрасывались по улицамъ, ходили по рукамъ, всенародно читались на сходкахъ. Простой народъ страшился господства поляковъ и склонялся болѣе на сторону самозванца, а люди средняго сословія, напротивъ, на сторону Владислава. Въ высшемъ же сословіи, нѣкоторые изъ сановниковъ желали низложенія Василія, въ надеждѣ заступить его мѣсто. Это имъ удалось: Захарій Ляпуновъ, Ѳедоръ Хомутовъ и Иванъ Салтыковъ, подстрекаемые Прокопіемъ Ляпуновымъ изъ Рязани, 17 іюля, съ большимъ числомъ подговоренныхъ ими дворянъ, насильно низложили Василія съ престола и постригли его въ монахи. Верховное правленіе перешло къ боярской думѣ, подъ предсѣдательствомъ князя Ѳедора Мстиславскаго.

Въ это время подъ Москвою стоялъ уже тушинскій воръ, въ Коломенскомъ селѣ.



ГЛАВА XVIII.

Война во время междуцарствія въ 1610—1612 годахъ.

Движеніе къ Москвѣ тушинскаго вора. — Избраніе королевича Владислава на Московскій престолъ и занятіе Москвы гетманомъ Жолкѣвскимъ.— Сборъ перваго народнаго ополченія для освобожденія Москвы и государства.— Сожженіе Москвы.—Неудача перваго ополченія.—Взятіе Смоленска королемъ Сигизмундомъ.— Сборъ второго ополченія.— Походъ князя Пожарскаго и Минина къ Москвѣ и освобожденіе ея отъ поляковъ.

По первому извѣстію о Клушинскомъ пораженіи войскъ царя Василія, самозванецъ вошелъ въ сношеніе съ Сапѣгой, стоявшимъ съ отрядомъ изъ 5.400 человѣкъ на рѣкѣ Угрѣ и, соединившись съ нимъ, устремился черезъ Медынь и Боровскъ къ Москвѣ. надѣясь предупредить здѣсь гетмана Жолкѣвскаго и овладѣть столицей. На пути къ ней въ Боровскомъ уѣздѣ, при рѣкѣ Нарѣ, войска самозванца были атакованы крымскими татарами, прибывшими въ концѣ мая 1610 года къ Серпухову въ помощь царю Василію. Завязался жестокій бой; нападеніе татаръ было столь стремительно, что войска самозванца едва устояли въ укрѣпленномъ станѣ. Однако бой кончился благополучно для Лжедмитрія; болѣе заботясь о грабежѣ, нежели о дѣйствительной помощи царю Василію, татары разсѣялись для грабежа, ушли обратно въ степи, гоня плѣнныхъ, какъ скотъ, въ свои улусы, и открыли такимъ образомъ дорогу самозванцу въ Москву. Высланные изъ столицы на присоединеніе къ татарамъ царскіе воеводы, князья Воротынскій и Лыковъ и окольничій Измайловъ, съ слабыми силами и артилеріей, принуждены были поспѣшно отступить къ Москвѣ,—„едва снарядъ отведоша отъ воровскихъ людей“. Вслѣдъ за тѣмъ, самозванецъ овладѣлъ находящимся, въ 3-хъ верстахъ отъ Боровска, укрѣпленнымъ (деревянными стѣнами) Пафнутьевымъ монастыремъ, гдѣ заперлись съ незначительными силами воеводы—князь Михаилъ Волконскій, Яковъ Змѣевъ и Аѳанасій Челищевъ.

Большая часть отряда ихъ расположилась около монастыря, ограждась рогатками. Самозванецъ, подступивъ къ монастырю 3 іюля, легко разогналъ плохо вооруженныхъ крестьянъ, а затѣмъ войска его двинулись на приступъ. Хотя послѣдній былъ отбитъ, но вторые воеводы, считая дальнѣйшее сопротивленіе безполезнымъ, рѣшили передать обитель въ руки самозванца. По приказу ихъ, тайно отворили ворота, и непріятели вошли въ монастырь. Воевода, князь Волконскій, отказался встрѣтить лжецаря и удалился въ церковь съ игумномъ, иноками и многими другими людьми, спасавшимися отъ меча литовскаго, гдѣ долго защищался, пока не палъ мертвымъ у лѣваго клироса. Предавъ избіенію еще упорствовавшихъ въ защитѣ своей чести и святыни и разоривъ до основанія монастырь, самозванецъ двинулся къ Москвѣ, остановился сначала въ Никольской, на Угрѣшахъ, обители, и 15 іюля сталъ лагеремъ у села Коломенскаго. Положеніе самозванца, казалось, опять улучшалось. Вслѣдъ за Серпуховомъ и Боровскомъ перешли на его сторону Кашира и даже Коломна. Жители Зарайска колебались, но были удержаны въ вѣрности царю Василію твердостью князя Пожарскаго, успѣвшаго обратить къ покорности царю Василію и самую Коломну. 17-го іюля царь Василій былъ сведенъ съ престола. Самозванецъ завелъ сношенія съ преданными ему жителями Москвы и началъ было приступать къ столицѣ, но къ ней спѣшилъ отъ Можайска, черезъ Звенигородъ, побѣдитель Шуйскаго гетманъ Жолкѣвскій. 24-го іюля онъ уже стоялъ съ своими войсками въ 7 верстахъ отъ Москвы, на Хорошовскихъ лугахъ.

Прибытіе Жолкѣвскаго съ русско-польскими войсками, и присутствіе подъ Москвою самозванца, имѣвшаго тайныхъ сторонниковъ въ жителяхъ столицы, въ особенности среди черни, заставили боярскую думу войти въ сношеніе съ гетманомъ, относительно возведенія на Московскій престолъ королевича Владислава. Патріархъ Гермогенъ сначала сильно противился, указывалъ на 14-ти лѣтняго Михаила Ѳеодоровича Романова, сына митрополита Филарета, какъ ближайшаго сродника царя Ѳеодора, но потомъ видя, что невозможно устоять противъ печальныхъ обстоятельствъ, соглашался, но на условіяхъ, чтобы новый царь принялъ православіе. Переговоры тянулись три недѣли и, наконецъ, окончились 17-го августа договоромъ, по которому Владиславъ былъ объявленъ царемъ Московскимъ и всея Россіи, съ властью наслѣдственною, но ограниченною духовенствомъ въ дѣлахъ вѣры, и боярами—въ управленіи и правосудіи. На такихъ условіяхъ, 18 августа 1610 года, вся Москва присягнула Владиславу; а примѣру ея послѣдовали Рязань, Владиміръ, Тверь и многіе другіе города. Жолкѣвскій съ своей стороны, именемъ Владислава, присягнулъ въ соблюденіи договора. Къ королю Сигизмунду, все еще безуспѣшно осаждавшему Смоленскъ,

должно было отправиться торжественное посольство, съ предложеніемъ русскаго престола королевичу Владиславу. Но еще ранѣе отправленія этого посольства Жолкѣвскій получилъ письмо отъ короля, въ которомъ послѣдній требовалъ, чтобы Русское царство было упрочено за нимъ самимъ, а не за его сыномъ. Вѣсть эту гетманъ скрылъ отъ бояръ.

Между тѣмъ, подъ Москвою стоялъ и самозванецъ съ войсками Сапѣги. Согласно заключенному договору, Жолкѣвскій долженъ былъ отвести поляковъ отъ тушинскаго вора. Однако это предложеніе гетмана полякамъ Сапѣги, было безуспѣшно: послѣдніе требовали вознагражденія за прежнюю службу и, получивши отказъ, рѣшили брать столицу приступомъ и биться хотя бы съ Жолкѣвскимъ. Тушинскій воръ такимъ образомъ усиливался распрею между поляками. Въ станъ его явились съ покорностью представители отъ Суздаля, Юрьева, Галича, Ростова и многихъ другихъ городовъ. Въ самой Москвѣ, чернь, страшась польскаго владычества, склонялась на сторону самозванца. Въ такихъ обстоятельствахъ, по уговору съ боярами, Жолкѣвскій рѣшилъ, вмѣстѣ съ московскими войсками, расправиться окончательно съ воромъ. Въ ночь съ 25 на 26-е августа онъ выступилъ на легкѣ, оставивъ въ лагерѣ всѣ обозы, обогнулъ Москву, соединился съ 15 тысячами московскихъ войскъ Мстиславскаго и, на разсвѣтѣ, подступилъ въ боевомъ порядкѣ къ лагерю Сапѣги. Послѣдній, встревоженный неожиданнымъ появленіемъ Жолкѣвскаго, вступилъ съ нимъ въ переговоры, и обязался уговорить самозванца отказаться отъ Русскаго престола, и за это удовольствоваться полученіемъ въ „кормленіе“ Самбора или Гродно; а въ случаѣ отказа—отстать отъ него со всѣмъ польскимъ войскомъ. Затѣмъ Жолкѣвскій воротился въ лагерь, а Мстиславскій—въ Москву. Между тѣмъ, самозванецъ гордо отвергъ всѣ предложенія и удалился къ Маринѣ въ Николо-Угрѣшскій монастырь. Жолкѣвскій и Мстиславскій рѣшили захватить его здѣсь, и вновь двинулись съ войсками, 27-го числа, причемъ польскія войска, съ согласія бояръ, ночью прошли черезъ Москву. Но предпріятіе это не удалось: извѣщенный измѣнниками изъ Москвы, самозванецъ съ Мариной бѣжалъ въ Калугу, въ сопровожденіи отряда донцовъ подъ начальствомъ Заруцкаго *), шайки татаръ и немногихъ рускихъ. Жолкѣвскій, узнавъ о бѣгствѣ самозванца, вышелъ на Звенигородскую дорогу, и сталъ лагеремъ у селенія Карамышева, въ 7 верстахъ отъ Москвы, въ которую, вмѣстѣ съ тѣмъ, московскія войска и возвратились.

Первымъ слѣдствіемъ бѣгства самозванца было то, что войско его подъ Москвою большею частью разсѣялось. Изъ русскихъ иные явились въ Москву съ повинною, другіе разбрелись въ разныя стороны, а осталь-

*) Заруцкій, прибывшій съ Жолкѣвскимъ подъ Москву, разсорился съ послѣднимъ и вновь перешелъ на сторону самозванца.

ные ушли къ самозванцу въ Калугу. Только поляки Сапѣги пока остались въ Коломенскомъ, до полученія повелѣнія отъ короля Сигизмунда. Къ послѣднему, изъ Москвы отправлено было 11 сентября посольство, во главѣ котораго, по желанію Жолкѣвскаго, поставили митрополита Филарета и князя Василія Васильевича Голицына, — лицъ, наиболѣе опасныхъ дѣлу Владислава, и которыхъ гетманъ желалъ удалить изъ Москвы подъ благовиднымъ предлогомъ. Сверхъ того, Жолкѣвскій призналъ нужнымъ, для уменьшенія числа русскихъ войскъ въ Москвѣ, а также подъ предлогомъ обезопасить Новгородъ отъ шведовъ и покорить мятежный Псковъ,—предложить боярамъ послать къ этимъ двумъ городамъ войско. Бояре исполнили и это, отправивъ туда 7 сентября, черезъ Бѣжецкъ, воеводу Ивана Салтыкова, съ 18 тысячами войскъ, въ числѣ которыхъ было много стрѣльцовъ.

Въ это время на сѣверо-западѣ Россіи дѣйствовали шведы, которые, вслѣдствіе избранія Владислава, превращались изъ союзниковъ въ враговъ Московскаго государства. Делагарди, отступивъ послѣ несчастной Клушинской битвы къ Финляндскимъ границамъ, однимъ отрядомъ взялъ Ладогу и самъ осадилъ городъ Корелу, не сданную жителями шведамъ. Только подъ Иванъ-городомъ шведы потерпѣли неудачу, послѣ чего отошли къ Нарвѣ. Но еще до того Горнъ разбилъ подъ Ямами Лисовскаго, который отступилъ къ Гдову, а оттуда, вмѣстѣ съ атаманомъ Просовецкимъ, двинулся къ Пскову. Изъ нихъ первый не хотѣлъ уклоняться отъ покорности Владиславу; а послѣдній—отлагаться отъ самозванца, и въ распряхъ между собою они разошлись: Лисовскій, съ 3—4 тысячами всякаго сброда людей, пошелъ къ Острову, а Просовецкій, съ 14 тысячами донскихъ казаковъ, остановился въ 20 верстахъ отъ Пскова.

Между тѣмъ, подъ Москвою, Жолкѣвскій принималъ всѣ возможныя мѣры для упроченія власти поляковъ. Его безпокоило еще сосѣдство войскъ Яна Сапѣги, сомнительно покорныхъ и обычно своевольныхъ; но и ихъ удалось ему отправить въ Сѣверскую область, для отнятія ея у самозванца. 14 сентября войска Сапѣги двинулись черезъ Боровскъ и Медынь къ Мосальску и Мещовску. Избавивъ Москву отъ присутствія самозванца, и отведя отъ послѣдняго польскія войска Сапѣги, гетманъ Жолкѣвскій, согласно договора, долженъ былъ отступить къ Можайску. Однако это не только казалось ему опаснымъ, но онъ, напротивъ, искалъ предлога водвориться въ Москвѣ. Таковымъ послужили ему нѣкоторыя смуты московскаго народа, недовольнаго избраніемъ Владислава. Гетманъ склонилъ не только Михаила Салтыкова съ тушинскими измѣнниками, но и Мстиславскаго, и другихъ бояръ, требовать вступленія въ столицу польскихъ войскъ Жолкѣвскаго для обузданія мятежной черни, будто бы готовой призвать Лжедимитрія. Не слу-

шали ни патріарха Гермогена, ни болѣе благоразумныхъ вельможъ, и впустили польскія войска. Въ ночь съ 20 на 21 сентября Жолкѣвскій, тихо и скрытно, ввелъ въ Москву 800 пѣшихъ иноземцевъ, оставшихся изъ войскъ Делагарди, и 3.500 поляковъ. Самъ онъ и Гонсѣвскій съ пѣхотой, расположились въ Кремлѣ, полкъ Зборовскаго — въ Китай-городѣ, а полкъ Казановскаго — въ Бѣломъ-городѣ, противъ кремлевскихъ воротъ. Каждый полкъ стоялъ въ совокупности и въ недальнемъ разстояніи одинъ отъ другого. На разсвѣтѣ жители столицы увидѣли себя, какъ бы плѣнниками, негодовали противъ бояръ, но, покорясь необходимости, успокоились.

Изъ остальныхъ своихъ войскъ Жолкѣвскій, ввелъ 4 роты полка Гонсѣвскаго въ Дѣвичій монастырь; а свой полкъ и полкъ Струся, послалъ въ Можайскъ и Верею, для охраненія сообщеній своихъ съ королемъ. Къ этимъ двумъ полкамъ бояре придали русскій отрядъ, подъ начальствомъ князя Воротынскаго.

Спокойствіе въ столицѣ не нарушалось. Жолкѣвскій былъ изъ числа благородныхъ, честныхъ людей, ненавистникъ насилія, столь же храбрый, сколько великодушный, обходительный и справедливый. Онъ такъ умѣлъ держать въ повиновеніи свое войско и обращаться съ русскими, что даже самъ суровый патріархъ Гермогенъ началъ смотрѣть на него болѣе дружелюбными глазами. Русскіе города, одинъ за другимъ, присягали Владиславу, кромѣ нѣкоторыхъ, все еще державшихся самозванца. Прокопій Ляпуновъ, въ рукахъ котораго была вся Рязанская земля, безъ противорѣчія одобрилъ избраніе королевича, хлопоталъ о доставкѣ съѣстныхъ припасовъ полякамъ въ Москву, и былъ ревностнымъ ихъ приверженцемъ.

Однако Жолкѣвскій не долго оставался въ Москвѣ. Онъ зналъ, что возстаніе не замедлитъ вспыхнуть при первой вѣсти о нежеланіи короля отпустить Владислава въ Москву; зналъ, что эта вѣсть можетъ придти очень скоро, и потому спѣшилъ уже оставить столицу, чтобы лично попытаться уговорить Сигизмунда, а съ другой стороны—самого себя спасти отъ гибели въ Москвѣ и отъ безславія. Передавъ начальство надъ войсками Гонсѣвскому, онъ въ концѣ октября выѣхалъ изъ Москвы, взявъ съ собою, по приказанію короля, низложеннаго царя Василія и двухъ братьевъ его. 30 октября, гетманъ имѣлъ торжественный въѣздъ въ станъ короля. Вмѣстѣ съ трофеями побѣды надъ русскими, онъ представилъ Сигизмунду и своего державнаго плѣнника. Всѣ взоры устремились на Василія, безмолвнаго и неподвижнаго. Требовали, чтобы онъ поклонился королю.—*Не подобаетъ царю Московскому*, отвѣчалъ Василій, *кланяться королямъ; праведными судьбами Божіими приведенъ я въ плѣнъ, но взятъ не вашими руками, выданъ своими подданными — московскими измѣнниками.* Въ частной аудіенціи, гетманъ Жолкѣвскій далъ

отчетъ королю о своихъ дѣйствіяхъ въ Москвѣ и убѣждалъ Сигизмунда, въ видахъ пользы Рѣчи Посполитой, выполнить договоръ, снять осаду Смоленска и отпустить на Московское царство королевича Владислава. Здѣсь, подъ Смоленскомъ, находилось уже посольство московское, велись переговоры о томъ же, но безъ всякаго успѣха. Сигизмундъ упорствовалъ въ своей предвзятой мысли, хотѣлъ, во что бы то ни стало, овладѣть Смоленскомъ и надѣялся на легкое завоеваніе Россіи. Послѣ нѣсколькихъ отбитыхъ приступовъ, войско короля произвело новый приступъ къ Смоленску 21 ноября, взорвало башню и часть стѣны саженъ на 10, три раза вторгалось въ городъ и три раза было отбито. Успѣхъ осады не подвигался ни на шагъ. Были безуспѣшны и переговоры короля съ московскимъ посольствомъ. Проникнувъ замыслы Сигизмунда, митрополитъ Филаретъ, Василій Голицынъ и Шеинъ, дали знать въ Москву боярской думѣ, и особенно патріарху Гермогену, о грозившей опасности. Въ Москвѣ еще царствовала наружная тишина; народъ и всѣ истинно преданные отечеству негодовали на господство поляковъ, но до времени скрывали свое негодованіе. Гонсѣвскій высылалъ изъ Москвы стрѣльцовъ по городамъ, чтобы уменьшить въ ней число войскъ; разставилъ стражу у всѣхъ городскихъ воротъ и на площадяхъ, овладѣлъ нарядомъ и пушечными припасами въ Кремлѣ и Китай-городѣ. Король Сигизмундъ, *отъ собственнаго имени*, давалъ указы боярской думѣ о вознагражденіи бояръ и сановниковъ, ему преданныхъ; уже дѣйствовалъ какъ властелинъ Россіи, не имѣя ни тѣни права на то, опираясь лишь на присутствіе польскихъ войскъ въ Москвѣ и на нѣкоторыхъ измѣнниковъ бояръ. Взаимное недовѣріе между поляками и русскими постепенно возбуждалось. Москвичи и поляки хотя и угощали другъ друга пирами, но въ отношеніяхъ ихъ проглядывали опасеніе и непріязнь; жили они уже во взаимной недовѣрчивости, — „съ дружбою на словахъ, съ камнемъ за пазухой“, по выраженію очевидца событій, поляка Маскевича. Между тѣмъ, и въ другихъ городахъ, присягнувшихъ Владиславу, дѣла начинали принимать дурной оборотъ для поляковъ. Жители городовъ съ неудовольствіемъ слышали о господствѣ поляковъ въ столицѣ, съ негодованіемъ видѣли ихъ чиновниковъ, разосланныхъ гетманомъ и Гонсѣвскимъ для собиранія денегъ на жалованье королевскому войску. Жалобы еще удвоились отъ поведенія поляковъ, которые вели себя благоразумно только въ одной Москвѣ: презирая договоръ, они не только не выходили изъ нашихъ городовъ, но самовольствовали въ нихъ и грабили. Новгородцы спачала не впустили отрядъ Ивана Салтыкова, и на требованіе послѣдняго присягнуть Владиславу, отвѣчали, что присягнутъ ему только тогда, когда снесутся съ Москвою; затѣмъ впустили его съ одними русскими людьми. Псковичи держались самозванца. Жители Торопца хотя присягнули Владиславу, но жаловались на разореніе ихъ

уѣзда поляками; а жители другихъ ближайшихъ городовъ, видя это, рѣшились не присягать Владиславу, а отбиваться въ своихъ городахъ.

На востокѣ было еще хуже: въ Астрахани дѣйствовали клевреты самозванца. Казань, и за нею Вятка, явно присягнули Лжедимитрію, съ тѣмъ чтобы не ссылаться съ поляками; но казанцы присягнули уже тѣни. Никѣмъ не тревожимый въ Калугѣ и до времени нужный Сигизмунду, какъ пугало для Москвы, самозванецъ, имѣя войска тысячъ пять казаковъ, татаръ и русскихъ, еще грозилъ Москвѣ и Сигизмунду. Но судьба его рѣшилась внезапно: 10 декабря онъ былъ убитъ крещенымъ татариномъ, Петромъ Урусовымъ, другомъ касимовскаго царя Уразъ-Махмета, бывшаго на службѣ у тушинскаго вора и потомъ убитаго, по приказанію послѣдняго, за измѣну.

Такимъ образомъ, 1610-й годъ окончился, и 1611-й начался упорнымъ и безразсуднымъ замысломъ короля Сигизмунда покорить Россію, концомъ самозванца и самозванства, и возстаніемъ ближайшихъ къ Москвѣ, съ сѣвера и востока, русскихъ городовъ за вѣру и отечество.

Смерть самозванца лишила многіе города знамени, подъ которымъ они сопротивлялись полякамъ, и это послужило къ возрожденію нравственной силы народа, и дало рѣшительный оборотъ дѣламъ въ Москвѣ и Россіи; а также полную свободу дѣйствій русскимъ людямъ, вѣрнымъ сынамъ своего отечества. Для нихъ остался уже одинъ врагъ—король Сигизмундъ и польскіе отряды, господствовавшіе въ Русской землѣ. Противъ нихъ и устремились теперь соединенныя усилія русскихъ людей. Первымъ возсталъ Прокопій Ляпуновъ въ Рязани, который разослалъ свое возваніе по разнымъ городамъ. Вездѣ уже кипѣло негодованіе противъ поляковъ. Въ каждомъ городѣ читались въ соборной церкви грамоты, присланныя Ляпуновымъ, списывались съ нихъ списки и отправлялись съ гонцами въ другіе города. Возстаніе быстро охватило Нижній-Новгородъ, Ярославль, Владиміръ, Суздаль, Муромъ, Кострому, Вологду, Устюгъ и Новгородъ, со всѣми новгородскими городами. Вездѣ собирались ополченія и, по приказанію Ляпунова, стягивались къ Москвѣ. Съ другой стороны, съ Ляпуновымъ вошли въ соглашеніе сторонники убитаго тушинскаго вора—Заруцкій, Просовецкій и Трубецкой, бывшіе во главѣ казацкой вольницы, и даже самъ Янъ Сапѣга нѣсколько времени манилъ Ляпунова—готовностью сражаться противъ поляковъ за русское дѣло. Всѣ украинные города пристали къ Ляпунову. Въ своемъ увлеченіи Ляпуновъ вездѣ преслѣдовалъ только одну свою высокую цѣль—спасеніе погибающаго отечества—и братался съ такими людьми, какъ Заруцкій и Сапѣга, для будущей гибели своей и своего дѣла.

Въ началѣ марта 1611 года Ляпуновъ, уже шелъ къ столицѣ, соединяясь по дорогѣ съ разными ополченіями городовъ. Въ Москвѣ

давно происходила тревога. Съ самаго отъѣзда Жолкѣвскаго, для жителей ея начались оскорбленія, которыя, увеличиваясь все болѣе и болѣе, переполнили мѣру народнаго терпѣнія и подготовили общее возстаніе. Душою послѣдняго былъ патріархъ Гермогенъ, заключенный, наконецъ, по вліянію тушинскаго злодѣя Салтыкова, подъ стражу. Возбужденіе умовъ въ столицѣ, достигнувъ крайняго предѣла, разрѣшилось народнымъ возстаніемъ 19-го марта, во вторникъ на Страстной недѣлѣ. Поляки видѣли себя окруженными негодовавшимъ народомъ и были осторожны, держали Москву въ строгомъ осадномъ положеніи, имѣя наготовѣ, на всѣхъ площадяхъ, пѣшія и конныя сотни. Между тѣмъ, въ московскія слободы успѣли пробраться передовые отряды народнаго ополченія—ратники Ляпунова, а также Пожарскій, Бутурлинъ и Колтовской съ отрядами, чтобы поддержать москвичей, въ случаѣ схватки ихъ съ поляками.

Наступило 19 марта. Народное возбужденіе въ столицѣ еще сдерживалось; до сихъ поръ русскіе показывали видъ, что ничего не ждутъ и все обстоитъ обычнымъ порядкомъ. Московскіе торговцы отворили свои лавки. Народъ сходился на рынкахъ. Одно только было необычно: на улицѣ съѣхалось очень много извощиковъ. Поляки смекнули, что это дѣлается для того, чтобы загородить улицы и не дать полякамъ развернуться, когда придетъ русское ополченіе. Поляки стали принуждать собравшихся извощиковъ втаскивать пушки на стѣны Кремля и Китай-города. Извощики отказались. Началась драка. За тѣхъ и другихъ заступились свои. Нѣмецкій отрядъ, перешедшій при Клушинѣ къ полякамъ и находившійся теперь въ Кремлѣ, полагая, что вспыхнуло народное возстаніе, ринулся на толпу и сталъ бить русскихъ; поляки послѣдовали примѣру нѣмцевъ, и началась страшная рѣзня безоружнаго народа въ Китай-городѣ. Раздался по всѣмъ московскимъ церквамъ набатный звонъ, призывавшій русскихъ къ возстанію; вся Москва поднялась какъ одинъ человѣкъ; народъ бросился въ Бѣлый-городъ, гдѣ успѣлъ собраться и вооружиться; поляки и нѣмцы ринулись сюда же; народу помогли ратные люди, пробравшіеся въ слободы, и закипѣла отчаянная сѣча. Вотъ какъ описываетъ это кровавое событіе, прозванное потомъ „московскою разрухою“ (разореніемъ), самовидецъ и участникъ его, полякъ Маскевичъ *).

„...И такъ 29 марта **), во вторникъ на Страстной недѣлѣ, завязалась битва, сперва въ Китай-городѣ, гдѣ вскорѣ наши перерѣзали людей торговыхъ (тамъ однихъ лавокъ было до 40.000), потомъ въ Бѣломъ-городѣ; тутъ намъ управиться было труднѣе: здѣсь посадъ об-

*) Устряловъ: „Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ. Дневникъ Маскевича“.

**) По старому стилю—19 марта

ширнѣе и народъ воинственнѣе. Русскіе свезли съ башенъ полевыя орудія и, разставивъ ихъ по улицамъ, обдавали насъ огнемъ. Мы кинемся на нихъ съ копьями, а они тотчасъ загородятъ улицу столами, лавками, дровами; мы отступимъ, чтобы выманить ихъ изъ-за ограды,— они преслѣдуютъ насъ, неся въ рукахъ столы и лавки и лишь только замѣтятъ, что мы намѣреваемся обратиться къ бою, немедленно заваливаютъ улицу и подъ защитою своимъ загородокъ стрѣляютъ по насъ изъ ружей; а другіе, будучи въ готовности, съ кровель и заборовъ, изъ оконъ, бьютъ насъ самопалами, камнями, дрекольемъ... Жестоко поражали насъ изъ пушекъ со всѣхъ сторонъ, ибо, по тѣснотѣ улицъ, мы раздѣлились на четыре или на шесть отрядовъ. Каждому изъ насъ было жарко; мы не могли и не умѣли придумать, чѣмъ пособить себѣ въ такой бѣдѣ, какъ вдругъ кто-то закричалъ: огня! огня! жги домы!... Пожаръ занялся и погналъ русскихъ изъ засадъ... На другой день отданъ былъ приказъ зажечь весь городъ, гдѣ только можно... Пламя охватило дома и, раздуваемое жестокимъ вѣтромъ, гнало русскихъ... Уже вся столица пылала; пожаръ былъ такъ лютъ, что ночью въ Кремлѣ было свѣтло, какъ въ самый ясный день; а горѣвшіе домы имѣли такой страшный видъ и такое испускали зловоніе, что Москву можно было уподобить только аду, какъ его описываютъ. Мы были тогда безопасны: огонь охранялъ насъ"...

Согласно разсказываютъ объ этомъ событіи и наши лѣтописцы. Они говорятъ, что на Страстной недѣлѣ во вторникъ, 19 марта, на разсвѣтѣ, поляки начали побивать москвичей сначала въ Китай-городѣ, въ торговыхъ рядахъ. Изъ Китай-города пошли къ Тверскимъ воротамъ, но тамъ встрѣтили сильный отпоръ со стороны стрѣльцовъ, которые не выпустили ихъ изъ города. Отсюда они кинулись на Срѣтенку, но здѣсь были остановлены отрядомъ Пожарскаго, въ соединеніи съ пушкарями (по близости былъ пушечный дворъ). При помощи пушекъ Пожарскій отбилъ враговъ, *втоптали* ихъ обратно въ Китай-городъ и поспѣшно устроилъ острожекъ—крѣпостцу у церкви Введенія Богородицы (на Лубянкѣ). Иныя польскія роты бросились на Кулишки, но тамъ заперъ имъ выходъ изъ города Иванъ Бутурлинъ, стоявшій у Яузскихъ воротъ. Опустошивъ Кулишки, враги перебрались за Москву рѣку, но и тамъ встрѣтили отпоръ отъ Ивана Колтовскаго. Послѣ того занялся пожаръ. На другой день, на помощь полякамъ, прибылъ отъ Можайска Струсь съ своимъ полкомъ. Въ этотъ же день, 20-го числа, на Срѣтенкѣ вновь завязалась жестокая битва; цѣлый день Пожарскій отбивался изъ своего острожка отъ нападеній поляковъ, но наконецъ былъ изранепъ и отвезенъ въ Троицкій монастырь.

Въ продолженіе трехъ дней, большая часть Москвы сгорѣла. Торчали только стѣны Бѣлаго-города съ башнями, множество почернѣв-

шихъ отъ дыма церквей, печи уничтоженныхъ домовъ и подклѣти. Поляки засѣли въ нѣкоторыхъ башняхъ Бѣлаго-города, въ Китай городѣ и Кремлѣ.

25-го марта собралось уже къ уничтоженной столицѣ все народное ополченіе, числомъ до 100 тыс. человѣкъ, и расположилось близъ Симонова монастыря, оградивъ себя гуляй-городами. 1-го апрѣля войско подступило къ стѣнамъ Бѣлаго-города и стало лагерями: Ляпуновъ съ рязанскимъ ополченіемъ у Яузскихъ воротъ, Трубецкой и Заруцкій съ казаками противъ Воронцовскаго поля, костромскіе и ярославскіе воеводы у Покровскихъ воротъ, суздальское ополченіе Измайлова у Срѣтенскихъ и муромское ополченіе Мосальскаго у Тверскихъ. Въ слѣдующіе четыре дня они заняли большую часть стѣнъ Бѣлаго-города незамѣтно для поляковъ, у которыхъ осталось въ этихъ стѣнахъ только 5 башенъ съ воротами. Съ 6-го апрѣля начались ежедневныя схватки и стычки. Ляпуновъ храбростью и распорядительностью превосходилъ всѣхъ русскихъ воеводъ; полякамъ уже пришлось плохо: всѣ ворота въ стѣнахъ Бѣлаго-города были отняты у нихъ и, осажденные въ Китай-городѣ и въ Кремлѣ, они терпѣли голодъ, и должны были, съ боя, добывать продовольствіе себѣ и лошадямъ. Въ началѣ мая, на Поклонной горѣ расположился лагеремъ Сапѣга со своими польскими ротами, и сначала завелъ переговоры съ русскими народными вождями. Не сойдясь съ послѣдними, онъ напалъ на ополченіе, но былъ отбитъ и передался на сторону Гонсѣвскаго. Однако онъ и ему пользы не принесъ: соскучась стоять подъ Москвою, гдѣ нечего было грабить, Сапѣга ушелъ къ Переславлю-Залѣсскому.

Положеніе осажденныхъ становилось затруднительнымъ. Чтобы скрыть отъ осаждавшихъ ничтожное число своихъ войскъ, поляки стали распускать слухъ, что литовскій гетманъ Ходкевичъ идетъ къ Москвѣ съ большими силами.

Однако никто не шелъ на помощь Гонсѣвскому: Ходкевичъ былъ далеко, король Сигизмундъ еще стоялъ подъ Смоленскомъ, который онъ такъ жалко и безуспѣшно осаждалъ уже 1 годъ и 8 мѣсяцевъ (съ сентября 1609 года). Переговоры его съ московскими послами не привели ни къ чему: послѣдніе ни на что не соглашались, кромѣ прежнихъ своихъ условій. Озлобленный упорствомъ русскихъ пословъ, король отправилъ ихъ плѣнниками въ Польшу и рѣшилъ покончить съ Смоленскомъ. Положеніе защитниковъ послѣдняго было крайне затруднительно, вслѣдствіе разнаго рода недостатковъ, а главное—вслѣдствіе сильно распространившейся между ними болѣзни (цынги). Однако осажденные не думали о сдачѣ. Но одинъ перебѣжчикъ отъ нихъ указалъ непріятелямъ часть городской стѣны, построенную наскоро, въ сырую осеннюю пору, и потому непрочную. Туда и былъ обращенъ

огонь непріятельскихъ орудій. Стѣна была разбита и произведенный въ ночь на 3-е іюня общій приступъ увѣнчался наконецъ успѣхомъ: поляки ворвались въ городъ. Шеинъ долженъ былъ сдаться. Часть же смольнянъ, заперлась въ соборномъ храмѣ и, зажегши находившійся въ погребахъ подъ нимъ порохъ, взорвали себя на воздухъ. Доблестнаго защитника Смоленска, воеводу Шеина, сначала допрашивали, подъ пыткою, по 27 допроснымъ пунктамъ, а потомъ отправили плѣнникомъ въ Литву.

По взятіи Смоленска, Сигизмундъ не двинулся къ Москвѣ, а долженъ былъ распустить свое войско и воротился въ Варшаву. Здѣсь, въ торжествахъ по случаю взятія Смоленска, забыли, что въ Москвѣ горсть поляковъ была осаждена многочисленнымъ непріятелемъ. Однако, какъ мы видѣли, первому русскому ополченію не суждено было освободить Москву. Начались раздоры. Неразборчивость Ляпунова въ выборѣ товарищей, скоро возымѣла печальныя послѣдствія. Подмосковное войско составило приговоръ, по которому правителями, не только войска, но и всей Русской земли, временно, назначили трехъ предводителей: Дмитрія Трубецкого, Прокопія Ляпунова и Заруцкаго. Первымъ считался Трубецкой, какъ болѣе знатный по рожденію, но всѣмъ распоряжался Ляпуновъ. Крутой нравомъ и настойчивый, уважаемый, но не любимый за свою гордость, Ляпуновъ не разбиралъ лицъ родовитыхъ и неродовитыхъ, богатыхъ и бѣдныхъ. Когда обращались къ нему разныя лица, онъ заставлялъ ихъ дожидаться очереди, стоя у его избы, а самъ занимался дѣлами, и никакому знатному лицу не оказывалъ настолько предпочтенія, чтобы выслушать его не въ очередь. Онъ строго преслѣдовалъ неповиновеніе, своевольства и всякое безчинство; хищники, имъ унимаемые, пылали злобою и замышляли убійство, въ надеждѣ угодить многимъ личнымъ врагамъ этого замѣчательнаго человѣка. Всего болѣе вооружилъ онъ противъ себя казаковъ и ихъ предводителя Заруцкаго. Ляпуновъ не позволялъ имъ своевольничать, и за всякое безчинство казнилъ жестоко. Этою ненавистью къ нему казаковъ съумѣлъ воспользоваться Гонсѣвскій, чтобы погубить Ляпунова, наиболѣе для него опаснаго изъ всѣхъ русскихъ воеводъ. Онъ подослалъ въ станъ казаковъ подложную грамоту отъ имени Ляпунова во всѣ города, въ которой тотъ, будто бы, писалъ: „гдѣ поймаютъ казака—бить и топить“. Казаки, озлобленные противъ него и прежде, а теперь подстрекаемые Заруцкимъ взволновались и убили Ляпунова.

Со смертью его рушилось и начатое имъ дѣло освобожденія Москвы. Лишившись достойнаго предводителя, русское ополченіе распалось: тѣ, которые правдиво служили въ немъ вѣрѣ и отечеству, разошлись по своимъ городамъ. Заруцкій и Трубецкой съ казаками, остались подъ Москвою, но присягнули новому самозванцу — бѣглому діа-

кону Исидору, принявшему во Псковѣ имя царевича Димитрія. Злодѣйства казаковъ возобновились, и не только въ селахъ, но и въ станѣ подъ Москвою, гдѣ они умертвили многихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ. Казань и вятскіе города провозгласили царемъ сына Марины, а Новгородъ—сына шведскаго короля Карла IX, Филиппа, и передался генералу Делагарди. Подъ Москву снова пришелъ (4 августа) Сапѣга съ продовольственными запасами отъ Переяславля, а Гонсѣвскій сдѣлалъ вылазку. Напали дружно на осаждавшихъ, и снова взяли все отъ Алексѣевской башни до Тверскихъ воротъ, весь Бѣлый-городъ и всѣ укрѣпленія за Москвою-рѣкой. Сапѣга вошелъ въ Кремль съ запасами и съ побѣдой, но вскорѣ послѣ этого онъ заболѣлъ и умеръ въ Кремлѣ 4 сентября. Положеніе Гонсѣвскаго ухудшалось: войска его утратили порядокъ и дисциплину. Пришедшій на помощь къ нему, долго ожидавшійся литовскій гетманъ Ходкевичъ, привелъ съ собою ничтожныя силы—около 2.000 человѣкъ конницы, изнуренной трудами военнаго похода. Съ наступленіемъ зимы, поляки снова начали ощущать сильный недостатокъ въ продовольствіи для людей и въ фуражѣ. Поэтому Ходкевичъ отступилъ отъ Москвы къ монастырю Рогачеву (въ 20 верстахъ отъ Ржева). Съ нимъ отошло не мало поляковъ отъ Москвы. Настало на Руси то ужасное время, которое русскій народъ въ своей памяти прозвалъ—*„лихолѣтьемъ“*. Подъ Москвою земскіе люди терпѣли отъ поляковъ и отъ казаковъ всякаго рода насилія. Казаки расходились изъ-подъ Москвы по окрестностямъ и разоряли русскія земли. Повсюду шатались польскія шайки, жли селенія, убивали и мучили жителей. Зимою положеніе народа стало ужаснымъ: лишившись жилищъ, многіе русскіе замерзали по полямъ и дорогамъ. Въ это время изъ удальцовъ образовались шайки, называвшіяся „щишами“, которыя начали нападать на поляковъ нежданными налетами, открывъ противъ нихъ партизанскую войну.

Однако движеніе, поднятое патріархомъ Гермогеномъ и Ляпуновымъ, не было подавлено неудачами. Нравственныя силы народа были напряжены попрежнему и попрежнему раздавались увѣщанія къ единодушному стоянію за вѣру и отечество. Прежде къ этому призывалъ всѣхъ патріархъ Гермогенъ, а теперь, когда онъ былъ въ заключеніи,—Троицко-Сергіевской лавры архимандритъ Діонисій и келарь Авраамъ Палицынъ. Еще лѣтомъ 1611 года Діонисій разослалъ грамоты въ Казань, во всѣ низовые города, въ Вологду, Пермь, Поморье и Новгородъ, увѣщевая ихъ, не мѣшкая, присылать къ Москвѣ ратныхъ людей и пособія деньгами. Въ октябрѣ разосланы были по городамъ новыя подобныя же грамоты. Воззванія Діонисія ободряли народный духъ, падавшій подъ гнетомъ ужасныхъ бѣдствій, и не остались безъ дѣйствія. Вездѣ, куда только достигали онѣ, всѣ сословія народныя были готовы стать,

какъ одинъ человѣкъ, на спасеніе родной земли, на очищеніе ея отъ внѣшнихъ враговъ. Первыми поднялись нижегородцы съ своимъ земскимъ старостой Козьмой Захарычемъ Мининымъ-Сухорукимъ: нижегородцы кличъ кликнули по вольныхъ служилыхъ людей для сбора ополченія и опредѣлили особый денежный сборъ на содержаніе ратныхъ людей. Предводителемъ ополченія рѣшили выбрать воеводу, который бы въ ратномъ дѣлѣ былъ искусенъ и прежде не объявлялся въ измѣнѣ. По совѣту Минина, всѣ остановились на стольникѣ, князѣ Димитріи Михайловичѣ Пожарскомъ, находившемся въ то время въ своей вотчинѣ въ Линдехѣ, въ 120 верстахъ отъ Нижняго. Этотъ князь происходилъ изъ стародубскихъ князей Суздальской земли, не игралъ важной роли въ предшествовавшія времена, и исполнялъ въ военномъ дѣлѣ второстепенныя порученія. Но за то не лежало на немъ никакой неправды, не приставалъ онъ къ тушинскому вору и не просилъ милостей у польскаго короля. По прибытіи въ Нижній Пожарскаго, отправлены были во всѣ стороны гонцы съ грамотами; въ нихъ описывалось несчастное положеніе Московскаго государства. Русскіе всѣхъ городовъ призывались стать за-одно съ нижегородцами. Повсюду въ городахъ, читались нижегородскія грамоты на народныхъ сходкахъ, постановлялись приговоры, собирали деньги на жалованье ратнымъ людямъ. Затѣмъ начали прибывать въ Нижній и ополченія изъ ближайшихъ городовъ. Пришли туда дѣти боярскія изъ Арзамаса, пришло рязанское ополченіе. Въ Казани еще медлили, такъ какъ тамъ люди, прежде служившіе тушинскому вору, умышленно противодѣйствовали Минину.

Въ концѣ 1611 года, нижегородское ополченіе вышло изъ Нижняго вверхъ по Волгѣ. Балахна, Юрьевецъ, Кинешма, дали Минину свою казну и присоединились къ нижегородцамъ со своими ополченіями. Въ Костромѣ воевода Иванъ Шереметевъ, оставаясь вѣрнымъ Владиславу, хотѣлъ было сопротивляться, но костромичи выдали его Пожарскому и присоединились къ нижегородцамъ.

Вѣсть о новомъ ополченіи встревожила одинаково и осажденныхъ поляковъ въ Москвѣ, и осаждавшихъ казаковъ. Поляки потребовали отъ патріарха, чтобы онъ написалъ увѣщаніе нижегородцамъ и приказалъ имъ оставаться въ вѣрности Владиславу. Гермогенъ отвѣчалъ благословеніемъ ополченія и проклятіемъ измѣнниковъ, за что и подвергся болѣе тѣсному заключенію; 17-го февраля онъ умеръ, какъ говорятъ современники, голодною смертью.

Въ первыхъ числахъ апрѣля, ополченіе заняло Ярославль, весьма важный пунктъ, обезпечивавшій сообщеніе съ сѣверными областями. Отсюда разосланы были по городамъ новыя грамоты. Въ Ярославль стали пріѣзжать толпы служилыхъ людей, а посадскіе люди привозили денежную казну. Но походомъ подъ Москву все еще медлили. Архи-

мандритъ Діонисій и Авраамій Палицынъ, зорко слѣдившіе за тѣмъ, что дѣлалось у поляковъ, торопили князя Пожарскаго идти скорѣе къ Москвѣ на соединеніе съ княземъ Трубецкимъ. Польскій гарнизонъ въ Кремлѣ былъ немногочисленъ, и отъ дурныхъ распоряженій постоянно терпѣлъ недостатокъ во всемъ. Солдаты роптали, что имъ не даютъ жалованья; часть буйныхъ сподвижниковъ умершаго Сапѣги ушла въ Польшу грабить королевскія имѣнія. Гонсѣвскаго въ маѣ мѣсяцѣ смѣнилъ Струсь, а гетманъ Ходкевичъ ходилъ съ своимъ войскомъ по Московской землѣ собирать запасы. Силы поляковъ въ Русской землѣ были тогда немногочисленны и разрознены, но могли въ непродолжительное время значительно увеличиться, такъ какъ носились слухи, что въ Москву придетъ король съ сильнымъ войскомъ. Нужно было дѣйствовать рѣшительно, чтобы предупредить прибытіе короля и овладѣть столицею. Но Пожарскій еще медлилъ походомъ къ Москвѣ: сборъ ратныхъ людей изъ отдаленныхъ областей требовалъ значительнаго времени. Многая рать черкасъ (малороссійскихъ казаковъ) прошла въ ту пору къ Антоньеву монастырю (близъ Краснаго Холма, 30 верстъ отъ Бѣжецка) и тамъ остановилась. Угличъ и Пошехонье заняли казаки. Съ Новгородской стороны пришли шведы и заняли Тихвинъ. Слѣдовательно, Пожарскій не могъ спѣшить къ Москвѣ, долженъ былъ выяснить окружавшія его обстоятельства, обезпечить тылъ свой отъ казацкихъ шаекъ, разбойничавшихъ въ сѣвернымъ уѣздахъ, и обезопасить себя отъ шведовъ, занимавшихъ Новгородъ и Тихвинъ. На черкасъ и казаковъ послали ратныхъ людей. Шведовъ рѣшили занять переговорами на счетъ избранія на Московскій престолъ королевича Карла-Филиппа.

Наконецъ, послѣ 26 іюля, когда ополченіе начало собираться въ походъ отъ Ярославля, открылся заговоръ казаковъ Заруцкаго на жизнь Пожарскаго, и послѣдній едва не погибъ отъ ножа убійцы. Случай этотъ показалъ князю и ополченію, что подъ Москвою ихъ ждали, подъ видомъ союзниковъ, тайные враги и низкіе убійцы. Но медлить походомъ было нельзя, такъ какъ приходили вѣсти о приближеніи къ Москвѣ Ходкевича, и необходимо было спасти дворянъ и боярскихъ дѣтей, находившихся подъ Москвою, отъ убійства казаковъ. Къ счастью, число послѣднихъ подъ Москвою очень уменьшилось: Заруцкій съ преданными ему казаками покинулъ станъ, разгромилъ Коломну, взялъ находившуюся здѣсь Марину съ сыномъ, и пошелъ на юго-востокъ къ степямъ— приволью казаковъ и самозванцевъ. Выдвинувъ впередъ два отряда, Пожарскій и Мининъ, въ концѣ іюля, выступили къ Москвѣ съ главнымъ ополченіемъ на Ростовъ и Троицкій монастырь. 20-го августа, передъ вечеромъ, войско прибыло къ Москвѣ и, не доходя 5 верстъ до нея, остановилось на рѣкѣ Яузѣ. Трубецкой нѣсколько разъ присылалъ звать Пожарскаго стать станомъ вмѣстѣ съ казаками, но Пожарскій и все

ополченіе каждый разъ отвѣчали:—„отнюдь не бывать тому, чтобы намъ стать вмѣстѣ съ казаками". Трубецкой и казаки обидѣлись этимъ и вознегодовали, и такимъ образомъ подъ Москвою явилось два ополченія, повидимому, съ одною и тою же цѣлью, но существенно отличныя одно отъ другого и по составу, и по духу, и другъ другу враждебныя. Земское ополченіе стало вдоль Бѣлогородской стѣны до Алексѣевской башни на Москвѣ-рѣкѣ; главное ядро его было у Арбатскихъ воротъ: тамъ стояли главныя силы Пожарскаго и Минина. Заложивши станъ, ратные люди окопали его рвомъ. Казаки занимали восточную и южную часть Бѣлаго-города и Замоскворѣчья, которое все нарочно было изрыто рвами, а во рвахъ должна была сидѣть казацкая пѣхота.

· 21-го августа Пожарскій узналъ о движеніи Ходкевича изъ Вязьмы къ Москвѣ, а вечеромъ этого дня гетманъ стоялъ уже на Поклонной горѣ. Чтобы преградить ему дорогу въ Кремль, ополченіе Пожарскаго стало на лѣвомъ берегу Москвы-рѣки, подлѣ Дѣвичьяго монастыря, а ополченіе Трубецкого—на правомъ, у Крымскаго двора. Для атаки непріятеля во флангъ, Трубецкой просилъ у Пожарскаго нѣсколько конныхъ сотенъ; послѣдній выбралъ и послалъ ему 5 лучшихъ сотенъ. На разсвѣтѣ 22-го числа Ходкевичъ перешелъ черезъ Москву-рѣку у Дѣвичьяго монастыря и напалъ на Пожарскаго. Бой между ними продолжался отъ восхода солнца, цѣлыхъ 7 часовъ, и грозилъ окончиться неудачей для Пожарскаго. Послѣдній былъ уже оттѣсненъ къ Чертольскимъ воротамъ и видя, что конница его была не въ состояніи бороться съ польскою, приказалъ ей спѣшиться. Но въ этомъ непривычномъ ей пѣшемъ строѣ, она едва могла сдерживать натискъ поляковъ. Между тѣмъ Трубецкой бездѣйствовалъ, и казаки его, стоявшіе на другомъ берегу, спокойно смотрѣли на битву и даже нагло ругались надъ ополченіемъ Пожарскаго. Однако головы присланныхъ Трубецкому 5-ти русскихъ конныхъ сотенъ не выдержали и безъ приказанія двинулись черезъ рѣку на выручку; примѣръ ихъ увлекъ и нѣкоторыхъ атамановъ Трубецкого. Прибытіе во время этихъ свѣжихъ войскъ рѣшило бой въ пользу Пожарскаго, и Ходкевичъ отступилъ обратно къ Поклонной горѣ. Произведенная поляками въ этотъ день вылазка изъ Кремля была также отбита.

На другой день поляки произвели удачную вылазку изъ Китай-города, переправились черезъ Москву-рѣку и взяли русскій острогъ у церкви Св. Георгія (въ Яндовѣ), распустивъ на ея колокольнѣ польское знамя. Ходкевичъ въ этотъ день перешелъ къ Донскому монастырю, чтобы пробиться къ городу и провезти запасы въ Кремль, по Замоскворѣчью, черезъ нынѣшнія Ордынскую и Пятницкую улицы. Трубецкой и Пожарскій расположились въ этотъ день: первый—вдоль берега Москвы-рѣки, начиная отъ Лужниковъ (старыхъ); а одинъ казачій отрядъ его зани-

малъ острогъ у церкви Св. Климента (на Пятницкой). Второй же съ съ большею частью ополченія, переправился на Замоскворѣчье. 24-го августа, на разсвѣтѣ, начался бой. Казаки въ рѣшительную минуту опять отказались биться и ушли въ свой станъ. Положеніе Пожарскаго стало затруднительнымъ. Но Авраамію Палицыну удалось уговорить казаковъ принять участіе въ битвѣ. Общими силами ополченія и казаковъ и, особенно, благодаря смѣлой атакѣ Минина съ 3-мя дворянскими сотнями въ тылъ непріятеля, Ходкевичъ былъ снова отбитъ и отступилъ на Воробьевы горы.

25-го августа, во вторникъ, восходящее солнце освѣтило уже отступленіе Ходкевича по дорогѣ къ Можайску и въ Москвѣ осталась лишь горсть поляковъ, осажденныхъ въ Китай-городѣ и Кремлѣ, и отрѣзанныхъ отъ всѣхъ средствъ продовольствія. Оставалось только окончательно стѣснить ихъ и принудить къ сдачѣ.

Послѣ побѣды надъ литовскимъ войскомъ, Пожарскій съ Трубецкимъ помирились, потому что первый, скромный и уступчивый, уступилъ первенство второму, какъ старшему по чину. Однако, казаки все еще не ладили съ земскими людьми, и не давали покоя дворянамъ Пожарскаго. Они постоянно требовали жалованья и волновались въ случаѣ отказа, кричали, что побьютъ начальныхъ людей; едва между ними и дворянами не дошло до боя. Въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ, явился на помощь русскому дѣлу архимандритъ Троицкаго монастыря Діонисій, умиротворившій казаковъ, и тѣмъ водворившій согласіе между ополченіями. Съ этого времени рѣшено было вести осаду сообща, и управлять дѣлами вмѣстѣ, съѣзжаясь для совѣщаній на Неглинной, на „Трубѣ“. Кремль и Китай-городъ были осаждены со всѣхъ сторонъ. 15-го сентября Пожарскій предложилъ полякамъ сдаться, обѣщая отпустить тѣхъ, которые захотятъ воротиться въ свою землю, а которые пожелаютъ вступить на русскую службу—принять въ нее. Но осажденные, все еще ожидавшіе возвращенія Ходкевича, дали гордый и грубый отвѣтъ на это, несмотря на то, что продовольственные запасы у нихъ приходили уже къ концу и имъ грозила голодная смерть. 22-го октября казаки взяли приступомъ Китай-городъ; но въ Кремлѣ поляки держались еще мѣсяцъ. Наконецъ, около 22-го ноября, осажденные въ Кремлѣ, доведенные голодомъ до послѣдней крайности, вступили въ переговоры, требуя только сохраненія имъ жизни, что и было имъ обѣщано.

27-го ноября русскія ополченія собрались: Трубецкого—у церкви Казанской Божіей Матери за Покровскими воротами; а Пожарскаго—у церкви Іоанна Милостиваго, на Арбатѣ, и вслѣдъ за крестами и образами двинулись, съ двухъ разныхъ сторонъ, въ Китай-городъ, въ сопровожденіи московскихъ жителей. Оба войска сошлись на Красной площади, у Лобнаго мѣста, и въ то время, когда Архимандритъ Діонисій

началъ служить благодарственный молебенъ, изъ Фроловскихъ (Спасскихъ) воротъ показался крестный ходъ изъ Кремля. Послѣ молебна войско и народъ двинулись въ Кремль. Обѣднею и молебномъ въ Успенскомъ соборѣ окончилось великое народное торжество освобожденія Москвы. Плѣнныхъ поляковъ разослали по разнымъ городамъ.

Вскорѣ, однако, пришла вѣсть въ Москву, что на Московское государство идетъ король Сигизмундъ съ сыномъ и находится уже въ Вязьмѣ. Серьезное опасеніе овладѣло снова воеводами за участь Московскаго государства, потому что почти всѣ ратные люди разъѣхались; а съ немногими оставшимися нельзя было разсчитывать ни на побѣду въ полѣ, ни на успѣшную оборону въ Москвѣ, за неимѣніемъ въ послѣдней достаточнаго продовольствія. Однако, несмотря на это, они рѣшились отразить непріятеля, и когда отрядъ Жолкѣвскаго приблизился къ Москвѣ, то его встрѣтили мужественно и отбили. Сигизмундъ, имѣя лишь незначительныя силы, не разсчитывалъ овладѣть Москвою, и рѣшилъ взять, по крайней мѣрѣ, Волоколамскъ (для чего именно—непонятно) приступомъ. Но осажденные, предводимые атаманами Марковымъ и Епанчинымъ, защищались съ такимъ упорствомъ, что отбили три жестокіе приступа, съ большимъ урономъ для непріятеля. Видя и тутъ неудачу, король Сигизмундъ снялъ осаду и отступилъ въ Польшу.

Москва возликовала объ очищеніи государства отъ иноземнаго вторженія и отъ казаковъ Заруцкаго. Послѣдній взялъ приступомъ Переяславль-Рязанскій, но былъ на-голову разбитъ Михаиломъ Бутурлинымъ, и принужденъ окончательно бѣжать. 21-го декабря извѣщалось по всей Руси объ избавленіи Москвы; а вслѣдъ затѣмъ, посланы были грамоты во всѣ города, чтобы отовсюду посылали въ Москву лучшихъ и разумныхъ людей, для избранія государя. 21-го февраля 1613 года, на земскомъ соборѣ, единогласно провозглашенъ былъ царемъ *Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ*.

ГЛАВА XIX.

Состояніе военнаго дѣла на Руси при царяхъ Борисѣ Оеодоровичѣ Годуновѣ, Василіи Іоанновичѣ Шуйскомъ и, вообще, въ началѣ XVII ст. — Составъ войскъ, ихъ одежда и вооруженіе. — Пограничная служба. — Иноземныя войска. — Внутреннее устройство русскихъ войскъ. — Характеръ веденія войнъ. — Первыя сочиненія по военному искусству: Воинская книга и Уставъ ратныхъ, пушечныхъ и другихъ дѣлъ.

Наконецъ-то прекратилась жестокая междуусобная война Смутнаго времени, терзавшая Россію въ теченіе восьми лѣтъ. Въ заключеніе краткаго очерка военныхъ дѣйствій бросимъ бѣглый взглядъ на состояніе военнаго дѣла въ Россіи въ эту печальную эпоху.

Военное устройство Московскаго государства, во всѣхъ отношеніяхъ оставалось безъ измѣненія, на тѣхъ же началахъ, на которыхъ оно постепенно развилось въ теченіе полутора вѣка, начиная съ Іоанна III, упрочилось и приняло болѣе законченную форму при Іоаннѣ IV Грозномъ. По смерти послѣдняго, Борисъ Годуновъ и Василій Іоанновичъ Шуйскій, старались дать русскимъ войскамъ европейское устройство. Съ этою цѣлью, первый, принималъ въ русскую службу иноземцевъ; а второй издалъ, переведенный съ нѣмецкаго и латинскаго языковъ — *Уставъ дѣлъ ратныхъ*. Но всѣ эти попытки, среди внутреннихъ смутъ и переворотовъ конца XVI и начала XVII столѣтій, не имѣли времени развиться, и потому остались безъ всякихъ послѣдствій и успѣха.

Основною частью русскаго войска, попрежнему, было сословіе дворянъ и дѣтей боярскихъ, составившее многочисленный и лучшій родъ войска на Руси—конницу. Значительная часть ея, изъ московскихъ дворянъ и *жильцовъ* *), попрежнему, находилась постоянно въ Москвѣ, составляя, вмѣстѣ съ конными стрѣльцами, царскій полкъ, простиравшійся отъ 18 до 20.000 человѣкъ. Въ составъ конницы входили также ново-

*) См. рис. №№ 48 и 49.

крещенные, князья и мурзы татарскіе, получившіе помѣстья, конные городовые казаки и конные даточные люди, набиравшіеся на время войны съ тяглыхъ, а иногда и нетяглыхъ посадскихъ и съ крестьянскихъ дворовъ разныхъ вѣдомствъ, не исключая монастырскихъ и церковныхъ. Къ числу коннаго войска относилась и часть стрѣльцовъ, именно *стремянные*. По свидѣтельству Маржерета, въ Москвѣ находилось до 10.000 стрѣльцовъ, которые составляли царскую гвардію. Отрядъ этотъ подчинялся одному воеводѣ, раздѣляясь на приказы, т.-е. роты, въ 500 человѣкъ каждая. Ротой завѣдывалъ *голова*, сотнею — *сотникъ*, а десяткомъ—*десятникъ*. Слѣдовательно, по прежнему, существовала десятичная система. Когда Царь отправлялся за городъ, хотя бы не далѣе 6 или 7 верстъ, большая часть стрѣльцовъ слѣдовала за нимъ на коняхъ изъ царской конюшни; по словамъ Маржерета, коней давали стрѣльцамъ и тогда, когда посылали ихъ на войну или для охраненія городовъ. Паерле, въ своихъ запискахъ, также упоминаетъ о конныхъ стрѣльцахъ. Въ 1606 году, 11-го мая, во время торжественнаго въѣзда въ Москву Марины Мнишекъ, онъ видѣлъ отрядъ въ 2.000 конныхъ стрѣльцовъ, въ красныхъ суконныхъ кафтанахъ, съ бѣлою на груди перевязью, съ луками и стрѣлами на одной сторонѣ и съ ружьями, привязанными къ сѣдлу, на другой *).

Что касается донскихъ казаковъ, явившихся въ составѣ русскаго войска въ половинѣ XVI вѣка, то отношенія къ нимъ московскаго правительства, установившіяся при Іоаннѣ IV и Ѳеодорѣ, измѣнились при Борисѣ Годуновѣ. Послѣдній, прекратилъ выдачу казакамъ жалованья, прервалъ всякія сношенія съ ними, и запретилъ имъ пріѣздъ въ русскіе предѣлы и города. Слѣдствіемъ этого было то, что казаки, до 1611 года, дѣйствовали за-одно съ самозванцами и врагами Руси. Но въ 1611 году они перешли на сторону ея защитниковъ; а въ 1612 году много способствовали освобожденію Москвы отъ поляковъ.

Составъ пѣхоты оставался прежній. Постоянную и, притомъ, лучшую часть ея, составляли стрѣльцы. Затѣмъ, къ ней принадлежали пѣшіе городовые казаки и даточные люди.

Въ составѣ русскаго войска при Борисѣ Годуновѣ было, по свидѣтельству Маржерета, до 30 тыс. вспомогательныхъ войскъ татаръ, черемисъ и мордвы, отъ 3 до 4 тыс. черкасъ (малороссійскихъ казаковъ) и до 1.500 нѣмецкихъ, польскихъ и другихъ наемниковъ.

Размѣръ набора ратниковъ съ помѣстьевъ и вотчинъ, при Борисѣ Годуновѣ, былъ уменьшенъ. Послѣ первыхъ значительныхъ военныхъ успѣховъ Лжедимитрія I, и неудачъ царскаго войска, Борисъ Годуновъ повелѣлъ собрать рать въ Калугѣ подъ начальствомъ князя Мстислав-

*) И. Устряловъ: „Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ"; см. Записки Паерле.

скаго. Указомъ опредѣлилъ размѣръ набора ратниковъ на этотъ разъ и на будущее время, вдвое меньшій сравнительно съ опредѣленнымъ уставомъ Іоанна IV, а именно—по одному конному ратнику, съ доспѣхомъ и запасомъ, съ каждыхъ 200 четвертей *угожей* земли. Тѣмъ же указомъ, обязывались выставленіемъ на службу даточныхъ людей земли духовенства *). Относительно набора даточныхъ людей и срока службы ихъ, попрежнему, не было постоянныхъ правилъ, и правительство руководствовалось дѣйствительною нуждой. Не опредѣлялся также и возрастъ набираемыхъ. Въ грамотѣ Василія Ивановича Шуйскаго 1607 г., говорится только, чтобы даточные люди „были собою добры и молоды, и рѣзвы, и изъ луковъ или изъ пищалей стрѣляти были горазды **). Согласно той же грамоты 1607 года (въ Пермь), даточные люди должны приниматься въ службу, не иначе, какъ за поруками лучшихъ посадскихъ и уѣздныхъ людей.

Наконецъ, въ составѣ русскаго войска находились иноземныя дружины. Первоначальное появленіе иноземныхъ войскъ на службѣ у московскаго правительства относится къ царствованію Ѳеодора Іоанновича, и въ особенности, Бориса Годунова. Послѣдній, сознавая превосходство западныхъ народовъ въ военномъ искусствѣ, охотно принималъ на службу всѣхъ способныхъ иностранцевъ: многіе изъ нихъ сами предлагали услуги русскому правительству, въ надеждѣ пріобрѣсть сокровища въ богатой Московіи; другихъ *приговаривали* наши послы и торговые агенты за границей; остальные, взяты изъ плѣнниковъ прежнихъ войнъ, преимущественно изъ ливонцевъ и поляковъ. Такъ возникла, въ концѣ XVI вѣка, иноземная дружина въ 2.500 человѣкъ. Она получала отъ казны значительное содержаніе денежными и помѣстными окладами, и состояла въ вѣдѣніи своихъ капитановъ, въ числѣ которыхъ, наиболѣе извѣстны французъ Маржеретъ и ливонецъ Вальтеръ фонъ-Розенъ. Димитрій самозванецъ избралъ изъ нея 300 лучшихъ нѣмецкихъ воиновъ, составилъ изъ нихъ 3 сотни, или роты, своихъ тѣлохранителей, однообразно и богато одѣтыхъ и вооруженныхъ. По воцареніи Василія Шуйскаго, иноземная дружина разсѣялась въ разныя стороны; а во время кровавой брани русскихъ за свободу отечества, вожди народнаго ополченія, отклоняли всѣ вызовы иноземцевъ, желавшихъ вступить въ нашу службу, давая знать, что они болѣе ненадобны, что русскіе служатъ и бьются за вѣру и царство безъ жалованья, и спасутъ свою отчизну безъ наемныхъ людей ***).

*) Съ каждой четверти по два ратника, одинъ пѣшій, другой конный. См. Исторію Россіи соч. С. Соловьева, т. 8, стр. 50.

**) См. соч. И. Бѣляева: О русскомъ войскѣ

***) Отвѣтъ князя Пожарскаго Эстону, Гилю и другимъ иностранцамъ въ августѣ 1612 г. Соч. Н. Устрялова: „Русское войско до Петра Великаго“.

Одежда русскихъ войскъ оставалась, конечно, безъ измѣненія и въ разсматриваемую эпоху. За это время имѣются болѣе опредѣленныя свѣдѣнія объ одеждѣ стрѣльцовъ. По свидѣтельству Паерле, они имѣли красную суконную одежду и бѣлыя берендѣйки (перевязь). Въ 1613 году, при вшествіи царя Михаила Ѳеодоровича, пѣшіе стрѣльцы были всѣ въ разноцвѣтной одеждѣ, совершенно похожей на ферезь, только съ отложнымъ назадъ воротомъ. Болѣе богатою была одежда *жильцовъ*, являвшихся въ чрезвычайныхъ случаяхъ при Дворѣ въ видѣ почетной стражи, въ числѣ отъ 50 до 100 и болѣе человѣкъ, и въ особенности *рындъ*. Первые, въ этомъ случаѣ, имѣли разноцвѣтные *терлики*, бархатные, объяринные и атласные, а на головахъ—шапки изъ золотой парчи съ мѣховымъ околышемъ; оружіемъ ихъ были *алебарды* и *протазаны*. Впослѣдствіи, при царяхъ Дома Романовыхъ, въ Москвѣ появился конный отрядъ жильцовъ, съ большими позади плечъ прикрѣпленными *крыльями*, и вооруженный длинными копьями, у которыхъ, вмѣсто употреблявшихся тогда прапорцевъ*), были прикрѣплены металлическіе драконы, золотые или вызолоченные**). Упомянутыя крылья, какъ говорятъ, состояли изъ орлиныхъ перьевъ, воткнутыхъ въ небольшіе брусочки, а эти послѣдніе держались на всадникѣ помощію кожаныхъ ремней или поясовъ, къ которымъ были прикрѣплены. Одеждою *рындъ* были турскіе кафтаны и ферези изъ камки, изъ парчи или изъ краснаго, чаще бѣлаго, бархата; нерѣдко подолъ и полы широко опушали горностаевымъ мѣхомъ. Принадлежностью наряда *рындъ****) была еще высокая бѣлая шапка изъ мѣха, рысьей черевины и бѣлые сапоги.

Вооруженіе войскъ, попрежнему, состояло изъ предохранительнаго, холоднаго и метательнаго оружія и было такъ же разнообразно, какъ и въ прежнее время. Въ началѣ XVII вѣка, присутствіе въ русскихъ войскахъ иноземныхъ дружинъ, и усилившіяся въ это время наши сношенія съ Западомъ, повели ко введенію въ составъ вооруженія русскихъ войскъ новыхъ образцовъ холоднаго оружія, съ западною терминологіей послѣдняго. Однако, подобное вліяніе нисколько не исключало прежнихъ образцовъ нашего вооруженія, и новое холодное оружіе—*алебарда* и *протазанъ*—появляются, сначала, только въ вооруженіи жильцовъ. Алебардою называли широкое металлическое оружіе, въ видѣ топора или полулунія, насаженное на концѣ длиннаго древка, выкрашеннаго или обитаго сукномъ, атласомъ, часто бархатомъ. Протазаны состояли изъ такого же древка, съ широкимъ глухимъ или прорѣзнымъ копьемъ.

---

*) *Прапорцы*, или прапоры—копейные значки, бывшіе встарину въ большомъ употребленіи. Они дѣлались обыкновенно изъ камки, украшались разноцвѣтными и разнообразными изображеніями и походили на флюгера уланъ, только концы имѣли длиннѣе.

**) См. рис. № 48.

***) См. рис. № 50.

Протазаны имѣли всегда, а алебарды только иногда, шелковыя, серебряныя или золотыя кисти.

Каждый полкъ, попрежнему, имѣлъ особое знамя, носившее званіе полка (большого, правой руки, лѣвой и проч.). При Борисѣ Годуновѣ, каждый воевода имѣлъ свое знамя, съ изображеніемъ кого-либо изъ святыхъ, носимое двумя или тремя ратниками.

Оружіе стрѣльцовъ состояло изъ *сабли*, *пищали* или *самопала* и *бердыша*. Часть пѣшихъ стрѣльцовъ состояла изъ *копейщиковъ*. Послѣдніе были вооружены *копьями* и *мечами* и имѣли *желѣзную шапку*. Конные стрѣльцы были вооружены длинными *самопалами* и *саадаками*. Стрѣльцы имѣли знамена въ каждой сотнѣ, и эти знамена назывались *сотенными* или *братскими*.

Особеннымъ богатствомъ одежды и вооруженія отличался нѣмецкій отрядъ тѣлохранителей Димитрія Самозванца, раздѣленный на 3 роты, по 100 человѣкъ въ каждой. Первая рота, которою командовалъ Яковъ Маржеретъ, состояла изъ сотни копьеносцевъ, вооруженныхъ бердышами съ золотымъ гербомъ. Древки, обтянутыя краснымъ бархатомъ, прикрѣпленнымъ вызолоченными серебряными гвоздями, были увиты серебряною проволокой и украшены серебряными и золотыми кистями. Этой сотнѣ, черезъ каждые три мѣсяца, производилось такое жалованье, что воины большею частію могли носить плащи бархатные, обшитые золотымъ позументомъ и, вообще, одѣваться весьма богато. Ливонецъ Кнутсенъ былъ капитаномъ второй роты алебардщиковъ; они имѣли алебарды съ царскимъ гербомъ по обѣимъ сторонамъ, и носили кафтаны фіолетоваго цвѣта, обшитые красными бархатными шнурами; рукава же были изъ красной камки. Третьимъ капитаномъ былъ шотландецъ Альбертъ Вандеманъ; его отрядъ состоялъ также изъ сотни алебардщиковъ, которые оружіемъ не отличались отъ воиновъ второй сотни; но исподнее платье и кафтаны ихъ, имѣли зеленую бархатную обшивку, а рукава были изъ зеленой камки*).

Въ вооруженіи русскихъ войскъ ручнымъ огнестрѣльнымъ оружіемъ въ концѣ XVII или началѣ XVI вѣка, кромѣ *карабиновъ* и *пистолей*, начали появляться *ручницы съ топорами* и *пистоли съ топориками*.

Что касается артилерійскаго дѣла, то таковое, въ разсматриваемую эпоху, конечно, не могло получить того развитія, которое имѣло оно въ царствованіе Грознаго и даже Ѳеодора Іаонновича. Однако, производство орудій не прекращалось въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка. Хотя преемникъ царя Ѳеодора, Борисъ Годуновъ, интересовался болѣе литьемъ колоколовъ, нежели орудій, но и въ его царствованіе, артилерійская часть не останавливалась. Димитрій Самозванецъ, который, по сказанію

*) Лѣтопись московская Мартина Вера. См. Н. Устрялова: „Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ“.

современниковъ, былъ „на враги своя зѣло ополчителенъ и воинство зѣло любляше“,—уже отдалъ приказаніе свозить съ кремлевскихъ стѣнъ весь нарядъ, для какихъ-то праздничныхъ маневровъ, предупрежденныхъ, однако, бунтомъ 17 мая и, какъ бы въ память вниманія своего къ артилерійскому дѣлу, оставилъ по себѣ мортиру, изготовленную въ Москвѣ въ 1605 году мастеромъ Андреемъ Чеховымъ.

Въ бурное царствованіе Василія Шуйскаго, русское артилерійское дѣло, повидимому, не упадало. Такъ, въ 1606 году, когда Иванъ Болотниковъ укрѣпился въ Коломенскомъ, „воеводы,—разсказываетъ современникъ,—по острогу изъ пушекъ биша 3 дни и не могша разбити, занеже въ земли учиненъ крѣпокъ, а отъ огненнаго бою укрывахуся подъ землю, ядра же огненныя утушаху яловичьими сырыми кожами. По семъ же взяша у нихъ языка и увѣдаша вся умышленія ихъ и коварства *и учиниша ядра огненная съ нѣкоторою хитростію, ихъ же погашати невозможно; но и самыхъ убивате ихъ, и тьми огненными ядрами зажгоша острогъ у нихъ; они же оставише острогъ побѣгоша*“ и проч. *). Въ 1609 году, мѣдныя орудія отливались не только въ Москвѣ Пронею Ѳедоровымъ, но и въ Вологдѣ Иваномъ Москвитинымъ.

Однако слѣдуетъ замѣтить, что начало XVII столѣтія должно было тяжело отозваться на развитіи русскаго артилерійскаго дѣла, по причинѣ бѣдствій и неурядицъ, сопровождавшихъ смутное время Московскаго государства. Слѣды разоренія, постигшаго наше отечество въ бѣдственную эпоху самозванцевъ, не могли не отразиться и на состояніи артилерійской техники, по крайней мѣрѣ относительно размѣровъ развитія ея, и если Россія, въ началѣ XVII столѣтія, обладала обширными средствами по артилерійскому вооруженію, то, конечно, переданными ей еще съ конца XVI вѣка.

Въ заключеніе краткаго обзора состоянія вооруженныхъ силъ Московскаго государства въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка, скажемъ нѣсколько словъ и о сторожевой пограничной службѣ. Служба эта отправлялась на основаніяхъ, данныхъ ей Іоанномъ Грознымъ. Въ царствованіе Бориса Годунова, сторожи, станицы, засѣки и другія укрѣпленія были въ хорошемъ состояніи. Вѣсти изъ степей всегда приносились заблаговременно, украинскіе города постоянно охранялись сильнымъ войскомъ. Царь имѣлъ чертежи, не только пограничнымъ городамъ, но даже и засѣкамъ. Особенно заботясь объ укрѣпленіи границы со стороны крымскихъ татаръ, Борисъ Годуновъ построилъ новую крѣпость Борисовъ (въ 1600 году) на берегу Оскола, въ 14 верстахъ отъ Изюмской сторожи; вновь укрѣпилъ нѣкоторые города на ней, а укрѣпленія другихъ южныхъ пограничныхъ городовъ возобновилъ.

*) М. Д. Хмыровъ: „Артилерія и артилеристы въ до-Петровской Руси“.

По смерти Бориса Годунова, во время самозванщины и междуцарствія, московскому правительству не время было думать объ Украйнѣ и ея укрѣпленіяхъ; и только съ восшествіемъ на престолъ царя Михаила Ѳедоровича Романова, сторожевая и станичная службы въ украинскихъ степяхъ, мало-по-малу, опять получаютъ лучшее устройство.

О порядкѣ отправленія этой службы сторожами на пограничныхъ постахъ, даетъ слѣдующую картину Яковъ Маржеретъ: „Намѣреваясь открыть непріятеля въ обширныхъ степяхъ татарскихъ, русскіе поступаютъ слѣдующимъ образомъ: тамъ пролегаютъ дороги, именуемыя царскою, крымскою и путемъ великаго хана; сверхъ того, изрѣдка, растутъ одинокіе разсѣянные дубы, удаленные одинъ отъ другаго на 8, 10 и до 40 верстъ. По большей части, при каждомъ изъ нихъ, становятся два ратника съ готовыми конями: одинъ сторожитъ на вершинѣ дерева, а товарищъ его кормитъ коней, совсѣмъ осѣдланныхъ. Всадники смѣняются черезъ четыре дня. Сидящій на вершинѣ дуба, замѣтивъ въ отдаленіи пыль, слѣзаетъ немедленно, не говоря ни слова, садится на коня, скачетъ во весь опоръ къ другому дереву, кричитъ и показываетъ рукою, гдѣ видѣлъ непріятеля. Стражъ втораго дерева, находясь на вершинѣ, уже издали замѣчаетъ скачущаго вѣстника, и едва пойметъ изъ словъ его или изъ знаковъ, съ какой стороны поднимается пыль, велитъ своему товарищу, смотрѣвшему за конями, скакать къ третьему дереву. Такъ, увѣдомляя другъ друга, даютъ знать ближней крѣпости, и наконецъ самой Москвѣ, не принося иной вѣсти, кромѣ того, что видѣли непріятеля; а нерѣдко, вмѣсто людей, открывается конскій степной табунъ или стадо дикихъ животныхъ. Но когда стражъ, оставшійся при первомъ деревѣ, также прискачетъ и подтвердитъ слова своего товарища, тогда, съ прибытіемъ вѣстника, войско беретъ оружіе, а воеводы соединяются и посылаютъ нарочныхъ развѣдать о силахъ непріятеля. О числѣ враговъ русскіе полководцы узнаютъ иногда слѣдующимъ способомъ: недалеко отъ пути, которымъ идутъ татары, скрываются разсыпанные въ разныхъ мѣстахъ дозоры. Выждавъ время, когда минуетъ непріятель, они выходятъ на слѣды и угадываютъ, довольно вѣрно, силы его по широтѣ дороги, протоптанной въ степяхъ конями... по глубинѣ слѣда или по вихрямъ отдаленной пыли“ *).

Внутреннее устройство русскихъ войскъ: управленіе войскомъ въ мирное и военное время, содержаніе и продовольствіе войска, награды за службу и проч.,—оставалось и въ разсматриваемую эпоху на тѣхъ же началахъ, которыя установились при Іоаннѣ Грозномъ.

Денежное содержаніе войска было установлено въ видѣ ежегодныхъ окладовъ еще при царѣ Ѳеодорѣ; въ концѣ XVI и въ началѣ

*) Записки Маржерета. См. Н. Устрялова: „Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ“.

XVII вѣка эти оклады жалованья значительно увеличены. Жалованье боярамъ, по словамъ Маржерета, простиралось отъ 500 до 1.200 руб., окольничіе получали отъ 200 до 400 руб.; стрѣльцы получали: *голова*— отъ 30 до 60 руб. и отъ 300 до 500 четв. земли въ помѣстье; *сотникъ*— отъ 10 до 12 руб., *десятникъ*—до 10 руб., а *стрѣлецъ*—4, 5 и до 7 рублей и, кромѣ того, по 12 четвертей ржи и столько же овса. Иноземные тѣлохранители, при Борисѣ Годуновѣ, получали отъ 12 до 60 руб. жалованья (а капитаны ихъ—до 120 рублей и земли отъ 600 до 1000 четвертей); при первомъ же самозванцѣ—отъ 40 до 70 руб. каждый, сверхъ помѣстьевъ.

Вооруженныя силы Московскаго государства при царѣ Борисѣ достигли уже небывалой до того цифры: въ 1598 году, подъ Серпуховомъ, для похода противъ Крымскаго хана, было собрано до 500.000 пѣшихъ и конныхъ воиновъ, какъ свидѣтельствуетъ о томъ Маржеретъ, основывая свое показаніе на словахъ иностранцевъ и русскихъ, бывшихъ на царскомъ смотру этой огромной рати. Войско это организовано было на упомянутыхъ выше началахъ. Борисъ Годуновъ, этотъ необыкновенно умный и просвѣщенный по тому времени государственный человѣкъ, сознавалъ необходимость болѣе тѣснаго сближенія Руси съ западной Европой и, повидимому, не чуждъ былъ стремленія дать русской вооруженной силѣ устройство болѣе схожее съ западно-европейскимъ. Начало тому онъ положилъ умноженіемъ числа иноземныхъ наемныхъ тѣлохранителей, оставшихся по смерти Іоанна IV, и долженствовавшихъ образовать ядро русскаго войска, устроеннаго по западно-европейскому образцу. Но царствованіе его было слишкомъ кратковременно и, по смерти его, благія начинанія были безслѣдно поглощены 9-лѣтнимъ водоворотомъ смутнаго времени самозванцевъ и междуцарствія.

Внутреннее устройство войскъ: начальствованіе и управленіе ими, соблюденіе въ нихъ военнаго порядка и проч.,—бывшее и прежде, при *Грозномъ*, не вполнѣ удовлетворительнымъ, въ мрачную эпоху смутнаго времени въ конецъ расшаталось. Особенно въ печальномъ состояніи находилось *военное начальствованіе и нравственное состояніе войскъ*. Назначеніе воеводъ въ 5-ти и 3-хъ полковыя рати, не по военнымъ способностямъ, достоинствамъ, опытности и заслугамъ ихъ, но по соображеніямъ Двора и боярскимъ, по извѣстному родословному старшинству бояръ,—противорѣчило самымъ простымъ и естественнымъ условіямъ и требованіямъ военнымъ. Особенно безотрадно было нравственное состояніе русскихъ войскъ и ихъ предводителей, за небольшими исключеніями. Въ эти времена всеобщаго разслабленія нравовъ и нравственной заразы самозванства, предательства и измѣны въ войскѣ, какъ и въ народѣ, въ начальствуемыхъ и самыхъ начальствовавшихъ,—духъ своеволія, неповиновенія, малодушія не только колебалъ, но и разрушалъ вну-

треннія основы военнаго порядка и благоустройства ратей, и уничтожалъ всякое значеніе многочисленности этихъ послѣднихъ и возможныхъ успѣховъ ихъ дѣйствій. Эта печальная страница русской исторіи объясняется самыми условіями смутной эпохи самозванцевъ: многіе въ народѣ, а потомъ и въ войскѣ, были убѣждены злоумышленниками, что самозванные цари были, дѣйствительно, одинъ за другимъ, представителями истиннаго царя Димитрія, не убіеннаго въ Угличѣ, а чудесно спасеннаго. Такимъ образомъ, народъ и войско, по внутреннему побужденію, не считали возможнымъ ратовать противъ законнаго царя. Съ другой стороны, существующіе представители высшей власти посылали ихъ на бой. Не ослушиваясь явно послѣднихъ и не желая ратовать противъ первыхъ—дѣло сводилось къ отсутствію энергіи въ борьбѣ съ самозванцами, пока народъ не пришелъ къ убѣжденію въ ихъ низкомъ обманѣ. Тогда народныя ополченія, подвизавшіяся въ 1612 году *за правду* и за свободу родной земли, поступали *по правдѣ*, и сохранили неприкосновенными честь русскаго имени и оружія. Предводительство войсками было самое неискуспое. Невѣжество главныхъ воеводъ, за рѣдкими исключеніями, въ военномъ дѣлѣ, въ сравненіи съ воеводами польскими, литовскими и особенно шведскими, знакомыми съ западно-европейскимъ военнымъ дѣломъ, поражаетъ почти во всѣхъ военныхъ дѣйствіяхъ 8-лѣтней войны Смутнаго времени. Рядомъ съ мужественной, храброй и упорной обороной небольшими гарнизонами крѣпостей Троицкаго монастыря и Смоленска; и удачными дѣйствіями небольшихъ отрядовъ въ полѣ, съ цѣлью отнятія у непріятеля укрѣпленныхъ пунктовъ,—встрѣчаются весьма неискусныя дѣйствія 100-тысячныхъ ратей при осадѣ даже небольшихъ городовъ. Эти огромныя рати, долго собиравшіяся подъ знамена неискусныхъ воеводъ для похода, быстро исчезали при малѣйшей неудачѣ въ полѣ, малодушно и постыдно обращали тылъ и бѣжали въ свои города и помѣстья, бросая оружіе и орудія, знамена, запасы и обозы. Военныя дѣйствія въ полѣ, вообще, были болѣе или менѣе медленны, вялы, нерѣшительны и боязливы. Дѣйствій противъ укрѣпленныхъ городовъ было болѣе, нежели дѣйствій противъ войскъ въ полѣ, а осадъ болѣе, нежели полевыхъ сраженій, изъ которыхъ большая часть была случайная, не преднамѣренная. Поэтому и вся война имѣла характеръ, преимущественно, войны крѣпостной и осадной, либо партизанской—отдѣльными отрядами.

Образъ и характеръ веденія войны, вообще, былъ самый неправильный, безпорядочный, неизобличающій никакого искусства и, притомъ, по грубости и жестокости нравовъ времени, соединенный съ истинно-варварскими грабежомъ и разореніемъ городовъ и селеній,—сопровождался избіеніемъ и плѣненіемъ жителей, сожженіемъ городовъ, ихъ предмѣстій и посадовъ.

Однако, изъ приведеннаго изображенія войны Смутнаго времени были, конечно, исключенія, доказывавшія, болѣе или менѣе, искусство воеводъ въ соображеніяхъ и исполненіи военныхъ предпріятій, ихъ рѣшительность, силу дѣйствій, твердость, мужество, храбрость и многія военныя добродѣтели, какъ со стороны войскъ, такъ и ихъ предводителей. Но этихъ исключеній было мало, и они тѣмъ рѣзче, ярче и отраднѣе выдѣляются изъ большинства остальныхъ военныхъ дѣйствій. Достойная удивленія геройская оборона Троицкой лавры останется на вѣки незабвенною въ русской народной памяти, на ряду съ Куликовскою битвой, осадою и взятіемъ Казани и не менѣе геройскою обороною Пскова,—какъ самый свѣтлый и отрадный памятникъ преданности вѣрѣ и любви къ отечеству, среди мрачныхъ явленій постыднѣйшихъ предательства и измѣны. Мужественная и продолжительная оборона Смоленска доблестнымъ воеводою Шеинымъ; военныя дѣйствія Пожарскаго и молодого талантливаго Скопина-Шуйскаго, составляютъ наиболѣе свѣтлыя страницы въ исторіи Смутнаго времени Русскаго государства.

Въ заключеніе обзора военныхъ событій разсматриваемой эпохи, считаемъ не безъинтереснымъ привести краткія свѣдѣнія о появившихся въ Россіи, въ эту же эпоху, первыхъ военныхъ сочиненіяхъ.

Къ числу причинъ многихъ неудачъ военныхъ дѣйствій русскихъ войскъ слѣдуетъ отнести, какъ упомянуто было выше, невѣжество въ военномъ искусствѣ воеводъ, за исключеніемъ весьма немногихъ, сравнительно съ воеводами иноземными, въ особенности шведскими, и вообще—полное незнакомство русскихъ войскъ этой эпохи съ основами военнаго дѣла. Борисъ Годуновъ, Василій Шуйскій и князь Скопинъ понимали этотъ важный недостатокъ русскаго войска, и каждый изъ нихъ старался ввести мѣры для лучшаго устройства и образованія его. Князь Скопинъ-Шуйскій, во время невольнаго, болѣе чѣмъ двухмѣсячнаго бездѣйствія подъ Калязиномъ, занялся строевымъ обученіемъ своихъ войскъ, при посредствѣ шведа Сомме, который ежедневно обучалъ русскія войска по правиламъ, введеннымъ въ Нидерландахъ принцемъ Морицомъ Нассаускимъ. Войска обучались всѣмъ движеніямъ и дѣйствіямъ въ бою и на войнѣ; въ примѣрныхъ бояхъ показывалось имъ, какъ владѣть оружіемъ, копать подступные рвы, устраивать окопы, и какимъ образомъ обращаться при дѣйствіяхъ малой войны. Царь Василій Шуйскій, съ цѣлью распространенія въ войскѣ техническихъ и теоретическихъ знаній по военному дѣлу, приказалъ перевести съ нѣмецкаго *Воинскую книгу*. Она заключаетъ въ себѣ довольно подробное изложеніе о приготовленіи пороха, *сирѣчь зелія для стрѣлянія*, дѣланіе котораго объяснено просто, безъ точныхъ пропорцій составныхъ частей его, съ искаженными химическими названіями; впрочемъ, все это опи-

сано достаточно вѣрно, чтобы приготовить порохъ, годный къ употребленію. Здѣсь помѣщены также необходимѣйшія правила, какъ стрѣлять изъ пушекъ и пищалей *).

Еще большаго вниманія заслуживаетъ сочиненіе подъ заглавіемъ: —„*Уставъ ратныхъ, пушечныхъ и другихъ дѣлъ, касающихся до воинской науки, состоящій въ 663 указахъ или статьяхъ. Въ государствованіе царей и великихъ князей Василія Іоанновича Шуйскаго и Михаила Ѳеодоровича, всея Россіи самодержцевъ, въ 1607 и 1621 годахъ, выбранъ изъ иностранныхъ военныхъ книгъ Онисимомъ Михайловымъ*“. Рукопись эта была найдена въ Москвѣ, въ Мастерской и Оружейной палатѣ, въ1775 г. и издана „*подъ смотрѣніемъ ассессора Рубана*“ въ 1777 и 1781 годахъ.

Сочиненіе это чрезвычайно интересно во всѣхъ отношеніяхъ. По содержанію его можно сказать, что если оно было написано не для регулярнаго войска, то для людей, уже достаточно свыкшихся съ военнымъ дѣломъ. Правила, изложенныя въ сочиненіи, вполнѣ даютъ понятіе о тогдашнемъ способѣ веденія войнъ. Такъ какъ онѣ состояли изъ походовъ, предпринимавшихся большею частію для защиты или осады какого-нибудь города, рѣдко имѣли цѣлью вступить въ непосредственный бой въ полѣ, то и главное вниманіе въ этомъ сочиненіи обращено на правила, касающіяся похода войска и осады городовъ. Походныя движенія того времени сопряжены были съ чрезвычайными затрудненіями, по многочисленности обозовъ, находившихся при войскахъ. Причина многочисленности обозовъ заключалась въ томъ, что рать, выступая въ походъ, забирала съ собой и везла все необходимое для осады города: многочисленную артилерію и множество разнаго рода запасовъ; даже часть оружія возилась на повозкахъ. Въ первыхъ статьяхъ Устава и даны указанія, какъ слѣдовать этимъ обозамъ во время переходовъ, и какъ устраивать ихъ въ случаѣ нападенія непріятеля, или прихода войскъ на мѣсто отдыха. Обозъ слѣдовалъ не сзади арміи, а непосредственно съ войсками; войско двигалось между двухъ линій повозокъ, такъ что въ случаѣ нападенія непріятеля, оно останавливалось и устраивало изъ нихъ четыреугольникъ или полукругъ, смотря по удобству мѣстности.

Такимъ образомъ въ Уставѣ преподаны общія правила объ устройствѣ продолговатаго и полукруглаго обоза, *какъ ево около становъ устроити*, какъ слѣдовать войску *въ недружной странѣ просторными, низкими и тѣсными землями.*

Далѣе идутъ наставленія объ устройствѣ войска для боя. Прежде всего нужно было, хотя нѣсколько, ознакомить вновь собранную армію

---

*) *Воинская книга* переведена, по повелѣнію царя Василія Іоанновича Шуйскаго, придворными нѣмецкими переводчиками Михайломъ Юрьевымъ и Иваномъ Ѳоминымъ. Рукопись хранится въ Импер. Публ. библ. См. „Обзоръ рукописныхъ и печатныхъ памятниковъ“, соч. лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка поручика Обручева.

съ тѣмъ видомъ строя, въ какомъ ему могло прійтись сражаться. Для этого заранѣе избирался какой-нибудь примѣрный порядокъ, сообразуясь съ многочисленностью и вооруженіемъ войска; а чтобы каждый зналъ свое мѣсто, въ *станѣхъ* или лагеряхъ, предписывалось дѣлать *всполохи* и пріучать людей дѣйствовать въ строю.

Нѣсколькими статьями Устава опредѣлялись общія обязанности главныхъ войсковыхъ начальниковъ, а равно и качества, которымъ они должны были удовлетворить. Отъ нихъ требовались: искусство въ военномъ дѣлѣ, благоразуміе, опытность, добросовѣстность и снисходительность къ подчиненнымъ. Главнымъ начальникомъ въ войскѣ (главнокомандующимъ) былъ *воевода большого полка*. Онъ былъ главнымъ мыслителемъ и распорядителемъ въ войскѣ; отъ него зависѣлъ ходъ войны. *„И такой воевода имѣетъ у Государя свое мѣсто, полную власть и мочь надъ всѣми воинскими людьми.... какъ бы въ войскѣ Государь самъ тутъ при ратяхъ есть“* (статья 8 Устава). *„Подъ воеводою полную власть и мочь надо всѣми полки, во всякихъ мѣрахъ“* имѣлъ *полковой или всего воинства маршалекъ*. Ему принадлежала власть распорядительная, соотвѣтственно планамъ воеводы большого полка; этотъ войсковой чинъ по обязанностямъ, на него возлагавшимся, былъ вродѣ нынѣшняго начальника штаба арміи. Ему подчинялся *большой окольничій*, на которомъ лежала часть исполнительная. Къ его обязанности относилось, между прочимъ: выборъ мѣста для стана, распредѣленіе полковъ въ станѣ (*„какъ въ которомъ мѣстѣ чьему стану быти, укажетъ окольничій, и тому такъ и быть“*, ст. 13-я); разстановка сторожей и посылка *„добрыхъ конныхъ вѣстовщиковъ дозирати всѣхъ мостовъ и стежекъ“* и пр. Слѣдовательно, обязанности окольничьяго соотвѣтствовали современнымъ обязанностямъ начальника штаба корпуса или дивизіи. *Большой воинскій приставъ* завѣдывалъ интендантскою частью, заботился о военныхъ потребностяхъ арміи и о доставленіи запасовъ для продовольствія войскъ (нынѣшній интендантъ).

Относительно *полковою маршалка* слѣдуетъ замѣтить, что званіе это встрѣчается только въ одномъ этомъ Уставѣ и, очевидно, заимствовано съ иностраннаго. Въ послѣдующихъ переводныхъ сочиненіяхъ (позднѣйшей эпохи) оно болѣе не встрѣчается. Да едва ли чинъ этотъ когда-либо и существовалъ въ войскѣ; штабъ нашихъ ратей состоялъ изъ дьяковъ разрядныхъ, находившихся, съ одной стороны, въ вѣдѣніи воеводы, а съ другой—въ непосредственной зависимости отъ Разряда.

О боѣ въ Уставѣ говорится мало; въ немъ особенное вниманіе обращено на то, чтобы войска постоянно сохраняли порядокъ, преимущественно же при отступленіи. Это показываетъ, что и въ то время понимали всю трудность отступленія, облегчить которое можно только поддерживая въ рядахъ порядокъ.

Далѣе идутъ указы, *какъ въ осадѣ въ городѣхъ сидѣти.* Они состоятъ изъ простыхъ наставленій, какъ предохранять себя отъ нечаянныхъ нападеній, высылая вѣстовщиковъ и лазутчиковъ; въ какое время выходить изъ города *въ загонъ на добычу*, какъ дѣлить ее и, наконецъ, какъ производить вылазки во время самой осады.

Главную часть сочиненія составляютъ указы *о взятіи городовъ или посадовъ и о пушкарскомъ дѣлѣ.*

Войско, приходя къ городу, облегало его со всѣхъ сторонъ, окапывалось лагеремъ, разставляло батареи и открывало траншеи или, какъ говорили тогда, *вело шанцы.* Поэтому и указы относятся преимущественно къ осаднымъ работамъ и къ производству стрѣльбы. Первые изложены въ подробности и согласны съ правилами, какія для сего существовали въ западной Европѣ. Статьи, содержащія въ себѣ правила стрѣльбы и показывающія способы измѣрять разстоянія, не ясны. Въ числѣ этихъ же указовъ приведены описанія различныхъ пушекъ и пищалей, въ то время употреблявшихся; а также приготовленія различнаго рода снарядовъ и, между прочимъ, *ядра, которое попрядывало бы.* Снарядъ этотъ напоминаетъ картечную гранату: брали ядро, пустое внутри, и сыпали въ него на каждый фунтъ пороха *по горсти крупнаго дробу;* наполнивъ его такимъ образомъ до верху, вставляли въ отверстіе трубку съ особымъ составомъ, зажигали ее, вкладывали снарядъ, какъ можно скорѣе, въ орудіе и стрѣляли *по полковымъ людямъ и шанцамъ;* причемъ говорится, что подобныя ядра *великій вредъ и тревогу чиними.*

Въ этомъ же отдѣлѣ сочиненія, въ нѣсколькихъ указахъ, изложены обязанности пушкарскаго головы, Пушкарскаго приказа и самихъ пушкарей.

Въ нѣсколькихъ указахъ говорится о веденіи подкоповъ и о томъ, какъ узнавать, гдѣ ведетъ подкопы непріятель. Далѣе—объ устройствѣ и содержаніи оружейнаго дома, а въ немъ всякаго рода оружія и запасовъ; также о всякихъ чинахъ мастеровыхъ людей.

Наконецъ, въ послѣднихъ статьяхъ подробно изложено приготовленіе селитры, сѣры, угля и дѣланіе самаго пороха. Здѣсь же указано, между прочимъ, приготовленіе различныхъ *огненныхъ хитростей*, напримѣръ приготовленіе *самопальнаго пороха, который бы громко и прытко грянулъ* (подмѣшивая для сего къ четыремъ частямъ пороха одну часть сушеныхъ и истолченыхъ листьевъ травы Медвѣжье ухо), или—*какъ чинити омальчивую стрѣльбу, которая не гремитъ*, и пр.

Вотъ, въ общихъ чертахъ, содержаніе этого, во многихъ отношеніяхъ интереснаго сочиненія *). Конечно, на сочиненіе это нельзя смот-

*) Общій очеркъ содержанія этого сочиненія заимствованъ изъ I части этого сочиненія (указы 1—210) изд. 1777 года и сочиненія л.-гв. Измайловскаго полка поручика Обручева: „Обзоръ рукописныхъ памятниковъ, относящихся до исторіи военнаго искусства въ Россіи по 1725 годъ“.

рѣть какъ на теоретическое руководство по военному искусству, которымъ бы пользовались наши предки для военнаго образованія; но оно имѣетъ значеніе какъ древнѣйшій памятникъ по этому предмету, донынѣ сохранившійся, и какъ свидѣтельство, что уже въ разсматриваемую эпоху, потребность въ нѣкоторыхъ техническихъ и теоретическихъ свѣдѣніяхъ сдѣлалась весьма ощутительной. Да нельзя было и ожидать большой пользы отъ военныхъ сочиненій въ то время, когда у насъ не было постояннаго войска. Собираясь только, по временамъ, въ минуту потребности, войско едва успѣвало нѣсколько привыкнуть къ тому строю, который ему назначали воеводы. Кромѣ того, вслѣдствіе неграмотности громаднаго большинства начальниковъ того времени, подобное сочиненіе, если и могло имѣть нѣкоторое значеніе какъ руководство по военному искусству того времени,—то для весьма лишь ограниченнаго числа воеводъ, которые обходились и безъ него, руководствуясь собственною смѣтливостью и навыкомъ въ военномъ дѣлѣ, коими отличались многіе изъ нашихъ воеводъ.

И. Х—въ.

ГЛАВА XX.

Войны въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича. Возстановленіе порядка внутри государства. Преслѣдованіе шайки Лисовскаго. Дѣло у Орла. Бѣгство Лисовскаго. Уничтоженіе шаекъ Заруцкаго и Баловня.

Война со Швеціей въ 1613 г. Отраженіе шведовъ отъ Тихвина. Неудача русскихъ близъ Новгорода и отступленіе къ Торжку. Движеніе Густава-Адольфа къ Пскову въ 1614 г. Отбитіе приступа и осада Пскова. Новый приступъ 9 октября и блистательное отраженіе его. Снятіе осады Пскова и неудачи шведовъ въ 1614 г. Столбовскій миръ въ 1617 г.

Первая Польская война 1613 — 1618 гг. Поляки овладѣваютъ Дорогобужемъ въ 1617 г. и Вязьмой. Ихъ неудача у Можайска. Движеніе ихъ къ Москвѣ въ 1618 г., вмѣстѣ съ гетманомъ Сагайдачнымъ. Приступъ 1 сентября и отраженіе его. Деулинскій миръ 1618 г. Вторая война съ Польшей 1632 — 1634 г. Русскія войска вступаютъ въ предѣлы Польши въ 1632 г. Главныя силы русскихъ подступаютъ къ Смоленску. Бой подъ Смоленскомъ 9 октября 1633 г. Капитуляція отряда Шеина 19 февраля 1634 г. Владиславъ осаждаетъ кр. Бѣлую, но безуспѣшно. Поляновскій миръ 1634 г. Царь Михаилъ Ѳедоровичъ отказывается присоединить къ Россіи Азовъ, завоеванный казаками, и распространяетъ владѣнія въ Сибири до Камчатки.

Съ воцареніемъ на Московскомъ престолѣ молодого Михаила Ѳеодоровича Романова, прекратилось Смутное время на Руси. Общій голосъ всего народа русскаго призвалъ новаго царя на тронъ Рюрика, и никакіе самозванцы не могли уже поколебать сознанія этого народа; не было мѣста также притязаніямъ чужеземныхъ принцевъ, Польскаго и Шведскаго. Для всѣхъ было ясно, что спасеніе и благоденствіе Русской земли всецѣло зависятъ отъ преданности всего народа новоизбранному православному государю; и каждый изъ его подданныхъ, отъ высшаго сановника и до послѣдняго крестьяннна, дѣйствительно готовъ былъ, для защиты его, принести въ жертву все свое имущество и животъ свой. Подобное настроеніе нашего народа, въ описываемую эпоху, подтверждается такими фактами, какъ подвиги Минина, Пожарскаго, Сусанина и др.

Но, несмотря на безграничную преданность всѣхъ сословій, положеніе молодого государя было крайне затруднительно: казна была пуста, войско малочисленно и неустроено, всѣ почти области государства разорены. Въ то же время, съ сѣвера и запада, угрожали могущественные внѣшніе враги: шведы и поляки. Первые захватили сѣверныя области царства и завладѣли даже Великимъ Новгородомъ; поляки заняли обширную полосу на западѣ и въ рукахъ ихъ, между прочимъ, былъ одинъ изъ древнѣйшихъ русскихъ городовъ—Смоленскъ, славившійся силою своихъ укрѣпленій. Внутри государства свирѣпствовали буйныя шайки казаковъ, литовцевъ и пр., пользовавшіяся слабостью его, чтобы пограбить и пожить на счетъ несчастныхъ мирныхъ обывателей.

Первою заботою новаго правительства было возстановленіе внутренняго спокойствія и порядка, чтобы затѣмъ обратить всѣ силы противъ враговъ внѣшнихъ. Опаснѣйшимъ изъ предводителей шаекъ, безчинствовавшихъ внутри государства, былъ литовскій наѣздникъ Лисовскій. Съ невѣроятною быстротой переносился онъ съ одного конца Московскаго царства на другой, появляясь неожидано то на сѣверѣ, то на югѣ. Путь его повсюду сопровождался пожарами, грабежами, насиліями.

Для дѣйствій противъ Лисовскаго, отправлены были воеводы князь Дмитрій Пожарскій и Исленевъ. Первая встрѣча русскихъ съ опаснымъ врагомъ произошла у Орла. Въ самомъ началѣ боя, Исленевъ обратился въ бѣгство, оставивъ Пожарскаго, съ 600 чел., биться съ непріятелемъ, силы котораго простирались до 3.000. Но доблестный воевода не упалъ духомъ. Окруживъ себя телѣгами, онъ долго отбивался отъ нападеній впятеро сильнѣйшаго противника. Видя невозможность выбить русскихъ изъ обоза, Лисовскій расположился станомъ въ 2-хъ верстахъ отъ нихъ; русскіе остались въ своемъ станѣ.

Несмотря на отраженіе врага, положеніе малочисленнаго русскаго отряда было безвыходно. Сидѣть долго въ обозѣ не было возможности, такъ какъ съ истощеніемъ съѣстныхъ припасовъ приходилось умирать съ голоду: подвоза ни откуда не было. Выйти въ открытое поле было рисковано: многочисленныя толпы непріятеля могли легко обскакать небольшую горсть русскихъ со всѣхъ сторонъ и порубить или пополонить ихъ всѣхъ, до одного человѣка. Уже ратные люди Пожарскаго стали приходить въ отчаяніе и принялись уговаривать его отступить. Но мужественный князь оставался непоколебимъ, и въ отвѣтъ на увѣщанія своего войска объявилъ, что—„всѣмъ намъ помереть на этомъ мѣстѣ“.

Стойкость и мужество русскаго вождя спасли его отрядъ. Вечеромъ въ станъ московскаго войска вернулся Исленевъ, а вслѣдъ за нимъ и другіе бѣглецы. На другой день, усилившись вернувшимися въ теченіе ночи людьми, Пожарскій смѣло перешелъ въ наступленіе. Теперь Лисовскому пришла очередь отступать. Пожарскій пустился преслѣдо-

вать его и только тяжкая болѣзнь, постигшая русскаго воеводу, спасла шайку Лисовскаго отъ истребленія. Воеводы, замѣнившіе Пожарскаго, не въ состояніи были настигнуть лихого литовскаго наѣздника, который пустился кружить по всему Московскому государству. Наконецъ, онъ перешелъ въ Литву, гдѣ и умеръ въ 1616 г.

Еще раньше, Русь избавилась отъ другихъ внутреннихъ враговъ. Во время освобожденія Москвы Пожарскимъ, атаманъ Заруцкій, съ Мариною Мнишекъ, отправился на Донъ въ надеждѣ поднять казаковъ; но, разбитый московскими воеводами у Воронежа, бѣжалъ въ Астрахань. Вытѣсненный и отсюда, онъ бѣжалъ на Яикъ, гдѣ въ 1614 году захваченъ былъ стрѣльцами, отправленъ въ Москву и казненъ. Въ томъ же году былъ разбитъ и казненъ атаманъ Баловня, разорившій обширное пространство отъ Вологды и Вятки до Твери и отъ Бѣлозерска до Нижняго и Углича. Вслѣдъ затѣмъ грабежи утихли и внутри государства водворилось спокойствіе, какого уже не было много лѣтъ.

Одновременно съ этою внутреннею борьбой, Московскому государству пришлось напрягать всѣ силы для веденія войны съ врагами внѣшними. Король шведскій, Густавъ-Адольфъ, отказавшись отъ мысли возвести на Московскій престолъ своего брата, Карла-Филиппа, рѣшилъ вознаградить себя присоединеніемъ къ своимъ владѣніямъ Новгородской области. Въ мартѣ 1613 г. шведы осадили Тихвинъ, но тихвинцы отбили непріятеля и даже взяли у него нарядъ (артилерію).

Послѣ этого успѣха, съ московской стороны рѣшено было, въ сентябрѣ того же года, дѣйствовать наступательно, съ цѣлью прогнать шведовъ изъ Новгорода. Но это предпріятіе окончилось неудачею. Русское войско, подъ начальствомъ князей Дмитрія Трубецкаго и Мезецкаго, расположилось въ 30 вер. отъ Новгорода, у Бронницъ, на весьма невыгодной мѣстности, и притомъ среди него скоро начались безпорядки и грабежи. Въ это время подошелъ шведскій полководецъ Делагарди и обложилъ русскихъ, которые скоро стали сильно страдать отъ голода. Въ виду стѣсненнаго положенія Трубецкаго, государь разрѣшилъ ему отступить къ Торжку. Отступленіе это совершено было весьма неудачно: русскіе потеряли множестно людей и лошадей и сами бояре едва спаслись пѣшкомъ.

Въ 1614 г. Густавъ-Адольфъ самъ явился на театръ военныхъ дѣйствій и взялъ городъ Гдовъ. Въ слѣдующемъ году онъ занялъ Ингрію и затѣмъ двинулся къ Пскову, защита котораго поручена была воеводамъ Василію Морозову и Ѳеодору Бутурлину.

30-го іюня шведы, въ числѣ 16.000 чел., подошли къ этому городу, прославившему себя геройскою обороною противъ Стефана Баторія. И на этотъ разъ псковитяне показали себя достойными славы, которою покрыли себя отцы ихъ въ 1581 году.

Непріятель расположился на правомъ берегу рѣки Великой, въ 4 верстахъ ниже города, и пошелъ отсюда на приступъ. Осажденные вышли ему на встрѣчу и скоро загорѣлся жаркій бой, въ которомъ шведы потерпѣли неудачу, потерявъ убитымъ фельдмаршала Эверта Горна. Но и русскіе вынуждены были вернуться обратно въ городъ, послѣ чего непріятель обложилъ его съ сѣверной стороны.

Въ ночь на 15-е августа, осажденнымъ угрожала большая опасность. Шведы перешли по правому берегу рѣки Великой къ городскимъ воротамъ у сѣверной части города, разрушили ихъ съ помощью петарды и ворвались въ самый городъ. Но псковитяне скоро оправились, ударили сами на непріятеля и выгнали его снова за ворота.

Послѣ этой неудачи шведы прибѣгли къ болѣе правильному веденію осады. На другой же день съ утра они принялись рыть траншеи противъ того мѣста, гдѣ произведено было ночное нападеніе, ставить плетни, туры и городки (форты) малые, а нѣсколько дальше—большой земляной городъ, обитый дерномъ. Въ этомъ укрѣпленіи расположился самъ король.

Построивъ болѣе 10 такихъ городковъ и наведя 2 моста черезъ р. Великую, непріятель поставилъ въ траншеяхъ 12 большихъ пушекъ и, кромѣ того, расположилъ часть артилеріи за рѣкою. 17-го августа, съ непріятельскихъ батарей открытъ былъ сильный огонь по городскимъ стѣнамъ и Варлаамовской башнѣ, а затѣмъ и по самому городу.

Три дня продолжалась усиленная пальба. Въ самый городъ брошено было 700 каленыхъ ядеръ, для зажженія строеній, и множество чугунныхъ и желѣзныхъ снарядовъ, для разрушенія стѣнъ и башенъ. Уже въ первый день угловая башня была разрушена до половины, а часть стѣны до самой земли. Но дѣйствіе непріятельской артилеріи не сломило стойкости защитниковъ Пскова. Они, съ своей стороны, отстрѣливались изъ пушекъ и производили частыя вылазки, причинявшія значительный вредъ осаждающимъ.

Такъ шла атака и оборона въ теченіе 3-хъ недѣль. Въ непріятельскомъ станѣ уже началъ обнаруживаться голодъ. Наконецъ, 9-го октября, шведы повели рѣшительный приступъ, какъ съ праваго берега, на сухомъ пути, такъ и съ лѣваго, на судахъ и плотахъ. Нападеніе ихъ поддерживалось усиленнымъ огнемъ всей артилеріи съ обоихъ береговъ р. Великой.

Осажденные встрѣтили мужественно напоръ врага. Съ башенъ и стѣнъ они открыли усиленную пушечную и ружейную пальбу. Когда осаждающіе добрались до стѣнъ и стали взбираться на нихъ, обороняющіеся начали поражать ихъ камнями, бревнами и т. п. Нѣсколько часовъ кипѣлъ упорный бой, въ которомъ обѣ стороны соперничали въ храбрости и упорствѣ. Но вотъ, наконецъ, въ 2 часа пополудни, шведы

взобрались на городскую стѣну и завладѣли угольной башней. Раздались звуки ихъ трубъ, провозглашавшихъ побѣду.

Однако и этотъ успѣхъ врага не привелъ защитниковъ города въ отчаяніе. Въ то время, какъ шведы считали себя побѣдителями, вдругъ раздался страшный взрывъ и угловая башня, съ занявшими ее врагами, взлетѣла на воздухъ. Обороняющіеся ударили на непріятеля и опрокинули его. Шведскія войска, дѣйствовавшія на сухомъ пути, отступили, а подплывшія на судахъ и плотахъ были потоплены въ рѣкѣ Великой.

Отбивъ приступъ осажденные не успокоились, ожидая новыхъ рѣшительныхъ дѣйствій со стороны предпріимчиваго врага. Но опасенія ихъ оказались напрасными, — 26 октября Густавъ-Адольфъ отступилъ отъ Пскова. На слѣдующій годъ онъ устроилъ укрѣпленіе при впаденіи рѣки Великой въ Псковское озеро, съ тѣмъ чтобы отрѣзать подвозъ къ городу всякихъ припасовъ и принудить его къ сдачѣ голодомъ. Но и эта попытка окончилась неудачею: псковитяне напали на укрѣпленіе, взяли его со всею артилеріей, а гарнизонъ частью перебили, частью взяли въ плѣнъ.

Такимъ образомъ, псковитяне отразили всѣ попытки величайшаго полководца своего времени. Защита Пскова представляетъ одну изъ рѣдкихъ свѣтлыхъ страницъ въ военной исторіи описываемой тяжелой для Руси эпохи, когда, вслѣдствіе истощенія государства, малочисленности, дурнаго устройства и разбросанности его вооруженныхъ силъ, большая часть военныхъ препріятій нашихъ кончалась неудачею.

Вскорѣ по снятіи осады Пскова начались переговоры о мирѣ, къ которому сильно стремились обѣ стороны. Миръ заключенъ былъ въ началѣ 1617 г. въ селеніи Столбовѣ. Россія отдѣлалась отъ одного изъ своихъ внѣшнихъ враговъ, но за то должна была уступить ему побережье Финскаго залива, потерявъ такимъ образомъ лучшій путь сообщенія съ просвѣщенными народами западной Европы.

Оставался еще одинъ врагъ, опаснѣйшій изъ всѣхъ, Польша. Несмотря на единодушное избраніе всею Русскою землею царя Михаила Ѳеодоровича, король Сигизмундъ не отказывался отъ мысли видѣть если не себя то своего сына Владислава на Московскомъ престолѣ и соединить Москву съ Польшею неразрывнымъ союзомъ. Такимъ образомъ, его вождѣленія не ограничивались захватомъ той или другой области, а имѣли въ виду ниспроверженіе всего порядка, водворившагося въ Московскомъ государствѣ со времени избранія новаго царя.

Въ теченіе первыхъ четырехъ лѣтъ правленія Михаила Ѳеодоровича, военныя дѣйствія между Россіей и Польшей велись съ перемѣннымъ успѣхомъ и не имѣли рѣшительнаго характера. Въ апрѣлѣ 1617 года, царевичъ Владиславъ выступилъ изъ Варшавы съ 11-тысячнымъ войскомъ,

и въ августѣ дошелъ до Дорогобужа. Здѣсь онъ соединился съ гетманомъ Ходкевичемъ, осаждавшимъ этотъ городъ. Скоро Дорогобужъ сдался полякамъ, а вслѣдъ за нимъ и Вязьма. Но попытка овладѣть Можайскомъ окончилась неудачею, и въ декабрѣ Владиславъ вернулся отъ Можайска къ Вязьмѣ, потерявъ отъ холода много людей.

Въ слѣдующемъ 1618 году поляки снова пытались овладѣть Можайскомъ, но были отбиты. Тогда рѣшено было идти прямо на Москву, чтобы покончить войну однимъ ударомъ. Сюда же, на соединеніе съ Владиславомъ, шелъ съ юга малороссійскій гетманъ Конашевичъ-Сайгайдачный, съ 20.000 казаковъ.

Движеніе непріятеля къ Москвѣ, съ двухъ сторонъ, произвело сильное смятеніе среди ея жителей. Ужасъ ихъ увеличивала еще стоящая надъ городомъ комета, которую москвичи считали зловѣщею предвѣстницею грядущихъ бѣдствій. Но молодой царь не потерялъ присутствія духа, и на созванномъ имъ соборѣ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ объявилъ, что онъ намѣренъ упорно отстаивать Москву отъ всяческихъ покушеній Владислава. Соборъ изъявилъ готовность содѣйствовать царю въ его намѣреніи.

20 сентября Владиславъ расположился въ Тушинѣ, уже пріобрѣвшемъ извѣстность въ Смутное время на Руси, а Сагайдачный—у Донского монастыря. Отсюда гетманъ сталъ пропускать свои обозы мимо города по направленію къ польскому стану. Московскіе бояре вздумали было выйти изъ города, напасть на непріятельскій обозъ и помѣшать его соединенію съ поляками, но не рѣшились привести свое намѣреніе въ исполненіе: страхъ, обуявшій жителей столицы, заразилъ и войска въ такой мѣрѣ, что они побоялись ударить на непріятеля и вернулись ни съ чѣмъ.

Тогда бояре рѣшили прибѣгнуть къ другой мѣрѣ. Они затянули съ непріятелемъ переговоры о мирѣ, въ надеждѣ выиграть время до зимы, когда къ нимъ на помощь долженъ былъ прійти надежный союзникъ—холодъ, а вмѣстѣ съ нимъ обнаружился бы въ непріятельскомъ станѣ и голодъ.

Однако поляки не поддались на эту хитрость: они рѣшили до наступленія стужи взять Москву приступомъ. Чтобы лучше обезпечить себѣ успѣхъ дѣла, они положили произвести нападеніе на городъ нечаянно, въ ночное время. Подобный способъ дѣйствій, особенно въ виду приведеннаго выше упадка духа среди защитниковъ столицы Русской, имѣлъ большіе шансы на удачу. Паденіе же Москвы, въ которой находился самъ царь, грозило всей Россіи страшными бѣдствіями, вродѣ тѣхъ, которыя она уже испытала въ Смутное время.

Но, по счастью, осажденные узнали заранѣе объ угрожавшей имъ бѣдѣ и успѣли приготовиться къ отпору. Въ ночь на 1-е октября, не-

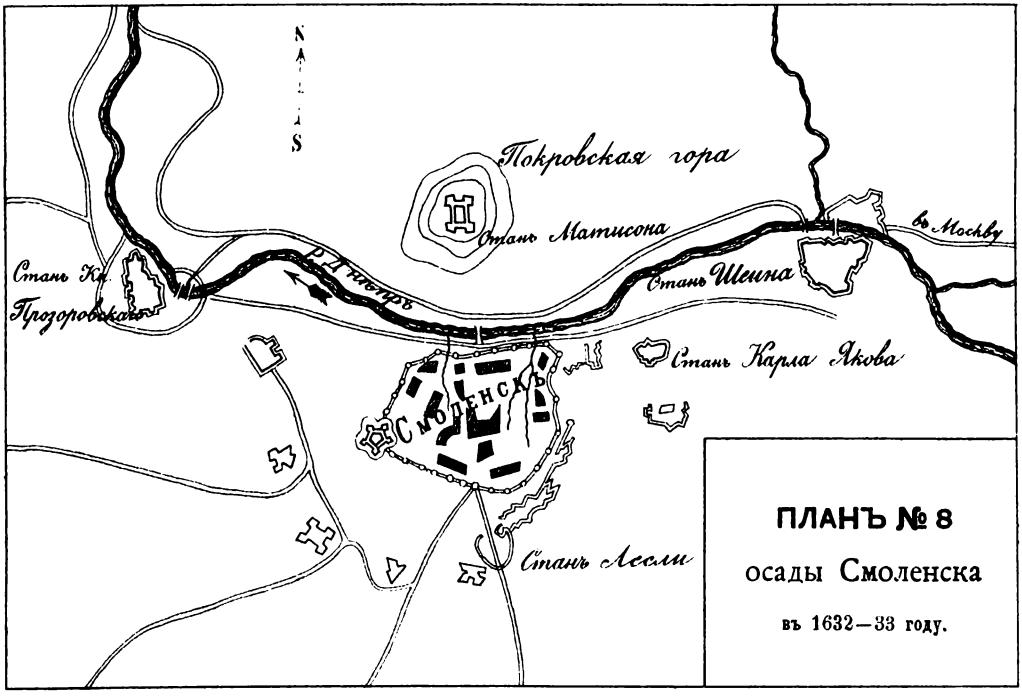
пріятельскія войска двинулись на приступъ съ сѣвера и съ запада. На западной сторонѣ дѣйствія ихъ вначалѣ увѣнчались успѣхомъ. Кавалеръ Новодворскій сдѣлалъ проломъ въ передовомъ городкѣ и добрался до Арбатскихъ воротъ, обороняемыхъ окольничимъ Годуновымъ. Здѣсь онъ принялся прикладывать къ воротамъ петарду, чтобы продѣлать брешь и ворваться въ самый городъ; но въ это время раздался мушкетный выстрѣлъ со стѣны и Новодворскій упалъ, раненый пулею въ руку. Послѣ этого русскіе произвели вылазку и ударили на непріятеля. Завязалась жаркая схватка, продолжавшаяся до самаго разсвѣта. Въ то же время часть осажденныхъ продолжала обстрѣливать врага со всѣхъ сторонъ. Когда забрезжило утро, поляки, видя, что имъ не подаютъ помощи, отступили, съ потерею 30 чел. убитыми и 110 ранеными.

Еще менѣе удачно было нападеніе съ сѣверной стороны—на Тверскія ворота. Лѣстницы, принесенныя поляками для эскалады стѣны, оказались слишкомъ короткими, такъ что имъ пришлось уйти безъ всякаго результата.

Послѣ неудачнаго приступа къ Москвѣ переговоры возобновились, но не привели ни къ чему. Тогда Владиславъ отошелъ къ Троицкому монастырю и потребовалъ сдачи его. Въ отвѣтъ на это требованіе поляковъ встрѣтили пушечными выстрѣлами. Наконецъ, въ ноябрѣ 1618 г., въ деревнѣ Деулинѣ, начаты были переговоры, приведшіе къ заключенію перемирія на 14 лѣтъ, по которому Россія потеряла области Смоленскую, Сѣверскую и Черниговскую.

Условія Деулинскаго договора, вынужденныя у Россіи тяжелымъ положеніемъ государства, не могли сдѣлать миръ съ Польшею прочнымъ. Уступки, сдѣланныя Москвою, были слишкомъ чувствительны, для того чтобы о нихъ можно было забыть. Особенно тяжела была потеря древняго, сильно укрѣпленнаго русскаго города Смоленска, издавна представлявшаго надежный оплотъ противъ непріятеля, вторгавшагося съ запада. Занявши этотъ важный пунктъ, поляки пріобрѣтали возможность легкаго доступа къ столицѣ Русскаго государства. Не удивительно, поэтому, что царь Михаилъ Ѳеодоровичъ не переставалъ помышлять о возвращеніи Россіи этого города.

Удобный случай для этого представился въ 1632 году, когда умеръ король Сигизмундъ. Въ Польшѣ начались выборы новаго короля, которые всегда сопровождались сильными внутренними смутами. Нужно было пользоваться междуцарствіемъ до окончанія выборовъ. Такъ и поступили въ Москвѣ: война была объявлена и русскія войска перешли границу.



ПЛАНЪ № 8

осады Смоленска

въ 1632—33 году.

Предыдущія войны показали несостоятельность вооруженныхъ силъ Россіи. Вслѣдствіе чего, въ теченіе 14-лѣтняго перемирія, приняты были мѣры для усовершенствованія и увеличенія средствъ борьбы. Подробности этихъ улучшеній будутъ разсмотрѣны ниже; здѣсь же упомянемъ, что мѣры, принятыя правительствомъ, заключались въ наймѣ чужеземныхъ солдатъ съ иностранными офицерами. Эти наемники составили полки, такъ-называемаго, „иноземнаго строя“; этому же строю обучены были и нѣкоторые русскіе полки.

Прежде всего русскія войска, подъ начальствомъ князей Черкасскаго и Лыкова, двинуты были, въ іюнѣ мѣсяцѣ, къ Дорогобужу и Смоленску. Но вмѣсто того, чтобы какъ можно скорѣе воспользоваться междуцарствіемъ въ Польшѣ, воеводы стали считаться мѣстами и старшинствомъ и потеряли драгоцѣнное время въ бездѣйствіи. Наконецъ, въ августѣ, ихъ замѣнили бояриномъ Шеинымъ, который прославился уже защитою Смоленска въ 1609—1611 гг. Теперь ему предстояло рѣшить обратную задачу: овладѣть городомъ, который онъ умѣлъ такъ упорно оборонять. Съ Шеинымъ посланъ былъ также окольничій Измайловъ. Числительность войскъ, выступившихъ съ Шеинымъ и Измайловымъ, простиралась до 32.000 чел., при 158 орудіяхъ. Кромѣ того посланы были воеводы и изъ другихъ городовъ, для возвращенія Москвѣ областей и городовъ, уступленныхъ ранѣе Польшѣ и Литвѣ.

Планъ дѣйствій заключался въ слѣдующемъ. Воеводы должны были прежде всего выслать „легкіе отряды рѣзвыхъ людей“, чтобы овладѣть Дорогобужемъ нечаяннымъ нападеніемъ. Еслибъ это нападеніе не удалось, то приказано идти къ Дорогобужу со всѣми силами, но долго подъ этимъ городомъ не стоять, а оставивъ для овладѣнія имъ меньшихъ воеводъ, Шеину и Измайлову, съ главными силами, идти къ Смоленску и взять его.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, приняты были мѣры для побужденія жителей занимаемаго края къ содѣйствію войскамъ. Приказано возбуждать ихъ тайными грамотами противъ поляковъ и литовцевъ и отписать имъ, чтобы везли въ русскій станъ, подъ Смоленскомъ, продовольственные запасы. Ратнымъ людямъ строго запрещено производить какіе бы то ни было насилія и грабежи и не велѣно брать ничего даромъ. Виновныхъ въ нарушеніи этихъ повелѣній приказано судить особыми судьями, которымъ „ратнымъ людямъ ни въ чемъ не наровить“.

Первыя дѣйствія русскихъ были удачны. Въ самомъ началѣ войны сдались города: Серпейскъ, Дорогобужъ, Бѣлая, Новгородъ Сѣверскій и друг., всего 23 города. Въ то же время Шеинъ и Измайловъ обложили Смоленскъ.

Русскія и наемныя войска расположились вокругъ города въ нѣсколькихъ отдѣльныхъ укрѣпленіяхъ, городкахъ и острожкахъ *). Укрѣп-

*) См. планъ № 8.

ленный станъ самого Шеина находился на лѣвомъ берегу Днѣпра, къ востоку отъ города. Вслѣдъ за обложеніемъ Смоленска, открытъ былъ по немъ огонь изъ пушекъ и начались осадныя работы, подъ руководствомъ иностранныхъ полковниковъ: Лесли, Карла-Якова, Маттисона, и и др. Траншеи поведены были съ востока и юго-востока—отъ становъ Лесли и Карла-Якова.

Хотя дѣйствія осаждающихъ были довольно успѣшны,—стѣны разрушены были во многихъ мѣстахъ огнемъ изъ орудій и подкопами, но польскій комендантъ, Станиславъ Воеводскій, ни за что не хотѣлъ сдаваться. Осада длилась уже 8 мѣсяцевъ, съ конца октября 1632 по іюль 1633 года. Среди защитниковъ Смоленска, не уступавшихъ силѣ московскаго оружія, появился другой опасный врагъ—голодъ, бороться съ которымъ уже не было возможности. Воеводскій готовъ былъ сдаться, но въ это время къ нему подошла помощь и дѣла приняли совершенно другой оборотъ.

Выборы короля въ Польшѣ кончились; избранъ былъ сынъ Сигизмунда, царевичъ Владиславъ. Новый король, собравъ 23.000 чел. войска, двинулся на выручку Смоленска. Въ то же время малороссійскимъ казакамъ и крымскимъ татарамъ предложено было напасть на Русскую Украйну и разорить ее. Послѣдняя мѣра скоро дала себя почувствовать Шеину: многіе ратные люди, уроженцы Украйны, узнавъ о нашествіи казаковъ и татаръ, угрожавшемъ ихъ вотчинамъ и помѣстьямъ, оставили его станъ и уѣхали изъ-подъ Смоленска.

25 августа подошелъ къ Смоленску Владиславъ, и расположился сперва въ 7 верстахъ отъ города. 28 числа поляки напали на станъ полковника Маттисона, расположенный на Покровской горѣ, къ сѣверу отъ города. Нападеніе это было отбито съ большимъ урономъ для непріятеля. Но въ это время Владиславу удалось пробраться въ Смоленскъ, откуда поляки произвели новое нападеніе на Маттисона, увѣнчавшееся на этотъ разъ успѣхомъ: укрѣпленіе на Покровской горѣ было взято. Однако скоро подошли сотни, посланныя князьями Прозоровскимъ и Бѣлосельскимъ, и выбили непріятеля: городокъ Маттисона остался за русскими.

11 сентября поляки повели новую атаку на укрѣпленіе Маттисона и на станъ Прозоровскаго, расположенный къ западу отъ города. Завязался упорный бой, продолжавшійся два дня и двѣ ночи. Наконецъ воеводы, посовѣтовавшись между собою и съ полковниками, пришли къ убѣжденію, что въ городкѣ на Покровской горѣ имъ не устоять, и рѣшили вывести отрядъ Маттисона въ главный острогъ. Тутъ выказалась вся ненадежность наемныхъ войскъ, — во время перехода въ главное укрѣпленіе, многіе иноземцы перебѣжали къ полякамъ.

Получивъ донесеніе о происшествіяхъ подъ Смоленскомъ, Царь приказалъ Шеину, въ случаѣ, если Прозоровскому трудно будетъ дер-

жаться въ своемъ станѣ, присоединить его къ себѣ. Воеводы такъ и поступили, и соединили свои силы въ станѣ Шеина. Когда поляки, по уходѣ Прозоровскаго, заняли его укрѣпленія, то чрезвычайно удивились ихъ силѣ: валы, по ихъ свидѣтельству, равнялись по вышинѣ стѣнамъ Смоленска и давали возможность вести самую упорную оборону. Тѣмъ не менѣе, Царь одобрилъ дѣйствія воеводъ, и приказалъ имъ держаться крѣпко, обѣщая скорую помощь. И дѣйствительно, нѣсколькимъ воеводамъ приказано было идти изъ разныхъ городовъ на выручку Шеину.

Но и поляки не теряли времени даромъ. Въ 90 вер. въ тылу Смоленска, въ Дорогобужѣ, сосредоточены были всякаго рода запасы для русскихъ войскъ. Пока московскіе воеводы еще шли на помощь Шеину, поляки овладѣли Дорогобужемъ и сожгли его. Чтобы еще болѣе стѣснить русскихъ, самъ Владиславъ двинулся вверхъ по лѣвому берегу Днѣпра и расположился въ тылу стана Шеина, въ одной верстѣ отъ него на Московской дорогѣ.

Дѣйствія поляковъ въ тылу русскаго стана поставили Шеина въ чрезвычайно невыгодное положеніе: изъ осаждающаго онъ самъ обратился въ осажденнаго. Необходимо было, во что бы то ни стало, поправить дѣло. 9-го октября русскій военачальникъ перешелъ въ наступленіе противъ врага. Въ началѣ боя непріятель имѣлъ успѣхъ: польская конница атаковала русскую пѣхоту и опрокинула часть ея. Но тутъ подоспѣли новыя пѣхотныя части русскихъ, и на этотъ разъ непріятельская конница, въ свою очередь, была опрокинута. Затѣмъ бой продолжался до вечера и только наступившая темнота развела сражающихся. Обѣ стороны понесли большія потери, не достигнувъ рѣшительнаго результата, и остались на слѣдующій день въ прежнемъ положеніи.

Но хотя бой 9-го числа не имѣлъ рѣшительнаго исхода, тѣмъ не менѣе, послѣдствія его были весьма печальны для русскихъ. Всѣ пути подвоза въ ихъ станъ были отрѣзаны. Уже съ конца октября войска стали терпѣть недостатокъ въ продовольствіи и фуражѣ. Въ довершеніе бѣды, поляки заняли неподалеку отъ московскаго стана командующую высоту, и открыли оттуда сильную пушечную пальбу. Русскіе отвѣчали имъ тѣмъ же; но такъ какъ они стрѣляли снизу вверхъ, то огонь ихъ былъ недѣйствителенъ; непріятель же, стрѣлявшій сверху внизъ, дѣйствовалъ съ успѣхомъ и наносилъ русскимъ большой вредъ.

Однако и этимъ не ограничились бѣдствія русскихъ войскъ. Въ самомъ станѣ ихъ начались несогласія и раздоры между начальниками иноземныхъ войскъ, дошедшія до того, что старшій изъ нихъ, полковникъ Лесли, на глазахъ у самого Шеина, застрѣлилъ изъ пистолета англійскаго полковника Сандерсона. Въ то же время, вслѣдствіе голода и холода, страшно развились въ войскахъ болѣзненность и смертность.

Слухи о тяжеломъ положеніи русскаго войска скоро дошли до Владислава, который рѣшилъ этимъ воспользоваться, и отправилъ къ Шеину и иностраннымъ полковникамъ грамоты, убѣждая ихъ лучше сдаться, чѣмъ погибнуть отъ голода. Шеинъ сначала оставилъ предложеніе польскаго короля безъ всякаго отвѣта. Но скоро иноземцы, не привыкшіе къ холоду и голоду, да и не желавшіе терпѣть всяческія невзгоды, уговорили его согласиться на условія, предложенныя королемъ. 19-го февраля 1634 года русскія войска вышли изъ своего стана въ числѣ 8.000 чел. Изъ оружія имъ разрѣшено было взять только то, что каждый воинъ носилъ на себѣ; остальное же оружіе и 123 пушки оставлены были непріятелю. Проходя мимо короля, знаменосцы преклонили передъ нимъ знамена; Шеинъ и другіе воеводы должны были, поровнявшись съ королемъ, сойти съ коней и низко поклониться ему. По условіямъ капитуляціи, русскіе воины должны были присягнуть, что не будутъ дѣйствовать противъ поляковъ въ теченіе 4-хъ мѣсяцевъ, а иноземцы—никогда.

Такъ несчастливо кончилось предпріятіе, на которое возлагались столь большія надежды. Главная причина неудачи заключалась въ неудовлетворительномъ устройствѣ русскихъ войскъ. Мѣры, принятыя съ цѣлью усовершенствованія вооруженныхъ силъ государства, не дали еще ощутительныхъ результатовъ; иностранные же наемники представляли собою, какъ мы видѣли, элементъ весьма ненадежный. Какъ бы то ни было, въ Москвѣ приписали неудачу измѣнѣ Шеина и Измайлова и обоимъ имъ отрубили головы.

Увлеченный успѣхомъ, Владиславъ двинулся къ Бѣлой, полагая, что овладѣніе этимъ городомъ уже ничего ему не будетъ стоить, и послалъ къ воеводѣ требовать сдачи, при чемъ сослался на примѣръ Шеина. Но отвѣтъ получился совершенно неожиданный: воевода заявилъ, что примѣръ Шеина внушаетъ ему не боязнь, а отвагу. Тогда непріятель окружилъ городъ шанцами и повелъ мины. Однако и эти мѣры не имѣли успѣха: отъ минъ пострадали больше сами поляки, чѣмъ русскіе; стрѣльба тоже наносила имъ мало вреда.

Но осажденные не ограничивались исключительно обороною. Замѣтивъ оплошность въ непріятельскомъ станѣ, они произвели неожиданную вылазку, напали на полкъ Вейгера и схватили 8 знаменъ. Такимъ образомъ осада Бѣлой затянулась, а между тѣмъ польское войско сильно страдало отъ холода и голода. Вообще эта осада была настолько тяжела для непріятеля, что канцлеръ Радзивилъ совѣтовалъ назвать крѣпость не Бѣлою, а Красною, въ виду большого количества крови, пролитой безполезно подъ ея стѣнами.

Въ довершеніе всего, получено было извѣстіе, что турки готовятся къ враждебнымъ дѣйствіямъ противъ Польши и уже подходятъ къ границамъ ея. Положеніе поляковъ оказалось настолько невыгоднымъ, что

они первые предложили миръ, который и былъ заключенъ въ маѣ 1634 г. на р. Поляновкѣ, почти на тѣхъ же условіяхъ, что и въ Деулинѣ.

Послѣ Поляновскаго договора, Россія пользовалась миромъ до конца царствованія Михаила Ѳеодоровича. Только на южной границѣ ея происходили враждебныя дѣйствія между турками и донскими казаками, которые едва не вовлекли и Москву въ войну съ Турціей. Дѣло въ томъ, что казаки еще издавна занимались грабежомъ на берегахъ Азовскаго и Чернаго морей, чѣмъ возбуждали неудовольствіе султана противъ Россіи. Отъ грабежей, казаки перешли къ болѣе серьезнымъ дѣйствіямъ: въ 1637 г. они взяли турецкую крѣпость Азовъ и утвердились въ ней. Всѣ попытки турокъ выбить ихъ оттуда были тщетны. Въ 1641 г. султанъ Ибрагимъ I повелъ войско въ 240.000 чел., при 100 орудіяхъ, противъ Азова, въ которомъ сидѣло всего съ небольшимъ 5.000 казаковъ. Несмотря на чрезмѣрное неравенство силъ, казаки отбили 24 приступа, и турки, потерявъ 20.000 чел., должны были снять осаду.

Отбивъ турокъ, казаки увѣдомили объ этомъ Царя, прося его присоединить Азовъ къ своимъ владѣніямъ. Для рѣшенія этого вопроса созванъ былъ соборъ, на которомъ положено отказаться отъ Азова, чтобы не навлечь войны съ Турціей. Рѣшеніе собора сообщено было казакамъ, которые вскорѣ очистили городъ, предварительно разрушивъ его до основанія.

Въ то время, какъ на западѣ Россія, истощенная смутами междуцарствія, утратила часть своихъ владѣній, попавшихъ въ руки поляковъ и шведовъ, на востокѣ предѣлы ея продолжали расширяться.

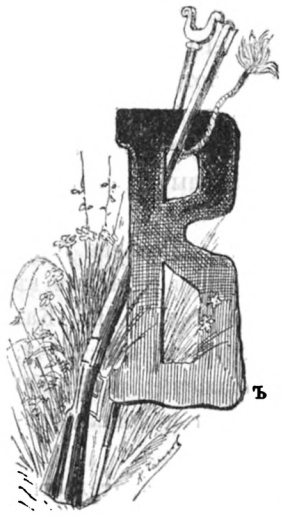
Въ теченіе Смутнаго времени поступательное движеніе русскихъ въ Сибири остановилось, такъ какъ сибирскіе казаки, не получая изъ Россіи помощи, едва только держались противъ туземцевъ. Но съ водвореніемъ въ Москвѣ твердой власти, движеніе ихъ на востокъ возобновилось.

Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ сталъ посылать въ Сибирь свои войска, укрѣплять города и посылать русскихъ людей для заселенія края. Введено было правильное административное устройство въ занятыхъ земляхъ и для управленія ими учрежденъ въ Москвѣ особый Сибирскій приказъ.

Скоро русскіе твердою ногой стали въ западной Сибири до Енисея. Отсюда предпріимчивые охотники, торговцы и иные промышленники стали проникать все далѣе и далѣе на востокъ. За ними двигались казаки и иные ратные люди, покорили туземцевъ: тунгузовъ, бурятъ, якутовъ и друг., строили города, остроги, острожки, и къ концу царствованія Михаила Ѳеодоровича владѣнія Россіи въ сѣверной Азіи простирались уже отъ Оби до отдаленной Камчатки.

ГЛАВА XXI.

Войны въ царствованіе Алексѣя Михайловича.—Борьба его съ Польшею за Малороссію.—Побѣды Богдана Хмельницкаго надъ Поляками при Желтыхъ Водахъ и Корсунѣ въ 1648 и при Зборовѣ въ 1649 г.—Пораженіе его при Берестечкѣ.—Хмѣльницкій проситъ Алексѣя Михайловича принять Малороссію подъ покровительство Россіи. — Въ 1653 г. Малороссія присоединяется къ Россіи, которая объявляетъ Польшѣ войну.— Подступленіе арміи царя къ Смоленску. — Сдача многихъ городовъ русскимъ. — Побѣда Трубецкаго при Борисовѣ въ августѣ 1654 г.—Неудачный штурмъ Смоленска 16 августа.—Сдача Смоленска въ сентябрѣ.—Взятіе Витебска въ ноябрѣ.— Бѣдствія моровой язвы.—Взятіе Минска и Вильно въ 1655 году и затѣмъ Ковно и Гродно.—Пораженіе Сапѣги Урусовымъ при Верховичѣ.—Пораженіе поляковъ у Градска въ Галиціи; Хмельницкій беретъ со Львова контрибуцію. — Шведы овладѣваютъ Краковомъ и Варшавой.—Полное истощеніе Польши.—Шведскій король Карлъ X принимаетъ покровительство надъ Литвою, съ условіемъ возвратить Литвѣ занятыя русскими владѣнія Литвы.—Война со Швеціей съ 1656 по 1661 г. — Взятіе Динабурга и осада Риги. — Удачная вылазка шведовъ изъ Риги 2 октября 1656 г.— Снятіе осады.— Перемиріе со шведами въ 1658 г. на три года и миръ 1661 г. въ Кардисѣ.



Въ предъидущей главѣ мы видѣли, какъ неудачно кончилась попытка русскихъ овладѣть Смоленскомъ въ 1632—33 году и вернуть обратно коренныя русскія области, отторгнутыя у Москвы поляками по Деулинскому договору. Но, несмотря на эту неудачу, въ Москвѣ не могли помириться съ потерей этихъ областей и миръ съ Польшею не могъ быть проченъ до тѣхъ поръ, пока онѣ оставались въ рукахъ враговъ Россіи. И дѣйствительно, спустя 20 лѣтъ по заключеніи мира на р. Поляновкѣ, между Русью и Польшею происходитъ новое вооруженное столкновеніе; ближайшимъ поводомъ къ нему послужили дѣла малороссійскія.

Малороссійскіе казаки уже издавна вели отчаянную борьбу съ поляками, вызванную главнымъ образомъ тѣми гоненіями, которымъ подвергалось православное населеніе Украйны со стороны польскаго правительства. Конецъ XVI и начало XVII вѣковъ ознаменованы цѣлымъ

рядомъ возстаній казаковъ подъ предводительствомъ храбрыхъ вождей, изъ которыхъ особенно прославились Наливайко, Тарасъ и Остраница. Возстанія эти сопровождались съ обѣихъ сторонъ страшными опустошеніями и жестокостями. Когда польскому правительству удавалось подавить ихъ, положеніе казаковъ становилось еще тяжелѣе и невыносимѣе прежняго. Случалось, что поляки не въ состояніи были сломить сопротивленіе казаковъ открытою силою, тогда они прибѣгали къ измѣнѣ и вѣроломству. Такъ было въ 1638 г., когда гетманъ Остраница, вскорѣ послѣ блистательной побѣды, одержанной надъ непріятелемъ на р. Старицѣ, былъ схваченъ ими измѣннческимъ образомъ и преданъ мучительной смерти. Послѣ гибели Остраницы, казалось, что Малороссія уже не въ состояніи бороться за свою вѣру и свободу. Но скоро явился человѣкъ, съумѣвшій поднять казаковъ на новую отчаянную борьбу съ ненавистными для нихъ притѣснителями, и затмившій своими успѣхами всѣхъ своихъ предшественниковъ. Этотъ человѣкъ былъ Богданъ Хмѣльницкій.

Возстаніе украинскихъ казаковъ подъ предводительствомъ Хмѣльницкаго началось въ 1648 году. Первое столкновеніе его съ польскими войсками произошло у Желтыхъ-Водъ. Здѣсь поляки потерпѣли рѣшительное пораженіе, причемъ погибъ начальникъ ихъ войска, Стефанъ Потоцкій. Въ томъ же году поляки потерпѣли новое страшное пораженіе при Корсунѣ; войска ихъ были совершенно разсѣяны и вся артилерія, знамена и обозъ достались побѣдителямъ.

Въ слѣдующемъ, 1649 г., часть польскаго войска окружена была казаками и находившимися въ союзѣ съ ними крымскими татарами въ Зборожѣ. На выручку польскому отряду двинулся самъ король Янъ-Казиміръ. Узнавъ о его приближеніи, Хмельницкій вышелъ ему навстрѣчу, и у Зборова нанесъ непріятелю третье страшное пораженіе: до 20.000 поляковъ легли на мѣстѣ, весь станъ короля, всѣ обозы и пушки сдѣлались добычею побѣдителей.

Подъ впечатлѣніемъ Зборовскаго погрома польское правительство стало предлагать миръ, соглашаясь на значительныя уступки. Миръ былъ заключенъ, но поляки, по обыкновенію, не исполнили условій его. Тогда Хмельницкій, соединившись снова съ Крымскимъ ханомъ, началъ новую борьбу съ поляками, но на этотъ разъ дѣла пошли неудачно: въ битвѣ подъ Берестечкомъ татары оставили неожиданно Хмельницкаго и казаки были разбиты. Послѣ этой неудачи положеніе Малороссіи сдѣлалось такимъ же, какъ до Зборовскаго договора. Чувствуя себя не въ силахъ бороться съ Польшею, Хмельницкій обратился къ Московскому царю, прося его принять Малороссію подъ свое покровительство. Для рѣшенія малороссійскаго вопроса, въ Москвѣ собрана была въ 1653 году земская дума, на которой положено присоединить Малороссію къ Московскому государству. Въ январѣ слѣдующаго года въ Переяславлѣ

собралась общая казацкая рада и присягнула царю; а царскіе чиновники стали приводить къ присягѣ на вѣрность казацкіе полки въ разныхъ частяхъ Украйны.

На земскомъ соборѣ 1653 года, вмѣстѣ съ присоединеніемъ Малороссіи, рѣшено было объявить войну Польшѣ. Враждебныя дѣйствія начались въ слѣдующемъ 1654 г. Въ маѣ самъ царь, съ главнымъ войскомъ, выступилъ изъ Москвы и двинулся на западъ, по направленію къ Смоленску. Изъ Брянска направленъ въ Малороссію князь Трубецкой для совмѣстныхъ дѣйствій съ Хмельницкимъ, который съ своей стороны послалъ 12.000 казаковъ подъ начальствомъ полковника Золотаренко къ Смоленску. Для обезпеченія южныхъ границъ государства отъ нашествія крымскихъ татаръ, дѣйствовавшихъ на этотъ разъ за-одно съ поляками, посланъ былъ къ Бѣлгороду князь Василій Шереметевъ. Кромѣ того, направлены были войска противъ Полоцкаго воеводства, подъ начальствомъ воеводъ Шеина и кн. Хованскаго. Всего же Россія выставила въ поле до 200.000 человѣкъ.

Кромѣ своихъ вооруженныхъ силъ, Московское правительство разсчитывало на сочувствіе и поддержку всѣхъ православныхъ жителей Литвы и Бѣлоруссіи. Чтобы возбудить ихъ противъ поляковъ, разосланы были повсюду воззванія о вооруженіи противъ общаго врага. Войскамъ приказано всячески щадить населеніе края, не жечь, не грабить, относиться къ нему милостиво. Подобныя мѣры, разумѣется, должны были расположить мирныхъ обывателей въ пользу русскихъ, тѣмъ болѣе, что войны того времени, какъ извѣстно, почти постоянно сопровождались насиліями, грабежами и пожарами городовъ и селъ.

Съ самаго начала походъ былъ удаченъ. Первымъ сдался русскимъ Дорогобужъ, откуда поляки бѣжали въ Смоленскъ; за Дорогобужемъ сдались Невель и Бѣлая. Въ концѣ іюня былъ обложенъ Смоленскъ, обратное взятіе котораго составляло завѣтную мечту русскаго правительства со времени Деулинскаго договора. Скоро къ Смоленску прибылъ самъ царь и здѣсь, одно за другимъ, стали получаться извѣстія о сдачѣ бѣлорусскихъ городовъ. Успѣхи русскаго оружія не ограничивались только взятіемъ городовъ. Въ открытомъ полѣ, послѣ неудачи одного изъ русскихъ отрядовъ подъ Оршею, князь Трубецкой нанесъ въ августѣ мѣсяцѣ около Борисова рѣшительное пораженіе гетману Радзивилу. Знамена, пушки, обозъ непріятеля достались побѣдителю. 12 полковниковъ и 270 людей различныхъ чиновъ были взяты въ плѣнъ; самъ Радзивилъ, раненый въ схваткѣ, едва спасся съ немногими изъ своихъ людей бѣгствомъ.

Въ это время осада Смоленска продолжалась. Отъ начала ея прошло почти 2 мѣсяца, а дѣло все не подвигалось впередъ: комендантъ города, литовскій воевода Обуховичъ, оборонялся упорно и не хотѣлъ

ни за что сдаться. Тогда положено было принять противъ него болѣе рѣшительныя мѣры.

16-го августа русскіе произвели общій приступъ. Дѣйствія ихъ въ началѣ увѣнчались успѣхомъ: послѣ упорной схватки они взобрались уже на стѣну и на одну изъ башенъ. Но тутъ осажденные взорвали эту башню и занявшіе ее русскіе воины взлетѣли на воздухъ. Благодаря этому обстоятельству приступъ, стоившій осаждавшимъ до $1^1/_2$ тысячи человѣкъ, былъ отбитъ.

Но, несмотря на отбитіе приступа, положеніе осажденныхъ было весьма затруднительно. Потери ихъ въ теченіе осады и во время штурма были весьма значительны; для обороны стѣнъ, съ 34 башнями, оставалось не болѣе 2.000 чел. годныхъ къ бою; при этомъ какъ стѣны, такъ и башни сильно пострадали; въ порохѣ былъ недостатокъ. Казаки стали перебѣгать къ русскимъ. Видя невозможность держаться долѣе, Обуховичъ началъ переговоры о сдачѣ города.

10-го сентября непріятель согласился сдать Смоленскъ; но начальники его не хотѣли сразу очистить городъ и старались, всячески, оттянуть время. Тогда, наконецъ, сами жители отворили русскимъ городскія ворота. 23 сентября литовскіе воеводы должны были выступить изъ Смоленска. Проходя со своими войсками мимо царя, они били ему челомъ и клали передъ нимъ знамена на землю, въ знакъ покорности. Такимъ образомъ смыто было безчестье, которое перенесли московскія рати подъ этимъ же городомъ въ 1634 году.

Между тѣмъ, бѣлорусскіе города продолжали одинъ за другимъ переходить въ руки русскихъ. Въ числѣ ихъ были Могилевъ и Витебскъ, взятый въ ноябрѣ, съ бою, бояриномъ Василіемъ Шереметевымъ. Въ декабрѣ вся Бѣлоруссія уже запята была царскими войсками, но дальнѣйшіе успѣхи ихъ остановлены были моровою язвой, свирѣпствовавшей въ Москвѣ и многихъ другихъ городахъ. Самъ царь вернулся изъ-подъ Смоленска къ Вязьмѣ и сталъ принимать мѣры противъ распространенія эпидеміи, которая прекратилась осенью того же года.

Въ мартѣ 1655 года царь снова былъ подъ Смоленскомъ и въ маѣ двинулся далѣе на западъ. Лѣтомъ взятъ былъ Минскъ, а скоро очередь дошла и до столицы литовской—Вильны. Въ концѣ іюля кн. Черкасскій съ Золотаренкомъ встрѣтилъ въ разстояніи полумили отъ этого города гетмановъ Радзивила и Гонсѣвскаго и напалъ на нихъ. Произошель упорный бой, продолжавшійся съ шести часовъ дня до часу ночи. Наконецъ непріятель долженъ былъ уступить и, разбитый на голову, бѣжалъ за р. Вилію. Тогда русскіе воеводы подступили къ Вильнѣ, защищаемой небольшимъ гарнизономъ, который, чувствуя себя не въ силахъ отстаивать большой городъ, оставилъ его, а самъ заперся въ замкѣ. 30-го іюля Московскій царь совершилъ торжественный въѣздъ

въ столицу Литвы, а на слѣдующій день взятъ былъ, по его приказанію, замокъ, остававшійся еще въ рукахъ непріятеля. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ взяты были прочіе важнѣйшіе литовскіе города—Ковно и Гродно.

Изъ Ковно русскіе воеводы, князья Урусовъ и Барятинскій, двинулись на югъ къ Бресту и, не доходя до него 150 верстъ, разбили поляковъ при Бѣлыхъ-Пескахъ. Но скоро кн. Урусовъ самъ потерпѣлъ неудачу въ дѣлѣ съ Сапѣгой, подъ самымъ Брестомъ, и долженъ былъ отступить отъ города за р. Бугъ, гдѣ и расположился обозомъ. Литовцы выбили его и отсюда. Тогда Урусовъ расположился въ 25 вер. отъ Бреста у дер. Верховичей. Но и здѣсь Сапѣга настигъ его, обошелъ и отрѣзалъ отъ воды.

Два дня сидѣли русскіе въ осадѣ, лишенные воды и окруженные непріятелемъ. Видя безвыходное положеніе московскаго отряда, Сапѣга предложилъ Урусову сдаться, но получилъ отказъ. Урусовъ рѣшилъ лучше вступить въ честный бой, хотя и при невыгодныхъ условіяхъ, чѣмъ согласиться на постыдную сдачу, и вышелъ на встрѣчу врагу. И что же? Въ произшедшей битвѣ литовцы были разбиты на голову, русскіе преслѣдовали ихъ на протяженіи 6 верстъ и взяли 4 пушки и 28 знаменъ.

Въ это время русскіе воеводы, соединившіеся съ Хмельницкимъ, дѣйствовали удачно на югѣ. Въ іюлѣ мѣсяцѣ они вступили въ Галицію, а въ сентябрѣ напали на поляковъ, подъ начальствомъ Потоцкаго, у Гродека, въ 30 вер. къ западу отъ Львова. Первоначально успѣхъ сталъ склоняться на сторону непріятеля, но около полудня поляки замѣтили, что въ тылу ихъ показались какія-то войска. Принявъ ихъ за русскихъ, они ударились въ бѣгство. Скоро оказалось, что это была помощь, подходившая къ нимъ изъ Перемышля; но поправить дѣло было уже поздно: поляки потерпѣли полное пораженіе. Весь лагерь непріятеля, пушки, запасы и множество плѣнныхъ остались въ рукахъ побѣдителей.

Послѣ побѣды подъ Гродекомъ русскіе съ казаками подступили ко Львову. Простоявъ двѣ недѣли, Хмельницкій потребовалъ сдачи города и, не получивъ отвѣта, началъ обстрѣливать его изъ пушекъ; но скоро онъ перемѣнилъ образъ дѣйствій и, взявъ съ жителей Львова выкупъ, снялъ осаду и ушелъ въ Украйну.

Такимъ образомъ результатомъ походовъ 1654 и 55 годовъ было, какъ мы видѣли, занятіе московскими войсками Бѣлоруссіи и Литвы. Положеніе Польскаго королевства сдѣлалось еще тяжелѣе, когда во время войны съ Москвою, на него напалъ другой врагъ—шведскій король, Карлъ X. Дѣйствія шведовъ были настолько удачны, что они скоро заняли Варшаву и Краковъ, и вся Великая Польша очутилась въ ихъ рукахъ. Король Янъ-Казимиръ, лишенный средствъ бороться съ двумя сильными внѣшними врагами, бѣжалъ въ Силезію; Польша почти перестала существовать.

Но вскорѣ обстоятельства измѣнились, и Польское королевство спасено было отъ окончательной гибели. Карлъ X сталъ предъявлять притязанія на Литву, занятую русскими, а князь Радзивилъ, съ нѣкоторыми другими литовскими магнатами, отдался подъ покровительство Шведскаго короля, который обѣщалъ вернуть имъ всѣ земли, занятыя войсками царя. Послѣдствіемъ подобнаго образа дѣйствій со стороны Карла X-го было столкновеніе между Москвою и Швеціей; съ Польшею же враждебныя дѣйствія прекратились и начались переговоры о мирѣ.

Раздраженный притязаніями Шведскаго короля, царь Алексѣй Михайловичъ двинулъ свои войска, лѣтомъ 1656 г., въ Ингерманландію. Въ то же время патріархъ Никонъ предложилъ направить донскихъ казаковъ на Финскій заливъ и на Балтійское море, чтобы громить и опустошать берега ихъ подобно тому, какъ они дѣлали это на Азовскомъ и Черномъ моряхъ.

Дѣйствія русскихъ войскъ въ Ингерманландіи были успѣшны. Въ іюнѣ мѣсяцѣ взяты были: Орѣшекъ, при истокѣ Невы изъ Ладожскаго озера, и Канцы у ея устья.

Въ іюлѣ царь двинулся самъ изъ Полоцка, по правому берегу Двины въ Ливонію. Въ ночь на 31 число русскіе подступили къ Динабургу, передъ разсвѣтомъ пошли на приступъ и къ утру уже овладѣли городомъ. Въ половинѣ августа взятъ былъ другой крѣпкій городъ, Кокенгузенъ, а въ концѣ мѣсяца царь подошелъ къ Ригѣ и осадилъ ее.

Вторженіе русскихъ въ Ливонію было настолько неожиданно, что шведы не могли оказать нигдѣ сопротивленія въ открытомъ полѣ, не располагая для этого достаточнымъ числомъ войскъ. Гарнизонъ Риги былъ также весьма слабъ. Все обѣщало русскимъ успѣхъ. Благодаря густымъ садамъ, которые окружали городъ и которыхъ жители не успѣли уничтожить, царскія войска могли подойти къ нему довольно близко и стали строить окопы и батареи. Осажденные пытались было помѣшать этимъ работамъ вылазками, но безуспѣшно, потерпѣвъ при этомъ значительный уронъ. Окончивъ осадныя работы, русскіе открыли сильный огонь по городу. Стрѣльба продолжалась день и ночь и причиняла шведамъ много вреда. Въ довершеніе всего, въ городѣ, не приготовившемся къ осадѣ, оказался недостатокъ жизненныхъ припасовъ и осажденные стали терпѣть отъ голода.

Но, несмотря на такія неблагопріятныя условія обороны, комендантъ Риги, графъ Магнусъ Делагарди, не только не хотѣлъ сдаваться, но и продолжалъ производить вылазки. Въ это время Карлъ X успѣлъ принять нѣкоторыя мѣры для защиты Ливоніи, и дѣла стали принимать невыгодный для русскихъ оборотъ; кромѣ того, здѣсь снова обнаружилась ненадежность иноземныхъ наемниковъ: иностранные офицеры начали переходить къ шведамъ и стали предупреждать ихъ о намѣреніяхъ осаждающихъ.

Въ сентябрѣ, осажденные получили подкрѣпленія отъ короля. Русскіе и иностранные начальники стали склонять Царя снять осаду Риги, ссылаясь на силу ея укрѣпленій и невозможность обложить городъ со всѣхъ сторонъ, почему шведы постоянно могли получать помощь морскимъ путемъ. Но Царь твердо рѣшилъ овладѣть Ригою и продолжалъ осаду.

2-го октября осажденные неожиданно произвели вылазку и напали на окопы русскихъ. На этотъ разъ вылазка ихъ была очень удачна, благодаря полученнымъ подкрѣпленіямъ. Царскія войска понесли большой уронъ и потеряли 17 знаменъ.

Въ то же время въ Ливоніи вспыхнуло возстаніе крестьянъ, сдѣлавшее положеніе русскихъ войскъ довольно затруднительнымъ, особенно въ отношеніи подвоза и добыванія на мѣстѣ продовольственныхъ припасовъ. Это обстоятельство, въ связи съ неудачею 2-го октября и съ распространившимися слухами о приближеніи самого Карла X на выручку Риги, заставило Царя снять осаду и отступить отъ города.

Въ слѣдующемъ 1657 г. война со Швеціей продолжалась съ перемѣннымъ успѣхомъ. Въ 1658 г. русскіе овладѣли Ямбургомъ и подступили къ Нарвѣ. Однако скоро счастье перемѣнилось, и шведы отняли обратно Ямбургъ и Канцы, которыми русскіе овладѣли въ самомъ началѣ войны. Этимъ и кончились военныя дѣйствія между Россіей и Швеціей, такъ какъ все вниманіе Царя снова должно было обратиться на Польшу.

Вторженіе русскихъ войскъ въ Ливонію отвлекло часть силъ Карла X отъ Польши и спасло ее отъ окончательнаго уничтоженія. Яну-Казиміру удалось даже вернуть значительную часть своихъ владѣній, занятыхъ шведами. Видя, что дѣла приняли благопріятный оборотъ, польскій сеймъ рѣшилъ прервать перемиріе съ Россіей и объявить ей снова войну, съ цѣлью отвоевать все, что занято было русскими въ Литвѣ и Бѣлоруссіи. Узнавъ объ этомъ, Алексѣй Михайловичъ рѣшилъ заключить миръ со Швеціей, съ тѣмъ, чтобы снова обратить всѣ свои силы противъ Польши.

Переговоры со шведами начались въ 1658 г., въ Веліесари, около Нарвы, гдѣ заключено было предварительное перемиріе на 3 года; окончательный же миръ заключенъ былъ въ 1661 г. въ Кардисѣ. По условіямъ этого мира, русскіе вернули шведамъ всѣ занятые города, какъ-то: Дерптъ, Маріенбургъ, Кокенгаузенъ и другіе.

ГЛАВА XXII.

Продолженіе войнъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича. — Вторая Польская война 1658—1667 гг.—Пораженіе Гонсѣвскаго у Кейданъ 22-го сентября 1658 г.—Гетманъ Малороссіи Выговскій съ татарами подступаетъ къ Кіеву.— Разбитіе его Шереметевымъ, въ томъ же году. — Въ 1659 г. 150.000 армія Трубецкого вступаетъ въ Малороссію. — Осада Конотопа.—Полное пораженіе Пожарскаго подъ Конотопомъ. — Татары оставляютъ Выговскаго. — Бѣгство послѣдняго.— Успѣхи русскихъ въ Литвѣ въ 1660 г. — Пораженіе Потоцкаго, Огинскаго и другихъ. — Колебаніе военнаго успѣха съ обѣихъ сторонъ на театрѣ войны въ Литвѣ и въ Малороссіи.— Бой у Любара и Чуднова.—Измѣна Юрія Хмельницкаго. — Сдача отряда Шереметева на капитуляцію. — Прибытіе главной польской арміи къ Вильно въ 1661 г. и ея неудачи.—Сдача Вильны иностранными офицерами. — Неопредѣленность дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій съ обѣихъ сторонъ. — Андрусовскій миръ 1667 г. — Бунтъ Стеньки Разина.

Въ августѣ 1658 г. Царь приказалъ русскимъ воеводамъ въ Литвѣ возобновить военныя дѣйствія. Поляки съ своей стороны, даже въ теченіе переговоровъ о мирѣ, проявляли враждебныя намѣренія, и отряды ихъ, подъ начальствомъ Сапѣги и Гонсѣвскаго, приближались къ Вильнѣ.

Начало новой войны въ Литвѣ было неудачно для русскихъ: Гонсѣвскій нанесъ пораженіе князю Юрію Долгорукову около Кейданъ, причемъ русскіе потерпѣли значительный уронъ. Однако эта неудача не смутила Долгорукова и онъ не переставалъ помышлять о новой битвѣ.

Послѣ дѣла у Кейданъ русское и польское войско три недѣли стояли другъ противъ друга. Наконецъ, 22-го сентября, на разсвѣтѣ, русскіе незамѣтно подошли къ непріятелю и ударили на него совершенно неожиданно. Несмотря на внезапность нападенія, литовцы быстро пришли въ себя: конница ихъ ударила на передовыя войска русскихъ, которыя сами обратились въ бѣгство. Тогда Долгоруковъ, съ своей стороны, ввелъ въ дѣло два свѣжихъ полка стрѣльцовъ, которые и рѣ-

шили дѣло: литовцы ударились въ бѣгство и самъ Гонсѣвскій попалъ въ плѣнъ.

Побѣда Долгорукова могла быть еще рѣшительнѣе, и другой литовскій гетманъ, Сапѣга, также не избѣжалъ бы его рукъ, еслибъ этому не помѣшало мѣстничество русскихъ воеводъ. Несмотря на то, что еще въ началѣ похода Царь приказалъ всѣмъ быть безъ мѣстъ, т.-е. не считаться старшинствомъ и мѣстами, сотенные головы: кн. Барятинскій и двое Плещеевыхъ—отказались идти на помощь Долгорукову, ссылаясь, что это имъ невмѣстно, и лишили его, вслѣдствіе этого, возможности нанести врагу болѣе рѣшительный ударъ.

Вскорѣ дѣйствія въ Литвѣ отошли на второй планъ, и вниманіе воюющихъ сторонъ сосредоточилось, главнымъ образомъ, на Малороссіи, гдѣ въ это время произошли значительныя перемѣны. Еще во время переговоровъ съ Польшею о мирѣ умеръ Богданъ Хмельницкій; новый гетманъ, Выговскій, измѣнилъ Москвѣ и передался полякамъ. Однако эта измѣна не передала Украйны въ руки Польши: среди казаковъ нашлись новые предводители, которые рѣшили стоять за соединеніе съ Москвою и, будучи поддержаны московскими воеводами, повели упорную, ожесточенную борьбу съ приверженцами Выговскаго и Польши. Борьба эта, въ которой приняли участіе и крымскіе татары, не желавшіе упустить удобнаго случая пограбить, затянулась на долгіе годы и, въ концѣ концовъ, обратила плодородныя равнины Украйны въ безлюдную пустыню.

Въ то время, какъ Гонсѣвскій и Сапѣга подступали къ Вильнѣ, Выговскій съ 100-тысячнымъ войскомъ, состоявшимъ изъ казаковъ и татаръ, подошелъ къ Кіеву, занятому русскими подъ начальствомъ Шереметева. Въ жаркой схваткѣ подъ Кіевомъ, продолжавшейся цѣлый день, Шереметевъ одержалъ верхъ. Татары и казаки бѣжали, оставивъ въ рукахъ побѣдителя 48 знаменъ и 20 пушекъ. Вскорѣ послѣ того Выговскій былъ вторично разбитъ княземъ Ромодановскимъ.

Такъ благопріятно завершился для русскихъ 1658 годъ какъ въ Литвѣ, такъ и въ Малороссіи. Но за то слѣдующій 1659 годъ былъ однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ для Москвы за все время борьбы ея съ Польшею за Малороссію.

Еще въ январѣ 1659 г. изъ Москвы выступило многочисленное войско, которое должно было направиться въ Украйну для поддержки казаковъ, остававшихся вѣрными Россіи. Начальникомъ его назначенъ былъ кн. Трубецкой, на котораго правительство возлагало большія надежды; силы его простирались до 150.000 чел. пѣхоты и конницы, съ большимъ числомъ пушекъ.

Быстро двинулся Трубецкой на югъ и, сдѣлавъ въ 15 дней около 500 верстъ, былъ 30-го числа уже въ Сѣвскѣ. Но за то здѣсь онъ

простоялъ цѣлый мѣсяцъ. Несмотря на громадныя силы, находившіяся въ его распоряженіи, онъ долженъ былъ пытаться достигнуть успѣха въ Малороссіи мирнымъ путемъ, убѣдивъ Выговскаго отказаться отъ союза съ Польшею и подчиниться Россіи. Только когда эта попытка оказалась неудачною, онъ двинулся далѣе, но теперь пошелъ уже гораздо медленнѣе: только 19-го апрѣля подошелъ онъ къ Конотопу, гдѣ заперся одинъ изъ приверженцовъ Выговскаго, и осадилъ городъ.

Два мѣсяца тянулась безуспѣшная осада Конотопа, пока наконецъ 27 іюля не подошелъ къ нему на выручку самъ Выговскій со своими казаками и Крымскимъ ханомъ. Спрятавъ всѣхъ татаръ и часть казаковъ въ закрытомъ мѣстѣ за рѣчкою Сосновкою, онъ неожиданно напалъ на русскихъ, побилъ много народу, но затѣмъ началъ быстро отступать за рѣчку. Полагая, что у непріятеля больше войскъ не имѣется, московскіе воеводы послали для его преслѣдованія князей Пожарскаго и Львова съ конницею. Пожарскій настигъ казаковъ, нанесъ имъ пораженіе и принялся быстро гнать ихъ. Скоро ему донесли, что по близости сидятъ въ засадѣ еще много казаковъ и цѣлая орда татаръ съ ханомъ ихъ Калгою; пылкій Пожарскій, упоенный успѣхомъ, не обращалъ вниманія ни на какія предостереженія и продолжалъ запальчиво гнаться за врагомъ, крича: „давайте мнѣ ханишку, давайте Калгу! всѣхъ ихъ съ войскомъ вырубимъ и выплѣнимъ“.

Но не долго торжествовалъ пылкій побѣдитель. Какъ только конница его перешла за рѣку Сосновку, на нее, неожиданно, со всѣхъ сторонъ нахлынули несмѣтныя толпы казаковъ и татаръ. Пожарскій потерпѣлъ полное пораженіе и самъ попалъ въ плѣнъ. Вмѣстѣ съ нимъ въ руки непріятеля попало 5.000 чел. лучшей конницы Трубецкаго и всѣ они были перебиты самымъ безчеловѣчнымъ образомъ.

Слухъ о Конотопскомъ разгромѣ быстро достигъ Москвы и произвелъ здѣсь ужасъ и смятеніе. Трубецкой не только не оправдалъ возлагавшихся на него надеждъ, но и подвергъ гибели лучшую часть своего войска. Насколько удручающее впечатлѣніе произвела эта неудача, видно изъ того, что въ самой Москвѣ стали опасаться непріятельскаго нашествія, и въ августѣ мѣсяцѣ начались работы по укрѣпленію города окопами; а окрестные жители толпами бросились искать спасенія въ стѣнахъ столицы.

Однако дальнѣйшія событія показали, что всѣ эти опасенія были совершенно излишни. Успѣхъ Выговскаго представлялъ собою явленіе случайное, и съ его плохо устроеннымъ скопищемъ, составленнымъ изъ разнородныхъ, плохо связанныхъ элементовъ, нечего было и думать о движеніи на Москву.

Послѣ пораженія Пожарскаго, казаки и татары двинулись было противъ самого Трубецкаго, но безуспѣшно: благодаря своей много-

численной артилеріи, князь отбилъ всѣ попытки своихъ враговъ и ушелъ въ Путивль. Скоро въ непріятельскомъ войскѣ произошло раздѣленіе: до хана дошли слухи, что молодой Юрій Хмельницкій, сынъ Богдана, ходилъ въ Крымъ, разгромилъ 4 улуса и увелъ много плѣнныхъ. Встревоженный этимъ извѣстіемъ, ханъ удалился самъ въ Крымъ, оставивъ Выговскому только 15.000 татаръ. Оставленный ханомъ и не получая помощи отъ короля Польскаго, который самъ находился въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, Выговскій ушелъ въ Чигиринъ. Отсюда онъ выслалъ своихъ казаковъ, подъ начальствомъ своего брата Данііла; но отрядъ этотъ разбитъ былъ московскими воеводами, которые ударили на него изъ Кіева. Видя, что помощи ему ждать неоткуда, и что положеніе его становится непрочнымъ, Выговскій бѣжалъ въ польскій станъ подъ Бѣлою-Церковью, гдѣ расположено было королевское войско подъ начальствомъ Андрея Потоцкаго. Тогда казаки избрали своимъ гетманомъ Юрія Хмельницкаго, который присягнулъ на вѣрность Московскому царю.

Успѣхи русскихъ въ Малороссіи не ограничились бѣгствомъ Выговскаго и присягою Хмельницкаго съ казаками на вѣрность царю; въ концѣ года кіевскій воевода Шереметевъ разбилъ самого Потоцкаго и отнялъ у него весь обозъ. Такимъ образомъ успѣхъ Выговскаго подъ Конотопомъ не имѣлъ серьезныхъ послѣдствій, и къ началу 1660 года положеніе русскихъ въ Украйнѣ было вполнѣ благопріятно. Въ Литвѣ начало 1660 года также было весьма удачно для русскихъ: кн. Иванъ Хованскій взялъ и выжегъ Брестъ и разбилъ одного за другимъ трехъ непріятельскихъ военачальниковъ—Полубенскаго, Обуховича и Огинскаго.

Но эти удачныя дѣйствія скоро опять смѣнились новыми неудачами, и перевѣсъ снова сталъ переходить на сторону враговъ Россіи. Эти постоянныя колебанія военнаго счастья составляютъ отличительную черту продолжительной борьбы Россіи съ Польшей за Малороссію, и могутъ быть объяснены отсутствіемъ твердой системы и общаго плана въ веденіи войны. Благодаря такому отсутствію единства въ дѣйствіяхъ, какъ рѣшительныя побѣды, такъ и полныя пораженія не влекутъ за собою важныхъ послѣдствій ни для той, ни для другой стороны; и сегоднешній побѣдитель, сплошь и рядомъ, обращается завтра въ побѣжденнаго, и наоборотъ. Подобный характеръ борьбы объясняетъ и ея продолжительность; и только полное истощеніе силъ враждующихъ сторонъ, кладетъ ей, въ концѣ концовъ, предѣлъ.

Лѣтомъ 1660 г. Хованскій разбитъ былъ соединенными отрядами Чарнецкаго, Сапѣги и друг. у м. Полонки. Одержавъ успѣхъ надъ Хованскимъ, непріятель двинулся противъ другаго русскаго воеводы, дѣйствовавшаго въ Литвѣ, князя Долгорукова. Столкновеніе русскихъ съ поляками и литовцами произошло въ 30 вер. отъ Могилева, у м. Гу-

барева, и кончилось побѣдою Долгорукова 26 сентября. Въ октябрѣ непріятель повторилъ свое нападеніе. На этотъ разъ ему удалось опрокинуть русскую конницу, но пѣхота стойко выдержала напоръ врага и въ порядкѣ отошла въ свой станъ, послѣ чего Долгоруковъ отступилъ къ Могилеву.

Въ Малороссіи Шереметевъ уговорился съ Хмельницкимъ идти на Львовъ и выступилъ съ этою цѣлью изъ Кіева по дорогѣ на Котельву; Хмельницкій долженъ былъ идти другимъ путемъ, на Бердичевъ.

Пройдя за Котельву, Шереметевъ 4-го сентября наткнулся у Любара на многочисленное польско-татарское войско. Силы поляковъ, подъ начальствомъ Потоцкаго, простирались свыше 40.000 чел.; татаръ при нихъ было до 60.000. У Шереметева же было только 30.000 русскихъ, по большой части новобранцевъ, и нѣсколько тысячъ казаковъ съ обоихъ береговъ Днѣпра.

Видя, что одному ему не справиться съ такимъ сильнымъ врагомъ, русскій воевода, въ ожиданіи помощи отъ Хмельницкаго, заперся въ обозѣ. Несмотря на громадное неравенство силъ, русскіе два дня отбивали всѣ нападенія непріятеля, и хотя потеряли при этомъ свыше 1.500 чел., однако не падали духомъ. Но скоро въ станѣ ихъ появился другой врагъ—голодъ, съ которымъ справиться было не такъ легко. Чтобы добыть гдѣ-нибудь въ окрестностяхъ запасъ продовольствія, высланъ былъ изъ стана 3-тысячный отрядъ. Но эта попытка кончилась неудачею: татары напали изъ засады на русскій отрядъ, убили 500 чел. и взяли въ плѣнъ 300.

Тогда Шереметевъ, чтобы выйти изъ своего тяжелаго положенія, рѣшилъ пустить въ дѣло особую военную хитрость. Три дня отрядъ его сидѣлъ въ своемъ обозѣ совершенно тихо, не подавая никакихъ признаковъ жизни, съ цѣлью усыпить бдительность врага. Затѣмъ, рано утромъ 13 сентября, русскіе совершенно неожиданно вышли вдругъ изъ обоза и двинулись къ польскому стану. Однако имъ не удалось застигнуть непріятеля врасплохъ: поляки успѣли приготовиться къ встрѣчѣ и вышли также изъ своего стана въ поле. Тогда русскіе снова укрылись въ своемъ обозѣ. Но какъ только поляки вернулись въ свой станъ и едва успѣли сойти съ лошадей, русскіе опять вышли въ поле. Четыре раза повторялась эта тревога и каждый разъ безуспѣшно. Къ вечеру русскіе, утомленные безполезными попытками, окончательно ушли въ свой станъ. 14-го числа, ночью, они снова стали подкрадываться къ непріятелю, но опять безуспѣшно.

Теперь наступило время принять какое-нибудь окончательно рѣшеніе. Дольше оставаться въ обозѣ было невозможно,—у русскихъ не было ни хлѣба, ни фуража, ни пороху. Истомленное голодомъ и усталостью войско начало роптать и требовать, чтобы его вывели ночью

изъ обоза. Но Шереметевъ и тутъ не упалъ духомъ и, считая постыднымъ бѣжать ночью, воровскимъ образомъ, уговорилъ своихъ подчиненныхъ дождаться утра. „Стыдно намъ бѣжать,—говорилъ онъ,—будучи въ такой силѣ; подождемъ до завтрашняго утра, до 7 часовъ".

Передъ разсвѣтомъ 17-го числа Шереметевъ выслалъ свой обозъ съ слабѣйшею частью войска по направленію къ Чуднову и затѣмъ только двинулся самъ съ лучшими полками. Такъ какъ въ это время уже разсвѣло, то непріятель замѣтилъ отступленіе русскихъ и двинулся вслѣдъ за ними. Шереметевъ храбро отбилъ всѣ нападенія враговъ, хотя и лишился при этомъ значительнаго числа людей, 400 повозокъ и 9 пушекъ.

Цѣлый день и цѣлую ночь отступалъ русскій отрядъ и, пройдя 40 верстъ, достигъ утромъ 18 числа города Чуднова. Но здѣсь не кончились еще его испытанія. Не успѣли русскіе отдохнуть, какъ черезъ 3 часа, по прибытіи ихъ къ Чуднову, около него уже появились поляки и заняли замокъ и гору, которая командовала надъ городомъ. Оставаться въ немъ при этихъ условіяхъ было уже невозможно; зажегши городъ и захвативъ сколько можно было продовольствія, Шереметевъ вышелъ въ поле и расположился въ укрѣпленномъ станѣ; русскіе стали на равнинѣ, а казаки расположились на возвышенности. Едва войско Шереметева успѣло устроиться въ своемъ лагерѣ, какъ непріятель окружилъ его со всѣхъ сторонъ и открылъ по немъ огонь изъ пушекъ.

Такимъ образомъ русскій отрядъ опять очутился почти въ такомъ же положеніи, какъ и у Любара,—опять превосходный непріятель обложилъ его и отрѣзалъ ему всѣ пути для отступленія и для подвоза продовольствія. Въ такомъ положеніи обѣ стороны провели 8 дней.

Но тутъ судьба послала русскому войску, перенесшему столько испытаній, небольшую передышку отъ всяческихъ невзгодъ. Въ польскомъ и русскомъ станѣ пронесся слухъ о приближеніи Хмельницкаго. Слухъ этотъ возбудилъ среди поляковъ опасеніе, какъ бы казаки не заняли высокой горы, находившейся въ тылу ихъ стана, и послѣдствіемъ подобнаго опасенія было то, что непріятель отодвинулъ свой лагерь нѣсколько назадъ; русскіе пріобрѣли бо́льшую свободу дѣйствій и найдя, по указанію жителей Чуднова, запасы хлѣба, успокоились въ ожиданіи помощи отъ Хмельницкаго. Поляки, съ своей стороны, чтобы не допустить приближенія этой помощи, направили часть своего войска противъ малороссійскаго гетмана, а другую оставили у Чуднова противъ русскаго стана.

Гдѣ же находился и что дѣлалъ въ теченіе всего этого времени Хмельницкій? Отъ встрѣчи Шереметева съ непріятелемъ у Любара прошло три недѣли и гетманъ могъ бы давно уже выручить московское войско, еслибы дѣйствительно желалъ этого. Причина бездѣятельности

его крылась въ тайномъ намѣреніи измѣнить присягѣ царю и передаться полякамъ.

Но Хмельницкій еще колебался. Когда къ нему подошелъ польскій отрядъ, направленный изъ-подъ Чуднова, между казаками и поляками произошла жаркая схватка, въ которой послѣдніе понесли большой уронъ и вернулись въ свой станъ у Чуднова. Шереметевъ хотѣлъ воспользоваться раздѣленіемъ силъ непріятеля и пытался выйти изъ своего стана, но потерпѣлъ неудачу. Нѣсколько дней спустя онъ сдѣлалъ новую попытку вырваться на свободу. Выступленіе его должно было совершиться неожиданно для поляковъ; но наканунѣ одинъ казакъ, перебѣжавшій къ непріятелю, выдалъ Потоцкому намѣреніе русскихъ. Поляки успѣли приготовиться и на слѣдующій день загорѣлся отчаянный бой. Несмотря на всѣ усилія Шереметева, ему пришлось снова вернуться въ свой станъ и запереться въ немъ.

Скоро и послѣдняя надежда на избавленіе исчезла для русскаго войска. Хмельницкій началъ съ поляками переговоры о мирѣ и 9 октября присягнулъ королю. Вслѣдъ за тѣмъ онъ сталъ подговаривать казаковъ, находившихся въ русскомъ станѣ, послѣдовать его примѣру, и убѣдилъ одного изъ ихъ полковниковъ, съ 2.000 чел., передаться полякамъ.

Теперь положеніе Шереметева сдѣлалось окончательно безвыходнымъ, и тѣмъ болѣе тяжелымъ, что и впереди не было никакой надежды на спасеніе. Держаться на мѣстѣ тоже нельзя было долго: „отъ пушечной и гранатной стрѣльбы тѣснота была великая; съ голоду ратные люди ѣли палыхъ лошадей и мерли; пороху и свинцу у нихъ не стало“. Чтобы спасти свои войска отъ окончательной гибели, Шереметевъ, истощившій всѣ средства борьбы, продержавшись еще 11 дней, сдался на капитуляцію. Условіемъ ея поставлено было очищеніе русскими войсками Кіева, Переяславля, Нѣжина и Чернигова. Но такъ какъ русскіе воеводы въ этихъ городахъ не хотѣли исполнить условій Чудновской капитуляціи, то Шереметевъ съ его войсками оставленъ былъ въ плѣну, и отведенъ татарами въ Крымъ.

Послѣ Чудновскаго погрома, въ Москвѣ снова стали опасаться нашествія непріятеля на столицу. Положеніе государства въ это время было чрезвычайно тяжелое: продолжительная война истощила всѣ его силы; войско было разстроено, казна пуста. Но не въ лучшемъ положеніи была и Польша, гдѣ къ послѣдствіямъ тяжкой войны присоединились еще внутреннія смуты. Подъ Чудновомъ войско стало требовать жалованья и, не получивъ его, отказалось повиноваться своимъ начальникамъ. Благодаря этому обстоятельству, успѣхъ поляковъ надъ войскомъ Шереметева не имѣлъ дальнѣйшихъ послѣдствій.

Въ 1661 г. война ведется съ перемѣннымъ счастіемъ и въ Литвѣ и въ Малороссіи. Самъ король двинулся къ Гродно, занялъ его и под-

ступилъ къ Вильнѣ. Но здѣсь поляки потерпѣли неудачу: русскій воевода, кн. Мышецкій, оказалъ такое упорное сопротивленіе, что непріятель вынужденъ былъ уйти ни съ чѣмъ.

Осенью того же года поляки снова вернулись къ Вильнѣ и осадили ее. Но и на этотъ разъ Мышецкій, несмотря на то, что у него было всего 78 чел. солдатъ, отказался сдаться и оборонялся упорно сперва въ городѣ, а затѣмъ въ замкѣ. Наконецъ, истощивъ всѣ средства обороны, онъ рѣшилъ лучше умереть, чѣмъ уступить врагу. Съ этою цѣлью онъ заготовилъ 10 бочекъ пороху, чтобы взорвать себя вмѣстѣ съ замкомъ на воздухъ. Однако такого геройскаго намѣренія не раздѣляли находившіеся въ составѣ гарнизона иностранные офицеры. Желая избѣжать участи, которую готовилъ имъ русскій воевода, они связали Мышецкаго и сдали замокъ королю.

Такимъ образомъ русскіе утратили снова, взятую въ началѣ первой войны, столицу Литвы. Кромѣ того, въ этомъ же году потеряны были Минскъ и Могилевъ. Удачнѣе шли дѣла въ Малороссіи, гдѣ дядя Юрія Хмельницкаго — Самко, желавшій загладить измѣну своего племянника, успѣшно боролся съ поляками и татарами, и очистилъ отъ нихъ почти всю Украйну.

Послѣдующіе годы борьбы Россіи съ Польшею за Малороссію не представляютъ крупныхъ военныхъ событій. Обѣ стороны, истощенныя упорною продолжительною войною, напрягаютъ послѣднія усилія, чтобы не уступить другъ другу. Военныя дѣйствія представляютъ собою рядъ стычекъ безъ всякаго общаго руководства; причемъ успѣхъ колеблется то въ ту, то въ другую сторону. Въ концѣ концовъ, русскіе теряютъ большую часть своихъ завоеваній въ Литвѣ и Бѣлоруссіи. Въ Украйнѣ же, преданные царю казаки, съ небольшими московскими отрядами, ведутъ ожесточенную борьбу съ поляками и татарами. Въ это время здѣсь является новый дѣятель, Петръ Дорошенко, помышлявшій завладѣть гетманскою булавой и создать изъ Малороссіи отдѣльное владѣніе, подъ покровительствомъ Турціи.

Истощеніе Россіи и Польши, заставляло ихъ неоднократно помышлять о мирѣ; но всѣ попытки въ этомъ направленіи кончались ничѣмъ, вслѣдствіе непомѣрныхъ требованій договаривавшихся сторонъ. Только въ апрѣлѣ 1666 г., начались, въ дер. Андрусовой, переговоры, приведшіе къ окончательному миру въ январѣ слѣдующаго 1667 года. По этому миру Россія пріобрѣла Смоленскъ съ Сѣверскимъ княжествомъ и Украйну, на лѣвомъ берегу Днѣпра; правый берегъ остался за Польшею, кромѣ Кіева, который долженъ былъ остаться за Россіею на 2 года, но остался за нею навсегда.

Скоро послѣ окончанія тяжелой Польской войны Московскому правительству пришлось имѣть дѣло съ опаснымъ внутреннимъ врагомъ.

Жившіе на юго-восточной окраинѣ государства казаки и прежде неоднократно причиняли правительству много тяжкихъ заботъ своими грабежами на Дону и Волгѣ. Не довольствуясь этими разбоями, они переплывали Азовское, Черное и Каспійское моря, разоряли турецкіе и персидскіе берега, чѣмъ ссорили Россію съ ея южными сосѣдями. Но особенно широкіе размѣры приняли безчинства казаковъ, когда во главѣ ихъ явился энергичный, предпріимчивый предводитель, въ лицѣ Степана Разина, озлобленнаго существующимъ порядкомъ вещей, отъявленнаго врага помѣщичьей и административной власти, въ лицѣ ея корыстныхъ исполнителей, но вполнѣ признававшаго власть царя. Самъ выйдя изъ крестьянской среды, лично оскорбленный, онъ отомстилъ жестоко своему оскорбителю помѣщику и бѣжалъ, собирая вокругъ себя всѣхъ, подобно ему озлобленныхъ и безпріютныхъ. А такихъ оказалось множество.

Перейдя съ Волги на Яикъ, Разинъ переплылъ отсюда въ Персію, разгромилъ берега ея и въ 1670 г. вернулся на Волгу, взялъ Царицынъ, а за нимъ и Астрахань, гдѣ чернь приняла его сторону и помогла одолѣть защитниковъ города. Изъ Астрахани Разинъ двинулся вверхъ по Волгѣ, занялъ Самару и Саратовъ. Въ то же время, во всѣ стороны разосланы были казаки возмущать крестьянъ, и скоро буйный мятежъ охватилъ все обширное пространство между Волгою и Окою. Казаки и крестьяне грабили и жгли помѣстья, убивали ихъ владѣльцевъ; въ городахъ побивали воеводъ и приказныхъ людей. Къ казакамъ и крестьянамъ присоединились татары и разные инородцы—черемисы, чуваши, мордва. Пожаръ разливался все шире и шире по всему привольному Поволжью. Противъ шаекъ Разина были высланы царскія войска.

Въ сентябрѣ Разинъ подошелъ къ Симбирску и встрѣтился здѣсь съ отрядомъ князя Барятинскаго. Произошла жаркая схватка, не имѣвшая рѣшительнаго исхода; но ночью Разинъ, при помощи жителей Симбирска, овладѣлъ острогомъ. Тогда Барятинскій ушелъ къ Тетюшамъ, оставивъ въ маломъ городѣ окольничаго Милославскаго съ небольшимъ отрядомъ.

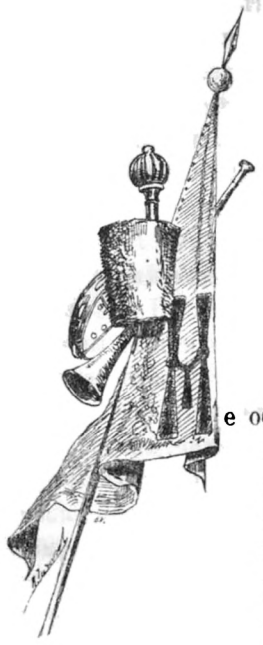
По уходѣ Барятинскаго Разинъ пошелъ на приступъ къ малому городу. Милославскій, несмотря на малочисленность своихъ силъ, отбилъ его, а также еще 3 послѣдовательныхъ приступа мятежныхъ скопищъ. Тогда атаманъ, видя, что ничего не можетъ подѣлать съ царскимъ войскомъ, сталъ уходить изъ Симбирска; но въ 2 вер. отъ него снова встрѣтился съ Барятинскимъ. Въ происшедшей схваткѣ Разинъ былъ разбитъ и раненъ, послѣ чего заперся въ острогѣ, надѣясь отсидѣться въ немъ отъ царскаго воеводы.

Чтобы заставить Разина уйти изъ-подъ Симбирска, Барятинскій, ночью, послалъ полковника Чубарова за р. Свіягу, чтобы шумомъ и крикомъ ввести мятежниковъ въ заблужденіе, будто съ этой стороны къ царскимъ войскамъ подходятъ подкрѣпленія.

Испуганный Разинъ бѣжалъ потихоньку; а Барятинскій и Милославскій напали на обозъ мятежниковъ и острогъ и зажгли его. Лишившись своего предводителя, мятежники, поражаемые съ двухъ сторонъ и вытѣсняемые огнемъ, бросились къ рѣкѣ, въ надеждѣ спастись на судахъ, но были почти всѣ перетоплены.

Въ концѣ октября, Барятинскій нанесъ мятежникамъ новое пораженіе. Разинъ бѣжалъ внизъ по Волгѣ, затѣмъ на Донъ, пытался поднять здѣсь казаковъ, но вмѣсто того былъ самъ схваченъ атаманомъ Донскаго войска, отправленъ въ Москву и казненъ. Нѣкоторое время мятежники еще держались въ Астрахани, но скоро и здѣсь возстановленъ былъ законный порядокъ.

ГЛАВА XXIII.



Войны въ періодъ со смерти Алексѣя Михайловича до единодержавія Петра I. — Чигиринскіе походы. — Сдача Чигирина гетманомъ Дорошенко русскимъ войскамъ въ 1676 г.—Турецкія войска и крымскіе татары подступаютъ къ Чигирину въ 1677 г. и требуютъ сдачи Юрію Хмельницкому, назначенному султаномъ въ гетманы.—Упорная защита Чигирина и отступленіе непріятеля.— Вторичная осада Чигирина турками и татарами въ 1678 г. и безуспѣшность ея.—Пожаръ въ городѣ и очищеніе его русскими. — Бахчисарайскій миръ 1681 года. Крымскій походъ кн. Голицына въ 1681 г. — Татары зажгли степь, Голицынъ возвратился изъ Крыма.—Новый походъ, его же, въ 1689 году.— Бой у Черной долины 16 мая, и 20 мая у Перекопа.—Вторичное отступленіе Голицына въ предѣлы Россіи.

Не обезпечилъ спокойствія въ Украйнѣ Андрусовскій миръ, по которому восточная часть Малороссіи формально присоединена была къ Россіи. Гетманъ западной стороны, Дорошенко, продолжалъ волновать ее своими честолюбивыми замыслами; передавшись подъ покровительство Турціи, онъ пытался соединить подъ своею властью всю Малороссію какъ на правомъ, такъ и на лѣвомъ берегахъ Днѣпра. Однако попытки его кончились неудачею, и къ началу царствованія преемника Алексѣя Михайловича, Ѳедора Алексѣевича, обѣ половины Украйны, избравшія своимъ гетманомъ Самойловича, признавали надъ собою власть царя Московскаго. Въ рукахъ Дорошенка оставался одинъ только Чигиринъ, расположенный на р. Тясминѣ, одномъ изъ правыхъ притоковъ Днѣпра.

Послѣ тщетныхъ попытокъ склонить Дорошенка очистить Чигиринъ мирнымъ путемъ, рѣшено было вытѣснить его оттуда силою. Съ этою цѣлью двинуты были сюда въ 1676 году нѣсколько казачьихъ полковъ лѣваго берега, и часть русскаго войска подъ начальствомъ Самойловича и князя Ромодановскаго. Дорошенко, разсчитывавшій на помощь запорожцевъ и крымскихъ татаръ, рѣшилъ дать отпоръ русскому войску.

Однако надежды Дорошенка оказались тщетными,—помощи ему подано не было, а между тѣмъ Самойловичъ и Ромодановскій, нахо-

дившіеся на лѣвомъ берегу Днѣпра, подходили къ нему все ближе. Скоро передовой отрядъ ихъ, силою около 20.000 чел., появился подъ самымъ Чигириномъ. Послѣ непродолжительнаго боя, видя, что на успѣхъ ему надѣяться нечего, Дорошенко вступилъ въ переговоры и сдался съ 2.000 казаковъ Ромодановскому и Самойловичу, сложивъ передъ ними знаки гетманскаго достоинста: булаву, зная и бунчукъ. Послѣ того, низложенный гетманъ отправленъ былъ въ Сосницу, на восточномъ берегу Днѣпра, а отсюда, въ началѣ 1677 года, въ Москву.

По низложеніи Дорошенка, Турецкій султанъ, считавшій уже Малороссію своимъ вассальнымъ владѣніемъ, назначилъ гетманомъ, находившагося у него въ плѣну, Юрія Хмельницкаго. Чтобы подтвердить это назначеніе силою оружія, послано было, вмѣстѣ съ Хмельницкимъ, подъ Чигиринъ многочисленное турецкое войско, подъ начальствомъ Ибрагима-паши.

4 марта 1677 г. турки осадили Чигиринъ и потребовали сдачи его. Начальникъ гарнизона, генералъ-маіоръ Трауернихтъ, не только отвѣчалъ на это требованіе отказомъ, но и сдѣлалъ однажды ночью удачную вылазку, причемъ отъ взятыхъ имъ плѣнныхъ узналъ о числительности непріятельскихъ войскъ, а также о произведенныхъ ими осадныхъ работахъ. Чтобы открыть себѣ доступъ въ городъ, турки повели подкопъ подъ замокъ съ цѣлью взорвать его на воздухъ. По счастью, во время этой работы они наткнулись на дикій камень и вынуждены были остановить ее.

Тѣмъ не менѣе положеніе осажденныхъ было весьма трудное. Превосходныя силы непріятеля обложили ихъ тѣсно, со всѣхъ сторонъ, вслѣдствіе чего никакія извѣстія извнѣ не проникали въ городъ; защитники его не знали, могутъ ли они разсчитывать на выручку или нѣтъ; а между тѣмъ, скоро стало извѣстно, что на помощь къ туркамъ подошелъ еще и Крымскій ханъ съ ордою.

Въ виду такого безнадежнаго положеиія дѣлъ, гарнизонъ уже сталъ падать духомъ. Но въ это время неожиданно подоспѣла помощь и къ осажденнымъ.

Самойловичъ, находившійся въ это время на лѣвомъ берегу Днѣпра, двинулся къ Чигирину; сюда же направлялся и Ромодановскій. Соединивъ свои войска, они 17 августа отправили впередъ легкій отрядъ изъ полка пѣхоты и 1.000 чел. драгунъ, съ приказаніемъ спѣшить къ Чигирину какъ можно скорѣе, двигаясь днемъ и ночью. Отрядъ этотъ благополучно переправился черезъ Днѣпръ и, прокравшись ночью незамѣтно черезъ линію обложенія непріятеля, пробрался въ городъ. Легко себѣ представить радость осажденныхъ, полагавшихъ уже, что о нихъ совсѣмъ забыли, когда для нихъ явилась надежда, что къ нимъ спѣшитъ помощь и что помощь эта уже недалеко.

25-го числа Ромодановскій и Самойловичъ появились на лѣвомъ берегу Днѣпра, противъ самаго Чигирина. Непріятель, узнавъ о приближеніи русскихъ войскъ, выдвинулъ часть своихъ силъ впередъ къ правому берегу, чтобы помѣшать русскимъ и казакамъ переправиться черезъ рѣку. Здѣсь расположился Крымскій ханъ со своими татарами и частью турокъ. Кромѣ самаго берега онъ занялъ также находившійся на Днѣпрѣ островъ. Однако эта мѣра не остановила Ромодановскаго и Самойловича, которые выбили непріятеля съ острова, а затѣмъ съ него перешли и на правый берегъ. 28 августа они напали на расположенныя здѣсь силы турокъ и татаръ, разбили ихъ и преслѣдовали на протяженіи 5 верстъ. На другой день всѣ остальныя войска непріятеля бросили осаду и ушли отъ Чигирина, оставивъ подъ нимъ до 4.000 труповъ убитыхъ янычаръ.

Послѣ неудачнаго похода 1677 г., турки, въ слѣдующемъ году, снова двинулись съ большими силами къ Чигирину. Положеніе города теперь было еще хуже, чѣмъ въ первый разъ: стѣны, разрушенныя во время первой осады, не были исправлены, запасовъ не было, новый воевода Чижевскій, отправленный сюда изъ Кіева, пришелъ безъ войскъ. Въ то же время Ромодановскій и Самойловичъ, двигавшіеся на помощь къ Чигирину, наступали очень медленно. Въ началѣ іюля они подошли къ лѣвому берегу Днѣпра противъ города и начали переправляться. 9 числа, когда большая часть ихъ силъ находилась еще на лѣвой сторонѣ, турки, подъ начальствомъ Кара-Мустафы, появились у Чигирина и осадили его.

На слѣдующій день татары, незамѣтно, перешли черезъ Днѣпръ и напали на русскіе обозы, еще не успѣвшіе переправиться. Нападеніе это было отбито съ большимъ уономъ для непріятеля. 12-го числа всѣ силы Ромодановскаго и Самойловича находились уже на правомъ берегу. Тогда турки выслали противъ нихъ часть своихъ войскъ изъ-подъ Чигирина. Войска эти расположились въ 7 вер. отъ русскихъ и производили на нихъ постоянныя нападенія, которыя однако были удачно отбиваемы.

Особенно жаркія схватки происходили въ началѣ августа. Русскіе, не только отбили всѣ нападенія непріятеля, но и завладѣли весьма важною горою недалеко отъ Чигирина, и вошли даже въ сношенія съ защитниками города.

Однако эти успѣхи принесли мало пользы. 11-го числа турки взорвали три подкопа подъ нижнимъ городомъ, и вслѣдствіе взрыва ближайшіе городскіе дома загорѣлись. Защитники города, испуганные взрывомъ и пожаромъ, бросились бѣжать за рѣку Тясмину, ища спасенія въ русскомъ обозѣ. Но турки зажгли мостъ, причемъ много бѣглецовъ потонуло въ рѣкѣ. Въ то же время, въ другой части Чигирина,

въ старомъ верхнемъ городѣ, осажденные успѣшно отбивались отъ турокъ до самой ночи.

Ночью Ромодановскій и Самойловичъ приказали осажденнымъ очистить городъ окончательно и выйти изъ него въ русскій станъ. Когда это было исполнено, то, на разсвѣтѣ, московскія войска съ казаками ушли снова къ Днѣпру. Турки же хотя и остались обладателями Чигирина, но простояли здѣсь недолго: 20-го числа отъ нихъ уже не осталось и слѣда. Такимъ образомъ, обѣ стороны, послѣ упорной борьбы, разошлись по разнымъ направленіямъ, бросивъ безъ вниманія тотъ пунктъ, который былъ предметомъ этой борьбы.

Послѣ похода 1678 г. турки отказались отъ дальнѣйшихъ попытокъ овладѣть Украйною, и только крымскіе татары продолжали тревожить ее своими набѣгами, не имѣвшими, впрочемъ, почти никакихъ послѣдствій. Наконецъ, въ 1681 г., заключенъ былъ въ Бахчисараѣ миръ съ Турціей, по которому султанъ окончательно отказался отъ своихъ правъ на Малороссію.

Изъ всѣхъ татарскихъ владѣній, образовавшихся на развалинахъ Золотой орды, долѣе всѣхъ просуществовало ханство Крымское. Хотя ханство это уже и не могло угрожать политической самостоятельности Московскаго государства, оно, тѣмъ не менѣе, представляло собою весьма опаснаго и непріятнаго сосѣда. Въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій Россія подвергалась частымъ набѣгамъ крымцевъ, проникавшихъ даже до самой столицы ея. Набѣги эти постоянно сопровождались страшными опустошеніями и грабежами: города и села обращались въ груды развалинъ и пепла; жители уводимы были десятками тысячъ въ Крымъ, гдѣ и изнывали въ тяжкой неволѣ.

Чтобы положить конецъ этимъ бѣдствіямъ, правительница Софья Алексѣевна, сестра государей Іоанна и Петра Алексѣевичей, объявленныхъ государями послѣ смерти Алексѣя Михайловича, подъ управленіемъ Софьи до ихъ совершеннолѣтія,—рѣшила предпринять, съ большими силами, походъ въ Крымъ. Для обезпеченія этого предпріятія, она заключила союзъ съ Польшей, Австріей и Венеціей противъ Турціи. Въ то время, какъ союзники Россіи отвлекали вниманіе турокъ въ Трансильваніи и Морѣ, русскіе имѣли возможность раздѣлываться съ ханомъ безъ помѣхи со стороны его могущественнаго покровителя—султана.

Числительность войска, собраннаго для похода въ Крымъ, простиралась до 100.000 чел., изъ коихъ 40.000 солдатъ и стрѣльцовъ, 20.000 копейщиковъ и рейтаръ; остальную часть составляли люди различныхъ иныхъ наименованій и казаки. Начальникомъ этого войска

былъ назначенъ князь Василій Голицынъ, не отличавшійся необходимыми для такого серьезнаго предпріятія военными дарованіями, но пользовавшійся особымъ расположеніемъ правительницы, которая пожелала предоставить ему случай отличиться на ратномъ поприщѣ.

Главное препятствіе для достиженія цѣли похода представляли не столько вооруженныя силы непріятеля, сколько тѣ естественныя затрудненія, съ которыми предстояло бороться русскимъ войскамъ. Къ югу отъ рѣчки Конскія-Воды, лѣваго притока Днѣпра, простиралась обширная степь, въ которой вода встрѣчалась очень рѣдко, и траву для корма лошадей можно было найти не во всякое время года, такъ какъ въ сильные лѣтніе жары, она почти повсемѣстно выгорала. Разстояніе отъ р. Конскія-Воды до крѣпости Перекопа, преграждавшей доступъ на Крымскій полуостровъ по узкому перешейку между Чернымъ и Азовскимъ морями, равно приблизительно 150 верстамъ.

Въ маѣ 1687 г. русское войско собралось на р. Мерло *) и выступило къ югу. Впереди двигался авангардъ, изъ 7 полковъ стрѣлецкихъ и солдатскихъ; а за нимъ слѣдовали главныя силы, въ составъ которыхъ входили пѣхота, кавалерія и артилерія. Движеніе совершалось довольно медленно, такъ что разстояніе до рѣки Конскія-Воды, равное 300 верстамъ, пройдено было въ 4 недѣли.

13-го іюня русскія войска вступили въ обширную Крымскую степь. Съ первыхъ же шаговъ ихъ здѣсь встрѣтило весьма непріятное зрѣлище: вся степь, на необъятномъ пространствѣ, охвачена была страшнымъ пожаромъ, уничтожившимъ повсюду подножный кормъ для скота. Тогда собранъ былъ военный совѣтъ для рѣшенія вопроса, какъ поступить въ виду такого затруднительнаго обстоятельства. На совѣтѣ рѣшено было продолжать походъ.

Однако выполнить это рѣшеніе было не легко: люди и животныя страшно страдали отъ сильнаго зноя и жажды; кормить лошадей было нечѣмъ. Пройдя въ два дня едва 12 вер., Голицынъ собралъ новый совѣтъ, на которомъ положено было отступить, что немедленно и было исполнено. Войско вернулось къ рѣкѣ Конскія-Воды, не видавъ даже непріятеля.

Несмотря на эту неудачу, въ 1689 г. предпринятъ былъ новый походъ въ Крымъ и—опять подъ начальствомъ Голицына. Числительность силъ, находившихся въ его распоряженіи, простиралась до 112.000 чел. при 700 орудіяхъ. Походъ рѣшено было начать весною, чтобы не терпѣть недостатка въ водѣ и травѣ.

Въ началѣ мая Голицынъ соединился на рѣкѣ Самарѣ съ малороссійскими казаками, подъ начальствомъ новаго гетмана Ивана Ма-

---

*) Харьков. губ., Богодухов. уѣз., лѣвый притокъ Ворсклы. *Ред.*

зены, и двинулся къ рѣкѣ Конскія-Воды. Порядокъ движенія принятъ былъ такой же, какъ и во время перваго похода: впереди шелъ авангардъ подъ командою Шеина и Гордона, а за нимъ—главныя силы въ 6 колоннахъ.

На этотъ разъ русскому войску пришлось имѣть дѣло и съ непріятелемъ. 16-го мая, авангардъ подвергся нападенію татаръ, верстахъ въ 70 не доходя до Перекопи, въ мѣстности, носившей названіе Черной Долины. Татарами предводительствовалъ сынъ хана—Нуреддинъ-Калга. Нападеніе было такъ стремительно, что весь авангардъ едва не былъ истребленъ, и только своевременная помощь, поданная Голицинымъ, спасла его отъ этой печальной участи.

Отбитые спереди, татары бросились на русскихъ съ тыла и опрокинули русскую конницу, а вслѣдъ за нею и пѣхоту. Но тутъ они встрѣчены были сильнымъ огнемъ артилеріи, заставившимъ ихъ отойти назадъ. Также точно, артилерійскимъ огнемъ, отражена была атака на лѣвый флангъ русскихъ. Потерпѣвъ большой уронъ и видя, что всѣ ихъ усилія остаются безполезными, татары прекратили свои нападенія и удовольствовались тѣмъ, что окружили войска Голицына издали своими наѣздниками.

20-го числа русскіе подошли къ Перекопу. Впереди крѣпости стоялъ самъ ханъ со своимъ сыномъ. Татары напали на войска Голицына, окруживъ ихъ со всѣхъ сторонъ. Нападеніе это отбито было сильнымъ огнемъ русской артилеріи. Однако непріятелю удалось захватить 20 пушекъ.

Послѣ этого дѣла татары отступили и русскіе приблизились къ Перекопу на пушечный выстрѣлъ. Овладѣніе крѣпостью оказалось дѣломъ довольно труднымъ, требовавшимъ продолжительнаго времени, а, между тѣмъ, положеніе русскаго войска было весьма затруднительное. Люди и лошади сильно терпѣли отъ жажды; по сторонамъ крѣпости можно было найти только негодную для питья соленую морскую воду, прѣсной же воды не было.

Приходилось принимать, немедленно, какое-нибудь рѣшеніе: или брать крѣпость приступомъ, или отступать. Всякое замедленіе было бы гибельно для всей арміи. Голицынъ рѣшился отступить, но, желая извлечь какія-нибудь выгоды изъ своего похода, вступилъ съ ханомъ въ переговоры. Полагая, что дѣйствія его должны были внушить непріятелю сильныя опасенія насчетъ вторженія на самый полуостровъ, онъ потребовалъ, чтобы татары дали обязательство не тревожить никогда Россію своими набѣгами. Однако ханъ, хорошо понимавшій затруднительное положеніе русскихъ войскъ, отказался, на-отрѣзъ, исполнить подобное требованіе. Тогда Голицыну оставалось только уходить ни съ чѣмъ. Совершивъ, въ страшный зной, обратный походъ по безводной

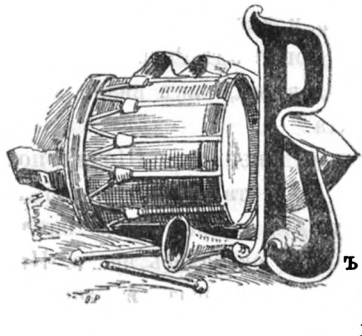
степи, русское войско достигло 29 мая южныхъ предѣловъ своего отечества.

Такъ неудачно кончилось послѣднее военное предпріятіе до-Петровской эпохи, начатое съ столь значительными силами и средствами. Походъ Голицына доказалъ, окончательно, всю несостоятельность устройства вооруженныхъ силъ Россіи, требовавшихъ безотлагательнаго и коренного преобразованія во всѣхъ отношеніяхъ.

ГЛАВА XXIV.

Состояніе военнаго дѣла на Руси въ періодъ отъ воцаренія Михаила Ѳеодоровича до Петра Великаго.

1. Порядки образованія вооруженныхъ силъ; ихъ составъ и числительная сила.—*Конница, иноземнаго строя*: рейтары и драгуны.—*Пѣхота.*—Стрѣльцы.—Пѣшіе городовые казаки.—Даточные люди.—Вооруженные жители городовъ.—Малороссійскіе казаки.—Пѣхота иноземнаго строя.—Мушкетеры и пикинеры.—Пограничныя солдатскія поселенія. — *Артилерія*. 2. *Вооруженіе, одежда, знамена* и *музыка.*—Мушкетъ, копье и сабля.—Артилерійскія орудія и техника артилерійскаго и ружейнаго дѣла.—Музыкальные инструменты—барабанъ, тулумбасы и проч. 3. *Управленіе* войсками въ мирное и военное время.—Сборъ войска для войны.—Права главнокомандующаго и его помощника.—Составленіе плана войны и способъ ея веденія. — Начальники отдѣльныхъ ратей и полковъ. — Прочіе воинскіе чины.—Хозяйственная часть. — Награды за службу. — Мѣры карательныя. 4. *Подготовка, дисциплина* и духъ войска.—Способъ веденія войны.—Походныя движенія, расположеніе на отдыхъ и образъ дѣйствія въ бою. — Военно инженерное дѣло и оборона границъ.



Въ главѣ XX настоящей книги мы видѣли, въ какомъ печальномъ состояніи находились военныя силы Московскаго государства при вступленіи на престолъ Михаила Ѳеодоровича. Молодой царь вполнѣ сознавалъ несостоятельность своего войска, особенно въ борьбѣ съ Польшей и Швеціей, усвоившими уже болѣе совершенные пріемы устройства и подготовки вооруженныхъ силъ, принятые въ то время во всѣхъ западно-европейскихъ государствахъ. Тѣмъ не менѣе, въ первые годы своего царствованія, онъ не могъ принять надлежащихъ мѣръ для улучшенія ратнаго дѣла на Руси, будучи занятъ упорною борьбою съ врагами внѣшними и внутренними. Только по водвореніи мира, извнѣ и внутри государства, явилась возможность приступить къ необходимымъ улучшеніямъ и нововведеніямъ.

Одною изъ первыхъ мѣръ, принятыхъ съ этою цѣлью правительствомъ, былъ наемъ иноземныхъ войскъ. Въ виду ожидавшейся новой войны съ Польшею, посланъ былъ въ 1631 г. въ Швецію полковникъ

Лесли, для найма 5.000 охочихъ пѣшихъ солдатъ. Въ то же время посланъ въ Данію, Голландію и Англію подполковникъ Фанъ-Дамъ—„нанять регименты добрыхъ и ученыхъ солдатъ“. На ряду съ этою мѣрою приказано было набрать нѣсколько полковъ—какъ пѣшихъ, такъ и конныхъ—изъ безпомѣстныхъ и малопомѣстныхъ дворянъ, дѣтей боярскихъ и другихъ вольныхъ людей, и обучить ихъ иноземному строю, подъ руководствомъ иностранныхъ офицеровъ.

Такимъ образомъ, положено было начало раздѣленію военныхъ силъ государства, по отношенію къ вооруженію и способу подготовки, на двѣ категоріи: 1) *войска русскаго строя*, къ которымъ принадлежали всѣ уже ранѣе существовавшіе виды, и 2) вновь учрежденныя *войска иноземнаго строя*. Въ походѣ Шеина подъ Смоленскъ, уже принимали участіе 8 полковъ этой послѣдней категоріи, общею числительностью до $9^1/_2$ тыс. человѣкъ. Съ теченіемъ времени число ихъ увеличивалось все болѣе и болѣе, и къ концу царствованія Ѳеодора Алексѣевича, въ Россіи было уже 63 полка войскъ иноземнаго строя, силою въ 90.000 чел.; войскъ же русскаго строя, въ это время, было только 60.000 человѣкъ.

Опытъ найма большого числа иноземныхъ солдатъ оказался не особенно удачнымъ. Изъ описанія осады Смоленска мы видѣли, какъ иностранные наемники переходили къ полякамъ, и какъ мало можно было полагаться на нихъ. То же происходило и при осадѣ Риги. Впрочемъ, правительство и не оказывало имъ особаго довѣрія, какъ видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго интереснаго факта.

Лѣтомъ 1633 года, посланъ былъ на присоединеніе къ Шеину, подъ Смоленскъ, конный полкъ Самойло-Шарля Дееберта. При этомъ полку слѣдовали повозки съ казною. Казалось бы, что для охраны казны вполнѣ достаточно было конницы Дееберта, но на дѣлѣ оказалось не то. Приставамъ, находившимся при войскѣ, приказано было брать въ городахъ по пяти человѣкъ стрѣльцовъ—„къ государевой казнѣ для береженья“. Значитъ, не очень полагались на благонадежность наемныхъ солдатъ.

Впослѣдствіи же, не встрѣчается уже случаевъ найма большихъ массъ иноземцевъ, и полки иноземнаго строя пополняются преимущественно русскими. Только для обученія ихъ, правительство нуждалось въ большомъ числѣ инструкторовъ изъ иностранцевъ: такъ въ одномъ 1661 г. вызвано изъ-за границы 97 начальныхъ людей, отъ полковниковъ до прапорщиковъ, и около 300 чел. капраловъ и рейтаровъ.

Разсмотримъ теперь подробнѣе составъ военныхъ силъ Россіи въ описываемый періодъ, по родамъ оружія.

Конница.

Первый разрядъ *конницы русскаго строя* составляли, какъ и прежде, дворяне, дѣлившіеся на московскихъ дворянъ, жильцовъ и городовыхъ

дворянъ. Затѣмъ къ этой конницѣ принадлежали: дѣти боярскія, новокрещены, мурзы и татарскіе князья, казаки и даточные люди.

О всѣхъ этихъ видахъ русскаго войска говорено уже было раньше въ настоящемъ трудѣ; а потому не будемъ распространяться о нихъ здѣсь. Остановимся же спеціально на тѣхъ войскахъ, которыя получили свое полное развитіе въ описываемую эпоху, а именно на полкахъ иноземнаго строя.

Конницу иноземнаго строя составляли *рейтары* и *драгуны*.

Рейтары состояли первоначально, исключительно, изъ иноземцевъ, и получали содержаніе отъ иноземнаго приказа. Въ походѣ для нихъ отводились особыя волости, съ которыхъ они должны были получать для себя хлѣбъ и фуражъ для лошадей. Такъ было, между прочимъ, во время похода Шеина подъ Смоленскъ; государь повелѣлъ, упомянутому выше полковнику Самуилу Дееберту—„и его полку ротмистрамъ и поручикамъ и всякимъ начальнымъ людемъ и русскимъ и нѣмецкимъ рейтаромъ и драгунамъ, изъ дворцовыхъ селъ на живность дати волости“.

Впослѣдствіи, стали давать иноземцамъ помѣстья и вотчины. Эта мѣра должна была привязать ихъ сильнѣе къ ихъ новому отечеству; примѣнялась она, по преимуществу, къ тѣмъ, которые принадлежали къ „старому выѣзду“ и уже обжились въ Россіи. Другихъ посылали на „кормъ“ въ города; отсюда дѣленіе иноземцевъ на помѣстныхъ и кормовыхъ.

Такъ какъ вызовъ въ Россію иностранцевъ цѣлыми частями, или „региментами“, скоро прекратился, то рейтарскіе полки стали комплектовать русскими: дѣтьми боярскими, казаками и вообще охочими вольными людьми. Брали сюда и изъ жильцовъ, городовыхъ дворянъ и дворянскихъ дѣтей, недорослей, малопомѣстныхъ и безпомѣстныхъ; пополняли ихъ и новокрещенами и татарами.

Кромѣ того, монастыри и лица, которыя по старости не могли служить сами, должны были выставлять со своихъ имѣній по одному рейтару съ каждыхъ 100 крестьянскихъ дворовъ; тотъ же законъ касался и имѣній, принадлежавшихъ вдовамъ и дѣвицамъ.

По своимъ правамъ и преимуществамъ, рейтары приравнивались къ одному разряду съ городовыми дворянами; въ особенности это касалось тѣхъ изъ нихъ, которые надѣлены были помѣстьями.

Въ мирное время, рейтары службы не несли, а жили по своимъ помѣстьямъ, гдѣ занимались хозяйствомъ. Только однажды въ году, именно осенью, послѣ уборки хлѣба, они собирались для обученья, по особому царскому указу, въ областные города, на одинъ мѣсяцъ. Обученіе это вели иноземные начальники: полковники, подполковники, маіоры и ротмистры, посылавшіеся изъ Москвы. Появились впрочемъ ин-

структоры и изъ русскихъ: дворяне и стольники, выучившіеся уже раньше иноземнымъ порядкамъ.

Кромѣ собственно обученья, высылаемые изъ Москвы полковники должны были производить рейтарамъ смотры, составлять имъ списки, осматривать вооруженіе и лошадей.

Сводились рейтары въ полки силою отъ 1.000 до 1.500 чел. Полки дѣлились на роты.

Драгуны первоначально также набирались изъ иноземныхъ наемниковъ; но уже Михаилъ Ѳедоровичъ велѣлъ записывать сюда и русскихъ охочихъ людей, изъ боярскихъ дѣтей, новокрещеновъ и татаръ, а равно изъ дѣтей и племянниковъ стрѣлецкихъ, казацкихъ и всякихъ вольныхъ охочихъ людей, которые не состояли на службѣ, не имѣли ни помѣстій, ни вотчинъ, но въ то же время не состояли ни въ тяглѣ, ни въ холопствѣ.

Въ различіе отъ рейтаровъ, драгунамъ не давали ни помѣстій, ни вотчинъ; получали они отъ казны денежное жалованье, а также оружіе, лошадей и всю ратную сбрую. По правамъ они приравнены были, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, къ городовымъ стрѣльцамъ и составляли, такимъ образомъ, второй разрядъ конницы иноземнаго строя; впрочемъ, они несли также, отчасти, и пѣшую службу.

Собирались драгуны только на время похода; по окончаніи же его они распускались по домамъ, гдѣ и обращались въ прежнее состояніе. Подобно стрѣльцамъ, они имѣли право торговать въ городахъ и заниматься разными промыслами. Бывшія подъ ними въ военное время лошади съ сѣдлами и сбруею, разсылались по различнымъ областямъ, гдѣ ихъ отдавали, для прокормленія, мѣстнымъ жителямъ, по одной лошади на четыре двора.

Царь Алексѣй Михайловичъ предполагалъ учредить на шведской границѣ изъ драгунъ особыя военныя поселенія. Въ 1648 г. повелѣно было назначить въ драгунскую службу въ Новгородскомъ уѣздѣ цѣлые погосты крестьянъ и бобылей, со всѣми селами, деревнями и угодьями— „для того, какъ сказано въ царской грамотѣ Новгородскому митрополиту, что тѣ крестьяне и бобыли живутъ смежно съ нѣмецкими людьми“.

Со времени Ѳедора Алексѣевича, уже почти не встрѣчается особыхъ драгунскихъ полковъ: такъ въ перечневой вѣдомости ратныхъ людей 1681 г. они вовсе не показаны; есть основаніе полагать, что драгуны въ это время включены были въ составъ рейтарскихъ полковъ.

Пѣхота.

Лучшую часть пѣхоты русскаго строя составляли стрѣльцы. Численность ихъ возросла при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ до 20.000 челов. Особенно большое значеніе,—впрочемъ не боевое, а политическое,—

пріобрѣли стрѣльцы, жившіе въ большомъ числѣ въ Москвѣ, при царевнѣ Софіи, давшей имъ наименованіе надворной, т.-е. придворной, пѣхоты.

Но и до этого времени стрѣльцы пользовались обширными правами и льготами: такъ, каждый получалъ отъ казны землю и домъ, могъ заниматься разными промыслами и торговлею, причемъ освобождался отъ всѣхъ податей, которыя обязаны были платить городскіе жители, впрочемъ, въ томъ только случаѣ, если торговалъ на сумму не свыше 50 рублей.

Помимо этихъ льготъ, стрѣльцы получали еще отъ казны постоянное денежное жалованье, сукно и соль. Благодаря столь хорошей служебной и матеріальной обстановкѣ, желающихъ послужить въ стрѣльцахъ всегда находилось много, что давало возможность принимать охотниковъ со стороны, съ строгимъ выборомъ; и дѣйствительно, стрѣлецкіе головы и начальники, производили подобный пріемъ не иначе, какъ за порукою старыхъ стрѣльцовъ въ томъ, что вновь поступающіе люди будутъ вполнѣ добросовѣстно нести царскую службу, и чтобы имъ—„не измѣнить и къ воровству ни къ которому не пристать“.

Полки стрѣлецкіе были весьма различной силы: въ нѣкоторыхъ считалось до 1.200 чел., въ иныхъ менѣе тысячи. Каждый полкъ имѣлъ по нѣсколько знаменъ и нѣсколько полковыхъ пушекъ.

Кромѣ стрѣльцовъ, къ пѣхотѣ русскаго строя можно причислить пѣшихъ городовыхъ казаковъ, расположенныхъ преимущественно въ пограничныхъ городахъ и составлявшихъ ихъ гарнизоны. Послѣдній разрядъ пѣшихъ ратниковъ составляли пѣшіе даточные люди, которые набирались только на случай войны. Наконецъ, при защитѣ городовъ, воеводы часто вооружали посадскихъ и уѣздныхъ жителей, росписывали ихъ по воротамъ и башнямъ, и высылали также по станицамъ, для наблюденія за непріятелемъ.

Со времени присоединенія Малороссіи начинаютъ являться, въ большомъ числѣ, въ составѣ русскаго войска малороссійскіе казаки.

Пѣхоту иноземнаго строя составляли солдаты, набиравшіеся первоначально изъ иноземныхъ наемниковъ, хотя скоро сюда начали зачислять и русскихъ. Во время похода Шеина подъ Смоленскъ, встрѣчаются уже цѣлые полки русскихъ солдатъ, обученныхъ нѣмецкому строю. Назначали въ эти полки изъ дѣтей боярскихъ, братьевъ и племянниковъ стрѣлецкихъ и всякихъ вольныхъ охочихъ людей, а равно изъ новокрещеновъ и татаръ.

Когда при Алексѣѣ Михайловичѣ, въ виду предстоящей войны съ Польшею, пришлось увеличить вооруженныя силы государства, посланы были, въ 1653 г., по городамъ государевы посланцы для вызова на службу въ солдаты дѣтей и племянниковъ боярскихъ, владѣвшихъ по-

мѣстьями, но на службѣ еще не состоявшихъ; при этомъ имъ обѣщаны государское жалованье и милость:—„будетъ имъ кормъ и денегъ дадутъ на платье“. Въ случаѣ же отказа угрожали, что—„впередъ имъ служилыми людьми не называться, и въ государевой службѣ не бывать, а быть въ землепашцахъ“.

Солдаты сводились въ полки весьма разнообразной числительной силы—отъ 1.000 до 2.000 чел. Полки назывались по имени своихъ начальниковъ, имѣли свои знамена и пушки; дѣлились они на роты. Каждый полкъ состоялъ изъ мушкетеровъ и пикинеровъ или копейщиковъ *); копейщики составляли лучшія роты въ полку и получали жалованье, большее противъ мушкетеровъ.

Первоначально солдатскіе полки дѣлились на нѣмецкіе и русскіе; впослѣдствіи же, когда ихъ стали приравнивать къ стрѣльцамъ, появились полки московскіе, городовые и выборные. Жили они въ Москвѣ и по городамъ, въ особыхъ слободахъ, получали отъ казны дома, денежное жалованье и оружіе; но въ общемъ, пользовались меньшими привилегіями, нежели стрѣльцы.

Сверхъ того существовали, въ пограничныхъ областяхъ, еще солдатскія поселенія. Въ военное время поселенцы должны были выставлять въ поле три четверти своихъ силъ. Въ мирное время они жили на своихъ участкахъ, пахали землю, не платили данныхъ и оброчныхъ денегъ, но обязаны были учиться солдатскому строю; для обученія ихъ посылались начальные люди, которые должны были собирать поселенцевъ и—„учить солдатской службѣ стройно и безлѣпостно“. Первоначально ученья производились ежедневно, по затѣмъ повелѣно поселенныхъ солдатъ „польготить“ и учить день или два въ недѣлю, чтобы они не отвыкли отъ земледѣлія.

Артилерія.

Личный составъ артилеріи представляли, попрежнему, пушкари, затинщики, плотники и кузнецы; впослѣдствіи введены были еще гранатчики. Каждый изъ этихъ разрядовъ имѣлъ свои обязанности по отношенію къ „наряду“. Они пользовались различными льготами, подобно стрѣльцамъ, хотя и менѣе широкими; получали отъ казны хлѣбное жалованье, жили въ мирное время въ своихъ домахъ и занимались торговлею и различными промыслами. Впрочемъ, они отправляли и различныя крѣпостныя и гарнизонныя службы, причемъ ихъ, между прочимъ, употребляли—„на всякія посылки“. Въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михайловича, пушкарямъ производились иногда смотры стрѣльбы изъ орудій разныхъ калибровъ и разными снарядами.

*) См. рис. №№ 51 и 52.

Всѣ разряды людей, служившихъ при нарядѣ, занимали въ городахъ особыя слободы, названія которыхъ сохранялись въ Москвѣ очень долго, а частью сохранились и до настоящаго времени, какъ-то: Гранатный переулокъ, Кузнецкій мостъ и проч. Званіе пушкаря передавалось въ потомствѣ, отъ отцовъ къ сыновьямъ; новые люди, со стороны, принимались не иначе, какъ за порукою старыхъ пушкарей.

Въ походѣ, артилерійскія орудія и прочія принадлежности наряда, возились на обывательскихъ подводахъ, взимавшихся съ населенія на основаніи особой повинности; иногда же подводы брали и по найму.

Хотя артилерія наша въ описываемый періодъ находилась не въ особенно блестящемъ состояніи, тѣмъ не менѣе, военная исторія этого времени представляетъ примѣры удачныхъ дѣйствій ея. Такъ наприм. при неудачѣ князя Трубецкаго подъ Конотопомъ въ 1659 г., огнемъ ея отбито было преслѣдованіе и нападеніе казаковъ и татаръ. Во второмъ Крымскомъ походѣ кн. Голицина, въ 1689 г., при Черной долинѣ, артилерія выручила свою пѣхоту и кавалерію, опрокинутыя непріятелемъ.

Главную массу вооруженныхъ силъ Россіи въ эту эпоху опять составляла конница. Въ перечневой росписи 1681 г. числительность ея показана равною 85.000 челов., въ томъ числѣ людей русскаго строя приблизительно 55.000 и иноземнаго—около 30.000 чел. Пѣхоты русскаго строя показано 20.000 чел. Въ это число вошли, впрочемъ, одни стрѣльцы. Солдатъ было 61.000, всего же пѣхоты 81.000 чел. Принявъ во вниманіе еще 50.000 чел. малороссійскихъ казаковъ гетманскаго полка, общая числительность русскихъ военныхъ силъ доходила до 216.000 чел.

Во случаѣ надобности, Россія могла выставить и болѣе значительныя силы, такъ какъ въ приведенное выше число не вошли еще нѣкоторые разряды пѣхоты, а именно городовые пѣшіе казаки и пѣшіе даточные люди, а равно казаки: донскіе, терскіе, яицкіе и другіе.

2. Вооруженіе, одежда, знамена, музыка.

Главный видъ вооруженія пѣхоты и кавалеріи въ началѣ XVII вѣка, составляло оружіе холодное. Но мало-помалу, оно вытѣсняется огнестрѣльнымъ, по мѣрѣ усовершенствованія этого послѣдняго. Вмѣстѣ съ тѣмъ теряетъ свое значеніе и оружіе предохранительное, встрѣчающееся въ концѣ XVII вѣка преимущественно въ видѣ сплошныхъ доспѣховъ или латъ, заимствованныхъ отъ западноевропейскихъ народовъ. Латы, благодаря высокой стоимости ихъ, составляли предметъ вооруженія лишь людей богатыхъ, высокопоставленныхъ; только простѣйшіе, болѣе легкіе и дешевые образцы ихъ, были въ употребленіи у иноземныхъ наемниковъ, служившихъ въ Россіи.

Главнѣйшее усовершенствованіе ручного огнестрѣльнаго оружія относилось къ устройству замка. Прежній фитильный замокъ окончательно замѣненъ былъ кремневымъ, достигшимъ къ концу XVII вѣка большого совершенства. Кромѣ того, ручное оружіе сдѣлалось болѣе легкимъ и удобнымъ для носки и дѣйствія.

Изъ образцовъ ручного огнестрѣльнаго оружія, кромѣ сохранившихся отъ прежнихъ временъ ручныхъ пищалей, карабиновъ и пистолей, большое распространеніе въ описываемую эпоху получили мушкеты, введенные съ учрежденіемъ у насъ иноземныхъ войскъ.

Мушкеты были еще довольно тяжелы, по причинѣ значительнаго ихъ калибра, сравнительно съ нынѣшнимъ оружіемъ, а именно на фунтъ приходилось обыкновенно по 8 пуль, хотя и считалось, что „всѣ тѣ мушкеты угоднѣе, у которыхъ пульки по десяти на фунтъ“. Для удобства прицѣливанія оружія, имѣвшаго значительный вѣсъ, дуло мушкета при стрѣльбѣ, клали на особую вилообразную подсошку *).

Вообще вооруженіе различныхъ видовъ войскъ русскаго строя, за исключеніемъ стрѣльцовъ, отличалось чрезвычайнымъ разнообразіемъ; да иначе и быть не могло при томъ условіи, что каждый воинъ являлся на войну съ собственнымъ оружіемъ. Впрочемъ, правительство предъявляло иногда свои требованія по отношенію къ вооруженію различныхъ родовъ войскъ. Такъ, въ грамотѣ Михаила Ѳеодоровича, относящейся къ 1643 году, сказано, чтобы дворяне, дѣти боярскіе и новики, были на царской службѣ въ латахъ, бехтерцахъ, панцыряхъ, шеломахъ и въ шапкахъ-мисюркахъ,—„а которые дворяне и дѣти боярскіе ѣздятъ на бой съ одними пистоли, а къ пистолямъ карабиновъ и мѣрныхъ пищалей не держатъ, и тѣ-бъ къ пистолямъ держали карабины или пищали мѣрные“, и проч.

Подобныя требованія предъявлялись даже къ послѣднему разряду русскихъ ратныхъ людей, къ даточнымъ людямъ. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и его преемникахъ повелѣно даточныхъ людей—„имѣть добрыхъ, и на лошадяхъ добрыхъ же, и оружныхъ и въ сбруѣ, въ латахъ, и въ шишакахъ и въ пансыряхъ, и въ бехтерцахъ“. Но требованія эти рѣдко кто исполнялъ; а большинство выѣзжали и выходили въ томъ, что кому нравилось, или что осталось въ наслѣдство отъ отца, дѣда или прадѣда.

Вооруженіе стрѣльцовъ и полковъ иноземнаго строя, получавшихъ оружіе отъ казны, отличалось сравнительно бо̀льшимъ однообразіемъ въ каждомъ изъ отдѣльныхъ родовъ войска. Стрѣльцы имѣли мушкеты, бердыши и сабли; а первыя сотни, сверхъ того, и копья, отчего и получили названіе копейныхъ. Рейтары вооружены были мушкетами и шпагами, а впослѣдствіи карабинами и пистолетами; сверхъ того они

*) См. рис. № 51.

носили латы и шишаки. Драгуны, кромѣ латъ, панцырей, мушкетовъ и шпагъ, снабжены были еще пиками и топорами у сѣдла, или бердышами.

Солдаты имѣли вооруженіе двухъ видовъ. Мушкетеры снабжены были шпагами и мушкетами съ подсошками, а пикинеры или копейщики—шпагами и пиками, длиною болѣе 2-хъ саженъ; сверхъ того они носили желѣзныя шапки и латы *).

Матеріальная часть нашей *артилеріи* въ эту эпоху, отличалась чрезвычайнымъ разнообразіемъ, и находилась, особенно въ началѣ XVII вѣка, можно сказать, въ хаотическомъ состояніи. Если сравнить ее съ артилеріей временъ Іоанна Грознаго, то придется сознаться, что въ артилерійскомъ дѣлѣ сдѣланъ былъ значительный шагъ назадъ.

Причинъ подобнаго явленія слѣдуетъ искать въ тѣхъ страшныхъ потрясеніяхъ, которыя Россія испытала въ теченіе Смутнаго времени. Артилерійскіе склады сосредоточены были у насъ въ Москвѣ и немногихъ иныхъ городахъ, страшно потерпѣвшихъ отъ вражескаго нашествія. Пушки и разныя принадлежности къ нимъ, были частью испорчены, частью увезены непріятелемъ.

Съ цѣлью привести въ извѣстность состояніе уцѣлѣвшаго вооруженія, находившагося по городамъ, царь Михаилъ Ѳеодоровичъ приказалъ составить опись всему воинскому имуществу. При этомъ оказалось, что уцѣлѣло весьма мало; въ большинствѣ же случаевъ, пищали находились въ такомъ состояніи, что изъ нихъ—„стрѣлять или совсѣмъ неможно, или будетъ престрашно“; повсюду найдены массы снарядовъ, которые, по словамъ воеводъ,—„ни къ какому наряду не пригодятся,—велики“ и т. п. Приходилось много заводить наново, частью дома, преимущественно же выписывать изъ-за границы. При незначительномъ развитіи техники въ Россіи и при скудости казны, это оказалось дѣломъ нелегкимъ, и артилерія наша долго не могла оправиться отъ ущерба, нанесеннаго ей Смутнымъ временемъ.

Однако, скоро русская артилерія становится весьма сильною—если не качествомъ, то количествомъ. Такъ, при отступленіи Шеина изъ-подъ Смоленска, имъ оставлено было непріятелю 112 орудій, изъ коихъ многія весьма большого калибра. Несмотря на потерю такого большого числа орудій во время войны за Малороссію, наши войска имѣютъ при себѣ опять многочисленную артилерію. Особенно же много орудій мы видимъ у князя Голицына, въ его второмъ Крымскомъ походѣ, а именно—число ихъ доходило почти до 700.

Орудія въ артилеріи отличались чрезвычайно разнообразными калибрами. Въ числѣ пушекъ, оставленныхъ Шеинымъ подъ Смоленскомъ,

*) См. рис. №№ 51 и 52.

двѣ имѣли ядра по 6 пудовъ вѣсомъ. Но встрѣчались орудія, стрѣлявшія снарядами всего въ нѣсколько фунтовъ и менѣе. Благодаря разнообразію калибровъ, приходилось для каждаго орудія имѣть свои снаряды, что, разумѣется, представляло большое неудобство. Въ описяхъ артилерійскаго имущества того времени, при перечисленіи орудій, обыкновенно упоминается, сколько къ каждому изъ нихъ имѣется снарядовъ и какого вѣса.

Весьма разнообразны были названія различныхъ видовъ орудій, таковы: пушки верхнія, верховыя мозжеры или мортиры, картауны, пищали: затинныя вѣстовыя, долгія, полуторныя и короткія; дробовики или тюфяки дробовые и проч. Однако при этомъ разнообразіи можно, все-таки, отличить три главные типа орудій, а именно: орудія для прицѣльной стрѣльбы, для навѣсной и для дѣйствія картечью или дробомъ, какъ и прежде.

По назначенію своему русская артилерія дѣлилась на *полковую*, соотвѣтствовавшую нынѣшней полевой, *крѣпостную* и *осадную*. Болѣе строгое различіе въ этомъ отношеніи стали дѣлать уже послѣ Михаила Ѳеодоровича; раньше же, обыкновенно, воеводы, во время походовъ, могли брать орудія изъ попутныхъ крѣпостей, если находили это нужнымъ, а равно могли оставлять въ нихъ часть своихъ орудій.

Полковая артилерія придавалась къ пѣхотнымъ полкамъ въ числѣ отъ 5 до 8 орудій на каждый. Это были вообще пушки и пищали, сравнительно небольшія, отъ 4-хъ до 8-фунтоваго калибра. Крѣпостная артилерія размѣщалась по городамъ и крѣпостямъ, особенно пограничнымъ, и отличалась наибольшимъ разнообразіемъ калибровъ и видовъ орудій. Осадная артилерія отличалась громадными калибрами и придавалась въ военное время къ войскамъ, назначавшимся для осады непріятельскихъ крѣпостей. Въ мирное время она хранилась, преимущественно, въ Москвѣ, Новгородѣ и Псковѣ.

Снаряды были сплошные, разрывные, зажигательные и свѣтящіе. Къ сплошнымъ принадлежали ядра разныхъ величинъ—каменныя, желѣзныя, чугунныя и свинцовыя, и картечь называвшаяся дробомъ. Первоначально картечь состояла изъ кусковъ желѣза, не имѣвшихъ опредѣленной формы, а впослѣдствіи стали употреблять картечь болѣе правильнаго вида.

Снаряды разрывные встрѣчаются какъ въ видѣ бомбъ, начиненныхъ порохомъ, такъ и болѣе сложные, напоминающіе по идеѣ гранатную картечь новѣйшаго времени.

Зажигательные и свѣтящіе снаряды состояли изъ каменныхъ или чугунныхъ ядеръ, облѣпленныхъ горючимъ составомъ, который воспламенялся при выстрѣлѣ. Встрѣчаются и болѣе сложные снаряды, составлявшіеся изъ мѣшка, въ который клали снаряженную гранату и

затѣмъ набивали его свѣтящимъ или зажигательнымъ составомъ. Чтобы препятствовать тушенію такого снаряда, его снабжали отрѣзками ружейныхъ стволовъ, заряженныхъ пулями; при горѣніи состава происходили выстрѣлы, поражавшіе подходившихъ людей.

Вообще въ отливкѣ и въ отдѣлкѣ снарядовъ не замѣчается особой тщательности. Снарядъ считался негоднымъ для даннаго орудія, если по своей величинѣ положительно не входилъ въ него; но разъ можно было вдвинуть его въ каналъ орудія, онъ признавался вполнѣ удовлетворительнымъ, несмотря ни на какой зазоръ. Изъ сказаннаго ясно, какой мѣткости можно было ожидать при подобныхъ условіяхъ.

Однимъ изъ существенныхъ недостатковъ тогдашней артилеріи, особенно чувствительнымъ для артилеріи полевой, была ея неподвижность. Орудія помѣщались первоначально на станкахъ, представлявшихъ собою, не что иное какъ деревянную колоду, въ которую вдѣлывали пушку. Но въ XVII вѣкѣ встрѣчаются уже лафеты на колесахъ; лафеты эти состояли изъ деревяннаго бруса, одинъ конецъ котораго опирался на деревянную ось, а другой—въ землю. На ось надѣвались колеса, весьма, впрочемъ, непрочныя. Къ упомянутому брусу придѣлывались, съ обѣихъ сторонъ, желѣзныя вилы, на которыхъ покоились цапфы орудія.

Благодаря неуклюжести станковъ и лафетовъ, о маневрированіи артилеріи на полѣ сраженія нечего было и думать; будучи поставлены на извѣстныхъ пунктахъ, орудія, во время всего боя, уже не могли перемѣнять мѣста. Если припомнить, что артилерія не имѣла собственныхъ перевозочныхъ средствъ, а перевозилась на обывательскихъ лошадяхъ и волахъ, владѣльцы которыхъ еще до начала боя стремились укрыться подальше, въ безопасное мѣсто, то станетъ понятнымъ, что въ случаѣ неудачнаго исхода столкновенія, орудія обыкновенно становились добычею непріятеля, такъ какъ увезти ихъ не было никакой возможности.

Разсмотримъ теперь, въ краткихъ чертахъ, состояніе артилерійской техники въ Россіи въ этотъ періодъ.

Орудія у насъ первоначально отливались изъ мѣди и выковывались изъ желѣза; мѣдныя орудія дѣлали на литейномъ дворѣ въ Москвѣ, желѣзныя—въ г. Устюжнѣ.

Позже стали отливать орудія изъ чугуна; первый чугунно-литейный заводъ у насъ устроенъ былъ въ 1637 г., около Тулы, голландцемъ Андреемъ Виніусомъ. Въ концѣ XVII вѣка основанъ другой чугунно-литейный заводъ—Олонецкій, послужившій основаніемъ Петрозаводскому.

Приготовленіе ручного огнестрѣльнаго оружія находилось первоначально въ рукахъ частныхъ мастеровъ, работавшихъ въ Тулѣ, Устюжнѣ

и Каширѣ. Въ этихъ же городахъ приготовлялось и оружіе холодное. Первый казенный оружейный заводъ устроенъ въ 1648 г.; это была, такъ называемая, ствольная мельница на р. Яузѣ. Въ Москвѣ, кромѣ того, была казенная оружейная палата, и существовали мастера ствольнаго, ложнаго и замочнаго дѣла.

Однако всѣхъ перечисленныхъ средствъ для снабженія русскихъ войскъ оружіемъ было далеко не достаточно. Такъ тульскіе оружейники, даже въ концѣ XVII столѣтія, выдѣлывали ежегодно всего 2.000 пищалей. Недостатокъ оружія восполнялся доставкою изъ-за границы, въ весьма большомъ количествѣ, какъ, напримѣръ, въ 1631 г., когда стольникъ Племянниковъ и дьякъ Аристовъ, посланы были для покупки 10.000 мушкетовъ и 5.000 шпагъ.

Ввозъ изъ-за границы не ограничивался доставкою готоваго оружія. Несмотря на естественное богатство Россіи металлами, къ намъ привозили изъ западной Европы желѣзо и мѣдь, преимущественно черезъ Архангельскъ.

При всей недостаточности развитія отечественной техники, не удовлетворявшей потребностямъ государства, замѣчательны успѣхи, достигнутые нѣкоторыми одиночными оружейными и пушечными мастерами. Такъ, наприм., до настоящаго времени сохранился экземпляръ мѣднаго орудія—нарѣзного, заряжающагося съ казенной части, отлитый въ началѣ царствованія Михаила Ѳеодоровича; между тѣмъ въ западной Европѣ, образцы подобныхъ орудій встрѣчаются не ранѣе второй половины XVII столѣтія. Сохранились также экземпляры ручного оружія подобнаго устройства, а равно ружья съ приспособленіемъ для повторительной стрѣльбы, напоминающія по идеѣ нынѣшніе револьверы и магазинныя ружья. Разумѣется, всѣ эти усовершенствованія не имѣли вліянія на общее состояніе оружейнаго дѣла, и являются лишь единичными явленіями, но они указываютъ на изобрѣтательность и находчивость русскихъ мастеровъ, умѣвшихъ далеко опережать своихъ учителей-нѣмцевъ.

Остается еще упомянуть о порохѣ. До Петра Великаго въ Россіи не было казенныхъ пороховыхъ заводовъ и порохъ изготовлялся частными лицами, получавшими отъ казны, по особому уговору, нарядъ на извѣстное количество; почему лица эти и назывались пороховыми уговорщиками. Частные заводы могли изготовлять, ежегодно, отъ 3.000 до 8.000 пудовъ „зелья“. Недостающее количество его пополнялось привозомъ изъ-за границы.

Одежда русскихъ войскъ въ описываемую эпоху отличалась тѣмъ же разнообразіемъ, какъ и прежде, и состояла изъ тѣхъ же предметовъ *). Каждый выходилъ на войну въ томъ, въ чемъ ходилъ и дома,

*) См. рисунокъ съ № 1—52.

и потому одежда ратныхъ людей не отличалась отъ одѣянія частныхъ лицъ. Нѣкоторое исключеніе въ этомъ отношеніи составляли стрѣльцы и полки иноземнаго строя.

Стрѣльцы носили длинные суконные кафтаны съ отложными воротниками; кафтаны застегивались на груди шнурами. Обувь состояла изъ высокихъ сапоговъ, а головной уборъ въ мирное время—изъ мягкой шапки, въ военное же изъ желѣзной. Различные полки отличались цвѣтомъ воротниковъ, шапокъ и даже сапоговъ. Начальники носили большія кожаныя рукавицы и, какъ знакъ своего достоинства, трости или посоха.

Иноземные полки носили при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ платье западноевропейскаго покроя. Русскіе солдатскіе полки одѣвались подобно стрѣльцамъ. Позже, при Алексѣѣ Михайловичѣ, всѣ полки иноземнаго строя, безъ исключенія, стали носить прежнюю русскую одежду.

Каждый стрѣлецкій, драгунскій, рейтарскій и солдатскій полкъ, имѣлъ свое знамя полковое или полковничье и, сверхъ того, знамена сотенныя или братскія, по одному на каждую роту или сотню. Въ прочихъ войскахъ, каждый воевода имѣлъ свое знамя. Знамена жаловались обыкновенно государями, но иногда строились самими войсками или ихъ начальниками.

Кромѣ различныхъ священныхъ предметовъ, на знаменахъ изображали и другіе: двуглаваго орла, гербы княжествъ, солнце, луну, звѣзды, различныхъ животныхъ и птицъ и проч. Знамена часто украшались бахромой, шнурами съ кистями и т. п. и были иногда такъ велики и тяжелы, что носить ихъ было не подъ силу одному человѣку.

Особый видъ знаменъ составляли, такъ-называемые, прапоры, отличавшіеся тѣмъ, что полотно ихъ было не четыреугольное, какъ у другихъ, а скошенное, съ двухъ или трехъ сторонъ; люди носившіе ихъ получили названіе прапорщиковъ, сохранившееся и до послѣдняго времени, хотя уже въ другомъ значеніи.

Музыка, попрежнему, не отличалась стройностью; да за нею очевидно и не гнались. Главная цѣль была—произвести возможно громкій шумъ, и эта цѣль достигалась вполнѣ. Музыкальные инструменты были весьма разнообразны, какъ-то: трубы, бубны, сурны, сопели, набаты. Позже введены были: барабаны въ стрѣлецкихъ, солдатскихъ и драгунскихъ полкахъ, литавры въ рейтарскихъ и сиповки или флейты въ стрѣлецкихъ и солдатскихъ.

Въ походѣ, каждый воевода, имѣлъ обыкновенно у сѣдла небольшой бубенъ, носившій названіе тулумбаса, и служившій для поданія различныхъ сигналовъ: къ бою, приступу, замедленію или ускоренію движенія и т. п.

8. Управленіе войсками въ мирное и военное время.—Сборъ войскъ для войны.—Хозяйственная часть.—Награды за службу.—Мѣры карательныя.

Управленіе войсками въ мирное время сильно разнилось отъ управленія въ военное время. Съ окончаніемъ похода всѣ ратные люди обыкновенно расходились и разъѣзжались по своимъ домамъ и помѣстьямъ и, за исключеніемъ стрѣльцовъ и солдатъ, не несли никакой службы.

Дворяне и дѣти боярскія жили по своимъ помѣстьямъ или въ городахъ и обыкновенно занимали какія-нибудь должности, придворныя, или по гражданскому управленію. Они совершенно выходили изъ вѣдѣнія военнаго управленія и, наравнѣ съ прочими жителями, поступали въ вѣдомство областныхъ начальниковъ, которые однако вели имъ учетъ, на случай призыва на войну.

Такимъ же образомъ и казаки, новокрещены, мурзы и татарскіе князья, въ мирное время управлялись гражданскими начальниками, и состояли на учетѣ намѣстниковъ въ областяхъ.

Даточные люди, по окончаніи войны, возвращались въ прежнее состояніе, и теряли всякую связь съ военнымъ управленіемъ.

Стрѣльцы, хотя и возвращались также въ свои дома и занимались въ мирное время различными промыслами, но, тѣмъ не менѣе, считались на службѣ. Они обязаны были, по очереди, занимать караулы, несли отчасти различныя полицейскія и иныя служебныя обязанности; между прочимъ, они играли роль пожарной команды и, въ случаѣ пожара въ Москвѣ, должны были выѣзжать для тушенія его съ топорами, ведрами, трубами мѣдными водопускными, баграми и проч. Кромѣ того они обязаны были учиться ратному строю и стрѣльбѣ изъ пищалей и мушкетовъ.

Солдаты также считались на службѣ въ мирное время и учились ратному строю. Отличались они отъ стрѣльцовъ только меньшими правами и льготами; хотя съ теченіемъ времени ихъ въ этомъ отношеніи, мало-помалу, приравняли къ послѣднимъ.

Съ началомъ войны, всѣ разряды вооруженныхъ силъ государства, превращались изъ мирныхъ гражданъ въ воиновъ; прекращали свои обычныя гражданскія отношенія и поступали въ исключительное вѣдѣніе военныхъ начальниковъ. До возвращенія изъ похода всѣ лица, призванныя на службу, освобождались отъ всякихъ судебныхъ дѣлъ и тяжебъ; и только болѣе важные преступники, замѣшанные въ разбоѣ, татьбѣ и душегубствѣ, продолжали оставаться подъ судомъ и слѣдствіемъ.

Управленіе войсками, попрежнему, сосредоточивалось въ приказахъ: разрядномъ, стрѣлецкомъ и пушечномъ или пушкарскомъ. Съ

учрежденіемъ войскъ иноземнаго строя прибавился еще иноземный и рейтарскій приказъ.

Всѣ эти приказы играли роль главныхъ или центральныхъ управленій; въ зависимости отъ нихъ находились различныя мѣстныя управленія, а именно разряды: московскій, сѣверскій, владимірскій, новгородскій, казанскій, смоленскій, рязанскій, бѣлгородскій и тамбовскій.

Разрядный приказъ, или просто разрядъ, представлялъ собою главное правительственное учрежденіе по управленію вооруженными силами государства. Дѣятельность его была чрезвычайно обширна: въ немъ распредѣлялись награды и жалованье служилымъ людямъ, помѣстные оклады, повышеніе въ чины, назначеніе на службу и проч.

Далѣе, въ разрядѣ велись такъ-называемыя *разборныя книги*, заключавшія въ себѣ подробное исчисленіе служилыхъ людей; по этимъ книгамъ опредѣлялось, какіе именно люди, въ случаѣ надобности, должны явиться на службу и съ какимъ оружіемъ. Въ разрядѣ, же велись доставляемыя изъ городовъ описи военнымъ снарядамъ и доспѣхамъ; въ нихъ заключались свѣдѣнія о наличномъ количествѣ артилерійскаго имущества, пушекъ, ядеръ, пороха, а равно различнаго вида ручного оружія, какъ огнестрѣльнаго, такъ и холоднаго. Кромѣ того, въ разрядѣ хранились описи о состояніи городовъ, съ ихъ укрѣпленіями и гарнизонами.

Время отъ времени, по распоряженію приказа, посылались въ области такъ-называемые разборщики, для повѣрки наличнаго состоянія служилыхъ людей и для записыванія на службу *новиковъ*, т. е. недорослей, достигшихъ 18-лѣтняго возраста.

Передъ войною и по окончаніи ея, составлялись, такъ называемые, смотренные списки, въ которыхъ показывались имена и должности всѣхъ военно-служащихъ. Эти списки служили основаніемъ для назначенія на высшія должности. Наконецъ, по окончаніи же войны, составлялись списки по осмотру раненыхъ и плѣнныхъ.

Кромѣ того, на обязанности разряда лежали различныя распоряженія по приведенію вооруженныхъ силъ государства на военное положеніе, о которыхъ будетъ сказано ниже. Принявъ во вниманіе все сказанное, необходимо сознаться, что задачи, представлявшіяся нашему главному военному управленію, были весьма нелегки, особенно при чрезвычайной обширности территоріи государства, малонаселенности его, отсутствіи удобныхъ путей сообщенія и всеобщемъ стремленіи помѣщиковъ и иныхъ людей къ уклоненію отъ службы. Тѣмъ не менѣе, слѣдуетъ отдать справедливость тогдашнему разрядному приказу, что всѣ возлагавшіяся на него обязанности, исполнялись имъ успѣшно и, благодаря его распорядительности, Россія, въ случаѣ войны, могла всегда выставлять въ поле многочисленныя рати.

Значеніе и дѣятельность прочихъ, упомянутыхъ выше приказовъ, очевидны изъ самаго ихъ названія. Такъ стрѣлецкій приказъ вѣдалъ стрѣльцами; въ вѣдѣніи иноземнаго приказа находились всѣ войска иноземнаго строя, какъ составленныя изъ иностранныхъ наемниковъ, такъ и набранныя изъ русскихъ людей; пушкарскій приказъ вѣдалъ, какъ личный составъ наряда или артилеріи, такъ и матеріальную часть его; а также постройку крѣпостей.

Прежде чѣмъ перейти къ обзору управленія войсками въ военное время, разсмотримъ, какимъ образомъ наши вооруженныя силы приводились на военную ногу.

При началѣ войны съ кѣмъ-нибудь изъ сосѣдей, государь держалъ совѣтъ „съ патріархомъ, и съ митрополиты и со архіепископы и съ епископы и съ иными большихъ монастырей властями", причемъ „власти и бояре" рѣшали вмѣстѣ съ государемъ произвести „воинскимъ людемъ сборъ со всего государства". Въ царской думѣ рѣшался также вопросъ о томъ, какой численности имѣть полки, кого назначить главнымъ начальникомъ, гдѣ собрать войско, когда выступить въ походъ, и проч.

Всѣ распоряженія о сборѣ войска объявлялись во всеобщее свѣдѣніе черезъ разрядъ, который составлялъ по разборнымъ книгамъ списки ратнымъ людямъ, съ указаніемъ, кто какъ долженъ явиться: „люденъ, коненъ и оружепъ". Для предупрежденія ратныхъ людей, еще въ виду войны, высылался въ города и области царскій указъ, по которому служилые люди должны были—„строиться къ службѣ, запасы готовить и лошадей кормить". Съ началомъ же войны, посылались въ города особые сборщики со списками служилыхъ людей, которые должны были идти въ походъ. По прибытіи въ назначенный ему городъ, сборщикъ получалъ отъ намѣстника области нѣсколько человѣкъ стрѣльцовъ, разсыльщиковъ и пушкарей, которые высылались по уѣздамъ для сбора лицъ, призываемыхъ на службу. Позже, со временъ Алексѣя Михайловича, обязанности сборщиковъ иногда возлагались на городскихъ воеводъ или намѣстниковъ, которымъ присылалась царская грамота о сборѣ; и они уже посылали въ уѣздъ съ царскимъ указомъ стрѣльцовъ и пушкарей—„въ торговые дни бирючемъ кликать, чтобы всѣмъ служилымъ людемъ тотъ указъ былъ вѣдомъ".

Всѣ собранные люди направлялись на общій сборный пунктъ, гдѣ главный воевода дѣлалъ имъ смотры и повѣрялъ ихъ наличное состояніе по спискамъ, выданнымъ изъ разряда, а равно и представленнымъ сборщиками; кромѣ этихъ списковъ, сборщики представляли также свѣдѣнія о „нѣтяхъ", т.-е. о людяхъ, не явившихся по призыву. Главный воевода распредѣлялъ явившихся по статьямъ, кто въ которую годенъ; опредѣлялъ размѣръ жалованья и разбиралъ причины неявки лицъ,

оказавшихся въ нѣтяхъ. Затѣмъ онъ составлялъ особые списки *естямъ* и *нытямъ*, которые посылались въ разрядахъ.

Большое затрудненіе при сборѣ войска представляло упомянутое выше стремленіе служилыхъ людей уклоняться отъ явки на службу. Списокъ лицъ, оказавшихся въ нѣтяхъ, бывалъ иногда настолько великъ, что воеводы вынуждены были посылать жалобы въ разрядъ, который дѣлалъ новое распоряженіе о сборѣ неявившихся. При этомъ приходилось принимать мѣры довольно крутыя, и предписывалось сборщику тѣхъ, кто не исполнилъ царскаго указа и спрятался, когда будетъ отысканъ, бить батогами, сажать въ тюрьму и затѣмъ уже вести на службу. Интересна еще мѣра, принимавшаяся по отношенію къ помѣщикамъ, которыхъ не могли отыскать. Чтобы заставить ихъ явиться, сажали въ тюрьму ихъ крестьянъ и держали тамъ, пока не являлись сами помѣщики.

Изъ изложеннаго порядка сбора войскъ легко видѣть, какъ медленно должно было совершаться приведеніе на военное положеніе военныхъ силъ государства. Все сказанное, разумѣется, не касалось людей, считавшихся постоянно на службѣ, солдатъ и стрѣльцовъ; но такъ какъ число ихъ было сравнительно невелико, то для выступленія въ походъ, приходилось волей-неволей выжидать сбора прочихъ разрядовъ ратныхъ людей.

Всѣ войска, собранныя въ одной и той же области, составляли особую единицу, или разрядъ, или, по нынѣшнему, особый корпусъ войскъ со своимъ воеводою во главѣ. Впрочемъ, часто, каждая отдѣльная рать, дѣйствовавшая на томъ или другомъ театрѣ войны, получала также названіе разряда, по мѣсту дѣйствія. Такъ наприм. войска, осаждавшія Смоленскъ, носили названіе смоленскаго разряда; дѣйствовавшія въ Украйнѣ противъ крымцевъ составляли украинскій рязрядъ, и т. п.

Съ началомъ войны, на каждомъ театрѣ военныхъ дѣйствій, назначался общій главнокомандующій, или воевода большого полка *). Въ помощь ему придавали товарища, который имѣлъ подъ своимъ начальствомъ часть войска, но долженъ былъ дѣйствовать за-одно съ воеводою большого полка.

При главнокомандующемъ находилось два дьяка съ большой канцеляріей, игравшей роль полевого штаба. Приказы по войскамъ отдавались за подписью воеводъ и дьяковъ; и вообще всѣ дѣла по управленію войсками во время похода, велись за дьячьею приписью.

Воеводы большого полка пользовались весьма обширными правами. Хотя имъ и указывался общій планъ войны, но они имъ не стѣснялись: государь возлагалъ веденіе войны на воеводу и его товарища, причемъ

*) См. рис. № 53.

они могли дѣйствовать, соображаясь съ обстоятельствами,—„какъ Богъ вразумитъ“, но обязывались извѣщать государя о ходѣ военныхъ дѣйствій какъ можно чаще.

Передъ отправленіемъ къ войску главный воевода получалъ отъ государя наказъ, гдѣ указывалась цѣль войны, мѣсто общаго сбора войскъ, какъ сноситься съ непріятелемъ и поступать съ жителями занятыхъ областей; въ этомъ же наказѣ излагался упомянутый выше планъ войны.

По прибытіи къ войску, главный воевода повѣрялъ ратныхъ людей по спискамъ, и о найденномъ доносилъ государю, съ объясненіемъ, кто какъ явился—„люденъ, коненъ и оруженъ“.

Слѣдующимъ лицомъ послѣ главнаго воеводы считался начальникъ раздачи денежнаго жалованья, обязанности котораго очевидны изъ самаго названія. Онъ выбирался изъ бояръ, ему назначался товарищъ и дьякъ съ канцеляріей. Часто обязанности начальника раздачи денежнаго жалованья несли сами главнокомандующіе съ ихъ товарищами и дьяками; особое же лицо назначалось для этой цѣли во время большихъ и продолжительныхъ войнъ, когда главному воеводѣ и безъ того много было дѣла.

Третьимъ лицомъ считался начальникъ наряда или артилеріи, который всегда обязанъ былъ находиться при главнокомандующемъ; къ нему также придавался особый дьякъ.

Начальникъ наряда вѣдалъ какъ матеріальную часть артилеріи, которую принималъ, по описи, изъ пушкарскаго приказа, такъ и личный составъ ея: пушкарей, затинщиковъ, плотниковъ, а равно и даточныхъ изъ людей, придававшихся къ наряду.

Существовали еще особые начальники раздачи денежнаго жалованья войскамъ иноземнаго строя, и начальники раздачи денежнаго жалованья государеву полку.

Изъ собственно строевыхъ войсковыхъ начальниковъ, за главнымъ воеводою слѣдовали начальники отдѣльныхъ полковъ или ратей, которые также назывались воеводами. Назначались они обыкновенно по два, иногда по три на каждый полкъ, причемъ одинъ считался старшимъ, а другой—его товарищемъ; дьяковъ они не имѣли.

Начальники отдѣльныхъ ратей также получали отъ государя наказъ и пользовались такою же властью въ своихъ полкахъ, какъ главный воевода, отъ котораго они мало зависѣли, хотя обязаны были по его требованію идти въ походъ съ главнымъ войскомъ и дѣйствовать за одно съ главнокомандующимъ.

Число отдѣльныхъ ратей было различное въ различныхъ походахъ, причемъ каждая имѣла свой районъ дѣйствій: такъ, въ Польскую войну въ 1655 г., главное войско, при которомъ находился самъ государь,

дѣйствовало подъ Смоленскомъ; полкъ Трубецкого—подъ Мстиславлемъ; полкъ Шереметева—у Полоцка, Велижа и Витебска и т. д. Прежній обычай дѣлить всю армію на полки: большой, правой и лѣвой руки, передовой и сторожевой—былъ отмѣненъ, и продолжалъ практиковаться только воеводами отдѣльныхъ полковъ.

Ближайшими, или второстепенными начальниками, были: въ войскахъ русскаго строя,—головы и сотники, а у стрѣльцовъ, сверхъ того, пятидесятники и десятники; въ войскахъ иноземнаго строя—генералы, полковники, маіоры, ротмистры, капитаны, поручики и другіе чины. У стрѣльцовъ, головы и сотники замѣнены были впослѣдствіи полковниками, подполковниками и капитанами.

Въ числѣ начальствующихъ лицъ считались еще упомянутые выше сборщики, сдававшіе приведенныхъ ими изъ городовъ людей воеводѣ, и особые окладчики, выбиравшіеся отъ каждаго города изъ дворянъ лучшаго рода. На обязанности ихъ лежало распредѣленіе людей по статьямъ, въ зависимости отъ того, какъ кто былъ—коненъ, люденъ и оруженъ, и слѣдить, чтобы никто не отлучался со службы до окончанія похода.

У пушкарей, затинщиковъ и даточныхъ людей, были начальниками головы и сотники, непосредственно подчиненные начальнику наряда, и подъ ними пятидесятники и десятники.

Въ полкахъ, а равно при различныхъ начальникахъ и головахъ, состояли подьячіе, которые занимались письменнымъ дѣлопроизводствомъ въ походѣ, вели различныя книги, счеты, а равно развозили приказы воеводъ и прочихъ начальниковъ по войскамъ.

Сверхъ перечисленныхъ въ началѣ настоящей главы правительственныхъ учрежденій по управленію войсками, во время войнъ учреждались часто еще особыя комиссіи. Таковы были: комиссія для сбора ратныхъ даточныхъ людей, для сбора денегъ на жалованье ратнымъ людямъ, для сбора хлѣбныхъ и мясныхъ запасовъ.

Изъ приведеннаго выше краткаго перечня учрежденій для управленія войсками можно уже видѣть, насколько сложно было это управленіе. Въ приказахъ, особенно разрядномъ, постоянно велась обширная переписка, обнимавшая различныя стороны военнаго дѣла до мельчайшихъ подробностей; накоплялось множество различныхъ дѣлъ, описей, списковъ и проч. изъ различныхъ учрежденій, и столько же разсылалось во всѣ концы государства. Все это, разумѣется, дѣлало правительственную машину по управленію войсками чрезвычайно тяжелою и вело къ величайшей медленности въ дѣлопроизводствѣ.

Страшное зло въ командованіи войсками составляло, попрежнему, мѣстничество, или обычай воеводъ считаться мѣстами. Несмотря на то, что передъ выступленіемъ въ походъ часто, отъ имени государя, при-

казывалось воеводамъ *быть безъ мѣстъ*, зло не прекращалось. Примѣръ этому мы видѣли при изложеніи хода второй Польской войны въ царствованіе Алексѣя Михайловича, въ 1658 г., когда сотенные головы, кн. Барятинскій и двое Плещеевыхъ, отказались идти на помощь князю Долгорукому, разбившему гетмана Гонсѣвскаго, и лишили его возможности пожать, въ полной мѣрѣ, плоды одержанной побѣды.

Окончательно мѣстничество было уничтожено только при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, когда собрана была особая комиссія изъ выборныхъ людей, для обсужденія мѣръ, могущихъ поднять военное дѣло на Руси. Выборные люди, между прочимъ, признали необходимымъ положить конецъ обычаю воеводъ считаться мѣстами. Заключеніе комиссіи одобрено было созваннымъ государемъ соборомъ, и въ 1682 г. разрядныя книги и всѣ дѣла, заключавшія въ себѣ свѣдѣнія и справки о старшинствѣ и заслугахъ русскихъ служилыхъ людей и ихъ предковъ, были сожжены. Тѣхъ же, кто впредь сталъ бы пытаться возобновить споры о мѣстахъ, положено наказывать лишеніемъ званія и имущества.

Хозяйство войскъ. Содержаніе различныхъ видовъ конницы русскаго строя заключалось, главнымъ образомъ, въ раздачѣ помѣстій и вотчинъ. Кромѣ того выдавалось и денежное жалованье по различнымъ окладамъ. Изъ состава конницы иноземнаго строя, подобный способъ содержанія войскъ примѣнялся къ рейтарамъ, которые, въ этомъ отношеніи, приравнивались къ городовымъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ.

Стрѣльцы получали, попрежнему, денежное жалованье, размѣръ котораго былъ неодинаковъ въ различныхъ городахъ, и сверхъ того одежду, хлѣбъ, овесъ и другіе припасы, а также оружіе. Драгуны и солдаты получали денежное жалованье на одежду, въ размѣрѣ 3-хъ руб. въ годъ, и на поденный кормъ, отъ 7 до 8 денегъ въ день. Отъ казны имъ выдавалось также оружіе и драгунамъ лошади.

Въ походѣ всѣ люди, владѣвшіе помѣстьями, должны были продовольствоваться сами, для чего передъ выступленіемъ имъ объявлялся срокъ, на который каждый долженъ былъ готовить запасы для себя, своихъ людей и лошадей. Стрѣльцы, драгуны и солдаты продовольствовались на кормовыя деньги, выдававшіяся отъ казны. Брать что-либо у жителей самовольно и безплатно воспрещалось; обыватели, съ своей стороны, обязывались продавать кормъ ратнымъ людямъ, по объявленнымъ правительствомъ цѣнамъ.

Иногда правительство брало на себя обезпеченіе войска продовольствіемъ. Это случалось во время продолжительныхъ войнъ, въ особенности въ мало населенныхъ областяхъ, когда трудность добыванія продовольствія самими ратными людьми, вела къ грабежу и мародерству. Съ этою цѣлью, въ мѣстахъ ближайшихъ къ театру войны, собирали рожь, муку, сухари, толокно и крупу, которыя доставлялись къ войску,

на такъ-называемыхъ посошныхъ лошадяхъ, т.-е. собираемыхъ съ сохъ или мѣстнаго населенія. Кромѣ того, изъ Москвы, съ царскаго двора, посылались мясо, соль и вино.

Собранные запасы служили для снабженія стрѣльцовъ, солдатъ и драгунъ за деньги, а часто и даромъ. Въ случаѣ большого недостатка жизненныхъ припасовъ въ районѣ дѣйствія войскъ, изъ упомянутыхъ запасовъ снабжались и другіе роды ратныхъ людей.

Заблаговременно устроенныхъ магазиновъ и складовъ продовольственныхъ запасовъ не существовало; а потому не было возможности регулировать вполнѣ правильно порядокъ снабженія войскъ, и, несмотря на всѣ мѣры, принимавшіяся уже во время самаго похода, люди часто терпѣли голодъ и нужду, что въ свою очередь вело къ развитію болѣзненности, смертности, упадку духа, побѣгамъ и т. п.

Наградами за военныя отличія были для начальствующихъ лицъ: царское милостивое слово и спросъ о здоровьи, пожалованіе въ высшія званія, дарованіе помѣстій и вотчинъ; дорогіе подарки въ видѣ почетныхъ шубъ, кафтановъ, кубковъ и проч. Простые воины награждались деньгами, различными льготами и т. п.

Мѣры карательныя были весьма разнообразны и не отличались мягкостію, чего впрочемъ нельзя было и ожидать по духу времени. За менѣе важные проступки, виновные подвергались тюремному заключенію, наказанію батогами и проч. Самымъ тяжелымъ наказаніемъ была, разумѣется, смертная казнь. Тяжкимъ наказаніемъ, для высшихъ начальствующихъ лицъ, былъ царскій гнѣвъ, царское неудовольствіе, опала.

Въ войскахъ помѣстныхъ не существовало даже особой системы наказаній, такъ какъ судъ и расправу въ нихъ чинили сами помѣщики, державшіеся въ этомъ отношеніи отчасти установившихся обычаевъ, въ большинствѣ же случаевъ, поступавшіе по личному произволу.

Въ русскихъ полкахъ существовали особые судьи, выбираемые главными начальниками. Судьи завѣдывали съѣзжими избами, гдѣ чинились судъ и расправа надъ ратными людьми; въ распоряженіи судей находились подьячіе и походная канцелярія. Въ стрѣлецкихъ полкахъ, со времени учрежденія полковниковъ, эти послѣдніе расправлялись со ввѣренными имъ людьми сами.

Въ войскахъ нѣмецкаго или иноземнаго строя, судъ, во время похода, находился въ вѣдѣніи начальника раздачи жалованья людямъ нѣмецкаго строя и его дьяка. Подъ ихъ начальствомъ, въ этомъ судѣ засѣдали полковники нѣмецкихъ и русскихъ полковъ, которые судили и наказывали русскихъ по русскимъ законамъ, а нѣмцевъ—по нѣмецкимъ.

4. Подготовка, дисциплина и духъ войска. — Способъ веденія войны.—Походныя движенія, расположеніе на отдыхъ и образъ дѣйствія въ бою.—Военно-инженерное дѣло.—Оборона границъ.

Всѣ войска русскаго строя, имѣвшія помѣстное устройство, въ мирное время не получали никакой подготовки въ военномъ дѣлѣ и учились употреблять въ дѣло оружіе уже выйдя на войну. Неудивительно поэтому, что, какъ свидѣтельствуетъ Посошковъ,—„иной дворянинъ и зарядить пищали не умѣетъ, не только что выстрѣлить въ цѣль". Долгіе годы лежали ружье, сабля, бердышъ и проч. въ какомъ-нибудь дальнемъ углу или висѣли на стѣнѣ; портились, ржавѣли и только при выступленіи въ походъ извлекались на свѣтъ Божій. Въ виду такого порядка, и состояніе оружія, и умѣнье владѣть имъ заставляли желать многаго.—„У пѣхоты ружье было плохо,—говоритъ тотъ же писатель,—и владѣть имъ не умѣли; только боронились ручнымъ боемъ, копьями и бердышами, и то тупыми".

Стрѣльцы, въ мирное время, упражнялись въ стрѣльбѣ въ цѣль изъ пищалей и мушкетовъ, подъ руководствомъ своихъ ближайшихъ начальниковъ; существовала даже нѣкоторая повѣрка ихъ занятій, а именно—старшіе начальники должны были производить имъ смотры. Но, тѣмъ не менѣе, подготовка эта не имѣла серьезнаго значенія. Занятые попеченіями о своихъ семьяхъ, торговлею и промыслами разнаго рода, стрѣльцы не имѣли ни времени, ни желанія заниматься воинскими упражненіями; да къ тому же, въ мирное время, на нихъ лежали, какъ мы видѣли выше, различныя обязанности, не имѣвшія ничего общаго съ военнымъ дѣломъ.

Очевидно, что если одиночные воины не были обучены владѣть оружіемъ, то о правильныхъ и стройныхъ движеніяхъ и дѣйствіяхъ цѣлыхъ массъ не могло быть и рѣчи. Помѣстныя войска представляли въ бою не что иное какъ безпорядочную, нестройную толпу; не далеко отъ нихъ ушли и стрѣльцы. Если среди этихъ послѣднихъ и встрѣчались нѣкоторыя понятія о воинскомъ строѣ, то они не были плодомъ правильнаго обученія, а просто передавались отъ старыхъ, побывавшихъ въ походахъ, бойцовъ — новичкамъ, такъ сказать, домашнимъ, семейнымъ образомъ, по рутинѣ, и не имѣли никакого практическаго значенія.

Не многимъ лучше стояло дѣло мирной подготовки и въ войскахъ иноземнаго строя. Вызовъ иностранныхъ наемниковъ, какъ въ составѣ цѣлыхъ частей, такъ и въ качествѣ инструкторовъ для русскихъ ратныхъ людей, не принесъ ожидаемой пользы. Вызванные изъ-за границы учителя, по большей части, принадлежали къ авантюристамъ, искавшимъ прежде всего наживы въ Россіи и часто мало свѣдущимъ въ военномъ дѣлѣ. При этомъ они, разумѣется, плохо владѣли русскимъ языкомъ и

поэтому, даже при всемъ желаніи, не могли успѣшно обучать ввѣренныхъ имъ людей.

Для правильнаго обученія войскъ иноземнаго строя, отпечатанъ и изданъ былъ въ 1647 году воинскій Уставъ, подъ названіемъ—„ученье и хитрость ратнаго строя пѣхотныхъ людей". По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, это было не что иное какъ переводъ съ австрійскаго устава, изданнаго при Карлѣ V и уже устарѣвшаго для середины XVII вѣка.

Кромѣ собственно строевого устава, „ученье и хитрость ратнаго строя", заключало въ себѣ много различнаго рода тактическихъ свѣдѣній. Вообще же, оно оказало мало вліянія на обученіе русскихъ войскъ, чему, между прочимъ, много содѣйствовали запутанность его редакціи и чрезвычайная сложность излагаемыхъ построеній, такъ что между солдатами, прослужившими десять и двадцать лѣтъ, едва можно было найти двадцатаго человѣка, который могъ бы исполнять все требуемое Уставомъ.

Существовавшій въ описываемую эпоху порядокъ образованія вооруженныхъ силъ не могъ, разумѣется, не отозваться вредно на духѣ и дисциплинѣ войска. Въ особенности это касалось ратныхъ людей, имѣвшихъ помѣстное устройство. Русскій помѣщикъ, проживая долгіе годы въ своемъ имѣніи мирною, беззаботною жизнью, терялъ всякое желаніе отличаться на ратномъ поприщѣ. Такъ хорошо и уютно жилось ему въ родномъ уголку; трудъ крѣпостныхъ людей съ избыткомъ обезпечивалъ его существованіе, на каждомъ шагу его окружали услуги и попеченія многочисленной дворни!... И вдругъ, его требуютъ на войну, гдѣ предстоитъ переносить множество невѣданныхъ дотолѣ лишеній, и даже подвергать опасности здоровье и жизнь!

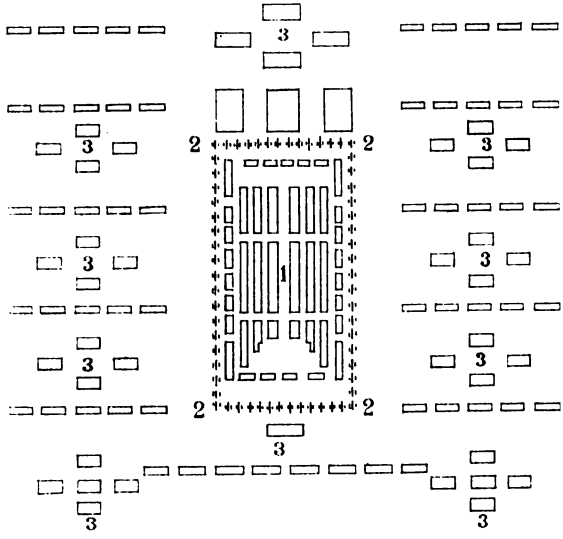
Въ виду такихъ условій, каждый крайне неохотно разставался съ насиженнымъ гнѣздомъ, а многіе вовсе не являлись на призывъ сборщиковъ. Передъ каждымъ почти походомъ получался списокъ „нѣтей", настолько внушительный, что прибывшій на сборный пунктъ воевода, не могъ выступить въ походъ. Приходилось принимать мѣры для вторичнаго вызова неявившихся, а между тѣмъ, терялось драгоцѣнное для военныхъ дѣйствій время.

Однако, наконецъ, какъ бы тамъ ни было, ратные люди собирались и выступали въ походъ. Но и тутъ многіе помышляли болѣе о спасеніи своихъ животовъ чѣмъ о побѣдѣ надъ врагомъ. Да иного и ожидать нельзя было отъ людей, взятыхъ прямо отъ земли, и не державшихъ до выступленія въ походъ ружья въ рукахъ. Слѣдуетъ только удивляться, какимъ образомъ эти ополченія, безъ всякаго воинскаго воспитанія и подготовки, могли оказывать часто необыновенно упорное сопротивленіе непріятелю, обороняясь за крѣпостными стѣнами или въ обозѣ; а такихъ примѣровъ, военная исторія этого времени представляетъ очень много. Очевидно элементы, входившіе въ составъ русскихъ военныхъ силъ, представляли

Планъ № 9.

ПОХОДНЫЙ ПОРЯДОКЪ

русскаго разряда (корпуса) въ Крымскихъ походахъ 1687—89 гг.



1) Пѣхота.
2) Обозы и пушки.
3) Конница.

изъ себя прекрасный матеріалъ для хорошаго войска, но матеріалъ совершенно сырой. Необходима была искусная, сильная рука, которая могла бы обработать его, и тогда изъ него должна была явиться великая сила, на удивленіе всему міру. И такъ дѣйствительно и случилось, когда Великій преобразователь, выведшій на новый путь теченіе всей жизни государства, коснулся и его войска.

Въ открытомъ же полѣ, русскія ополченія обыкновенно не выдерживали соперничества съ болѣе совершенно организованными войсками своихъ сосѣдей. По своему плохому умѣнью владѣть оружіемъ, и по совершенному неумѣнью маневрировать, они чувствовали себя въ такихъ случаяхъ крайне неловко, и стремились всегда укрыться въ обозы.

Большое зло въ походѣ составляли частые побѣги. Такъ, мы видѣли, что когда, во время осады Смоленска Шеинымъ, въ русскій станъ проникли слухи о нашествіи крымцевъ на Украйну, многіе помѣщики, бросивъ свои полки, уѣхали въ свои имѣнія и вотчины для защиты ихъ отъ врага.

Самыя строгія мѣры не могли искоренить этого зла. Уложеніе грозило, за первый побѣгъ, кнутомъ, за второй — кнутомъ и убавкою помѣстнаго и денежнаго окладовъ, за третій—кнутомъ и отнятіемъ помѣстья; за побѣгъ съ бою—кнутомъ нещаднымъ и отнятіемъ половины помѣстныхъ и денежныхъ окладовъ. Но ничто не помогало и побѣги продолжали понрежнему страшно ослаблять числительность русскихъ ратей.

Насколько велико было среди служилыхъ людей нежеланіе воевать, видно изъ того, что многіе молились только объ одномъ:—„дай Боже рану нажить легкую, чтобъ немного отъ нея поболѣть и отъ великаго государя получить за нее жалованье“; а иные желали еще меньшаго: „дай Богъ,—говорили,—великому государю служить, а саблю изъ ноженъ не вынимать“.

При началѣ войны, какъ уже сказано было выше, воеводы получали наказъ, въ которомъ излагалось все касавшееся веденія военныхъ операцій. Кромѣ собственно плана войны, въ немъ заключались часто инструкціи, касавшіяся полевой службы вообще. Для характеристики порядка отправленія этой службы приведемъ слова наказа, даннаго князю Пожарскому и Исленеву, посланнымъ для дѣйствія противъ шаекъ Лисовскаго, въ началѣ царствованія Михаила Ѳеодоровича:—„Разспроси про дорогу накрѣпко,—говоритъ наказъ, — послать напередъ себя дворянъ, велѣть имъ на станахъ, гдѣ имъ становиться, мѣсто разъѣздить и разсмотрѣть, чтобъ было крѣпко, да поставить надолобы; а какъ надолобы около становъ поставятъ и укрѣпятъ совсѣмъ накрѣпко, то воеводамъ идти на станъ съ великимъ береженьемъ, посылать подъѣзды и провѣдывать про литовскихъ людей, чтобы они безвѣстно не пришли и дурна какого не учинили“.

Въ походѣ войска обыкновенно двигались попрежнему: впереди легкая конница для развѣдыванія, за нею передовой полкъ, потомъ большой полкъ, или главныя силы, и наконецъ сторожевой полкъ.

Походныя движенія совершались крайне медленно, вслѣдствіе того, что войска, гдѣ только позволяла мѣстность, двигались сосредоточенно, въ боевомъ порядкѣ. Сосредоточенность эта необходима была для того, чтобы при встрѣчѣ съ непріятелемъ, можно было скорѣе „стать въ обозъ", т.-е. укрыть себя повозками, за которыми русскіе ратные люди чувствовали себя гораздо увѣреннѣе, чѣмъ въ открытомъ полѣ.

Другою причиною медленности походныхъ движеній были многочисленные обозы. Помѣстныя войска должны были везти, какъ извѣстно, при себѣ всѣ запасы, необходимые на все время похода. Люди богатые, разставаясь по неволѣ съ удобствами мирнаго времени, старались окружить себя всяческимъ комфортомъ, возможнымъ въ походѣ; и каждый изъ нихъ имѣлъ при себѣ значительное число повозокъ, прислуги и лошадей. Большого числа подводъ требовала также тогдашняя неуклюжая, тяжелая артилерія. Встрѣчались орудія, требовавшія болѣе десятка лошадей; у Шеина во время похода подъ Смоленскъ была, между прочимъ, пищаль, подъ названіемъ „Инрогъ", для возки которой необходимы были 74 подводы. У него же было различнаго артилерійскаго имущества свыше 22.000 пудовъ, не считая снарядовъ.

Вообще, по самому умѣренному разсчету, слѣдуетъ принимать, что число повозокъ, лошадей и прислуги при нихъ, по крайней мѣрѣ, равнялось числу людей, которые предназначались собственно для боя. При такомъ условіи, обозы должны были, разумѣется, въ страшной степени замедлять армію и связывать ее по рукамъ и ногамъ.

Какъ образчикъ походныхъ порядковъ того времени, можно привести порядокъ движенія войскъ князя Голицына въ 1-мъ и 2-мъ Крымскихъ походахъ.

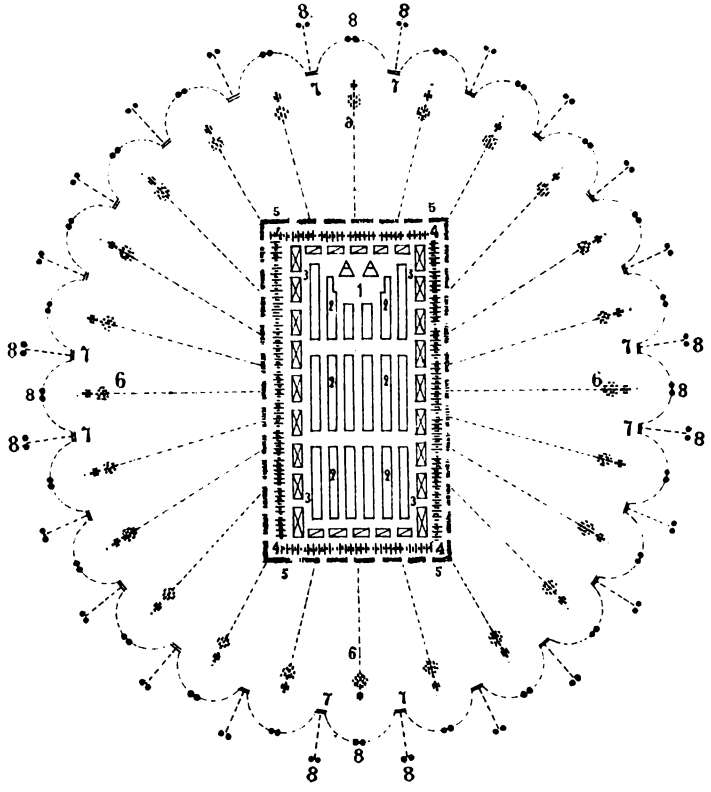
Въ 1-мъ походѣ, 1687 года, 100-тысячное войско двигалось такимъ образомъ: впереди шли 5 стрѣлецкихъ и 2 солдатскихъ полка Шепелева и Гордона; за ними главныя силы составляли одну общую колонну, въ видѣ прямоугольника, болѣе версты по фронту и 2 версты въ глубину. Спереди и съ фланговъ этого прямоугольника двигалась конница, отъ которой высылались впередъ и на фланги части для наблюденія за непріятелемъ. Самый прямоугольникъ образовался обозами, за которыми укрывалась пѣхота; рядомъ съ обозами, съ наружной стороны ихъ, шла артилерія.

Во 2-мъ походѣ, въ 1689 году, войско, силою въ 113.000 челов., раздѣлено было на большой полкъ и 4 разряда, по-нынѣшнему корпуса. Каждый разрядъ двигался особымъ прямоугольникомъ, имѣвшимъ видъ, изображенный на планѣ № 8 *).

*) См. планы №№ 9—10.

ЛАГЕРЬ Планъ № 10.

Генерала Гордона въ авангардѣ и арріергардѣ въ Крымскихъ походахъ 1687—89 гг.



1) Ставка генерала и походная церковь.
2) Пѣхота.
3) Конница.
4) Пушки.
5) Обозы.
6) Отряды конницы съ пушками.
7) Малые отряды конницы съ пушками, высылавшіеся изъ предыдущихъ.
8) Внѣшніе парные караулы.

Подобнымъ же образомъ войска располагались для отдыха. Съ цѣлью обезпеченія безопасности войскъ въ лагерѣ передового полка генерала Гордона въ Крымскихъ походахъ, изъ прямоугольника, составленнаго изъ обозовъ, высылались въ разныя стороны отряды конницы съ пушками, отъ которыхъ, въ свою очередь, выдвигались сторожевые караулы также съ пушками; сторожевые караулы выставляли еще далѣе впередъ парныхъ часовыхъ и высылали разъѣзды.

Сторожевое охраненіе войскъ страдало отсутствіемъ бдительности. Такъ, уже при Петрѣ Великомъ, но еще до преобразованія русскихъ военныхъ силъ, въ первомъ Азовскомъ походѣ 1695 года, турки, сдѣлавшіе 15-го іюля, въ полдень, вылазку, нашли и сторожевыхъ стрѣльцовъ и весь лагерь въ глубокомъ снѣ.

Качества русскихъ войскъ обусловливали ихъ образъ дѣйствій въ бою. При встрѣчѣ съ непріятелемъ, пѣхота спѣшила укрыться въ обозѣ, изъ котораго оборонялась съ большимъ успѣхомъ. Активная роль принадлежала конницѣ, которая выѣзжала впередъ и стремительно бросалась на непріятеля нестройною, густою толпой, „по казацкому обычаю“ (лавою). Въ случаѣ удачи, она преслѣдовала непріятеля; въ случаѣ же неудачи скрывалась за обозомъ, гдѣ старалась устроиться, чтобы повторить нападеніе. Иногда же случалось, что конница, послѣ первой неудачи, совершенно покидала поле сраженія, оставляя пѣхоту одну раздѣлываться съ врагомъ.

Пѣхота встрѣчала противника изъ обоза огнемъ ружейнымъ и пищальнымъ. Большую помощь оказывала ей въ этомъ случаѣ артилерія, какъ мы видѣли это, между прочимъ, во второмъ Крымскомъ походѣ. Расположеніе пѣхоты въ обозѣ часто усиливалось окопами и полевыми укрѣпленіями.

Встрѣчаются иногда случаи болѣе активнаго и дѣятельнаго участія пѣхоты въ бою. Въ упомянутомъ уже выше столкновеніи князя Долгорукаго съ Гонсѣвскимъ въ 1658 году, когда передовыя русскія войска были опрокинуты непріятелемъ, введенные воеводою въ бой два стрѣлецкихъ полка, рѣшаютъ дѣло въ пользу русскихъ. Вообще же, наши войска, какъ уже упоминалось выше, не отличаясь стойкостью въ открытомъ полѣ, предпочитали оборонительный образъ дѣйствій, подъ прикрытіемъ укрѣпленныхъ городовъ, окоповъ, обоза и т. п., наступательному.

Искусство укрѣпленія городовъ не сдѣлало замѣтнаго успѣха въ описываемую эпоху. Укрѣпленія, попрежнему, раздѣлялись на земляныя и деревянныя и строились тѣмъ же способомъ. При атакѣ и оборонѣ крѣпостей, все большую роль начинаютъ играть артилерія и подкопы.

Общій ходъ атаки заключался въ слѣдующемъ. Прежде всего старались окружить осаждаемый городъ, со всѣхъ сторонъ, и отрѣзать

осажденнымъ всѣ пути подвоза, чтобы заставить ихъ сдаться голодомъ. Линія обложенія состояла, въ большинствѣ случаевъ, изъ укрѣпленныхъ становъ, между которыми располагали небольшіе *городки* или форты. Всѣ эти укрѣпленія строились изъ земли и дерева, причемъ имъ часто давали весьма сильную профиль, какъ напримѣръ въ станѣ Прозоровскаго подъ Смоленскомъ въ 1632 году, когда, по свидѣтельству поляковъ, валы и рвы, возведенные осаждающими, не уступали по высотѣ и глубинѣ валамъ и рвамъ самого Смоленска. Для связи между отдѣльными укрѣпленіями располагались небольшіе пѣшіе и конные отряды.

Для разрушенія стѣнъ, башенъ и дѣйствія по внутренности крѣпостей, возводились осадныя батареи. Устраивались онѣ изъ большихъ туровъ, засыпаемыхъ землею. Работу эту производили обыкновенно ночью, и съ разсвѣтомъ уже открывали по крѣпости сильный огонь изъ пушекъ, а также изъ ружей, мушкетовъ и пищалей. Огонь продолжался часто по нѣскольку дней и ночей сряду, почти безпрерывно.

Иногда, для приближенія къ крѣпостнымъ веркамъ, вели подступы или траншеи. Подойдя на болѣе близкое разстояніе, вели подъ стѣны и башни подземные ходы и подкопы.

Когда въ стѣнахъ сдѣланы были удободоступные проломы, для окончательнаго овладѣнія городомъ, шли на приступъ. Но вообще, наши войска неохотно прибѣгали къ этому способу дѣйствій. Обыкновенно же, старались принудить осаждаемыхъ къ сдачѣ голодомъ или бомбардированіемъ. Этимъ объясняется продолжительность всѣхъ осадъ, веденныхъ русскими войсками въ XVII столѣтіи, и частыя неудачи въ предпріятіяхъ этого рода. Пока осаждающіе терпѣливо выжидали, что у осажденныхъ выйдутъ всѣ запасы и голодъ заставитъ ихъ сдаться, къ послѣднимъ подходила выручка, какъ это было въ 1633 году подъ Смоленскомъ; или же у самихъ осаждающихъ истощались боевые и съѣстные припасы; наступали осень и зима, отъ холода и голода развивались болѣзненность и смертность, увеличивалось въ страшной мѣрѣ число побѣговъ—и, волей-неволей, приходилось снимать осаду, потративъ даромъ время, людей и средства.

Съ гораздо большимъ успѣхомъ русскіе дѣйствовали при оборонѣ своихъ городовъ. Не только ратные люди, но и мирные жители, съ замѣчательнымъ упорствомъ, мужествомъ и стойкостью защищали городскія стѣны, башни и ворота. Не ограничиваясь отбитіемъ непріятельскихъ приступовъ, они производили частыя и смѣлыя вылазки, причемъ забирали у осаждающихъ плѣнныхъ и пушки.

Для усиленія постоянныхъ оборонительныхъ сооруженій, во время осады, внутри городской стѣны, возводили деревянныя стѣны, башни, копали рвы и проч. Для противодѣйствія подступамъ, иногда выводили изъ крѣпости свои встрѣчные подступы; противъ подкоповъ вели свои

противуподкопы и проч. Примѣромъ такой упорной, успѣшной обороны, можетъ служить описанная уже выше защита Пскова, противъ войскъ Густава-Адольфа, въ 1615 году.

Большія заботы прилагало правительство для обезпеченія границъ государства отъ непріятельскаго нашествія. Съ этою цѣлью, еще въ большихъ чѣмъ прежде размѣрахъ, укрѣплялись пограничные города; между ними строились острожки, устраивались засѣки и непрерывныя полевыя укрѣпленія, такъ что каждый городъ представлялъ собою центръ большаго числа, различнаго рода, фортификаціонныхъ сооруженій.

Въ теченіе Смутнаго времени, всѣ эти сооруженія были заброшены, и оборонявшія ихъ войска стянуты для защиты столицы. Но съ воцареніемъ Михаила Ѳеодоровича и возстановленіемъ порядка и спокойствія внутри государства, снова обращено большое вниманіе на оборону границъ, прежнія укрѣпленія исправлены, многіе города укрѣплены вновь, для защиты ихъ назначены гарнизоны.

Кромѣ этихъ гарнизоновъ, существовали еще особые подвижные отряды войскъ, изъ которыхъ главный расположенъ былъ въ Тулѣ. Отряды эти играли роль резерва для поддержки передовыхъ войскъ; они должны были являться повсюду, гдѣ угрожала серьезная опасность со стороны непріятеля.

Въ 1623 г., какъ уже сказано, былъ объявленъ новый Уставъ для сторожевой и станичной службы. Въ силу этого Устава, всѣ станичники раздѣлялись на двѣ очереди, изъ которыхъ одна несла службу, отъ 15 марта до 1 августа, а другая—съ 1 августа по 15 ноября. Было уже сказано подробно о сторожевой службѣ по Уставу 1623 года, и потому здѣсь только замѣтимъ, что Уставъ этотъ получилъ теперь бо́льшую силу въ его примѣненіи.

Кромѣ этого, такъ-сказать подвижного, охраненія, съ 15-го же марта начинали службу и постоянные караулы или сторо́жи. Сторожа́ должны были день и ночь бдительно и осторо́жно стоять на караулахъ, а также дѣлать частые разъѣзды между сторо́жами. Воеводамъ вмѣнялось въ обязанность, возможно чаще посылать дозорщиковъ, для провѣрки исправности и бдительности сторожей.

Въ вѣдѣній городскихъ воеводъ, кромѣ самого города, находился такимъ образомъ еще извѣстный участокъ общей пограничной оборонительной линіи. Слѣдя за исправностью станичниковъ и сторожей, они должны были, въ случаѣ какихъ-либо упущеній съ ихъ стороны, наказывать ихъ, смотря по винѣ. По отношенію къ самому городу, воево́да обязанъ былъ наблюдать за исправностью городскихъ укрѣпленій; въ случаѣ тревожныхъ извѣстій „собирать въ осаду“ уѣздныхъ жителей, показывать въ особыхъ спискахъ, кто какимъ боемъ будетъ сражаться,

какую часть города будетъ защищать и подъ чьимъ начальствомъ, чтобы каждый, въ случаѣ нападенія непріятеля, зналъ свое мѣсто.

Съ теченіемъ времени, система сооруженій для защиты границъ продолжала развиваться, и оборонительныя линіи выдвигались все далѣе и далѣе на югъ и востокъ. Въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михайловича, построены были крѣпости—Тамбовъ и Пенза и возведена длинная линія укрѣпленій, начинавшаяся у г. Мензелинска, на берегу р. Камы, и тянувшаяся черезъ Симбирскъ, Пензу, Тамбовъ, Усмань, Острогожскъ, Валуйки и Константиноградъ, до лѣваго берега Днѣпра.

Линія эта состояла, въ открытыхъ мѣстахъ, изъ вала со рвомъ и деревянными башнями, въ мѣстахъ же лѣсистыхъ устраивались засѣки.

Всѣми этими мѣрами достигнуто было то, что опасные сосѣди наши, крымскіе татары и ногайцы, не могли уже производить большихъ вторженій въ предѣлы Русскаго государства и довольствовались лишь небольшими набѣгами на Украйну. Подъ защитою укрѣпленій, увеличивалось въ южныхъ степяхъ число русскихъ поселенцевъ, подававшихся, шагъ за шагомъ, ближе къ морю. Стѣсняемые отовсюду, хищные кочевники постепенно теряли подъ собою почву, пока, наконецъ, уже въ слѣдующемъ столѣтіи, не были окончательно покорены силою русскаго оружія.

Изъ приведеннаго очерка наиболѣе выдающихся военныхъ событій XVII вѣка, равно какъ и состоянія въ это время вооруженныхъ силъ Россіи вообще, можно придти къ заключенію, что войска наши, какъ по способу образованія ихъ, такъ и по управленію ими, подготовкѣ, вооруженію и проч., не соотвѣтствовали своему назначенію, и не могли съ успѣхомъ бороться съ западными сосѣдями государства. Обстоятельство это не ускользнуло отъ вниманія правительства, принимавшаго мѣры для обученія своихъ ратныхъ людей иноземнымъ порядкамъ. Но мѣры эти были недостаточны. Необходимы были болѣе существенныя преобразованія, которыя измѣнили бы положеніе военнаго дѣла у насъ, въ самомъ его основаніи.

Главною помѣхой для учрежденія хорошей арміи была помѣстная система устройства нашихъ военныхъ силъ,—система, въ свое время принесшая нашему отечеству громадную пользу, но уже отживавшая свой вѣкъ. Большая часть ратныхъ людей становились воинами только съ началомъ похода; оставаясь до этого времени мирными гражданами и земледѣльцами. При такихъ обстоятельствахъ, разумѣется, не могло быть и рѣчи о сколько-нибудь сносномъ обученіи и подготовкѣ ихъ; а равно о развитіи среди нихъ воинскаго духа и дисциплины, этихъ основныхъ условій существованія всякаго благоустроеннаго войска, безъ которыхъ немыслимъ никакой успѣхъ на войнѣ. Необходимо было со-

здать, прежде всего, *постоянную регулярную армію*. Но для этого приходилось измѣнить, въ корнѣ, весь вѣками сложившійся порядокъ, не только въ войскѣ, но и во всей государственной и общественной жизни русскаго народа, т.-е. рѣшить такую задачу, которая была подъ силу только Великому Петру, геніальному преобразователю Россіи. Эти великія преобразованія и начались, со вступленіемъ на престолъ Петра I, какъ единодержавнаго самодержца Россіи, съ 1689 года.

В. М—въ.

УКАЗАТЕЛЬ

сочиненій, служившихъ источниками при составленіи I тома.

1. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ — *Сергѣя Соловьева.*
2. Исторія Государства Россійскаго — *Карамзина.*
3. Русская исторія — *Бестужева-Рюмина.*
4. Русская военная исторія — князя *Голицына.*
5. Русскій историческій сборникъ, издаваемый обществомъ исторіи и древностей Россійскихъ — подъ редакціей *Погодина.*
6. Описаніе войнъ вел. князя Святослава Игоревича — *А. Черткова.*
7. Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи о Русской исторіи — *М. Погодина.*
8. Исторія русской жизни — *Забѣлина.*
9. Военный бытъ въ Великомъ Новгородѣ — *Никитскаго.*
10. Русская Исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей — *Костомарова.*
11. Повѣствованія о Россіи — *Арцыбашева.*
12. Полное собраніе сочиненій — *Гильфердинга.*
13. Общество и государство въ до-Монгольскій періодъ русской исторіи — *Хлѣбникова.*
14. Варяго-русская и варяго-англійская дружина въ Константинополѣ XI и XII вѣковъ — *Васильевскаго.*
15. Историческое описаніе одежды и вооруженія русскихъ войскъ — *Висковатова.*
16. Исторія Россіи — *Иловайскаго.*
17. Князь Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ — *Бестужева-Рюмина.*
18. Каспій, или о походахъ русскихъ въ Табаристанъ — академика *Дорна.*
19. Русско-византійскіе отрывки — *Васильевскаго.*
20. Извлеченіе изъ лѣтописи Яхъя Антіохійскаго. Докторская диссертація барона *Розена.*
21. Древнѣйшій періодъ исторіи славянъ — *Гильфердинга.*
22. Историческія монографіи — *Костомарова.*
23. Путешествіе къ татарамъ — *Плано-Карпина.*
24. О военномъ искусствѣ монголовъ — *Иванина.*
25. Исторія первыхъ четырехъ хановъ изъ дома Чингисова — *Іакинфа.*
26. Первое нашествіе монголовъ на Россію — *Березина.*
27. Нашествіе Батыя — *Березина.*
28. Записки о Монголіи — *Васильева.*
29. Исторія монголовъ — *Іакинфа.*
30. Изслѣдованіе о первомъ нашествіи монголовъ — *Куника.*
31. Изъ исторіи военнаго искусства въ Россіи — *Масловскаго.*
32. Сказанія о Мамаевомъ побоищѣ — *Назарова.*
33. Нѣчто о вліяніи монголовъ на Россію — *Рихтеръ.*
34. Монографія о ханахъ улуса Джучіева — *Френа.*
35. Исторія монголовъ Хандемора — переводъ *Григорьева.*

36. Сборникъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи Золотой орды—*Тизенгаузена.*
37. Царственная книга, изданія 1769 года.
38. Сказанія князя Курбскаго—*Н. Устрялова.*
39. Исторія военнаго искусства въ Россіи отъ начала Руси до царствованія государя Алексѣя Михайловича. См. „Военный Журналъ“ 1856 года, №№ I и III.
40. Оборона Пскова 1581—1582 гг.—*М. Богдановича.* См. „Военный Журналъ“ 1854 года, № 5.
41. Покореніе Сибири—*Павла Небольсина.*
42. О Русскомъ государствѣ—*Флетчера.*
43. Записки о Московіи барона Герберштейна—переводъ *И. Анонимова.*
44. Исторія Смутнаго времени въ Россіи въ началѣ XVII вѣка—*Д. Бутурлина.*
45. Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ—*Н. Устрялова.*
46. Рукопись Жолкѣвскаго, изданная *Павломъ Мухановымъ.*
47. Мининъ и Пожарскій, прямые и кривые въ Смутное время—*И. Забѣлина.*
48. О русскомъ войскѣ въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича и послѣ него, до преобразованій, сдѣланныхъ Петромъ Великимъ—*И. Бѣляева.*
49. О сторожевой, станичной и полевой службѣ на Польской украинѣ Московскаго государства до царя Алексѣя Михайловича—*его же.*
50. Артилерія и артилеристы въ до-Петровской Руси—*М. Д. Хмырова.* „Артилерійскій Журналъ“ 1865 г., № 9.
51. Историческій каталогъ С.-Петербургскаго артилерійскаго музея, часть I—*Н. Е. Бранденбурга.*
52. Матеріалы для исторіи инженернаго искусства въ Россіи—*Ѳ. Ласковскаго.*
53. Обзоръ рукописныхъ и печатныхъ памятниковъ, относящихся до исторіи военнаго искусства въ Россіи по 1725 годъ—л.-г. Измайловскаго полка поручика *Обручева.*
54. Уставъ ратныхъ, пушечныхъ и другихъ дѣлъ, касающихся до воинской науки, состоящій въ 663 указахъ, или статьяхъ, въ государствованіе царей и великихъ князей Василія Іоанновича Шуйскаго и Михаила Ѳеодоровича, всея Русіи самодержцевъ, въ 1607 и 1621 годѣхъ выбранъ изъ иностранныхъ военныхъ книгъ Онисимомъ Михайловымъ. Часть I.
55. Акты Археографической экспедиціи, томъ I (къ III выпуску).
56. Древняя Россійская Вивліоѳика, части XIII и XIV (тоже).
57. Русская исторія—*Устрялова.*
58. О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича—*Котошихина.*
59. Очеркъ историческаго развитія вооруженныхъ силъ Россіи до 1708 года—*Гудима-Левковича.*
60. Очерки состоянія военнаго дѣла на Руси въ половинѣ семнадцатаго вѣка—*Бранденбурга.*
61. Артилерійское искусство на Руси въ періодъ до-Петровскій—*Бранденбурга.*

Рис. 1.

Рис. 2.

Рис. 3.

Рис. 4.

Рис. 5.

Рис. 6.

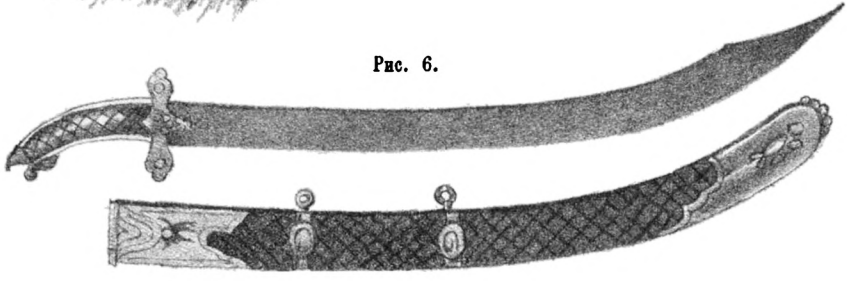


Рис. 7.

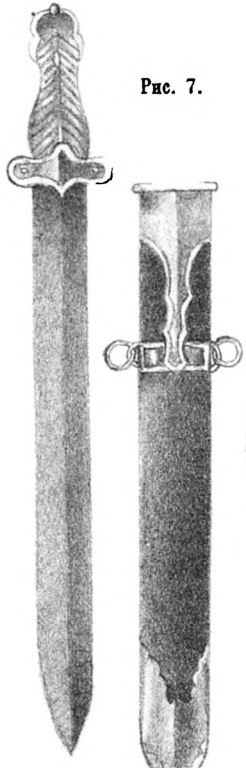


Рис. 9.

Рис. 10.

Рис. 11.

Рис. 12.

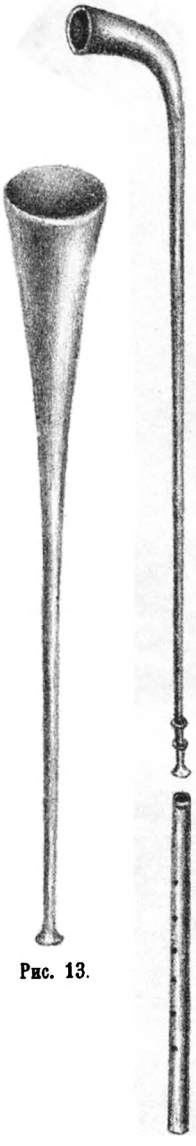


Рис. 13.

Рис. 8.

Рис. 14.

Рис. 15.

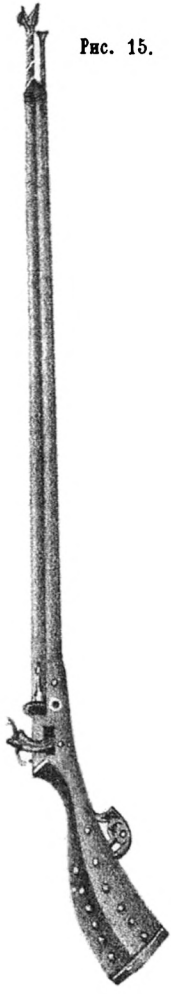


Рис. 16.

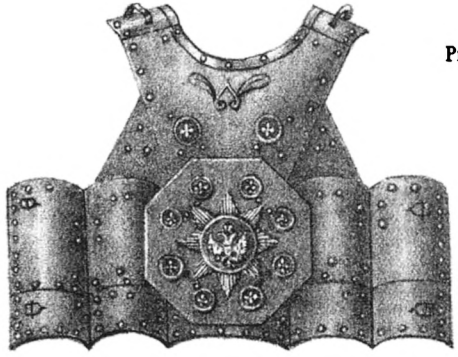


Рис. 22.

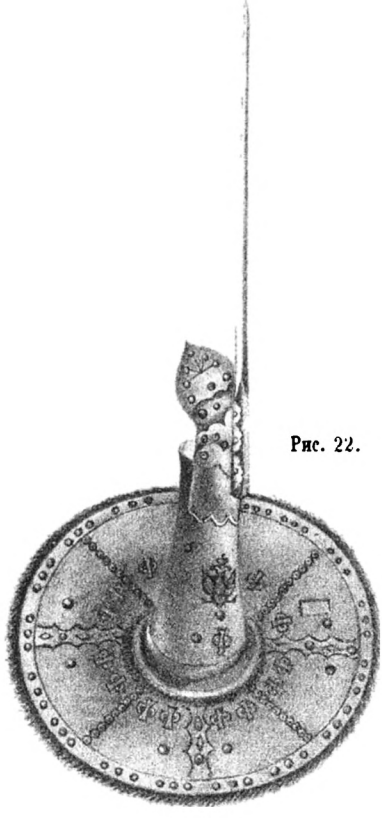


Рис. 17.

Рис. 18.

Рис. 27.

Рис. 26.

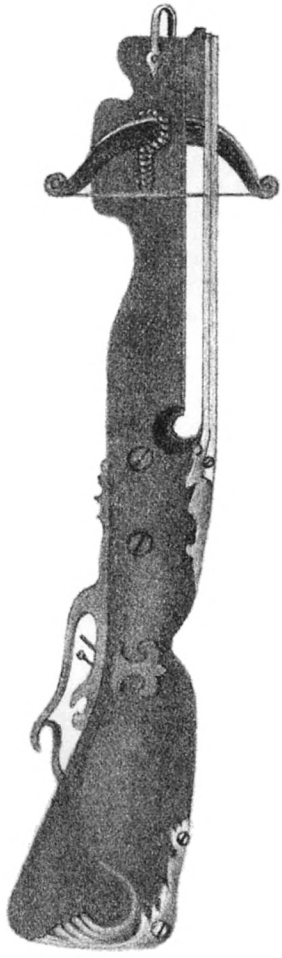


Рис. 20.

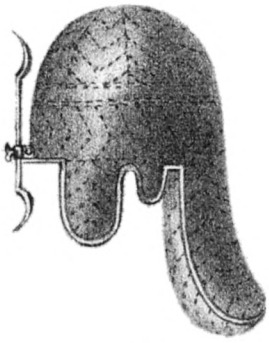


Рис. 28.

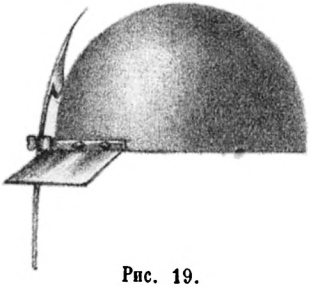


Рис. 19.

Рис. 35.

Рис. 36.

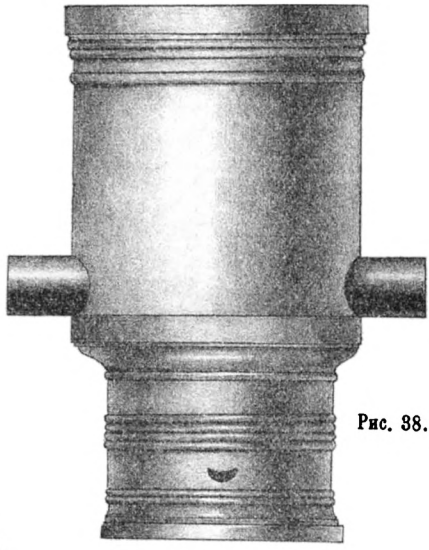


Рис. 38.

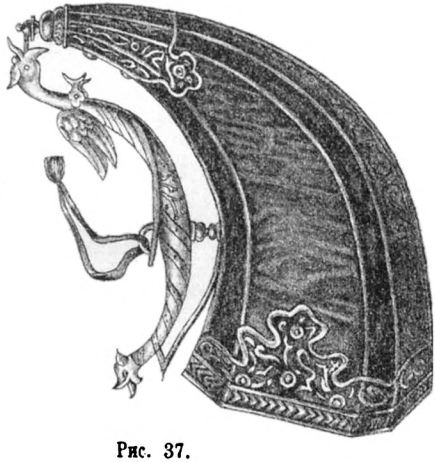


Рис. 37.

Рис. 33.

Рис. 34.

Рис. 29.

Рис. 23.

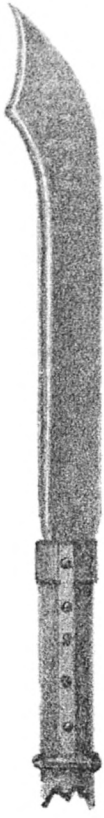


Рис. 24.

Рис. 25.

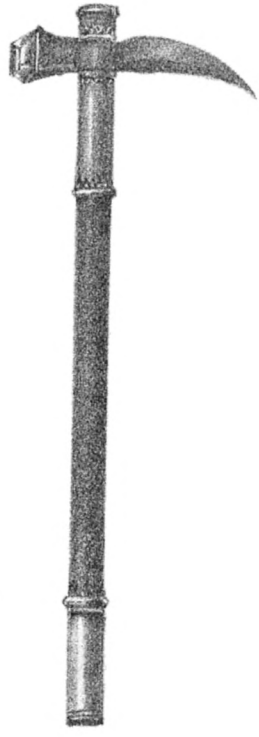
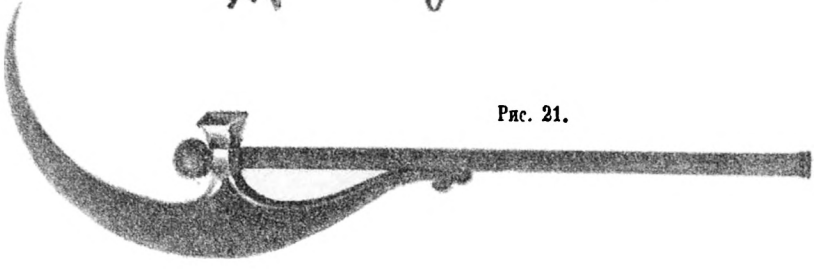
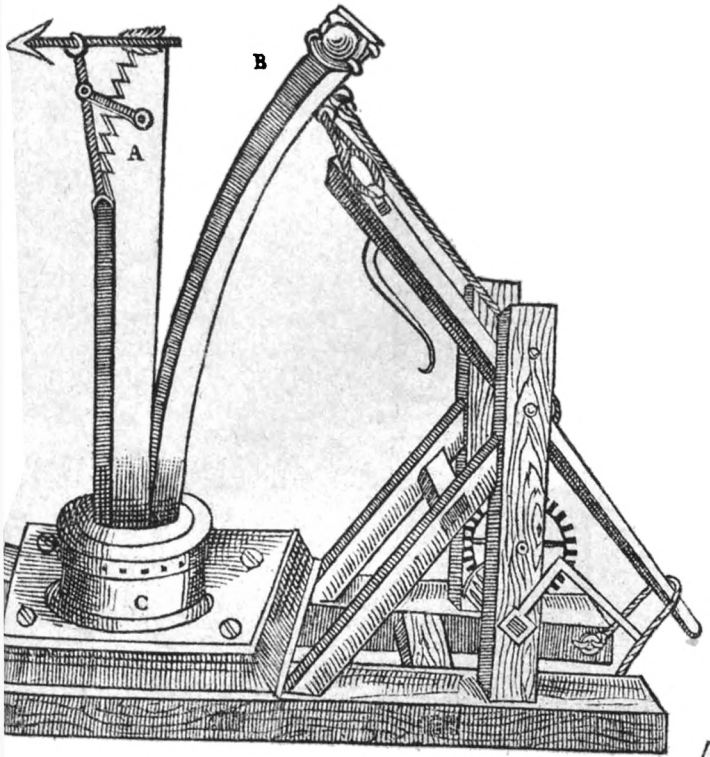


Рис. 21.



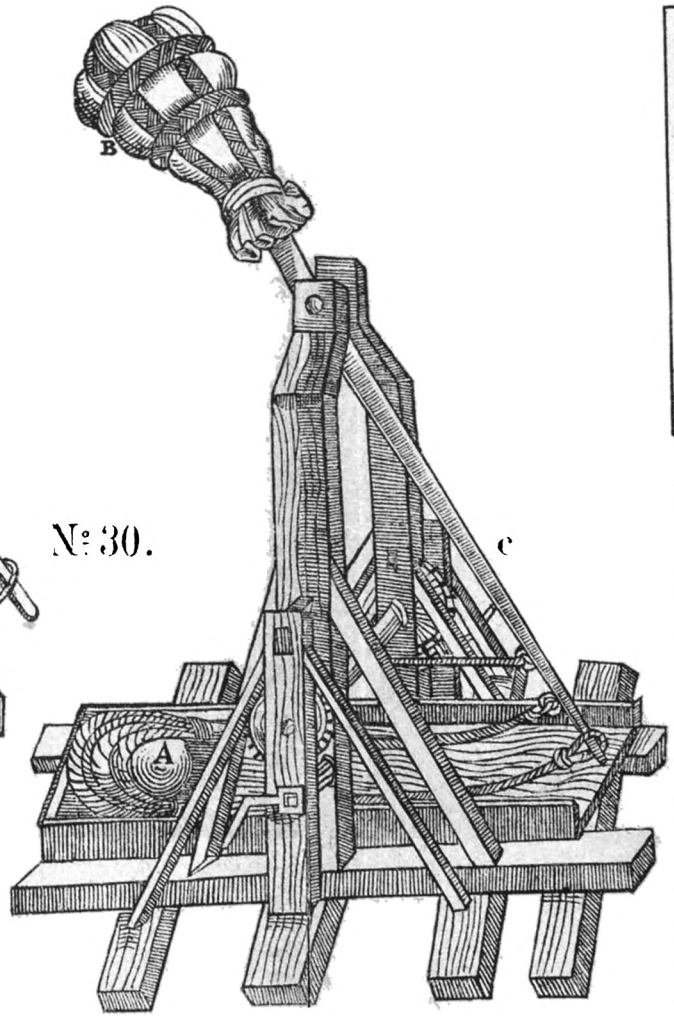
Стѣнобитныя орудія XV го в. ст.

Катапульта.



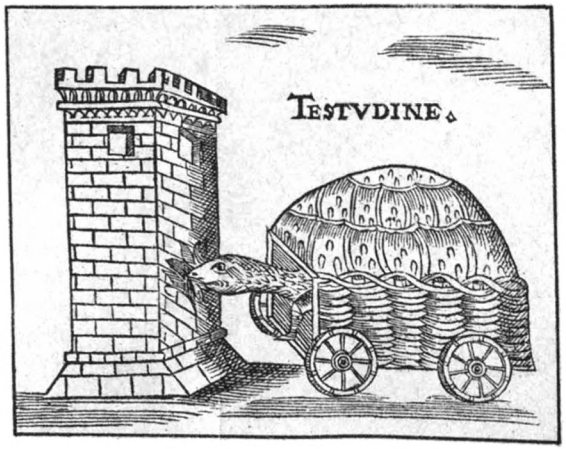
DARDI DI FVOCO
ARTIFICIALE.

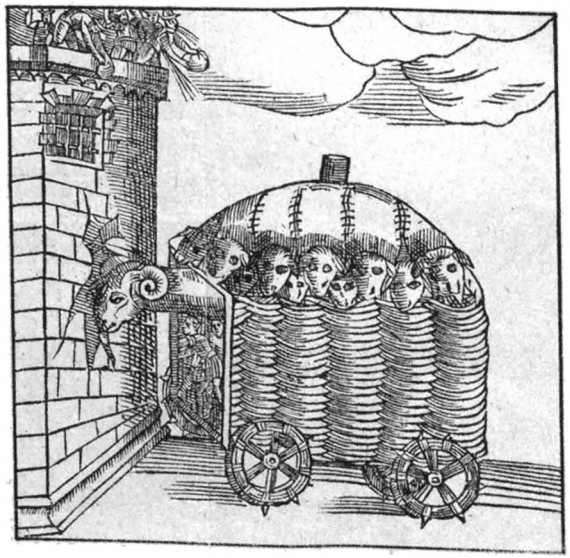
Балиста.



№ 30.

Черепаха.

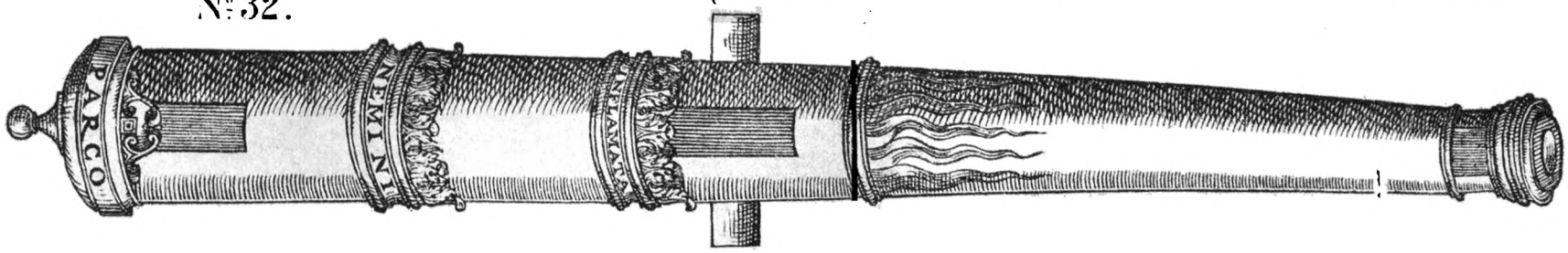




№ 31.

Литая пушка XV го и XVI го ст.

№ 32.



Баранъ.

Рис. 41.

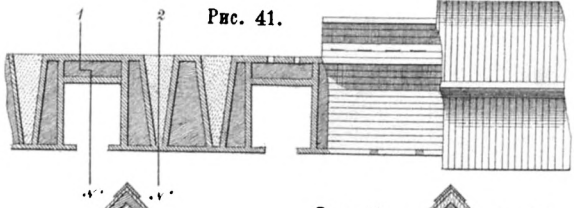


Рис. 43.

Рис. 42.

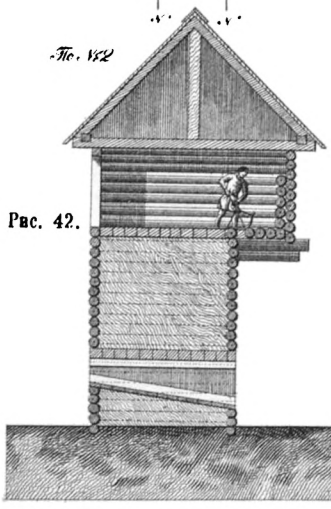
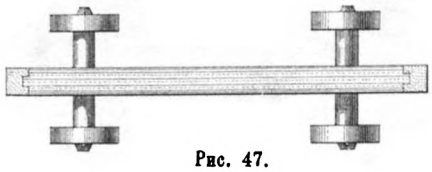


Рис. 47.



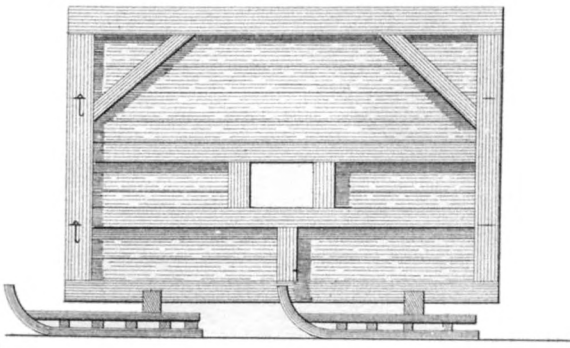
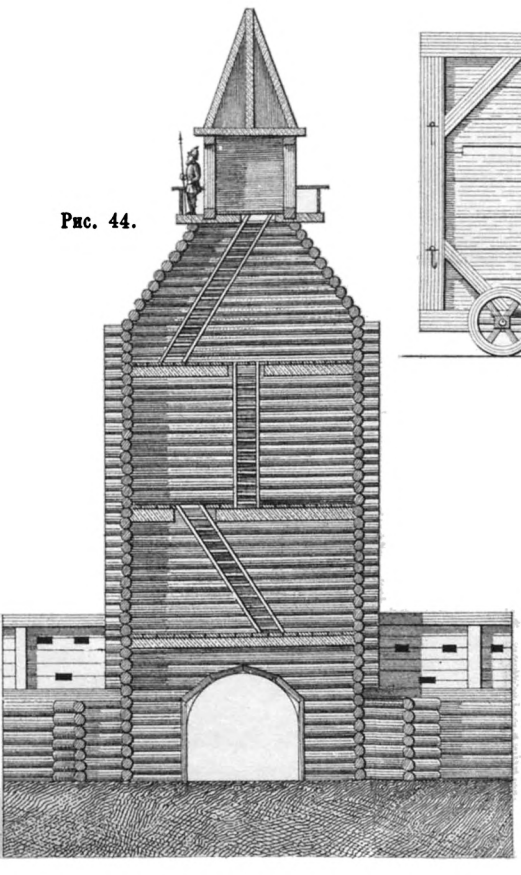


Рис. 44.



Пропажая башня г. Красноярска.

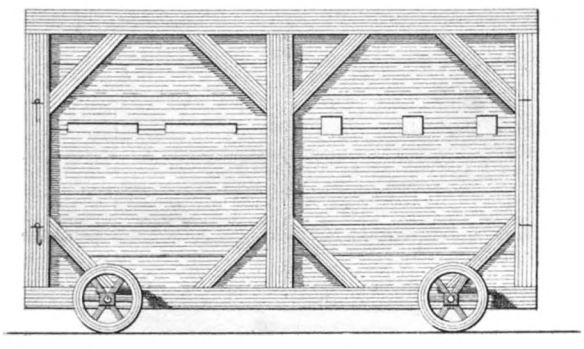


Рис. 46.

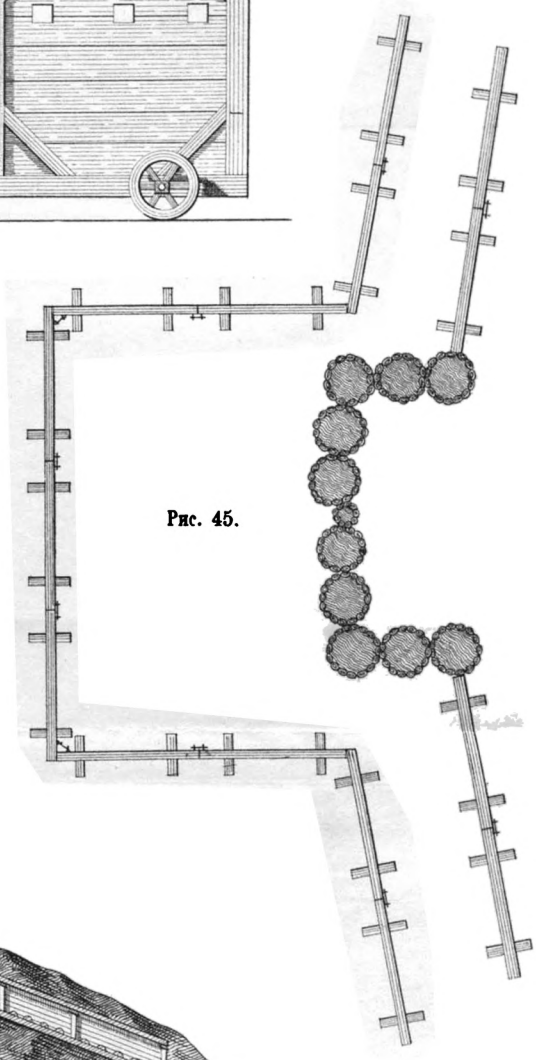


Рис. 45.

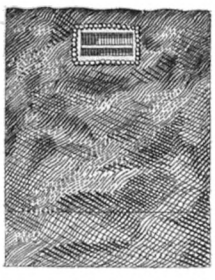


Рис. 40.

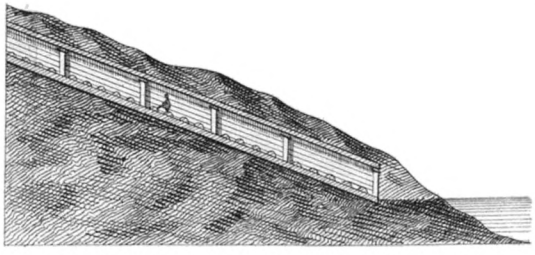


Рис. 39.

Рис. 48.

Рис. 49.

Рис. 50.

Рис. 51.

Рис. 52.

Рис. 53.

Карта № 1.

..... Границы страны, занятой Славянами въ половинѣ IX вѣка.

------ Границы Руси при Ярославѣ I-мъ въ половинѣ XI вѣка.

№ 2.
КАРТА
къ
ОПИСАНІЮ ДѢЙСТВІЙ РУССКИХЪ ВОЙСКЪ
съ 862 по 1878 гг
Масштабъ
80 верстъ въ дюймѣ
С.ПЕТЕРБУРГЪ
МОСКВА
НОВГОРОДЪ
ПСКОВЪ
РИГА
МИТАВА
ВОЛОГДА
КОСТРОМА
ЯРОСЛАВЛЬ
ТВЕРЬ
НИЖНІЙ НОВГОРОДЪ
ВЛАДИМІРЪ
КАЗАНЬ
СИМБИРСКЪ
САМАРА
ПЕНЗА
ТАМБОВЪ
САРАТОВЪ
ВОРОНЕЖЪ
КУРСКЪ
ОРЕЛЪ
КАЛУГА
ТУЛА
РЯЗАНЬ
ВИТЕБСКЪ
СМОЛЕНСКЪ
МОГИЛЕВЪ
ЧЕРНИГОВЪ
КІЕВЪ
ЖИТОМИРЪ
ЛЬВОВЪ
КАМЕНЕЦЪ ПОДОЛЬСКЪ
ЯССЫ
КИШИНЕВЪ
ХЕРСОНЪ
ПОЛТАВА
ХАРЬКОВЪ
ЕКАТЕРИНОСЛАВЪ
НОВО-ЧЕРКАСКЪ
АСТРАХАНЬ
СИМФЕРОПОЛЬ
ЕКАТЕРИНОДАРЪ
СТАВРОПОЛЬ
ВЛАДИКАВКАЗЪ
ТЕМИРЪ-ХАНЪ-ШУРА
КУТАИСЪ
ТИФЛИСЪ
ЕЛИСАВЕТПОЛЬ
ТРЕБИЗОНТЪ
БУКАРЕСТЪ
ПРАВОДЫ
АДРІАНОПОЛЬ
КОНСТАНТИНОПОЛЬ
БРУССА
Азовское Море
Черное Море
СТЕПЬ КИРГИЗОВЪ ВНУТРЕННЕЙ БУКЕЕВСКОЙ ОРДЫ